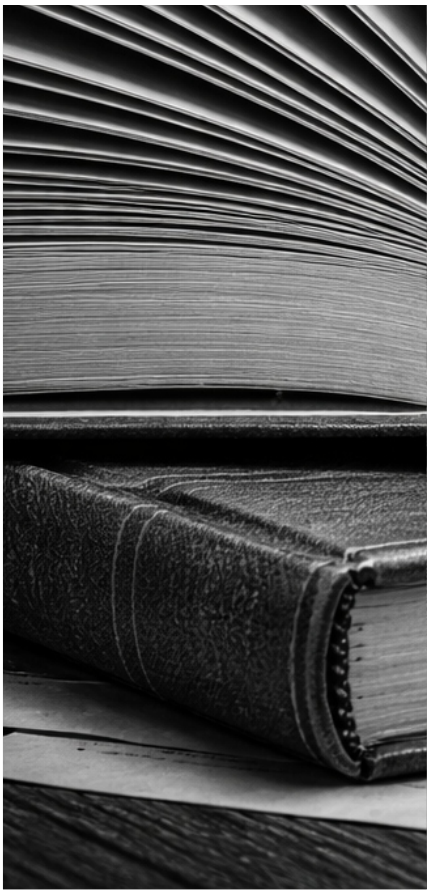
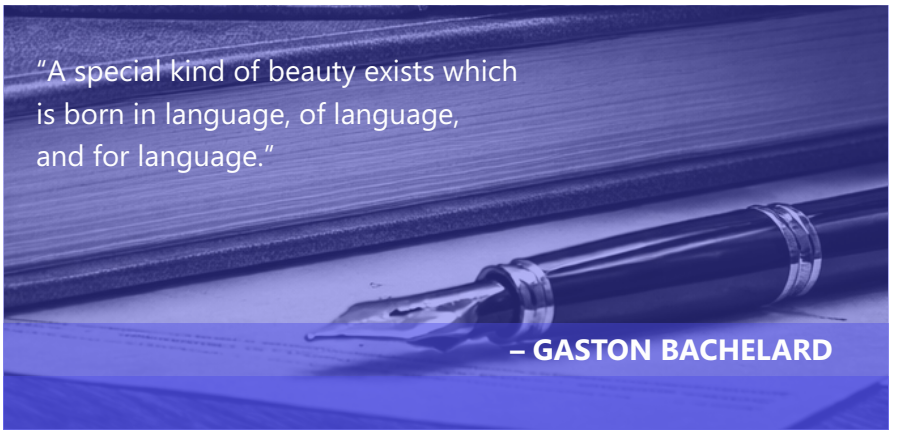
VOLUME 2, FEBRUARY 2026
ISSN: 3060-4958

The Lingua Spectrum

UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY

MORE INFO:

www.lingvospektr.uz

t.me/thelinguaspectrum

The Lingua Spectrum Journal

Volume 2

(2026 yil fevral)

TOSHKENT-2026

Ma’sul muharrir:
Raxmonov Azizxon Bositxonovich – p.f.d., professor O‘zDJTU Rus filologiyasi fakulteti dekani

To‘plovchi va nashrga tayyorlovchi:
Satibaldiyev Erkinjon Kamilovich – O‘zDJTU Ingliz tilini o‘qitish metodikasi №3 kafedrasi katta o‘qituvchisi

LINGUISTICS

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

LINGVISTIKA 5
ЛИНГВИСТИКА 277

On the Categories of Institutional Discourse in Linguistics

Khazifakhan Islamjanova[1]
xislamjanova1949@gmail.com
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of Languages-2,
Oriental University

Tamilla Dilshod qizi Annazarova[2]
abdutami18@gmail.com
Lecturer, Department of Languages–2,
Oriental University, Independent Researcher,
Higher School of Turkology,
Tashkent State University of Oriental Studies

Annotation *This article provides a systematic analysis of the concept of institutional discourse in modern linguistics, describing its theoretical foundations, essential features, and the categories that determine its structure and functioning. The study reviews leading scholarly views, conceptual approaches, and methodological principles, and summarizes previous research through comparative, descriptive, and analytical methods. Particular attention is paid to the influence of social status, institutional roles, and communicative intentions of participants, which shape discourse strategies, tactics, and patterns of interaction. The paper emphasizes the significance of extra-linguistic factors, including social, cultural, psychological, and pragmatic aspects, in the production and interpretation of institutional communication. It demonstrates how linguistic units operate together with contextual conditions to form stable genres and recurring communicative models. The results clarify the structural and functional characteristics of institutional discourse, develop a typology of its genres and types, and provide theoretical generalizations and practical recommendations. The research offers an interdisciplinary framework that can serve as a reliable basis for further linguistic and discourse studies.*

Keywords *Discourse, institutional discourse, pragmatics, communicative situation, social role, speech activity*

Tilshunoslikda institutsional diskurs kategoriyalari masalasi xususida

Islamdjanova Xazifaxan
xislamjanova1949@gmail.com
Tillar-2 kafedrasi filologiya fanlari doktori, professor
Oriental universiteti

Annazarova Tamilla Dilshod qizi
abdutami18@gmail.com
Tillar-2 kafedrasi o'qituvchisi,
Oriental universiteti
Turkshunoslik oliy maktabi mustaqil izlanuvchisi,
Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti

[1] Islamjanova Kh. — ORCID: 0009-0008-9873-3611
[2] Annazarova T.D. — ORCID: 0009-0005-1517-5027

Annotatsiya *Ushbu maqolada zamonaviy tilshunoslikda institutsional diskurs tushunchasi, uning nazariy asoslari, mazmun-mohiyati va funksional xususiyatlari keng qamrovda tahlil qilinadi. Tadqiqotda mazkur hodisaning shakllanishi, rivojlanishi hamda jamiyatdagi kommunikativ jarayonlar bilan uzviy bog'liqligi ilmiy manbalar asosida asoslab beriladi. Olimlarning ilmiy qarashlari, konseptual yondashuvlari, metodologik tamoyillari va mavjud tadqiqotlar holati qiyosiy hamda tavsifiy metodlar orqali yoritiladi. Nutq ishtirokchilarining ijtimoiy maqomi, roli, niyati, maqsadi, strategiya va taktikalar diskursning tuzilishi hamda ishlash mexanizmini belgilashi ko'rsatib o'tiladi. Shuningdek, lingvistik birliklar bilan birga ekstralingvistik omillar, ya'ni ijtimoiy, madaniy, psixologik va pragmatik shart-sharoitlarning o'zaro ta'siri muhim ahamiyat kasb etishi ta'kidlanadi. Olingan natijalar diskursning tarkibiy-funksional belgilarini aniqlashga, janr va turlarini tasniflashga, ularni kompleks hamda interdisiplinar yondashuv asosida tavsiflashga xizmat qiladi. Mazkur ish kelgusidagi ilmiy izlanishlar uchun mustahkam nazariy-metodologik poydevor yaratib, amaliy tavsiyalar ishlab chiqishga imkon beradi. Natijalar ilmiy hamjamiyat uchun dolzarb nazariy xulosalar berib, tilshunoslikda diskurs tadqiqotlarini chuqurlashtirishga va amaliy tajribani boyitishga samarali yordam beradi.*

Kalit so'zlar *Diskurs, institutsional diskurs, pragmatika, kommunikativ vaziyat, ijtimoiy rol, nutq faoliyati*

К вопросу о категориях институционального дискурса в языкознании

Исламджанова Хазифахан
xislamjanova1949@gmail.com
Доктор филологических наук, профессор,
Кафедры языков-2,
Университета Oriental

Анназарова Тамилла Дилшод кизи
abdutami18@gmail.com
Преподаватель Кафедры языков-2,
Университет Oriental,
Свободный соискатель Высшей школы Тюркологии,
Ташкентсий государственный университети востоковедения

Аннотация *В статье представлен комплексный системный анализ понятия институционального дискурса в современной лингвистике его теоретических оснований содержания и сущности основных аспектов. Рассматриваются научные взгляды отечественных и зарубежных исследователей концептуальные подходы методологические принципы и актуальное состояние исследований в данной области сегодня подробно. Работа основывается на сравнительном описательном и аналитическом методах что обеспечивает объективность выводов и надежность интерпретаций полученных результатов исследования в целом. Доказано,*

что формирование и функционирование дискурса связано с социальным статусом ролями участников и их коммуникативными намерениями целями стратегиями тактиками взаимодействия. Особое внимание уделяется роли экстралингвистических факторов социальных культурных психологических и прагматических условий, влияющих на производство смысла в институтах коммуникации повседневной. Показано, что языковые единицы функционируют во взаимодействии с контекстом формируя устойчивые жанры модели и форматы общения внутри различных институциональных пространств. Полученные результаты уточняют структурно функциональные характеристики дискурса предлагают типологию его жанров и описывают коммуникативные стратегии тактики средства реализации целей участников. Исследование формирует междисциплинарную теоретико методологическую базу и создает практические рекомендации для дальнейших прикладных и академических исследований в будущем развитии науки.

Ключевые слова *Дискурс, институциональный дискурс, прагматика, коммуникативная ситуация, социальная роль, речевая деятельность*

Kirish

XX asrning ikkinchi yarmidan boshlab til hodisasini faqat struktur-semantik tizim sifatida emas, balki real kommunikativ faoliyat doirasida o‘rganishga qaratilgan yondashuvlar shakllandi. Ushbu jarayon natijasida diskurs tushunchasi zamonaviy lingvistik tadqiqotlarning markaziy kategoriyalaridan biriga aylandi.

Ma’lumki diskurs – (fransuzcha discours – “nutq”) – ekstralingvistik omillar, ya’ni pragmatik, ijtimoiymadaniy, psixologik va boshqa omillar bilan birgalikda olingan yaxlit matn; hodisaviy (voqeaviy) jihatdan ko‘rib chiqiladigan matn; maqsadga yo‘naltirilgan ijtimoiy harakat sifatida talqin etiladigan nutq bo‘lib, u insonlar o‘rtasidagi o‘zaro ta’sir jarayonida hamda ularning ong mexanizmlarida (kognitiv jarayonlarda) ishtirok etuvchi tarkibiy qismdir. Boshqacha qilib aytganda diskurs – bu “hayotga singdirilgan” nutqdir. Shu sababli “diskurs” atamasi “matn” atamasidan farqli ravishda, qadimgi va boshqa shunday matnlarga nisbatan qo‘llanilmaydi, chunki ularning jonli hayot bilan bo‘lgan bevosita aloqasini to‘g‘ridan-to‘g‘ri tiklab bo‘lmaydi (Ярцева, 1990).

Diskursning o‘rganilish tarixini ikki davrga ajratish mumkin. XX asrning o‘rtalari va ikkinchi yarmida tadqiqotchilar tomonidan diskurs nutqiy faoliyat, pragmatik vaziyat va kommunikativ maqsadlar bilan uzviy bog‘liq hodisa sifatida talqin qilingan. Diskursning pragmatik tabiati o‘rganilib, til faqat tizim emas, balki subyekt tomonidan muayyan vaziyatda amalga oshiriladigan faoliyat sifatida ham qaralgan.

Diskursni o‘rganishning ikkinchi davrida nutq va diskursning o‘zaro mutanosibligi, uning turlari, klassifikatsiyasi, hususiyati tadqiq qilingan. Matnning diskursiv tahlil jarayonini ishlab chiqilishi ham mazkur davrning ko‘zga tashlangan natijalaridandir. Shu bilan birga diskursni modellashtirish masalasi ham bu davrda amalga oshirildi.

Diskurs tahlilining ilk ilmiy asoslari Zellig Harris nomi bilan bog‘liq bo‘lib, u 1952-yilda e’lon qilingan “Discourse analysis” maqolasida diskursni gapdan yuqori birlik sifatida tahlil qilish zarurligini ta’kidlaydi (Harris, 1952). Harris

uchun diskurs, avvalo, lingvistik birliklarning ketma-ketligi bo'lsa-da, uning ishlari keyingi tadqiqotlar uchun metodologik zamin yaratdi. Uning "Discourse analysis" nomli ishi mazkur masala tadqiqining fundamental asosi deb aytish mumkin.

Diskursni turli nuqtai nazarlardan tadqiq etilgan tushuncha deb aytsak, uning funksional va kommunikativ hususiyatini o'rganishda E.Benvenistning ishlari ahamiyat kasb etadi. U "Umumiy lingvistika" asarida nutqni shaxs, zamon va makon bilan bog'liq jarayon sifatida izohlaydi. Benvenistga ko'ra, til faqat tizim emas, balki subyekt tomonidan muayyan vaziyatda amalga oshiriladigan faoliyatdir, bu esa diskursning pragmatik tabiatini asoslaydi.

Diskurs tushunchasining shakllanishi va rivojlanishida N.D. Arutyunovaning ilmiy merosi alohida o'rin egallaydi. U diskursni faqat struktur yoki matn doirasida emas, balki nutqiy faoliyat, pragmatik vaziyat va kommunikativ maqsadlar bilan uzviy bog'liq hodisa sifatida talqin qilgan olimlardan biridir (Арутюнова, 1990).

N.D. Arutyunova diskurs tushunchasini tilshunoslikka funksional-pragmatik paradigma doirasida olib kirib, uni real nutq amaliyotini tahlil qilishning asosiy kategoriyasiga aylantirdi.

N.D. Arutyunovaning eng ko'p iqtibos qilinadigan ta'rifiga ko'ra: *"Diskurs – bu "hayotga singdirilgan nutq" (речь, погружённая в жизнь)"*. Ushbu ta'rif diskursning asosiy xususiyatini – uning kontekstga bog'liqligi va ijtimoiy-pragmatik tabiatini aniq ifodalaydi. Olim diskursni matndan farqlaydi: matn – til tizimining yakuniy, statik mahsuli; diskurs – nutqning dinamik, jarayonli, kommunikativ vaziyatga bog'liq shakli. Bu farqlash diskursni o'rganishda ekstralingvistik omillarni – nutq ishtirokchilari, ularning niyati, ijtimoiy rollari, kommunikativ sharoitni hisobga olish zaruratini asoslaydi.

Arutyunova diskursni pragmatik kategoriyalar bilan uzviy bog'liq holda tahlil qilib, diskursni ma'lum kommunikativ maqsadga yo'naltirilgan; adresant va adresat o'rtasidagi o'zaro munosabatlarni ifodalaydigan; nutqning kognitiv mazmunini, ya'ni bilim, tasavvur va baholashlarni aks ettiruvchi tushunchadir deb ta'kidlaydi. Shu sababli Arutyunova diskursni semantik-pragmatik birlik sifatida ko'radi. Arutyunova diskurs tushunchasini tilshunoslikda matndan tashqariga olib chiqib, uni real kommunikativ faoliyat, pragmatik vaziyat va ijtimoiy kontekst bilan uzviy bog'liq hodisa sifatida talqin qildi.

Mazkur g'oyalarning mantiqiy davomini V.I. Karasikning tadqiqotlarida ko'rishimiz mumkin. U diskursni ijtimoiy-madaniy va pragmatik hodisa sifatida talqin qilib, diskurs tushunchasiga oid ilmiy qarashlar lingvopragmatika va kommunikativ lingvistika doirasida shakllangan deb ta'kidlaydi. Muallif bu tushunchani ko'p qatlamli va murakkab fenomen sifatida talqin qiladi. Uning fikricha diskurs oddiy matndan farqli ravishda real nutq faoliyatining voqelanishi demakdir. Diskurs – bu nutqning kontekstda amalga oshgan shakli, u subyekt, adresat va vaziyat bilan bog'liq kommunikativ hodisadir. Unga ko'ra, matn – bu diskursning natijasi, diskurs esa jarayonning o'zi, ya'ni tilning harakatdagi holatidir (Карасик, 2006). Diskursda shaxs markaziy o'rinda turadi. Muallif diskursni shaxs bilan bog'liq hodisa deb biladi. Har bir nutq, uningcha, so'zlovchining ijtimoiy roli, dunyoqarashi, maqsadi va qadriyatlarini aks ettiradi. Shuning uchun diskursni tahlil qilishda subyektivlik (ya'ni so'zlovchining nuqtayi nazari) muhim o'rin tutadi. Uning konsepsiyasi diskursni faqat matn yoki nutq ketma-ketligi sifatida emas, balki kommunikativ xulq-atvorning murakkab modeli sifatida o'rganishga asoslanadi. V.I. Karasik diskursni insonning kommunikativ faoliyati shakli deb hisoblaydi. Unga ko'ra, diskurs muayyan ijtimoiy vaziyatda yuzaga keladi; nutq ishtirokchilarining ijtimoiy rollari va maqomi bilan belgilanadi; kommunikativ maqsadlarni amalga oshirishga yo'naltirilgan bo'ladi. Shu bois diskursni o'rganmasdan turib, real kommunikativ jarayonni to'laqonli tahlil qilish imkonsizdir. Rasmiy, ya'ni institutsional diskurs ham shu jumladandir.

Mazkur maqolada institutsional diskurs borasidagi g'oyalar rivoji tahlilga tortiladi.

V.I. Karasik diskursni tahlil qilishda ko'p yo'nalishli yondashuvni qo'llab ularni 4 asosiy jihatdan tahlil qilgan: lingvopragmatik (maqsad, niyat, strategiyalar); sotsiolingvistik (ijtimoiy rollar, kontekst); kognitiv (dunyo manzarasi, bilim strukturasi); madaniyatshunoslik (milliy va madaniy qadriyatlar).

Tadqiqotchi tipologik jihatdan diskursning ikki asosiy turini ajratadi: *shaxsiy (personal) diskurs* – individning shaxsiy tajribasi va hissiyotlariga asoslangan muloqot; *institutsional diskurs* – jamiyat institutlari (davlat, ta'lim, sud, diplomatiya va boshqalar) doirasida amalga oshiriladigan rasmiy muloqot deb ta'kidlaydi (Карасик, 2000). Institutsional diskurs strukturasi shaxsiy diskursdan farqli ravishda ijtimoiy institut tomonidan belgilangan me'yorlar asosida shakllanadi. Bu turdagi diskursda ishtirokchilar shaxs sifatida emas, balki ijtimoiy rollar va maqomlar orqali namoyon bo'ladi. Masalan, ta'lim, diplomatiya, tibbiyot yoki davlat boshqaruvi diskursida kommunikatsiya qat'iy reglamentlangan bo'lib, nutqiy xatti-harakatlar institut talablari bilan chegaralanadi.

Diskurs masalasiga oid yuqoridagi farqli qarashlar aslida mohiyatan umumiy jihatga ega. Tadqiqotchilar turli ilmiy maktab va metodologik yondashuvlarga mansub bo'lishlariga qaramay, ularning barchasini yagona konseptual nuqta birlashtiradi. Bu nuqta diskursning mohiyatan kommunikativ tabiatga ega ekanligi, ya'ni dialog sifatida talqin qilinishidir. Quyida institutsional diskurs strukturasi xususida chuqurroq to'xtalamiz.

Bu masala V.I. Karasik tadqiqotlarida batafsil o'rganilgan. Xususan, *intensionallik* (niyat), *interaktivlik* (muloqotdagi o'zaro ta'sir), *kontekstuallik* (kontekst bilan bog'liqlik), *personallik* (shaxsning ishtiroki), *modallik* (so'zlovchining munosabati), *zamon va makonga oidlilik* (vaqt-makon belgisi) tarkibiy qismlarga (kategoriya) ajratib ko'rsatadi. Bu kategoriyalar orqali diskurs struktur, semantik va pragmatik jihatdan o'rganiladi deb taxmin qiladi (Карасик, 1992).

Olimning fikricha *intensionallik institutsional diskursning asosiy pragmatik yadrosi bo'lib, nutqiy faoliyatning qanday kommunikativ maqsadga yo'naltirilganligini ifodalaydi*. Diskurs har doim ma'lum bir kommunikativ niyat asosida yuzaga keladi va bu niyat diskursning mazmuni, strukturasi hamda strategiyalarini belgilaydi. Institutsional diskursda intensionallik shaxsiy ehtiyojlardan ko'ra, institut tomonidan belgilangan funksional vazifalar (boshqarish, nazorat qilish, tartibga solish, baholash, yo'naltirish) bilan aniqlanadi. Shu sababli intensionallik diskursni tasodifiy nutqiy hodisadan farqlab, uni ijtimoiy jihatdan maqsadli kommunikativ faoliyatga aylantiradi deb tushunishimiz mumkin.

Interaktivlik diskursning dialogik tabiatini ifodalashi ta'kidlanadi. Bunda diskurs har doim adresant va adresat o'rtasidagi o'zaro ta'sir mahsulidir. Institutsional diskursda interaktivlik tenglikka asoslanmaydi, balki ijtimoiy rollar va maqomlar orqali tartibga solinadi. Nutqiy harakatlar ketma-ketligi, replikalar almashinuvi, savol-javob modellari va javobning kutilgan shakllari interaktivlikni tashkil etadi. Shu orqali diskurs kommunikativ jarayon sifatida shakllanib, ishtirokchilarning nutqiy xatti-harakatlari o'zaro bog'liq holda yuzaga keladi deb e'tirof etadi olim.

Shu bilan birga kontekstuallik kategoriyasi ham olim tomonidan ajratiladi. U diskursning vaziyatga bog'langanligi bilan asoslanadi. Unga ko'ra diskursni uning ijtimoiy, madaniy, institutsional va kommunikativ kontekstidan ajratib tahlil qilib bo'lmaydi. Institutsional diskursda kontekst huquqiy me'yorlar, tashkiliy qoidalar, kommunikativ protokollar va madaniy stereotiplar orqali belgilanadi. Aynan kontekst diskursning ma'nosini aniqlab, bir xil lingvistik birlikning turli vaziyatlarda turlicha talqin qilinishiga sabab bo'ladi.

Personallik diskursda inson omilining mavjudligi demakdir. Institutsional diskursda shaxs butunlay yo'qolib ketmasligi, balki ijtimoiy rol doirasida namoyon bo'lishi

ta'kidlanadi. Nutq ishtirokchisi shaxs sifatida emas, balki mansab, maqom va funksiyaga mos ravishda gapiradi. Shu bilan birga, individual nutq uslubi, baholash, intonatsiya va strategik tanlovlar orqali shaxsiylik unsurlari diskursda saqlanib qoladi. Bu holat institutsional diskursning rasmiyligi bilan insoniy omil o'rtasidagi muvozanatni ta'minlaydi.

Modallik kategoriyasi V.I. Karasikning fikricha diskursda so'zlovchining axborotga, voqelikka va adresatga bo'lgan munosabatini ifodalaydi. Modallik diskursning muhim semantik-pragmatik kategoriya sifatida ko'riladi. Institutsional diskursda modallik buyruq, tavsiya, majburiyat, ruxsat, baholash kabi ma'nolar orqali namoyon bo'ladi. Modallik vositalari orqali institutning hokimiyati, me'yoriy ustuvorligi va baholovchi pozitsiyasi ifodalanadi.

Zamon va makonga oidlilik diskursning konkret kommunikativ vaziyatga bog'langanligini ko'rsatadi deb olim e'tirof etadi. Bunda diskurs abstrakt hodisa emas, balki muayyan vaqt va makonda amalga oshadigan nutqiy faoliyat sifatida talqin qilinishini ta'kidlagan. Institutsional diskursda vaqt (rasmiy muddatlar, reglament, ish vaqti) va makon (sud zali, auditoriya, davlat idorasi) diskursning shakli va mazmuniga bevosita ta'sir ko'rsatadi. Ushbu kategoriya diskursning real voqelanishini va uning institutsional chegaralarini belgilaydi.

V.I. Karasikning institutsional diskurs masalasini o'rganilishidagi ikkinchi jihati uning strukturasidir. Olim fikricha institutsional diskursning strukturasi, odatda, quyidagi asosiy tarkibiy qismlardan iborat bo'ladi: institutsional subyektlar – ya'ni muloqot ishtirokchilari aniq ijtimoiy rollarda namoyon bo'ladi (sudya – tomonlar, o'qituvchi – talaba, mansabdor shaxs – fuqaro). Ushbu rollar diskursning mazmuni, uslubi va strategiyalarini belgilaydi; kommunikativ maqsad institutsional diskursning markaziy komponentidir. Bu maqsad shaxsiy niyat emas, balki institutning funksional vazifalaridan kelib chiqadi: boshqarish, nazorat qilish, baholash, ko'rsatma berish, tartibga solish yoki rasmiy axborot yetkazish; normativlik va standartlashuv institutsional diskursning muhim strukturaviy belgisi hisoblanadi. Nutq shakllari, formulalar, klişelar va stereotip modellar oldindan belgilangan bo'lib, erkin nutq imkoniyatlari cheklangan bo'ladi. Bu esa diskursning takrorlanuvchan va barqaror strukturasini yuzaga keltiradi; kontekst va vaziyat institutsional diskursda alohida ahamiyatga ega. Diskurs faqat lingvistik birliklar orqali emas, balki huquqiy, tashkiliy, madaniy va ijtimoiy sharoit bilan birgalikda anglanadi. Bir xil nutqiy birlik turli institutlarda turlicha ma'no kasb etishi mumkin; verbal va noverbal vositalarning integratsiyasi institutsional diskurs strukturasi uchun xosdir. Rasmiy muloqotda intonatsiya, pauza, mimika, hujjat shakli, vizual belgilar (muhr, blank, forma) ham diskursning tarkibiy qismi sifatida ishtirok etadi; diskursning bosqichma-bosqich tashkil topishi institutsional muloqotga xosdir. Bunday diskurslar odatda qat'iy ketma-ketlikka ega: ochilish (kontakt o'rnatish), asosiy axborot yoki harakat bosqichi va yakun (qaror, xulosa, buyruq) (Карасик, 2006).

Institutsional diskursda subyektlar ijtimoiy rollar asosida ishtirok etgani bois, nutqiy faoliyat individual ifoda shaklidan ko'ra institut manfaatlarini ifodalovchi vositaga aylanadi. Natijada kommunikativ maqsad shaxsiy niyatlar bilan emas, balki institut tomonidan belgilangan funksional vazifalar bilan belgilanadi va bu holat diskursning pragmatik yo'nalganligini kuchaytiradi.

Olimning ta'kidlashicha, mazkur butunlikning shakllanishida normativlik va standartlashuv muhim rol o'ynaydi. Oldindan belgilangan nutq modellarining mavjudligi diskursning takrorlanuvchanligini ta'minlab, kommunikativ harakatlarning barqarorligini yuzaga keltiradi. Shu orqali institutsional diskursda ma'no erkin talqin qilinadigan hodisa emas, balki kontekst, maqom va vaziyat bilan cheklangan holda amalga oshadigan pragmatik birlik sifatida namoyon bo'ladi.

V.I. Karasik kommunikativ-pragmatik butunlik, shuningdek, diskursning kontekstual va vaziyatga bog‘liqligi bilan mustahkamlanishini e’tirof etib, diskurs mazmuni faqat lingvistik birliklar orqali emas, balki ijtimoiy-madaniy va tashkiliy sharoitlar orqali anglanadi. Bu holat diskursni kognitiv jihatdan ham murakkab hodisaga aylantiradi, chunki nutq ishtirokchilari institutga xos bilimlar, me’yorlar va stereotiplarga tayangan holda kommunikativ ma’noni dekodlaydi.

V.I.Karasikning institutsional diskurs tushunchasiga bergan ta’rifi ko‘plab tilshunoslar tomonidan qo‘llab-quvvatlangan va rivojlantirilgandir. Xususan bu fikrlar N.D. Arutyunovaning bu masaladagi qarashlarini yana bir marotaba tasdiqlaydi. N.D. Arutyunova diskursni “tilning amalda qo‘llanishi”, ya’ni ijtimoiy-madaniy faoliyat shakli sifatida talqin qiladi (Арутюнова, 1990). U diskursni muloqot sharoitidagi matn deb ko‘radi va kommunikativ rollar (nutq subyekti, adresat, ijtimoiy holat) asosida turli diskurs turlarini ajratishni taklif etadi.

Diskurs lingvopragmatikaning markaziy kategoriyalaridan biri bo‘lib, u nafaqat matnning mazmuniy-tarkibiy tuzilishini, balki muloqot jarayonini, undagi ishtirokchilar, kontekst va kommunikativ vaziyatni o‘z ichiga oladi. N.D. Arutyunova ta’kidlaganidek, diskurs – bu “matn + ekstralingvistik omillar majmui”, ya’ni til birliklari bilan bir qatorda ijtimoiy, psixologik, madaniy, vaziyatga doir omillarning o‘zaro ta’sirida vujudga keladigan kommunikativ hodisadir.

V.I. Karasikning tadqiqotlarida aynan modellashtirish masalasi shaxsiy va institutsional diskurs doirasida o‘z yechimini topgan. Institutsional diskurs modeli hususidagi fikrlarning rivoji va istiqbollarini ko‘rib chiqish, bu qarashlar rivoji instututsional diskursning bevosita o‘zi qanday ichki struktur hususiyatga ega ekanligini o‘rganish sohaning tadqiq qilinishi lozim bo‘lgan yana biri jihati deb tahmin qilish mumkin.

Tadqiqotlarimiz institutsional diskursning ichki struktur tashkiloti, ya’ni kommunikativ rollar ierarxiyasi, diskursiv janrlar, nutq aktlari va baholovchi komponentlarni o‘zaro uzviy bog‘liq holda chuqur tahlilga tortish lozimligini ko‘rsatmoqda. Bu holat institutsional diskursni mustaqil, ichki qonuniyatlarga ega bo‘lgan murakkab diskursiv tizim sifatida o‘rganish zarurligini ko‘rsatadi. Bu farqlarni tizimli tahlil qilish diskurs nazariyasining yanada takomillashuviga xizmat qiladi.

Institutsional diskurs zamonaviy lingvistika doirasida faqat kommunikativ hodisa emas, balki ijtimoiy institutlar faoliyatini aks ettiruvchi murakkab semiotik tizim sifatida qaralishi diqqatimizni tortdi. Shu bois institutsional diskurs modellarini chuqur tahlil qilish, ularning zamonaviy kommunikativ jarayonlar bilan aloqadorligini aniqlash dolzarb ilmiy vazifa hisoblanadi.

Shaxsiy va institutsional diskurs modellarini qiyosiy va tizimli o‘rganish diskurs nazariyasining nazariy-metodologik bazasini kengaytirish, shuningdek, lingvistik modellashtirish masalasiga yangicha yondashuvlarni ishlab chiqish imkonini beradi.

Demak, zamonaviy tilshunoslikda insitutsional diskurs matn doirasidan chiqib, ijtimoiy, pragmatik va institutsional kontekstda shakllanuvchi murakkab, olimlar tomonidan kommunikativ hodisa sifatida talqin etilganligi ko‘rinadi. Diskursni tadqiq etishga doir yondashuvlarning rivoji nutq mazmunining lingvistik birliklar bilangina emas, balki kommunikativ vaziyat, ishtirokchilar o‘rtasidagi munosabatlar va ijtimoiy omillar bilan belgilanayotganini tasdiqlanadi.

Kuzatishlarimiz institutsional diskursni mustaqil analitik kategoriya sifatida asoslash imkonini beradi. Institutsional diskurs jamiyat institutlari doirasida amalga oshiriladigan muloqot shakli bo‘lib, unda nutq ishtirokchilarining maqomi va roli, kommunikativ maqsadlarning me’yorlanganligi hamda strategik va taktik nutqiy vositalarning tanlanishi muhim ahamiyat kasb etadi. Bunday diskursda lingvistik va ekstralingvistik omillarning o‘zaro uyg‘unligi kommunikativ samaradorlikni ta’minlaydi.

Institutsional diskurs masalalari borasidagi tadqiqotlar tahlili rasmiy va professional muloqot turlarini kompleks o‘rganish uchun mustahkam nazariy asos yaratishi hamda kelgusida pragmatik va diskursiv tadqiqotlar olib borilishi uchun imkoniyatlar ochadi.

References:

1. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека.* Москва: Языки русской культуры.
2. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика.* Москва: Прогресс.
3. *Большой энциклопедический словарь.* Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. (1990). Москва: Советская энциклопедия. Статья «Дискурс». 136–137. Электронный ресурс: http://tapemark.narod.ru/les/136g.html
4. Карасик, В. И. (1992). *Язык социального статуса.* Москва: Институт языкознания РАН; Гнозис.
5. Карасик, В. И. (1994). Языковая личность и категории языка. *В Языковая личность: проблемы значения и смысла.* 14–24. Волгоград: [Издательство не указано].
6. Карасик, В. И. (2000). О типах дискурса. *В Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.* 5–20. Волгоград: Перемена.
7. Карасик, В. И. (2006). О категориях дискурса. *В Языковая личность: институциональный и персональный дискурс.* 5–20. Волгоград: Перемена.
8. Harris, Z. S. (1952). Discourse analysis. *Language, 28*(1), 1–30. https://doi.org/10.2307/410730

Linguoculturological Competence in the Translation of A. Qodiriy's Novel O'tkan kunlar ("Bygone Days")

Bazarov Zokir Mehrikulovich
zokirbozorov88@gmail.com
Dean of the English Faculty No. 2,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines the main components of linguoculturological competence in literary translation on the basis of Abdulla Qodiriy's novel O'tkan kunlar ("Bygone Days") and its English translations. The study analyzes concepts, cultural codes, realia, and elements of national mentality, as well as the ways these are conveyed in translation. Particular attention is paid to translation strategies and the degree to which the cultural content of the original work is preserved. The research results confirm the importance of developing linguoculturological competence in order to improve the quality of literary translation.*

Keywords *Linguoculturology, literary translation, competence, cultural code, realia, concept, national mentality*

A. Qodiriyning O'tkan kunlar romanini tarjima qilishda lingvokulturologik kompetensiya

Bazarov Zokir Mehrikulovich
zokirbozorov88@gmail.com
Ingliz tili fakulteti №2 dekani,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada Abdulla Qodiriyning O'tkan kunlar romani va uning ingliz tiliga qilingan tarjimalari materiali asosida badiiy tarjimada lingvokulturologik kompetensiyaning asosiy komponentlari yoritiladi. Tadqiqotda konseptlar, madaniy kodlar, realiyalar hamda milliy mentalitet elementlari va ularni tarjimada yetkazish usullari tahlil qilinadi. Shuningdek, tarjima strategiyalari va original asarning madaniy mazmunini saqlash darajasiga alohida e'tibor qaratiladi. Tadqiqot natijalari badiiy tarjima sifatini oshirishda lingvokulturologik kompetensiyani shakllantirish muhimligini tasdiqlaydi.*

Kalit so'zlar *Lingvokulturologiya, badiiy tarjima, kompetensiya, madaniy kod, realiyalar, konsept, milliy mentalitet*

Лингвокультурологическая компетенция в переводе романа А. Кадыри «Минувшие дни»

Базаров Закир Мехрикулович
zokirbozorov88@gmail.com
Декан факультета английского языка №2,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматриваются основные компоненты лингвокультурологической компетенции в художественном переводе на материале романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» и его английских переводов. Анализируются концепты, культурные коды, реалии и элементы*

национального менталитета, а также способы их передачи в переводе. Особое внимание уделяется переводческим стратегиям и степени сохранения культурного содержания оригинального произведения. Результаты исследования подтверждают важность формирования лингвокультурологической компетенции для повышения качества художественного перевода.

Ключевые слова *Лингвокультурология, художественный перевод, компетенция, культурный код, реалии, концепт, национальный менталитет*

Современная теория перевода рассматривает перевод не только как лингвистический процесс, но и как форму межкультурной коммуникации. Язык отражает мировоззрение народа, его исторический опыт, традиции и ценности, а художественный текст выступает носителем культурной информации (Potebnya, 2014; Sapir, 2013; Whorf, 2012). В связи с этим особое значение приобретает лингвокультурологическая компетенция переводчика, позволяющая адекватно передавать культурно обусловленные элементы оригинала (Mishatina, 2018). Лингвокультурология как междисциплинарное направление изучает взаимосвязь языка и культуры, выявляя способы отражения национального сознания в языковых единицах (Maslova, 2017; Sapir, 2013; Whorf, 2012). По мнению В.Н. Телии, лингвокультурология исследует культурную информацию, закрепленную в языке, прежде всего в устойчивых выражениях и образных структурах (Teliya, 2016). В.В. Воробьёв рассматривает её как науку о взаимодействии языковых и культурных факторов в процессе коммуникации (Vorobyov, 2015).

Лингвокультурологическая компетенция формируется на основе синтеза лингвистических знаний и культурного опыта (Mishatina, 2018). Она включает способность понимать национально-специфические значения языковых единиц, интерпретировать культурные концепты и использовать адекватные переводческие стратегии (Maslova, 2017; Vorobyov, 2015). Н.Л. Мишатина подчёркивает, что данная компетенция связана с кумулятивной функцией языка, сохраняющего и передающего культурную память народа (Mishatina, 2018). Особую сложность представляет перевод художественных произведений, насыщенных реалиями, символами и национальными образами (Maslova, 2017; Potebnya, 2014). В этом контексте роман Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» является ценным материалом для анализа (Кадыри, 2018). Произведение отражает социальную жизнь узбекского общества XIX века, его традиции, моральные нормы и систему ценностей (Кадыри, 2018). Роман имеет несколько английских переводов, выполненных различными переводчиками, что позволяет провести сравнительный анализ передачи лингвокультурологических компонентов. В процессе исследования были выделены основные элементы: концепты, культурные коды, реалии и национальный менталитет (Maslova, 2017; Vorobyov, 2015).

Одним из центральных концептов романа является концепт семьи (Maslova, 2017). В узбекской культуре семья представляет собой основу социальной структуры и систему моральных ценностей (Кадыри, 2018). В тексте подчёркивается

значимость родительского согласия, уважения к старшим, коллективной ответственности (Кадыри, 2018). В переводах данный концепт передаётся различными способами: одни переводчики сохраняют культурную специфику, другие стремятся к адаптации под западную аудиторию (Maslova, 2017). Например, выражение, связанное с выполнением воли родителей, в одном переводе передаётся как «fulfilling parents' wishes», что отражает нейтральный смысл, тогда как в другом используется форма «acquiescing to parents' plan», подчёркивающая вынужденность решения. Это свидетельствует о различиях в интерпретации культурного подтекста (Maslova, 2017).

Культурные коды в романе проявляются в вербальных формулах вежливости, ритуалах гостеприимства, традиционных формах поведения (Teliya, 2016; Vorobyov, 2015). Фразы, выражающие религиозные убеждения и социальные нормы, часто теряют свою культурную окраску в переводе и заменяются универсальными выражениями (Maslova, 2017). Например, религиозные формулы могут передаваться обобщёнными западными аналогами, что приводит к частичной нейтрализации национального контекста (Whorf, 2012).

Реалии занимают особое место в художественном тексте (Maslova, 2017). К ним относятся такие понятия, как «махалля», «паранджа», «сватовство», «плов», «дастархан». Эти элементы отражают особенности быта и социальной организации узбекского общества (Кадыри, 2018). В переводах используются различные методы: транслитерация, описательный перевод и замена общими понятиями (Vorobyov, 2015). Транслитерация позволяет сохранить национальный колорит, но может быть непонятной для читателя без пояснений. Описательный перевод делает смысл доступным, но часто утрачивает культурную глубину. Замена реалий общими терминами упрощает текст, но приводит к утрате уникальности оригинала (Maslova, 2017).

Анализ показал, что наиболее эффективной стратегией является сочетание транслитерации с пояснением, позволяющее сохранить культурную специфику и обеспечить понимание текста (Vorobyov, 2015). Национальный менталитет в романе проявляется через такие ценности, как гостеприимство, коллективизм, уважение к старшим и семейная преданность (Кадыри, 2018). Эти особенности ярко выражены в сценах приёма гостей, проведения свадебных церемоний и совместной работы в форме хашара (Кадыри, 2018). В некоторых переводах данные элементы передаются достаточно точно, в других – упрощаются или опускаются (Maslova, 2017).

Проблема культурных потерь является одной из ключевых в художественном переводе (Maslova, 2017). Потери могут быть семантическими, прагматическими и эстетическими. Семантические потери связаны с искажением значения реалий и концептов. Прагматические – с ослаблением коммуникативного воздействия текста. Эстетические – с утратой художественной выразительности и национального колорита (Potebnya, 2014). Лингвокультурологическая компетенция позволяет минимизировать подобные потери (Mishatina, 2018). Переводчик, обладающий глубокими знаниями о культуре исходного языка, способен находить оптимальные решения для передачи сложных культурных элементов (Teliya, 2016; Vorobyov, 2015).

Важным аспектом является подготовка будущих переводчиков. В учебном процессе необходимо активно использовать аутентичные художественные тексты, проводить анализ реалий и культурных кодов, сравнивать различные варианты перевода. Это способствует развитию межкультурного мышления и профессиональной компетенции (Mishatina,

2018). Материал романа «Минувшие дни» представляет собой эффективную основу для обучения переводу, поскольку содержит богатый культурный контекст и разнообразие лингвокультурологических единиц (Кадыри, 2018).

Проведённый анализ показал, что в английских переводах романа А. Кадыри «Минувшие дни» компоненты лингвокультурологической компетенции отражены в различной степени. Передача концептов, реалий, культурных кодов и элементов национального менталитета напрямую зависит от уровня культурной подготовки переводчика и выбранных им стратегий. В ряде случаев сохранение национального колорита достигается посредством транслитерации и описательных приёмов, в других – наблюдается упрощение и нейтрализация культурного содержания. Результаты исследования подтверждают, что лингвокультурологическая компетенция является ключевым фактором качества художественного перевода. Она позволяет переводчику выступать посредником между культурами и обеспечивать адекватное восприятие оригинального произведения читателями другой языковой среды.

Таким образом, развитие лингвокультурологической компетенции в системе подготовки переводчиков представляет собой важную научную и практическую задачу. Дальнейшие исследования в данном направлении могут способствовать созданию эффективных методик обучения художественному переводу.

References:

1. Qodiriy, A. (2018). *O‘tkan kunlar* [Bygone Days]. G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot.
2. Maslova, V. A. (2017). *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Akademiya.
3. Mishatina, N. L. (2018). *Lingvokulturologicheskaya kompetentsiya* [Linguoculturological competence]. Sankt-Peterburg.
4. Potebnya, A. A. (2014). *Mysl’ i yazyk* [Thought and language]. Akademiya.
5. Sapir, E. (2013). *Language and culture*. Harcourt Brace.
6. Teliya, V. N. (2016). *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Nauka.
7. Vorobyov, V. V. (2015). *Osnovy lingvokulturologii* [Foundations of linguoculturology]. URSS.
8. Whorf, B. L. (2012). *Language, thought, and reality*. MIT Press.

How Uzbek mass media re-shapes English loanwords

Chorieva Asila
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Scientific advisor: **Dalieva Madina Khabibullaevna**
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Changes in English loanwords in Uzbek mass media are not only a question of "more borrowings." They are changes in channel (from Russian-mediated forms to direct English-oriented intake), form (parallel Latin/Cyrillic spellings and unstable transliteration), and integration (Uzbek affixation, hybrid formations, and meaning shifts). I treat mass media broadly – online news, platform-linked journalism, and public-facing commentary – because newsroom language now circulates inside the same digital ecosystems that generate new lexemes. Recent Uzbek scholarship using corpus-based data from social media, news websites, and forums shows rapid diffusion of English-origin items and their adaptation through phonological and morphological mechanisms (e.g., "smartfon", "kompyuterlashtirish"). At the same time, public debate in Uzbekistan highlights the lack of consensus on foreign-word orthography and the costs of relying on intermediary-language spellings. The article argues that the most visible "change" today is the move from borrowing-as-import to borrowing-as-productive material for Uzbek word-formation and media pragmatics.*

Keywords *English loanwords, Uzbek mass media, lexical borrowing, orthography, transliteration, Latin script, Cyrillic script, morphological adaptation, semantic extension, digital discourse, corpus approach*

Inglizcha o'zlashmalarni o'zbek ommaviy axborot vositalari qayta shakllantirishi

Chorieva Asila
Magistratura talabasi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Ilmiy rahbar: **Dalieva Madina Xabibullayevna**
Filologiya fanlari doktori (DSc), dotsent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola o'zbek ommaviy axborot vositalarida inglizcha o'zlashmalardagi o'zgarishlarni o'rganadi va ularni oddiy "qarz olish" emas, balki qayta yo'naltirilgan kirib kelish, shakliy (parallel lotin/kirill imlolari va beqaror transliteratsiya) hamda integratsiya (o'zbekcha affiksatsiya, gibrid shakllar va ma'no siljishlari) orqali amalga oshadigan jarayon sifatida talqin qiladi. Tadqiqot keng ko'lamli OAV ma'lumotlariga – onlayn yangiliklar, platformaga yo'naltirilgan jurnalistika va jamoatchilik muhokamalari – asoslanadi, chunki yangiliklar tili tezkor innovatsiya uchun qulay muhit hisoblanadi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, inglizcha kelib chiqishga ega atamalar o'zbek ommaviy axborot vositalarida shunchaki ko'rinmay qolmaydi, balki fonologik va morfologik mexanizmlar orqali moslashadi va ijtimoiy*

jihatdan barqarorlashadi (masalan, smartfon, kompyuterlashtirish). Shu bilan birga, maqolada o'zbek tilshunosligida xorijiy so'zlar imlosi bo'yicha yakdil qarashlarning yo'qligi hamda vositachi tillar orqali o'zlashgan imlolariga tayanish xarajatlari tanqidiy baholanadi; chunki global miqyosda ingliz tilidagi manbalarga bevosita kirish imkoniyati vositachi tillarga bo'lgan ehtiyojni tobora kamaytirmoqda. Ushbu natijalar o'zbek ommaviy axborot vositalarida inglizcha o'zlashmalarni leksik, shakliy va pragmatik jihatdan dinamik va ko'p qatlamli jarayon sifatida tavsiflaydi.

Kalit so'zlar *Inglizcha o'zlashmalar, o'zbek ommaviy axborot vositalari, leksik o'zlashuv, imlo, transliteratsiya, lotin yozuvi, kirill yozuvi, morfologik moslashuv, semantik kengayish, raqamli diskurs*

Как узбекские сми переформатируют английские заимствования

Чориева Асила
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Научный руководитель: **Далиева Мадина Хабибуллаевна**
Доктор филологических наук (DSc), доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматриваются изменения английских заимствований в узбекских средствах массовой информации и предлагается их понимание не как простых «заимствований», а как процесса повторного входа, формальной вариативности (параллельное латинское и кириллическое написание, нестабильная транслитерация) и интеграции (узбекская аффиксация, гибридные образования, семантические сдвиги). Исследование опирается на широкий корпус медиаматериалов – онлайн-новости, платформенно-ориентированную журналистику и публичные комментарии, поскольку новостной язык представляет собой среду ускоренной языковой инновации. Показано, что англоязычные единицы в узбекских СМИ не остаются изолированными элементами, а подвергаются фонологической и морфологической адаптации и со временем социально закрепляются (например, smartfon, kompyuterlashtirish). В то же время критически анализируется отсутствие консенсуса по вопросам орфографии заимствованных слов в узбекской лингвистике, а также издержки опоры на посреднические языки, поскольку прямой доступ к англоязычным источникам в условиях глобализации снижает практическую необходимость такого посредничества. Полученные результаты позволяют рассматривать английские заимствования в узбекских СМИ как динамический и многоуровневый процесс, затрагивающий лексический, формальный и прагматический уровни языка.*

Ключевые слова *Английские заимствования, узбекские СМИ, лексическое заимствование, орфография, транслитерация, латинская графика, кириллическая графика, морфологическая адаптация, семантическое расширение, цифровой дискурс*

Loanwords are often discussed as if they enter a language once and then "settle." (Haugen, 1950). Uzbek mass media suggests a less static picture. A borrowed item can enter through one pathway (for example, via Russian spellings in older translation routines) and later re-enter through another (directly via English-oriented global media and online dictionaries), producing a period of competing written forms. The result is not simply variation for its own sake: spelling choices become part of media positioning – who the outlet imagines its audience to be, which script it privileges, and which external norm it treats as "closest to the original." In public linguistic commentary, Uzbek translators and journalists explicitly describe the problem of intermediary-language variants drifting away from source-language forms, and they argue that the growing availability of online dictionaries and direct access to originals reduces the practical need for Russian as a mediating filter (Kun.uz, 2022).

To describe "change" in English loanwords in Uzbek media without collapsing everything into a single trend, it is useful to separate at least three layers that behave differently over time: (1) intake (how a word arrives and through which linguistic "gate"), (2) written form (script and orthography), and (3) linguistic domestication (how Uzbek grammar and semantics begin treating the borrowed stem as reusable material). This layered view aligns with contact-linguistic approaches that distinguish borrowing outcomes and levels of integration, rather than treating all foreign-origin items as one class (Haspelmath, 2009). Uzbek is legally committed to a Latin-based alphabet, and the foundational law establishing that alphabet dates to 1993, later revised in 1995 (Law of the Republic of Uzbekistan, 1993, 1995). At the same time, legal texts and policy discussions acknowledge continued use of Cyrillic alongside Latin (in practice and in the reading habits of different generations), which keeps two graphic systems in active circulation. Mass media operates inside this coexistence. When English loanwords appear in headlines, captions, or quoted brand names, the choice between Latin and Cyrillic can be routine, but it can also index platform constraints (mobile keyboards, copy-paste habits) and audience targeting (Law of the Republic of Uzbekistan, 1993, 1995). Orthographic competition becomes sharper when the borrowed unit is not merely a common noun but a proper name, a brand, or a "semi-name" such as a hashtag or channel title. Uzbek public debate points to the absence of a stable, widely accepted principle for how foreign words and names should be written: should Uzbek maximize phonetic adaptation, preserve original spelling, or follow established intermediary traditions? The fact that these questions remain open is itself part of the "change": media users are not only consuming new English terms; they are renegotiating what counts as a legitimate Uzbek written form in public space (Kun.uz, 2022).

A loanword becomes structurally important when it is no longer an isolated foreign body but a base for Uzbek derivation (Haugen, 1950; Haspelmath, 2009). Corpus-based work on English-to-Uzbek neologisms (drawing on social media, news sites, and forums) documents exactly this shift: English-origin items spread quickly and then undergo phonological adaptation and morphological modification, producing forms that "feel Uzbek" in their surface grammar

(Polvannazirova, 2025). The same study provides concrete examples that matter for mass media usage because they show what journalists and readers already recognize as normal: "smartfon" is a localized adaptation of smartphone, and "kompyuterlashtirish" demonstrates Uzbek derivational resources applied to a borrowed technological base (Polvannazirova, 2025). This is a decisive kind of change. Once an English stem accepts Uzbek suffixes fluently, the media no longer needs to re-explain it each time. The borrowed element becomes compressible – usable in short headline syntax, reusable in collocations, and expandable into new derivatives. In other words, the productivity of the loanword in Uzbek mass media is not measured only by how often it appears, but by whether it can generate additional Uzbek-shaped words without looking marked (Haugen, 1950; Polvannazirova, 2025).

Even when the written form stabilizes, the meaning can drift. Digital-era borrowings are especially exposed to semantic extension because platforms encourage rapid recontextualization: the same item can be used in advertising, political talk, entertainment news, and informal commentary, with slightly different pragmatic force. Corpus-based descriptions of Uzbek digital borrowings explicitly mention semantic extension alongside phonological and morphological adaptation (Polvannazirova, 2025). For mass media, this implies that "change" includes not only adding new labels for new technologies, but also reshaping evaluative tone: some English-origin terms carry an aura of expertise, novelty, or global alignment, and media writers can exploit that aura even when Uzbek equivalents exist (Haspelmath, 2009). A limitation is important here. Without a purpose-built diachronic news corpus (balanced across outlets, years, and scripts), it is risky to claim that a specific semantic shift has completed or that one spelling has "won." What can be stated more safely – because it is grounded in documented discussion and observed adaptation patterns – is that Uzbek media sits at an interface where (a) English-origin items arrive faster than normative codification can respond, and (b) the language's agglutinative morphology makes domestication relatively easy once the stem is accepted (Haspelmath, 2009; Kun.uz, 2022; Polvannazirova, 2025).

Calls for standardization often sound like calls to stop borrowing. Uzbek public commentary is more nuanced: it tends to argue not for banning foreign words, but for developing principles that prevent the written system from fragmenting into incompatible variants – especially when intermediary-language spellings obscure access to the original form (Kun.uz, 2022). From a policy angle, Uzbekistan's recent language-planning trajectory emphasizes strengthening Uzbek's status across domains and developing terminology work, which indirectly increases institutional pressure to regularize how new terms are written and taught (President of the Republic of Uzbekistan, 2020). Yet the standardization target should be chosen carefully. If the goal is to regulate every new English-origin unit immediately, the policy will lose to media speed. A more realistic target is the highest-friction zone: items that (1) appear frequently in official or semi-official communication, (2) circulate across scripts, and (3) create search and citation problems when spelled inconsistently (names, abbreviations, and platform-native forms). Work on transliteration in the Uzbek context shows that even official practices can lean toward historically entrenched transliteration habits, and it demonstrates how particular Uzbek letters and graphemes create predictable difficulty in cross-language representation – exactly the type of difficulty that then reappears in media spelling routines (Jumaniyozov & Islomov, 2025).

Changes in English loanwords in Uzbek mass media are best understood as a bundle of interacting processes, not a single "influx." (Haspelmath, 2009; Haugen, 1950). Legal

commitments to a Latin-based script exist, but Cyrillic's continued vitality keeps parallel written norms available, which magnifies variation in how English items are displayed (Law of the Republic of Uzbekistan, 1993, 1995). At the same time, corpus-based evidence from digital communication environments that include news websites shows a clear trajectory from borrowing to productivity: English-origin stems are adapted, affixed, and extended in meaning, becoming efficient media resources rather than isolated imports (Polvannazirova, 2025). The practical implication is not that mass media must "purify" its lexicon, but that Uzbek needs stable, publicly usable principles for writing and adapting foreign-origin items – otherwise the language will continue to modernize lexically while fragmenting orthographically (President of the Republic of Uzbekistan, 2020; Kun.uz, 2022).

References:

1. Haugen, E. (1950). The analysis of linguistic borrowing. *Language, 26*(2), 210–231. doi:10.2307/410058
2. Haspelmath, M. (2009). Lexical borrowing: Concepts and issues. In M. Haspelmath & U. Tadmor (Eds.), *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*. 35–54. De Gruyter Mouton. doi:10.1515/9783110218442.35
3. Jumaniyozov, Z. O., & Islomov, S. R. (2025). [Article on transliteration/practical transcription issues in Uzbek; journal issue information in *O'zbekistonda xorijiy tillar, 11*(3), 23–45. doi:10.36078/1710323113
4. Kun.uz. (2022, June 17). *SOS: O'zbek tilidagi xorijiy atoqli nomlar va so'zlar imlosida hanuz yakdillik yo'q*.
5. Law of the Republic of Uzbekistan. (1993). *On the introduction of the Uzbek alphabet based on the Latin script* (No. 931-XII, September 2, 1993).
6. Law of the Republic of Uzbekistan. (1995). *On introducing amendments to the law on the introduction of the Uzbek alphabet based on the Latin script* (No. 71-I, May 6, 1995).
7. Polvannazirova, S. K. (2025). A corpus-based analysis of neologisms from English into Uzbek in social media and online corpora. *Foreign Languages in Uzbekistan, 11*(2), 19–34. doi:10.36078/1746083877
8. President of the Republic of Uzbekistan. (2020). *On measures to further develop the Uzbek language in our country and improve the language policy* (Decree PF-6084, October 20, 2020).

Idioms as an object of linguoculturology

Valieva Nargizakhon Zamir kizi
rakhmankulovanargizakhon@gmail.com
Teacher of Teaching English Methodology №3 Department,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines idioms as a specific object of linguocultural analysis. The study explores major approaches to the classification of phraseological units in the works of leading scholars and identifies the key features that distinguish idioms within the language system. Special attention is paid to the relationship between idiomatic expressions and the cultural code of society, the national worldview, and value orientations of language speakers. The article concludes that idioms function not only as linguistic units but also as culturally significant elements that reflect mentality, historical experience, and figurative thinking of a nation.*

Keywords *Idiom, phraseological unit, linguoculturology, language worldview, cultural code, semantic integrity, stability*

Idiomalar lingvomadaniyatshunoslik fanining obyekti sifatida

Valiyeva Nargizaxon Zamir qizi
rakhmankulovanargizakhon@gmail.com
Ingliz tilini o'qitish metodikasi №3 kafedrasi o'qituvchisi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada idiomalar lingvomadaniyatshunoslikning muhim obyekti sifatida tadqiq etiladi. Tadqiqotda yetakchi olimlarning frazeologik birliklar tasnifiga oid yondashuvlari ko'rib chiqilib, idiomalarni til tizimida ajratib turuvchi asosiy belgilar aniqlanadi. Shuningdek, idiomatik ifodalarning jamiyatning madaniy kodi, milliy dunyoqarashi va til egalarining qadriyatlari bilan o'zaro bog'liqligiga alohida e'tibor qaratiladi. Xulosa sifatida idiomalar nafaqat til birliklari, balki xalqning mentaliteti, tarixiy tajribasi va obrazli tafakkurini aks ettiruvchi madaniy ahamiyatga ega birliklar ekani ta'kidlanadi.*

Kalit so'zlar *Idioma, frazeologik birlik, lingvomadaniyatshunoslik, til manzarasi, madaniy kod, semantik yaxlitlik, barqarorlik*

Идиомы как объект лингвокультурологии

Валиева Наргизахон Замир кизи
rakhmankulovanargizakhon@gmail.com
Преподаватель кафедры Методика преподавания английского языка №3,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена рассмотрению идиом как особого объекта лингвокультурологического анализа. Исследуются основные подходы к классификации фразеологических единиц в трудах ведущих отечественных*

и зарубежных ученых, выявляются ключевые признаки идиом и их место в системе языка. Особое внимание уделяется взаимосвязи идиоматических выражений с культурным кодом общества, национальной картиной мира и ценностными ориентирами носителей языка. Делается вывод о том, что идиомы представляют собой не только языковые, но и культурно значимые единицы, отражающие менталитет, исторический опыт и образное мышление народа.

Ключевые слова *Идиома, фразеологическая единица, лингвокультурология, языковая картина мира, культурный код, семантическая целостность, устойчивость*

Современная лингвистика все чаще рассматривает язык не только как систему знаков, но и как отражение культуры, мышления и национальной идентичности. В этом контексте особую значимость приобретает лингвокультурология – междисциплинарное направление, изучающее взаимосвязь языка и культуры. Одним из центральных объектов данного направления являются идиомы, поскольку именно они в наибольшей степени концентрируют образность, историческую память и ценностные ориентиры общества.

Идиомы выступают своеобразными «культурными маркерами» языка: они фиксируют традиции, нормы поведения, стереотипы мышления и эмоционально-оценочные установки. Их изучение позволяет глубже понять национальную специфику языковой картины мира и особенности менталитета носителей языка.

Изучение идиом имеет длительную традицию в отечественной и зарубежной лингвистике. Проблемами фразеологии и идиоматики занимались такие исследователи, как В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, А.И. Смирницкий, Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, В.Н. Телия, Д.О. Добровольский, Н.Ф. Алефиренко и другие. Их труды заложили теоретические основы классификации фразеологических единиц, определения идиоматичности, а также изучения семантической и прагматической природы устойчивых выражений.

В зарубежной традиции вопросы идиоматики рассматривались в рамках когнитивной лингвистики, культурной семантики и дискурс-анализа. Современные исследования все чаще акцентируют внимание на взаимосвязи идиом с культурными кодами, концептами и национальной картиной мира, что обусловило формирование лингвокультурологического направления изучения идиом.

Классификация фразеологических единиц является одной из ключевых проблем общей фразеологии. Анализ научных подходов показывает, что идиомы неизменно выделяются как особый тип устойчивых выражений.

В.В. Виноградов (1986) предложил трехчленную классификацию фразеологических единиц, выделив:

- фразеологические сращения (идиомы),
- фразеологические единства,
- фразеологические сочетания.

Именно фразеологические сращения характеризуются полной немотивированностью значения и функционируют как семантические эквиваленты слов. Н.М. Шанский (2012) дополнил данную систему четвертым типом – фразеологическими выражениями, подчеркивая их устойчивость и воспроизводимость.

А.И. Смирницкий (1998) проводит разграничение между фразеологическими единицами и идиомами, считая последние ярко стилистически окрашенными образованиями, основанными на метафорическом переносе значения. Н.Н. Амосова (1963), в свою очередь, различает фраземы и идиомы, подчеркивая целостность значения и фиксированный контекст последних.

Обобщая данные классификации, можно выделить основные признаки идиом:

- семантическая неделимость;
- высокая степень устойчивости;
- образность и метафоричность;
- стилистическая окрашенность;
- воспроизводимость в речи;
- отдельное оформление компонентов при единстве значения.

В научной литературе термин «идиома» трактуется по-разному, однако большинство исследователей сходятся в признании ее семантической целостности и культурной значимости.

А.В. Кунин (1972) определяет идиомы как устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением и высоким уровнем коннотативности. О.С. Ахманова (2005) подчеркивает их стилистическую выразительность и игровую функцию в речи. В Лингвистическом энциклопедическом словаре идиомы рассматриваются как воспроизводимые структуры с фиксированным лексико-грамматическим составом.

Н.Ф. Алефиренко (2009) использует термин «фразема», акцентируя внимание на целостности и образности значения, а также на таких свойствах, как непроницаемость и эквивалентность слову. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский (2013) характеризуют идиомы как сверхсловные образования с высокой степенью идиоматичности и устойчивости.

Таким образом, в научной традиции идиома понимается как языковая единица, сочетающая в себе устойчивость формы и культурно-образную насыщенность содержания.

С точки зрения лингвокультурологии идиомы представляют собой концентрат культурных смыслов. Они отражают:

- исторические реалии и социальный опыт;
- национальные стереотипы и ценности;
- особенности образного мышления;
- символические представления о мире.

Идиоматические выражения часто включают культурно маркированные компоненты – имена собственные, реалии быта, элементы фольклора, религиозные и мифологические образы. Благодаря этому они становятся важным инструментом реконструкции языковой картины мира.

Например, идиомы, связанные с образом сердца, дома, дороги или света, демонстрируют универсальные культурные концепты, тогда как выражения, основанные на национальных реалиях, подчеркивают уникальность конкретной лингвокультуры.

Идиомы занимают особое место в системе языка, являясь не только фразеологическими единицами, но и значимыми культурными знаками. Их семантическая целостность, устойчивость и образность делают их ценным материалом для лингвокультурологического анализа.

В рамках лингвокультурологического анализа особое значение приобретает изучение источников происхождения идиом, поскольку именно они позволяют рассматривать данные единицы не только как языковые конструкции, но и как культурные артефакты, аккумулирующие исторический и духовный опыт общества. Значительная часть идиом восходит к библейским текстам, которые на протяжении веков служили универсальным источником образов, символов и морально-этических ориентиров. Такие выражения, как *forbidden fruit*, «манна небесная», «блудный сын», функционируют в различных языках, сохраняя религиозно-

культурные коннотации и формируя общее межкультурное семантическое поле.

Не менее важным источником является античная и национальная мифология, предоставляющая устойчивые образы героев, божеств и мифологических сюжетов. Идиомы типа *Achilles' heel*, «сизифов труд», «нить Ариадны» демонстрируют, как мифологические сюжеты трансформируются в универсальные языковые символы, отражающие архетипические представления о человеческой судьбе, труде и преодолении трудностей.

Существенную роль в формировании идиоматического фонда играет художественная литература, где авторские метафоры и афористические выражения со временем переходят в разряд общеязыковых. Произведения классиков становятся источником крылатых выражений, которые утрачивают привязку к конкретному тексту и начинают функционировать как самостоятельные фразеологические единицы. Таким образом, литература выступает не только художественным, но и языкотворческим фактором.

Отдельную группу составляют идиомы, возникшие на основе исторических событий и социальных реалий. Они фиксируют коллективную память народа, отражая войны, политические реформы, технологические изменения и бытовые практики. Подобные выражения нередко содержат скрытые аллюзии на конкретные эпохи, что делает их ценными маркерами историко-культурного контекста.

Наконец, одним из наиболее продуктивных источников является народный фольклор – пословицы, поговорки, сказки и устные предания. Именно в фольклорной традиции формируются образы, тесно связанные с повседневной жизнью народа, его ценностями, трудовой деятельностью и мировоззрением. Фольклорные идиомы отличаются высокой степенью образности и эмоциональной насыщенности, что обеспечивает их устойчивость и долговременное функционирование в языке.

Таким образом, многообразие источников происхождения идиом свидетельствует о их глубокой укоренённости в культурной, религиозной, исторической и художественной традиции общества. Это подтверждает тезис о том, что идиомы представляют собой не просто устойчивые словесные сочетания, а сложные знаковые образования, отражающие культурную память и систему ценностей определённого языкового коллектива.

Исследование идиом позволяет выявить глубинные механизмы взаимодействия языка и культуры, проследить особенности национального мышления и реконструировать ценностные ориентиры общества. Именно поэтому идиомы справедливо рассматриваются как один из ключевых объектов современной лингвокультурологии, объединяющий лингвистический и культурологический аспекты научного познания.

References:

1. Abdusamadov, Z. N. (2022). *Natsional'no-kul'turnye osobennosti frazeologicheskikh edinits s antroponimicheskimi komponentami v angliyskom i uzbekskom yazykakh* (Doctoral dissertation). Tashkent.
2. Akhmanova, O. S. (2005). *Slovar lingvisticheskikh terminov* (3rd ed.). Komkniga.
3. Alefirenko, N. F., & Semenenko, N. N. (2009). *Frazeologiya i paremiologiya*. Flinta; Nauka.

4. Amosova, N. N. (1963). *Osnovy angliyskoy frazeologii*. Leningrad.
5. Ashurova, D. U., & Galieva, M. R. (2019). *Cultural linguistics*. Tashkent.
6. Baranov, A. N., & Dobrovolsky, D. O. (2013). *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)*. Flinta; Nauka.
7. Dalieva, M., & Valieva, N. (2024). Leksikologicheskie osobennosti yazyka molodezhnoy subkul'tury: Issledovanie leksicheskikh innovatsiy i ikh vliyanie na yazykovuyu normu. *Aktual'nye voprosy yazykovoy podgotovki v globaliziruyushchemsya mire, 1*(1).
8. Dobrovol'skiy, D. O. (1990). Tipologiya idiom. In *Frazeografiya v mashinnom fonde russkogo yazyka*. Moscow.
9. Gavrin, S. G. (1974). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Perm.
10. Khabibullaevna, D. M. (2025). The role of polysemy in the conceptual integration of phraseological units: A cross-linguistic approach. *Czech Journal of Multidisciplinary Innovations, 40*, 4–9.
11. Kovshova, M. L. (2016). *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury*. URSS.
12. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka*. Moscow.
13. Mamatov, A. E. (2017). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologii. In *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya: Materialy respublikanskogo seminara*. 64–68. Tashkent.
14. Mamatov, A. E. (2019). *O'zbek tili frazeologiyasi*. Tashkent.
15. Maslova, V. A. (2007). *Lingvokul'turologiya*. Akademiya.
16. Qizi, V. N. Z. (2022). Autentichnye materialy kak sredstvo formirovaniya pragmaticheskoy kompetentsii studentov lingvisticheskogo vuza [Authentic materials as a means of forming pragmatic competence of linguistics students]. *Scienceweb Academic Papers Collection*.
17. Qizi, V. N. Z. (2022). *Helpful methods of translating phraseological units containing components of anthroponyms*.
18. Shansky, N. M. (2012). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow.
19. Smirnitsky, A. I. (1998). *Leksikologiya angliyskogo yazyka*. Moscow State University, Faculty of Philology.
20. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
21. Valieva, N. (2022). Analiz stilisticheskikh sredstv v perevode proizvedeniya Aleksandra Faynberga «Gorod milyy. Golubaya bezdna» s russkogo na angliyskiy yazyk [Analysis of stylistic devices in translation]. *Scienceweb Academic Papers Collection*.
22. Valieva, N. (2022). Voennye obrazy v poezii Aleksandra Faynberga [Military images in the poetry of Alexander Feinberg]. *Science and Education, 3*(3), 610–613.
23. Valieva, N. (2025). Social survey on the concept Heart/Сердце/Yurak: Data analysis and interpretation. *Lingvospektr, 4*(1), 668–675.
24. Valieva, N., & Tukhtakhodjaeva, Z. (2025). Verbalization of knowledge structures through English idioms. *Filologiya masalalari (Magistratura), 1*(M1), 107–114.
25. Vinogradov, V. V. (1986). *Leksikologiya i leksikografiya: Izbrannye trudy*. Nauka.
26. Yo'ldoshev, B. (2013). *O'zbek frazeologiyasi va frazeografiyasining shakllanishi hamda taraqqiyoti*. SamDU Nashri.

Linguistic theory of Deixis: classical and modern views

Negmatova Mumtozbegim Ulugbek qizi
negmatovamumtozbegim@gmail.com
Doctoral student,
Tashkent State Transport University

Scientific advisor: **Bayjanova Okila Iskandarovna**[3]
oqilabayjanova89@gmail.com
Associate Professor, PhD, Department of Translation Theory and Practice,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article studies the theories of the phenomenon of deixis, lists the main points of research on the emergence of this term and its research to date. Also, classical and modern views on the types of deixis are studied and analyzed using the comparative-historical method. The first hypotheses about deixis and who later studied it are studied. The work carried out in this area, the emergence of deixis, their role in linguistics, what types there are and the importance of studying their types are also discussed, and research in this area will be very useful for researchers. This is because the study of deixis serves as the basis for the fields of pragmatics, cognitive linguistics and linguoculturology in modern linguistics. The expression of deixis through paralinguistic means was also discussed, and their importance in the speech process was discussed. The difference between deixis and anaphora has not been resolved to this day, and the similarities and differences between the two concepts were compared. We can say that the importance of studying the phenomenon of deixis has been explored in all aspects.*

Keywords *Anaphora, deixis, types of deixis, discourse, allusion, indexicals, indicators, origo, organon, pragmatics*

Deyksisning lingvistik nazariyasi: klassik va zamonaviy qarashlar

Negmatova Mumtozbegim Ulug'bek qizi
negmatovamumtozbegim@gmail.com
Tayanch doktorant,
Toshkent davlat transport universiteti

Ilmiy rahbar: **Bayjanova Oqila Iskandarovna**
oqilabayjanova89@gmail.com
Tarjimanazariyasi va amaliyoti kafedrasi dotsenti, f.f.f.d., (PhD),
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada deyksis hodisasi borasidagi nazariyalar o'rganilgan bo'lib, bu terminning vujudga kelishi va bugunga qadar tadqiq etilishi borasidagi tadqiqotlarning asosiy nuqtalari sanab o'tilgan. Shuningdek, deyksis turlari borasidagi klassik va zamonaviy qarashlar o'rganilib, qiyosiy-tarixiy metod*

[3] Negmatova M.U. — ORCID: 0009-0000-4031-8388

yordamida tahlil etiladi. Deyksis borasidagi ilk farazlar hamda keyinchalik uning kimlar tomonidan tadqiq etilishi o'rganilgan. Bu sohada amalga oshirilgan ishlar, deyksislarning vujudga kelishi, ularning tilshunoslik fanidagi o'rni, qanday turlari borligi hamda turlarini o'rganishning ahamiyati haqida ham so'z yuritilgan bo'lib, bu boradagi izlanishlar, tadqiqotchilar uchun juda ham manfaatli bo'ladi. Bunga sabab, deyksislarni o'rganish bugungi zamon tilshunosligida pragmatika, kognitiv lingvistika va lingvokulturologiya sohasi uchun asos bo'lib xizmat qiladi. Shuningdek, deyksislarning paralingvistik vositalar yordamida ifodalanishi haqida ham so'z yuritilgan bo'lib, nutq jarayonida ularning ahamiyati borasida fikrlar keltirib o'tilgan. Deyksislarning anafora bilan farqi esa bugungi kunga qadar o'z yechimini topmagan bo'lib, har ikki tushuncha o'rtasida o'xshash va farqli jihatlar solishtirib o'tilgan. Deyksis hodisasini o'rganishning ahamiyati har jihatdan tadqiq etilgan deya olamiz.

Kalit so'zlar *Anafora, deyksis, deyksis turlari, diskurs, ishora, indeksikallar, ko'rsatkichlar, origo, organon, pragmatika*

Лингвистическая теория Дейксиса классические и современные взгдяды

Негматова Мумтозбегим Улугбековна
negmatovamumtozbegim@gmail.com
Базовый докторант,
Ташкентский государственный транспортный университет

Байжанова Окила Искандаровна
oqilabayjanova89@gmail.com
Доцент, д.ф.ф.н. (PhD), Кафедра теории и практики перевода,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье изучаются теории феномена дейксиса, перечисляются основные направления исследований, посвященных возникновению этого термина и его изучению на сегодняшний день. Также рассматриваются и анализируются классические и современные взгляды на типы дейксиса с использованием сравнительно-исторического метода. Изучаются первые гипотезы о дейксисе и те, кто впоследствии его изучал. Обсуждаются работы, проведенные в этой области, возникновение дейксиса, его роль в лингвистике, типы дейксиса и важность его изучения, что делает исследования в этой области весьма полезными для ученых. Это связано с тем, что изучение дейксиса служит основой для таких областей современной лингвистики, как прагматика, когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Также рассматривается выражение дейксиса паралингвистическими средствами и его значение в процессе речи. Различие между дейксисом и анафорой до сих пор не выяснено, и сравниваются сходства и различия между этими двумя понятиями. Можно сказать, что важность изучения феномена дейксиса исследована во всех аспектах.*

Ключевые слова *Анафора, дейксис, виды дейксиса, дискурс, иллюзия, индексикалы, индикаторы, ориго, органон, прагматика*

Kirish

Til jamiyatning ajralmas bo'lagi. Inson bor ekan til mavjud bo'ladi va tilshunoslik fani taraqqiy topib undagi izlanishlar kun sayin ortib boradi. Bugungi kunda tilshunoslik oddiy va zerikarli fan emas, aksincha o'zidan o'ndan ortiq fanlarni ajratib chiqargan va dunyo tilshunos olimlarining diqqat markazini bir nuqtada jamlagan, hali oldida juda ko'p hal etilmagan masalalari mavjud bo'lgan ilmning bir tarmog'idir. Xuddi shunday masalalar qatorida, deyksis nazariyasi haqida ham to'xtalib o'tishimiz mumkin. Tilshunoslikning semiotika bo'limida vujudga kelgan, pragmatika sohasining asosiy tushunchalaridan biri hisoblangan, deyksis nazariyasi ham nisbatan yangi tushuncha hisoblanadi. Deyksislar gapda voqelikka ishora qiladi. Ya'ni so'zlovchi gapirayotgan vaziyatdan kelib chiqqan holda, til birliklari orqali vaziyatni oydinlashtirib beradi. Deyksislarni o'rganish, fanda kim? nimaga? qachon? qayerda? qay yo'sinda ishora qilayotganligi ochiqlashga xizmat qiladi. Bu orqali esa nutqning ochiq-ravshan, maqsadli va samimiy amalga oshishini ta'minlash mumkin. Deyskislarni xato qo'llash esa suhbat jarayonida nomutanosiblikni keltirib chiqaradi va bu orqali kommunikativ maqsad noto'g'ri ifodalanib turli nizolarga sabab bo'lishi ham mumkin.

Asosiy qism

Deyksis nazariyasini tadqiq etish XIX asr oxiri XX asr boshlariga to'g'ri kelsa-da, bu boradagi ilk farazlar qadimgi faylasuflar Aristotel va Appoloniylarni qarashlariga borib taqaladi. Ilk bora ular, o'z asarlarida tilda ko'rsatkich birliklar borligini, ularning nutq vaziyatiga va vaqtiga ishora qilishini ta'kidlab o'tishgan. Keyinchalik lingvistikaga bu tushunchani olim K. Byuler kiritgan bo'lib, u o'zining "origo" modeli orqali bu tushunchani asosli izohlab bergan (Byuler, 2000). Shuningdek, E.Benvenistning "subyektivlik" nazariyasi ham deyksislarni isbotlovchi tushuncha bo'lib, keyingi ilmiy izlanishlar uchun asos vazifasini bajargan (Benvenist, 1974). Byuler ishlab chiqqan "organon" modeli fanga o'zgacha yo'nalish olib keldi va uning zamirida bir qator yangi qarashlar shakllandi. "*Organon*" tilning so'zlashuvdagi modeli bo'lib, uning atrofida uch asosiy tushuncha yotadi. Bular tilning ifoda, ta'sir va tasvir funksiyasi hisoblanadi. Ifoda yo'nalishida so'zlovchi va uning ichki holati, ta'sir bo'limida tinglovchi, ya'ni ikkinchi shaxsga yo'naltiriliganlik ifodasi va so'ngisida tasvir, aniqrog'i gapirilayotgan obyekt yoki voqea-hodisa borasidagi fikrlar jamlanadi. Bu funksiyalar nutq belgilari orqali amalga oshiriladi va unda uch tomon ishtirok etadi. Ular *so'zlovchi, tinglovchi va obyekt* ya'ni gapirilayotgan narsa yoki hodisalar. Ayrimlar bu tizimni tilshunoslikda uchburchak belgisi orqali ifoda ham etishadi. Ya'ni "organon" ning uch burchagi bo'lib, ular so'zlovchi, tinglovchi va "u" - narsa yoki hodisa. Har uchchalasi bir-birini to'ldiradi, va nutqda biri-birini talab etadi. Bu uch funksiya deyksisni amalda qo'llash uchun asos bo'lib xizmat qilsa, "Origo" nazariyasi, tilda deyksisning mavjud bo'lishini talab qiladi. Byuler fikriga ko'ra, "origo" deyksisning "*nol nuqtasi*" hisoblanadi. U 3 ta birlikdan tashkil topgan: men-shu yerda-hozir. Bu kompozitsiya deyktik elementlar hisoblanib, so'zlovchi o'zgarsa "origo" ham o'zgarib turishini ta'minlaydi (Byuler, 2000). Darhaqiqat, "origo"ning o'zgarishi, bevosita nutq elementlarining o'zgarishiga olib keladi. Masalan: dialoglarda "men" nuqtada turgan shaxs, "sen" nuqtaga qarata so'zlaydi. Bunda ko'rsatkichlar ikki yoqlama olib boriladi va jarayon mobaynida vaziyatdan kelib chiqib o'zgarib turadi. Ya'ni,

so‘zlayotgan kishi “men”ga ko‘chadi, tinglayotgan esa “sen”.

Byuler bu nazariyani ishlab chiqqandan so‘ng pragmatika sohasi tilshunoslari ham uning fikrlari ustida atroflicha ish olib boradilar. Xususan, J.Layonz Byulerning “origo” va “organon” modellarini rivojlantirib, o‘z qarashlarini ifoda etgan. U deyksisni an’anaviy tarzda uch turga ajratgan.

1. Shaxs deyksis;
2. Vaqt deyksisi;
3. Joy deyksisi.

Layonzning deyksislarning uch turga, ilmiy asoslab bo‘lib berganligi, deyksislar ustida ish olib borayotgan olimlar uchun ham juda manfaatli bo‘lgan. Har bir turni alohida o‘ranish, fandagi chalkashliklarni bartaraf etib, har bir tur doirasida mukammal va salmoqli ish olib borishni ta’minlagan. Shuningdek, olim o‘zining “Semantics”asarida deyksislarni havola bo‘lakning asosi sifatida ta’riflaydi. Anafora esa deyksis vositasida vujudga kelgan ikkinchi darajali hodisadir. Shuningdek, deyksislar tilning nutq vaziyatiga bog‘liqligini va yuzma-yuz aloqa paytida vujudga kelishini ta’riflaydi (Lyons, 1977). Ya’ni, agarda nutq vaziyati, mavjud bo‘lmasa deyksislar ham vujudga kelmaydi. Chunki deyksislar nutq vaziyatidagi holatlarni ko‘rsatuvchi birliklar hisoblanadi.

Yana bir mashhur tilshunos olim Ch.Filmorning pragmatika fani doirasidagi izlanishlari ham deyksislarni chuqur hamda tizimli ravishda o‘rganishga asos bo‘lib xizmat qiladi. Aynan, Ch. Filmor deyksislarni 5 turga ajratgan va ushbu turlar bugungi kungacha shu uslubda o‘rganilib kelinadi. Ular:

1. Shaxs deyksislari;
2. Vaqt deyksislari;
3. Joy deyksislari;
4. Diskurs deyksislari;
5. Ijtimoiy deyksislardir.

Shuningdek, olimning tahlillarida nafaqat deyksislar tadqiq etiladi, balki ularning nutq vaziyati o‘rtasidagi holati ham chuqur tadqiq etiladi. Aynan, shu uslubi bilan Filmorning izlanishlari, deyksis borasida ilmiy ishlar amalga oshirgan olimlarning tadqiqotlaridan ajralib turadi (Fillmore, 1971). Darhaqiqat, olim nafaqat ilmiy nazariyalarni fanga kiritgan, balki ularning amalda qo‘llanilishini ham tadqiq etgan hamda o‘z ilmiy izlanishlarida misollar bilan izohlab o‘tgan.

Tilshunoslikning pragmatika sohasi rivojlangani sayin yana bir pragmatikashunos olim S.C. Levinson deyksislarni fanda chuqur tadiqiq etgan. Uning izlanishlari Filmor va Layoznlarning ilmiy qarashlarini tahlil etgan va o‘z fikrlari bilan tizimli ravishda bog‘lagan. Levinsonning “Pragmatics” asari pragmatika sohasida izlanish olib borayotgan tadqiqotchilar tomonidan eng kerakli manba sifatida talqin etiladi. Aynan shu asarda, Levinson deyksislarni mufassal tahlil etgan bo‘lib, uning xulosalariga ko‘ra deyksislarni o‘rganish nafaqat pragmatika sohasida, balki semiotika fani doirasida ham muhim ahamiyatga ega (Levinson, 1983). Bunga sabab esa, deyksislarning nutq vaziyatini yanada oydinlashtirishi hamda gapda anglashilayotgan ma’noga e’tibor qaratishidadir.

Deyksislarni o‘rganish jarayonida ularni turlarga bo‘lib o‘rganish ancha ommabop va keng tarqalgan usullardan bo‘lib, har bir tur juda ham qiziqarli va yangiliklarga boy qismlarni o‘z ichiga oladi. Dunyodagi har bir tilda eng ko‘p tarqalgan deyksis turi bu shubhasiz, shaxs deyksislaridir. Shaxs deyksislari so‘zlashuvda shaxsga ishora qiladi. Bizga ma’lumki, deyksislarning asosiy vazifasi ham, ishora qilish deganidir. Shu sababdan ham so‘zlashuv jarayonidagi qaysi shaxs bo‘lmasin, nutq vaziyatida ishtirok etayotgan shaxslar deyksis maqomida bo‘ladi. Dialoglarda birinchi va ikkinchi shaxslarning mavjudligi, standard qoida hisoblanadi. Ya’ni har ikkisidan biri bo‘lmasa, dialog vujudga kelmaydi. Ammo bu dialogarda yashirin uchinchi shaxs, ya’ni “u” olmoshi ham aksar hollarda mavjud bo‘ladi. Bunga sabab, ikki shaxs o‘rtasidagi suhbat bevosita uchinchi shaxs, narsa, predmet yoki hodisa haqida ketadi. Shunday ekan, shaxs deyksisi o‘z-o‘zidan uch turga bo‘linishi tabiiy hol ekan. Dialoglarda esa ikki shaxs o‘rtasida “deyktik markaz” muhim o‘rin tutadi. Deyktik

markaz esa Byulerning “origo” nazariyasiga borib taqaladi (Byuler, 2000). Bunda *men* koordinatasi doimo nutq markazida bo‘ladi va agarda so‘zlovchi tinglovchiga nutq navbatini bersa, deyktik markaz ham unga o‘tadi.

Deyksislarni tadqiq etish jarayonida, vaqt deyksislari ham shubhasiz, muhim ahamiyatga ega. Bunga sabab esa vaqt deyksislarining nutq vaziyatidagi ishtirokidir.Deyksislarni chuqur tadqiq etgan olimlardan ustoz Sh.Safarov vaqt deyksislarini “zamon deyksislari” sifatida talqin etgan hamda ularning nutq vaziyati uchun asos bo‘lib xizmat qilishini qayd etgan (Сафаров, 2008). Darhaqiqat, so‘zlashuvda zamon tushunchasining anglashinuvi, nutqni yanada mufassal tushunishni taqozo etishi tabiiy. Shu sababdan ham, vaqt deyksislarini o‘rganish va ularni so‘zlashuvda to‘g‘ri qo‘llash muhim masala.

Nutq vaziyatini taqozo etuvchi deyksisning yana bir turi, albatta, joy deyksislaridir. Joy deyksislari ham temporal deyksislar kabi har bir nutq vaziyatida ishtirok etadi. Bunga sabab, nutq vaziyatining qaysidir bir hududda olib borilayotganligidir. Joy deyksislari bu nutq amalga oshirilayotgan joyga ishora etuvchi birliklardir. Aksar hollarda ular ham ravish so‘z turkumi bilan ifodalanadi. Masalan: “bu yerda” ravish birligi nutq vaziyatining qayerda olib borilayotganligiga oydinlik kiritadi. Agarda u nutq vaziyatida bevosita ishlatilmasa ham, nutq vaziyatidan so‘zlashuvchining qayerni nazarda tutayotgani darhol anglashilinadi.

Deyksislar nazariyasidagi yana bir ko‘p tadqiq etilayotgan turlardan biri, shubhasiz, diskurs deyksislaridir. Diskurs deyksislari ham, boshqa deyksislar singari ishora vazifasini bajaradi, ammo ular, aniq bir shaxs, makon yoki zamonga emas, balki gapda, o‘zidan oldin kelgan gapga yoki hodisalarga ishora vazifasida keladi. Diskurs deyksislarining ahamiyatli jihati shundaki, ular faqat jonli muhitdagi vaziyatga ishora qiladi. Ya’ni so‘zlovchi gapirayotgan nutqidagi gaplarga. Masalan, *Yuqorida aytib o‘tganimizdek, bu masalani diqqat bilan o‘rganib chiqish kerak.* Bu gapda “yuqorida” so‘zi diskurs deyksisi vazifasida keladi.

Bugungi kun tilshunoslari uchun ijtimoiy deyksis tushunchasi ham yangi tushuncha emas. Ularni o‘rganish ham bugungi kunga qadar diskurs deyksislarini tadqiq etishdek muhim masala bo‘lib qolmoqda. Bunga sabab ijtimoiy deyksislarning ifodalanishida rang-baranglik, hamda har bir tilda mavjud bo‘lgan o‘ziga xos ifoda vositalari. Ilk bora ijtimoiy deyksislarni deyksisning alohida bir turi sifatida o‘rganish Ch. Filmor ma’ruzalarida keltirilgan. Aynan u ijtimoiy (sotsial) deyksislarning ahamiyati haqida yetarlicha faktlar keltirib o‘tgan. Ijtimoiy deyksislar ham barcha deyksis turlari kabi ko‘rsatish vazifasini bajaradi, ammo ularning nimani ifodalab ko‘rsatayotganini aniqlash birmuncha e’tibor talab qiladi. Deyksislarni tadqiq etish jarayonida nutq egalarining ijtimoiy mavqega ishora qilish jarayoni ijtimoiy deyksis holatini yuzaga keltiradi. Shu jihatidan bu vaziyatni ijtimoiy holat deyksislari sifatida o‘rganish asosliroq hisoblanadi (Дрига, 2008). Ijtimoiy holat deyksislari tilda asosan olmosh, shuningdek, ijtimoiy xoslangan leksik birliklar, murojaat shakllari va ayrim qo‘shimchalar yordamida hosil qilinadi.

Deyksislar asosan shaxs, makon, zamon, diskurs hamda ijtimoiy deyksis turlari doirasida o‘rganilsa-da, o‘zbek tilshunosligida deyksis nazariyasini chuqur tadqiq etgan olima R. Davlatova deyksis hodisasini naqd 10 turga ajratadi. Olimaning fikricha, o‘zbek tilida deyktik birliklarning ishora obyektiga ko‘ra farqlanishi orqali shaxs, predmet, belgi, miqdor, makon, zamon, ijtimoiy, emotsional, propozitiv hamda diskurs deyksislari namoyon bo‘ladi (Давлатова, 2020).

Tilshunoslikda yana bir hodisa borki, uni diskurs deyksislari bilan tafovutlarini farqlash birmuncha murakkab. Bu shubhasiz, anafora hodisasidir. Bunga bir qator sabablar mavjud. Birinchidan, har ikkala hodisada ham “ishora qilish” ustuvor masala hisoblanadi. Ammo, ularni nimaga ishora qilishiga qarab birmuncha farqlash mumkin. Masalan, diskurs deyksislari

nutqning o‘zidan oldingi, keyingi gaplar va yoki jumla hamda boblarga murojaat qiladi. Anafora esa gapdan oldin aytib o‘tilgan mavjud obyekt, shaxs yoki hodisaga ishora qiladi. Agarda ishora nutqdan keyingi obyekt, predmet yoki hodisaga ishora qilsa kataforik hodisa bo‘lib, uning ham ahamiyati anafora bilan bir xil bo‘lib faqatgina, o‘rin almashishi orqali namoyon bo‘ladi va boshqa barcha anaforaga xos xususiyatlar saqlanib qoladi. Ikkinchidan esa, har ikkisining referensiya hodisasiga bog‘liq xususiyatlaridir. Biroq, ushbu hodisada ko‘proq diskurs deyksislari faol ishtirok etadi va anafora hodisasi asosan koreferentlik (Levinson, 1983) pozitsiyasida keladi. Ya‘ni anafora hodisasini tahlil etish jarayonida uning ikki yoki undan ortiq lisoniy birliklarning bir referentga ishora qilishi orqali aniqlash imkoni mavjud. Diskurs deyksislari esa to‘g‘ridan-to‘g‘ri nutqqa(oldin yoki keyin keladigan) ishora qiladi. Yana bir farqi shundaki, diskurs deyksislari mavhum, anafora esa aniq bir shaxs, narsa yoki hodisani ifodalaydi. Shu jihatlar orqali ularni farqlashni nisbatan osonlashtirish mumkin.

Deyksislarni o‘rganishdagi zamonaviy tadqiqotlardan yana biri, deyktik vositalarni paralingvistika doirasida o‘rganishdir. Bu yo‘nalish nisbatan yangi bo‘lib, asosan, imo-ishoralar orqali muloqot jarayoni amalga oshirilishini tadqiq etadi. Deyksislarni paralingvistika doirasida o‘rganish esa, muloqot jarayonini yana yaxshiroq anglashga yordam beradi. Bizga ma’lumki, inson beixtyor yoki ixtiyoriy tarzda so‘zlashuv jarayonida imo-ishoralardan foydalanadi. Bu esa so‘zlovchi nutqiga o‘z ta’sirini ko‘rsatmay qolmaydi. Ushbu usul orqali so‘zlovchi nutqini osonroq, tushunarliroq, aniq va lo‘nda qilib amalga oshirishga harakat qiladi. Ba’zi hollarda esa paralingvistik vositalar nutqqa emotsiya ham qo‘sha oladi. Nutq vaziyatida paralingvistik vositalarning ayrimlari ishora funksiyasida kelgani uchun biz ularni deyktik vositalar safiga kirita olamiz. Gaplarda bu kabi deyktik vositalarning qancha miqdorda kelishi va qanday uslubda kelishi nutq vaziyatiga va so‘zlovchining axborot yetkazib berish uslubiga bog‘liq bo‘ladi. Ayrim hollarda esa gaplar to‘liq imo-ishoralardan tashkil topishi ham mumkin. Jahon tilshunosligida deyktik vositalarni paralingvistika doirasida o‘rgangan olim G.Kreydlin paralingvistik deyksislarni ikki turga bo‘lib o‘rgangan (Крейдлин, 2008). Ular ishoraga xoslangan va tavsiflovchi deyktik vositalar bo‘lib, ular orasida tafovutlar mavjud. Birinchi turdagi deyktiklar faqatgina ishora funksiyasida kelsa, tavsiflovchi xarakterdagi deyktik belgilar, so‘zlovchining emotsiyasi va ko‘rsatilayotgan obyektning tavsiflovchi belgilarini namoyon etadi. Bizga ma’lumki, jestlar odatda qo‘l va barmoq harakatlari, ko‘z va qosh hamda lab ishoralari orqali amalga oshiriladi. Deyktik vositalar o‘rnida kelganda esa aynan ular tasvirlaydigan ishora belgisini ko‘rsatib beradi. Masalan, makon deyksislari qo‘llanilganda, *bu yerda, u yerda* kabi ishoralar ko‘rsatkich barmoqning uzoqni yoki yaqinni ko‘rsatib berishi orqali namoyon etiladi. Shuningdek, jestlar deyktik vositalar bilan kelganda, vaziyatni yanada oydinlashtirishga xizmat qiladi va bu bilan so‘zlovchi nutqiga aniqlik kiritadi. Deyktik vositalar asosan, olmosh va ravish so‘z turkumlari bilan ifodalanar ekan, jestlar ham ularni ifodalab keladi.

Xulosa

Deyksislarni o‘rganish tilshunoslik fani uchun yangilik bo‘libgina qolmay, bir necha asrlar oldin ham tadqiq etilgan pragmatikaning asosiy bo‘limlaridan biri hisoblanadi. Ammo, zamonlar osha bu masala borasidagi yangi qarashlar o‘z ahamiyatini yo‘qotmasdan, tilshunoslar diqqatini tortib kelmoqda. Bunga sabab, deyksislarning jonli nutq muloqotining ko‘rsatkich birklari bo‘lganligi hamda nutq vaziyatiga va uning kommunikativ maqsadlarini oydinlashtirishda tutgan ahamiyatidadir. Shuningdek, deyksis turlarini tadqiq etish ham muhim masala bo‘lib, deyksislarni o‘rganish sohasini yanada boyitadi.

References:

1. Бюлер, К. (2000). *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. Москва: Прогресс.
2. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.
3. Крейдлин, Г. Е. (2008). Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге: Дейктические жесты и речевые акты. В *Труды Международной конференции «Диалог 2008»*. 248–253. Москва.
4. Давлатова, Р. Ҳ. (2020). *Ўзбек тилининг дейктик бирликлари* (Докторская диссертация). Тошкент.
5. Дрига, С. С. (2008). *Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации* (Автореферат кандидатской диссертации). Ташкент.
6. Сафаров, Ш. (2008). *Прагмалингвистика*. Ташкент: Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси.
7. Fillmore, C. (1971). *Santa Cruz lectures*. Berkeley: University of California.
8. Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Comparative analysis of the verbalization of the concepts of nation and personality in English and Uzbek linguocultures

Burieva Nilufar Gofurovna
boriyevan581@gmail.com
An acting associate professor,
Karshi State Technical University

Annotation *The article presents a comparative analysis of the verbalization of the concepts of nation and personality in English and Uzbek linguocultures. The study aims to identify similarities and differences in the linguistic means used to express these concepts and to reveal their cultural and cognitive significance. Attention is given to lexical units, phraseological expressions, and contextual interpretations reflecting national and individual identity. The research is based on dictionary definitions, authentic literary and media texts, and selected discourse examples, which allows tracing how the concepts are represented in different communicative situations. The study also considers the influence of historical, social, and cultural factors on the formation and transformation of these concepts in English and Uzbek linguocultural space. Emphasis is placed on the interaction between language and culture in shaping collective and personal worldviews. The purpose is to determine key linguocultural patterns and explore their practical application in foreign language teaching, translation studies, and intercultural communication. The findings contribute to understanding how language encodes cultural values and identities in both languages.*

Keywords *Verbalization, linguocultural studies, concept, nation, personality, English linguoculture, Uzbek linguoculture, comparative analysis*

Ingliz va o‘zbek lingvomadaniyatlarida millat va shaxs tushunchalarining verbalizatsiyasini qiyosiy tahlil qilish

Burieva Nilufar Gofurovna
boriyevan581@gmail.com
v.b. dotsent,
Qarshi davlat texnika universiteti

Annotatsiya *Maqolada ingliz va o‘zbek lingvomadaniyatlarida millat va shaxs tushunchalarining verbalizatsiyasi qiyosiy jihatdan tahlil qilinadi. Tadqiqotning asosiy maqsadi ushbu tushunchalarni ifodalashda qo‘llaniladigan til vositalaridagi o‘xshashlik va farqlarni aniqlash, shuningdek, ularning madaniy, kognitiv va semiotik ahamiyatini ochib berishdan iborat. Leksik birliklar, frazeologik iboralar, barqaror birikmalar hamda kontekstual talqinlarga alohida e’tibor qaratilib, ular orqali milliy va individual identifikatsiyaning ifodalanish xususiyatlari batafsil tahlil qilinadi. Tadqiqot lug‘aviy ta’riflar, autentik matnlar, media resurslari va diskursiv misollar tahliliga asoslanadi, bu esa tushunchalarning turli kommunikativ vaziyatlarda va turli matn turlarida qanday namoyon bo‘lishini aniqlash imkonini beradi. Shuningdek, ingliz va o‘zbek lingvomadaniy makonida ushbu tushunchalarning shakllanishi, rivojlanishi va transformatsiyasiga ta’sir etuvchi tarixiy, ijtimoiy va madaniy omillar ko‘rib chiqiladi. Tadqiqot doirasida konseptlarning qadriyatlar tizimi, milliy mentalitet va madaniy*

stereotiplar bilan bog'liqligi ham yoritiladi. Natijalar chet tillarini o'qitish, madaniyatlararo muloqot hamda qiyosiy tilshunoslikda amaliy qo'llash uchun muhim ilmiy va nazariy asos bo'lib xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *Verbalizatsiya, lingvomadaniyatshunoslik, tushuncha, millat, shaxs, ingliz lingvomadaniyati, o'zbek lingvomadaniyati, qiyosiy tahlil*

Сравнительный анализ вербализации концептов нации и личности в английской и узбекской лингвокультурах

Буриева Нилуфар Гофуровна
boriyevan581@gmail.com
в.и. доцент,
Каршинский государственный технический университет

Аннотация *В статье представлен сравнительный анализ вербализации концептов нации и личности в английской и узбекской лингвокультурах. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в языковых средствах выражения данных концептов, а также в раскрытии их культурной, когнитивной и семиотической значимости. Особое внимание уделяется анализу лексических единиц, фразеологических выражений, устойчивых сочетаний и особенностей контекстуальной интерпретации, отражающих национальную и индивидуальную идентичность в обоих языках. Исследование основано на комплексном анализе словарных дефиниций, аутентичных литературных и медийных текстов, а также дискурсивных примеров, что позволяет проследить репрезентацию концептов в различных коммуникативных ситуациях и типах дискурса. В работе рассматривается влияние исторических, социальных и культурных факторов на формирование и развитие концептов, а также динамика их трансформации в английском и узбекском лингвокультурном пространстве. Результаты исследования направлены на выявление ключевых лингвокультурных закономерностей и обоснование возможностей их практического применения в обучении иностранным языкам, переводоведении и межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова *Вербализация, лингвокультурология, концепт, нация, личность, английская лингвокультура, узбекская лингвокультура, сравнительный анализ*

Introduction

In the context of globalization and the active development of intercultural communication, the study of linguistic means through which basic cultural values and representations are reflected and formed becomes particularly relevant. Language functions not only as a means of communication, but also as the most important instrument for the representation of collective and individual consciousness, in which key concepts that determine the national worldview are закреплены. In this regard, the study of such fundamental

concepts as *nation* and *personality* is of special scholarly interest, since they reflect the features of national identity, self-awareness, and cultural stereotypes in different linguocultures.

The concepts of nation and personality are complex mental and cultural formations shaped under the influence of historical, social, political, and cultural factors. Their verbalization in language is realized through a wide range of lexical, phraseological, and discursive means that reflect the specificity of national mentality and value orientations of language users. A comparative analysis of these concepts in English and Uzbek linguocultures makes it possible to identify both universal and nationally specific features in their linguistic representation.

The relevance of this research is determined by the need for a deeper understanding of the mechanisms of formation of national and individual identity in the conditions of intercultural interaction. In addition, the results of such analysis are of significant theoretical and practical importance for the development of linguoculturology, cognitive linguistics, comparative linguistics, as well as for improving foreign language teaching methodology and developing students' intercultural competence (Buriyeva, 2025).

The aim of the present study is to identify and systematize the main linguistic means of verbalization of the concepts of nation and personality in English and Uzbek, as well as to determine their cultural-semantic and pragmatic features. This aim involves solving a number of tasks, including the analysis of lexical units, phraseological expressions, and contextual uses, as well as the interpretation of the obtained data from linguocultural and cognitive perspectives.

Literature review

The study of linguocultural concepts has become a central focus in modern linguistics, as language is viewed as a key mechanism for reflecting and constructing cultural identity. According to Karasik (2002) and Wierzbicka (1997), cultural concepts represent culturally marked mental formations that are verbalized through lexical, phraseological, and discourse means. These approaches provide the theoretical foundation for analyzing such socially significant concepts as nation and personality.

Recent comparative studies in English and Uzbek linguoculturology demonstrate that culturally important concepts are verbalized differently depending on national mentality and value systems. Burieva (2025) examines the linguocultural features of the concepts of nationality and personality in English and Uzbek, showing that English discourse emphasizes civic identity, individual freedom, and self-expression, whereas Uzbek discourse foregrounds collectivism, moral values, respect for traditions, and spiritual belonging. Her findings confirm that these concepts function as key markers of national worldview and cultural identity.

Other researchers have explored related conceptual fields that indirectly support the present study. Chuyanova (2025), analyzing the concept of family in English and Uzbek linguocultures, demonstrates that English tends toward an individualistic and nuclear-family-oriented model, while Uzbek reflects a collectivist and extended-family-centered model. This opposition parallels differences in the verbalization of personality and national identity, highlighting the broader cultural patterns shaping conceptualization.

Ismatullayeva (2025) investigates the concept of human in English, Russian, and Uzbek, emphasizing that human-related concepts are deeply embedded in phraseology, proverbs, and discourse practices. The study shows that Uzbek linguistic consciousness places greater emphasis on moral and social dimensions of the individual, whereas English discourse more often highlights autonomy and personal agency. These findings are directly relevant for understanding the conceptualization of personality.

Research on phraseological units also contributes to the analysis of national and personal identity. Isroilov (2025) argues that phraseology serves as a mirror of national worldview and plays a significant role in expressing culturally specific values in both English and Uzbek. Phraseological expressions often encode culturally conditioned models of personality, morality, and national character, thus supporting the importance of phraseology in conceptual studies (Dubrovskaya, 2024).

Materials and Methods

Materials

The study used the following sources:

- English language corpora (British National Corpus, contemporary journalism, online resources);
- Uzbek language corpora (National Corpus of the Uzbek Language, literary and journalistic texts, online content);
- Dictionaries, encyclopedic sources, and specialized works on conceptual studies.

Methods

- **Lexical-semantic analysis** – identifying the main linguistic units expressing the concepts of "nation" and "personality."
- **Comparative corpus analysis** – comparing the usage of words and expressions in English and Uzbek linguocultures.
- **Discourse analysis** – studying the contextual use of concepts in texts of different functional types.
- **Cognitive-linguistic approach** – analyzing concepts as mental units reflecting cultural and value-based models.

Results

1. **Concept of "nation"**
   - In English linguoculture, the concept "nation" is often associated with political-territorial characteristics, history, and cultural heritage, and it is frequently used in political and journalistic discourse.
   - In Uzbek linguoculture, the concept "миллат" ("millat") includes ethnic, historical, and spiritual-cultural aspects, emphasizing collective identity and cultural uniqueness.
2. **Concept of "personality"**
   - In English linguoculture, terms such as "personality" or "individual" emphasize personal qualities, character, achievements, and social behavior.
   - In Uzbek linguoculture, the term "шахс" ("shaxs") often reflects social roles, moral qualities, respect for traditions and family, reflecting collectivist cultural values.
3. **Linguocultural features**
   - English linguoculture is more abstract and universal, using metaphors and evaluative adjectives to describe personality and nation.
   - Uzbek linguoculture is rich in expressive and emotional vocabulary, often using proverbs and sayings to convey value-based meanings (Dvorkina, 2025).

Discussion

The results of this study demonstrate that the verbalization of the concepts of **nation** and **personality** is closely connected with the cultural, historical, and social context of each linguoculture. In English linguoculture, the concept of "nation" most often emphasizes political and territorial characteristics, historical narratives, and civic identity, reflecting the individualistic and institutionalized nature of English-speaking societies. In contrast, in Uzbek linguoculture, the concept **"миллат" (millat)** encompasses ethnic heritage, spiritual and cultural values, and collective identity, highlighting collectivist orientations and cultural distinctiveness. This difference demonstrates that language not only transmits information but also encodes cultural attitudes and collective memory.

The analysis of the concept of **personality** also revealed significant differences between the two linguocultures. In

English, the terms "personality" and "individual" focus on personal qualities, achievements, and behavior, reflecting the values of autonomy and self-realization. In Uzbek linguoculture, however, **"шахс" (shaxs)** is more often associated with social roles, moral qualities, respect for elders, and family responsibilities, reflecting the collectivist values characteristic of Central Asia. These findings indicate that the conceptualization of personality in language is not universal but culturally mediated, which is important to consider when learning a second language (Hasanova, 2024).

Further analysis revealed differences in linguocultural strategies. English linguoculture relies on abstract terms, evaluative adjectives, and metaphors, whereas Uzbek vocabulary is rich in expressive, emotionally colored, and culturally specific units, including proverbs and sayings. This is highly relevant for intercultural communication and foreign language teaching, as it helps prevent misunderstandings and contributes to the development of cultural competence.

Moreover, the study emphasizes that understanding these differences is crucial for a broader analysis of cognitive and cultural models. The way a society conceptualizes collective identity and individuality affects discourse, argumentation style, and narrative structure in both written and spoken communication. Thus, the results underline the necessity of integrating linguistic, cognitive, and cultural approaches when studying the verbalization of concepts across different languages (Narmaniya, 2025).

Conclusion

The comparative analysis of the verbalization of the concepts of **nation** and **personality** in English and Uzbek linguocultures demonstrated that language functions not only as a communicative tool but also as a carrier of cultural values and a collective worldview. The main findings of the study include:

- The concept of **nation** is realized differently: English linguoculture emphasizes individualism and political-state aspects, whereas Uzbek linguoculture highlights collectivism and spiritual-cultural values.
- The concept of **personality** reflects different cultural models: English emphasizes personal qualities and achievements, while Uzbek focuses on social roles, moral qualities, and traditions.
- Linguocultural strategies (vocabulary, phraseology, metaphors) differ, underscoring the importance of culture in shaping linguistic meanings.
- The practical significance of the study includes:
- The findings can be used by foreign language teachers to develop culturally adapted curricula.
- The results support the creation of teaching materials that take into account the linguocultural characteristics of students.
- The study contributes to the development of intercultural competence and helps learners understand the cultural context of language.

In conclusion, the verbalization of the concepts of nation and personality is deeply dependent on cultural context. Comparative analysis of linguocultures facilitates a better understanding of how language reflects, constructs, and conveys cultural values. Future research could expand this analysis to other languages and explore the influence of digital communication on the formation of new concepts of nation and personality in multilingual and multicultural contexts.

References:

1. Buriyeva, N. (2025). *Common and Distinctive Linguocultural Features of the Concepts of Nationality and Personality in English and Uzbek Languages*. Lingvospektr, Vol. 9, No. 1 (2025).
2. Dubrovskaya, E. M. (2024). The Current State of the Theory of Linguocultural Types. *RUDN. Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, Vol. 15, No. 2*. 394–414.
3. Dvorkina, A. A. (2025). Analysis of Verbalization of the Concept "Fear" in Russian and English Fixed Expressions. *Russian Linguistic Bulletin, 3*(63), March 2025.
4. Hasanova, L. A. (2024). Linguoculturology as an Independent Scientific Discipline. *Modern Science and Research, 1*(10).
5. Narmaniya, T. S. (2025). Specifics of Verbalisation of the Concept "Work" in English Language Blog Discourse. *Russian Linguistic Bulletin, 9*(69), September 2025.

Etymological and Linguistic-Cultural Multilayered Nature of Spanish Hydronyms (Based on the Material of the Iberian Peninsula and Latin America)

Bakhronova Dilrabo Keldiyorovna
dbaxronova@uzswlu.uz
Head of the Department of Practical Spanish,
Uzbekistan State World Languages University

Anvarova Saodat Alijon qizi
doniyorovasaodat4@gmail.com
MA student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article explores the etymological and linguocultural multilayered nature of Spanish hydronyms based on material from the Iberian Peninsula and Latin America. Hydronyms are examined as stable onomastic units that reflect complex historical, linguistic, and cultural processes accompanying the formation and development of the Spanish-speaking world. Special attention is paid to pre-Roman substrates – namely Iberian, Celtiberian, and Basque – as well as to the role of Latin and Arabic in shaping the modern hydronymic system of Spanish. The study analyzes phonetic, morphological, and semantic adaptation mechanisms of ancient names of water bodies during Romanization and the period of Arabic influence. Factors contributing to the preservation, transformation, and reinterpretation of hydronyms under long-term linguistic and sociocultural changes are also considered. Hydronyms are interpreted not only as toponymic markers but also as carriers of historical memory, collective spatial representations, and cultural identity. Particular emphasis is placed on the hydronymy of Latin America, which developed through the interaction between Spanish naming traditions and indigenous languages. The article concludes that Spanish hydronyms constitute complex multilayered linguistic structures reflecting the continuity of linguistic epochs and the stability of cultural codes.*

Keywords *Hydronymy, onomastics, Spanish language, substratum, etymology, linguistic-cultural studies, historical memory*

Ispan gidronimlarining etimologik va lingvomadaniy ko‘pqatlamliligi (Pireney yarimoroli va Lotin Amerikasi materiali asosida)

Bakhronova Dilrabo Keldiyorovna
dbaxronova@uzswlu.uz
Ispan tili amaliy fanlar kafedrasi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Anvarova Saodat Alijon qizi
doniyorovasaodat4@gmail.com
Magistrant,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada Pireney yarimoroli va Lotin Amerikasi materiallari asosida ispan gidronimlarining etimologik hamda lingvomadaniy ko‘pqatlamliligi tadqiq etiladi. Gidronimlar ispan tilining shakllanishi va rivojlanishi jarayonida yuzaga kelgan murakkab tarixiy, lingvistik va madaniy jarayonlarni aks ettiruvchi barqaror onomastik birliklar sifatida talqin qilinadi. Tadqiqotda romanlashuvgacha bo‘lgan (preroman) substratlar – iber, keltiber va bask tillari, shuningdek, lotin va arab*

tillarining zamonaviy ispan gidronimik tizimini shakllantirishdagi roli alohida yoritiladi. Qadimgi suv obyektlari nomlarining romanlashuv va arab ta'siri davrida fonetik, morfologik hamda semantik moslashuv mexanizmlari tahlil qilinadi. Gidronimlar nafaqat toponimik belgi, balki tarixiy xotira, makon haqidagi jamoaviy tasavvurlar va madaniy identiklikni ifodalovchi birliklar sifatida baholanadi. Lotin Amerikasi gidronimiyasining o'ziga xos jihatlari ispan nominativ an'anasi va mahalliy tillar o'zaro ta'siri natijasida shakllangani ko'rsatib beriladi. Xulosa sifatida ispan gidronimlari til davrlari uzviyligi va madaniy kodlar barqarorligini aks ettiruvchi ko'pqatlamli lingvistik tuzilmalar ekanligi asoslanadi.

Kalit so'zlar *Gidronimiya, onomastika, ispan tili, substrat, etimologiya, lingvomadaniyatshunoslik, tarixiy xotira*

Этимологическая и лингвокультурная многослойность испанских гидронимов (на материале Пиренейского полуострова и Латинской Америки)

Бахронова Дилрабо Кельдияровна
dbaxronova@uzswlu.uz
Заведующая кафедрой практического испанского языка,
Узбекский государственный университет мировых языков

Анварова Саодат Алижон кизи
doniyorovasaodat4@gmail.com
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье исследуется этимологическая и лингвокультурная многослойность испанских гидронимов на материале Пиренейского полуострова и Латинской Америки. Гидронимы рассматриваются как устойчивые ономастические единицы, отражающие сложные исторические, языковые и культурные процессы, сопровождавшие формирование и развитие испаноязычного пространства. Особое внимание уделяется дороманским субстратам – иберскому, кельтиберскому и баскскому, а также роли латинского и арабского языков в становлении современной гидронимической системы испанского языка. В работе анализируются механизмы фонетической, морфологической и семантической адаптации древних названий водных объектов в процессе романизации и в период арабского влияния. Рассматриваются факторы сохранения, трансформации и переосмысления гидронимов в условиях длительных языковых и социокультурных изменений. Гидронимы интерпретируются не только как топонимические маркеры, но и как носители исторической памяти, коллективных представлений о пространстве и культурной идентичности народов. Отдельное внимание уделяется специфике гидронимии Латинской Америки, сформированной в результате взаимодействия испанской номинативной традиции с автохтонными языками. Делается вывод о том, что испанские гидронимы представляют*

собой сложные многослойные лингвистические структуры, отражающие преемственность языковых эпох и устойчивость культурных кодов.

Ключевые слова *Гидронимия, ономастика, испанский язык, субстрат, этимология, лингвокультурология, историческая память*

Гидронимы занимают особое место в системе собственных имён, поскольку именно названия водных объектов отличаются наибольшей устойчивостью и консервативностью в языковой истории. В отличие от ойконимов и урбанонимов, подверженных частым изменениям вследствие социально-политических и демографических факторов, названия рек, озёр и других водных объектов сохраняют свою основу на протяжении веков и даже тысячелетий (Krahe, 1964). По этой причине гидронимы рассматриваются в современной ономастике как одни из наиболее надёжных источников для реконструкции древних языковых слоёв и этнокультурных процессов.

Испанская гидронимия представляет собой особенно сложный и показательный объект исследования. Историческое развитие Пиренейского полуострова как пространства интенсивных миграций и культурных контактов привело к формированию многоуровневой гидронимической системы, в которой сочетаются дороманские субстраты (иберский, кельтиберский, баскский), латинские элементы, а также арабский слой, возникший в период аль-Андалуса. В результате в одном и том же гидрониме нередко сосуществуют элементы, относящиеся к различным историческим эпохам и языковым традициям, что делает испанские гидронимы своеобразным «архивом» языковой памяти.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к анализу гидронимов не только с этимологической, но и с лингвокультурологической точки зрения. В условиях глобализации и возросшего интереса к вопросам идентичности и культурного наследия гидронимы всё чаще рассматриваются как носители коллективной памяти, отражающие традиционные представления о пространстве, природе и сакральности воды. Кроме того, испанская гидронимия в Латинской Америке формировалась в результате взаимодействия испанского языка с автохтонными языками индейских народов, что привело к возникновению особой типологии гидронимов, отличающейся от европейского варианта.

Целью настоящей статьи является выявление основных принципов этимологической и лингвокультурной многослойности испанских гидронимов, а также анализ механизмов сохранения и трансформации древних гидронимических элементов в процессе исторического развития испанского языка. В рамках исследования гидронимы рассматриваются как устойчивые лингвистические структуры, способные отражать глубинные процессы языковой и культурной эволюции.

В системе ономастических единиц гидронимы занимают особое положение, обусловленное их высокой степенью устойчивости и исторической инерции (Murzaev, 1974). Названия водных объектов, в отличие от большинства других топонимов, формируются на ранних этапах освоения пространства и сохраняются даже в условиях радикальных языковых и этнических трансформаций. Данная особенность позволяет рассматривать гидронимы как своеобразные

«консервативные маркеры» языковой истории, фиксирующие древнейшие пласты лексики и номинативных моделей (Никонов, 1988).

В ономастической традиции XX века неоднократно подчёркивалось, что именно гидронимы обладают наибольшей хронологической глубиной. Р. Менендес Пидаль указывал, что названия рек по своей природе древнее ойконимов, поскольку гидрографическая сеть предшествует формированию устойчивых поселений. Аналогичную позицию занимает и Х. Краэ, разработавший концепцию «древнеевропейской гидронимии», согласно которой многие речные названия восходят к доиндоевропейскому или раннеиндоевропейскому периоду и не соотносятся напрямую с современными этническими границами (Pidal, 1980; Krahe, 1964).

С лингвистической точки зрения гидроним характеризуется сохранностью фонетического «скелета», который, претерпевая адаптацию к новым фонологическим системам, тем не менее сохраняет свою основу. Именно поэтому такие названия, как *Ebro*, *Duero*, *Tajo*, демонстрируют непрерывность развития от древних форм (*Iberus, Durius, Tagus*) до современных испанских эквивалентов. Подобная устойчивость объясняется не только частотностью употребления, но и особым статусом воды в традиционной картине мира как жизненно важного и сакрализованного элемента.

В современной лингвокультурологии гидронимы всё чаще интерпретируются как носители коллективной памяти. Они аккумулируют в себе представления о природном ландшафте, хозяйственной деятельности, мифологических и религиозных верованиях, а также об исторических событиях, связанных с конкретным водным объектом. В этом смысле гидроним выступает не просто как знак географической локализации, а как элемент культурного кода, передающий знания и смыслы от поколения к поколению.

Испанская гидронимия в данном аспекте представляет особый интерес, поскольку формировалась в условиях длительного и многоуровневого языкового взаимодействия. Дороманские субстраты, латинская романизация и арабский суперстрат не вытесняли полностью предшествующие номинативные системы, а наслаивались на них, образуя сложные гибридные структуры. В результате один и тот же гидроним может содержать элементы, относящиеся к различным историческим эпохам, что превращает его в своеобразный «языковой палимпсест».

Таким образом, гидроним в испанском языке следует рассматривать как устойчивую лексико-ономастическую единицу, в которой отражается динамика исторического развития языка и культуры. Его анализ позволяет реконструировать древние языковые слои, выявить механизмы фонетической и семантической адаптации, а также проследить трансформацию пространственных представлений в коллективном сознании. Именно эта совокупность факторов делает гидронимию одним из ключевых объектов междисциплинарных исследований на стыке лингвистики, истории и культурологии.

Одной из ключевых особенностей испанской гидронимии является её выраженная дороманская основа. По мнению большинства исследователей, значительная часть названий рек и других водных объектов Пиренейского полуострова возникла задолго до римской экспансии и последующей романизации региона. Именно поэтому гидронимы рассматриваются как наиболее репрезентативные носители древних языковых субстратов, сохранивших свои структурные элементы даже после смены доминирующих языков.

Иберский субстрат занимает центральное место в реконструкции ранней гидронимической системы полуострова. Несмотря на фрагментарность письменных источников, ряд повторяющихся корней (*ib-*, *eb-*, *ab-*, *ur-*) позволяет предположить существование устойчивой дороманской модели номинации водных объектов. Названия *Ebro* (< *Iberus*), *Abona*, *Ibaizabal* демонстрируют сохранение древнего корневого элемента, семантически связанного с понятием воды, течения или влажной среды. Характерной чертой иберских гидронимов является их минимальная семантическая мотивированность в синхронном восприятии: они не описывают конкретные свойства реки, а функционируют как первичные, немаркированные обозначения водного объекта (Corominas, 1980-1991).

Наряду с иберским значительное влияние на формирование гидронимии оказал кельтиберский субстрат. В гидронимах кельтского происхождения доминируют корни, связанные с динамикой и энергетикой воды. Элементы *dur-*, *dubr-*, *dour-* фиксируются в названиях *Duero*, *Duerna*, *Deva*, а также в ряде европейских гидронимов за пределами Испании, что подтверждает их индоевропейскую природу. В отличие от иберской традиции, кельтская модель номинации чаще отражает физические характеристики водного объекта – силу течения, бурность, способность размывать ландшафт. Это различие позволяет говорить о разных типах концептуализации воды в дороманских языках полуострова.

Особое место занимает баскский субстрат, который отличается как типологически, так и генетически. Баскский язык, не относящийся к индоевропейской семье, сохранил ряд гидронимических элементов, связанных с прозрачной семантикой: *ur* «вода», *iturri* «источник», *ibi* «брод». Названия *Bidasoa*, *Nervión* интерпретируются исследователями как результат сочетания баскских лексических элементов, отражающих особенности гидрографической сети северных регионов. При этом баскский вклад в испанскую гидронимию количественно ограничен, что объясняется как географической локализацией баскоязычного ареала, так и длительным сосуществованием с романскими языками (Villar, 1996).

Важной особенностью дороманских гидронимов является их способность к адаптации в условиях последующей романизации. Римская администрация не создавала принципиально новых названий для большинства крупных рек, а фиксировала уже существующие формы, приспосабливая их к латинской фонетике и морфологии. В результате возникли такие формы, как *Iberus*, *Durius*, *Tagus*, в которых латинские суффиксы (*-us*, *-is*) наслаиваются на более древний корневой материал. После распада Римской империи и формирования романских языков эти суффиксы были утрачены, однако фонетическая основа гидронимов сохранилась (Pidal, 1968).

Таким образом, дороманские субстраты в испанской гидронимии образуют прочное лексическое ядро, устойчивое к языковым изменениям. Их анализ позволяет реконструировать ранние этапы заселения Пиренейского полуострова и выявить различные модели номинации воды, существовавшие в древних языках региона. Сочетание иберских, кельтиберских и баскских элементов создаёт сложную многослойную структуру, которая продолжает функционировать в современном испанском языке, сохраняя следы древнейших языковых картин мира.

Арабский период в истории Пиренейского полуострова сыграл особую роль в формировании испанской гидронимии, поскольку не привёл к полному вытеснению предшествующих номинативных моделей, а создал промежуточный, интермедиальный слой,

объединивший дороманские и романские элементы. В отличие от латинской романизации, которая в значительной степени стандартизировала фонетический и морфологический облик гидронимов, арабское влияние носило преимущественно надстроечный характер, добавляя новые лексические компоненты к уже существующим названиям (Бахронова, Таирова, 2025)

Ключевым элементом арабского гидронимического слоя является слово *wādī* – «долина», «русло», «водный поток», которое в процессе адаптации к испанской фонетической системе трансформировалось в форму *guad-*. Данный компонент стал одним из наиболее продуктивных в испанской топонимии и гидронимии, особенно на территории Андалусии и центральных регионов полуострова. Такие названия, как *Guadalquivir*, *Guadiana*, *Guadalete*, *Guadarrama*, представляют собой результат сложного взаимодействия арабского лексического элемента с более древними дороманскими или латинскими гидронимическими основами.

Особенно показательным является гидроним *Guadiana*, который часто рассматривается в научной литературе как модель «двойной исторической памяти». Его латинская форма *Anas*, зафиксированная в античных источниках, не была утрачена в период арабского господства, а была включена в новую номинативную конструкцию *wādī Ana* (Corominas, 1980-1991). В результате в современном испанском названии *Guadiana* сосуществуют элементы двух различных эпох и языков – латинского и арабского. Подобная структура демонстрирует, что арабский слой не разрушал прежние гидронимы, а переосмысливал их, создавая гибридные формы (Pidal, 1980).

Фонетическая адаптация арабских элементов в испанском языке сопровождалась рядом закономерных изменений. Полугласный *w* последовательно переходил в *gu*, характерное для испанской графики; арабский определённый артикль *al-* в ряде случаев ассимилировался с последующим словом или полностью исчезал; увулярные и фарингальные согласные (*ḥ*, *ḫ*, *q*) утрачивались или заменялись более близкими испанской фонетике звуками. Эти процессы привели к формированию устойчивых испанских форм, которые сегодня воспринимаются как исконные, несмотря на их арабское происхождение (Tovar, 1961).

Арабский гидронимический слой имеет не только лингвистическое, но и лингвокультурное значение. В арабской традиции вода рассматривалась как ключевой элемент хозяйственной и сакральной организации пространства, что отразилось в активном использовании термина *wādī* для обозначения водных объектов и связанных с ними территорий. Включение данного элемента в испанскую гидронимию свидетельствует о переносе определённых концептуальных представлений о воде и ландшафте, которые закрепились в языке даже после завершения Реконкисты.

Следует подчеркнуть, что арабский слой не является изолированным: он функционирует в тесной связи с дороманскими и романскими компонентами, формируя многослойную систему. В этом смысле арабские гидронимы выступают в роли «связующего звена» между древнейшими субстратами и современным испанским языком. Их анализ позволяет проследить не только фонетическую и семантическую эволюцию названий, но и механизмы культурной преемственности в условиях языкового и этнического многообразия.

Таким образом, арабский компонент испанской гидронимии следует рассматривать как интермедиальную систему, обеспечившую сохранение и

переосмысление древних гидронимов в новом историческом контексте. Он сыграл важную роль в формировании современного гидронимического ландшафта Испании и стал одним из наиболее ярких примеров многослойности и исторической глубины ономастических единиц.

Современные лингвистические исследования всё чаще выходят за рамки сугубо этимологического анализа и рассматривают гидронимы как элементы культурной семиотики. В этом контексте названия водных объектов интерпретируются не только как результат номинативных процессов, но и как носители коллективных представлений о пространстве, природе и истории. Лингвокультурологический подход позволяет выявить символические и концептуальные значения, закреплённые в гидронимах и отражающие ментальные модели носителей языка.

В традиционной картине мира вода занимает особое место как источник жизни, граница между мирами и сакральный элемент. Эти представления находят отражение в гидронимии, где названия рек и озёр часто выходят за пределы утилитарной функции и приобретают символическую нагрузку. В испанской культуре крупные реки нередко воспринимаются как оси исторического и культурного пространства, вокруг которых формировались поселения, торговые пути и коллективная память. Именно поэтому гидронимы сохраняются даже в условиях смены политических режимов и языков.

Особый интерес представляют случаи народной этимологии, при которых древние и семантически непрозрачные гидронимы переосмысливаются в сознании носителей языка. Подобные интерпретации, хотя и не имеют научного обоснования, демонстрируют стремление культуры «объяснить» название через доступные лексические и образные средства. С лингвокультурологической точки зрения такие явления свидетельствуют о продолжающемся символическом освоении пространства и актуализации гидронимов в коллективном сознании.

В испанской и латиноамериканской традиции гидронимы также активно включаются в художественный и исторический дискурс. Они функционируют как маркеры идентичности, элементы национального нарратива и знаки культурной памяти. Названия рек и озёр используются в литературе, фольклоре и публицистике как символы времени, движения и судьбы, что подчёркивает их семантическую многоплановость. В Латинской Америке, где испанская номинативная традиция взаимодействовала с автохтонными языками, гидронимы нередко сохраняют следы доколониальных мифологических представлений, интегрированных в испаноязычный контекст.

В условиях современной коммуникации гидронимы приобретают новые значения, связанные с экологическим дискурсом, туризмом и региональным брендингом. Названия рек и озёр становятся элементами символического капитала территорий, используемыми для формирования позитивного образа региона. Таким образом, гидроним продолжает развиваться как культурный знак, не утрачивая при этом своей исторической глубины.

Лингвокультурологическая интерпретация позволяет рассматривать испанские гидронимы как динамичные структуры, в которых пересекаются древние языковые слои и современные социокультурные смыслы. Их анализ демонстрирует, что устойчивость гидронимов обусловлена не только языковыми факторами, но и их значимостью в системе культурных ценностей (Mouton, 2010).

Проведённое исследование подтверждает, что испанские гидронимы представляют собой многослойные лингвистические образования, в которых отражается сложная история языковых и культурных контактов. Дороманские субстраты, латинская романизация и арабский интермедиальный слой не вытесняли друг друга, а формировали устойчивую систему, способную сохранять элементы различных эпох в пределах одной номинативной единицы.

Анализ показал, что гидронимы отличаются высокой степенью консервативности, что делает их ценным источником для реконструкции древних языковых состояний и этнокультурных процессов. При этом их функционирование в современном испанском языке выходит за рамки сугубо топонимической идентификации и включает лингвокультурные, символические и коммуникативные аспекты.

Испанская гидронимия, как в европейском, так и в латиноамериканском ареале, демонстрирует уникальный пример взаимодействия языков и культур, результатом которого стала сложная и многомерная система географических названий. Рассмотрение гидронимов как носителей исторической памяти и элементов культурного кода позволяет углубить понимание механизмов языковой преемственности и расширяет перспективы дальнейших междисциплинарных исследований в области ономастики, исторической лингвистики и лингвокультурологии.

References:

1. Baxronova, D., & Tairova, F. (2025). TARIXIY TOPONIMLAR: ARAB TILI TA'SIRIDA SHAKLLANGAN ISPAN VA O 'ZBEK GEONOMIK MODELI. *«ACTA NUUz»*, *1*(1.6), 248-252.
2. Corominas, J. (1980–1991). *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. Vols. 1–6. Madrid: Gredos.
3. García Mouton, P. (2010). Metáfora y motivación en la toponimia. *Revista de Filología Española, 90*(2), 257–276. https://doi.org/10.3989/rfe.2010.v90.i2.211
4. Krahe, H. (1964). *Die alten europäischen Flußnamen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
5. Menéndez Pidal, R. (1968). *Toponimia prerrománica hispánica*. Madrid: Gredos.
6. Menéndez Pidal, R. (1980). *Orígenes del español* (9th ed.). Madrid: Espasa-Calpe.
7. Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki. Moskva: Mysl'*. (Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики.)
8. Nikonov, V. A. (1988). *Vvedenie v toponimiku*. Moskva: Nauka. (Никонов, В. А. Введение в топонимику.)
9. Tovar, A. (1961). *Lenguas prerromanas de la Península Ibérica*. Salamanca: Universidad de Salamanca.
10. Villar, F. (1996). *Los indoeuropeos y los orígenes de Europa*. Madrid: Gredos.

Taboo Language and Pragmatic Constraints in English and Uzbek: A Comparative Pragmatic Analysis

Abdubokieva Dilshoda Gaybullo kizi
dabduboqiyeva2002@gmail.com
Master's student,
Namangan State Institute of Foreign Languages

Annotation *This comparative study examines taboo language and pragmatic constraints in English and Uzbek through the lens of sociolinguistic and pragmatic theory. Taboo words, euphemisms, and politeness strategies serve as cultural markers that reflect societal norms, values, and interpersonal dynamics. Drawing on recent cross-linguistic research, including multi-lab studies spanning 17 countries and 13 languages (Sulpizio et al., 2024), this article analyzes how speakers of English and Uzbek navigate sensitive topics such as bodily functions, death, disease, sexuality, and profanity. The study employs Brown and Levinson's (1987) politeness theory as a theoretical framework to understand face-saving mechanisms and pragmatic strategies in both languages. Findings reveal that while English demonstrates moderate informality with context-dependent taboo use, Uzbek culture enforces stricter avoidance patterns rooted in Islamic values and collectivist social structures. The research contributes to cross-cultural pragmatics by highlighting culture-specific manifestations of linguistic taboo and their implications for intercultural communication, language teaching, and translation studies.*

Keywords *Taboo language, pragmatic constraints, euphemism, politeness theory, cross-cultural pragmatics, English-Uzbek comparison*

Ingliz va o'zbek tillarida tabu leksikasi hamda pragmatik cheklovlar: qiyosiy pragmatik tahlil

Abduboqiyeva Dilshoda G'aybullo qizi
dabduboqiyeva2002@gmail.com
Magistratura talabasi,
Namangan davlat chet tillari instituti

Annotatsiya *Mazkur qiyosiy tadqiqot ingliz va o'zbek tillarida tabu leksikasi hamda pragmatik cheklovlarni sotsiolingvistik va pragmatik nazariya nuqtai nazaridan o'rganadi. Tabu so'zlar, evfemizmlar hamda muloyimlik (politeness) strategiyalari jamiyat me'yorlari, qadriyatlari va shaxslararo munosabatlarni aks ettiruvchi muhim madaniy ko'rsatkichlar hisoblanadi. 17 ta mamlakat va 13 ta tilni qamrab olgan ko'p laboratoriyali tadqiqotlar natijalari (Sulpizio va boshq., 2024) asosida ushbu maqolada ingliz va o'zbek tilida so'zlashuvchilar tananing fiziologik funksiyalari, o'lim, kasallik, jinsiylik va haqoratli ifodalar kabi nozik mavzularni qanday ifodalashi tahlil qilinadi. Tadqiqotda Brown va Levinson (1987) tomonidan ishlab chiqilgan muloyimlik nazariyasi nazariy asos sifatida qo'llanilib, har ikki tilda "yuzni saqlash" mexanizmlari hamda pragmatik strategiyalar o'rganiladi. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, ingliz tilida tabu leksikasining qo'llanilishi kontekstga bog'liq holda nisbatan erkinroq bo'lsa, o'zbek madaniyatida islomiy qadriyatlar va kollektiv ijtimoiy tuzilma ta'sirida qat'iyroq cheklovlar kuzatiladi. Mazkur tadqiqot madaniyatlararo pragmatika sohasini boyitib, lingvistik tabu hodisalarining madaniyatga xos ko'rinishlari hamda ularning madaniyatlararo muloqot, til o'qitish va tarjima tadqiqotlari uchun ahamiyatini yoritadi.*

Kalit so'zlar *Tabu leksikasi, pragmatik cheklovlar, evfemizm, muloyimlik nazariyasi, madaniyatlararo pragmatika, ingliz-o'zbek qiyosiy tahlili*

Табуированная лексика и прагматические ограничения в английском и узбекском языках: сравнительный прагматический анализ

Абдубокиева Дилшода Гайбуллаевна
dabduboqiyeva2002@gmail.com
Магистрант,
Наманганский государственный институт иностранных языков

Аннотация *Данное сравнительное исследование рассматривает табуированную лексику и прагматические ограничения в английском и узбекском языках через призму социолингвистической и прагматической теории. Табуированные слова, эвфемизмы и стратегии вежливости выступают важными культурными маркерами, отражающими социальные нормы, ценности и межличностные отношения. На основе современных межъязыковых исследований, включая многоцентровые исследования, охватывающие 17 стран и 13 языков (Sulpizio и др., 2024), в статье анализируется, каким образом носители английского и узбекского языков обсуждают чувствительные темы, такие как физиологические процессы организма, смерть, болезни, сексуальность и обсценная лексика. В качестве теоретической основы исследования используется теория вежливости Брауна и Левинсона (1987), позволяющая раскрыть механизмы сохранения «лица» и прагматические стратегии в обоих языках. Результаты исследования показывают, что в английском языке употребление табуированной лексики характеризуется умеренной неформальностью и контекстуальной зависимостью, тогда как в узбекской культуре наблюдаются более строгие ограничения, обусловленные исламскими ценностями и коллективистской социальной структурой. Исследование вносит вклад в развитие межкультурной прагматики, раскрывая культурно-специфические проявления языковых табу и их значение для межкультурной коммуникации, преподавания языков и переводоведения.*

Ключевые слова *Табуированная лексика, прагматические ограничения, эвфемизм, теория вежливости, межкультурная прагматика, сравнительный анализ английского и узбекского языков*

Introduction

Language serves not merely as a communication tool but as a complex system encoding cultural values, social hierarchies, and communal norms. Among the most culturally sensitive linguistic phenomena are taboo words and expressions – those deemed inappropriate, offensive, or unmentionable within specific social contexts. The study of taboo language has gained renewed scholarly attention in the 21st century, with research spanning diverse disciplines including

discourse analysis, sociolinguistics, pragmatics, and cognitive semantics (Crespo-Fernández, 2025). Recent empirical investigations reveal that taboo words, despite their prohibition, constitute approximately 0.5% of daily spoken language and 1% of written social media discourse (Sulpizio et al., 2024), underscoring their pervasive yet regulated presence in human communication.

The term "taboo" originates from the Polynesian word tapu, meaning sacred or forbidden, first introduced to English by Captain James Cook in 1777 during his South Pacific voyages. According to the Oxford English Dictionary (2024), taboo refers to "a social or religious custom prohibiting or restricting a particular practice." In linguistic contexts, taboo encompasses expressions avoided because they violate community standards of politeness, decency, or respect. Closely intertwined with taboo is the concept of pragmatic constraints – the contextual and social rules governing appropriate language use, considering factors such as social distance, power relations, age, gender, and situational formality (Allan & Burridge, 2006).

This study undertakes a comparative analysis of taboo language in English and Uzbek, two languages representing distinct linguistic families (Germanic and Turkic) and divergent cultural paradigms (Western individualism versus Central Asian collectivism). While extensive research exists on English taboo language (Allan, 2018), comparative studies involving Uzbek remain limited despite the language's 34 million speakers. Recent work by Hazirdinov and Lee (2021), Alimov and Kupriyanova (2024), and Ibragimova (2023) has begun addressing this gap, revealing significant cross-cultural variations in euphemistic strategies and taboo conceptualization.

Theoretical framework

Brown and Levinson's (1987) politeness theory provides the primary theoretical foundation for this analysis. Grounded in Goffman's (1967) concept of "face" – an individual's public self-image and sense of social worth – the theory posits that all human interaction involves potential face-threatening acts (FTAs). Brown and Levinson distinguish between positive face (the desire to be approved and appreciated) and negative face (the desire for autonomy and freedom from imposition). Politeness strategies emerge as mechanisms to mitigate these face threats, ranging from direct bald-on-record utterances to highly indirect off-record strategies.

The universality of politeness theory has been contested, particularly regarding non-Western cultures. Critics argue that the theory's emphasis on individual autonomy reflects Anglo-Saxon cultural biases and inadequately accounts for collectivist societies where social harmony and hierarchical relationships supersede individual face concerns. Nevertheless, the theory's core principles – face sensitivity, contextual variation, and strategic communication – remain valuable for cross-cultural analysis when adapted to culture-specific manifestations.

Allan and Burridge's (2006) seminal work Forbidden Words conceptualizes taboo as a multifaceted phenomenon encompassing linguistic, psychological, and social dimensions. They identify three primary motivations for linguistic taboo: fear and superstition (death, disease, supernatural entities), propriety and decency (bodily functions, sexuality), and respect and deference (sacred entities, authority figures). Euphemism – the substitution of offensive terms with more acceptable alternatives – serves as the principal avoidance mechanism, allowing speakers to reference taboo topics while maintaining social decorum.

Recent cognitive linguistic research emphasizes the metaphorical and metonymic processes underlying euphemism formation (Abdel-Raheem & Goubaa, 2024). Conceptual metaphors such as DEATH IS A JOURNEY (e.g., "passed away," "departed") and BODY FUNCTIONS ARE NATURE'S CALL illustrate how abstract conceptual mappings facilitate indirect

reference. The euphemism treadmill – the cyclical process whereby euphemistic terms acquire negative connotations over time, necessitating replacement – demonstrates the dynamic nature of taboo vocabulary (Hazirdinov & Lee, 2021).

Literature review

A comprehensive bibliometric analysis by Crespo-Fernández (2025) of taboo-related publications from 2000-2024 reveals that discourse analysis, sociolinguistics, and pragmatics constitute the dominant research disciplines, followed by cognitive semantics and psycholinguistics. The study identifies politeness theory, cognitive metaphor theory, and conversation analysis as prevailing theoretical frameworks. Methodologically, corpus linguistics and discourse analysis have emerged as primary approaches, reflecting a shift toward empirical, data-driven research.

Sulpizio et al.'s (2024) groundbreaking multi-lab study provides the most comprehensive cross-linguistic data on taboo words to date, covering 13 languages and 17 countries. The research demonstrates that taboo words universally exhibit extremely low valence (negative emotional quality) and high arousal across languages, yet significant cross-cultural variation exists in specific words' tabooness and offensiveness ratings. This finding underscores the importance of community-specific sociocultural knowledge in taboo language research, challenging purely universal approaches.

Comparative taboo language research has predominantly focused on major world languages. Ahmed (2024) examined English taboo words in Arabic contexts, revealing systematic pragmatic violations when English profanity is translated or used by Arabic speakers. Abdel-Raheem and Goubaa (2024) analyzed taboo language in Egyptian op-eds, demonstrating how metaphorical and metonymic mechanisms facilitate face-saving in politically sensitive discourse. Kirejeva (2023) investigated gender differences in taboo language use during quarrels from a cross-cultural perspective, finding that while men use more offensive language universally, cultural norms significantly mediate expression patterns.

Research on Uzbek taboo language and euphemism, though limited, has expanded significantly in recent years. Ibragimova (2023) conducted a cross-cultural analysis of taboo in English and Uzbek, identifying distinct conceptualization patterns rooted in Islamic traditions and collectivist social structures. Alimov and Kupriyanova (2024) examined communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in Russian and Uzbek, revealing that euphemistic strategies in Uzbek are particularly influenced by cultural and religious beliefs, especially regarding sexual relations and elder respect.

Hazirdinov and Lee (2021) applied Relevance Theory to euphemism in English and Uzbek, demonstrating how speakers create ad hoc concepts to achieve optimal relevance while maintaining politeness. Yuldosheva (2025) compared taboo and euphemism in Uzbek and German, emphasizing linguistic and cultural approaches. Xujanazarova and Yusupova (2023) analyzed euphemism functions in Uzbek literary discourse, identifying softening, veiling, communicative, and corrective functions as primary categories.

Methodology

This study employs a qualitative comparative approach combining contrastive linguistic analysis with pragmatic theory. Data sources include published research on taboo language in both English and Uzbek, dictionary definitions, literary texts, and documented euphemistic expressions. The analytical framework integrates three complementary perspectives:

1. *Semantic-Pragmatic Analysis:* Examination of taboo topics and euphemistic strategies in both languages, identifying semantic fields (bodily functions, death, sexuality, profanity) and analyzing avoidance mechanisms.

2. *Socio-Cultural Analysis:* Investigation of cultural values, religious influences, and social norms shaping taboo conceptualization and expression patterns in English and Uzbek speech communities.
3. *Pragmatic Analysis:* Application of Brown and Levinson's politeness theory to understand face-management strategies and contextual constraints governing taboo language use.

The comparative analysis focuses on four primary taboo domains identified in the literature as universal yet culturally variable: bodily excretions and functions, death and disease, sexuality and reproduction, and profanity and swearing. For each domain, English and Uzbek expressions, euphemistic alternatives, and contextual usage patterns are examined to identify similarities and divergences.

Comparative analysis of Taboo Domains

In English, nearly all terms referring to human waste and bodily functions – excluding "tears" – are considered taboo in polite discourse. Historical polite forms such as "move the bowels" or "pass water" have become obsolete or perceived as overly formal. Clinical terminology ("defecate," "urinate") remains confined to medical contexts, while euphemistic expressions proliferate in everyday speech. Common English euphemisms include "answer the call of nature," "do one's needs," "use the facilities," and "powder one's nose." Notably, even the word "toilet" undergoes euphemistic replacement with "restroom," "bathroom," "lavatory," "loo," or "john" – terms often semantically misleading (one does not literally "rest" in a restroom).

Uzbek demonstrates parallel avoidance patterns with culture-specific manifestations. Direct references to bodily functions (siydik chiqarish, najis, ich ketish) are strictly avoided in polite conversation, considered highly inappropriate especially in the presence of elders or mixed-gender groups. Euphemistic alternatives dominate: "tashqariga chiqmoq" (literally "go outside"), "tabiat chaqiryapti" (nature is calling), or indirect phrases using modal constructions. The Uzbek cultural concepts of adab (politeness) and hurmat (respect) exert stronger regulatory force than in English, resulting in more pervasive euphemism use across social contexts.

Table 1 presents comparative euphemistic expressions for bodily functions in English and Uzbek, revealing both universal conceptual patterns (nature metaphors, spatial deixis) and language-specific strategies.

Category	English	Uzbek
Nature metaphor	Answer the call of nature	Tabiat chaqiryapti
Spatial euphemism	Use the facilities, Go to the bathroom	Tashqariga chiqmoq (go outside)
Activity euphemism	Wash your hands, Powder your nose	Qo'lni yuvmoq (wash hands)
Children's language	Go pee/poo, Tinkle	Pishdi/kakadi qilmoq

Table 1. *Euphemistic Expressions for Bodily Functions*

The cross-linguistic comparison reveals universal cognitive patterns in euphemism formation – particularly nature metaphors and spatial displacement – while cultural values determine the degree and contexts of usage. Uzbek's more extensive euphemistic system reflects heightened cultural sensitivity to bodily topics, influenced by Islamic modesty norms and collectivist face concerns.

Death represents a particularly potent taboo domain across cultures, though manifestations vary significantly. In English, the fear and discomfort associated with death motivate extensive euphemistic avoidance.

Direct terminology ("died," "death," "dead") is frequently replaced with softening expressions: "passed away," "departed this life," "went to his reward," "went home," "went to a better place," or the colloquial "kicked the bucket." These euphemisms employ metaphorical conceptualizations of death as journey, transition, or reward, mitigating the emotional impact and maintaining conversational politeness.

Disease, particularly stigmatized conditions, similarly undergoes euphemistic treatment in English. Cancer is often referred to as "the Big C" or described vaguely as "a serious illness" or "terminal condition." Mental health conditions elicit indirect expressions: "not all there," "confused," "having difficulties," reflecting historical stigma and contemporary efforts toward sensitivity.

Uzbek culture demonstrates even stronger avoidance patterns regarding death. The direct statement "o'ldi" (died) is rarely uttered in casual conversation, considered disrespectful and potentially unlucky. Instead, religious and metaphorical euphemisms dominate: "vafot etdi" (passed away – formal), "olamdan o'tdi" (left the world), "Allohning rahmatiga yetdi" (reached God's mercy), or "jonini topshirdi" (surrendered the soul). These expressions reflect Islamic worldview elements, conceptualizing death as divine transition rather than termination.

Disease euphemism in Uzbek similarly reflects cultural sensitivity. "Saraton" (cancer) is avoided in direct reference, replaced with "og'ir kasal" (serious illness) or "jiddiy muammo" (serious problem). Mental illness remains highly stigmatized, discussed through vague formulations: "sog'lig'ida muammo bor" (has health problems) or "boshiga muammo tushgan" (problem befell his head). The prevalence of indirect expressions reflects stronger cultural taboos around illness and disability compared to contemporary Western contexts.

English profanity encompasses diverse semantic categories including religious oaths ("hell," "damn"), sexual references ("fuck"), bodily functions ("shit," "piss"), and derogatory terms ("bastard," "bitch"). The concept of "four-letter words" reflects the concentration of short, Anglo-Saxon-origin taboo terms. However, English profanity demonstrates significant contextual flexibility: mild swearing may function casually among peers, humorously in media, or emphatically in informal settings, while maintaining prohibition in formal contexts (Stapleton, 2020).

The social acceptability of English swearing has evolved considerably. Modern informal discourse, particularly among younger generations and in digital communication, exhibits increased tolerance for mild profanity. Swearing serves multiple pragmatic functions: cathartic expression ("Damn it!"), social bonding ("You're a badass!"), emphasis ("This is fucking amazing!"), and humor. This functional diversity reflects individualist cultural values prioritizing authentic self-expression within appropriate contexts.

Uzbek profanity, by contrast, operates under substantially stricter social constraints. Direct sexual references and family-directed insults (especially toward mothers or sisters) constitute the most severe taboos, considered culturally explosive and morally transgressive. Such expressions are almost never used in public or mixed-gender settings, with violations carrying significant social sanctions. The cultural importance of family honor and sexual modesty, reinforced by Islamic values, creates powerful barriers against profane speech.

Animal-based insults ("it" [dog], "eshak" [donkey], "tulki" [fox]) represent milder profanity categories in Uzbek, though still inappropriate in formal contexts. Euphemistic expressions for frustration ("voy dod," "baraka topgur") allow emotional release without true profanity. The absence of casual or humorous swearing in Uzbek reflects collectivist values prioritizing social harmony, respect for authority, and maintenance of communal face over individual expressive freedom. Table 2

summarizes key differences in profanity usage between English and Uzbek, highlighting divergent cultural attitudes toward swearing.

Dimension	English	Uzbek
Social acceptability	Context-dependent; casual use increasingly normalized	Strictly prohibited in public; strong social sanctions
Primary functions	Catharsis, emphasis, humor, social bonding	Aggression, insult (limited contexts)
Severity hierarchy	Mild (damn, hell) → Strong sexual (fuck)	Animal insults → Family/sexual references (most severe)
Cultural basis	Individual expression, authenticity	Family honor, religious values, collective face
Media presence	Common in entertainment, often censored in broadcast	Virtually absent from mainstream media

Table 2. *Profanity and Swearing: Cross-Cultural Comparison*

These differences reflect fundamental contrasts in cultural orientation: English's individualism allows greater freedom for expressive profanity within appropriate boundaries, while Uzbek's collectivism enforces stricter norms prioritizing social harmony and respect for traditional values.

Politeness strategies and Pragmatic constraints

English politeness strategies align with Brown and Levinson's (1987) model, emphasizing negative face concerns – the desire to avoid imposition. Characteristic features include indirect requests ("Could you possibly...?"), modal verbs ("would," "might," "could"), hedging ("perhaps," "maybe," "sort of"), and mitigating expressions that minimize face threat. The preference for negative politeness reflects individualist cultural values prioritizing personal autonomy and voluntary cooperation.

However, English also employs positive politeness strategies in appropriate contexts: demonstrating solidarity, using informal address, expressing interest in the interlocutor, and employing inclusive pronouns ("we," "us"). The balance between positive and negative politeness varies by relationship type, situational formality, and regional culture. Contemporary English, particularly in North American contexts, increasingly favors casualness and directness among peers, though maintaining formality in institutional settings.

Regarding taboo language specifically, English pragmatic constraints emphasize contextual appropriateness. Swearing may be acceptable in informal peer interactions, certain professional contexts (construction, military), and entertainment media, but remains prohibited in formal settings, professional communication with strangers or superiors, and public discourse. This contextual flexibility allows speakers to navigate between casual authenticity and formal propriety (Stapleton, 2020).

Uzbek politeness operates fundamentally differently, grounded in collectivist values and hierarchical social structures. Two central concepts – hurmat (respect) and hayo (modesty/shame – govern communicative behavior. Politeness manifestations include extensive honorific systems, indirect communication patterns, and strict behavioral codes especially regarding elders, superiors, and cross-gender interaction (Mamadiyorova, 2025).

The honorific system employs kinship terms as respectful address forms: "aka" (older brother), "opa" (older sister), "amaki" (paternal uncle), "aya" (maternal aunt), "ustoz" (teacher). These terms mark social distance and hierarchy, used even with non-relatives to show respect. The second-person plural "siz" (formal you) replaces singular "sen" (informal you) in polite contexts, similar to European T-V distinction but with broader application reflecting stronger hierarchical norms.

Indirect communication represents another key feature of Uzbek politeness. Direct refusals are avoided; speakers employ circumlocution, hedging, and positive framing even when declining requests. This indirectness maintains social harmony and protects collective face – both speaker's and addressee's – reflecting concern for group cohesion over individual clarity. Uzbek speakers value "reading between the lines" as a communicative competence, whereas Western communicators may perceive such indirectness as evasive or unclear (Hazirdinov & Lee, 2021).

Taboo language constraints in Uzbek are absolute rather than contextual. Profanity remains prohibited across virtually all social contexts, with violations carrying serious reputational consequences. Sexual topics are strictly avoided in public and mixed-gender settings. Bodily function references require euphemistic expression regardless of formality level. These rigid constraints reflect Islamic influence, strong family values, and collectivist face concerns where individual transgression threatens group honor (Ibragimova, 2023). Table 3 synthesizes the primary dimensions of politeness and pragmatic constraints in English and Uzbek, highlighting systematic cross-cultural variation.

Feature	English	Uzbek
Primary orientation	Negative politeness (autonomy, non-imposition)	Positive politeness (hierarchy, respect, harmony)
Communication style	Direct with mitigation; clarity valued	Highly indirect; implicit communication
Honorific usage	Limited (titles, formal Mr./Ms.)	Extensive kinship-based system (aka, opa, ustoz)
Taboo flexibility	Context-dependent; casual settings more permissive	Absolute constraints; minimal context variation
Refusal strategies	Can be direct with softening (I'm afraid I can't...)	Highly indirect; circumlocution and positive framing
Cultural values	Individualism, authenticity, efficiency	Collectivism, hurmat (respect), hayo (modesty)

Table 3. *Politeness Strategies and Constraints: English vs. Uzbek*

This comparative framework reveals how politeness systems embody broader cultural logics. English prioritizes individual autonomy and communicative efficiency, accepting contextual variation in taboo expression. Uzbek prioritizes collective harmony and hierarchical respect, maintaining rigid taboo constraints to preserve social order and family honor.

Discussion

The comparative analysis reveals both universal and culture-specific dimensions of taboo language. Universally, taboo words exhibit low valence and high arousal across languages (Sulpizio et al., 2024), and similar conceptual domains – bodily functions, death, sexuality – undergo linguistic avoidance.

Euphemistic strategies employ shared cognitive mechanisms including metaphor (DEATH IS A JOURNEY), metonymy (referring to toilets by activities performed there), and semantic generalization (replacing specific terms with vague alternatives).

However, cultural specificity fundamentally shapes taboo realization. What constitutes taboo, the severity of prohibition, acceptable contexts, and consequences of violation vary dramatically. English taboos reflect Christian heritage (religious oaths), secular modernization (gradual profanity normalization), and individualist values (contextual flexibility). Uzbek taboos reflect Islamic influence (absolute sexual modesty), collectivist social structures (family honor protection), and hierarchical organization (elder respect, gender segregation).

Sulpizio et al.'s (2024) finding of significant cross-country variability in tabooness ratings, even for identical words in the same language spoken in different countries, underscores the primacy of cultural context over linguistic structure. This supports the theoretical position that taboo is fundamentally a social-pragmatic rather than purely semantic phenomenon, requiring community-specific knowledge for appropriate interpretation (Allan & Burridge, 2006; Pizarro Pedraza, 2018).

The English-Uzbek comparison illuminates limitations in Brown and Levinson's (1987) politeness theory while confirming its core insights. The theory's emphasis on face concerns and strategic communication remains valid cross-culturally, but its specific formulation – particularly the negative politeness preference and individual agency assumption – reflects Western cultural biases (Matsumoto, 1988; Gu, 1990; Fukada & Asato, 2004).

Uzbek politeness demonstrates alternative configurations of face concerns. Rather than emphasizing individual autonomy (negative face), Uzbek prioritizes relational harmony and hierarchical positioning (positive face concerns within collectivist framework). Politeness operates less as strategic individual choice than as prescribed social duty determined by hierarchical relationships. This suggests the need for culturally situated politeness theories recognizing multiple organizational principles rather than assuming universal individual-centered models.

Nevertheless, the comparative analysis confirms Brown and Levinson's fundamental insight that face management universally structures human communication. The specific faces valued and strategies employed vary, but the underlying concern with social image and interpersonal positioning appears cross-culturally robust. Taboo language and euphemism represent specialized domains where face concerns intensify, making them particularly revealing of cultural values and social organization.

Cross-cultural variation in taboo language and politeness norms creates significant potential for pragmatic failure in intercultural communication. English speakers may perceive Uzbek indirectness as evasive, unclear, or inefficient, while Uzbek speakers may interpret English directness as rude, aggressive, or disrespectful. Casual English swearing among peers may shock Uzbek interlocutors, while Uzbek elaborate honorific systems may seem unnecessarily formal or hierarchical to egalitarian-minded English speakers.

These misunderstandings extend beyond mere social awkwardness, potentially impacting professional collaboration, diplomatic relations, educational settings, and business negotiations. For instance, an English-speaking manager's direct negative feedback may cause severe face loss for an Uzbek employee accustomed to indirect criticism. Conversely, an Uzbek speaker's euphemistic refusal may be misinterpreted as acceptance by an English speaker expecting explicit negation.

Developing pragmatic competence – understanding not only linguistic forms but their contextual appropriateness – is essential

for successful intercultural communication (Thomas, 1983). This requires explicit instruction on cultural norms governing taboo, politeness, and face management, not merely vocabulary and grammar. Language education programs must integrate pragmatic and sociolinguistic components, using authentic materials illustrating contextual variation and cultural values (Mamadiyorova, 2025).

Taboo language poses particular challenges for translation and media localization. Direct translation of English profanity into Uzbek contexts may cause severe offense inappropriate to the original's pragmatic force, while omission may fail to convey intended emotional intensity. Translators must navigate complex equivalence relationships considering not only semantic content but pragmatic function, social acceptability, and emotional impact (Kirejeva, 2023).

Media content featuring English-language swearing requires careful adaptation for Uzbek audiences. Simply dubbing or subtitling profanity would violate cultural norms and potentially face censorship. Strategies include euphemistic substitution, tonal markers indicating frustration without explicit language, or contextual framing making emotional state clear without taboo words. However, these adaptations inevitably alter pragmatic effects, potentially changing character portrayal and narrative tone.

Conversely, translating Uzbek texts for English audiences requires recognizing implicit cultural references and making explicit the social meanings conveyed through honorific choices, euphemistic expressions, and indirect communication patterns. The translator must serve as cultural mediator, explaining contextual factors that Uzbek audiences intuitively understand but English readers may miss (Yuldosheva, 2025).

Conclusion

This comparative analysis of taboo language and pragmatic constraints in English and Uzbek demonstrates how linguistic forms embody cultural values, social structures, and interpersonal norms. While certain taboo domains – bodily functions, death, sexuality – appear cross-culturally, their specific realization, severity, and management vary fundamentally between individualist and collectivist cultural systems.

English taboo language operates with contextual flexibility, reflecting individualist values prioritizing personal autonomy and authentic self-expression within appropriate bounds. Moderate informality pervades contemporary English discourse, with profanity serving diverse pragmatic functions including catharsis, emphasis, social bonding, and humor. Politeness strategies emphasize negative face concerns – avoiding imposition – through indirect requests, modal softening, and hedging.

Uzbek taboo language, by contrast, maintains rigid constraints reflecting collectivist values prioritizing social harmony, hierarchical respect, and family honor. Profanity remains strictly prohibited across contexts, with violations carrying serious social sanctions. Sexual topics and bodily functions require extensive euphemistic mediation. Politeness strategies emphasize positive face concerns within hierarchical frameworks, employing elaborate honorific systems, indirect communication, and circumlocution to maintain collective face.

These differences reflect deeper cultural paradigms: English's individualism versus Uzbek's collectivism, Western secularization versus Islamic influence, egalitarian ideals versus hierarchical social organization. Understanding these cultural foundations is essential for avoiding pragmatic failure in intercultural communication, developing effective language pedagogy, and producing culturally sensitive translations.

Future research should expand comparative taboo studies to additional language pairs, investigate pragmatic variation within Uzbek-speaking communities (urban vs.

rural, generational differences, regional dialects), and examine how globalization and social media influence taboo norms, particularly among younger generations increasingly exposed to Western cultural products. Experimental studies measuring cross-cultural pragmatic competence and miscommunication patterns would complement qualitative analyses, while longitudinal research could track diachronic changes in taboo boundaries as societies evolve.

Ultimately, the study of taboo language reveals language's profound interconnection with culture, cognition, and society. What speakers avoid saying often speaks as loudly as what they express, marking the boundaries of the culturally permissible and reflecting core values about propriety, respect, and human relationships. By understanding these boundaries and their cultural foundations, we gain deeper insight into human communication's universal patterns and remarkable diversity.

References:

1. Abdel-Raheem, A., & Goubaa, M. (2024). Taboo language in a sample of Egyptian op-eds: A corpus-based socio-cognitive study. *Discourse & Communication, 18*(3), 267-289. https://doi.org/10.1177/09579265241271491
2. Ahmed, S. (2024). English words interpreted as taboo in Arabic: A pragmatic study. *American Journal of Social Humanities Research, 5*(2), 12-25. https://globalresearchnetwork.us/index.php/ajshr/article/view/3897
3. Alimov, T. E., & Kupriyanova, M. E. (2024). Communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in Russian and Uzbek languages. *Philology: Scientific Research, 6*, 45-58. https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=43604
4. Allan, K. (2018). *Taboo words and language*. In K. Allan (Ed.), The Oxford handbook of taboo words and language (pp. 1-25). Oxford University Press.
5. Allan, K., & Burridge, K. (2006). *Forbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge University Press.
6. Crespo-Fernández, E. (2025). Taboo language research in the new millennium: A literature review. *Complutense Journal of English Studies, 33*, 1-24. https://doi.org/10.5209/cjes.102066
7. Hazirdinov, I., & Lee, S. (2021). Euphemism in English and Uzbek: Relevance theoretic perspective. *Journal of Studies in Language, 37*(2), 227-238. https://doi.org/10.18627/jslg.37.2.202108.227
8. Ibragimova, S. I. (2023). The cross-cultural specificity of the taboo: The example of the English and Uzbek languages. *European Journal of Language and Literature Studies, 11*(2), 50-62. https://geniusjournals.org/index.php/ejlat/article/view/5192
9. Jay, T. (2009). The utility and ubiquity of taboo words. *Perspectives on Psychological Science, 4*(2), 153-161. https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2009.01115.x
10. Kirejeva, J. (2023). The use of taboo language in quarrels: The difference between men and women: A cross-cultural perspective. *Beyond Language Journal, 12*(3), 45-61. https://czasopisma.bg.ug.edu.pl/index.php/beyond/article/view/10415
11. Mamadiyorova, S. M. (2025). A comparative analysis of neutral, positive, and negative pragmatic strategies in English and Uzbek languages. *Spanish Journal of Innovation and Integrity, 12*(1), 89-102. https://www.sjii.es/index.php/journal/article/view/381

12. Merriam-Webster. (2024). *Taboo*. Merriam-Webster. https://www.merriam-webster.com/dictionary/taboo
13. Oxford English Dictionary. (2024). *Taboo*. Oxford University Press. https://www.oed.com/
14. Pizarro Pedraza, A. (Ed.). (2018). *Linguistic taboo revisited: Novel insights from cognitive perspectives*. De Gruyter Mouton.
15. Stapleton, K. (2020). Swearing, good manners and social identity. *Journal of Sociolinguistics, 24*(1), 157-175. https://doi.org/10.1111/josl.12375
16. Sulpizio, S., Günther, F., Beche-Ter, A., et al. (2024). Taboo language across the globe: A multi-lab study. *Behavior Research Methods, 56*(4), 3794-3813. https://doi.org/10.3758/s13428-024-02376-6
17. Xujanazarova, X., & Yusupova, S. B. (2023). The functions of euphemism in Uzbek language (On the example of O'tkir Hoshimov's short stories). *American Journal of Research in Humanities and Social Sciences, 8*, 23-29. https://americanjournal.org/index.php/ajrhss/article/view/334
18. Yuldosheva, V. (2025). Taboo and euphemism: A linguistic and cultural approach in Uzbek and German languages. *Asian Journal of Social Sciences & Humanities Research, 3*(1), 34-47. https://in-library.uz/index.php/ajsshr/article/view/122683

The Role of Ibn Farhat's Linguistic Heritage in Overcoming Cultural and Linguistic Stagnation and the Formation of the Arab Renaissance

Muxlisabonu Turgunovna Ishankhanova
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
Senior Lecturer at the "Al-Azhar" Department of Arabic Language and Literature, PhD, International Islamic Academy of Uzbekistan

Annotation *This article analyzes the systemic crisis of Arabic culture from the 13th to 18th centuries and the pivotal role of Arab Christians in initiating the Arab Renaissance. The author explores the causes of stagnation in Muslim society, primarily the institutional dominance of taqlīd (imitation) and the widening gap between sacralized linguistic norms (fuṣḥa) and living speech. Central to the study is the scholarly contribution of the Maronite scholar Ibn Farhat, whose work bridged Western rationalism and Eastern tradition. Special focus is placed on his treatise «Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṯṯ al-ṭālib», which simplified Arabic pedagogy and integrated the language into the daily and liturgical practices of Christian communities. The paper emphasizes that the transition from Karshuni script to classical Arabic, alongside Ibn Farhat's reforms, provided the ideological foundation for overcoming cultural isolation. It concludes that Lebanon's Christian intellectuals, educated through European models like the Pontifical Maronite College, were the primary catalysts for modernizing Arabic philology and precursors to the 19th-century Enlightenment.*

Keywords *Arab Renaissance, Arabic language, Maronites, taqlīd, Karshuni, Middle East, linguistic reform*

Ibn Farhat lingvistik merosining madaniy til turg'unligini bartaraf etish va Arab Uyg'onish davri shakllanishidagi roli

Muxlisabonu Turg'unovna Ishanxanova
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
«Al-Azhar» arab tili va adabiyoti kafedrasi katta o'qituvchisi, PhD, O'zbekiston xalqaro islom akademiyasi

Annotatsiya *Ushbu maqolada XIII–XVIII asrlar davomida arab dunyosida kuzatilgan intellektual va sotsiomadaniy inqirozning tub sabablari ilmiy asoslangan holda atroflicha tahlil qilinadi. Muallif mazkur turg'unlikni «taqlid» (ko'r-ko'rona ergashish) tamoyilining ustunligi va adabiy tilning jonli muloqotdan uzilib qolishi bilan izohlaydi. Tadqiqotda islohotchilik harakatlarining Livan arab-xristianlari jamoasiga ko'chish jarayoni va ularning Yevropa ratsionalizmi hamda Rimdagi Papalik Maronit kolleji bilan o'rnatgan aloqalari ma'rifatparvarlik g'oyalari yoyilishidagi ahamiyati ochib berilgan. Asosiy e'tibor mashhur maronit olimi Ibn Farhat merosiga qaratiladi. Muallif uning an'anaviy ilmlar va Arab uyg'onishi (Nahda) davri o'rtasidagi oltin ko'prik bo'lganini isbotlaydi. Olimning «Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṯṯ al-ṭālib» asari orqali arab tili grammatikasini isloh qilish yo'lidagi xizmatlari tahlil qilinadi. Mazkur mehnat tildagi to'siqlarni parchalash, murakkab «karshuni» yozuv tizimidan voz kechish va adabiy til normalarini keng omma uchun soddalashtirishga bevosita xizmat qilgan. Maqola yakunida Ibn Farhatning faoliyati XIX asrda Yaqin Sharqning*

umumiy yuksalishi va madaniy taraqqiyoti uchun zarur bo'lgan pedagogik hamda mafkuraviy poydevorni shakllantirganligi haqida ilmiy xulosa chiqariladi.

Kalit so'zlar *Arab Uyg'onish davri, arab tili, maronitlar, taqlīd, karshuniy, Yaqin Sharq, lingvistik islohot*

Роль лингвистического наследия Ибн Фархата в преодолении культурно-языкового застоя и становлении Арабского Возрождения

Мухлисабону Тургуновна Ишанханова
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com
Старший преподаватель кафедры арабского языка и литературы «аль-Азхар», PhD, Международная исламская академия Узбекистана

Аннотация *Статья посвящена комплексному анализу системного кризиса арабской культуры в XIII–XVIII веках и выявлению роли арабов-христиан в подготовке интеллектуального прорыва, известного как Арабское Возрождение. Автор подробно рассматривает причины стагнации в мусульманском обществе, вызванные институциональным господством принципа taqlīd (подражания) и глубоким разрывом между сакрализованной языковой нормой (fuṣḥa) и живой речью. В центре исследования находится научная деятельность выдающегося маронитского ученого Ибн Фархата, чьи труды стали уникальным связующим звеном между западным рационализмом и восточной традицией. Особое внимание уделяется анализу его фундаментального грамматического труда «Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṯṯ al-ṭālib», который способствовал радикальному упрощению методики преподавания арабского языка и его интеграции в повседневную и литургическую практику христианских общин. В работе подчеркивается, что отказ от письменности каршуни в пользу классического арабского письма и педагогические реформы Ибн Фархата заложили необходимый идеологический фундамент для преодоления многовековой культурной изоляции региона. Делается обоснованный вывод, что именно христианская интеллектуальная среда Ливана, имевшая доступ к европейским образовательным моделям через Папскую Маронитскую коллегию, стала ключевым инициатором модернизации арабской филологии и предвестником эпохи просвещения XIX века.*

Ключевые слова *Арабское Возрождение, арабский язык, мароните, taqlīd, каршуни, Ближний Восток, лингвистическая реформа*

Введение

Период XIII–XVIII вв. в арабском мире ознаменовался системным кризисом, обусловленным институциональным закреплением догматизма в богословии и праве. Сакрализация классических норм языка (*fuṣḥa*) привела к его архаизации и разрыву с живой речью (Хайрутдинов, 2009). Главным фактором стагнации стала смена методологии в мусульманской

юриспруденции (*fiqh*): ранний период, где использование *'iğtihād* (самостоятельного поиска) позволяло адаптировать право к изменениям реальности. В позднем периоде (после XIII в.): Утверждение принципа *taqlīd* (подражания), который наложил запрет на нововведения и ограничил развитие рамками трудов первых веков ислама (Haruna, 2024; Hallaq, 1984). Отказ от творческого поиска привел к ряду негативных факторов. Среди которых имело место утрата жизнеспособности: мусульманское общество перестало отвечать вызовам времени, что сформировало фатализм и комплекс национальной неполноценности. Более того, религиозные лидеры оказались неспособны предложить решения проблем в эпоху колониализма. Кроме того, литературный процесс свелся к эпигонству. Мерилом таланта стала компиляция и виртуозное цитирование предшественников (al-Alwani, 1991).

Основная часть

В литературе возобладал приоритет формы над содержанием. Творчество превратилось в бесконечное создание комментариев (*ḥāṣiya*) и субкомментариев (*taqrīr*) к древним текстам. Язык перегружался искусственной рифмованной прозой (*ṣağ*) и сложными метафорами, что делало его «бесплодным» и оторванным от административных и практических нужд. Традиционные институты в условиях господства *taqlīd* оказались неспособны инициировать реформы, что законсервировало упадок до середины XIX века. В результате, предпосылки для интеллектуального прорыва и будущего арабского Возрождения начали формироваться в инокультурном очаге – в среде арабов-христиан Ливана, имевших тесные контакты с западным рационализмом и гуманитарными науками, что длилось до начала арабского Возрождения в середине XIX века (Хайрутдинов, 2009).

Не найдя решений среди традиционалистов, реформу языка и образования инициировали арабы-христиане, имевшие доступ к западному рационализму через католические миссии. С XVII века в Ливане и Сирии их школы преподавали философию, латинский язык и риторику по европейским образцам (Gul, 2019). Одновременно маронитская молодежь направлялась в Папскую Маронитскую коллегию в Риме, учреждённую в 1584 г. папой Григорием XIII, которая стала важнейшим центром латинской учености для ливанских клириков и учёных. Полученное там образование формировало поколение арабов-христиан, ставших проводниками западных просветительских идей на Ближнем Востоке (Pontifical Maronite College) (Gül, 2015). Влияние этих контактов выходило за рамки религиозного образования: через миссионерские школы и типографии арабские христиане знакомились с филологической критикой и идеями европейского Просвещения. Это породило интерес к реформе языка, науки и образования, ставший основой арабского Возрождения. Уже в XVIII веке в ливанских монастырях действовали типографии, где печатались богословские и филологические труды на арабском и каршуни, а также первые грамматики и словари (Nassif, 2025).

К концу XVIII века контраст между мусульманскими и христианскими школами стал очевиден: медресе сосредоточились на теологии и *fiqh*, а христианские учебные центры развивали риторику, философию и языкознание, готовя культурных посредников между Востоком и Западом. Именно образованные в Европе арабы-христиане стали первыми деятелями *Nahḍa* – реформаторами, педагогами, издателями и языковедами, включая Бутруса аль-Бустани и Ибрахима аль-Язиджи и др. (Hourani, 1962). Не меньшее значение для новой культурной идентичности имел переход от сирийского письма (каршуни) к арабскому. В XVII–XVIII

вв. каршуни символизировал промежуточную традицию, тогда как переводы и труды Ибн Фархата на арабском стали важным актом «арабизации» христианского Востока, отражая стремление к культурному единству и возрождению языка (Daccache, 1994). Ибн Фархат, не связанный с мусульманским *taqlīd*, активно популяризировал арабский язык, добившись его признания даже среди тех, кто ранее недооценивал его значение для христианской традиции. Он участвовал в спорах в маронитской церкви о богослужебном языке, благодаря чему арабский наряду с сирийским стал использоваться и в церковной, и в личной практике (Farḥāt, 1708). Прорыв Ибн Фархата в арабской лингвистике объясняется его уникальным сочетанием восточного происхождения, западного образования и независимости от *taqlīd*. До XVII века литературная традиция ливанских и сирийских христиан оставалась ориентированной на сирийские и греческие тексты, а христиане редко участвовали в основном потоке арабских исследований (Jandora, 1984).

Деятельность Ибн Фархата в области арабистики заложила фундамент для целой плеяды последователей. В XIX веке христианская интеллектуальная среда дала миру множество лингвистов и мыслителей, ставших лидерами арабского Возрождения (Nahḍa), у истоков которого стоял именно Ибн Фархат. Помимо научного вклада, он оставил заметный след в литературе как поэт-новатор. Его прижизненный сборник «Диван» пользовался широким признанием в Халебе и Ливане, выделяясь на фоне современников тематическим разнообразием и оригинальностью художественных образов. Составленный Ибн Фархатом грамматический курс «Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṭṭ al-ṭālib» (далее, «Baḥṯ al-maṭālib») снискал мировое признание и стал важной вехой в арабской филологии. Высокая методическая ценность книги подтверждается тем, что она сохраняет актуальность и сегодня, оставаясь в учебных программах ряда современных образовательных учреждений (Сарабьев, 2011). Н.И. Сериков отмечает, что разнообразные грамматические сочинения Ибн Фархата, написанные в форме учебных пособий, использовались в сирийских школах более 200 лет, вплоть до середины XX века (Сериков, 2020).

Согласно статье Розеллы де Люка, Ибн Фархат написал первый вариант “Baḥṯ al-maṭālib” в 1705 г., а год спустя дополнил его комментариями (*hawāṣhi*). В 1707 г. он создал сокращенную версию, которая, предположительно, использовалась в учебных заведениях. Однако есть основания полагать, что данное сочинение было написано в 1708 г. В колофоне рукописи “Baḥṯ al-maṭālib”, хранящейся в фонде Национальной библиотеки Израиля, приводятся дата переписки 1 января 1708 г. (Farḥāt, 1708).

Особого внимания заслуживает выраженный интерес маронитской общины к проблемам языковой политики. Ливанский исследователь, профессор Шарбал Дагир, отмечает, что в церковной среде велись активные обсуждения, не ограничивавшиеся выбором языка богослужебных книг – сирийского или арабского. Центральным предметом спора стал язык проповедей: духовенство колебалось между классическим литературным арабским языком (*al-ʿarabiyya al-malīḥa*) и местным разговорным диалектом Горного Ливана (*al-ʿarabiyya al-waṭaniyya*) (Dagher, 2008). Ведь маронитские синодальные документы XVI века отражали низкий уровень владения арабским языком и часто содержали сирийские слова (Farḥāt, 1708).

На сайте «Дом исторических цифровых документов» в предисловии ко второму изданию “Baḥṯ al-maṭālib” (1883 г.) говорится, что религиозные и философские работы Маронитской католической церкви

были составлены на языке *каршуни*, то есть на арабском языке, записанном сирийскими буквами (Сирийское письмо). Из-за ограниченного числа читателей, владеющих сирийским языком, Ибн Фархат перевел свои работы с сирийского на арабский, чтобы сделать их доступными для более широкой аудитории. С этой целью Ибн Фархат заложил педагогические основы для упрощенного арабского языка. Он стремился сделать этот язык доступным для понимания простых людей. Ведь только элита мусульманского духовенства могла читать сложный классический арабский язык, в то время как широкая публика использовала в основном разговорный арабский язык (Farḥāt, 1883). Исследователем А.В. Сарабьевым отмечено, что труды Ибн Фархата по языкознанию и грамматике арабского языка были созданы для того, чтобы христианские общины сирийских областей Османской империи могли более свободно использовать литературный арабский язык в религиозной практике (Сарабьев, 2011). Другие исследователи уточняют эти данные. Так, Н.И. Сериков считает, что интерес Ибн Фархата к языкознанию был закономерным: современные ему арабские христианские авторы, как и их предшественники, часто использовали арабский язык, который мусульманские грамматисты считали неграмотным. Поэтому одной из ключевых задач Ибн Фархата стало «исправление» языка единоверцев и формирование норм классически правильного, но не вычурного арабского языка (Сериков, 2020). А.Е. Крымский отмечал, что своим примером Ибн Фархат способствовал разрушению предубеждения о неспособности арабов-христиан в совершенстве владеть классическим арабским языком. Несмотря на это, для окончательного преодоления данного взгляда потребовалось еще около полутора столетий и деятельность других христианских ученых-филологов. Тем не менее, по мнению Крымского, историческая заслуга Ибн Фархата остается значительной, поскольку он был одним из первых арабов-христиан, внесших важный вклад в развитие арабской филологии (Крымский, 1971). Розелла Де Люкой отмечено, что интерес Ибн Фархата к арабскому языку отражал возрождавшийся интерес восточнохристианских общин к арабскому языку и его литературе (De Luca, 2021).

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что период XIII–XVIII веков, вошедший в историю как эпоха «застоя», стал временем глубокого разрыва между догматизированной литературной нормой и требованиями меняющейся реальности. Институциональное закрепление принципа *taqlīd* в мусульманской среде привело к консервации языка и науки, лишив общество внутренних стимулов к развитию. В этих условиях инициатива по реформированию арабской культуры закономерно сместилась в инокультурную среду – к арабам-христианам Ливана. Благодаря деятельности Папской Маронитской коллегии в Риме и открытию миссионерских школ, восточные христиане стали «мостом» между западным рационализмом и арабской традицией. Ключевой фигурой этого процесса стал Ибн Фархат, чья деятельность ознаменовала переход от узкоконфессиональной письменности (каршуни) к полноценному возрождению классического арабского языка. Его труд «Baḥṯ al-maṭālib» разрушил вековой стереотип о недоступности высокой арабской филологии для христиан и предложил новую, упрощенную методику обучения, ориентированную на практические нужды общества. Таким образом, Ибн Фархат не просто создал учебник грамматики, а заложил идеологический и педагогический фундамент для Арабского Возрождения XIX века. Его усилия по «исправлению» языка и введению его в литургическую и повседневную практику позволили

арабскому языку вновь стать инструментом живой мысли, подготовив почву для появления великих просветителей будущего.

References:

1. Галиметдинова, О. В. (2022). Герман Фархат (1670–1732), маронитский архиепископ: жизнь и избранные труды. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, (*73*), 9–28.
2. Крымский, А. Е. (1971). *История новой арабской литературы*. Наука.
3. Сарабьев, А. В. Герман Фархат. В *Православная энциклопедия*. Получено 20 сентября 2023 г., с https://www.pravenc.ru/text/164823.html
4. Сериков, Н. И. (2020). Маронитский писатель Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы. *Ориенталистика*, (*1*), 143–159.
5. *Сирийское письмо*. Получено 10 декабря 2023 г., с https://ru.wikipedia.org/wiki/Сирийское_письмо
6. Хайрутдинов, А. Г. (2009). *История арабского языка: учебное пособие*. Восточная книга.
7. al-Alwani, T. J. (1991). Taqlid and the Stagnation of the Muslim Mind. *American Journal of Islamic Social Sciences*, *8*(3), 513–524.
8. Daccache, J. P. (1994). *La littérature karshouni et la formation de la prose arabe chrétienne moderne*. Université Saint-Joseph.
9. Dagher, C. (2008). *Al-Arabiyya wa-l-tamaddun fi ishtibah al-alaqat bayna al-nahda wa-l-muthaqafa wa-l-hadatha* [Арабский язык и цивилизация в смешении связей между Нахдой, аккультурацией и модерном]. Dar al-Nashr.
10. De Luca, R. (2021). The Engagement of Nineteenth-Century Scholars with Jirmānūs Farḥāt's Baḥth al-Maṭālib: An Early Modern Textbook for Ottoman Schools. *Philological Encounters*, (3–4), 470–503.
11. Farḥāt, J. (1708.). *Grammatical Investigations* [Рукопись "Baḥṯ al-maṭālib"]. Library of Congress. https://www.loc.gov/resource/amedscd.2013415546/
12. Farḥāt, J. (1708). *Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṯṯ al-ṭālib* [Рукопись, листы 1в-150в]. National Library of Israel.
13. Farḥāt, J. (1883). *Baḥṯ al-maṭālib wa ḥaṯṯ al-ṭālib* (2-е изд.). Maronite Catholic Church. Дом исторических цифровых документов. https://www.dig-doc.org/index
14. Gul, S. (2019). *Jesuit missions and education in the Levant (17th–18th centuries)* [Master's thesis, Middle East Technical University].
15. Gül, S. (2015). *The French Catholic Missionaries in Lebanon between 1860 and 1914* [Doctoral dissertation, Middle East Technical University].
16. Hallaq, W. B. (1984). Was the Gate of Ijtihad Closed? *International Journal of Middle East Studies*, *16*(1), 3–41.
17. Haruna, Z. (2024). The Evolution of Usul al Fiqh. *Unimaidjicol*, *9*(1), 12–31.
18. Hourani, A. (1962). *Arabic thought in the liberal age, 1798–1939*. Oxford University Press.
19. Jandora, J. W. (1984). Butrus Al-Bustānī, Arab Consciousness, and Arabic Revival. *The Muslim World*, *74*(2), 71–84.
20. Nassif, C. (2025). Exploring Arabic Printing in 18th century Lebanon and Syria: Perspectives from Western Sources and Travellers. *Histoire et civilisation du livre*, *21*, 219–238.

Disseminating Jadidism through media in the early twentieth century. Print culture and the emergence of a public sphere in Turkestan

Dalieva Madina Khabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Ahmed Abdulaziz Basioni[4]
a.abdulaziz@kiut.uz
Kimyo International University in Tashkent
INTI International University, Malaysia

Annotation *This article examines how Jadid ideas were disseminated through media in the early twentieth century under colonial administration and censorship constraints. Focusing on print culture, it treats newspapers and magazines not merely as information channels but as tools for public persuasion and norm-building: editorial choices, recurring rubrics, forms of address, and even advertisements are analyzed as parts of a coherent communication strategy. Drawing on key examples from the Turkestan press, the study argues that Jadids used media to promote educational modernization, social responsibility, and a wider horizon via news from the Muslim world, while also creating spaces for legal debate on public issues. The limited reach of the press – subscription numbers, literacy, and administrative hostility – is acknowledged, yet its longer-term impact is emphasized: the gradual formation of a public sphere where "knowledge" functioned as a resource of collective mobilization and cultural authority.*

Keywords *Jadidism, Turkestan press, print culture, public sphere, education reform, censorship, modernization, Muslim intellectual networks*

XX asr boshlarida jadidchilik g'oyalarining OAV orqali tarqalishi. Matbuot va jamiyatda ommaviy muloqotning shakllanishi

Dalieva Madina Xabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
Filologiya fanlari doktori (DSc), dosent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Ahmed Abdulaziz Basioni
a.abdulaziz@kiut.uz
Kimyo International University in Tashkent
INTI International University, Malayziya

Annotatsiya *Ushbu maqola XX asr boshlarida jadidchilik g'oyalarining ommaviy axborot vositalari orqali tarqalish mexanizmlarini tahlil qiladi. Asosiy e'tibor Turkiston matbuoti va unga bog'liq jamoatchilikka ta'sir etish amaliyotlariga qaratiladi: gazeta-jurnal matnlari, tahririy strategiyalar, mavzu rubrikalari, e'lonlar hamda o'quvchiga murojaat usullari. Tarixiy manbalar asosida jadidlar matbuotni oddiy "xabar uzatish" kanali sifatida emas, balki yangi madaniy me'yorni shakllantirish vositasi sifatida qo'llaganligi ko'rsatiladi: ta'limni isloh qilish, ijtimoiy mas'uliyatni*

[4] Basioni A.A. — ORCID: 0000-0003-1119-8860

kuchaytirish, musulmon olamidagi voqealar orqali dunyoqarashni kengaytirish va jamoat muammolarini legal muhokama qilish. Qamrovning cheklanganligi (savodxonlik, obuna, senzura) qayd etiladi, biroq uzoq muddatli ta'sir – jamoatchilik muloqoti maydonining vujudga kelishi – alohida ta'kidlanadi.

Kalit so'zlar *Jadidchilik, Turkiston matbuoti, jamoatchilik maydoni, ma'rifat, senzura, modernizatsiya, gazeta va jurnal*

Распространение идей джадидизма через СМИ в начале XX века. Печать, публицистика и формирование публичной сферы в Туркестане

Далиева Мадина Хабибуллаевна
m.daliyeva@uzswlu.uz
Доктор филологических наук (DSc), доцент, Узбекский государственный университет мировых языков

Ахмед Абдулазиз Басиони
a.abdulaziz@kiut.uz
Международный университет Kimyo в Ташкенте
INTI International University, Малайзия

Аннотация *Статья анализирует, как идеи джадидизма распространялись через медиа в начале XX века в условиях колониальной администрации и цензурных ограничений. В центре внимания – печать и связанные с ней практики публичного убеждения: газетно-журнальные тексты, редакторские стратегии, тематические рубрики, объявления и формы обращения к читателю. На материале ранней туркестанской прессы и связанных источников показано, что джадиды использовали медиа не как «канал информирования», а как инструмент формирования новой культурной нормы: модернизации образования, переосмысления социальной дисциплины, расширения горизонта за счет новостей из мусульманского мира и легального обсуждения общественных проблем. Обсуждается ограниченность охвата (подписка, грамотность, давление властей), однако подчеркивается долговременный эффект: создание публичной сферы, где «знание» выступало ресурсом социальной мобилизации и символическим капиталом. В заключение предлагается модель медийного распространения джадидских идей как связки печати, образовательных проектов и трансрегиональных интеллектуальных контактов.*

Ключевые слова *Джадидизм, туркестанская пресса, публичная сфера, просвещение, газеты и журналы, цензура, модернизация, национальное пробуждение*

Введение

В историографии джадидизм обычно описывается как движение реформаторской интеллигенции, которое связывало «спасение общества» с переустройством знания: новым типом школы, новой

публичной речью, новой культурной дисциплиной. При этом медиа – прежде всего печать – выступали не вторичным отражением процесса, а его технологическим основанием. В условиях ограниченных политических свобод в Туркестане начала XX века газета или журнал становились одновременно школой читателя, площадкой морального наставления и лабораторией социального воображения. Эта логика ясно фиксируется в энциклопедическом обзоре: джадиды «писали учебники, основывали газеты и заполняли их колонны призывами учиться и реформировать, создавали поэзию и пьесы, экспериментировали с новыми формами прозы и основывали издательства и книжные магазины» – то есть строили целостную инфраструктуру распространения идей.

Цель данной статьи – показать, как именно идеи джадидизма «становились массовыми» через медиа-практики начала XX века: (а) какие типы сообщений создавались, (б) какие каналы и организационные формы использовались, (в) как работали ограничения (цензура, экономика, грамотность), и (г) почему даже при узком охвате ранней прессы эффект оказался долговременным. В качестве центрального кейса рассматривается печать Туркестана 1906–1917 годов, поскольку именно в этот период заметно ускоряется возникновение национальной периодики и публицистических проектов.

Для анализа распространения идей через СМИ полезно рассматривать джадидизм не только как «идеологию реформ», но и как проект публичной коммуникации. В этом проекте ключевым является переход от локальных устных форм убеждения (медресе, махалля, религиозная проповедь) к смешанной модели, где печатный текст дополняет образование и создает устойчивую повестку. Энциклопедический обзор подчеркивает, что джадиды были «неутомимыми распространителями знания» и мыслили свою миссию шире школы: газета, учебник, пьеса и издательский бизнес связывались в одну дидактическую систему.

С этой точки зрения медиа выполняли по меньшей мере четыре функции:

1. *Нормативная:* формирование «правильного» языка общественного обсуждения (лексика прогресса, ответственности, дисциплины, полезности знания).
2. *Информационная:* включение Туркестана в более широкий горизонт – мусульманский мир, трансрегиональные новости, интеллектуальные связи.
3. *Мобилизационная:* перевод индивидуальной тревоги о «отсталости» в коллективную программу действий (поддержка школ, чтения, подписки, благотворительности).
4. *Легитимирующая:* демонстрация того, что реформаторская позиция совместима с религиозной идентичностью и может существовать в легальном поле – пока допускается цензурой.

Именно поэтому в описании движения подчеркивается роль прессы наряду с образованием и транснациональными контактами: джадиды «через образование, грамотность, использование прессы и поддержание тесных связей с исламскими интеллектуалами от Османской империи до Индии» выстраивали новое пространство культуры.

Источники и методология

Работа носит историко-дискурсивный характер и опирается на три группы материалов:

1. Энциклопедическая и научная литература по джадидизму и его культурным стратегиям (обобщающие рамки и контекст).
2. Публикации о ранней туркестанской периодике и конкретных изданиях

(газеты и журналы, их редакторы, сроки существования, заявленные цели).

3. Материалы о тематике и практиках печати (например, наблюдения о рекламных блоках, двуязычии/многоязычии, рубрикации, обращении к читателю).

Метод включает: (а) реконструкцию медийной инфраструктуры (кто, где, когда, каким форматом выпускал), (б) выделение ключевых тематических кластеров (образование, «польза знания», общественная мораль, новости исламского мира, критика социальных пороков), (в) анализ жанров (передовые статьи, заметки, полемика, письма читателей, объявления), и (г) оценку ограничений охвата.

Медийная инфраструктура Туркестана начала XX века

Период 1905–1906 годов в Российской империи создал краткосрочное «окно возможностей» для легальной активности, в том числе медийной. В региональном материале прямо отмечается, что революционные события 1905–1906 годов «повлияли и на Туркестан», прогрессивные силы активизировались, и это проявилось не только в школах, но и «в живой издательско-газетной деятельности», то есть в появлении ряда изданий.

Характерная черта ранней туркестанской печати – неустойчивость. Издания появлялись быстро, но нередко так же быстро закрывались. Например, в популярном справочном материале о первой джадидской газете отмечается, что «Taraqqiy» начала выходить в 1906 году в Ташкенте и была закрыта властями после ограниченного числа выпусков. Это совпадает с более общим выводом энциклопедического обзора: влияние джадидской прессы было «несомненно ограничено» из-за малого числа подписчиков и враждебности властей.

Однако важен парадокс: малый тираж и краткая жизнь не означали слабый эффект. Причина – в сетевом характере распространения: один и тот же круг интеллигенции мог запускать новые проекты, перенося повестку и риторику из закрытых газет в следующие журналы, в учебники, в театральные постановки и в устные публичные выступления.

В начале XX века джадиды действовали в медиасистеме, где печать тесно переплеталась с образованием и культурным производством. На уровне «носителей» можно выделить:

1. *Газеты* (оперативная повестка, политико-общественные заметки, полемика).
2. *Журналы* (более длинные тексты, «объяснительная» публицистика, культурные и образовательные обзоры).
3. *Книги и учебники* (институционализация норм, «учебный» формат реформ).
4. *Театр и литература* как «медиа присутствия» – способ донести идеи аудитории с низкой грамотностью.

Энциклопедический обзор прямо связывает джадидскую реформу с расширением жанров: «новые темы и жанры» использовались для критики социальных и моральных пороков, а литература становилась средством убеждения более широкой публики. Таким образом, говорить о распространении идей «через СМИ» следует широко: печать была ядром, но не единственным инструментом.

Ключевые издания и их позиционирование

Ниже приведен ориентировочный перечень изданий, которые часто связываются с ранней национальной прессой и джадидской повесткой. Список не претендует на исчерпывающий каталог; задача – показать модель: короткая жизнь многих газет, параллельность проектов и их тематическую направленность.

Издание	Годы	Город	Тип	Характерный вклад в распространение идей
Taraqqiy	1906	Ташкент	Газета	ранняя публичная артикуляция реформ и просвещения, символ «начала»
Xurshid	1906	Ташкент	Газета	продолжение повестки после закрытий ранних проектов
Shuhrat	1907–1908	Ташкент	Газета	развитие публицистики и общественной дискуссии
Oyina	1913–1915	Самарканд	Журнал	устойчивый «объяснительный» формат, культурно-образовательная повестка
Sadoi Turkiston	1914–1917	Туркестан (региональная сеть)	Газета	заметное влияние среди интеллигенции, широкий тематический диапазон
Sadoi Farg‘ona	1914–1915	Коканд/Фергана	Газета	региональная повестка и модернизационные сюжеты

Таблица 1. *Ключевые издания ранней туркестанской прессы и джадидской повестки*

Особое место занимает «Sadoi Turkiston» (1914–1917), которую энциклопедический обзор называет «высоко влиятельной среди интеллектуалов» и отмечает широкий спектр тем (включая религиозные вопросы и события в мусульманских странах).

Как работало распространение

Чтобы понять, почему пресса стала механизмом распространения джадидизма, нужно увидеть в газетном тексте не только информацию, но и **структуру воздействия**. Можно выделить несколько повторяющихся «технологий убеждения».

Джадидская публицистика строилась на предпосылке: общество можно улучшить, если изменить режим знания – чему учат, как учат, что считается полезным. В обзоре движения это описывается предельно ясно: вера в знание как главный инструмент решения проблем и постоянное «раздавание знания» через школы, учебники и газеты.

В газетном формате это выражалось в:

- повторяемых тезисах о грамотности, дисциплине и «пользе» учения;
- критике бесплодных споров и практик, не ведущих к социальному улучшению;
- предложении конкретных шагов: поддержка школ, подписка на издания, чтения.

Важный элемент – включение читателя в трансрегиональные контексты. Энциклопедический обзор указывает на вдохновение джадидов политическими движениями в исламском мире (Индия, Персия 1905–1911, а также движение младотурков в Ottoman Empire) и на импорт газет/книг из разных центров. В логике печати это давало два эффекта:

1. реформы переставали выглядеть «капризом локальной группы» и связывались с мировой динамикой;
2. появлялся язык сравнения: «у них – так», «у нас – иначе», «почему мы отстаем».

Полемика как форма публичной сферы

Даже при цензуре полемический жанр создавал пространство «обоснованного несогласия». Газета дисциплинировала спор: требовала аргументов, ссылок на факты, риторической ответственности. Это и есть

зарождение публичной сферы в минимальном виде – не «свобода слова» в полном смысле, а легально существующая форма обсуждения общих проблем.

СМИ распространяют идеи не только через передовицы, но и через экономику выпуска. В материале про «Oyina» отмечается, что журнал включал рекламные и объявительные элементы, в том числе на русском языке. Это важно: реклама и подписка – не «побочный шум», а инфраструктура устойчивости проекта. Когда джадидская пресса обсуждала школы и книги, она одновременно «строила рынок» чтения – формировала практику регулярного обращения к тексту.

«Taraqqiy» часто описывают как первый заметный джадидский печатный проект в Туркестане. В справочном материале указывается, что газета начала выходить в 1906 году в Ташкенте под редакцией Исмаила Обидова/Обидий, имела подписную модель и выпускалась в формате четырех полос с объявлениями, но была закрыта властями после ограниченного числа выпусков.

Даже если точные детали тиража и сетей распространения требуют архивной проверки, здесь важна функция «первого шага»: газета демонстрирует, что общественные темы можно обсуждать печатно и системно. Публичная речь «о прогрессе» перестает быть единичным выступлением и превращается в серийное производство смыслов.

Механизм распространения в этом кейсе можно описать так:

- *сигнал* (возможность новой публичности),
- *прецедент* (газета как легальный формат),
- *перенос* (после закрытия – запуск новых проектов и миграция авторов/тем).

Эта логика согласуется с более общим наблюдением: влияние газет могло быть ограниченным, но они были «незаменимы» для отслеживания эволюции идей до 1917 года.

Журнальный формат особенно важен для распространения идей, потому что он позволяет удерживать более длинный аргумент и сочетать культурные, образовательные и общественные темы. В статье H. Egamqulova фиксируется, что «Oyina» связана с деятельностью Махмудходжи Бехбуди и выходила в 1913–1915 годах, а также указывается дата основания (автор называет 20 августа 1913 года) и наличие многоязычных элементов (узбекский/таджикский контент и русскоязычные объявления).

Для распространения джадидских идей это дает несколько преимуществ:

1. *Длительная аргументация.* Журнал может объяснять, почему нужна реформа, а не только сообщать о событии.
2. *Культурная легитимация.* Через литературные и культурные рубрики идея модернизации встраивается в «нормальную» жизнь читателя.
3. *Многоязычие как инструмент.* Русскоязычные объявления и двуязычие расширяют адресата и показывают, что модернизация – это и навигация в колониальном административном мире.

«Oyina» можно трактовать как медиа, которое не просто распространяет идеи, а учит читателя: как читать новости, как различать аргументы, как обсуждать «общественное» без ухода в сугубо частное.

Если ранние проекты демонстрируют запуск и эксперимент, то «Sadoi Turkiston» показывает выход к более устойчивой и влиятельной повестке. Энциклопедический обзор описывает газету как «высоко влиятельную среди интеллектуалов», отмечая, что редакторы объединяли разные фигуры, а тематика включала религиозные вопросы и события мусульманских стран.

Здесь важен сдвиг: джадидская пресса становится не только «про школу», но и про

общество в целом – политика, экономика, культура, религия, международная повестка. Распространение идей происходит через расширение тематического диапазона: читатель привыкает, что модернизация касается не одного сектора (образования), а всей социальной ткани.

Реалистичный анализ обязан учитывать ограничения:

1. *Подписная база и грамотность*. Даже энциклопедический обзор подчеркивает малое число подписчиков как фактор ограниченного влияния.
2. *Враждебность властей и цензура*. Закрытия изданий и давление на редакторов были системными рисками.
3. *Экономика печати*. Нехватка средств, зависимость от рекламы и подписки, логистика распространения.

Однако именно ограничения объясняют, почему джадиды строили комплексную систему, а не надеялись на «одну газету». Когда один канал обрывался, идеи переносились в другие носители – учебники, журналы, театральные постановки, книжные лавки. Энциклопедический обзор описывает это как широкий «дидактический фронт»: газеты, учебники, литература, издательства и книжные магазины.

С учетом материалов можно предложить аналитическую модель распространения джадидизма через СМИ в начале XX века как цепочку из пяти звеньев:

1. Производство текста (редакция + авторы + жанры).
2. Дистрибуция (подписка, продажа, чтение вслух, вторичное цитирование).
3. Перевод в практику (школы нового метода, кружки чтения, благотворительность).
4. Публичная сфера (полемика, критика, «общие вопросы» как легитимная тема).
5. Трансрегиональные связи (новости и идеи из исламского мира как ресурс легитимации и сравнения).

В этой модели печать – не «последний шаг» после появления идеи, а механизм, который делает идею социальной: задает язык, формирует аудиторию, создает ритм и повторяемость.

Заключение

Распространение джадидских идей через СМИ в начале XX века в Туркестане следует понимать как процесс институционального производства публичности. Джадиды использовали печать для того, чтобы:

- создать нормативный язык модернизации,
- расширить горизонт читателя через связи с мусульманским миром,
- легально обсуждать общественные проблемы,
- связать образовательную реформу с культурной и социальной повесткой.

Даже при ограниченном охвате и враждебности властей ранняя пресса сыграла роль «матрицы» дальнейших культурных трансформаций, поскольку закрепила практики публичного обсуждения и идею знания как общественного ресурса. Это согласуется с выводом, что влияние газет было ограниченным, но они остаются незаменимыми для понимания эволюции джадидских идей и их последующей траектории.

References:

1. Alimov, S. Q. (2024, May 23). *Mahmudxo'ja Behbudiy va Turkistonda milliy-davlatchilik qurilishi masalalari*. In *Respublika ilmiy-amaliy konferensiya materiallari to'plami*.

2. Egamqulova, N. (2019). "OYINA" – first Uzbek national magazine. *International Journal on Integrated Education, 2*(5).
3. Hitchins, K. (2008). Jadidism. In *Encyclopaedia Iranica* (Vol. XIV, Fasc. 4, pp. 339–346). (Updated March 30, 2017).
4. Khalid, A. (1998). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press.
5. TalimTelekanali. (2025, June 27). *The day the first Uzbek newspaper was published.*

The Women Question in the Jadid Press of Turkestan in the Early Twentieth Century

Dalieva Madina Khabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines how the Jadid periodical press in Turkestan (1906–1917) turned the "women question" into a practical agenda of social reform. Drawing on programmatic newspapers and journals (including Taraqqiy, Sadoi Turkiston, and the journal platform Oyina), the study maps major discursive frames: women's schooling as a precondition for progress; criticism of costly rituals and early marriage; domestic literacy and motherhood as civic competence; and tensions between reformist rhetoric and inherited family morals. The paper combines historical discourse analysis with targeted content analysis and relies on core scholarship on Jadidism and Central Asian history. It argues that print media functioned as a public arena for negotiating new norms, while the modernization project remained non-linear due to censorship, uneven literacy, and competing ideological programs.*

Keywords *Jadidism, periodical press, women's education, Turkestan, modernization, discourse, social reform*

XX asr boshida Turkistonda jadid matbuotida ayollar masalasi

Dalieva Madina Xabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
Filologiya fanlari doktori (DSc), dosent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada 1906–1917-yillarda Turkistondagi jadid davriy matbuoti «ayollar masalasi»ni jamiyatni yangilashning amaliy kun tartibiga aylantirgani tahlil qilinadi. «Taraqqiy», «Sadoi Turkiston» kabi gazetalar hamda «Oyina» jurnalidagi muhokamalar asosida ayollar ta'limini taraqqiyot sharti sifatida asoslash, erta nikoh va ortiqcha marosim xarajatlarini tanqid qilish, uy savodxonligi va onalikni ijtimoiy mas'uliyat deb talqin etish hamda islohotchi ritorika bilan an'anaviy oilaviy axloq o'rtasidagi ziddiyatlar ko'rsatiladi. Metodologiya tarixiy-diskursiv tahlil va tanlab olingan kontent-tahlilni birlashtiradi. Natijada matbuot yangi me'yorlarni kelishib olish uchun ommaviy maydon vazifasini bajargani asoslanadi.*

Kalit so'zlar *Jadidchilik, davriy matbuot, ayollar ta'limi, Turkiston, modernizatsiya, diskurs, ijtimoiy islohot*

Женский вопрос в джадидской прессе Туркестана начала XX века

Далиева Мадина Хабибуллаевна
m.daliyeva@uzswlu.uz
Доктор филологических наук (DSc), доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья рассматривает, каким образом джадидская периодическая печать Туркестана в 1906–1917 гг. превращала «женский вопрос» в инструмент общественной модернизации. На материале программных газет и журналов (включая ранние издания «Taraqqiy», «Sadoi Turkiston», а также журнальную площадку «Oyina») анализируются ключевые дискурсивные рамки: обоснование женского образования как условия прогресса; критика расточительных обрядов и ранних браков; обсуждение домашней грамотности и материнства как гражданской компетенции; напряжение между реформаторской риторикой и традиционными нормами семейной морали. Работа опирается на историко-дискурсивный анализ и целевой контент-анализ, используя исследования по джадидизму и истории Центральной Азии. Делается вывод, что печать служила публичной площадкой выработки новых норм, хотя модернизационный проект оставался нелинейным из-за цензуры, неравномерной грамотности и конкуренции идеологий.*

Ключевые слова *Джадидизм, периодическая печать, женское образование, Туркестан, модернизация, дискурс, общественная реформа*

Введение

Джадидизм в Центральной Азии обычно описывается как движение культурной реформы, в котором образование, язык, театр и печать выступили как взаимосвязанные инструменты обновления. Внутри этой программы «женский вопрос» занимал особое место: обсуждение школы для девочек, семейных обычаев, раннего брака и женской грамотности позволяло говорить о будущем общества через фигуру семьи. Печать стала медиатором между нормативной традицией и проектом модернизации: она создавала публичную аудиторию, где социальные практики могли быть описаны как проблема, а затем предложены варианты «исправления».

Появление джадидской периодики в Туркестане связано с либерализацией печатного поля после событий 1905 г. и частичным расширением возможностей для печати на тюркских языках. В обзорных работах по истории джадидизма подчеркивается, что джадиды рассматривали прессу не только как канал информации, но и как площадку формирования новых норм и языка реформ (Khalid, 1998; Hitchins, 2017). В июне 1906 г. начинает выходить газета «Taraqqiy», которую исследователи истории печати связывают с ранним этапом национальной газетной традиции в Ташкенте (Abdurasulov, 2022). В 1913–1915 гг. журнал «Oyina», издаваемый Махмудходжой Бехбуди в Самарканде, выступает как журнальная площадка для развернутых просветительских текстов и полемики (Egamqulova, 2019).

Цель статьи – показать, каким образом джадидская пресса Туркестана превращала женскую тематику из частной темы в аргумент публичной культурной реформы. В центре внимания – дискурсивные рамки (как именно доказывается необходимость образования и реформы семьи), а также границы модернизации, связанные с цензурой и социальной структурой аудитории.

Материалы и метод

Материал исследования составляют тексты джадидской периодики и исследования, реконструирующие их функции и тематические приоритеты. В качестве репрезентативных примеров рассматриваются «Taraqqiy» (1906), «Oyina» (1913–1915) и «Sadoi Turkiston» (1914–1915) в той мере, в какой их роль отражена в современных научных работах (Abdurasulov, 2022; Egamqulova, 2019; Begbudieva, 2023). Методологически работа сочетает историко-дискурсивный анализ и целевой контент-анализ. Историко-дискурсивный анализ позволяет выделять устойчивые аргументативные схемы и ценностные противопоставления (например, «невежество/просвещение», «расточительность/польза», «обычай/истинная религия»). Целевой контент-анализ используется для фиксации повторяющихся тематических блоков: образование, брак, обряды, семейная экономика, материнство, здоровье, язык и грамотность.

Ограничение исследования состоит в том, что печатные массивы многих изданий сохранились фрагментарно; поэтому выводы ориентированы на реконструкцию логики публичного разговора, а не на исчерпывающую статистику частот.

Печать как инфраструктура реформы

Печать в джадидской конфигурации реформ выступала как инфраструктура публичности. Она вводила регулярность, рубрикацию, письма в редакцию, объявления, то есть формы, через которые общество училось функционировать как «читательская аудитория». Ключевой момент здесь – появление спора как нормальной практики. Джадидская публицистика не просто транслировала готовые истины; она обучала читателя мыслить причинно-следственно, сравнивать, выстраивать аргументы.

Для женской темы это было принципиально. Там, где прежде доминировали локальные решения внутри семьи и махалли, печатный текст позволял описать проблему как общественную: ранний брак – не частная судьба, а источник демографических и экономических потерь; отсутствие грамотности у матерей – не «женская слабость», а фактор низкого качества образования детей. В терминах культурной истории пресса стала каналом, через который «дом» оказался связан с проектом модерного общества (Khalid, 1998).

Почему женская тема стала публичной

Почему именно женская тема стала публичной? Во-первых, потому что через нее можно было говорить о будущем: фигура матери позволяла связать домашнее воспитание с качеством поколения. Во-вторых, потому что критика семейных практик могла быть подана как забота о морали и экономике, то есть как «безопасная» критика по сравнению с прямыми политическими вызовами. В-третьих, потому что женская грамотность легко легитимируется через прагматический язык пользы.

Камп показывает, что дебаты о женщинах в Центральной Азии начала XX века были встроены в конкурирующие проекты модернизации, и потому даже умеренные аргументы об образовании меняли структуру авторитета в семье и общине (Kamp, 2006). Именно пресса делала возможным обсуждение «правильного» устройства семьи как предмета общественного разговора.

Рамки дискурса женского образования

В женской тематике джадидской прессы можно выделить несколько устойчивых аргументативных рамок.

Прагматическая рамка опирается на идею пользы: грамотная мать – это здоровье детей, рациональность хозяйства,

уменьшение долгов, повышение качества быта. Реформа подается как экономически оправданная.

Религиозно-нормативная рамка утверждает совместимость обучения с исламской этикой и переводит ответственность за проблемы на невежество и неправильные практики, а не на религию.

Национально-культурная рамка связывает женское образование с сохранением языка и формированием «миллат», поскольку семья выступает каналом передачи культурных норм.

Критика обычая фокусируется на ранних браках и расточительных обрядах как на практиках, подрывающих общественную экономику и воспитание.

Сравнительная рамка использует примеры «других» обществ для доказательства возможности школ для девочек и для мотивации через сравнение.

Эти рамки формируют узнаваемую логику модернизации, где частная жизнь становится объектом общественной ответственности.

Рамка	Типовые тезисы	Ожидаемый эффект
Прагматическая «польза»	Грамотная мать укрепляет здоровье и хозяйство; образование снижает бедность.	Легитимация реформ как практической необходимости.
Религиозно-нормативная	Поиск знания совместим с исламской этикой; проблема – в невежестве, а не в религии.	Снижение сопротивления и расширение аудитории.
Национально-культурная	Женщина передает язык и нравы; реформа семьи равна реформе культуры.	Связь частного и общественного, формирование «миллат».
Критика обычая	Ранний брак и расточительные обряды вредят будущему поколения.	Переоценка повседневных норм.
Сравнительная	Опыт других обществ демонстрирует возможность школ для девочек.	Доказательство возможности и мотивация.

Таблица 1. *Дискурсивные рамки «женского вопроса» в джадидской публицистике*

Историография и постановка проблемы

Историография джадидизма в целом склонна видеть в движении прежде всего образовательную реформу и проект культурного пробуждения. В таком чтении женская тематика часто оказывается «подразделом» школьной темы: если джадиды открывали школы для мальчиков, логично предположить, что следующим шагом становится школа для девочек. Однако подобная линейная схема упрощает реальную картину. Историки подчеркивают, что джадидизм формировался внутри колониального порядка Российской империи и потому соединял культурные цели с прагматикой выживания, компромисса и самоцензуры (Khalid, 1998; Hitchins, 2017). Из этого следует важный вывод: женская тема в прессе не может быть понята только как «идея прогресса»; она была одновременно риторическим ресурсом и зоной риска, где любая формулировка могла вызвать сопротивление как со стороны традиционалистов, так и со стороны колониальных институтов контроля.

Исследования гендерной истории Центральной Азии позволяют уточнить, почему «женский вопрос» становится

центральной метафорой модерности. Камп показывает, что в регионе начало XX века характеризовалось конкуренцией проектов «правильной жизни»: одни участники стремились сохранить привычные нормы, другие – реформировать их изнутри, третьи – использовать тему женщин как символ цивилизационной миссии и оправдание вмешательства (Kamp, 2006). В таком контексте печать выполняла функцию «переводчика»: она переводила семейные практики в язык общественной рациональности, но при этом старалась сохранять моральную легитимацию, не разрушая религиозное основание общины.

Для анализа печатных текстов полезно различать (1) уровень нормативного утверждения и (2) уровень социального воображения. На первом уровне тексты говорят «как должно быть»: учить девочек, сократить расходы на обряды, не выдавать замуж слишком рано. На втором уровне тексты конструируют воображаемую модель общества, где семья связана со школой, экономика – с моралью, а женщина – с будущим поколения. Именно второй уровень делает джадидскую публицистику важным объектом: она показывает, каким образом в регионе формируется представление о публичной ответственности за частную жизнь.

Наконец, необходимо отметить трансрегиональный фактор. Джадидская пресса Туркестана входила в общероссийское мусульманское информационное поле, где идеи о женском образовании обсуждались также в татарских, крымскотатарских и кавказских изданиях. Исследование о сотрудничестве татарских просветителей с туркестанской печатью фиксирует наличие таких связей уже на этапе ранних газетных проектов, включая «Taraqqiy» (Abdurasulov, 2022). Это объясняет, почему аргументация о женщинах часто имеет сравнительный характер: авторы не только критикуют местный обычай, но и апеллируют к «опыту других», доказывая возможность реформы.

Таким образом, постановка проблемы в данной статье исходит из того, что женская тема в джадидской прессе – это не только сюжет о женщинах, но и метод обсуждения модернизации как таковой. Через нее обсуждаются границы допустимого изменения, способы убеждения общества, компромиссы между религиозной нормой и рационалистической критикой, а также формирование нового типа публичного аргумента.

Семейные практики как объект критики

Публицистика джадидов редко ограничивалась тезисом «нужны школы». Женская тема проявлялась также в критике конкретных семейных практик: ранних браков, чрезмерных свадебных расходов, конкуренции статусов в обрядах, а также в обсуждении полигамии и развода. Эти сюжеты встраивались в общую рамку «исправления общества» через рационализацию повседневности.

Критика расточительности была особенно удобной темой, потому что она переводила моральную оценку в экономический язык. Свадьба, траурный обряд или угощение рассматривались как система социального давления: семьи вынуждены тратить средства ради «славы», а затем попадают в долги, что снижает возможности обучения детей и подрывает хозяйство. В этом дискурсе «обычай» описывается не как священная традиция, а как практика, создающая отрицательные внешние эффекты. Такой поворот важен методологически: он делает возможным разговор о реформе как о снижении социальных издержек.

При обсуждении раннего брака заметна попытка медицинской и педагогической рационализации семейной морали. Аргумент строится примерно так: девочка, выданная замуж слишком рано, теряет возможность учиться и оказывается

неготовой к материнству; от этого страдают и здоровье, и экономическое благополучие семьи. В терминах дискурсивной стратегии это «перевод» нормы из сферы обычая в сферу причинно-следственных связей, где можно спорить о последствиях и эффективности. Важный момент – адресат аргумента. Часто он направлен на мужчин, принимающих решения в семье: им предлагается прагматическая формула, где образование девочки приносит пользу всей семье.

Тематика полигамии и развода в джадидских текстах, как правило, подается осторожно. В ней можно увидеть попытку развести религиозную норму и социальную практику: допускается, что религия содержит определенные положения, но подчеркивается необходимость справедливости, ответственности и рациональности. Тем самым проблема смещается из сферы «разрешено/запрещено» в сферу «как это устроено на практике и к чему приводит». Это снова педагогизация морали: общество должно научиться отличать принцип от злоупотребления.

Важно подчеркнуть, что джадидская пресса обычно избегала прямой конфронтации с религиозными авторитетами. Напротив, авторы старались показать, что зло происходит не от религии, а от невежества и неправильного толкования. Такая позиция позволяла одновременно утверждать реформу и сохранять моральное лидерство, не отдавая его «чужим» идеологиям (Khalid, 1998). При этом именно женская тема служила индикатором: насколько общество готово преобразовывать повседневность, не разрушая морального основания.

В рамках критики семейных практик формируется важная для джадидской модерности связка: «образование – экономия – мораль». Женское образование включается в эту связку как механизм, который делает дом более устойчивым. Такая логика заметно отличается от более поздних политик, где женский вопрос часто становится символом «разрыва» с прошлым. В джадидской прессе чаще просматривается стратегия «внутренней реформы»: изменить практику, сохраняя ценностный каркас.

Жанры и медиальные техники обсуждения

Если рассматривать джадидскую прессу как инструмент социальной реформы, то важно анализировать не только содержание тезисов, но и медиальные техники: как именно текст организует внимание читателя и превращает абстрактную идею в социально понятную проблему. Женская тематика редко оформлялась как «одна рубрика»; скорее, она была распределена по жанрам и темам, создавая эффект постоянного присутствия.

Во-первых, это короткая заметка. Газетная заметка обычно строится вокруг факта (открытие школы, сбор средств, публичное чтение, реакция на письмо) и завершает его оценкой. Для женской темы важна именно оценка: она фиксирует норму, которую читателю предлагается принять. Показателен прием «малой причинности»: из короткого факта делается общий вывод о том, что неграмотность матерей снижает результат обучения детей или что ранний брак разрушает здоровье семьи. Таким образом даже краткий текст становится элементом педагогического воздействия.

Во-вторых, письмо в редакцию. Письмо – это медиальная форма, которая переводит частный опыт в публичный аргумент. Оно может быть написано мужчиной, женщиной или от имени «читателя», но в любом случае письмо создает эффект социальной близости: проблема описывается не как теория, а как пережитая ситуация. Риторически письмо часто включает три компонента: (а) описание случая; (б) моральное осмысление; (в) просьбу или требование

изменения. Такая структура делает письмо «микромоделью» общественного участия: читатель учится формулировать претензию и ожидание нормы.

В-третьих, полемическая реплика. В условиях ограниченной публичной политики полемика в прессе становилась заменителем политических дебатов. Когда редакция отвечает критикам реформ, она создает пространство легитимного несогласия: спор становится не скандалом, а практикой аргументации. Для женской темы это особенно важно, потому что сопротивление реформе женщин обычно сопровождается моральными обвинениями. Полемический текст стремится разоружить обвинение, показывая, что образование не разрушает нравственность, а укрепляет ее.

В-четвертых, морально-педагогический очерк. Этот жанр ближе к эссе: автор рассуждает о причинах невежества, о роли семьи, о долге родителей. Женская тема в таком очерке выступает как узловой пример: если мать не читает и не пишет, то домашняя культура остается закрытой для «нового знания». Отсюда возникает фигура «грамотной матери» как педагогического посредника между школой и ребенком.

В-пятых, текст с элементами сравнения. Сравнительные сюжеты (другие мусульманские общества, другие города, другие школы) выполняют сразу две функции: они доказывают возможность (это уже сделано где-то) и создают эмоциональный эффект стыда за отставание. Такой прием устойчив в риторике модернизации.

В совокупности эти медиальные техники делают женскую тему «повседневной» в публичном поле. Она перестает быть редким морализаторским сюжетом и превращается в показатель качества общества: как семья относится к образованию девочек, так и общество относится к своему будущему.

Риторика новой женщины и границы модернизации

Фигура «новой женщины» в джадидской публицистике не тождественна поздней советской модели эмансипации, ориентированной на разрыв с традиционными нормами. Скорее, это образ «грамотной хозяйки и матери», которая поддерживает обучение детей, умеет читать и писать, может вести элементарную домашнюю документацию и участвовать в просветительских практиках. Речь идет о расширении компетенций внутри семейного пространства, а не обязательно о выходе в публичную политику.

Тем не менее даже такой «умеренный» образ является значимым культурным сдвигом. Он предполагает, что женщина должна иметь доступ к знаниям, что ее мнение в вопросах воспитания имеет вес, и что мораль семьи может укрепляться через образование, а не только через контроль. Именно пресса формирует язык, который делает этот образ общественно понятным.

Тешабаева показывает, что джадидская пресса конструировала представления о женщине «нового типа», включая мотивы национального пробуждения и культурной ответственности (Teshabaeva, 2025). Здесь важно не только то, что женщина получает новую характеристику, но и то, что новая характеристика включается в национальный проект. Женщина становится хранительницей языка и носителем культурной дисциплины, а значит, ее образование объявляется делом «миллат».

Однако идеология новизны имеет границы. Джадидские тексты могли признавать необходимость обучения девочек, но часто оставляли в силе патриархальную оптику: женщина ценится через функции (мать, воспитательница, хранительница нравов). В результате появляются два параллельных дискурса. Первый – модернизаторский: женщине нужна грамотность, потому что без нее

общество не сможет развиваться. Второй – дисциплинарный: образованная женщина должна оставаться нравственной, скромной и ориентированной на семью.

Сочетание этих дискурсов не является случайностью; оно отражает стратегию «внутренней реформы». Джадиды старались продвигать изменения так, чтобы они выглядели морально безопасными. Камп подчеркивает, что дебаты о женской субъектности в регионе разворачивались на фоне конкурирующих проектов, и потому часто принимали форму компромисса: изменение допускается, если оно не разрушает моральный каркас (Kamp, 2006).

Отсюда следует методологически важный вывод: «новая женщина» в джадидской прессе – это не только социальный идеал, но и риторический инструмент. Через него авторы показывают, что модернизация может быть «своей», не навязанной извне. Женская грамотность в такой логике становится доказательством способности общества к самореформе.

В то же время функционалистская оптика создавала внутренние напряжения. Если женщина определяется прежде всего через материнство, то ее образование оценивается не как личное право, а как средство повышения качества детей. Это ограничивает горизонты дискурса: он почти не затрагивает вопросы правового статуса или публичного представительства. Тем не менее именно такой дискурс мог быть социально приемлемым в условиях ранней модернизации и цензуры.

Таким образом, образ «новой женщины» следует читать как поле переговоров: между идеей прогресса и идеей морального порядка, между национальным проектом и семейной традицией, между риторикой ответственности и рамками патриархальной дисциплины.

Газета и журнал как разные режимы публичности

Сравнение газетного и журнального форматов помогает точнее понять, как строилась женская проблематика в медиальном пространстве джадидов. На уровне «темы» газета и журнал могут говорить об одном и том же, но на уровне коммуникативной организации они создают разные режимы публичности.

Газета ориентирована на регулярность и оперативность. Она фиксирует события, реагирует на письма, публикует объявления и короткие комментарии. Это означает, что газета формирует ритм общественного внимания: читатель привыкает, что проблема может возвращаться из номера в номер, что на нее можно отвечать, что вокруг нее формируется позиция. В женской теме это проявляется, например, как серия коротких сообщений о школах, о благотворительных сборах, о случаях раннего брака или о критике «обычая». Каждый текст по отдельности может быть небольшим, но их повторяемость создает эффект «нормализации» обсуждения.

Журнал, напротив, работает как пространство развернутого аргумента. Он допускает длинные эссе, исторические очерки, педагогические тексты, художественные миниатюры и письма читателей, которые необязательно привязаны к событию конкретного дня. Поэтому журнальный формат особенно подходит для темы семьи и гендера, где требуется объяснять и убеждать, а не просто сообщать.

Исследование о журнале «Oyina» подчеркивает, что он выполнял роль национального просветительского журнала и включал материалы по образованию, культуре и общественным вопросам (Egamqulova, 2019). Для женской темы важно, что журнальная площадка могла одновременно объединять разные голоса: педагогическую аргументацию, моральные рассуждения, критические письма. Это создавало модель публичности, в которой женщина рассматривается не только как

объект морализаторства, но и как часть социальной структуры.

Кроме того, журнальный формат поддерживает «обучающий» стиль письма: автор может шаг за шагом пояснять причины и последствия, разбирать типичные возражения, предлагать практические решения (например, как организовать обучение дома, как договориться с родственниками, как экономить средства на обрядах). В итоге журнал функционирует как своего рода методическое пособие культурной реформы.

Таким образом, газетный и журнальный режимы публичности дополняют друг друга. Газета создает ритм общественного внимания и практику короткой реакции; журнал – пространство для углубления и стандартизации аргумента. В совокупности они формируют медиальную среду, в которой «женский вопрос» становится частью повседневной модерности.

Межрегиональные сети и циркуляция аргументов

Джадидская печать Туркестана не существовала в вакууме. Она была включена в более широкий тюрко-мусульманский информационный контур Российской империи, где идеи распространялись через перепечатки, личные контакты, поездки и обмен письмами. Это особенно заметно в тематике образования и женского статуса: аргументы в пользу школ для девочек нередко поддерживались примерами из других регионов, где подобные школы уже действовали.

В этом контексте важны связи с татарским и в целом волго-уральским просветительством. Исследование сотрудничества татарских просветителей с туркестанской печатью фиксирует, что уже в 1906 г. вокруг ранних газетных проектов складывались коммуникационные мосты между регионами, а редакторы и авторы выступали посредниками между разными читательскими мирами (Abdurasulov, 2022). Такие мосты усиливали убедительность реформаторской риторики: если в другом мусульманском обществе удается сочетать образование женщин и моральные нормы, то это служит аргументом против утверждения, что школа для девочек якобы «неприемлема».

Межрегиональные сравнения в джадидской публицистике работают как технология легитимации. Они не обязательно дают точные статистические данные; их цель – показать возможность и сформировать чувство ответственности. Риторически это выглядит как «перевод» локального вопроса в общий цивилизационный язык: народ, который не учит женщин, рискует остаться на обочине истории.

Кроме того, сети обмена идеями способствовали циркуляции терминов и понятий. Понятия, связанные с просвещением и прогрессом, переходили из одного издания в другое, закрепляясь как общий словарь реформы. В результате женская тема формируется не как случайный набор мнений, а как относительно устойчивый дискурс с повторяющимися аргументами и образами.

Наконец, межрегиональные связи расширяли и жанровый репертуар. Письма, сообщения, обзоры, краткие переводы или пересказы могли попадать в туркестанские издания и подталкивать местных авторов к более системному разговору о женщинах и образовании. С этой точки зрения печать выступает не только как зеркало внутренних проблем, но и как канал переноса культурных моделей, которые затем адаптируются к местным нормам.

Язык, адресат и социальная база читателей

Эффект джадидской печати напрямую зависел от того, кто мог быть читателем. В городах Туркестана начала XX века формируются новые группы грамотных: учителя и учащиеся новых школ, часть

торговцев и ремесленников, небольшая интеллигенция. Для этих групп пресса становится не только источником информации, но и механизмом социальной самоидентификации: чтение газет и журналов выступает как признак принадлежности к «просвещенному кругу».

Женская тема в этом контексте выполняет функцию маркера современности. Поддержка образования девочек становится символом новой ответственности: семья должна мыслить не только текущей выгодой, но и будущим поколения. При этом адресат многих аргументов – мужчины, принимающие решения о распределении ресурсов. Поэтому джадидские тексты часто строятся так, чтобы снять их страхи: школа для девочек не разрушает нравственность, если она организована правильно; напротив, грамотность укрепляет мораль и порядок дома.

С языковой точки зрения периодика стремилась расширять аудиторию. Использование тюркского литературного языка в газетах и журналах служило двойной цели: (1) сделать текст доступным тем, кто не владеет русским; (2) формировать общий культурный код «миллат». При этом присутствовали и элементы многоязычия: русские термины, заимствования, цитаты, что отражает сложную языковую ситуацию колониального города.

Важно и то, что женщины часто не были прямыми читательницами, но могли сталкиваться с идеями через посредников: учителей, родственников, публичные чтения, театральные постановки, пересказ в семье. Следовательно, печать работала не только как индивидуальное чтение, но и как социальная практика передачи смыслов. Публичное чтение в чайхане или в кругу учеников превращало печатный текст в устное обсуждение, а женская тема могла входить в семейный разговор.

Для исследования таких механизмов важны библиографические и справочные материалы, показывающие, какие сюжеты циркулировали в печати. Так, аннотированная библиография материалов о Туркестане в газете «Tarjimon» (1883–1917) демонстрирует широту тем и каналы трансрегионального обсуждения, что важно и для гендерной проблематики (Abdirashidov, 2017).

Цензура, грамотность и социальные ограничения

Любая оценка влияния джадидской прессы должна учитывать структурные ограничения, которые определяли как содержание, так и стиль публикаций.

Во-первых, цензура и политический контроль. Публичная критика могла быть интерпретирована как подрыв порядка, поэтому многие авторы выбирали косвенные способы выражения: моральная критика обычая, экономические аргументы, апелляции к религии и пользе. Это не означает отсутствия политического измерения; напротив, в условиях ограничений социальная критика семьи часто заменяла прямую политическую полемику.

Во-вторых, уровень грамотности и доступ к печати. Даже если городская аудитория росла, она оставалась ограниченной. Это заставляло редакции писать так, чтобы текст был понятен и практичен. Женская тема часто подавалась через примеры и короткие причинно-следственные формулы, чтобы убеждение было более эффективным.

В-третьих, экономическая нестабильность изданий. Подписка, расходы на печать, логистика распространения, кадровые ресурсы – все это ограничивало продолжительность проектов. Поэтому многие газеты существовали недолго, а журналы зависели от узкого круга энтузиастов. Тем не менее, как показывают обзоры национальной периодики, даже кратковременные проекты сыграли роль в становлении образовательной и культурной повестки (Begbudieva, 2023).

В-четвертых, социальное сопротивление реформам. Тема женского образования затрагивала распределение авторитета внутри семьи, поэтому вызывала опасения. Здесь джадидская пресса использовала стратегию «внутренней реформы»: показать, что обучение не отменяет традиции, а делает ее более устойчивой. С этой точки зрения важно, что дискурс часто строился вокруг ответственности родителей и экономической пользы, а не вокруг абстрактных прав.

Эти ограничения помогают понять нелинейность модернизационного проекта. Джадиды могли предлагать новые нормы, но реализация зависела от инфраструктуры школы, от согласия семей, от экономических возможностей и от политической ситуации. Поэтому пресса должна рассматриваться как пространство формирования языка и аргументов, а не как прямая инструкция немедленного социального преобразования.

Кейс дискурсивной техники: критика свадебной расточительности

Таким образом, критика свадебной расточительности является не частной моральной темой, а узловой точкой дискурса модернизации. Через нее пресса одновременно предлагает новую экономическую рациональность и новую систему символического признания, где образование женщин и детей рассматривается как высшая форма общественной пользы.

В женской теме этот механизм усиливается: поскольку свадьба напрямую связана с судьбой девушки, критика обряда становится критикой раннего брака, принуждения и отсутствия выбора. В результате вместо нейтральной этнографической практики обряд получает статус социального института, который нужно реформировать. Это демонстрирует общий принцип джадидской публичности: бытовая практика объясняется как институт с последствиями, а значит, становится предметом обсуждения и изменения.

Риторически этот поворот достигается несколькими приемами. Первый – причинно-следственная цепочка: «расходы → долги → слабое хозяйство → невозможность учить детей». Второй – перевод морали в язык общественного вреда: расточительность наносит ущерб не только семье, но и «миллат» в целом, потому что уменьшает ресурсы развития. Третий – противопоставление «обычая» и «истинной нормы»: авторы могут утверждать, что религия не требует показного расточительства, а значит, отказ от чрезмерных расходов не является грехом.

Обряд, особенно свадьба, традиционно выполнял функцию публичного подтверждения положения семьи: количество гостей, масштабы угощения, подарки и демонстрация расходов создавали репутацию. Однако именно эта репутационная логика превращалась в источник долгов и экономической нестабильности. Джадидская пресса, критикуя расточительность, фактически предлагает альтернативную модель статуса: уважение должно основываться не на демонстративных расходах, а на пользе – прежде всего на вложении в образование и здоровье.

Для более конкретного понимания того, как пресса «работала» с нормами, полезно рассмотреть типовой механизм критики свадебной расточительности. На уровне содержания это выглядит как морализаторство, но на уровне социальной технологии это инструмент перераспределения статуса.

Перспективы дальнейших исследований

Дальнейшие исследования могут расширить результаты в трех направлениях. Во-первых, корпусный анализ сохранившихся номеров газет и журналов позволит проследить, как меняется

риторика женской темы в зависимости от политического момента (например, усиление цензуры, война, революционные события). Во-вторых, важно сопоставить тюркскую, русскоязычную и персоязычную печать региона, чтобы увидеть различия в адресате и аргументации. В-третьих, перспективно соединять дискурс прессы с микроисторическими данными (семейные архивы, воспоминания, судебные документы), чтобы лучше понять, как печатные нормы входили в практику.

Сопоставление с общероссийской мусульманской прессой

Наконец, сопоставление показывает и общую черту: везде женская тема становится способом говорить о границах модернизации. Через обсуждение школы для девочек общество решает более широкий вопрос: как изменяться, оставаясь собой. Для Туркестана этот вопрос был особенно острым из-за колониального контекста и быстрого изменения политической ситуации в 1910-е годы.

Второе отличие связано с легитимацией. Для туркестанских авторов особенно важно подчеркнуть, что реформа является «внутренней» и морально безопасной. Отсюда активная апелляция к религиозной совместимости обучения и к критике «обычая», а не религии. Такой ход можно интерпретировать как стратегию, которая одновременно снижает конфронтацию и защищает право общества на самореформу (Khalid, 1998).

Например, в развитых центрах мусульманской печати тема женского образования могла обсуждаться как часть широкого интеллектуального спора о модерности, тогда как в Туркестане она нередко привязывалась к конкретным барьерам: нехватка учителей, отсутствие помещений, сопротивление семей, экономические ограничения. Это делает туркестанскую прессу особенно интересной для исследования, потому что в ней видно, как идеологические аргументы адаптируются к повседневности.

Чтобы точнее оценить специфику туркестанской джадидской публицистики, полезно коротко сопоставить ее с общероссийской мусульманской печатью. В имперском масштабе дискуссии о женщинах и школе для девочек начались раньше и имели более широкую аудиторию в регионах с развитой печатной инфраструктурой. Туркестанские издания входили в этот контур позднее и вынуждены были одновременно решать две задачи: создавать читательскую аудиторию и продвигать реформы. Поэтому риторика часто более прагматична и «пошагова».

Практическая инфраструктура реформ в малых жанрах

С точки зрения дискурса это важно, потому что связывает «норму» и «действие». Риторика о пользе образования превращается в конкретные механизмы участия: подписка, пожертвование, посещение урока, обсуждение в семье. Именно такие практические переходы помогают понять, почему пресса могла влиять даже при ограниченной аудитории: она не только убеждала, но и предлагала каналы включения в реформаторскую деятельность.

Отдельного упоминания заслуживают «малые» элементы газетной и журнальной страницы – объявления, заметки о подписке, сообщения о сборе средств, а также визуальные маркеры рубрикации. Хотя такие элементы редко воспринимаются как часть идеологии, они формируют практическую инфраструктуру реформ. Если издание призывает поддержать школу или сообщает о наборе учащихся, оно делает реформу измеримой: появляется адрес, срок, сумма, ответственность. Женская тема может входить сюда косвенно – через объявления о курсах, о благотворительных инициативах, о публичных лекциях.

В результате печатная форма меняла и саму структуру аргумента: вместо приказа

или традиционного авторитета появлялась апелляция к читателю как к субъекту выбора. Читатель должен был сравнить варианты, оценить последствия и принять решение в пользу «маърифат» и рациональности. В женской теме этот эффект особенно заметен, потому что решение об образовании девочек требовало переоценки привычных представлений. Таким образом пресса не только «сообщала» реформу, но и тренировала модерный тип рассуждения, который опирается на доказательство и публичное обсуждение.

Наконец, важно помнить о локальной неоднородности: Ташкент, Самарканд и Ферганская долина имели разные социальные структуры и разные уровни доступа к новой школе. Поэтому единый «джадидский дискурс» в реальности всегда распадался на локальные варианты, которые могли по-разному артикулировать женскую тему и по-разному определять допустимые границы реформ.

Это делает дальнейшие сравнительные исследования особенно актуальными.

Заключение

Джадидская периодическая печать Туркестана начала XX века сыграла роль ключевого канала, через который «женский вопрос» был переосмыслен как общественная проблема. Газеты и журналы формировали язык реформы, объединяющий прагматику пользы, религиозную легитимацию и национально-культурные аргументы. Женское образование, критика раннего брака и расточительных обрядов, идея грамотной матери и образ новой женщины создавали связку семьи и модернизации, где приватное становится публично значимым.

Вместе с тем модернизационный дискурс имел границы. Он зависел от цензуры, неравномерной грамотности и экономической нестабильности изданий; многие тексты сохраняли функционалистскую оптику в отношении женщин, подчеркивая их роль как матерей и воспитательниц. Однако эти противоречия не отменяют исторической значимости джадидской публицистики: именно в ней были артикулированы аргументы и жанровые формы, которые закрепили практику публичного разговора о семье.

В итоге «женский вопрос» в джадидской прессе можно понимать как индикатор ранней модерности Туркестана: через него общество училось обсуждать нормы, измерять «пользу» и связывать повседневность с будущим.

References:

1. Abdirashidov, Z. (2017). *Tarjimon (1883–1917) gazetasidagi Turkiston materiallarining izohli bibliografiyasi.* (PDF).
2. Abdurasulov, A. (2022). *Turkistonda vaqtli matbuot va matbaa ishlarini yuzaga kelishida tatar ma'rifatparvarlari bilan hamkorlik aloqalari.* CyberLeninka.
3. Begbudieva, P. Sh. (2023). National Periodical Press Incipience and Its Role in Education Within Central Asia. *Eurasian Journal of History, Geography and Economics, 27.*
4. Egamqulova, N. (2019). "Oyina" – first Uzbek national magazine. *International Journal on Integrated Education, 2*(5).
5. Hitchins, K. (2017). *Jadidism.* Encyclopaedia Iranica.
6. Kamp, M. (2006). *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism.* University of Washington Press.
7. Khalid, A. (1998). *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia.* University of California Press.

8. Muminov, A. G. (2019). *To the Way of Informed Society*. Scienceweb.uz (PDF).
9. Teshabaeva, D. M. (2025). Jadid Press and the Making of the "New Woman". *The Lingua Spectrum, 11(*1), 426–430.
10. Tilavova, S. S. (2024). Views of Turkestan Jadids on women's education. *Scientific Journal of the Fergana State University, 30(*4).

Translation and Theatrical Reception of World Literature in the Jadid Periodicals of Turkestan in the Early Twentieth Century

Teshabaeva Dilfuza Muminovna
d.teshabayeva@uzswlu.uz
DSc, Professor,
Uzbekistan State World Languages University

Zamira Mametovna Sabiralieva
Head of the Department of World Literature,
Institute of Philology and Intercultural Communication,
Osh State University

Annotation *The article examines how Jadid periodicals in early twentieth-century Turkestan mobilized translation and theatrical culture as interconnected channels for the reception of world literature. It argues that translated fragments, retellings, critical commentary, and theatre-related sections served pedagogical and modernization goals rather than purely aesthetic ones. By privileging compact genres (fable, short story, dialogic scene, essay) and by relying on paratextual infrastructures (subscription notices, book announcements, theatre advertisements), the press shaped a new reader: a disciplined participant in public discussion, trained in causal reasoning and encouraged to apply reading to practical questions of schooling, family ethics, and civic responsibility. Methodologically, the paper combines historical-literary analysis, media history, and a paratextual lens that treats reading infrastructure as a condition of cultural reform. The conclusion is that Jadid engagement with world literature was a strategy of cultural mediation in which translation and theatre functioned as tools for producing modern publicness.*

Keywords *Jadidism, periodical press, world literature, translation, theatre culture, literary criticism, paratext, Turkestan, modernization*

XX asr boshida Turkiston jadid davriy matbuotida jahon adabiyotining tarjima va teatr orqali qabul qilinishi

Teshabayeva Dilfuza Muminovna
d.teshabayeva@uzswlu.uz
Filologiya fanlari doktori (DSc), professor,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Sabiraliyeva Zamira Mametovna
Jahon adabiyoti kafedrasi mudiri,
Filologiya va madaniyatlararo kommunikatsiya instituti,
Osh davlat universiteti

Annotatsiya *Maqolada XX asr boshidagi Turkiston jadid davriy matbuotida jahon adabiyotining tarjima va teatr madaniyati orqali qanday qabul qilingani tahlil qilinadi. Tarjima parchalar, qayta hikoya, tanqidiy izohlar va teatr rubrikalari nafaqat estetik, balki pedagogik hamda modernizatsion vazifani bajargani ko'rsatiladi. Qisqa janrlar (masal, hikoya, dialogik sahna, ocherk) tanlanishi, shuningdek, paratekst (obuna e'lonlari, kitob yangiliklari, spektakl e'lonlari) orqali matbuot yangi o'quvchini shakllantirdi: u muntazam o'qiydigan, mantiqiy sabab-oqibat fikrlashni egallagan*

va o‘qiganini maktab, oila va ijtimoiy mas’uliyat masalalariga tatbiq qila oladigan subyektdir. Metodologiya tarixiy-adabiy tahlil, media tarixi va paratekstual yondashuvni birlashtiradi. Xulosa shuki, jadid matbuotida jahon adabiyotiga murojaat madaniy vositachilik strategiyasi bo‘lib, unda tarjima va teatr modern ommaviylikni yuzaga keltiruvchi vositalar sifatida ishlagan.

Kalit so‘zlar *Jadidchilik, davriy matbuot, jahon adabiyoti, tarjima, teatr madaniyati, adabiy tanqid, paratekst, Turkiston, modernizatsiya*

Перевод и театральная рецепция мировой литературы в джадидской периодике Туркестана начала XX века

Тешабаева Дилфуза Муминовна
d.teshabayeva@uzswlu.uz
Доктор филологических наук (DSc), профессор,
Узбекский государственный университет мировых языков

Сабиралиева Замира Маметовна
Завкафедрой всемирной литературы,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
Ошского государственного университета

Аннотация *Статья анализирует, каким образом джадидская периодика Туркестана начала XX века использовала перевод и театральную культуру как взаимосвязанные каналы рецепции мировой литературы. Показано, что переводные фрагменты, пересказы, критические заметки и театральные рубрики выполняли не только эстетическую, но прежде всего педагогическую и социально-модернизационную функцию. Через выбор жанров (басня, рассказ, диалогическая сцена, очерк) и сопровождающие паркстуальные элементы (объявления о подписке, книжных поступлениях, постановках) печать формировала нового читателя – дисциплинированного участника публичного обсуждения, ориентированного на причинно-следственное рассуждение и на практическое применение прочитанного к проблемам школы, семьи и общественной этики. Методологически работа сочетает историко-литературный анализ, медиаисторический подход и паркстуальную оптику, позволяющую увидеть инфраструктуру чтения как ключевое условие эффективности культурной реформы. Делается вывод о том, что обращение к мировой литературе в джадидской печати являлось стратегией культурного посредничества, где перевод и театр функционировали как инструменты производства модерной публичности.*

Ключевые слова *Джадидизм, периодическая печать, мировая литература, перевод, театральная культура, литературная критика, парекст, Туркестан, модернизация*

Введение

Вопрос о культурной модернизации в Туркестане начала XX века традиционно связывается с реформой школы и формированием «нового метода» обучения. Однако социальная устойчивость любых образовательных преобразований зависит от более широкого культурного контура: от практик чтения, от доверия к печатному слову, от навыков интерпретации и обсуждения, наконец, от способности аудитории переводить знания в повседневные решения. Джадидская периодика стала ключевым институтом, где эти элементы соединялись: газета и журнал работали как площадка для воспитания нового типа читателя и как механизм запуска публичного разговора о норме.

Смежной к «школьной» тематике является линия рецепции мировой литературы. На уровне конкретных газетно-журнальных практик она проявлялась не только в переводах художественных текстов, но и в театральных рубриках, рецензиях, объявлениях о постановках, сообщениях о книгах и подписке. Два канала – перевод и театр – в рамках джадидской печати часто функционировали совместно: перевод подготавливал читателя к новому жанру, театр расширял аудиторию за счет коллективного восприятия, а периодика связывала оба канала через обсуждение и информационную инфраструктуру.

Цель статьи – показать, каким образом перевод и театральная культура в джадидской периодике Туркестана начала XX века выступали как инструменты культурного посредничества и производства модерной публичности. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. описать жанрово-медиальные формы присутствия мировой литературы в периодике;
2. выявить педагогические функции перевода и критического комментария;
3. рассмотреть театр как канал рецепции и как технологию расширения аудитории;
4. проанализировать парекст (объявления, подписку, книжные сообщения) как инфраструктуру чтения.

Теоретическая рамка и историографический контекст

В современных исследованиях джадидизм понимается как программа культурной реформы, включающая школу, печать, литературные практики и общественную активность. Существенно, что реформаторы работали не только с «содержанием» (какие знания передавать), но и с «формой публичности» (как обсуждать, кто имеет право говорить, какие жанры легитимны). В этом отношении периодическая печать выступала не вторичным каналом распространения идей, а институциональным ядром, способным формировать режимы внимания и нормы участия. Подход А. Халида позволяет рассматривать печать как пространство реформы, где создается новый тип публичного разговора и новый образ читателя (Khalid, 1994; Khalid, 1999).

Для анализа рецепции мировой литературы продуктивно выделить три уровня. Первый – уровень текста: перевод, пересказ, публикация фрагментов, драматических сцен, критический комментарий. Второй – уровень медиаорганизации: рубрикация, регулярность, объем номера, цензурные ограничения, адресат. Третий – уровень инфраструктуры чтения: подписка, книжные лавки, объявления о поступлениях, сведения о публичных чтениях и постановках. Именно третий уровень часто остается «невидимым» в литературоцентричных

описаниях, хотя он определяет устойчивость практик рецепции.

В качестве дополнительного теоретического фона важна идея о том, что печать участвует в конструировании воображаемых сообществ (Anderson, 1983). В случае Туркестана речь не обязательно идет о национализме в узком смысле; скорее, периодика создавала воображаемое сообщество читателей как социальную группу, объединенную регулярным доступом к печатному слову и общими темами обсуждения. Мировая литература в таком пространстве выполняла функцию расширения культурного горизонта и одновременно служила языком сравнения, позволяющим описывать локальные проблемы через «внешние» сюжеты.

Наконец, для театральной линии значимы наблюдения о том, что театр в Центральной Азии в XX веке стал формой артикуляции модерности, где эстетика тесно связана с публичной моралью и социальным проектированием (Adams, 2005). Драматическая форма, по сути, превращает норму поведения в сценическое событие, что делает ее сильным инструментом педагогики для аудитории с неравномерной грамотностью.

Материалы и Метод

Полный корпус джадидской периодики сохранился неравномерно, а доступ к отдельным выпускам зависит от архивной сохранности и публикаций исследователей. В данной работе используется типологическая стратегия анализа. Опорой служат исследования, описывающие роль печати и реформаторские задачи джадидов (Khalid, 1994; Khalid, 1999), а также работы по театральной модерности региона (Adams, 2005) и по литературной политике в более широком историческом контексте (Allworth, 1964). Дополнительно учитываются современные подходы к переводу как культурному посредничеству и к трансрегиональной циркуляции литературных текстов (Maguire & McAteer, 2024).

Методологически статья сочетает:

- историко-литературный анализ (жанры, функции, культурные смыслы);
- медиаисторический подход (режимы распространения и участия, институциональные ограничения);
- парекстуальную оптику (объявления, редакционные ремарки, рубрики как «инструкция чтения»).

Исследование ориентировано на выявление повторяющихся механизмов, а не на исчерпывающий каталог переводов и постановок. Такой выбор обусловлен задачей понять, почему именно перевод и театр оказались эффективными каналами рецепции мировой литературы в условиях ограниченного рынка печати и неоднородной грамотности.

Периодика как медиатор мировой литературы

Джадидская газета и журнал задавали новый режим чтения. Газета обучала регулярности и фрагментарному восприятию: номер строился как набор рубрик, а читатель привыкал распределять внимание между новостью, публицистикой, культурной заметкой и объявлением. Журнал предлагал «медленное чтение»: большие тексты, развернутые аргументы, критические статьи. В сумме эти форматы создавали культурный навык: читать не эпизодически, а системно.

Внутри такого медиального режима мировая литература появлялась в трех основных формах.

Первая форма – перевод фрагмента. Периодика охотно публиковала короткие тексты или части произведений, которые можно было вместить в номер и снабдить пояснением. Выбор фрагментарности был не только вынужденным (объем, цензура), но и педагогически удобным: короткий текст легче обсуждать и использовать в школе.

Вторая форма – пересказ и адаптация. Здесь редакция фактически

«пересобирала» сюжет, усиливая морально-дидактический потенциал. Пересказ позволял переносить произведения, которые трудно переводить полностью (по объему или языковым причинам), и одновременно давал читателю схему интерпретации.

Третья форма – критический комментарий. В ряде случаев центральным становился не художественный текст, а объяснение: почему важно читать, как устроен жанр, чем полезен автор, как применять смысл к локальной повестке. Тем самым формировался «читатель-интерпретатор», который должен уметь извлекать выводы, а не только потреблять сюжет.

Эти формы дополнялись четвертым измерением – парекстом, который обеспечивал практическое участие. Объявление о подписке, сведения о книгах и постановках, сообщения о сборе средств на школы и библиотеки превращали чтение в социально организованную практику, а не в частный акт.

Переводная практика и стратегии адаптации

Перевод в джадидской периодике следует рассматривать как педагогическую технологию и как механизм культурного посредничества. Его функция выходила за рамки «передачи смысла»: перевод конструировал адресата и задавал стандарты публичного рассуждения. Неслучайно переводные тексты часто сопровождались рамкой – предисловием, ремаркой, заголовком, который направлял интерпретацию.

Можно выделить несколько устойчивых стратегий.

Публикация коротких текстов решала сразу несколько задач. Во-первых, она соответствовала объему газетной страницы. Во-вторых, она облегчала коллективное чтение: небольшой перевод можно прочитать вслух и обсудить. В-третьих, фрагмент создавал эффект продолжения: читатель ожидал следующего номера, формируя привычку регулярного чтения. Тем самым перевод работал на дисциплину внимания – ключевую культурную предпосылку модернизации.

Адаптация не обязательно означала искажение. Скорее, она означала выбор релевантных смыслов и их акцентирование: образование, трудовая этика, ответственность, вред невежества, необходимость самокритики. Подобная селекция особенно понятна, если вспомнить, что перевод в разных регионах часто ориентирован на локальные дискурсы и институты (Maguire & McAteer, 2024). Джадидская периодика, как правило, предпочитала тексты, где мораль легко соединяется с социальным действием.

Перевод знакомил читателя с жанровыми моделями, которые в традиционной словесности могли быть менее распространены или имели иные функции. Короткий рассказ развивал причинно-следственное мышление: поступок – последствия – вывод. Басня обучала аллегории и метафорической интерпретации. Диалогическая сцена подготавливала к драматическому восприятию. Таким образом, перевод выступал «учебным материалом» по культурной компетентности.

В условиях языковой вариативности и процесса стандартизации литературного языка перевод становился лабораторией новых терминов и синтаксических конструкций. Важно, что такие нововведения закреплялись не абстрактно, а в конкретных сюжетах и аргументах. Это снижало барьер освоения: читатель понимал новое слово через контекст, а не через словарь. Переводные сюжеты давали читателю возможность сравнивать социальные практики. Это сравнение использовалось как доказательство того, что реформы возможны: «у других» существует школа, дисциплина труда, публичная ответственность – значит, и в Туркестане это

достижимо. Здесь мировая литература выступала языком «проверки реальности»: она показывала альтернативные модели поведения и институций, которые можно обсуждать без прямой политической декларации.

Литературная критика как педагогика чтения

Если перевод переносил сюжет и форму, то критика переносила критерии. Джадидская периодика активно работала с вопросом: как читать правильно. Под «правильно» понималась не только грамотность, но и способность извлечь смысл, соотнести его с жизнью, сформулировать вывод, вступить в обсуждение. В таком подходе критика становится продолжением школы: она задает нормы интерпретации и предлагает модель публичного рассуждения.

Критические тексты часто демонстрировали три принципа.

- *Принцип полезности.* Чтение оправдывается общественным благом: через чтение человек улучшает себя и, следовательно, общину. Этот тезис связывает литературную культуру с этикой ответственности, делая читателя социальным субъектом.
- *Принцип понимания.* Механическое чтение без интерпретации рассматривается как недостаточное. Читатель должен уметь объяснить, почему герой поступил так, какие последствия наступили, какую норму можно вывести. Тем самым критика обучает причинному анализу.
- *Принцип обсуждаемости нормы.* В критике норма нередко обосновывается аргументом, а не авторитетом. Это важно для формирования модерной публичности: если норма обсуждается, читатель учится участвовать в коллективном согласовании смысла. В результате критика превращается в тренировку гражданской рациональности, что соответствует пониманию джадидизма как культурной реформы публичного пространства (Khalid, 1999).

В рамках рецепции мировой литературы критика решала дополнительную задачу: «перевод смыслов». Даже точный перевод не гарантирует релевантности. Критическая рамка объясняла, почему сюжет важен для местного читателя, каким образом его можно применить к проблемам школы, семьи и общественной этики. Таким образом, мировая литература становилась не чужим украшением, а рабочим материалом для локального обсуждения.

Театр как канал рецепции и расширения аудитории

Театр в джадидской культурной политике выступал как инструмент воздействия на массовую аудиторию. В условиях неоднородной грамотности сценическое действие обладало очевидным преимуществом: оно делает идею «видимой» и коллективно переживаемой. Периодика, поддерживая театр, фактически расширяла свой социальный охват: даже нечитатель мог стать участником культурной реформы через спектакль, а затем – через обсуждение спектакля в газетной среде.

С точки зрения рецепции мировой литературы театр функционировал в нескольких режимах.

Драматический текст отличается от прозы тем, что он предполагает исполнение. Когда периодика публикует сцену или обсуждает пьесу, она вводит читателя в новую форму культурного опыта, где смысл производит не только слово, но и действие, мизансцена, коллективная реакция. Это усиливает педагогический эффект: норма поведения демонстрируется как событие, а не просто проговаривается.

Объявления о постановках, сведения о местах и времени спектакля, краткие рецензии создавали «каркас участия».

Периодика тем самым организовывала аудиторию, превращая театр в регулярную культурную практику. Это важно: модернизация требует повторяемости, иначе культурный импульс остается разовым.

Исследования театральной модерности в регионе подчеркивают, что сценическая форма часто соединялась с моральной и социальной проблематикой: критикой коррупции, невежества, бытовой жестокости, паттернов власти (Adams, 2005). Такой театр близок к публицистике, но обладает более сильным эмоциональным и коллективным воздействием. Через театр мировая литература могла входить в общество не как «классика», а как практическая моральная модель, применимая к локальным конфликтам.

В более широком историческом контексте театр и печать участвовали в формировании литературных институций: публичных критериев, авторитетов, жанрового канона. Анализ литературной политики показывает, что эти процессы не сводятся к эстетике; они связаны с распределением культурного статуса и с борьбой за право определять норму (Allworth, 1964). Поэтому театральная линия рецепции мировой литературы в джадидской периодике имеет институциональное значение: она формировала культурное поле, где новая литература и новые жанры становились социально признанными.

Парекст – объявления, подписка, книжные сообщения, организационные заметки – на первый взгляд выглядит «вспомогательным». Однако именно он делает культурную реформу практически осуществимой. Парекст отвечает на вопрос: как читателю стать читателем. Где взять номер, как оформить подписку, где купить книгу, как узнать о спектакле, как присоединиться к публичному событию.

Парекст выполняет три функции.

- *Функция доступа.* Чтение требует материальной возможности: книги, газеты, места распространения. Парекст обозначает каналы доступа и тем самым расширяет аудиторию.
- *Функция дисциплины.* Подписка формирует регулярность: читатель заранее принимает обязательство получать номер. Регулярность превращает чтение в привычку, а привычка – в культурную норму.
- *Функция участия.* Объявление о постановке или публичном чтении переводит культурный смысл в действие: прийти, увидеть, обсудить, поддержать. В этом отношении парекст является механизмом социальной мобилизации.

Ниже приводится обобщающая таблица, фиксирующая основные практики, через которые перевод и театр включались в газетно-журнальный проект модернизации.

Медиальная практика	Форма в периодике	Что переносится из мировой литературы	Функция в модернизации
Перевод фрагмента	Короткий перевод + редакционная рамка	Сюжет, образ, лексика	Тренировка чтения, расширение языка
Пересказ и адаптация	Сжатое изложение с моральным акцентом	Фабула и конфликт	Социальное наставление через пример
Критический комментарий	Заметка/эссе о жанре и авторе	Критерии чтения, жанровая навигация	Формирование читателя-интерпретатора
Театральная рубрика	Анонс, рецензия, публикация сцены	Драматическая модель поведения	Коллективная педагогика и общественная дискуссия
Парекст страницы	Подписка, книжные новости, объявления	Каналы доступа к текстам	Инфраструктура участия и дисциплина чтения

Таблица 1. *Практики рецепции мировой литературы в джадидской периодике и их функции*

Рецепция

мировой литературы через перевод и театр предполагает учитывать реальные режимы потребления культурного материала. В Туркестане начала XX века читательская аудитория была неоднородной: разные уровни грамотности, разные социальные среды, разные языковые практики. В этих условиях периодика работала не только с индивидуальным чтением, но и с коллективными форматами.

Коллективное чтение (в школе, в кружке, в семье) усиливало педагогический эффект переводов. Малый жанр удобен для чтения вслух и обсуждения. Драматическая сцена удобна для разыгрывания. Очерк удобен как модель аргументации. Периодика, выбирая компактные жанры, фактически учитывала эти практики и подстраивалась под них.

Театр, в свою очередь, расширял аудиторию за пределы читателей. Это особенно важно: культурная модернизация не может ограничиваться узкой группой грамотных. Публичный спектакль превращает реформаторскую идею в коллективное событие и создает эффект социального доказательства: если люди собираются, обсуждают, реагируют, значит, новая культурная норма становится значимой.

Таким образом, перевод и театр в связке с печатью формировали многоуровневую систему: текст – обсуждение – событие – обсуждение. В этой системе каждый элемент усиливает другой: перевод дает содержание, критика дает критерии, театр дает событие, парекст дает инфраструктуру.

Обсуждение

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать несколько выводов, имеющих не только историко-литературное, но и методологическое значение.

Первый вывод: перевод в джадидской периодике следует интерпретировать как педагогическую технологию. Его эффективность обеспечивается не точностью в узком смысле, а способностью конструировать читателя, задавать стандарты интерпретации и формировать привычку регулярного чтения.

Второй вывод: театр выступает не вторичным «приложением» к печати, а самостоятельным каналом рецепции мировой литературы, особенно важным для

расширения аудитории. Театр обеспечивает коллективное переживание нормы и создает условия для обсуждения, что повышает социальную действенность культурной реформы.

Третий вывод: парекст является инфраструктурным ядром рецепции. Без подписки, книжных сообщений и объявлений о постановках культура остается «возможностью», но не становится практикой. Парекст переводит культурный смысл в социальное действие.

Четвертый вывод: рецепция мировой литературы у джадидов носит характер культурного посредничества, а не копирования. Внешний текст становится ресурсом для локальной модернизации: через него обсуждаются школа, мораль, трудовая этика, гражданская ответственность. Это согласуется с более общим пониманием культурной реформы как процесса, где новые жанры и институты формируют новый тип публичности (Khalid, 1994; Anderson, 1983).

Заключение

Перевод и театральная культура в джадидской периодике Туркестана начала XX века функционировали как взаимосвязанные инструменты рецепции мировой литературы и как технологии производства модерной публичности. Перевод обучал чтению и аргументации, критика формировала критерии интерпретации, театр расширял аудиторию и превращал норму в коллективное событие, а парекст создавал инфраструктуру доступа и участия.

Обращение к мировой литературе в данном контексте следует понимать как стратегию культурного посредничества. Она не отменяла локальных традиций, но перестраивала культурный язык и общественные практики вокруг печатного слова и публичного обсуждения. В результате мировая литература становилась частью проекта просвещения, а периодика – механизмом, переводящим культурные смыслы в социально устойчивые практики.

References:

1. Adams, L. L. (2005). Modernity, postcolonialism, and theatrical form in Uzbekistan. *Slavic Review, 64*(2), 333–354. https://doi.org/10.2307/3649987
2. Allworth, E. (1964). *Uzbek literary politics*. Mouton.
3. Anderson, B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso.
4. Khalid, A. (1994). Printing, publishing, and reform in Tsarist Central Asia. *International Journal of Middle East Studies, 26*(2), 187–200.
5. Khalid, A. (1999). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press.
6. Maguire, M., & McAteer, M. (Eds.). (2024). *Translating Russian literature in the global context*. Open Book Publishers. https://doi.org/10.11647/OBP.0340

Readers' Letters and Editorial Polemics in the Jadid Press of Early Twentieth-Century Turkestan

Satibaldieva Nigora Alimqul qizi
n.satibaldiyeva@uzswlu.uz
Teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Graeme Medd
graememedd01@gmail.com
Senior Lecturer,
Kimyo International University in Tashkent

Annotation *This article examines readers' letters and editorial polemics as mechanisms through which Jadid ideas circulated in the printed press of twentieth-century Turkestan. It shows how letter columns, local correspondences and editorial replies turned newspapers and journals into a venue for public discussion on the "new method" school, language reform, social ethics and cultural modernization. The paper combines historical-discursive analysis with a genre perspective and applies the public-sphere framework to a colonial setting. The study draws on a corpus of Jadid and enlightenment periodicals (including Taraqqiy, Sadoi Turkiston and Oyina) and on key scholarship about Central Asian print culture and Muslim cultural reform. Findings indicate that readers' letters served as "social diagnostics" and supported reform legitimacy, while editorial polemics translated everyday grievances into programmatic arguments and responsibility. Interactive features of print – feedback, replies and thematic series – thus strengthened diffusion by widening audiences and stabilizing norms of public discussion.*

Keywords *Jadidism, periodical press, readers' letters, editorial polemics, public sphere, Turkestan, enlightenment, new-method school*

XX asr boshlarida Turkistondagi jadid matbuotida o'quvchilar xatlari va tahririy munozaralar

Satibaldiyeva Nigora Alimqul qizi
n.satibaldiyeva@uzswlu.uz
O'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Graeme Medd
graememedd01@gmail.com
Katta o'qituvchi,
Toshkent shahridagi Kimyo xalqaro universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada XX asr boshlarida Turkistonda shakllangan jadid matbuotida o'quvchilar xatlari va tahririyat munozaralari g'oyalar tarqalishining muhim mexanizmlari sifatida tahlil qilinadi. Tadqiqotning maqsadi – maktublar rukni, «joylardan xabar» ko'rinishidagi korrespondensiyalar hamda tahririyat javoblari gazeta va jurnallarni yangi usul maktabi, til va imlo masalalari, ijtimoiy axloq, ma'rifiy modernizatsiya kabi mavzular bo'yicha ommaviy muhokama maydoniga qanday aylantirganini ko'rsatishdir. Metodologiya tarixiy-diskursiv tahlil, janr yondashuvi elementlari hamda kolonial sharoitga moslashtirilgan «jamoat maydoni» konsepsiyasiga tayangan. Manba sifatida jadid va ma'rifatchi periodika*

matnlari (jumladan Taraqqiy, Sadoi Turkiston, Oyina kabi nashrlar) hamda Markaziy Osiyoda matbuot va madaniy islohotlar tarixiga oid ilmiy tadqiqotlar jalb qilindi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, o'quvchilar xatlari kundalik muammolarni «ijtimoiy diagnostika» qilib tasvirlash va islohotlarni legitimlashtirish vazifasini bajargan, tahririy polemika esa ularni dasturiy argumentlar tiliga ko'chirib, jamoaviy mas'uliyat g'oyasini kuchaytirgan. Xulosa sifatida, matbuotdagi qayta aloqa va javob-munosabatlar jadid g'oyalarining diffuziyasini tezlashtirgan.

Kalit so'zlar *Jadidchilik, matbuot, o'quvchi xati, tahririy munozara, jamoat maydoni, Turkiston, ma'rifat, yangi usul maktabi*

Письма читателей и редакционная полемика в джадидской прессе Туркестана начала XX века

Сатибалдиева Нигора Алимкул кизи
n.satibaldiyeva@uzswlu.uz
Преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Грэм Медд
graememedd01@gmail.com
Старший преподаватель,
Международный университет Кимё в Ташкенте

Аннотация *В статье рассматриваются письма читателей и формы редакционной полемики как ключевые механизмы распространения идей джадидизма в печатных изданиях Туркестана начала XX века. Цель исследования – показать, каким образом рубрики письма-обращения, корреспонденции «из мест» и ответы редакции превращали газету и журнал в пространство публичного обсуждения вопросов новой школы, языка, социальной этики и культурной модернизации. Методологически работа опирается на историко-дискурсивный анализ, элементы жанрового подхода и концепцию публичной сферы, применяемую к колониальным контекстам. В качестве источниковой основы используются публикации джадидской и просветительской периодики (включая издания типа «Тараккий», «Садои Туркистон», «Ойина») и корпус современных исследований о печати и культурной реформе в Центральной Азии. Показано, что письма читателей выполняли функции «социальной диагностики» и легитимации реформ, а полемические редакционные тексты – функции перевода повседневных проблем в язык программы, аргумента и коллективной ответственности. Делается вывод о том, что интерактивность печати (обратная связь, ответные реплики, тематические серии) усиливала диффузию джадидских идей, расширяя аудиторию и закрепляя новые нормы публичного разговора.*

Ключевые слова *Джадидизм, периодическая печать, письма читателей, редакционная полемика, публичная сфера, Туркестан, просвещение, новая школа*

Введение

Джадидская печать в Туркестане начала XX века обычно описывается как «голос реформы»: она артикулировала программу новой школы, обновления языка и переосмысления социального порядка. Однако в реальной коммуникативной практике газета и журнал были не только каналом трансляции, но и площадкой обратной связи. Письма читателей, корреспонденции «из мест» и ответные редакционные реплики формировали режим публичного разговора, в котором идея приобретала социальную «видимость», а частная проблема превращалась в коллективный вопрос. Для исследования распространения джадидизма через СМИ важно анализировать именно этот интерактивный слой печатной коммуникации, а не ограничиваться перечнем программных статей и лозунгов.

Цель статьи – показать, как письма читателей и редакционная полемика действовали как механизм диффузии джадидских идей в условиях колониальной цензуры и фрагментированной грамотности. В качестве исследовательских задач выделяются: (1) описать институциональный и исторический контекст появления дискуссионной печати после 1905 года; (2) охарактеризовать жанровые особенности читательских писем и корреспонденций; (3) выявить типовые риторические ходы редакционной полемики; (4) объяснить, каким образом эти элементы расширяли аудиторию и стабилизировали новые нормы публичного обсуждения. Теоретически работа соотносит прессу с логикой публичной сферы как пространства критического обсуждения, понимая при этом, что колониальная ситуация и социальная неравномерность доступа к печати меняют классические модели (Habermas, 1989; Anderson, 2006).

Новизна предлагаемого ракурса заключается в смещении акцента с «идеологических текстов» на коммуникативную инфраструктуру. Джадидизм, как показывают исследования по истории культурной реформы, нельзя понимать только как набор идей; он проявлялся в практиках – в том числе в практиках письма, публикации, чтения и взаимного убеждения (Khalid, 1998). Поэтому анализ писем читателей позволяет наблюдать, как реформаторская программа «врастает» в повседневность: через язык семьи, школы, труда, через локальные конфликты и моральные ожидания.

Практическая значимость исследования связана с медиагуманитарной перспективой. Современные дискуссии о цифровой публичности нередко трактуют интерактивность как феномен последних десятилетий. Материал ранней периодики Туркестана показывает, что базовые принципы обратной связи и «публичной реакции» возникали и в условиях печати: письмо-ответ-реплика создавали динамику, близкую к современным комментариям и форумам, хотя и с иным темпом и иными социальными фильтрами. В этом смысле история джадидской прессы может рассматриваться как ранний опыт конструирования публичного пространства через медиа.

Источниковая база и методология

Эмпирическая основа исследования включает публикации джадидской и просветительской периодики Туркестана (в первую очередь издания типа «Тараккий», «Садои Туркистон», «Ойина»), а также материалы об истории региональной печати и становлении национальной интеллигенции. Для контекстуализации используются обобщающие работы по истории национальной журналистики и печати региона (Abduazizova, 2012; Allworth, 1990; Makhkamova, 2002) и исследования о печатной культуре и культурной реформе

мусульман Центральной Азии (Khalid, 1994, 1998).

Методология строится на сочетании историко-дискурсивного анализа и жанрового подхода. Историко-дискурсивная оптика позволяет рассматривать письмо не как «частный текст», а как публичный акт, встроенный в редакционные правила отбора, тематические повестки и цензурные ограничения. Жанровый подход восходит к представлению о том, что устойчивые коммуникативные формы задают ожидания авторов и читателей и тем самым организуют социальные смыслы (Bakhtin, 1986). Аналитические процедуры включают: (1) выделение повторяющихся тематических блоков писем (школа, язык, труд, нравы, бедность и т. п.); (2) описание позиционирования автора письма (учитель, ремесленник, «отец семейства», «мусульманин-читатель»); (3) анализ ответных редакционных реплик и полемических серий (сопоставление «старого» и «нового», апелляция к пользе знания, критика «обычая», легитимация реформ через религиозный и рациональный аргумент).

При работе с письмами и полемическими материалами необходимо учитывать их редакционную природу. Письмо – не «сырое» свидетельство, а текст, прошедший через редакционную селекцию и, вероятно, редактирование. В жанровом отношении это роднит письма с публицистикой: автор сознательно строит аргумент, выбирает регистр (уважительный, иронический, жалобный), адресует текст не только редактору, но и невидимой аудитории. Поэтому анализ ориентирован на выявление устойчивых коммуникативных сценариев, а не на реконструкцию индивидуальных биографий авторов.

Отдельное внимание уделяется понятиям «диффузии» и «интерактивности». Под диффузией здесь понимается не одномоментное «убеждение», а постепенное распространение словаря и норм: какие формулы становятся привычными, какие темы признаются обсуждаемыми, какие решения воспринимаются как возможные. Интерактивность трактуется минимально – как наличие публично фиксируемого ответа на высказывание. Даже если ответ представлен в виде краткой редакционной ремарки, он уже меняет статус письма: превращает его в элемент диалога, а не в одиночное сообщение.

Теоретическая рамка интерактивности печати

Концепция публичной сферы в классической формулировке связывает модерную печать с институционализацией критического обсуждения и с появлением аудитории, способной оценивать власть и социальные практики (Habermas, 1989). Применительно к Туркестану начала XX века эта рамка требует уточнений: чтение часто было коллективным, грамотность распределялась неравномерно, а цензура задавала границы «возможного» высказывания. Тем не менее печатные дискуссии создавали эффект публичности: они формировали общие темы, общие словари проблем и общие представления о том, что может обсуждаться «вслух». В этом смысле пресса работала как инфраструктура воображаемого сообщества, связывая разрозненные локальные группы через повторяемые тексты, сюжеты и формулы (Anderson, 2006).

Письма читателей и редакционные ответы можно рассматривать как минимальную форму публичной интерактивности. Даже когда письмо редактировалось или сокращалось, факт публикации фиксировал возможность «включения» непрофессионального автора в общую повестку. Редакционная реплика, в свою очередь, задавала рамку интерпретации: она могла поддержать автора, предложить «правильное» объяснение причин проблемы,

перенаправить эмоцию в аргумент или превратить частное наблюдение в пример для других. В результате происходило то, что в современной терминологии можно назвать «переводом» социального опыта в программу реформ и в язык коллективной ответственности (Khalid, 1998).

В анализе писем полезно различать три уровня жанровой организации. Первый уровень – адресность: письмо обращено к редакции, но фактически рассчитано на публикацию и на вторичную аудиторию. Второй уровень – риторика: письмо использует средства убеждения, характерные для публицистики (оценочные эпитеты, контраст, примеры, апелляции к пользе и морали). Третий уровень – редакционная рамка: заголовок, рубрика, краткая ремарка, иногда – ответ. Эти элементы формируют «режим чтения»: они подсказывают, как воспринимать текст (как жалобу, как общественное предложение, как предупреждение).

Для объяснения распространения идей через такие тексты уместно привлекать и более широкие подходы к распространению культурных практик. В культурной истории печать часто рассматривают как технологию стандартизации: она закрепляет орфографию, нормирует лексику, задаёт канон аргументации. В данном случае стандартизация касается не только языка, но и социального действия: печать предлагает стандартный формат общественного обращения (написать, опубликовать, обсудить, сделать вывод). Именно этот формат и становится переносимой «инновацией», которую аудитория может воспроизводить в разных темах.

Исторический контекст становления дискуссионной прессы

Появление джадидской периодики в Туркестане было связано одновременно с политическими окнами возможностей (после событий 1905 года) и с ростом локальной образованной среды. В источниках по истории печати отмечается, что первые национальные издания региона столкнулись с сильным давлением администрации: номера конфисковывались, а редакторы подвергались преследованию (Makhkamova, 2002). Тем не менее сама попытка создать газету на местном языке и вести в ней обсуждение общественных вопросов означала институциональный сдвиг: печать переставала быть исключительно «официальным бюллетенем» и становилась медиатором между образованной группой и широкой аудиторией.

Для распространения идей джадидизма важны не только тематические статьи о школе и просвещении, но и прагматика газетного чтения. Исследователи печатной культуры Центральной Азии подчеркивали, что газеты читались и пересказывались в кружках, чайханах, медресе и частных домах; отдельные тексты могли переписываться или пересылаться, а риторические формулы – распространяться как «готовые» аргументы (Khalid, 1994). В такой среде письмо читателя выполняло двойную роль: оно фиксировало локальный опыт и одновременно служило моделью того, как этот опыт можно «правильно» рассказать публично.

Становление местной периодики нельзя отделять от инфраструктуры печати – типографий, сетей распространения и экономической базы. Как отмечалось в исследованиях о печатной культуре, в Туркестане начала века газета существовала на грани устойчивости: тиражи были ограничены, подписка нестабильна, а давление администрации могло в любой момент остановить издание (Khalid, 1994). В таких условиях письмо читателя выступало ещё и как «поддержка» газеты: публикация письма демонстрировала жизнь вокруг издания, повышала интерес, укрепляла символический капитал редакции.

Важен и межрегиональный контекст. Туркестанские реформаторы входили в

более широкий мир мусульманской печати Российской империи и сопоставляли свои проблемы с опытом других регионов. Через перепечатки, упоминания и дискуссии формировались горизонтальные связи между интеллектуальными центрами, а газета становилась механизмом циркуляции аргументов и примеров (Khalid, 1994, 1998). Для читателя это означало расширение горизонта: локальная проблема школы или языка связывалась с образами «успешного» опыта где-то ещё, а значит – получала дополнительную мотивацию к изменению.

Письма читателей как социальная диагностика и жанровая практика

Жанр письма читателя в джадидской периодике следует рассматривать как гибрид личного обращения и общественного сообщения. С одной стороны, письмо обычно строится вокруг конкретной ситуации: отсутствие учебников, конфликт в школе, «плохой обычай», финансовая несправедливость, бытовая антисанитария. С другой стороны, письмо почти всегда стремится выйти за пределы частного: автор обобщает, апеллирует к «пользе для народа», призывает к действию и ожидает реакции редакции. Именно эта двойственность делает жанр письма удобным каналом диффузии: читатель узнаёт в описании собственный опыт, но одновременно получает новую рамку объяснения, предлагаемую языком реформ.

Типовая композиция письма включает (1) обозначение статуса автора («учитель», «читатель-мусульманин», «отец детей»), что повышает доверие и задаёт точку зрения; (2) описание проблемы как факта, требующего свидетельства; (3) интерпретацию причин через оппозицию «знание/невежество», «порядок/хаос», «польза/вредный обычай»; (4) обращение к редакции как к посреднику, способному «донести» проблему до общества. Даже когда письмо не содержит прямых терминов джадидизма, оно часто воспроизводит его ценностный набор: уважение к знанию, рациональность, трудовая дисциплина, ответственность за воспитание детей (Khalid, 1998; Allworth, 1990).

Важный эффект писем – нормализация критики. Для традиционной культуры публичное обвинение конкретных лиц или практик могло быть социально рискованным; письмо же создавало дистанцию и распределяло ответственность: автор не «скандалит», а «сообщает» ради пользы; редакция не «вмешивается», а «объясняет» и предлагает образец правильного поведения. Таким образом письма формировали практику «мягкой» критики, совместимой с цензурой и с локальными нормами уважения, но при этом продвигающей реформаторскую повестку.

Условно письма можно сгруппировать по «топикам», которые регулярно возвращаются в джадидской печати. Первый топик – образование: жалобы на низкое качество обучения, на отсутствие методики, на неподготовленность учителей, на сопротивление родителей. Второй – язык и грамотность: трудности чтения, необходимость понятных учебников, дискуссии об орфографии и терминологии. Третий – социальная этика: критика расточительных обрядов, пьянства, азартных игр, насилия в семье. Четвёртый – экономический порядок: вопросы бедности, долгов, справедливости в торговле. Пятый – здоровье и городская культура: санитария, болезни, чистота. Несмотря на различие тем, письма объединяет общий реформаторский способ объяснения: проблема трактуется как следствие не «рока», а практик и знаний, которые можно изменить.

Содержательно письмо часто строит мост между бытовым и «национальным». Так, обсуждая, например, покупку учебников или оплату учителя, автор может перейти к тезису о «будущем народа» и о необходимости инвестировать в образование. В результате создаётся новая логика ценности: расходы на знание

становятся морально оправданными и даже обязательными. Это важно, поскольку диффузия реформы всегда упирается в экономические решения домохозяйств. Письмо превращает финансовый выбор в вопрос чести, ответственности и общественного признания.

Показателен и вопрос об авторстве. Подписываясь статусом («учитель», «ремесленник») или псевдонимом, автор одновременно заявляет о праве говорить и снижает риск личных конфликтов. Псевдонимность и обобщённые подписи можно рассматривать как компромисс между желанием публичности и страхом социальных санкций. В условиях цензуры и локальных иерархий такая стратегия расширяла круг потенциальных участников дискуссии: говорить мог не только известный интеллектуал, но и обычный читатель, не подвергая себя прямой угрозе.

Корреспонденции из мест и сбор локального опыта

Рядом с письмами в строгом смысле слова в джадидской печати широко использовались корреспонденции «из мест» (сообщения из городов и кишлаков). Их функция сходна с письмом, но отличается более «репортёрским» стилем: акцент делается на наблюдении, перечислении фактов, фиксации событий (открытие школы, сбор средств, публичное собрание, конфликт вокруг обучения). Именно такие тексты превращали географически разрозненный Туркестан в связанное информационное пространство: локальное событие становилось «видимым» для других мест, а значит – потенциально повторяемым как образец.

С точки зрения диффузии идей важен принцип серийности. Корреспонденции часто публиковались не одиночными заметками, а тематическими «цепочками»: сначала письмо о проблеме, затем ответ редакции, затем реплика другого читателя, затем сообщение о практическом шаге (сбор денег, приглашение учителя, открытие класса). Такая композиция создаёт эффект процесса и показывает аудитории, что реформа – это не абстрактный лозунг, а последовательность действий. В этой логике печать выступает как инструмент координации: она соединяет инициативы, задаёт язык отчётности и делает видимыми результаты (Khalid, 1994).

Корреспонденции из мест, как правило, адресованы не столько эмоции, сколько факту. Их функция – создать ощущение «карты событий»: где открылась школа, где возник конфликт, где прошёл сбор средств, где была прочитана лекция. Такой формат способствует распространению идей через эффект присутствия: читатель видит, что реформа «уже идёт», и воспринимает её как часть нормального движения времени. Это особенно заметно в сообщениях об образовательных инициативах: даже краткая заметка о новом классе или о появлении учителя в местности служит сигналом, что модернизация возможна.

Серийность корреспонденций формирует и новый жанр отчётности. В традиционной культуре инициатива часто оставалась внутри локального сообщества и не требовала публичного отчёта. Печать же приучает к публичному подведению итогов: сообщить о собранных средствах, назвать имена благотворителей, описать результаты. Это создаёт механизм социального давления и стимул к участию, поскольку участие становится видимым и, следовательно, социально вознаграждаемым.

Наконец, корреспонденции расширяют рамку «нормальности». Если письмо читателя фиксирует проблему, то корреспонденция может фиксировать «решение» и превращать его в образец. Через такие тексты джадидская пресса работала как посредник между локальными «изобретениями» и региональной распространяемостью: удачная практика становилась рассказом, который можно повторить.

Редакционная полемика и перевод частного в программу

Редакционная полемика в джадидской прессе проявлялась как в форме прямых ответов на письма, так и в виде серийных заметок, направленных против «старого метода» обучения, против практик повседневной неэффективности, против произвола и коррупции. Полемическая статья обычно строится вокруг контраста: редакция демонстрирует разницу между «как есть» и «как должно быть», подкрепляя её примером, аналогией, сравнением с другими странами или историческим аргументом. Такой контраст выполняет дидактическую функцию: он не просто критикует, но задаёт норму, с которой читатель может соотнести своё поведение.

Характерный приём полемики – «двойная легитимация». С одной стороны, редакционный текст использует рациональный аргумент (польза знания, экономическая выгода грамотности, эффективность учебного времени). С другой стороны, он часто стремится показать совместимость реформы с религиозной нормой: апелляция к ценности знания в исламе, критика суеверий как «не-знания», различение религии и «обычая». Такое сочетание важно в колониальном контексте: оно защищает реформу от обвинений в «чуждости» и переводит её в категорию внутренней моральной необходимости (Khalid, 1998).

Ответы редакции на письма читателей выполняли роль «редакторского посредничества». Редакция могла согласиться с автором, но уточнить понятия; могла поддержать эмоцию, но потребовать фактов; могла переадресовать вопрос к сообществу («кто ещё сталкивался?») или, наоборот, предложить конкретную практику (как организовать сбор средств, где найти учебник, как вести урок). Тем самым письмо становилось не финальной жалобой, а началом общественной процедуры обсуждения и решения. В терминах публичной сферы это выглядит как микро-институционализация критики: появляется правило, что проблему можно сформулировать, обсудить, уточнить и предложить шаги (Habermas, 1989).

Полемика часто разворачивалась вокруг конкурирующих режимов авторитета. Один режим – авторитет традиции («так принято»), другой – авторитет рациональности и эффективности («так полезнее»), третий – авторитет религиозной нормы («знание обязательно»). Редакционная задача состояла в том, чтобы перераспределить доверие: показать, что традиция может быть ошибочной, что польза знания имеет моральный статус, а религия не равна обычаю. Именно поэтому полемические тексты нередко строятся как «разъяснение», а не как грубая критика: редакция учит читателя различать аргументы.

В полемике заметно использование классических риторических стратегий. Этос проявляется в конструировании образа редакции как компетентного, морального и «своего» посредника. Пафос – в описании страданий детей, потерь времени, бедности, которые можно предотвратить. Логос – в приведении причинно-следственных связей: грамотность повышает возможности труда, школа формирует порядок, санитария снижает болезни. Такое сочетание позволяет адресовать разные сегменты аудитории и увеличивает шансы на принятие реформы в быту.

Полемика также производит «язык конфликта» – набор формул, которые позволяют спорить, не переходя к насилию. Например, вместо прямого обвинения используется категория «невежество» или «непонимание», вместо личной атаки – критика практики, вместо оскорбления – ирония. Это важно для формирования публичной сферы: общество учится критиковать через аргументы. В колониальном контексте подобная дисциплина языка ещё и снижает риски

репрессий, делая критику более косвенной.

Тематические кластеры писем и логика распространения

Письма и корреспонденции не были тематически хаотичными: они образовывали устойчивые кластеры, которые отражали «болевые точки» модернизации. Такой кластерный характер важен для диффузии идей, потому что повторяемость темы создаёт ощущение структурной проблемы. Когда газета раз за разом публикует письма о школе, читатель начинает воспринимать школу не как частный конфликт, а как общий социальный вопрос. Повторяемость становится доказательством значимости.

Наиболее плотный тематический блок связан с новой школой. Здесь письмо часто работает как переосмысление родительской ответственности: автор описывает, что ребёнок «не получает нужного», и переводит это в тезис о будущем семьи и общества. Полемика редакции в этом блоке обычно сдвигает акцент с персонального недовольства на системные решения: метод обучения, подготовка учителя, организация времени, обеспечение учебниками. Так формируется представление о школе как об управляемой системе, а не о мистическом «месте знания».

Второй блок – язык, письмо и грамотность. Письма здесь нередко фиксируют технические трудности: непонятность учебных текстов, отсутствие единообразия, сложности чтения. Эти жалобы позволяют редакции вводить обсуждение нормирования: почему нужен единый стандарт, как он облегчает обучение, почему грамотность связана с экономическими возможностями. В результате «техническая» проблема становится частью культурной реформы.

Третий блок касается социальной этики и повседневных норм: обряды, расточительство, семейные конфликты, насилие, отношение к труду. В письмах этого типа заметна моральная экономика джадидизма: честность, умеренность, ответственность, уважение к времени. Редакционная полемика, отвечая, часто формирует нравственный аргумент реформы: новое не ради «подражания», а ради справедливости и человеческого достоинства (Allworth, 1990; Khalid, 1998).

Четвёртый блок – экономика и городская культура. Письма о торговле, долгах и бедности позволяют редакции говорить о рациональном ведении хозяйства, о ценности образования как капитала и о необходимости коллективных практик взаимопомощи. Показательно, что экономические сюжеты легко сочетаются с образовательными: автор письма может предложить собирать средства на школу, и тем самым превращает экономическую тему в практику реформы.

Наконец, заметный блок связан с гигиеной и здоровьем. В письмах, обсуждающих болезни детей, санитарию и чистоту, создаётся связь между телесным благополучием и знанием. Редакция получает возможность вводить элементы «научного» дискурса – без прямого давления: читатель сам приносит проблему, а редакция предлагает объяснение и практику. Такой механизм особенно эффективен для диффузии модернизаторских представлений, потому что здоровье является универсальной ценностью.

Риторика и стиль: как печать делала идею «понятной»

Диффузия идей зависит не только от их содержания, но и от их «переводимости» в язык повседневности. Джадидская пресса постоянно решала задачу объяснения сложных реформаторских тезисов аудитории, для которой политическая теория или педагогическая методика могли быть далёкими. Здесь письма читателей играли роль естественного «простого языка»: они демонстрировали, как говорить о школе через опыт семьи, как говорить о

языке через трудности чтения, как говорить о санитарии через болезни детей. Редакция затем подхватывала этот язык и постепенно насыщала его понятиями программы: «порядок», «дисциплина», «метод», «польза», «время», «ответственность».

В полемике заметен и другой стиль – стиль критического вопроса. Редакционные тексты часто строятся как серия вопросов к читателю: почему мы терпим невежество? почему тратим время на бесполезное? почему не учим детей тому, что нужно для жизни? Такой вопросительный режим не столько информирует, сколько вовлекает: он предполагает мысленный ответ и тем самым делает читателя соучастником рассуждения. Коммуникативный эффект усиливается, когда вопрос опирается на письмо читателя или на корреспонденцию «из мест»: частный случай становится поводом для общего рассуждения.

Наконец, для распространения идей важна повторяемость риторических формул. Печать создавала устойчивые смысловые связки: «знание – сила», «школа – будущее», «обычай – не закон», «время – капитал». Такие формулы выполняли функцию когнитивных «ярлыков»: они облегчали пересказ газетного содержания в устной коммуникации и позволяли читателям быстро встраивать аргументы в повседневные споры. Исследования о печати и реформе в Центральной Азии подчёркивали, что именно такие переносимые формулы и рассказы способствовали распространению реформаторской культуры за пределами узкой интеллигенции (Khalid, 1994).

Отдельного внимания заслуживает техника «привязки к человеку». Реформаторский тезис о новой школе может звучать абстрактно, пока не будет связан с биографической перспективой: «мой сын не умеет читать», «в нашем квартале нет учителя», «мы тратим деньги на обряд, а учебников нет». Письмо читателя вводит в дискурс именно эту перспективу. Редакция затем выполняет обобщение: частный случай становится типовым, а типовой – нормативным. Этот механизм напоминает современную медиатехнику сторителлинга, но в ранней прессе он реализуется через «доклад» читателя.

Стилистически важно и смешение регистров. Письма часто используют уважительную форму обращения, религиозные формулы, элементы разговорной метафорики. Редакция, отвечая, может сохранять этот регистр, но добавлять элементы «нового» языка: термины педагогики, экономики, гигиены. В результате происходит постепенная языковая модернизация без резкого разрыва. Именно такая постепенность повышает восприимчивость аудитории: новое понятие включается в привычный стиль общения.

Нельзя игнорировать и роль юмора и сатиры, которые в региональной прессе выступали как безопасная форма критики. Ироническая заметка или сатирическое описание «вредного обычая» позволяло обозначить проблему, не называя конкретных лиц. Письма читателей могли подхватывать этот стиль, превращая моральную критику в более «социально приемлемую» форму. Тем самым сатирическая риторика становилась ещё одним инструментом диффузии: она облегчала повторение аргумента в устной речи.

Механизмы распространения идей через интерактивность печати

Если рассматривать распространение джадидских идей как процесс, то письма и полемика работают на нескольких уровнях. На уровне тематики они расширяют повестку: редакция получает «сырьё» проблем от читателей и может реагировать на реальные запросы. На уровне аудитории они создают эффект принадлежности: читатель видит, что его голос потенциально важен, и это мотивирует к участию – пусть даже в форме устного обсуждения, а не

письма. На уровне практики они задают модели действия: письмо – жалоба – ответ – рекомендация – отчёт о выполнении.

Особенно важен эффект тиражирования локальных инициатив. Когда корреспондент сообщает об открытии новой школы или о сборе средств на учебники, это формирует «репертуар возможностей»: другие сообщества узнают, что подобное действие реализуемо, и получают пример. В терминах современной теории инноваций это напоминает распространение практик через демонстрацию «работающего случая». Но в джадидской печати такой случай встраивается ещё и в нормативный нарратив: действие описывается как морально правильное и социально нужное.

Важна также роль редакции как фильтра и усилителя. Редакция выбирает письма, группирует их, усиливает конфликт или, наоборот, смягчает его, формулирует «урок» и подводит итог. Поэтому интерактивность печати не следует романтизировать как прямую демократию: она всегда опосредована. Тем не менее даже опосредованная обратная связь формирует у аудитории привычку к публичной аргументации и к коллективному обсуждению. Эта привычка и является одним из долговременных результатов джадидского медиапроекта (Khalid, 1998; Abduazizova, 2012).

С точки зрения социальной психологии, письма и ответы создают эффект «социального доказательства». Когда читатель видит, что другие люди уже обсуждают тему школы или языка, он воспринимает эту тему как важную и допустимую. Это особенно существенно там, где нововведения встречают сопротивление: публичность снижает чувство одиночества реформатора и показывает, что он не «странный», а часть растущего сообщества.

Интерактивность также запускает механизм обучения. Чтобы написать письмо, нужно сформулировать проблему, выбрать аргументы, структурировать текст. Даже если письмо пишет узкий слой грамотных, его публикация предлагает образец другим: как строить обращение, как аргументировать, как просить общественной поддержки. В результате формируется «школа публичного письма», связанная с реформаторским проектом. Это косвенно поддерживает и идею новой школы: письменная практика становится ценностью сама по себе.

Наконец, интерактивность создает долговременную память. Газетная дискуссия фиксируется в номерах, к которым можно возвращаться. Для устной культуры характерна утрата деталей спора; печать же сохраняет аргументы и позволяет им циркулировать дольше. В этом смысле диффузия идей через прессу имеет накопительный характер: каждый новый текст опирается на предыдущие и расширяет «архив» реформаторских аргументов.

Полезно также сопоставить наблюдаемые механизмы с классической моделью диффузии инноваций, в которой массовые коммуникации особенно эффективны на этапе формирования осведомлённости, а межличностные каналы – на этапе принятия и закрепления практики (Rogers, 2003). В туркестанском случае письма читателей и редакционные ответы занимают промежуточную позицию: они сохраняют массовость печати, но по форме имитируют межличностный обмен – обращение и ответ. Именно эта «псевдо-интерперсональность» может объяснять их эффективность в распространении норм новой школы и реформаторской этики.

Практики чтения и материальность газеты

Чтобы понять роль писем и полемики, важно учитывать практики чтения. В условиях неравномерной грамотности газета часто читалась «вслух»: один читатель озвучивал текст группе слушателей. В такой

ситуации письмо читателя приобретало дополнительный эффект достоверности. Оно звучало как «голос своего», а не как речь далёкого автора. Это снижало дистанцию между печатным словом и повседневной жизнью и делало реформаторские аргументы более убеждающими.

Материальность газеты – формат, периодичность, повторяемость рубрик – также влияла на диффузию. Регулярное появление письма-ответа формировало ожидание продолжения: читатель возвращался к изданию, чтобы увидеть реакцию. Эта периодичность создавала «ритм» общественного разговора. Даже если тираж был небольшим, повторяемость темы и ожидание ответа увеличивали социальный охват через пересказ.

Газетный текст легко переносился в другие медиальные формы: в устную речь, в записи в тетрадях, в публичные выступления на собраниях. Короткие полемические формулы и примеры, опубликованные в ответ на письмо, могли становиться аргументами в местных дебатах. Таким образом, письмо читателя не просто выражало мнение; оно запускало цепочку вторичных коммуникаций, в которых реформаторские идеи закреплялись и переосмыслялись.

Рубрикация, редакционный контроль и «архитектура» дискуссии

Интерактивность печати невозможна без редакционной архитектуры: рубрикации, заголовков, порядка размещения материалов и кратких редакционных ремарок. Рубрика «Письма в редакцию» или её функциональные аналоги выполняли роль приглашения к участию. Сам факт наличия такой рубрики сообщал аудитории, что газета открыта для голоса читателя – хотя бы в ограниченной форме. Рубрикация также помогала читателю ориентироваться: письмо в соответствующем разделе воспринималось как часть непрерывного разговора, а не как случайная заметка.

Редакторский контроль проявлялся не только в отборе, но и в «переводе» письма на язык печатной нормы. Редакция могла сокращать эмоциональные фрагменты, убирать прямые обвинения, уточнять топонимы или социальные роли. В результате письмо приобретало более «общественный» характер: оно выглядело как сообщение, пригодное для коллективного обсуждения. Этот процесс можно понимать двояко. С одной стороны, он ограничивает подлинность голоса автора. С другой стороны, он расширяет адресность и снижает риски, делая публикацию возможной в цензурном поле.

Архитектура дискуссии проявлялась и в том, как редакция строила последовательность публикаций. Типовой сценарий включал: проблемное письмо → редакционная ремарка → тематическая статья → ответы других читателей → сообщение о результате. Такая последовательность производит эффект общественной процедуры. Она демонстрирует аудитории, что обсуждение ведёт к действию, и тем самым повышает доверие к печати как к инструменту общественной жизни.

Важно отметить, что редакционная архитектура могла «подсвечивать» определённые темы и маргинализировать другие. Если письма о школе публиковались регулярно, а письма о политическом представительстве – редко, это формировало границы публичности. Однако даже внутри этих границ письма расширяли поле возможного: социальная критика, начавшись с бытового, могла постепенно подводить читателя к более общим вопросам справедливости и ответственности.

Цензура и тактики обхода в письмах и полемике

Колониальная цензура и риск репрессий неизбежно влияли на способы

выражения критики. Письма и полемика демонстрируют набор тактик обхода. Первая тактика – персональная неопределённость: критика направляется не против конкретного чиновника или лица, а против «порядка», «обычая», «неведения». Вторая – моральная рамка: проблема описывается как этическая и педагогическая, а не как политическая. Третья – опора на универсальные ценности (знание, труд, чистота), которые трудно квалифицировать как «подрывные».

Тактики обхода отражаются и в композиции текста. Письмо может начинаться с лояльной формулы, с выражения уважения к власти или к религиозным старшим, а затем переходить к критике практики. Полемическая статья может использовать сравнительный аргумент («в других местах уже так делают»), тем самым избегая прямого обвинения местных институтов. Сатирическая форма позволяет говорить о болезненных вопросах через обобщённый образ и иронический сюжет.

Парадоксально, но цензура могла усиливать диффузию реформаторских идей в одном отношении: она вынуждала говорить «намёком», использовать переносные формулы, которые легко переходят в устный пересказ. Когда аргумент оформлен как поговорка, как короткий контраст или как ироническая сцена, он становится удобным для повторения. Тем самым ограничение прямой речи могло способствовать распространению косвенных риторических схем.

Ограничения исследования

Следует подчеркнуть ограничения данной работы. Во-первых, корпус периодики, доступный исследователю, неравномерен: сохранившиеся комплекты номеров и доступ к ним зависят от архивной политики и оцифровки. Во-вторых, письма читателей отражают не всю социальную реальность, а ту её часть, которая могла быть сформулирована письменно и допущена редакцией к печати. В-третьих, цензура и самоцензура могли влиять на тематику, стиль и степень прямоты критики. Поэтому выводы статьи следует понимать как реконструкцию коммуникативных механизмов, а не как исчерпывающее описание социальной истории региона.

Заключение

Письма читателей и редакционная полемика в джадидской печати Туркестана начала XX века были не второстепенными дополнениями к «главным» программным статьям, а важной инфраструктурой распространения идей. Письмо выполняло функцию социального сенсора: оно фиксировало конкретные проблемы и одновременно учило читателя говорить о них публично – языком пользы, знания и ответственности. Редакционная полемика выполняла функцию перевода и организации: она превращала частные наблюдения в аргументы, связывала отдельные случаи в повестку реформ и предлагала модели действия. Через серийность публикаций, обратную связь и ответные реплики печать создавала устойчивые нормы публичного разговора, без которых диффузия джадидских идей была бы гораздо слабее.

Тем самым джадидская пресса предстает не только как «носитель идеи», но и как механизм формирования коммуникативной компетентности общества: умения формулировать проблему, обсуждать её, критиковать и искать решение. Этот аспект особенно важен для современной гуманитарной науки, поскольку он позволяет переосмыслить джадидизм как медиапрактику, а не только как идеологию или педагогическую реформу.

References:

1. Abduazizova, N. (2012). *Istoriya natsional'noy zhurnalistiki (genezis i evolyutsiya)* [History of national journalism (Genesis and evolution)] (Vol. 1). Tashkent, Uzbekistan: Sharq.
2. Allworth, E. (1990). *The modern Uzbeks: From the fourteenth century to the present: A cultural history*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.
3. Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism (Rev. ed.)*. London, England: Verso. (Original work published 1983)
4. Bakhtin, M. M. (1986). *The problem of speech genres. In C. Emerson & M. Holquist (Eds.),* Speech genres and other late essays (V. W. McGee, Trans., pp. 60–102). Austin, TX: University of Texas Press.
5. Habermas, J. (1989). *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society* (T. Burger & F. Lawrence, Trans.). Cambridge, MA: MIT Press. (Original work published 1962)
6. Khalid, A. (1994). Printing, publishing, and reform in Tsarist Central Asia. *International Journal of Middle East Studies, 26(*2), 187–200.
7. Khalid, A. (1998). *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, CA: University of California Press.
8. Makhkamova, N. R. (2002). Razvitie i deyatel'nost' natsional'noy intelligentsii v Uzbekistane XIX – nachala XX veka [Development and activities of national intelligentsia in Uzbekistan in the 19th–early 20th centuries]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane,* (3–4), 62–68.
9. Oyina. (1913–1915). [Journal]. *Samarkand, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).
10. Rogers, E. M. (2003*). Diffusion of innovations (5th ed.)*. New York, NY: Free Press.
11. Sadoi Turkiston. (1914–1915). [Newspaper]. *Tashkent, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).
12. Taraqqiy. (1906). [Newspaper]. *Tashkent, Turkestan Governor-Generalship*. (Selected issues).

Strategies for Preserving Source Meaning in Translating English-Language Media Texts

Satibaldiev Erkinjon Kamilovich
e.satibaldiyev@uzswlu.uz
Senior Teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Graeme Medd
graememedd01@gmail.com
Senior Lecturer,
Kimyo International University in Tashkent

Annotation *The article examines strategies for preserving source meaning in translating English-language media texts. Meaning is treated as an integrated bundle of factual content, communicative purpose, evaluative stance, and discursive framing. Because media translation is shaped by time pressure, genre constraints (headline, lead, quotes), dense culture-bound references, and editorial policy, literal accuracy alone does not guarantee equivalence. The paper proposes eight strategies and a four-step decision model, along with a checklist for detecting meaning shift.*

Keywords *Media translation, meaning preservation, pragmatics, headlines, discourse, quotations*

Ingliz tilidagi media matnlarni tarjima qilishda asl ma’noni saqlash strategiyalari

Satibaldiev Erkinjon Kamilovich
e.satibaldiyev@uzswlu.uz
Katta o‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Graeme Medd
graememedd01@gmail.com
Katta o‘qituvchi,
Toshkent shahridagi Kimyo xalqaro universiteti

Annotatsiya *Maqolada ingliz tilidagi media matnlarni tarjima qilishda asl ma’noni saqlash strategiyalari yoritiladi. Ma’no faktik mazmun, kommunikativ maqsad, baholovchi pozitsiya va diskursiv ramka birligi sifatida talqin etiladi. Media tarjimada vaqt tanqisligi, janr me’yorlari (sarlavha, lid, iqtibos), madaniy realiyalarning zichligi hamda tahririyat siyosati sababli so‘zma-so‘z tarjima har doim ham ma’nodosh natija bermasligi ko‘rsatiladi. Sakkizta strategiya va qaror tanlash uchun to‘rt bosqichli model hamda tekshiruv ro‘yxati taklif etiladi.*

Kalit so‘zlar *Media tarjima, ma’noni saqlash, pragmatika, sarlavha, diskurs, iqtibos*

Стратегии сохранения изначального смысла при переводе англоязычных медиатекстов

Сатибалдиев Эркинжон Камилович
e.satibaldiyev@uzswlu.uz
Старший преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Грэм Медд
graememedd01@gmail.com
Старший преподаватель,
Международный университет Кимё в Ташкенте

Аннотация *Статья посвящена стратегиям сохранения изначального смысла при переводе англоязычных медиатекстов. Смысл рассматривается как единство фактического содержания, коммуникативной цели, оценочной позиции и дискурсивного рамкирования. Показано, что медийный перевод протекает под давлением времени, жанровых норм (заголовок, лид, цитата), высокой плотности культурных реалий и редакционной политики; поэтому буквальная точность сама по себе не гарантирует смысловой эквивалентности. На основе функционалистских подходов и исследований новостного перевода предлагается типология восьми стратегий: семантическое выравнивание, прагматическая адаптация, экспликация и импликация, модуляция, нормализация заголовков, протокол работы с цитатами и атрибуцией, компенсация тональности, реметафоризация или контролируемая деметафоризация. Предложены четырехшаговая модель выбора решений и чек-лист контроля смыслового сдвига.*

Ключевые слова *Медиаперевод, сохранение смысла, прагматика, заголовки, дискурс, цитаты*

Введение

Перевод англоязычных медиатекстов в узбекском и более широком постсоветском медиапространстве давно перестал быть «вторичным» этапом после написания новости. В реальности перевод включён в сам процесс производства медиаконтента: он распределяет внимание аудитории, закрепляет ключевые формулировки и часто становится единственным источником информации для читателя, который не обращается к оригиналу. Поэтому вопрос о сохранении изначального смысла в медиапереводе касается не только лингвистики, но и общественной ответственности переводчика и редакции.

Сложность состоит в том, что медиатекст формирует смысл не только через факты, но и через рамку подачи. Одно слово может изменить статус утверждения: «возможно» превращает тезис в гипотезу, а его исчезновение делает гипотезу фактом. Аналогично, исчезновение атрибуции («по данным», «сообщает источник», «по словам») перераспределяет ответственность: утверждение воспринимается как позиция автора текста. Дискурс-анализ новостей показывает, что такие сдвиги меняют распределение агентивности и ответственности и могут быть политически значимыми (van Dijk, 1988; Fairclough, 1995).

Медиаперевод также работает под давлением времени и объёма. В newsroom-режиме переводчик вынужден сокращать, нормализовать синтаксис и подстраивать заголовок под требования платформы. Именно здесь возникает типовая дилемма: «точно» не всегда означает «эквивалентно», потому что буквальность может разрушить прагматику и читабельность, а адаптация может

изменить фрейм. Исследования новостного перевода описывают этот процесс как трансредактирование и медиацию – сочетание перевода и редакторского переписывания под целевую аудиторию (Gambier, 2006; Schäffner, 2012).

В данной статье изначальный смысл определяется как совокупность четырёх компонентов: (1) фактическое содержание (денотативный слой), (2) коммуникативная цель (прагматический слой), (3) оценочная позиция (stance), (4) дискурсивная рамка (framing), включая агентность, модальность и источниковость. Такой подход согласуется с функционалистскими моделями перевода, где эквивалентность связывается с целью и эффектом, а не только с лексическим совпадением (Nord, 1997; Reiss & Vermeer, 2014), и с моделями качества, которые учитывают прагматические параметры (House, 2015).

Цель исследования – предложить типологию стратегий, которые позволяют в условиях медийного формата сохранять перечисленные компоненты смысла. Практический результат статьи – модель выбора переводческого решения и проверочный чек-лист, пригодные для редакционной практики и для обучения будущих переводчиков медиатекстов. Далее последовательно рассматриваются теоретические основания, особенности медиатекста как объекта перевода, типология стратегий и зоны риска смыслового сдвига.

Теоретические основания сохранения смысла

Функционалистская перспектива. В рамках функционалистского подхода перевод трактуется как целенаправленная деятельность: переводческий продукт должен быть пригоден для конкретной цели и аудитории, а решения переводчика оцениваются по их функциональной адекватности (Nord, 1997; Reiss & Vermeer, 2014). Для медиаперевода этот тезис означает следующее: приоритетом становится не совпадение слов, а сохранение коммуникативного эффекта (информировать, предупредить, объяснить, привлечь внимание) при одновременном сохранении обязательных «инвариантов» – фактов, статуса утверждения и ответственности источника. Иными словами, функциональная адекватность в новостях невозможна без эпистемической аккуратности.

Новостной перевод как трансредактирование. Исследования глобальных новостей показывают, что перевод в медиа редко выполняется как линейный «перенос» текста. Чаще это переработка, где переводчик сокращает, переставляет, уточняет и нормализует материал под редакционный стандарт, а иногда и под национальные ожидания аудитории (Bielsa & Bassnett, 2009; Gambier, 2006). Это явление описывается термином transediting: перевод+редактирование как единый процесс (Schäffner, 2012). Для сохранения смысла это важно по двум причинам. Во-первых, возникает риск смещения рамки в ходе сокращения и перестановки. Во-вторых, переводчик приобретает редакторскую ответственность: он должен понимать, какие элементы являются смысловыми «якорями», которые нельзя удалить или переформулировать без последствий.

Дискурс-анализ и параметры смыслового сдвига. Дискурс-аналитические модели новостей указывают, что смысл строится через выбор агентности, модальности, источниковости, тематизации и оценочной лексики (van Dijk, 1988; Fairclough, 1995). Поэтому «смысл» в медиапереводе следует диагностировать не только по фактам, но и по способу их оформления. Например, пассивная конструкция может скрывать агента; замена пассива активом может добавить обвинительность. Модальные маркеры may/might/likely переводятся как «может/возможно/вероятно» и определяют

степень уверенности. Маркеры источниковости according to/sources said формируют ответственность за утверждение. Снятие этих маркеров превращает журналистскую осторожность в категоричность.

Эквивалентность и качество. В практической оценке качества важны две линии: (a) соответствие целевой нормы и читабельность, (b) сохранение ключевых смысловых параметров. Модель оценки качества перевода, развиваемая в работах по translation quality assessment, подчёркивает необходимость учитывать и текстовый уровень, и прагматику (House, 2015). Для медиаперевода это означает, что критерии качества должны быть одновременно лингвистическими (точность терминов, грамматика) и дискурсивными (сохранение модальности, агентности, фрейма).

Таким образом, теоретический вывод состоит в том, что сохранение изначального смысла в медиапереводе – это управляемый баланс между функциональной адекватностью и дискурсивной точностью. Далее на этой базе уточняются объект, метод и практические ограничения.

Материалы и методика анализа

Настоящее исследование носит типологический характер: цель заключается не в описании одной конкретной публикации, а в систематизации повторяющихся переводческих задач и стратегий, которые возникают при переводе англоязычных медиатекстов на русский язык в условиях редакционной работы. В качестве единиц анализа выбраны сегменты, которые одновременно (a) максимально частотны и (b) максимально чувствительны к смысловому сдвигу: заголовок, лид, прямые и косвенные цитаты, обозначение источников, справочный фон, данные и числовые показатели, а также элементы мультимодального сопровождения (подпись, инфографика, карточка в соцсетях).

Методика включает три уровня диагностики. Первый уровень – функциональный: для каждого сегмента определяется его цель в структуре сообщения (заголовок мобилизует внимание и задаёт рамку; лид фиксирует ключевые факты; цитата распределяет ответственность; справка поясняет контекст). Этот шаг опирается на функционалистскую логику, где цель сегмента влияет на допустимые трансформации (Nord, 1997; Reiss & Vermeer, 2014).

Второй уровень – дискурсивный: фиксируются параметры, которые чаще всего искажаются при переводе. К ним относятся (1) агентность (кто является субъектом действия и кому приписана ответственность), (2) модальность и эпистемический статус (факт, предположение, оценка, версия), (3) источниковость (кто утверждает и на основании чего), (4) оценочная позиция и фрейм (какие слова и конструкции задают интерпретацию). Такой набор параметров согласуется с анализом новостей как дискурса и как рамки (van Dijk, 1988; Fairclough, 1995).

Третий уровень – трансформационный: переводческие решения описываются через операции, выделяемые в переводоведческих типологиях: перестановка, транспозиция, модуляция, экспликация, импликация, компенсация и др. (Vinay & Darbelnet, 1995; Chesterman, 1997). В медиапереводе каждая операция оценивается через критерий «не нарушает ли она инвариант смысла и статус утверждения».

В статье избегается воспроизведение длинных фрагментов из конкретных новостей по двум причинам. Во-первых, большинство медиатекстов защищены авторским правом и распространяются по лицензионным условиям. Во-вторых, даже при наличии источника переводческие решения меняются в зависимости от

платформы и редакционной политики, что делает единичный пример менее репрезентативным. Вместо этого используются типовые «микросценарии» – обобщённые конструкции, регулярно встречающиеся в англоязычных медиа: перевод модальности, передача атрибуции, работа с идиомами, локализация реалий, конвертация чисел и единиц, оформление цитаты.

Выходным продуктом исследования являются практические инструменты: (a) типология стратегий, (b) алгоритм выбора стратегии, (c) чек-лист контроля смыслового сдвига, (d) рекомендации для обучения переводчиков. Эти инструменты пригодны как для академической подготовки, так и для newsroom-работы с переводными материалами.

Понятие изначального смысла и его операционализация

В медиапереводе «изначальный смысл» целесообразно операционализировать как связку четырёх компонентов: денотативное содержание, прагматическая цель, оценочная позиция и дискурсивная рамка. Такое понимание позволяет перейти от абстрактного требования «переводить точно» к проверяемым параметрам: что именно должно остаться неизменным, а что может адаптироваться без нарушения смысла.

Денотативное содержание включает факты (что произошло), участников, место и время, числовые показатели, причинно-следственные связи, названия организаций и документов. При работе с новостями этот слой имеет приоритет проверяемости: именно его читатель и редактор способны сопоставлять с другими источниками. Ошибка в этом слое порождает прямую дезинформацию.

Прагматическая цель описывает, зачем сегмент текста существует в сообщении: информировать быстро, подчеркнуть риск, пояснить контекст, легитимировать утверждение через источник, зафиксировать реакцию, показать конфликт или тенденцию. Один и тот же факт в новостях может подаваться как «прорыв», как «скандал» или как «рутинное решение» – и прагматика будет разной. Поэтому при сохранении смысла важно сохранять и ожидаемый эффект сообщения для аудитории (Nord, 1997).

Оценочная позиция (stance) – совокупность лексических и синтаксических маркеров, задающих отношение к событию: «жёсткий», «спорный», «исторический», «скандальный», «обвиняемый», «предполагаемый». В англоязычных новостях оценка часто «встроена» в коллокации и номинализации, а в русском прямой эквивалент может звучать сильнее или слабее. Следовательно, оценку необходимо контролировать через выбор нейтральных эквивалентов, модуляцию и сохранение модальности.

Дискурсивная рамка включает способ организации информации: кто назван агентом, какие источники и в каком порядке появляются, какие утверждения имеют статус факта, а какие – версии, а также какие аспекты вынесены в заголовок и лид. Сдвиг рамки возможен даже при сохранении фактов, если изменена агентность или исчезают маркеры источниковости. Дискурс-анализ медиа подчёркивает, что именно рамка определяет интерпретацию, а не только фактологический набор (van Dijk, 1988; Fairclough, 1995).

Из этих компонентов следует практический принцип: в медиапереводе нельзя считать смысл сохранённым, если сохранены только «факты». Требуется проверка всех четырёх компонентов, особенно в заголовке, лидах и цитатах, где рамка и оценка концентрируются.

Медиаперевод реализуется в системе ограничений, каждое из которых влияет на сохранение смысла. Первое ограничение – скорость. Когда текст нужен «сейчас», возрастает риск пропуска хеджей и источниковости. Переводчик, экономя

время, может опускать reportedly, alleged, according to, а именно эти маркеры определяют эпистемический статус новости. Практически это означает, что скорость должна компенсироваться строгими минимальными правилами: модальность и атрибуция не подлежат «ускорительному» сокращению, их сохранение – первичный критерий точности (House, 2015).

Второе ограничение – формат. Заголовок и лид требуют высокой плотности информации и минимального объёма. Английский заголовок допускает эллипсис, тогда как русский и узбекский чаще требуют развернутой грамматики. Нормализация неизбежна, но она приводит к потере нюансов, если не контролировать четыре параметра (событие, агент, статус утверждения, фокус). В новостном дискурсе именно заголовок задаёт рамку, поэтому «экономия» на модальности и фокусе особенно опасна (van Dijk, 1988).

Третье ограничение – редакционная политика и стиль. Редакции могут придерживаться более нейтрального или более оценочного стиля, иметь списки предпочтительных терминов, избегать определённых слов по юридическим причинам. Переводчик в таких условиях фактически работает на стыке перевода и редакторского переписывания, что подтверждает представление о медиапереводе как о трансредактировании (Gambier, 2006; Schäffner, 2012). Смысл сохраняется, если изменения прозрачны и не меняют статус фактов и источников. Если же стиль приводит к «усилению обвинительности», то это уже смысловой сдвиг, а не стилистическая правка.

Четвёртое ограничение – культурная плотность. Медиатекст часто оперирует реалиями, названиями институтов, политическими процедурами, которые очевидны для англоязычного читателя, но неочевидны для целевой аудитории. Тогда возникает необходимость минимальной экспликации. Однако экспликация может легко превратиться в интерпретацию: например, перевод caucus как «партийный заговор» будет ошибкой рамки. Поэтому экспликация должна оставаться описательной и нейтральной (Baker, 2018).

Пятое ограничение – мультимодальность. В цифровых платформах смысл распределён между заголовком, превью, подписью к фото, инфографикой и даже пуш-уведомлением. Переводчик должен видеть весь пакет, иначе точный перевод отдельного абзаца может конфликтовать с картинкой или подписью, создавая неверную рамку. Этот фактор особенно заметен в соцсетях, где короткий текст «дополняется» визуальным кодом.

В сумме перечисленные ограничения задают ключевой практический вывод: сохранение смысла требует не «героического» усилия в момент перевода, а процедуры. Процедура должна фиксировать инварианты, удерживать маркеры статуса утверждений и не позволять случайным сокращениям или «красивым» перефразированиям менять рамку материала.

Типология стратегий сохранения смысла

Ниже представлена типология восьми стратегий, применимых в медиапереводе. Стратегия понимается не как единичная операция на уровне слова, а как принцип организации решений, который помогает сохранить определённый компонент смысла при наличии ограничений (скорость, формат, редакционный стиль, культурная плотность). В newsroom-практике стратегии редко используются поодиночке; чаще переводчик комбинирует их, например, выравнивает факты, но адаптирует заголовок и эксплицирует реалии.

Каждая стратегия описывается через главный инвариант, ситуации применения, риски и минимальные правила контроля. Такой формат делает решение

проверяемым и облегчает редакторскую коммуникацию.

Семантическое выравнивание означает приоритет сохранения денотативного слоя: фактов, чисел, участников, временных и пространственных маркеров, логических связей и терминологии. Стратегия особенно важна для правовых, экономических, медицинских и научно-технических новостей, где ошибочное число, дата или термин немедленно превращают перевод в дезинформацию. С точки зрения оценки качества перевода это соответствует требованию к информационной точности и сохранению референции (House, 2015).

Практически выравнивание не сводится к буквальности. Английские новости часто используют плотные номинализации и длинные атрибутивные цепочки, которые в русском требуют перестройки ради читаемости. Допустимы транспозиция и перестановка, если сохранены смысловые роли и причинность (Vinay & Darbelnet, 1995). Например, «the proposed bill» может быть передано как «законопроект» или «предлагаемый законопроект»; выбор зависит от того, важно ли подчеркнуть, что документ ещё находится на стадии предложения.

Главный риск выравнивания в медиа – перегруз читателя и потеря прагматической цели «быстро информировать». Поэтому выравнивание почти всегда сопровождается контролируемой импликацией: допускается удалять повторяющиеся уточнения и второстепенный фон, но нельзя удалять модальность и источниковость, которые определяют статус утверждения.

Минимальные правила контроля: (1) двойная проверка чисел, дат, единиц и валют; (2) единообразие имён собственных и официальных названий; (3) сохранение маркеров предварительности и пересмотра данных (preliminary, estimate, revised), если они присутствуют в оригинале.

Прагматическая адаптация применяется, когда прямое семантическое соответствие не обеспечивает понимания и эффекта для целевой аудитории. В функционалистской модели перевод должен быть адекватен цели и ожиданиям адресата (Nord, 1997; Reiss & Vermeer, 2014). В медиапереводе адаптация чаще всего затрагивает заголовки, реалии, идиоматические формулы и платформенные форматы, где требуется иной ритм и длина.

Типовые ситуации: (a) институциональные термины без прямого эквивалента (watchdog, caucus, plea deal), (b) культурные отсылки, понятные только «внутри» англоязычного контекста, (c) короткие форматы (push-уведомление, карточка соцсети), где не помещается длинная калька. Адаптация может включать описательный перевод или минимальную экспликацию, но не должна подменять фактологический слой и эпистемический статус утверждения.

Ключевой риск адаптации – незаметное усиление оценки. Например, нейтральное criticized легко превращается в «обрушились с критикой», что меняет тональность. Поэтому действует правило нейтральности: если оценка умеренная или отнесена к источнику, перевод должен сохранять эту умеренность и источник. Практический тест: можно ли по переводу восстановить, что это версия/оценка источника, а не «позиция текста»? Если нет, адаптация нарушила смысл.

Второй риск – смещение рамки через выбор фокуса. Английский заголовок может фокусироваться на процессе (investigation, talks), а перевод – на виновности или результате. Чтобы избежать этого, при адаптации необходимо проверять четыре параметра заголовка: событие, агент, статус утверждения и фокус (van Dijk, 1988).

Экспликация и импликация в медиапереводе тесно связаны с проблемой

асимметрии знания между исходной и целевой аудиторией. Экспликация добавляет минимально достаточное пояснение для понимания, а импликация, напротив, сокращает очевидное или повторяющееся ради формата. Как правило, в медийном тексте обе операции выполняются микродозировано: добавляется одно уточняющее слово или короткая вставка, и при этом удаляется второстепенная деталь, чтобы сохранить объём.

Экспликация особенно нужна для институциональных реалий. Например, watchdog в зависимости от контекста может означать регулятора, независимую надзорную организацию или общественный контроль. Переводчик должен выбирать описательный эквивалент, который объясняет функцию, но не навязывает оценку. Такой подход согласуется с общими наблюдениями о тенденции экспликации в переводе, при которой перевод делает implicit знание более явным для адресата (Baker, 2018). Однако в новости экспликация допустима только в объёме, необходимом для понимания, и не должна превращаться в комментарий.

Импликация чаще используется для сокращения фона и устранения повторов, особенно когда переводчик работает под жёсткий лимит знаков. Главный риск импликации – удалить маркеры модальности и атрибуции. Например, удаление allegedly, reportedly, according to, sources said делает утверждение «без источника», а значит меняет его статус. Поэтому правило: импликация может убирать детали контекста, но не может убирать эпистемические маркеры.

Практический инструмент – список «неподлежащих сокращению» элементов: модальные маркеры (may, might, could, likely), маркеры источника (according to, sources said), оговорки о предварительности (estimate, preliminary) и уточнения границ данных (in the sample, in the poll). При редакторской компрессии именно эти элементы следует защищать в первую очередь.

Модуляция представляет собой изменение перспективы или способа выражения при сохранении смыслового ядра. В медиапереводе модуляция особенно важна, потому что прямой словарный эквивалент может резко изменить «коннотативную силу» высказывания. Английская журналистская норма часто предпочитает осторожную формулировку, в то время как русский прямой эквивалент может звучать категорично.

Типовая зона модуляции – оценочные глаголы и номинализации: criticized, raised concerns, questioned, backlash, crackdown. Прямой перевод способен усилить обвинительность или драматизм. Модуляция помогает сохранить уровень оценки: если в оригинале оценка умеренная, перевод также должен оставаться умеренным. В терминах переводоведческих типологий модуляция описывается как системная операция, направленная на изменение точки зрения (Vinay & Darbelnet, 1995), а в терминах практики это означает: выбирать эквивалент по шкале интенсивности, а не по словарному совпадению.

Контроль модуляции требует двух проверок. Первая – проверка модальности: не превратилось ли «опасение» в «утверждение». Вторая – проверка агентивности: не добавлена ли имплицитная вина. Например, переводить alleged как «доказанный» недопустимо; переводить suspected как «преступник» также недопустимо. Эти различия определяют юридическую и этическую корректность новости.

Практическое правило: при сомнении выбирать более нейтральный вариант и сохранять оговорки источника. Если оригинал «передаёт оценку через цитату», перевод не должен переносить оценку в авторский голос. Такой контроль снижает

риск смыслового сдвига в политически чувствительных темах.

Заголовок в медиатексте выполняет двойную функцию: он сообщает минимальный набор фактов и одновременно задает интерпретационную рамку. Английские заголовки часто строятся на эллипсисе, кратких номинализациях и специфической headline grammar. Поэтому калька делает заголовок неестественным для русского и может ухудшить понимание. Нормализация заголовка означает перестройку под целевую норму при сохранении ключевых смысловых параметров.

Практически полезно удерживать четыре параметра заголовка: событие, агент (или носитель действия), статус утверждения и фокус. Перестройка допустима, если все четыре параметра остаются сопоставимыми. Допустимо заменить англоязычную номинализацию глагольной конструкцией, но недопустимо менять статус утверждения: маркеры may, likely, reportedly должны сохраняться и в заголовке, иначе гипотеза превращается в факт. Дискурс-анализ новостей показывает, что рамка заголовка направляет интерпретацию сообщения (van Dijk, 1988).

Частый источник ошибки – причинность. Английские маркеры контекста (amid, following, after) не равны причинным связкам. В переводе нельзя превращать «на фоне» в «из-за», если причинная связь не утверждается в оригинале. Такой сдвиг меняет интерпретацию события, хотя факты могут оставаться теми же.

Нормализация включает и контроль лексической силы: английский заголовок может быть сдержанным, тогда как русский перевод легко становится эмоциональным. Чтобы избежать этого, рекомендуется выбирать нейтральные глаголы, сохранять атрибуцию и не добавлять сильные эпитеты, если они отсутствуют в оригинале.

Цитаты и атрибуция являются центральными механизмами распределения ответственности в новостях: через них читателю сообщается, кто утверждает, кто оценивает и на чем основано сообщение. При переводе ошибки в цитатах и источниках несут двойной риск: искажение смысла и возможные юридические последствия. Поэтому в медиапереводе оправдано выделять отдельный протокол работы с цитатами как стратегию.

Протокол включает четыре правила. Первое: сохранять маркеры неопределенности и ограничители источника (I think, we believe, apparently, allegedly, reportedly), потому что они задают эпистемический статус высказывания. Второе: сохранять точность обозначения говорящего (officials, spokesperson, witness, analyst) и не заменять статус произвольно. Третье: при переводе косвенной речи не усиливать категоричность: said it was likely не должно становиться «заявил, что это так». Четвертое: сохранять атрибуцию при каждом спорном утверждении, если оригинал ее сохраняет.

Отдельная зона риска – смешанные цитаты, где новостной текст соединяет прямую речь и авторский пересказ. В таких случаях переводчик должен ясно отделять голос автора от голоса источника и не переносить оценку из цитаты в авторский голос. Исследования трансредактирования подчеркивают, что именно на стыке перевода и редакторской переработки часто возникают смысловые сдвиги (Schäffner, 2012).

Практическая рекомендация для редакций: формировать шаблоны атрибуции и список обязательных маркеров, которые не подлежат удалению при сокращении. Единый стиль перевода sources said, according to, officials said помогает избежать потери источниковости в режиме скорости и снижает риск превращения версии в утверждение.

Компенсация тональности используется, когда прямой перевод не позволяет одновременно сохранить точность и стилистический эффект. В медиатексте это заметно в двух случаях: (a) когда английский текст использует юридически осторожные формулы, которые в русском звучат чрезмерно громоздко, и (b) когда английское слово несет тонкую коннотацию (ирония, дистанция, осторожность), которую трудно передать одним эквивалентом. В таких ситуациях переводчик может перераспределить эффект на соседний фрагмент, не добавляя новых фактов и не меняя статус утверждения (Chesterman, 1997).

Например, в англоязычных новостях распространены связки reportedly и according to, которые поддерживают дистанцию автора от утверждения. Если в русском варианте частое повторение формул типа «сообщается» делает текст тяжёлым, допустимо частично компенсировать дистанцию через сохранение источника в ключевых местах, а также через модальные маркеры: «по предварительным данным», «как утверждают», «по словам». Компенсация считается корректной, если читатель по переводу ясно понимает: это версия, а не установленный факт.

Ключевое ограничение компенсации: она не должна превращаться в редакторскую интерпретацию. Компенсировать можно форму подачи, но не содержание. Поэтому перед применением компенсации полезно фиксировать инвариант: какие элементы должны остаться неизменными (степень уверенности, источник, юридическая осторожность). После этого переводчик выбирает, где и какими средствами сохранить эту степень уверенности, не перегружая текст.

Практическое правило: при сомнении компенсацию лучше реализовывать через модальность и атрибуцию, а не через оценочную лексику. То есть безопаснее добавить нейтральную ссылку на источник, чем заменять нейтральный глагол эмоциональным.

Метафоры в медиа выполняют функцию быстрого рамкирования. Англоязычные новости часто используют метафоры войны (battle, frontline), спорта (game-changer), природы (storm, wave), медицины (diagnosis), экономики (headwinds). Перевод метафоры напрямую влияет на оценочную позицию и рамку: выбранный образ может усиливать конфликтность или, наоборот, сглаживать её.

Реметафоризация означает подбор культурно естественного аналога в целевом языке. Она оправдана, когда (a) в русском есть устойчивое соответствие, (b) образ не усиливает оценку по сравнению с оригиналом, (c) метафора не несёт скрытого культурного кода, который в целевом контексте меняет смысл. Контролируемая деметафоризация применяется, когда прямой перенос делает текст искусственным или чрезмерно экспрессивным. Тогда метафора заменяется нейтральным описанием, но при этом сохраняется информационная функция фрагмента.

Ключевой критерий выбора: является ли метафора частью факта или частью позиции источника. Если метафора употребляется в цитате и выражает отношение говорящего, её нельзя просто удалить, потому что это изменит смысл высказывания. В таком случае предпочтительнее реметафоризация или частичное сохранение образа. Если же метафора является стандартной журналистской формулой без самостоятельного аргументативного значения, допускается умеренная деметафоризация ради точности и нейтральности.

Практический тест для метафоры включает три вопроса: какую функцию выполняет образ (оценка, объяснение,

привлечение внимания); есть ли устойчивый эквивалент без усиления; что произойдёт с рамкой, если образ нейтрализовать. Такой тест помогает избежать ошибок, когда метафора либо бездумно калькируется и звучит неестественно, либо удаляется и вместе с ней исчезает позиция автора или источника.

Зоны повышенного риска смыслового сдвига и практические правила

Числовые данные в медиатексте воспринимаются как сильный маркер объективности. Поэтому ошибки в числах чаще всего замечаются аудиторией и подрывают доверие. При переводе опасны не только арифметические ошибки, но и логические сдвиги: исчезновение базы сравнения, путаница между процентами и процентными пунктами, опускание слов preliminary или estimate, а также перенос данных из одного периода в другой.

Практические правила: (1) сохранять источник данных и период, если они указаны; (2) при конвертации единиц измерения фиксировать, что именно изменено (например, мили в километры), и не добавлять конвертацию, если ее нет в оригинале; (3) различать billion и trillion в англоязычной шкале; (4) проверять согласование чисел с существительными в русском, чтобы не исказить величину; (5) аккуратно работать с округлением: если оригинал дает точное число, перевод не должен превращать его в «около» без основания.

Реалии и институциональные термины являются точками непонимания, потому что в разных странах одна и та же форма может скрывать разные функции. Ошибка здесь часто выглядит как «почти правильное» слово, но, по сути, подменяет институциональный смысл. Поэтому переводчик должен ориентироваться на функцию и статус, а не на поверхностное сходство.

Минимальная экспликация помогает избежать непонимания, но должна оставаться нейтральной. Удобный критерий: пояснение отвечает на вопрос «что это делает», а не «как это оценивать». Допустимо дать функциональное описание (например, «надзорная организация», «партийная фракционная встреча», «сделка со следствием о признании вины»), но нежелательно добавлять оценочную лексику, если ее нет в оригинале (Baker, 2018).

Для имен собственных и должностей критично единообразие. Одно и то же ведомство, должность или программа не должны получать разные переводы внутри одного материала и на разных платформах. В редакциях целесообразно вести внутренние глоссарии и списки утвержденных вариантов транслитерации.

Современные новости распространяются через агрегаторы, мессенджеры и соцсети, где текст читается вместе с изображением, подписью, карточкой и ссылкой. В таких форматах переводчик должен учитывать сцепление элементов: заголовок может быть коротким, но смысл уточняется подписью; инфографика может содержать термин, который требуется согласовать с текстом. Несогласованность создает эффект смыслового шума и иногда меняет рамку.

Практические правила: (1) проверять согласованность ключевых терминов, имен и чисел между заголовком, лидом, подписью и инфографикой; (2) избегать двусмысленностей в коротких push-сообщениях, где читатель видит только одну строку; (3) аккуратно работать с хэштегами и именами аккаунтов: иногда их нельзя переводить, а нужно транслитерировать или оставлять как идентификаторы; (4) помнить, что в соцсетях оценочная лексика воспринимается сильнее, поэтому для переводных материалов желательна дополнительная проверка тональности.

Для медиаперевода юридическая корректность является частью смыслового инварианта. Статус утверждения (подозревается, обвиняется, признан виновным) должен сохраняться строго. Нельзя заменять suspected на «преступник», alleged на «доказанный», inquiry на «расследование преступления» без подтверждения. Такие замены меняют не только тональность, но и фактический статус сообщения.

Этически чувствительны также обозначения групп, вопросы конфиденциальности и формулировки, которые могут стигматизировать. Переводчик должен сохранять нейтральность исходного текста и следовать редакционным стандартам, но одновременно избегать добавления стигматизирующей лексики. В таких случаях модуляция и компенсация должны работать на снижение риска смыслового сдвига, а не на усиление экспрессии.

Модель выбора переводческого решения и чек-лист контроля смысла

Шаг 1: фиксация инварианта. Перед тем как перефразировать или сокращать, переводчик фиксирует, что именно является неизменяемым в данном сегменте: факт, статус утверждения, источник, оценка, рамка, термин. На практике это занимает несколько секунд и может быть оформлено как внутренняя метка: факт / версия / цитата / фон.

Шаг 2: диагностика ограничений. Далее определяется, какие ограничения действуют: лимит символов, требования заголовка, редакционный стиль, наличие визуальных элементов, юридическая чувствительность. Этот шаг объясняет, почему буквальный перевод может быть непригоден, и заранее задает пределы адаптации.

Шаг 3: выбор стратегии. Если приоритетом является фактическая точность, применяется семантическое выравнивание; если важна жанровая естественность и понятность, подключается прагматическая адаптация; если есть культурная асимметрия, используется экспликация; если нужна настройка оценки, применяется модуляция; для заголовков – нормализация; для цитат – протокол источниковости; для стилистических потерь – компенсация; для образности – реметафоризация или деметафоризация.

Шаг 4: постконтроль. После чернового перевода выполняется быстрая проверка четырех компонентов смысла: факты, цель, оценка, рамка. Если обнаруживается сдвиг, корректировка проводится локально: возвращаются маркеры модальности, уточняется агент, пересобирается заголовок или усиливается атрибуция. Такой контроль согласуется с представлением о translation quality assessment как о процедуре, встроенной в процесс, а не вынесенной в конец (House, 2015).

Чек-лист предназначен для быстрого самоконтроля и для вторичной редакторской проверки. Он состоит из вопросов, на которые можно ответить «да» или «нет»:

1. Сохранены ли все числа, даты, единицы измерения и названия документов?
2. Сохранена ли степень уверенности (may, likely, allegedly, reportedly) и не превратилась ли версия в факт?
3. Ясно ли указано, кто является источником информации и кто говорит в цитате?
4. Не изменена ли агентность: не появился ли новый субъект, не исчез ли агент, не добавлена ли вина?
5. Не усилена ли оценка по сравнению с оригиналом (эмоциональные глаголы, эпитеты, метафоры)?
6. Не изменен ли фокус заголовка и лида (процесс vs результат; обсуждение vs решение; расследование vs виновность)?
7. Нет ли причинности, добавленной переводом (на фоне vs из-за)?

8. Согласованы ли ключевые термины между заголовком, лидом, подписью и инфографикой?

Если на любой из вопросов ответ отрицательный, перевод требует точечной правки. Чек-лист не заменяет профессионального суждения; он лишь снижает вероятность наиболее опасных и типовых сдвигов.

Для подготовки переводчиков медиатекстов полезно смещать акцент с отдельных трансформаций на управление смыслом в условиях ограничений. Типология стратегий и чек-лист можно использовать как основу учебных кейсов: студентам предлагается фрагмент новости с заданным форматом (заголовок, лид, соцсеть), после чего они выбирают стратегию и аргументируют, как сохраняют статус утверждения и источниковость.

В редакционной практике ключевым ресурсом являются стандарты: глоссарии, шаблоны атрибуции, списки юридически чувствительных формулировок и правила для заголовков. Такие стандарты уменьшают вероятность случайных смысловых сдвигов, особенно при высоком темпе работы. Исследования новостного перевода показывают, что процедурная сторона и распределение функций в newsroom влияют на качество не меньше, чем индивидуальная компетентность переводчика (Bielsa & Bassnett, 2009; Gambier, 2006; Schäffner, 2012).

Наконец, необходимо учитывать цифровую среду: переводчик становится медиатором, который должен видеть материал как пакет. Поэтому навыки мультимодальной проверки (согласование с подписью, изображением, графикой) следует включать и в обучение, и в редакторские протоколы. Это особенно актуально для платформ, где один элемент (push-уведомление или карточка) может стать единственным прочитанным фрагментом.

В целом предложенная типология и модель решения демонстрируют, что сохранение изначального смысла в медиапереводе достигается не за счет буквальности, а за счет контролируемого выбора стратегий и процедурного контроля. При соблюдении правил источниковости, модальности и рамки перевод способен одновременно оставаться читабельным и обеспечивать смысловую эквивалентность.

Стратегия	Главный защищаемый компонент смысла	Типовой риск при ошибке
Семантическое выравнивание	Факты, числа, референция	Дезинформация через ошибку данных или терминов
Прагматическая адаптация	Коммуникативная цель и понятность	Смещение рамки или усиление оценки
Экспликация/ импликация	Баланс знания и объёма	Потеря модальности и источниковости при сокращении
Модуляция	Оценочная позиция и степень категоричности	Случайное усиление обвинительности
Нормализация заголовков	Фрейм и фокус	Превращение версии в факт; добавление причинности
Протокол цитат и атрибуции	Источниковость и ответственность	Приписывание утверждений автору текста

Компенсация тональности	Журналистская осторожность	Стилистическое искажение статуса утверждения
Реметафоризация/ деметафоризация	Фрейм через образность	Потеря позиции источника или культурная неестественность

Таблица 1. *Типология стратегий и соответствие компонентам изначального смысла*

Сдвиг	Как проявляется в переводе	Быстрая корректировка
Версия → факт	опущены may/likely/allegedly; исчезло according to	вернуть модальность и атрибуцию
Контекст → причина	amid/following переведено как из-за	заменить на на фоне/после без причинности
Источник → автор	перенос оценки из цитаты в авторский голос	разделить голоса, сохранить вводные слова источника
Нейтрально → оценочно	усилены глаголы и эпитеты, добавлены метафоры	выбрать нейтральный эквивалент, убрать усилители
Субъект скрыт/изменен	пассив стал активом с новым агентом	вернуть исходную агентность или указать неизвестность
Число/единица искажены	billion/миллиард, проценты/п.п., конвертация	перепроверить данные и единицы

Таблица 2. *Таблица предназначена для редакторского контроля типовых смысловых сдвигов*

Заключение

Сохранение изначального смысла при переводе англоязычных медиатекстов требует понимания того, что смысл в новостях распределен между фактами и рамкой их подачи. Даже при полной сохранности денотативного слоя перевод может исказить сообщение, если изменены агентность, модальность, источниковость или оценочная позиция. Поэтому медиаперевод следует рассматривать как управляемый процесс медиации и трансредактирования, где решения оцениваются через функциональную адекватность и дискурсивную точность (Nord, 1997; Bielsa & Bassnett, 2009).

Предложенная типология восьми стратегий показывает, какие инструменты позволяют удерживать смысловые инварианты при ограничениях скорости, формата и редакционного стиля. Семантическое выравнивание защищает факты и термины; прагматическая адаптация делает сообщение понятным целевой аудитории; экспликация и импликация управляют асимметрией знания и объемом; модуляция контролирует коннотативную силу; нормализация заголовков удерживает рамку; протокол цитат сохраняет ответственность; компенсация помогает сохранять журналистскую осторожность; работа с метафорами регулирует образное рамкирование.

Практическая ценность статьи заключается в алгоритме выбора решения и в чек-листе контроля смыслового сдвига. Эти инструменты могут быть встроены в редакционные процессы и в обучение переводчиков. В условиях цифровой мультимодальности особенно важно видеть материал как пакет и согласовывать перевод не только с исходным текстом, но и с

визуальными элементами и платформенными форматами. В перспективе дальнейшие исследования могут уточнить типологию на материале конкретных языковых пар и жанров (политические новости, научпоп, экономические обзоры), а также эмпирически измерить частотность разных типов смыслового сдвига в реальных newsroom-процессах.

References:

1. Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation (3rd ed.).* Routledge.
2. Bielsa, E., & Bassnett, S. (2009). *Translation in global news.* Routledge.
3. Chesterman, A. (1997). *Memes of translation: The spread of ideas in translation theory.* John Benjamins.
4. Fairclough, N. (1995). *Media discourse.* Edward Arnold.
5. Gambier, Y. (2006). *Transformations in international news.* In C. Schäffner & B. Adab (Eds.), Translation and intercultural communication (pp. 9–21). Multilingual Matters.
6. House, J. (2015). *Translation quality assessment: Past and present.* Routledge.
7. Nord, C. (1997). *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained.* St. Jerome Publishing.
8. Reiss, K., & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained (C. Nord, Trans.).* Routledge. (Original work published 1984)
9. Schäffner, C. (2012). Rethinking transediting. *Meta, 57*(4), 866–883.
10. van Dijk, T. A. (1988). *News as discourse.* Lawrence Erlbaum Associates.
11. Vinay, J.-P., & Darbelnet, J. (1995). *Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation (J. C. Sager & M.-J. Hamel, Trans.).* John Benjamins. (Original work published 1958)

Investigating the Influence of Social Media Platforms on the Evolution of English Slang

Norqulova Dilnoza Shavkat qizi
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Dalieva Madina Khabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines how social media platform affordances shape the diffusion, stabilization, and meaning change of English slang. Slang is treated as socially indexed vocabulary and formulaic patterns that circulate through communities, gain visibility, undergo semantic drift, and either become mainstream or decline. The paper argues that contemporary slang evolution is increasingly platform-driven: character limits, hashtags, algorithmic feeds, video remix tools, and community moderation influence which forms spread, how fast they travel, and what meanings become conventional. A mixed-method research design is proposed: cross-platform corpus sampling (X/Twitter, TikTok, Instagram, Reddit, YouTube), quantitative tracking of lexical items over time (frequency, dispersion, burstiness), and qualitative discourse analysis of pragmatic functions (stance, humor, in-group marking, mitigation). The article synthesizes key mechanisms – memetic templating, influencer amplification, audio-based replication, cross-platform migration, and context collapse – and offers operational criteria for identifying meaning change and enregisterment. Implications are discussed for language teaching, digital literacy, and responsible translation.*

Keywords *Social media, English slang, lexical innovation, memes, diffusion, TikTok, Twitter, online communities*

Ijtimoiy tarmoq platformalarining ingliz slengining evolyutsiyasiga ta'sirini o'rganish

Norqulova Dilnoza Shavkat qizi
Magistrant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Dalieva Madina Xabibullaevna
m.daliyeva@uzswlu.uz
Filologiya fanlari doktori (DSc), dosent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada ijtimoiy tarmoqlarning platformaga xos imkoniyatlari ingliz slengining tarqalishi, barqarorlashuvi va semantik o'zgarishlariga qanday ta'sir qilishi tahlil qilinadi. Sleng ijtimoiy belgilangan leksika va formulali ifodalar sifatida talqin etilib, u hamjamiyatlar ichida aylanadi, ommaviy ko'rinish oladi, ma'no siljishlariga uchraydi va ba'zan ommaboplashadi yoki so'nib boradi. Hozirgi sleng evolyutsiyasi tobora platforma tomonidan belgilanishi ko'rsatiladi: xabar uzunligi cheklovi, hashtaglar, algoritmik lenta, video-remiks vositalari va hamjamiyat moderdatsiyasi shakllarning qanchalik tez va qaysi yo'nalishda tarqalishini hamda yangi ma'nolarning barqarorlashishini belgilaydi. Tadqiqot uchun aralash dizayn taklif*

etiladi: X/Twitter, TikTok, Instagram, Reddit va YouTube bo'yicha kross-platforma korpusi, leksik birliklarni vaqt bo'yicha miqdoriy kuzatish (chastota, tarqalish, "portlash" holatlari) va pragmatik funksiyalar (pozitsiya, yumor, "o'zimizniki"ni belgilash, yumshatish) bo'yicha sifat tahlili. Memetik shablonlash, inflyuenserlar orqali kuchayish, audio-takrorlanish, platformalararo migratsiya va "kontekst kollapsi" mexanizmlari yoritiladi hamda ma'no o'zgarishi va enregistermentni aniqlash mezonlari beriladi.

Kalit so'zlar *Ijtimoiy tarmoqlar, ingliz slengi, leksik innovatsiya, memlar, tarqalish, TikTok, Twitter, onlayn hamjamiyatlar*

Исследование влияния платформ социальных сетей на эволюцию английского сленга

Норқулова Дилноза Шавкат қизи
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Далиева Мадина Хабибуллаевна
m.daliyeva@uzswlu.uz
Доктор филологических наук (DSc), доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья анализирует, как платформенные возможности социальных сетей формируют распространение, закрепление и семантические изменения английского сленга. Сленг понимается как социально маркированная лексика и формульные выражения, которые циркулируют внутри сообществ, получают публичную видимость, испытывают смысловой дрейф и либо становятся массовыми, либо выходят из употребления. Обосновывается тезис о платформенной детерминированности современных сленговых изменений: ограничение длины сообщений, хэштеги, алгоритмические ленты, инструменты ремикса в видеоформатах и модерация сообществ влияют на скорость и траекторию диффузии, а также на стабилизацию новых значений. Предлагается смешанный дизайн исследования: кроссплатформенный корпус (X/Twitter, TikTok, Instagram, Reddit, YouTube), количественное отслеживание лексем во времени (частота, дисперсия, «всплески») и качественный дискурс-анализ прагматических функций (позиционирование, юмор, маркирование «своих», смягчение). Выделяются механизмы меметической шаблонизации, усиления инфлюенсерами, аудио-репликации, миграции между платформами и «коллапса контекста», а также критерии фиксации смысловых сдвигов и энрегистрации.*

Ключевые слова *Социальные сети, английский сленг, лексические инновации, мемы, диффузия, TikTok, Twitter, онлайн-сообщества*

Introduction

English slang has always been linked to social identity, youth culture, and rapid stylistic change. Historically, innovations spread through face-to-face peer networks, music scenes, street cultures, and localized communities of practice. The contemporary environment differs because linguistic innovation is increasingly mediated by platform infrastructures. In social media settings, new expressions can travel from a small subcommunity to mass audiences within days, while meanings shift under conditions of high visibility, remixability, and algorithmic selection. These conditions alter what counts as "circulation": a term can become widespread not only because it is socially useful, but also because it is promoted by design features that reward engagement and repetition.

In this article, slang is defined as socially marked, non-standard vocabulary and formulaic patterns that index group membership, stance, humor, irony, and boundary-making. Slang is not limited to "new words." It includes semantic reanalyses (new meanings for existing forms), pragmatic routines (for example, evaluative markers and discourse tags), and template phrases that become recognizable through repeated use. From a sociolinguistic viewpoint, slang becomes meaningful because it is indexical: it points to social positions that are negotiated in interaction (Silverstein, 2003; Bucholtz & Hall, 2005).

The central claim is that platforms are not neutral channels. They provide affordances – technical and social conditions of use – that shape which slang forms become visible, how they are interpreted, and how they are institutionalized in online publics. A short character limit favors compact expressions and creative abbreviation; video platforms enable audio-based replication and gesture-language coupling; forum moderation stabilizes local jargon; and algorithmic feeds amplify some items while suppressing others. Because these affordances differ across platforms, it is plausible that the evolution of slang is increasingly platform-differentiated: a "Twitter-native" term may behave differently from a "TikTok-native" term in both form and meaning trajectory.

The research problem can be formulated through four guiding questions. First, which platform affordances most strongly affect slang diffusion and meaning change? Second, how do slang forms migrate across platforms, and what happens to their pragmatic functions during migration? Third, under what conditions does slang stabilize and become recognizable as a register (enregisterment), versus remaining ephemeral and local (Agha, 2003)? Fourth, what are the implications for language learning and media literacy, especially for EFL users who encounter slang mainly through global platforms rather than local peer groups?

The article has four aims: (1) to describe platform affordances relevant to slang change; (2) to map mechanisms of diffusion across platforms; (3) to propose a mixed-method research design for studying slang evolution in cross-platform corpora; and (4) to discuss implications for teaching, interpretation, and responsible translation.

Literature review

Research on computer-mediated communication (CMC) has long shown that digital environments support linguistic innovation through reduced formality, rapid feedback, and dense peer interaction. Early CMC work describes how online communities develop distinctive styles and norms, often supported by technological constraints and group practices (Herring, 2004). Later scholarship emphasizes that online language is heterogeneous and shaped by genre, platform design, and community governance. This shift is important because it implies that "internet slang" is not a single variety; rather, slang

emerges differently across platforms and communities.

Sociolinguistics provides a conceptual toolkit for understanding slang as a social resource. Indexicality explains how linguistic forms point to social meanings such as identity, stance, or group membership (Silverstein, 2003). Slang often carries layered indexical meanings: a form may index youth, irony, or membership in a subculture, and these meanings are reinterpreted when the form enters new contexts. Bucholtz and Hall (2005) emphasize that identity is produced in interaction; therefore, slang is not simply "owned" by a group but performed and recognized through use.

Enregisterment captures how a set of forms becomes recognized as a named style associated with particular social types (Agha, 2003). In social media, enregisterment can occur rapidly because searchable circulation (hashtags, reposts) makes forms metalinguistically visible. Once an item becomes visible as "a slang word," users begin to discuss it, define it, and evaluate its appropriateness. Metalinguistic discussion is thus not noise; it is evidence that an item is becoming socially recognizable as a register.

Diffusion frameworks model how innovations spread and stabilize. Rogers (2003) emphasizes the role of opinion leaders and network structure in adoption. In platform environments, opinion leaders include creators and influencers, but diffusion is also shaped by ranking and recommendation systems. This creates a hybrid ecology where adoption is simultaneously social and algorithmic. Computational work shows that change can be detected statistically by tracking distributional shifts over time and measuring when a word's contexts of use expand or reorganize (Kulkarni et al., 2015). Such work is valuable, but it should be combined with qualitative interpretation, because slang meanings are pragmatic and socially evaluated.

Media discourse studies provide additional insights. Social media posts often mimic headline-like compression and rely on intertextuality: content is quoted, stitched, reposted, and recontextualized. Zappavigna (2012) demonstrates that hashtags are resources for affiliation, enabling alignment with communities and moral stances. Van Dijk's (1988) view of discourse framing is relevant because slang can function as a framing device: it indexes evaluation in compact form. Finally, large-scale sociolinguistic analyses show that lexical choices correlate with social identity in social media, supporting the claim that online language is socially structured rather than random (Bamman et al., 2014).

The present article synthesizes these perspectives into a platform-oriented framework: slang evolves through interaction between (a) community meaning-making (indexicality and practice), (b) circulation and recognition (diffusion and enregisterment), and (c) platform affordances that structure visibility, remixability, interaction, governance, and monetization.

Platform affordances include technical features (character limits, video formats, search and recommendation systems) and social features (community norms, moderation, interaction rituals). These affordances influence slang evolution through multiple pathways.

Brevity and compression. Text-first platforms encourage clippings, acronyms, abbreviations, and compact pragmatic markers. Because posts are short, users rely heavily on shared background knowledge, and meanings can shift as forms are reused across many contexts. Brevity also increases the role of "headline logic": front-loading evaluative words and compressing causal relations into a few tokens. This makes slang an efficient stance resource: a single word can signal approval, mockery, disbelief, or dismissal.

Hashtags and searchable circulation. Hashtags make linguistic items indexable. When slang forms appear as hashtags, they become metalinguistically visible: users can search them, imitate them, and discuss them explicitly. Such visibility supports

enregisterment, because a form becomes recognizable as part of a named online style (Zappavigna, 2012). At the same time, hashtagging can shift meaning by grouping diverse contexts under one label, encouraging semantic broadening and the formation of loosely coherent "topic-registers."

Algorithmic amplification. Recommendation systems can expand reach beyond follower networks. This produces rapid, uneven adoption and can also create "false diffusion," where a term appears widespread because the algorithm promotes similar content to many users. Algorithmic amplification intensifies context collapse: expressions designed for in-group use are interpreted by mass audiences with different expectations. This often leads to meaning contestation and to posts that police usage ("you are using it wrong"), which then become part of the term's public history.

Multimodality. Video platforms link language with gesture, timing, intonation, captions, and reused audio. Slang meanings can therefore be learned through embodied cues and recurring performance patterns. In some cases, the lexical item is less important than the audio template or the interaction format in which it occurs. A text-only view of slang may miss this, because the meaning is distributed across modes.

Remixability and template culture. Duets, stitches, reposts, and quote-tweets facilitate memetic replication. Slang items can become part of stable templates – phrases, captions, punchlines – that users reproduce with minor variation. Template culture accelerates routinization and can lead to semantic bleaching, where a once-specific expression becomes a general intensifier or discourse marker.

Platform profiles help specify predicted outcomes. X/Twitter promotes compact stance markers and fast meaning contestation in reply chains. TikTok promotes performative, audio-linked slang and rapid mainstreaming via algorithmic discovery. Instagram promotes aesthetically packaged expressions tied to lifestyle identity and influencer speech. Reddit promotes stable community jargon and explicit norm negotiation under moderation. YouTube promotes creator-linked catchphrases and the migration of slang through comment culture and reaction formats.

Methodology and Research design

To investigate platform influence on English slang evolution, this article proposes a mixed-method design combining corpus methods with qualitative discourse analysis. The purpose is to capture both measurable diffusion patterns and socially grounded meanings.

Data collection and sampling. Data can be collected from X/Twitter, TikTok, Instagram, Reddit, and YouTube, focusing on publicly accessible content. Because platform access policies change, researchers should document collection methods carefully and store only the minimum required information. Sampling should be time-bounded (for example, 12–18 months) and stratified by topic domains (entertainment, gaming, politics, lifestyle) to reduce topical bias. A feasible entry point for a master's project is to track 20–30 slang candidates and build term-based datasets for each platform.

Identifying slang candidates. Slang candidates can be detected through a combination of statistical and qualitative filtering. Statistical detection can use frequency increases relative to reference corpora and measures of burstiness (sudden spikes). Qualitative filtering is necessary because many bursts reflect named events, hashtags, or proper nouns. Candidates should be validated through contextual reading and, where appropriate, triangulated with lexicographic signals such as dictionary entries or usage notes, while recognizing that lexicographic recognition usually occurs after mainstreaming.

Quantitative indicators. For each candidate item, at least three metrics are recommended: frequency (how often it

appears), dispersion (how widely it is used across unique users or subcommunities), and burstiness (how quickly usage spikes). Cross-platform migration can be measured by first-appearance dates and time lags between platforms. Network indicators (retweet networks, reply graphs, subreddit cross-posting) can approximate diffusion pathways. Importantly, frequency alone is insufficient: a term may be frequent but used ironically or as an object of discussion rather than as a functional slang marker.

Qualitative coding and reliability. A stratified sample of contexts should be coded for pragmatic function: stance (approval/disapproval), humor, insult, solidarity, identity marking, mitigation, intensification, and metalinguistic commentary. Coding should also record whether the item is used as a noun, verb, adjective, or discourse marker, because category shifts are a common signal of meaning change. To support replicability, inter-coder reliability can be checked on a subset of data, disagreements can be discussed, and coding rules can be refined transparently.

Multimodal analysis. For TikTok and YouTube, meaning is often carried by audio templates, gesture, and timing. A multimodal coding scheme can include: presence of a specific audio clip, alignment of captions with audio, repeated gesture patterns, and interaction formats such as duets, stitches, and reactions. Even a modest multimodal sample (100–200 videos per term) can reveal how pragmatic meaning is learned and reproduced through performance.

Ethics. Internet research ethics require minimizing harm. Researchers should anonymize user data, avoid reproducing usernames, and avoid quoting sensitive posts in ways that enable identification. Public accessibility does not automatically mean ethical availability for research use; reasonable user expectations and vulnerability should be considered. Special care is required for content produced by minors and for stigmatized groups (AoIR, 2020).

Platform affordance	Interaction pattern	Likely effect on slang form	Likely effect on meaning
Character limits / brevity	Short posts; rapid replies	Abbreviation, clipping, compact markers	Faster drift due to context dependence
Hashtags and searchability	Topic clustering; tagging	Visibility of forms; lexical labels	Supports enregisterment and conventional use
Algorithmic recommendation	Discovery beyond followers	Sudden exposure; uneven adoption	Context collapse; contested meanings
Remix tools (duet/stitch/repost)	Template replication	Formulaic phrases; meme stability	Semantic bleaching or template-bound meaning
Community moderation (forums)	Rule enforcement; topic threads	Local jargon; stable in-group terms	Stabilization within community; slower mainstreaming
Multimodality (audio/gesture)	Performance + captions + sound	Audio-linked catchphrases; stylized pronunciation	Meaning learned via embodied cues; pragmatic routinization

Table 1. *Platform affordances and predicted influence on slang evolution*

Four mechanisms are especially influential in contemporary slang evolution: memetic templating, influencer amplification, cross-platform migration, and semantic drift under context collapse.

Memetic templating. Many slang expressions become popular because they fit reusable templates. A template may be a caption pattern, a call-and-response structure, or an audio clip used for a recurring type of joke. Templates provide a predictable context, making adoption easy even for users who do not fully know the original meaning. At the same time, template repetition can bleach meaning: the expression becomes a general marker of humor or evaluation rather than a precise label. Template culture also compresses learning: users acquire meaning by recognizing the template rather than by learning a dictionary definition.

Influencer amplification. Influencers operate as accelerated opinion leaders (Rogers, 2003). When a creator repeatedly uses a term, audiences may adopt it as a sign of fandom identity. This diffusion is fast but socially fragile: rapid mainstreaming can produce backlash, where original communities treat the term as "overused," "misused," or "appropriated," leading to decline or to the invention of new alternatives. This pattern highlights a key sociolinguistic point: slang change is driven by social evaluation, and evaluation can reverse diffusion.

Cross-platform migration. Slang often travels via reposts, screenshots, reaction videos, and media commentary. Migration changes meaning because platforms have different interaction norms. A sarcastic marker functioning as a dismissive reply on X/Twitter may become a playful caption on Instagram or a performative punchline on TikTok. Migration therefore encourages pragmatic reanalysis: the same form becomes linked to new social actions, and users learn those actions through platform routines.

Context collapse and semantic drift. When expressions move from in-group contexts to mass audiences, they are interpreted by users with different background knowledge. This mismatch creates contested meanings and accelerates drift. Some terms become objects of metalinguistic debate ("What does X mean?"), which is itself a stage of enregisterment: the item is recognized as socially marked (Agha, 2003). In addition, context collapse can produce moralization: users evaluate not only whether a term is "correct," but whether it is ethically acceptable or socially respectful, which may reshape the term's distribution.

Operational criteria for meaning change. Distinguishing short-lived trends from stable meaning change requires operational indicators. The following signals can be coded: (a) expansion of contexts (new collocations and topical domains), (b) category shift (for example, adjective to discourse marker), (c) change in pragmatic function (from literal descriptor to stance marker), (d) increase in metalinguistic commentary (definitions, usage policing), and (e) stabilization of templates (the term becomes part of a fixed phrase). Together, these indicators connect corpus evidence with sociolinguistic interpretation.

A platform's influence on slang is mediated not only by interface features but also by governance and monetization. Governance includes moderation policies, community guidelines, and enforcement practices. Monetization includes incentives for engagement (views, likes, subscriptions) and the professionalization of content creation. Together, these forces shape what kinds of slang are promoted, sanitized, or suppressed.

First, moderation can reduce explicitness. When platforms restrict taboo words or hate speech, users create euphemisms, creative spellings, and indirect references. Such adaptations can become slang in their own right, not because users seek novelty, but because they seek survivability within platform rules. Linguistically, this is constrained innovation: technical governance becomes a

driver of lexical change and orthographic creativity.

Second, monetization can accelerate mainstreaming. When slang becomes part of brand identity, advertising, or influencer marketing, its indexical meanings shift. What was once in-group language may become a commercial "aesthetic," weakening its authenticity value for original communities. Commercial uptake can also flatten meaning: a term used for a specific stance may be repurposed as a general marketing intensifier. This often produces backlash and triggers replacement cycles where communities abandon a term once it is perceived as corporate or overly mainstream.

Third, governance and monetization interact with algorithmic amplification. Platforms reward content that is legible to broad audiences; therefore, slang items that require deep in-group knowledge may remain niche, while items that can be used in widely understandable templates are amplified. This creates a selection effect: the slang that becomes globally visible is not necessarily the slang that is most meaningful within its origin communities; it is the slang that is most compatible with platform-driven visibility, replication, and monetizable performance.

For research design, this implies that platform influence should not be reduced to features like "character limits." Researchers should treat governance and monetization as contextual variables shaping diffusion and meaning change. Empirically, governance effects can be observed in euphemization and creative spelling patterns; monetization effects can be observed when terms shift into advertising discourse or become part of repeated creator branding routines.

Because the present article is methodological and conceptual, it does not present a full empirical corpus study. Nevertheless, it is useful to outline what a cross-platform analysis would plausibly reveal for different types of slang items. The sketches below are written as analytic expectations, not as claims about single origins or exact timelines.

1. *Interaction-native slang as an example.* Some slang items are tightly linked to platform mechanics. In public discourse, terms like "ratio" are used as metacommentary on the relationship between replies and likes, indexing public disapproval or failure. Such items are interaction-native because their meaning presupposes an interface metric. In a cross-platform study, we would expect these terms to cluster in reply contexts and to co-occur with stance-taking verbs, mockery markers, and evaluative hashtags. We would also expect limited transfer to platforms where the underlying metric is less salient; when transfer happens, the term may be reinterpreted as a general label for "being criticized," which is a case of semantic broadening through migration.
2. *Performance-linked slang as an example.* Some slang items become visible through creator ecosystems. Public discussions often associate terms like "rizz" with charisma and flirting competence, frequently evaluated humorously and performatively. On video platforms, such items are likely to spread through skits, challenges, and caption routines that model usage. A cross-platform analysis would expect strong multimodal anchoring: the term would co-occur with gesture patterns, facial expressions, and audio cues that instruct interpretation. When the term migrates into text-only contexts, the multimodal anchoring is lost, and usage may become more ambiguous; this can increase metalinguistic questions and contested interpretations.
3. *Meme-aesthetic slang as an example.* Some slang items circulate primarily through meme culture and playful self-presentation. Items such as "delulu" are widely used online as humorous

evaluation of unrealistic optimism or self-deception, often with affectionate irony rather than harsh insult. On platforms with strong aesthetic identity work, such items may be packaged as captions that index a specific persona. In a corpus, we would expect high co-occurrence with first-person self-presentation ("me when…") and with stance markers that soften criticism. As the item becomes mainstream, we would expect bleaching into a light intensifier and a rise in commercial uptake in captions and merchandising.

Across these sketches, the key expectation is that platform affordances shape what becomes salient: interface-native slang depends on metrics and reply mechanics; performance-linked slang depends on multimodal replication; meme-aesthetic slang depends on template culture and persona work. A single research design can capture all three types by combining quantitative metrics (frequency, dispersion, burstiness) with pragmatic coding and multimodal annotation.

A distinctive feature of contemporary slang is the speed with which it can move from grassroots online use into mainstream media discourse. Journalists, marketers, and educators increasingly monitor social media to interpret emerging vocabulary. This recontextualization has two consequences for meaning. First, when slang enters mainstream reporting, its definition is often stabilized through explanation: articles define the term for a general audience, selecting one sense as the "core meaning." This selection can marginalize alternative senses that circulate within origin communities. Second, mainstream uptake changes indexical value. Once a term is treated as a "trend word" by the media, it may lose its in-group exclusivity, and some communities may abandon it.

Lexicographic recognition functions similarly. When a slang item is recorded in a dictionary or a usage guide, it gains institutional visibility. Yet dictionaries typically record meaning after the item is already widespread. Therefore, lexicographic recognition is more accurately seen as a stage in enregisterment rather than a trigger of diffusion. For research, this means that dictionaries can be used as a proxy for mainstreaming: they signal that the word is recognized beyond niche communities. However, researchers should avoid treating dictionary meanings as definitive, because slang meaning is pragmatic and dependent on context. A term can have a relatively stable denotation and still vary dramatically in stance and social evaluation.

Mainstreaming is also shaped by platform governance and monetization. Media professionals and brands prefer terms that are safe, non-taboo, and easily explained. This produces a "mainstream filter" that selects certain slang items for wide circulation. In consequence, the slang visible to global EFL learners may be skewed toward items that are commercially and institutionally acceptable. This is one reason why platform-based slang research has educational relevance: it clarifies that exposure patterns are structured and that "popular slang" is not a neutral sample of youth language.

Methodologically, mainstreaming can be observed through three signals: (a) growth of explainer posts and articles, (b) migration into professional discourse genres (news headlines, brand captions), and (c) shifts in metalinguistic stance, where users comment on overuse and "cringe." These signals connect diffusion analysis with discourse analysis, showing how slang becomes a public object of knowledge.

For EFL learners, social media is a major exposure channel to informal English. Slang is therefore part of learners' real input, even when it is absent from textbooks. However, slang is socially marked, rapidly changing, and sensitive to context. If learners adopt slang without pragmatic awareness, they may sound inappropriate, offensive, or unserious. Understanding platform-driven slang evolution has practical pedagogical value.

Register awareness. Teachers can contrast standard vocabulary with slang equivalents and discuss contextual appropriateness. The focus should be interpretive competence rather than production pressure: learners should be able to recognize slang and infer pragmatic meaning, even if they do not use it. This can be assessed through comprehension tasks that ask learners to explain a term's stance function and social meaning.

Platform awareness. Learners need to understand that the same expression can function differently on different platforms because interaction norms differ. A term that is playful in captions may be aggressive in reply chains. This can be taught through guided comparison tasks: students analyze short examples from two platforms and identify how the interaction format shapes interpretation.

Critical digital literacy. Slang is linked to identity and power. Some items have origins in marginalized communities and can be appropriated or stigmatized when mainstream audiences adopt them. Classroom discussion can address ethical communication and the risks of using terms without understanding their indexical meanings. This is especially relevant when learners copy slang from global media without access to the social histories embedded in the forms.

Translation and interpretation. In multilingual contexts, slang is frequently translated in subtitles, captions, and informal online translation. Meaning preservation requires attention to pragmatic function, not only dictionary meaning. Translators may choose functional equivalents, brief explanations, or controlled neutralization depending on audience and genre.

Table 2 provides an operational view of slang life-cycle stages and diagnostic signals that can be coded in data.

Stage	Typical signals in data	Platform factors that often amplify the stage
Emergence	Low frequency; clustered users; niche contexts; playful experimentation	Small communities; creator micro-audiences; forum niches
Acceleration	Burstiness; rapid growth; increased dispersion; template copying	Algorithmic recommendation; repost mechanics; hashtags
Mainstreaming	High visibility; cross-platform appearance; explainer content	Influencer amplification; media commentary; searchability
Semantic drift	New collocations; new pragmatic functions; contested meaning	Context collapse; multimodal reinterpretation; reply conflicts
Stabilization or decline	Conventional routine use OR metacommentary about overuse	Commercialization; moderation norms; rapid trend cycles

Table 2. *Slang life-cycle stages and operational signals*

Conclusion

The evolution of English slang in the twenty-first century is increasingly shaped by platform infrastructures. Social media platforms influence not only the speed of diffusion but also the form and meaning trajectories of slang items. Character limits, hashtags, algorithmic feeds, multimodal performance, remix tools, moderation, and monetization create distinct conditions for innovation, uptake, contestation, and semantic change. As slang migrates across platforms, meanings are reanalyzed and sometimes stabilized through enregisterment, while other items undergo rapid bleaching and decline.

By integrating sociolinguistic concepts (indexicality, communities of practice, enregisterment) with platform affordance analysis and a mixed-method research design, researchers can describe slang evolution more accurately in contemporary digital publics. For language education and translation practice, the key implication is pragmatic awareness: understanding and preserving meaning requires attention to context, community norms, and platform-specific interaction patterns. Slang is not a fixed vocabulary list; it is a dynamic social resource whose meanings are negotiated in public, mediated by socio-technical systems, and continually reshaped by the platforms through which people communicate.

References:

1. Agha, A. (2003). The social life of cultural value. *Language & Communication, 23*(3–4), 231–273.
2. AoIR. (2020). *Internet research: Ethical guidelines 3.0.* Association of Internet Researchers.
3. Bamman, D., Eisenstein, J., & Schnoebelen, T. (2014). Gender identity and lexical variation in social media. *Journal of Sociolinguistics, 18*(2), 135–160.
4. Bucholtz, M., & Hall, K. (2005). Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies, 7*(4–5), 585–614.
5. Crystal, D. (2011). *Internet linguistics: A student guide.* Routledge.
6. Eisenstein, J. (2013). *What to do about bad language on the internet.* In Proceedings of NAACL-HLT 2013 (pp. 359–369). Association for Computational Linguistics.
7. Fairclough, N. (1995). *Media discourse.* Edward Arnold.
8. Herring, S. C. (2004). *Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior.* In S. A. Barab, R. Kling, & J. H. Gray (Eds.), Designing for virtual communities in the service of learning (pp. 338–376). Cambridge University Press.
9. Kulkarni, V., Al-Rfou, R., Perozzi, B., & Skiena, S. (2015). *Statistically significant detection of linguistic change.* In Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web (pp. 625–635). ACM.
10. Rogers, E. M. (2003). *Diffusion of innovations (5th ed.).* Free Press.
11. Silverstein, M. (2003). Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language & Communication, 23(*3–4), 193–229.
12. van Dijk, T. A. (1988). *News as discourse.* Lawrence Erlbaum.
13. Wenger, E. (1998). *Communities of practice: Learning, meaning, and identity.* Cambridge University Press.
14. Zappavigna, M. (2012). *Discourse of Twitter and social media: How we use language to create affiliation on the web.* Continuum.

Advertising slogans: the relationship between language and marketing

Aliyeva Dilnoza Khasanovna
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Annotation *The main purpose of this article is to examine the role of advertising slogan language in marketing. It highlights the remarkable features of advertising language observed in mass media advertisements. The article also analyzes numerous linguistic strategies and characteristics of advertising language, as well as its pedagogical implications within the context of linguistic and communicative approaches. Like all advertising messages, slogans are designed to attract the attention of the target audience; therefore, the language of advertising slogans plays a crucial role in marketing by encouraging consumers' desire and motivating them to take action.*

Keywords *Advertising slogan, brand, marketing, commercial advertising, foreign language, product/service, unfamiliar language, consumer, complexity, comprehension*

Reklama sloganlari: til va marketing o'rtasidagi bog'liqlik

Aliyeva Dilnoza Xasanovna
Samarqand davlat chet tillar instituti

Annotatsiya *Ushbu maqolaning asosiy maqsadi reklama sloganlar tilining marketingdagi o'rniga qaratilgan. Bu ommaviy axborot vositalari reklamalarida kuzatilgan reklama tilining ajoyib xususiyatlarini ta'kidlaydi. Maqolada, shuningdek, tilshunoslik va kommunikativ yondashuv kontekstida reklama tilining pedagogik oqibatlari bilan bog'liq ko'plab reklamalarning lingvistik strategiyalari va xususiyatlari tahlil qilinadi. Barcha reklama xabarlari singari, reklama shiorlar maqsadli aholi e'tiborini jalb qilish uchun mo'ljallangan, ya'ni, marketingda xaridorlarni istak va harakatga undash uchun reklama sloganlari tili muhim ahamiyatga ega.*

Kalit so'zlar *Reklama shiori (slogan), brend, marketing, tijorat reklamasi, chet tili, mahsulot/xizmat, notanish til, iste'molchi, murakkablik, tushunish*

Рекламные слоганы: связь между языком и маркетингом

Алиева Дилноза Хасановна
Самаркандский государственный институт иностранных языков

Аннотация *Основная цель данной статьи – рассмотреть роль языка рекламных слоганов в маркетинге. В ней подчеркиваются особенности языка рекламы, наблюдаемые в средствах массовой информации. В статье также анализируются многочисленные лингвистические стратегии и характеристики рекламного языка, а также его педагогические аспекты в контексте лингвистического и коммуникативного подходов. Как и все рекламные сообщения, слоганы предназначены для привлечения внимания целевой аудитории; следовательно, язык рекламных слоганов играет важную роль в маркетинге, побуждая потребителей к желанию и действию.*

Ключевые слова *Рекламный слоган, бренд, маркетинг, коммерческая реклама, иностранный язык, продукт/услуга, незнакомый язык, потребитель, сложность, понимание*

Reklama shiorlari brend yaratishning muhim elementlari hisoblanadi. Shiorlar kompaniyaning marketing strategiyasi va brending jarayonining muhim qismini tashkil qilsa-da, shiorlar nima ekanligi haqida ba'zi bir asoslarni yoritib berish yoki shiorlar haqida ba'zi faktlarni, ularning boshqa marketing vositalaridan farqini, turlarini va jozibali, ijodiy va maqtovga sazovor shior xazinasi sari yakuniy qadamlarini bilish muhimdir. Reklama sloganlar har qanday mahsulotning jozibadorligini umumlashtirishga qaratilgan potentsial mijozlar uchun esda qolarli, qisqa so'zlar birikmasidir. Shiorlar brend imidjini yaratishi yoki buzishi mumkin, chunki u kompaniya logotipi bilan birga mijozga qaratiladigan birinchi va asosiy strelkadir. Har qanday mahsulot yoki xizmat bilan tajriba orttirishdan oldin, iste'molchi birinchi navbatda reklama shiori bilan duch keladi. Esda qolarli shior kompaniya brendini eslab qolish va aniqlashga yordam beradi.

Reklama shiori – bu mahsulot taklifining jozibadorligini o'z ichiga olgan qisqa va o'chmas ibora. Shiorlar har doim "qisqa va ixcham" bo'lishi kerak ta'riflanadi va buning o'ziga xos psixologik asoslari bor – inson biror bir mahsulot yoki xizmat haqida birinchi taassurotni shakllantirishi uchun taxminan 7 soniya yetarli bo'ladi, deb hisoblanadi. Shuning uchun shiorlar "kamso'z va muxtasar" bo'lishi kerak (EFEPI, 2013). Ta'rifning keyingi qismi reklama shiorlarini "o'chmas ibora" deb ataydi. Buning sababi shundaki, shiorlar esda qolarli va jozibali bo'lishi kerak. o'chirilmaydigan element qofiya sxemasi yoki hazil yoki pop-madaniyatga havolalar orqali bo'lishi mumkin.

Reklama sloganlari tili marketing maydonida har qanday mahsulot yoki xizmatni ilgari surishda katta ahamiyat kasb etadi. Sloganlarda ishlatiladigan chet tillar qo'llanilishi o'zining ramziy ahamiyati (ular keltirib chiqaradigan stereotiplar) bilan birinchi navbatda turadi va shu bois iste'molchilarning reklama tilida foydalanilayotgan chet tilini tushunishi ikkinchi o'rinda turishi e'tirof qilingan. Reklama sloganlarida ishlatiladigan chet tillarning murakkabligi ta'sirini o'rganishga qaratilgan eksperimental tadqiqotlar asosan murakkablikning sloganing o'ziga bo'lgan baholanishiga (yoqish darajasiga) qanday ta'sir qilishiga e'tibor qaratgan.

Ushbu tadqiqotning maqsadi mahsulot reklamalarida ishlatilgan qiyin va oson inglizcha sloganlarning faqat matn bahosidan tashqariga chiqadigan baholashlarga qanday ta'sir qilishini aniqlashdan iborat edi.

Subyekt ichidagi eksperimental dizaynda 128 nafar gollandiyalik ishtirokchi qiyin va oson inglizcha sloganlarga ega bo'lgan oltita gollandcha reklamani baholadi. Bog'liq o'zgaruvchilar sifatida slogan bahosi, reklama va mahsulotga bo'lgan munosabat hamda xarid qilish niyati olindi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, oson inglizcha sloganlar qiyin inglizcha sloganlarga qaraganda xaridorlar tomonidan yaxshiroq qabul qilingan va odatda reklama va mahsulotga nisbatan ijobiyroq munosabat hamda yuqoriroq xarid qilish niyatini yuzaga keltirgan (Hendrinks et al., 2017). Demak, tushunilishi qiyin bo'lgan chet tilidagi sloganlar reklama samaradorligiga salbiy ta'sir ko'rsatadi va bu ta'sir faqat matn bahosi bilan cheklanib qolmaydi.

Ingliz tili ona tili bo'lmagan mamlakatlardagi reklamada reklama beruvchilar muntazam ravishda ingliz tilidan foydalanadilar (Bhatia, 1992). Piller ta'kidlaganidek, "ingliz tilida so'zlashmaydigan mamlakatlarda (albatta, mahalliy tildan

tashqari) reklama xabarlarida ingliz tili eng ko'p qo'llaniladigan tildir" (Piller, 2006). Gollandiya reklamada ingliz tilidan tez-tez foydalaniladigan mamlakatga misol bo'la oladi. Masalan, 2004-yilda nashr etilgan Elle brendining Gollandiya nashridagi 325 reklamaning 64 foizida bir yoki bir nechta inglizcha so'z bor edi (Gerritsen et al., 2007). Ingliz tili Gollandiya kabi mamlakatlardagi iste'molchilar uchun ona tili bo'lmaganligi sababli, reklamada ingliz tili har doim ham tushunilmasligi mumkin. Aslida, Gerritsen bosma ommaviy axborot vositalaridagi reklamalardagi inglizcha iboralarning 39 foizi Belgiya, Frantsiya, Germaniya, Niderlandiya va Ispaniya ishtirokchilari tomonidan to'g'ri ta'riflanmaganligini aniqladi. Demak, savol shundaki, reklamalardagi ingliz tilini tushunish iste'molchilarni ishontirishda qay darajada muhim.

Gollandiya ingliz tilini bilish testlari asosidagi ingliz tilini bilish darajasi indeksi (EFEPI, 2013) bo'yicha dunyoning 70 mamlakati orasida ikkinchi o'rinda turadi. Bundan tashqari, ingliz tili ommaviy axborot vositalarida hamma joyda mavjud. Filmlar va seriallarning aksariyati ingliz tilidagi asl nusxada subtitrlar bilan efirga uzatiladi. Reklamada inglizcha so'zlar va iboralar ham bosma ommaviy axborot vositalarida, ham radio va televideniedagi reklamalarda keng qo'llaniladi, marketing maydonida to'liq inglizcha reklamalar ham kuzatiladi, lekin kamdan kam vaqtlarda to'liq ingliz tilida bo'lgan sloganlarni uchratish mumkin.

Reklamada chet tillaridan foydalanish haqidagi adabiyotlarda ko'pincha shunday holat qayd etiladiki, chet tilidagi ifodaning tushunilishi ikkinchi darajali ahamiyatga ega, chunki chet tilini ishlatishdan maqsad xabar mazmunini yetkazish emas, balki chet tilining ramziy ahamiyatini ko'rsatishdir. Masalan, Ingrid Piller shunday deydi: "Agar auditoriya ingliz tilidagi ifodaning aniq ma'nosini tushunmasa ham, u xabarning ingliz tilida ekanini tan oladi va ingliz tili haqidagi stereotiplarini faollashtiradi" (Piller, 2006). Bu qarashga ko'ra, reklamada ishlatilgan inglizcha so'z yoki iboraning ma'nosini bilmagan iste'molchi hech bo'lmaganda uning ingliz tilida ekanini anglaydi. Bu anglash ingliz tili haqidagi stereotiplarni uyg'otadi va keyinchalik ular reklama qilinayotgan mahsulotga ko'chiriladi. Ingliz tili bilan bog'liq stereotipik tasavvurlarga zamonaviylik, nufuz, xalqaro yo'nalish va nafislik kabi tushunchalar kiradi. Kuppens esa shuni ta'kidlaydiki, reklamalarda ba'zan "faqat inglizchaga o'xshab eshitiladigan, lekin ma'nosiz so'zlar yoki gaplar" ham uchraydi, bu esa reklamada ishlatilgan chet tilining ma'nosi emas, balki u uyg'otadigan obraz muhim ekanini ko'rsatadi (Kuppens, 2010). Ishontirish jarayonida tushunishning roli bo'yicha muhokama qilsak kamroq tushunish kamroq ishontirishga olib kelishini ta'kidlaydi, chunki unchalik yaxshi tushunilmagan xabar kamroq baholanadi. Reklamalarda chet tilini tushunishning ta'siri bo'yicha oz sonli empirik tadqiqotlar natijalari bu fikrni tasdiqlaydi. Bir tadqiqot shuni ko'rsatdiki, gollandiyalik tomoshabinlarning televidenie reklamalarida ingliz tilidagi og'zaki iboralarga munosabati ularning ushbu iboralarni transkripsiya qilishning aniqlik darajasi (tushunishning bilvosita o'lchovi) bilan bashorat qilingan. Gollandiyalik ishtirokchilar bilan olib borilgan yana ikkita tadqiqot shuni ko'rsatdiki, oson fransuz va ingliz shiorlari bu tillardagi qiyin shiorlarga qaraganda ko'proq qadrlanadi. Ushbu ikki tadqiqot, shuningdek, fransuz va ingliz shiorlari oson bo'lganida, ishtirokchilar ushbu shiorlarning golland tilidagi tarjimalari bilan e'lonlardan ko'ra fransuz va ingliz shiorlari bilan reklamalarni afzal ko'rganligini ko'rsatdi. Qiyin fransuz shiorlari uchun ishtirokchilar ushbu shiorlarning gollandcha tarjimalari bilan reklamalarni afzal ko'rishdi. Qiyin ingliz sloganlari uchun afzalliklarda farqlar yo'q edi. Hornikx va Starren, van Meurs va de Bur tomonidan olib borilgan tadqiqotlarda reklama sloganlarning murakkabligi (qiyin-oson) tushunish o'lchovi sifatida ishlatilgan. Ikkala tadqiqotda ham murakkablik va tushunish o'rtasidagi bog'liqlik dastlabki testda sinovdan

o‘tkazildi, bu qiyin shiorlar tez-tez noto‘g‘ri tarjima qilinganligini va oson shiorlarga qaraganda qiyinroq deb baholanganligini ko‘rsatildi. Bundan tashqari, Hornikx, van Meurs va de Bur ko‘pincha noto‘g‘ri tarjima qilingan va qiyinroq deb baholangan shiorlar kamroq baholanganligini ko‘rsatdi. Shunday qilib, bu ikki tadqiqot oldindan belgilangan murakkablik va haqiqiy idrok etilgan tushunish o‘rtasidagi aniq bog‘liqlikni ko‘rsatadi.

Shaxsiy tushuntirish orqali shuni aniqlash mumkinki, shiorlar shunchaki jozibali so‘zlar guruhi emas; ular iste’molchilar ongida ishonchli tasvirni yaratishga qaratilgan strategik urinishdir. Sloganlarning asosiy maqsadi mahsulot yoki xizmatni sotishdir. Shiorning maqsadi brendning soya identifikatori sifatida harakat qilish va ma’lum bir mahsulot/xizmatni ilgari surishdir.

Haqiqiy muvaffaqiyatli reklama slogani nafaqat brend uchun foyda, balki uzoq muddatli majburiyat hamdir. Bu brendingizning DNKsiga o‘xshaydi. U tegishli mahsulot/xizmatning ideallarini o‘z ichiga oladi va mijozlarga ham, xodimlarga ham xuddi shunday tasvirlanadi. Shuningdek reklama tili mahsulot sotish hajmini oshirishga qaratilgan hamda mijozlarga hissiy darajada ta’sir o‘tkazishga qaratilgan. Shuning uchun sloganlar ko‘pincha maqsadli auditoriya uchun kundalik vaziyatlar bilan bog‘liq.

Brend sloganlari mahsulot/xizmatni sotish, shuningdek, bir qator mahsulot va xizmatlarni taklif qiluvchi kampaniyani targ‘ib qiladi. Shiorlar kompaniya haqida ko‘proq ma’lumot berishga qaratilgan, ayniqsa narx strategiyasi, xizmatlar yoki mijozlar nimani kutishlari haqida ko‘proq ma’lumot olish orqali. Boshqa hollarda, shior ko‘proq narsani ochib berishi mumkin, masalan, texnologiya kompaniyasi shiori uning farqlarini ta'kidlaydi yoki poyabzal kompaniyasi iste'molchilarni o‘z maqsadlariga erishishga undashi mumkin. Ushbu shiorlarning maqsadi kompaniyani ajratib turadigan brend identifikatorini yaratish va ushbu brendning afzalliklarini his qilishni xohlaydigan iste'molchilarni taklif qilishdir. Shiorning yana bir muhim funktsiyasi - brendni mijozlar ongida eng maqbul va foydali tarzda joylashtirishdir. Nima uchun bu joylashuv muhim? Joylashtirish brendni boshqalardan ajratib turadi. Bugungi kunda bozorni o‘zgartirish qudratiga nafaqat brendlar, balki iste’molchilar ham ega.

Boshqa reklama elementlari (matn, spetsifikatsiya, rasm, logotip, video, musiqa) bilan bir qatorda, reklama shiori ishlab chiqarilgan mahsulot, ko‘rsatilgan xizmat yoki u taqdim etayotganligi sababli taniqli tasvirni rivojlantirishga yordam beradi. Misol uchun, quyidagi “Har qanday kir yuvish mashinasi Calgon bilan uzoq umr ko‘radi” shiori Calgon idish yuvish mashinasi planshetlari aqlli va texnologiyaga mos mahsulotlar ekanligini ko‘rsatadi. Bu muqarrar ravishda bir xil sifat va narxga ega bo‘lgan mahsulotlar orasida ularning raqobatbardoshligini oshiradi. Jozibali jiringlash bilan birgalikda shior iste'molchi xotirasida abadiy qolishi mumkin. Nike kompaniyasining oddiy logotipi va xuddi shunday oddiy shiori “Shunchaki buni qiling – to‘xtamang, kechiktirmang” degan maslahat butun dunyo bo‘ylab minglab odamlarni divandan tushishga va “buni qiling”, ya’ni ochiq havoga chiqishga, mashq qilishni va Nike mahsulotlarini sotib olishni boshlashga undadi. Shunday qilib, u iste’molchilarning ongida qoladi va ularni olish uchun jalb qiladi. Boshqalar esa, brend faolligini ota-onalariga qaraganda ancha ilg‘or va siyosiyroq bo‘lgan yosh auditoriyani nishonga olish usuli deb bilishadi. Ming yillikka erishish uchun brendlar avlod yaratgan siyosiy energiyadan foydalanishi va yoshlarga o‘z pozitsiyasini egallashi mumkinligini ko‘rsatishi kerak.

Xulosa qilib aytganda, reklama shiorlar (sloganlar) tili lingvistik usullar va badiiy ifoda vositalari bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, ular turli lingvistik darajalarda tahlil qilinadi. Badiiy (obrazli) til reklamada muhim o‘rin tutadi, chunki u an’anaviy ravishda notiqlar, shoirlar, badiiy adabiyot yozuvchilari va hatto hissiy muloqotda ham afzal ko‘riladigan til

hisoblanadi. Tahliliy nuqtayi nazardan qaraganda, ushbu tadqiqot shuni ko‘rsatadiki, obrazli til ma’noni to‘g‘ridan-to‘g‘ri yoki so‘zma-so‘z tarzda ifodalamaydi, balki uni uslubiy va ifodaviy lingvistik vositalar orqali bilvosita yetkazadi.

References:

1. Bhatia, T. K. (1992). Discourse functions and pragmatics of mixing: Advertising across cultures. *World Englishes, 11*(2–3), 195–215. Syracuse University.
2. Education First. (2013). *EF English Proficiency Index* (3rd ed.). Education First.
3. Gerritsen, M., Korzilius, H., van Meurs, F., & Gijsbers, I. (2007). English in product advertisements in Belgium, France, Germany, the Netherlands and Spain. *Journal of Advertising Research, 40*(4), 17–31.
4. Hendriks, B. C., van Meurs, F., & Poos, C. (2017). Effects of difficult and easy English slogans in advertising for Dutch consumers. *Journal of Current Issues and Research in Advertising, 38*(2), 184–196.
5. Piller, I. (2006). Identity constructions in multilingual advertising. In *Linguistics Department, University of Sydney* (pp. 153–186). University of Sydney.
6. Kuppens, A. H. (2010). English in advertising: Generic intertextuality in a globalizing media environment. *Applied Linguistics, 31*(1), 115–135. Oxford Academic.

Analysis of grammatical transformations in publicistic texts

Ismoilova Gulshoda Turaboy qizi
ismoilovagulshoda97@gmail.com
Doctoral Researcher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article provides a comparative analysis of grammatical transformations occurring in publicistic texts translated from Uzbek into English. The theoretical foundations of the concepts of publicism, newspaper language, and media text are explained through the views of scholars in this field, and their role in translation studies is demonstrated. Articles from the website yuz.uz were selected as research material, and the texts published in Uzbek were compared with their English translations. In the course of the analysis, it was determined that there are significant differences in sentence structure and syntactic organization between Uzbek and English. In particular, the formation of word order in both languages, the position of the predicate in the sentence, the placement of the subject and secondary parts of the sentence, as well as the principles of using verb tenses differ from one another. While sentence structure in Uzbek is relatively flexible, strict word order is of primary importance in English. Therefore, these structural differences create certain difficulties in the translation process. In order to overcome these differences and ensure that the translated text is semantically accurate, stylistically fluent, and natural, grammatical transformations are widely used. The results of the analysis showed that among the transformations, changing word order, rearranging sentence elements, and substituting verb tenses according to context are the most frequently used methods. Such changes contribute to increasing the communicative effectiveness of the translated text.*

Keywords *Publicism, newspaper language, media text, translation, grammatical transformation, word order, verb tenses*

Publitsistik matnlarda grammatik transformatsiyalar tahlili

Ismoilova Gulshoda Turaboy qizi
ismoilovagulshoda97@gmail.com
Tayanch doktorant,
O'zbekiston davlat Jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada o'zbek tilidan ingliz tiliga tarjima qilingan publitsistik matnlarda uchraydigan grammatik transformatsiyalar qiyosiy tahlil qilingan. Publitsistika, gazeta tili va mediamatn tushunchalarining nazariy asoslari mazkur soha olimlari tomonidan berilgan fikrlar bilan yoritilib, ularning tarjimashunoslikdagi o'rni ko'rsatib berilgan. Tadqiqot materiali sifatida yuz.uz sayti maqolalari tanlab olingan bo'lib, o'zbek tilida e'lon qilingan matnlar ularning ingliz tilidagi tarjimalari bilan o'zaro solishtirilgan. Tahlil jarayonida o'zbek va ingliz tillarining gap qurilishi hamda sintaktik tuzilishida sezilarli tafovutlar mavjudligi aniqlandi. Jumladan, har ikki tilda so'z tartibining shakllanishi, kesimning gapdagi o'rni, ega va ikkinchi darajali bo'laklarning joylashuvi, shuningdek, fe'l zamonlarining qo'llanish tamoyillari bir-biridan farq qiladi. O'zbek tilida gap tuzilishi nisbatan erkinroq bo'lsa, ingliz tilida qat'iy so'z tartibi ustuvor ahamiyat kasb etadi. Shu bois mazkur struktur farqlar*

tarjima jarayonida muayyan qiyinchiliklarni yuzaga keltiradi. Ushbu tafovutlarni bartaraf etish, tarjima matnining mazmunan aniq, usluban ravon va tabiiy chiqishini ta'minlash maqsadida grammatik transformatsiyalardan keng foydalaniladi. Tahlil natijalari shuni ko'rsatdiki, transformatsiyalar ichida ayniqsa so'z tartibini o'zgartirish, gap bo'laklarini qayta joylashtirish hamda fe'l zamonlarini kontekstga mos ravishda almashtirish eng ko'p qo'llaniladigan usullar hisoblanadi. Bu kabi o'zgarishlar tarjima matnining kommunikativ samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *Publitsistika, gazeta tili, mediamatn, tarjima, grammatik transformatsiya, so'z tartibi, fe'l zamonlari*

Анализ грамматических трансформаций в публицистических текстах

Исмоилова Гулшода Турабой кизи
ismoilovagulshoda97@gmail.com
Базовый докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье проведён сравнительный анализ грамматических трансформаций, встречающихся в публицистических текстах, переведённых с узбекского языка на английский. Теоретические основы понятий публицистики, газетного языка и медиатекста освещены на основе взглядов учёных данной области, а также показано их место в переводоведении. В качестве материала исследования были отобраны статьи сайта yuz.uz, при этом тексты, опубликованные на узбекском языке, сопоставлены с их английскими переводами. В ходе анализа было установлено, что в построении предложений и синтаксической структуре узбекского и английского языков существуют значительные различия. В частности, формирование порядка слов в обоих языках, положение сказуемого в предложении, размещение подлежащего и второстепенных членов предложения, а также принципы употребления времён глагола отличаются друг от друга. Если в узбекском языке структура предложения относительно свободна, то в английском языке строгий порядок слов имеет приоритетное значение. В связи с этим данные структурные различия создают определённые трудности в процессе перевода. Для преодоления этих различий и обеспечения семантической точности, стилистической плавности и естественности текста перевода широко используются грамматические трансформации. Результаты анализа показали, что среди трансформаций наиболее часто применяются изменение порядка слов, перестановка членов предложения и замена времён глагола в соответствии с контекстом. Подобные изменения способствуют повышению коммуникативной эффективности переводного текста.*

Ключевые слова *Публицистика, газетный язык, медиатекст, перевод, грамматическая трансформация, порядок слов, времена глагола*

Kirish

Bugungi globallashuv va tezkor axborot almashinuvi davrida publitsistik matnlar jamiyat hayotida alohida o‘rin egallaydi. Ommaviy axborot vositalari orqali tarqatiladigan xabarlar nafaqat ijtimoiy-siyosiy voqelikni yoritadi, balki o‘quvchi ongiga ma’lum darajada ta’sir ko‘rsatadi. Shu bois publitsistik matnlarni boshqa tilga adekvat tarzda ko‘chirish, xususan, grammatik jihatdan to‘g‘ri moslashtirish masalasi tarjimashunoslik va medialingvistika doirasida dolzarb ilmiy yo‘nalishlardan biri hisoblanadi.

O‘zbek tilining izohli lug‘atida “publitsistika” tushunchasiga ham shu mazmunga yaqin tarzda ta’rif beriladi. Unda qayd etilishicha, “publitsistika” so‘zi lotincha “publicus” so‘zidan olingan bo‘lib, “jamiyatga, jamoatchilikka oid” ma’nosini anglatadi va davrning dolzarb ijtimoiy-siyosiy masalalari hamda jamiyatning kundalik hayotiga bag‘ishlangan adabiyot turi sifatida izohlanadi. Shuningdek, ushbu janrga xos maqola, ocherk, pamflet, felyeton kabi asarlar majmui publitsistika doirasiga kiradi (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, 2023). Bundan kelib chiqib aytishimiz mumkinki, publitsistik matn – jamiyatning dolzarb ijtimoiy-siyosiy hayoti va kundalik voqeliklarini yoritishga qaratilgan, ommaviy axborot vositalarida keng tarqaladigan matn shaklidir. U nafaqat fakt va hodisalarni xolisona bayon etadi, balki o‘quvchi yoki tinglovchi ongiga ma’lum darajada ta’sir ko‘rsatish, ularni muayyan ijtimoiy-siyosiy qarashlarga yo‘naltirish vazifasini ham bajaradi. Shu nuqtada gazeta va uning tili ham alohida ahamiyat kasb etadi. Gazeta – publitsistik uslubning asosiy ifoda vositalaridan biri bo‘lib, u tezkor axborot yetkazish, ijtimoiy-siyosiy hayotni yoritish va keng omma bilan muloqot qilishning eng faol shaklidir. Gazeta tili esa publitsistik uslubning amaliy ko‘rinishi bo‘lib, qisqa, lo‘nda, ta’sirchan va tushunarli ifodasi bilan ajralib turadi. U faktlarni tezkor yetkazish bilan birga, o‘quvchi dunyoqarashiga bevosita ta’sir ko‘rsatish, ularni muayyan fikr va xulosalarga yo‘naltirish vazifasini bajaradi.

Gazeta tushunchasiga to‘xtaladigan bo‘lsak: Gazeta (ital. gazzetta – chaqa pul) kundalik voqealar tog‘risidagi materiallar e’lon qilinadigan davriy bosma nashr. Ommaviy axborot va targ‘ibotning asosiy vositalaridan biri. Uning vazifasi jamiyatning axborotga bo‘lgan extiyojini, ma’naviy-intelektual talablarini qondirishdan iborat (O‘zbekiston milliy ensiklopediya, 2005).

Tilshunos olim D.M. Teshabayeva gazetani yangi so‘z, ibora va birikmalarning eng sezgir ko‘zgusi sifatida baholaydi. Uning fikricha, gazeta jamiyat hayotining barcha sohalarida sodir bo‘layotgan o‘zgarishlarni boshqa har qanday vositalardan tezroq aks ettiradi va ko‘p hollarda umumxalq leksikasiga kirib kelayotgan yangi so‘z va iboralarni qayd etuvchi birinchi yozma manba bo‘lib qoladi. Standartlashtirishda ham aynan ommaviy muloqot tili, ya’ni gazeta-publitsistik uslub yetakchilik qiladi (Teshabaeva, 2012).

“Gazeta tili” atamasi ko‘pincha “gazeta-publitsistik uslub” atamasi bilan sinonim tarzda qo‘llanadi. U gazeta matnlari nutqini funksional-uslubiy farqlashning umumiy tizimi nuqtai nazaridan o‘rganishda keng qo‘llanadi. Tadqiqotchilar gazeta va publitsistik nutq tizimida zamonaviy tilshunoslikning deyarli barcha uslublari aks etganini ta’kidlashadi va shu sababli uni murakkab hamda ko‘p qirrali hodisa sifatida baholaydilar (Васильева, 1982).

Gazeta publitsistik uslubning asosiy ifoda vositasi ekanligini gazeta tili esa publitsitik uslubning amaliy ko‘rinishi ekanligiga to‘xtalib o‘tdik. Bundan tashqari shuni ham takidlashimiz kerakki medilaingvistika nuqtayi nazaridan qaralganda publitsistik matnlar mediamatn sifatida talqin qilinadi. Demak, gazeta matnlari publitsistik uslubning asosiy mahsuli hamda mediamatnning muhim ko‘rinishi sanaladi. Mediamatn [media + matn] media ko‘rinishi va janridagi matn bo‘lib ommaviy axborot vositalarida (matbuot,

televideniye, radio, internet va ijtimoiy tarmoqlar) uzatiladigan axborot shakllarini ifodalaydi (O‘zbek tilining izohli lug‘ati, 2023).

M.N. Volodina fikricha, “mediamatn zamonaviy jamiyatda axborot almashish jarayonining asosiy vositasi bo‘lib, u nafaqat ma’lumot uzatish, balki ijtimoiy qadriyatlarni shakllantirishda ham muhim rol o‘ynaydi” (Володина, 2003).

G. Pocheptsovning ta’kidlashicha, mediamatn “har qanday media mahsuloti yoki kommunikativ matn” bo‘lib, u turli media tuzilmalariga (verbal, vizual, akustik yoki multimedia) va turli media muhitlariga (matbuot nashrlari, radio, televideniye, Internet, mobil va sun’iy yo‘ldosh aloqalari va boshqalar) kiritilishi mumkin (Почепцов, 1999).

Demak, mediamatnni boshqa tilga ko‘chirish masalasi tarjimashunoslikda alohida yo‘nalish – media tarjimasi sifatida shakllandi. Media tarjimasining nazariy asoslari XX asrning ikkinchi yarmida shakllana boshlagan bo‘lib, XXI asrda yanada rivojlandi. Bu sohadagi dastlabki muhim tadqiqotlardan biri nemis tilshunosi Katherina Reiss tomonidan 1971 yilda chop etilgan “Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik” asaridir. Ushbu ishida u tarjima sifati va matn turlariga asoslangan yondashuv orqali tarjima tanqidining metodologik asoslarini ishlab chiqqan.

Rossiyalik tarjimashunoslar V.N. Komissarov, L.S. Barxudarov va A.D. Shveytser tarjima nazariyasining shakllanishi va rivojlanishida, xususan media tarjimasining nazariy asoslarini ishlab chiqishda muhim hissa qo‘shganlar. Jumladan, V.N. Komissarov o‘z tadqiqotlarida tarjimaning kommunikativ jihatlariga e’tibor qaratib, tarjima jarayonining maqsadi, funksiyasi va kontekstga bog‘liqligini tahlil qilgan. Bu yondashuv media matnlarini tarjima qilishda ham qo‘llanilishi mumkin bo‘lgan asosiy nazariy tamoyillarni belgilaydi.

Mazkur mavzuning dolzarbligi shundaki, o‘zbek va ingliz tillarining grammatik tizimi sezilarli farqlarga ega. Ingliz va o‘zbek tillarining til oilalari va tarixiy rivojlanishidan kelib chiqadigan lingvistik tuzilmalari turli o‘lchovlar, jumladan sintaksis, morfologiya va fonologiya bo‘yicha sezilarli darajada farqlanadi. Ingliz tili, Hind-yevropa tili sifatida asosan ushbu til oilasidagi ko‘plab tillarga xos bo‘lgan predmet-fe’l-ob’ekt (SVO) so‘z tartibiga amal qiladi. Aksincha, turkiy tillar oilasiga mansub o‘zbek tilida odatda turkiy tillar orasida umumiy sintaktik xususiyatni aks ettiruvchi predmet-ob’ekt-fe’l (SOV) so‘z tartibi namunasi qo‘llaniladi. Shu sababli publitsistik matn tarjimasida grammatik transformatsiyalarning to‘g‘ri qo‘llanishi matnning mazmuniy yaxlitligi va kommunikativ ta’sirini ta’minlashda hal qiluvchi ahamiyatga ega. Ushbu tadqiqotimizning yangiligi publitsistik matn tarjimasida uchraydigan grammatik transformatsiyalar maxsus ravishda o‘zbek va ingliz tilidagi misollar asosida tizimli tahlil qilishdan iborat. Avvalgi tadqiqotlarda Komissarov, Barkhudarov, Garbovskiy, Lvovskaya, Shveytser, Nevmark, Vinay, Nelyubin, G‘ofurov, Qambarov, Mo‘minov, Musaev kabi olimlar tomonidan grammatik transformatsiyalar umumiy tarjimashunoslik nuqtayi nazaridan o‘rganilgan bo‘lsa, ushbu ishda ular aynan media matnlar kontekstida, dolzarb publitsistik materiallar asosida ko‘rib chiqildi.

Tadqiqotning maqsadi – o‘zbek va ingliz publitsistik matnlarini tarjima qilish jarayonida uchraydigan grammatik transformatsiyalarni aniqlash va ularning kommunikativ funksiyasini yoritishdan iborat.

Tadqiqotning vazifalari quyidagilardan iborat:

1. Puslististika va publitsistik uslub tushunchasining nazariy asoslarini ko‘rib chiqish;
2. Gazeta tili va mediamatn tushunchalariga izoh berish;
3. Mediamatn tarjimasi tarixi va medimatn tarjimasi bo‘yicha olimlar fikrini ko‘rib chiqish.
4. O‘zbek va ingliz tillari sintaktik tizimining o‘zaro moslashuv xususiyatlarini tahlil qilish;

5. Transformatsiyalarning mazmun va uslubni saqlashdagi rolini ochib berish.

Muammoning tarixiga oid ma'lumotlar shuni ko'rsatadiki, Tarjima nazariyasida "transformatsiya" atamasi ilk bor XX asrning 50-yillarida J. Xarris tomonidan qo'llanila boshlangan (Гарбовский, 2004). Ushbu atama tarjima nazariyasiga transformatsion grammatika yo'nalishidan kirib kelgan. Xarrisning fikricha, barcha murakkab sintaktik tuzilmalar oddiy shakllardan tarkib topgan hosila shakllardir. Shu munosabat bilan ularning shakllanishida transformatsion qoidalardan foydalanishga yo'l qo'yiladi, va bu qoidalar keyinchalik tarjima nazariyasiga ham o'tgan. Dastlab transformatsiyaning faqat besh turi aniqlangan edi: komponentlarning o'zaro almashtirilishi, tushirib qoldirish, qo'shimcha kiritish, so'z tartibini o'zgartirish va komponentlarning almashtirilishi (Harris, 1970). Biroq publitsistik matnlardagi grammatik transformatsiyalar alohida tadqiqot ob'ekti sifatida yetarlicha o'rganilmagan.

Tadqiqot materiali sifatida O'zbekistonning yetakchi onlayn OAVlaridan biri - yuz.uz saytida e'lon qilingan maqolalar tanlab olindi. Ushbu manbalar zamonaviy publitsistik diskursni aks ettirgani va o'zbek tilidagi yangiliklarni ingliz tiliga tarjima qilishda uchraydigan grammatik transformatsiyalarni ochib berish imkoniyatini berishi bilan ahamiyatlidir.

Asosiy qism

Mazkur tadqiqotda qiyosiy-lingvistik tahlil va deskriptiv metodlardan foydalanildi. Qiyosiy metod orqali Yuz.uz saytida chop etilgan publitsistik maqolalarning ingliz tiliga tarjimalari o'zbek tilidagi asl variantlari bilan solishtirildi. Deskriptiv yondashuv yordamida grammatik transformatsiyalarning turlari aniqlanib, ularning qo'llanish xususiyatlari izohlandi. Bundan tashqari, kontekstual tahlil usuli qo'llanib, transformatsiyalarning kommunikativ samaradorlikka ta'siri baholandi.

Olingan natijalar shuni ko'rsatdiki, publitsistik matnlarni o'zbek tilidan ingliz tiliga tarjima qilish jarayonida quyidagi grammatik transformatsiyalar muntazam kuzatildi:

Transpozitsiya (O'rin almashtirish) – so'z yoki gap bo'laklarining o'rnini o'zgartirish orqali sintaktik tuzilmani moslashtirish. Masalan, *"Prezident Shavkat Mirziyoyev 7-mart kuni sanoat uchun muhim minerallar xomashyo bazasini kengaytirish va qo'shilgan qiymatli mahsulotlar ishlab chiqarish bo'yicha taqdimot bilan tanishdi". On March 7, President Shavkat Mirziyoyev reviewed a presentation on expanding the raw material base of vital minerals in industry and producing high-value-added products* (Yuz.uz 05.11.2024).

O'zbek tilida "***Prezident Shavkat Mirziyoyev*** *7-mart kuni … tanishdi*" qismi (ega) gap boshida kelgan, ingliz tilida esa "***On March 7***, *President Shavkat Mirziyoyev reviewed …*" vaqt holi gap boshiga chiqarilgan.

"Prezident Shavkat Mirziyoyev saylovda ovoz berdi". "Bugun mamlakatimizda Oliy Majlis Qonunchilik palatasi va xalq deputatlari kengashlariga saylovlar bo'lib o'tmoqda". "President Shavkat Mirziyoyev votes in the elections". "Today, elections to the Legislative Chamber of the Oliy Majlis and the Councils of People's Deputies are taking place in Uzbekistan" (Yuz.uz 27.10.2024).

"Bugun mamlakatimizda" → ***"Today, … in Uzbekistan"***. O'zbek tilida o'rin holi "mamlakatizmizda" vaqt holidan "bugun" so'zidan keyin kelgan. Ingliz tilida esa o'rin holi "mamlakatimizda" so'zi aniqlashtirib "O'zbekiston" so'ziga o'zgartirilgan va gap oxiriga ko'chirilgan. Bu gapning sintaktik tuzilishini o'zgartirish orqali tabiiyroq bo'lishini ta'minlaydi.

"Bo'lajak parlament sayloviga tayyorgarlik ko'rish doirasida DIIHB kuzatuvchilari missiyasi faol ishlayotgani yuqori baholandi." "The active work of the ODIHR observation mission in preparation for the upcoming parliamentary elections was highly appreciated." O'zbekcha matnda "Bo'lajak parlament sayloviga tayyorgarlik ko'rish doirasida" (zamon yoki sharoit bildiruvchi qism) gap boshida joylashgan bo'lsa, ingliz tilida u gap

oxirida berilgan. Bu grammatik transformatsiyaning o'rin almashtirish (transposition) turiga misoldir.

"O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev Qozon shahrida bo'lib o'tayotgan BRIKS sammiti doirasida Vetnam Sotsialistik Respublikasi Bosh vaziri Fam Min Tin bilan uchrashuv o'tkazdi."

"As part of the BRICS Summit in Kazan, the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev met with the Prime Minister of the Socialist Republic of Vietnam Pham Minh Chinh."

O'zbekcha gapda Prezident va uning harakati (uchrashuv o'tkazdi) birinchi bo'lib kelgan, lekin inglizcha tarjimada "As part of the BRICS Summit in Kazan" degan qo'shimcha avval keltirilib, gap tarkibining o'rni o'zgartirilgan.

Fe'l zamonlarini moslashtirish – o'zbek tilidagi hozirgi zamon shakli ko'pincha ingliz tilida Present Perfect yoki Past Simple orqali ifodalanadi. Masalan, *"O'zbekiston va Tojikiston yetakchilari telefon orqali suhbatlashdi". "5-oktabr kuni O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev Tojikiston Respublikasi Prezidenti Emomali Rahmon bilan telefon orqali muloqot qildi".*

"The President of Uzbekistan holds a phone call with the President of Tajikistan". "On October 5, the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev held a telephone conversation with the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon" (Yuz.uz 5.10.2024). Bunda (o'tgan zamon hozirgi zamonga o'zgargan). *O'zbekiston va Tojikiston yetakchilari* ***telefon orqali suhbatlashdi****. The President of Uzbekistan* ***holds a phone call*** *with the President of Tajikistan.*

"O'zbekiston Prezidenti YXHT DIIHB missiyasi rahbarini qabul qildi". "O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev 25-oktabr kuni Yevropada xavfsizlik va hamkorlik tashkilotining Demokratik institutlar va inson huquqlari bo'yicha byurosi (YXHT DIIHB) parlament saylovini kuzatish bo'yicha missiyasi rahbari Duglas Ueykni qabul qildi".

"President of Uzbekistan receives the Head of OSCE/ODIHR Mission". "On October 25, the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev received the Head of the election observation mission from the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) Douglas Wake" (Yuz.uz 25.10.2024).

O'zbekiston Prezidenti YXHT DIIHB missiyasi rahbarini ***qabul qildi****. President of Uzbekistan* ***receives*** *the Head of OSCE/ODIHR Mission. (o'tgan zamon- hozirgi zamon)*

O'tkazilgan tadqiqotlar natijasida aniqlandiki, o'zbek va ingliz publitsistik matnlarini tarjima qilishda grammatik transformatsiyalar muhim ahamiyat kasb etadi. Xususan, so'z tartibini qayta qurish va fe'l zamonlarini moslashtirish publitsistik matnning mazmuniy aniqligi va uslubiy ravonligini ta'minlovchi asosiy vosita sifatida namoyon bo'ldi. O'zbek tiliga xos bo'lgan erkin so'z tartibi ingliz tilining qat'iy sintaktik me'yorlariga moslashtirilishi zarurligi, shu jarayonda gap bo'laklarining joylashuvi qayta tashkil qilinishi kuzatildi. Shuningdek, fe'l zamon shakllarini moslashtirish tarjimada voqelikni vaqt nuqtayi nazaridan aniq va izchil ifodalash imkonini berdi.

Tahlil asosida shuni qayd etish joizki, grammatik transformatsiyalar faqatgina lingvistik tafovutlarni bartaraf etish vositasi bo'lib qolmasdan, matnning kommunikativ samaradorligini ham kuchaytiradi. Bu jihat publitsistik tarjimaning adekvatligi va ekvivalentligini ta'minlashda alohida o'rin tutadi.

Tadqiqot natijalari ko'rsatadiki, mediamatn tarjimasida ayniqsa so'z tartibini moslashtirish eng samarali va ko'p qo'llaniladigan grammatik transformatsiyalardan biridir. Kelgusida ushbu jarayonni grammatik transformatsiyalarning boshqa turlari bilan qiyoslash hamda transformatsiyalarni avtomatik aniqlash imkoniyatlarini o'rganish ilmiy izlanishlar uchun istiqbolli yo'nalishlardan biri bo'lib qoladi.

References:

1. Гарбовский, Н. К. (2004). *Теория перевода: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация».* Москва: Издательство Московского университета.
2. Harris, Z. S. (1970). *Papers in structural and transformational linguistics.* Dordrecht: Reidel.
3. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. (2022). (III - jild). *Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa uyi.*
4. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. (2023). (III - jild). *Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa uyi.*
5. O‘zbekiston milliy ensiklopediya. (2000-2005). *Toshkent: Davlat ilmiy nashriyoti.*
6. Почепцов Г. Г. (1999). *Коммуникативные технологии XX века.* Киев.
7. Teshabaeva, D. M. (2012). *Ommaviy axborot vositalari tilining nutq madaniyati aspektida tadqiqi* (O‘zbekiston Respublikasi OAV misolida) (Filol.f.d.-ri dissertatsiya). Toshkent.
8. Васильева А.Н. (1982). *Газетно публицистический стиль речи.* Москва.
9. Володина М.Н. (2003). Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание. *In Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования.* Москва: Изд-во МГУ.
10. https://yuz.uz/uz

Linguocultural realization of epistemic modality in Uzbek and English: phraseological units, evidentiality, and cultural schemas

Turakulova Dilafruz Mamatsoli qizi
dilimturakulova1309@gmail.com
Doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines how epistemic modality – the linguistic encoding of the speaker's level of confidence, doubt, and (dis) belief in a proposition - is realized in Uzbek and English. The analysis combines the functional-semantic perspective of modality with a discussion of the evidential-epistemic boundary and a cultural-conceptual view of language as collective knowledge. The data set is drawn from literary discourse, primarily from the Uzbek novel "Shaytanat" by Tohir Malik and the English novel "The Godfather" by Mario Puzo, supplemented with illustrative examples fitting the genre. The units were categorized into three epistemic fields (certainty, doubt/suspicion, and uncertainty) and compared cross-linguistically. Results show that English typically marks epistemic stance through explicit lexical means – modal verbs, adverbs of manner, and first-person predicates (I think, I guess, probably), while Uzbek often favors indirect, interactionally sensitive strategies such as evidential verb forms, sentence-final particles (shekilli, bo'lsa kerak), and culturally loaded fate-oriented expressions (Xudo xohlasa, nasib qilsa). These contrasts reflect different cultural schemas of knowledge, politeness, and responsibility in communication.*

Keywords *Epistemic modality, evidentiality, phraseology, cultural conceptualization, Uzbek, English, certainty, doubt*

Ingliz va o'zbek tillaridagi epistemik modallikning lingvomadaniy ifodalanishi: frazeologik birliklar, evidensiallik va madaniy sxemalar

Turakulova Dilafruz Mamatsoli qizi
dilimturakulova1309@gmail.com
Tayanch doktorant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada epistemik modallik – so'zlovchining fikrga nisbatan ishonch, shubha va ishonmaslik darajasini til vositalari orqali ifodalash – o'zbek va ingliz tillarida qanday namoyon bo'lishi o'rganiladi. Tahlil modalllikning funksional-semantik jihati, dalilga asoslangan va epistemik chegaralar muhokamasi hamda tilning jamoa bilimi sifatidagi madaniy-konseptual qarashlarini qamrab oladi. Ma'lumotlar adabiy asarlardan, asosan Tohir Malikning "Shaytanat" va Mario Puzoning "Cho'qintirgan ota" romanlaridan, shuningdek, janrga mos boshqa misollardan olingan. Namunalar uchta epistemik maydon (ishonch, shubha va noaniqlik) bo'yicha tasniflanib, tillararo qiyoslangan. Natijalar shuni ko'rsatadiki, ingliz tilida epistemik munosabat ko'pincha aniq leksik vositalar – modal fe'llar, ravishlar va birinchi shaxs kesimlari (men o'ylayman, taxminimcha, ehtimol) orqali ifodalanadi. O'zbek tilida esa ko'proq bilvosita, muloqotga asoslangan usullar – evidensial fe'l shakllari, gap oxiridagi yuklamalar (shekilli, bo'lsa kerak) va madaniy*

ma'noga ega taqdir bilan bog'liq iboralar (Xudo xohlasa, nasib qilsa) qo'llaniladi. Bu farqlar muloqotda bilim, odob va mas'uliyatga oid turli madaniy qarashlarni aks ettiradi.

Kalit so'zlar *Epistemik modallik, evidensiallik, frazeologik birliklar, madaniy konseptualizatsiya, o'zbek tili, ingliz tili, ishonch, shubha*

Лингвокультурная реализация эпистемической модальности в узбекском и английском языках: фразеология, эвиденциальность и культурные схемы

Туракулова Дилафруз Маматсоли қизи
dilimturakulova1309@gmail.com
Базовый докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматривается, как эпистемическая модальность (выражение уверенности, сомнения и недоверия говорящего) реализуется в узбекском и английском языках. Материалом послужили художественные тексты: роман Тохира Малика "Шайтанат" и роман Марио Пьюзо "The Godfather", а также иллюстративные примеры, типичные для данного жанра. Единицы группировались по трём полям: уверенность, сомнение/предположение и недоверие. Сопоставительный анализ показывает, что в английском языке эпистемическая позиция чаще выражается лексически (модальные глаголы, наречия-оценки, конструкции I think/I guess), тогда как в узбекском языке широко используются грамматические эвиденциальные формы, частица-показатели предположения (shekilli, bo'lsa kerak) и культурно маркированные формулы, связывающие результат с волей судьбы/ Бога (Xudo xohlasa, nasib qilsa). Выявленные различия отражают культурные схемы знания, вежливости и коммуникативной ответственности. Кроме того, анализ демонстрирует влияние прагматического контекста и жанровых особенностей на выбор языковых средств, что позволяет глубже понять межкультурные различия в выражении отношения говорящего к достоверности сообщаемой информации. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании сопоставительной лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова *Эпистемическая модальность, эвиденциальность, фразеологизмы, культурная концептуализация, узбекский язык, английский язык, уверенность, сомнение*

Introduction

Modality is commonly treated as a functional-semantic category that links propositional content with a speaker's assessment of reality. Within this broad domain, epistemic modality is concerned with how speakers encode the strength of their knowledge, inference, or belief: whether an event is presented as certain, probable, doubtful, or unreliable. Closely related is

evidentiality, i.e., the linguistic marking of information source (seen, inferred, reported). Current research shows that evidential devices participate in pragmatic meaning-making across languages and that their contribution to certainty judgments can be experimentally tested (Degen et al., 2019).

This article provides a comparative, linguocultural account of epistemic modality in Uzbek and English. The study pursues two interconnected aims: (a) to systematize the main linguistic resources that encode epistemic stance in both languages (lexical, grammatical, and syntactic), and (b) to show how culturally grounded ways of construing knowledge, politeness, and responsibility surface in phraseological units and routine expressions. The analysis focuses on artistic discourse and uses examples from Tohir Malik's novel Shaytanat and Mario Puzo's The Godfather (Malik, n.d.; Puzo, 1969), where stance marking is especially salient due to dialogic tension and evaluation.

Theoretical Background: Epistemic Modality and Evidentiality

Epistemic modality is usually defined as the semantic-pragmatic encoding of a speaker's commitment to the truth of a proposition. In practical terms, it answers questions such as: How sure is the speaker? Is the statement based on direct evidence, hearsay, or inference? Where does the speaker place the boundary between fact and conjecture? Scholars emphasize that epistemic meaning interacts with evidentiality, yet the two categories are not identical. Evidentiality highlights source of information, whereas epistemic modality evaluates the likelihood or reliability of the proposition; nevertheless, in actual discourse they often co-occur and constrain each other (de Haan, 1999; Kroeger, 2019).

A useful working distinction for the present study is to treat evidential markers as a frequent pathway into epistemic interpretations: reported or inferred information is typically presented with lower commitment than directly witnessed facts. The pragmatic potential of such devices is precisely what motivates cross-linguistic experimental work on expressions like definitely and maybe and their counterparts in other languages (Degen et al., 2019).

Linguistic Resources for Epistemic Stance in English and Uzbek

In English, modality is expressed through several interacting layers. At the morphological level, tense and mood forms contribute to real vs. hypothetical readings (e.g., I wish I were…, If I had known…, I would have come…). At the lexical level, modal verbs (may/might, must, should, can/could, will/would, ought to) and stance adverbs (maybe, perhaps, probably) are primary indicators of epistemic force. At the syntactic level, particular clause types and constructions – imperatives as directives, or as if/though clauses – frame events as commands, suppositions, or counterfactuals (e.g., She was talking as if nothing had happened).

A corpus-based description of English stance adverbials distinguishes several semantic groups: (1) confidence vs. doubt (no doubt, certainly, undoubtedly, perhaps, maybe, probably); (2) actuality and factuality (in fact, actually, really, truly); (3) source of knowledge (apparently, evidently, reportedly; according to…); and (4) limitation of a judgment (generally, mainly, in most cases, typically). Such groupings are important because they show that epistemic stance is not a single scale but a cluster of meanings related to truth, evidence, and generalization.

Uzbek also has rich epistemic resources, but their distribution differs. Alongside lexical predicates and modifiers that express possibility or necessity (mumkin 'possible', kerak/zarur 'necessary', shart 'required') Uzbek widely uses particles and clitic-like elements that soften assertions or mark uncertainty. Especially salient are sentence-final expressions such as bo'lsa kerak ('it must be / probably'), shekilli ('apparently / it seems'), and har holda ('in any case'), which allow the speaker to keep

an appropriate interpersonal distance while still expressing a stance.

A key contrast concerns the grammaticalization of evidentiality. Uzbek, like many Turkic languages, routinely marks whether information is witnessed, inferred, or reported through verb forms and suffixes such as ekan and -ibdi. Such markers can convey 'I did not witness this, but I was told' or 'I infer this' without an explicit lexical hedge like perhaps. English, by contrast, has no obligatory grammatical evidential system and often relies on optional lexical phrases (apparently, reportedly, I heard that…) or on the speaker's overt self-positioning.

Data and Method

The analysis is qualitative and contrastive. The core examples are drawn from two literary works representing comparable criminal-drama settings: Shaytanat (Uzbek) and The Godfather (English). These texts provide naturally motivated contexts in which speakers negotiate trust, suspicion, and certainty. The study also uses a limited number of genre-consistent illustrative sentences to demonstrate idiomatic meaning in a clear form; such examples are explicitly marked as illustrative.

Following a tripartite interpretation of epistemic stance in terms of reliability, uncertainty, and non-reliability, all collected phraseological units were grouped into three fields: (1) certainty (strong commitment), (2) doubt/assumption (intermediate or unstable commitment), and (3) distrust (explicit low credence toward information or a person). Within each field, units were compared across languages with attention to (a) semantic content, (b) metaphoric motivation, and (c) interactional function (politeness, warning, distancing, persuasion).

Phraseological Markers of Certainty, Doubt, and Distrust

Phraseological units are particularly informative for epistemic analysis because they encode culturally conventional ways of evaluating evidence. Table 1 summarizes representative units from Uzbek and English, with short translations and discourse functions.

Epistemic field	Language	Idiom / unit	Approximate meaning	Illustrative context
Certainty	Uzbek	Shubha yo'qki	'There is no doubt that…' (strong certainty)	Narrator/character presents an event as unquestionable (Malik, n.d.).
Certainty	Uzbek	Ishonchi komil bo'lganda	'If he were completely sure…' (conditional certainty)	Used to imply that full proof is lacking; otherwise the speaker would act more decisively.
Certainty	English	Beyond a shadow of a doubt	Absolute certainty	Speaker claims total confidence that an inference is correct.
Certainty	English	Bet your bottom dollar	'You can be sure / count on it'	Warns that an outcome is virtually guaranteed (Puzo-style context).
Doubt / assumption	Uzbek	Gumonim bor	'I have a suspicion'	Speaker admits lack of proof but signals a hypothesis (Malik, n.d.).

Doubt / assumption	Uzbek	Ming xayolga bordi	'Went through a thousand thoughts'	Depicts anxious guessing and multiple possible scenarios.
Doubt / assumption	English	Smell a rat	Sense something wrong; suspect deceit	Intuitive suspicion that a hidden plot exists (Puzo, 1969).
Doubt / assumption	English	Have second thoughts	Begin to doubt a decision	Speaker hesitates and re-evaluates a plan.
Distrust	Uzbek	Quloqlariga ishonmay	'Cannot believe one's ears'	Speaker treats news as hardly credible due to surprise (Malik, n.d.).
Distrust	Uzbek	O'zimga ham ishonmayman	'I don't even trust myself'	Signals extreme suspicion and caution toward others and oneself.
Distrust	English	I wouldn't trust him as far as I could throw him	Total distrust	Speaker portrays the person as fundamentally unreliable (The Godfather context).
Distrust	English	Take it with a grain of salt	Treat information skeptically	Advice not to accept a claim at face value; invites critical stance.

Table 1.

The certainty field demonstrates that both languages have conventionalized strong-commitment formulas. Uzbek shubha yo'qki functions similarly to English no doubt, but it can also carry an evaluative narrator voice in literary prose. In contrast, ishonchi komil bo'lganda is a strategic 'near-certainty' construction: it does not assert truth directly; instead, it frames certainty as a missing condition ('if I were sure, I would not waste words'), which is a pragmatic way to avoid over-commitment.

In the doubt/assumption field, Uzbek gumonim bor foregrounds the speaker's limited knowledge in an explicit yet interpersonally careful form. Ming xayolga bordi conceptualizes uncertainty as mental over-activity: the speaker (or narrator) portrays doubt as a sequence of competing scenarios. English idioms in this field often rely on sensory metaphors. Smell a rat, for example, maps suspicion onto olfactory perception, implying that deceit can be 'detected' before it is proven. This aligns with the tendency of English to represent suspicion as an individual's intuitive diagnosis.

The distrust field is the clearest site of pragmatic confrontation. Uzbek quloqlariga ishonmay frames disbelief as a reaction to unexpected information, while o'zimga ham ishonmayman signals a worldview of constant vigilance. English I wouldn't trust him as far as I could throw him is overtly evaluative and socially forceful; it assigns the target a stable negative credibility status. Take it with a grain of salt, in turn, performs indirect persuasion: it does not state 'this is false' but instructs the addressee to downgrade commitment.

Cultural Schemas Behind Epistemic Choices

A cultural-conceptual approach treats recurrent stance patterns as reflections of shared cognitive experience and social norms. Language stores collective knowledge, values, and interpretive routines; therefore, epistemic modality is not only a grammatical matter but

also a window into how communities conceptualize evidence, authority, and appropriate interpersonal behavior.

In Uzbek discourse, indicating information source and maintaining respectful indirectness are salient. Evidential verb forms (ekan, -ibdi) and sentence-final particles (shekilli, bo'lsa kerak) enable speakers to signal that their knowledge is partial, inferred, or reported. This can function as a politeness strategy: by lowering categorical force, the speaker avoids sounding confrontational, especially in interactions shaped by age and status hierarchies. For instance, in Shaytanat characters often express assumptions without an explicit 'I think' frame, embedding uncertainty into the clause through particles and aspectual forms.

A culturally prominent Uzbek schema also links future outcomes to fate and divine will. Expressions such as Xudo xohlasa ('God willing') and nasib qilsa ('if it is destined') present the speaker's plan as contingent and deferential. From an epistemic perspective, these formulas encode limited human knowledge about the future and relocate ultimate control to a higher power. In the analyzed contexts, references to divine will soften commitments and transform potentially categorical promises into hopeful projections.

English discourse, in comparison, tends to foreground an individual speaker's epistemic responsibility: assertions are often accompanied by overt markers of personal evaluation (I think..., I guess...) or by calibrated modal verbs and adverbs (must, might, probably). In The Godfather, characters frequently voice their judgments explicitly, which fits a communicative norm where distinguishing fact from opinion is valued. For example, I think signals that the clause is an assessment rather than a direct report, while must often encodes a strong inference ('He must be good-hearted'; 'He must be dead by now'), presenting the speaker's conclusion as highly probable.

The difference becomes especially visible when similar meanings are compared. English must can communicate a firm inference, whereas Uzbek often prefers a softer construction such as -sa kerak ('it seems / probably'). Consider a dialogic fragment where a character hesitates: 'Rom bo'lsa kerak,' literally 'It is probably timber,' which signals that the answer is tentative and socially cautious. Such choices match a discourse preference for indirectness and face-saving negotiation.

Finally, uncertainty management can be linked to broader cultural patterns. Research on cultural attitudes toward uncertainty suggests that societies employ different resources – rules, technology, religion – to reduce unpredictability. Within the Uzbek worldview reflected in the texts, religious-fatalistic formulas provide psychological comfort and a legitimate way to speak about uncertain futures. In contemporary everyday English, explicit fate-oriented formulas (e.g., God willing, if it's meant to be) exist but are typically less frequent and stylistically more marked; speakers more often use secular probability markers (hopefully, with any luck, we'll see, I'm not sure).

Conclusion

The comparative analysis confirms that epistemic modality in Uzbek and English is structured by both linguistic systems and culturally shared schemas. English tends to externalize epistemic stance through lexical and speaker-centered markers (modal verbs, stance adverbs, first-person predicates), supporting a discourse norm that encourages explicit calibration of certainty. Uzbek, while also using lexical modal elements, often relies on grammatical evidentiality and sentence-final particles that encode indirectness, deference, and interpersonal sensitivity.

Phraseological units in both languages map epistemic meanings onto vivid conceptual domains (shadow, money bets, smell, salt, ears, heart), yet the preferred metaphors and

interactional functions differ. Uzbek data frequently connects uncertainty with respectful distance and fate-based framing, whereas English idioms highlight personal detection, critical evaluation, and direct distrust. These findings underline that epistemic modality should be studied as an interface phenomenon where semantics, pragmatics, and cultural cognition jointly shape meaning in discourse.

References:

1. de Haan, F. (1999). Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries. *Southwest Journal of Linguistics.* Retrieved November 16, 2025, from https://u.arizona.edu
2. Degen, J., Trotzke, A., Scontras, G., Wittenberg, E., & Goodman, N. D. (2019). Definitely, maybe: A new experimental paradigm for investigating the pragmatics of evidential devices across languages. *Journal of Pragmatics, 140,* 33-48. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.11.015
3. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations: Software of the mind (3rd ed.).* New York, NY: McGraw-Hill.
4. Kroeger, P. (2019). *Evidentiality and epistemic modality*. *In Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics.* LibreTexts. Retrieved November 16, 2025, from https://socialsci.libretexts.org/Bookshelves/Linguistics/Analyzing_Meaning
5. Malik, T. (n.d.). *Shaytanat* [Novel]. Retrieved from www.ziyouz.com
6. Puzo, M. (1969). *The godfather.* New York, NY: G. P. Putnam's Sons.

Feminist imagery and its artistic interpretation in Neal Asher's "Brass Man" and "The Line of Polity"

Umarkulova Munira Zakhidjan kizi[5]
mumarqulova774@gmail.com
Doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines the artistic interpretation of female characters in Neal Asher's science fiction novels from a literary-critical perspective. The research draws on feminist and posthumanist theoretical approaches developed by Simone de Beauvoir, Judith Butler, Donna Haraway, N. Katherine Hayles, Rosi Braidotti, Teresa de Lauretis, Lucy Suchman, T.V. Kruvko, and D.D. Kadirova. The study argues that Asher's protagonists Eldene and Mika embody a synthesis of gender critique and posthuman transformation. Eldene's transition from oppression to agency reflects a process of feminist emancipation shaped by social and technological forces. In contrast, Mika's cyborg transformation illustrates both the empowering and ambivalent dimensions of technological evolution. Through close literary analysis of key narrative episodes, the article demonstrates that Asher's space opera engages deeply with issues of embodiment, identity, and subjectivity, showing how science fiction functions as a platform for exploring changing models of power, agency, and human transformation in technologically mediated futures.*

Keywords *Feminist literary criticism, posthumanism, gender representation, cyborg identity, embodiment, agency, science fiction, Neal Asher, space opera, female subjectivity*

Nil Eshrning "Brass Man" va "The line of polity" romanlarida feministik obrazlar va ularning badiiy talqini

Umarqulova Munira Zohidjon qizi
mumarqulova774@gmail.com
Tayanch doktorant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada Nil Eshrning ilmiy-fantastik romanlarida ayol obrazlarining badiiy talqini adabiy-tanqidiy yondashuv asosida tahlil qilinadi. Tadqiqot feministik va postgumanistik nazariyalar (Simona de Bovuar; Judit Batler; Donna Xaruey; N. Ketrin Xeylz; Rozi Braydotti; Tereza de Lauretis; Lyusi Sachman; T.V. Kruvko; D.D. Kadirova) asosida olib borilgan. Tadqiqotda Eshr qahramonlari Elden va Mika gender tanqidi hamda postgumanistik transformatsiyaning sintezini namoyon etuvchi obrazlar sifatida talqin qilinadi. Elden obrazi zulmkor muhitdan ezgulikka xizmat qiluvchi agentga o'tish orqali feministik ozodlik jarayonini aks ettirsa, Mika obrazi kiborglashuv orqali texnologik evolyutsiyaning murakkab va ziddiyatli jihatlarini birgalikda yoritadi. Asosiy epizodlarning badiiy tahlili ushbu xulosalarni tasdiqlaydi. Tadqiqot Eshrning kosmik fantastikasi gender, hokimiyat va subyektivlik masalalarini chuqur yoritishini ko'rsatib, postgumanistik sharoitda shaxs va texnologiya o'rtasidagi o'zaro bog'liqlikni ochib beradi. Shu bilan birga, maqolada ayol obrazlarining transformatsiyasi orqali inson va texnologiya o'rtasidagi*

[5] Umarkulova M.Z. — ORCID: 0009-0009-9648-2684

chegaralarning qayta talqin qilinishi ham yoritilib, zamonaviy ilmiy-fantastik adabiyotda subyektivlik va identitet muammolarining yangi badiiy shakllarda ifodalanishi ko'rsatiladi.

Kalit so'zlar *Feministik adabiy tanqid, postgumanizm, gender reprezentatsiyasi, kiborg identiteti, tana talqini, agentlik, ilmiy fantastika, Nil Eshr, kosmik opera, ayol subyektivligi*

Феминистские образы и их художественная интерпретация в романах Нила Эшера "Brass man" и "The line of polity"

Умаркулова Мунира Захиджановна
mumarqulova774@gmail.com
Докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье рассматривается художественная интерпретация женских образов в научно-фантастических романах Нила Эшера с литературно-критической позиции. Исследование опирается на феминистские и постгуманистические теоретические подходы, разработанные Симоной де Бовуар, Джудит Батлер, Донной Харауэй, Н. Кэтрин Хейлз, Рози Брайдотти, Терезой де Лауретис, Люси Сачман, Т.В. Крувко и Д.Д. Кадыровой. В статье утверждается, что героини Эшера Элден и Мика воплощают синтез гендерной критики и постгуманной трансформации в условиях технологически изменённой реальности. Путь Элден от угнетения к субъектности отражает процесс феминистской эмансипации и формирования личной агентности в постгуманной среде. В то же время киборгизация Мики демонстрирует как возможности, так и противоречивые последствия технологической эволюции, влияя на границы человеческой идентичности. Близкий художественный анализ ключевых эпизодов подтверждает данные выводы. Показано, что космическая фантастика Эшера поднимает сложные вопросы гендера, телесности, власти и субъектности в постгуманистическом и технологически опосредованном контексте, расширяя понимание роли женщины в научно-фантастическом дискурсе.*

Ключевые слова *Феминистская литературная критика, постгуманизм, гендерная репрезентация, киборг-идентичность, телесность, агентность, научная фантастика, Нил Эшер, космическая опера, женская субъектность*

Introduction

Science fiction has long served as a field for reimagining gender roles and social norms through speculative scenarios. Simone de Beauvoir famously noted that "one is not born, but rather becomes, a woman" (Beauvoir, 1949), emphasizing the social construction of gender. Judith Butler further argues that gender identity is performatively constituted by repeated acts and language (Butler, 1990). These feminist theoretical insights have influenced science fiction's treatment of gender as a discursive construct (de Lauretis, 1987, Butler, 1990) rather than a fixed essence. Works

from utopian feminism to cyberfeminism use SF to challenge binary oppositions. For example, Donna Haraway's "*Cyborg Manifesto*" envisions the cyborg as "a creature in a post-gender world" (Haraway,1985), disrupting boundaries between human vs machine and male vs female. Contemporary posthumanist thought acknowledges the impact of feminist theory on new subjectivities; as Kruvko notes, posthuman discourse foregrounds gendered otherness and technological agency in new forms of subjectivity (Kruvko, 2023). In literary criticism, these ideas have been used to decode female representation and power relations (Kadirova, 2025). Kadirova, for instance, emphasizes that dystopian narratives foreground women's rights and freedoms as reflections of social structures and crises (Kadirova, 2025).

Against this theoretical backdrop, we examine two of Asher's novels "*Brass Man*" and "*The Line of Polity*" with a literary-interpretive lens. The aim is to trace how the female protagonists embody posthuman features while also acting with agency under systems of power, and to assess whether their artistic portrayal aligns with or contradicts feminist theories. This analysis adopts a comprehensive approach, drawing on primary text evidence and feminist vs posthuman sources to interpret the characters Eldene and Mika in terms of gender, technology, embodiment, and agency.

Methods

This study uses qualitative literary analysis of Asher's texts, supported by feminist and posthumanist theoretical frameworks. Primary sources include "*The Line of Polity*" and "*Brass Man*", as well as relevant theoretical works. Key concepts are identified in secondary sources. The novels were read in detail to identify scenes illustrating control of the female body by technology or patriarchy, moments of resistance or self-transformation, and narrative outcomes for Eldene and Mika. Each finding is linked to theory.

For example, Beauvoir's notion of woman as the "Other" (Beauvoir, 1949) and Butler's idea of subverting gender norms (Butler, 1990) guided the reading of Eldene's subjugation and rebellion. Haraway's and Hayles's ideas about cyborg vs posthuman bodies (Haraway, 1985, Hayles, 1999) framed the analysis of Mika's self-experimentation. Local researcher Kadirova provided cultural-literary context regarding feminist dystopian interpretation (Kadirova, 2025).

The author's interpretive stance is explicitly maintained. The analysis approaches Eldene and Mika not merely as narrative figures but as posthuman literary constructs through which Asher negotiates power, embodiment, and gendered agency in technological futures.

Results

The analysis reveals two contrasting but complementary female images in Asher's world. Eldene is a young laborer on the harsh planet Masada in "*The Line of Polity*". From the beginning, her life is controlled by a theocratic regime and biotechnology. Each worker on Masada is implanted with a parasitic symbiote that enriches their blood with oxygen; without this device and its required drugs, they would suffocate. This implant renders Eldene's body literally controlled by power, resembling Foucauldian biopower via technological means (Haraway, 1991). Under such oppression, Eldene is aware of her lack of autonomy: the brutal labor, constant surveillance, and even possible sexual exploitation of women define her existence. The novel explicitly suggests that young women like her face only grim choices – escape as stowaways, assistance from an underground, or sexual servitude – echoing Beauvoir's idea that patriarchal culture reduces women to objects for others (Beauvoir, 1949). In Masada's patriarchal regime, the female body becomes either a work tool or a commodity. Indeed, Eldene initially embodies the "Other" as defined by Butler: her body and destiny are largely alienated by external forces (Butler, 1990, Beauvoir, 1949).

However, Eldene's portrayal includes significant agency. She is not a mere victim. For instance, when a foreman unjustly punishes an

innocent coworker, Eldene secretly warns others and helps prevent cruelty. This small but bold act of defiance displays her inner resistance and moral compass. Later, after the Polity intervenes and Masada's regime falls, Eldene gains freedom and a new relationship. Crucially, her physical appearance changes: with proper nourishment and medical care, her lean body gradually fills out; her muscles relax, and her hips and chest gain the traditionally feminine curves. Albeit, even then, she remains more muscular than typical women from space, appearing "grotesquely" strong (Asher, 2003). Asher refuses to idealize her beauty; instead, he notes her unusual shape to highlight both her strength and vulnerability. Thus, Eldene's arc intersects gender, power, and embodiment: technology – "the skol implant" subjected her to power, patriarchy tried to nullify her subjectivity, but she ultimately reclaims autonomy, breathing without the parasite and engaging in social bonds. In feminist terms, Eldene transitions from an "Other" to a subject capable of action (Butler, 1990). Her agency is evident even in *Brass Man*: when her lover Apiss suffers from dangerous biotech effects, Eldene actively participates in saving him, demanding that Polity agents consider his needs (Asher, 2005). In sum, Eldene's image embodies a feminist emancipation line: suppressed objecthood gradually yields to embodied selfhood, even if broken by trauma.

Mika offers a different perspective: she is a scientist integrated into Polity's high-tech society. Unlike Eldene, Mika initially enjoys privileged access to knowledge and technology. As a specialist in xenobiology and nanotech (a Life-Coven biologist), she influences the mission on Jain threats and commands respect for her expertise. Her knowledge grants her a form of power: mission leaders heed her advice, and she orchestrates crucial experiments. However, her storyline reaches a climax when she experiments on herself. In *Brass Man*, during the Masada mission, Mika uses a fragment of Jain biotech (the "doctor's mycelium") to stabilize Apiss's fragile health. Then she implants the same mycelium into herself. The motivation is never stated clearly; when asked, she tersely answers, "For research purposes" (Asher, 2005). This cold reply belies complex motives from pure scientific curiosity to a subconscious desire for new abilities. Indeed, the mycelium grants Mika superhuman advantages: she can breathe toxic atmospheres, her wounds heal almost instantly, and her strength doubles. Essentially, Mika becomes a Haraway-esque cyborg, a hybrid of human and technology, blurring natural vs artificial boundaries (Haraway, 1985).

Post-transformation, her body is posthuman: when Cormac sees Mika after the change, he barely recognizes her. She is depicted as partially translucent, with internal skeletal motion visible, an image that signals her radical otherness (Asher, 2005). Moreover, her musculature and endurance far exceed human norms. If Eldene's strength is earned by toil, Mika's is a result of biotechnological upgrade.

Notably, both Eldene and Mika appear "abnormal" to ordinary people (strong, muscular women defy standard femininity). Mika's case is even more extreme: she gains monstrous posthuman aspects. Asher shows that her superpowers come at a cost. The mycelium, intended as a medical nanotech, spirals out of control: it continues growing inside her like a malignant organism (Asher, 2005). Confronted with this crisis, Mika must acknowledge her error. She feels guilt: "I made a mistake," she admits about injecting herself (Asher, 2005). Though possessing far more knowledge and control than Eldene, Mika is vulnerable to a different power technology itself. The Jain nanovirus defies her plan, and to save Apiss, she assists in a risky surgery she devised. In the operating room scene, two female figures collide: Mika as the surgeon-researcher and Eldene as the concerned caregiver. Eldene challenges Mika directly, insisting on accountability for the experimental risk (Asher, 2005).

Mika's portrait is compelling because it combines knowledge-power with bodily vulnerability. On one hand, she is the embodiment of scientific rationalism and agency: she actively makes decisions (she is, in de Lauretis's terms, a "technology of gender" a woman constructing herself through scientific practice beyond traditional roles (De Lauretis, 1987). On the other hand, her story warns of the limits of such power. Her body experiences subjugation to a techno-scientific order that even she cannot fully control. We read that Mika through a posthuman lens: she is a posthuman subject who, as Hayles notes, signals not the end of humanity but the end of the old concept of the autonomous liberal human (Hayles, 1999). Mika crosses the boundary between human and non-human, thus breaking not only gender binaries but species binaries. Hayles and Braidotti emphasize that posthuman subjectivity is inherently hybrid (Hayles, 1999, Braidotti, 2013; 49). Mika indeed becomes such a hybrid.

Her image embodies both a positive emancipatory ideal and a critique of techno-optimism, which is the loss of control and technological dependency. Such figures are often read as boundary-warning monsters in feminist theory (Haraway, 1985). By crossing into the posthuman, Mika raises questions about the limits of humanity and responsibility. These questions resonate with feminist technology ethics, which insist on the interconnectedness of human and technological systems (Haraway, 1991, Hayles, 1999).

The table below summarizes key features of Eldene and Mika's characterization:

Characteristic	Eldene (Laborer)	Mika (Scientist/Cyborg)
Social Role	A woman oppressed by a patriarchal regime	Woman empowered by scientific expertise
Source of Power	Patriarchal theocracy & biological control (skole implant)	Scientific knowledge & alien nanotech (Jain)
Type of Embodiment	**Subjugated body** – physically strong but controlled by oppression	**Augmented body** – enhanced by biotech (cyborg)
Agency	Small acts of resistance; caring for others; gaining freedom at end	Initiates experiments; solves crises; takes responsibility
Relation to Feminist Theory	Path from "Other" to partial subject; body objectified by patriarchy	Embodies cyborg/posthuman subject; challenges gender/species boundaries

Table 1.

Discussion

Asher's Polity universe provides rich material for examining how gender is constructed and deconstructed in a posthuman future. By posthumanism, here we mean a vision where the traditional "humanist subject" - the autonomous, rational 'Man' at center stage is problematized by the rise of AI, cyborgs, and hybrid beings (Hayles, 1999, Kruvko, 2023). For gender, this implies that the old male vs female binary loses its central significance. Asher reflects this on multiple levels. First, his world teems with sentient non-humans: AIs and cyborgs abound. Though Asher does not explicitly give them gendered roles. For example, the known AI "Dragon" lacks fixed gender, their presence undermines anthropocentrism. Haraway argues that cyborgity "rejects the stability of gender" (Haraway, 1985). In "*The Line of Polity*", Asher introduces drakomen part-human, part-dragon warriors with their own biology and reproduction outside human norms. Mika's fascination with the drakomen underlines the

point: the future is populated by diverse life-forms for which human gender is just one parameter. This resonates with posthumanist calls to recognize multiplicity beyond binary embodiment (Braidotti, 2013).

Second, Asher's female characters defy traditional gender stereotypes in their roles. Eldene, though oppressed, performs physically demanding labor, displaying endurance and bravery, while also retaining empathy and care traits culturally coded as feminine. Thus, she combines qualities that destabilize rigid gender dichotomies. Mika goes further: she occupies a position of authority as an expert scientist, a role historically associated with masculine rationality. Her interests in science and experimentation have traditionally been male-coded. Moreover, her transformation into a hybrid body aligns with Haraway's notion of a post-gender entity (Haraway, 1985). After her metamorphosis, Mika's translucent, almost uncanny body inspires awe rather than erotic recognition. She becomes effectively post-gender, though narratively still addressed as "she." The absence of a developed romantic subplot reinforces her separation from normative human roles.

Language and voice offer another interpretive dimension. On Masada, patriarchal rule suppresses women's public voice. After the Polity's intervention, Eldene gains the right to speak openly and challenge authority. This reflects a central feminist theme of acquiring voice. As de Lauretis notes, discourse itself functions as a "technology of gender" (De Lauretis, 1987). In Asher's narrative, women do speak: Mika asserts scientific authority in strategic discussions, while Eldene advocates for Apiss's survival in confrontations with male officials. Granting female characters discursive authority contributes to dismantling narrative gender hierarchy.

The breakdown of male–female binaries in these novels occurs through three primary mechanisms: (1) extreme bodily transformations (women become cyborg-like beings), (2) role reversals (women act as protectors and scientists while men become vulnerable), and (3) the presence of multiple intelligences rendering gender secondary. This aligns with Butler's theory of gender fluidity (Butler, 1990) and cyberfeminist visions of a future where biological sex no longer dictates social destiny (Haraway, 1985).

Importantly, Asher does not depict a utopian post-gender world. Instead, the novels portray a transitional space where patriarchal Masada contrasts with the technologically progressive Polity. While formal equality exists in the latter, subtle gender norms persist. The emergence of figures like Mika suggests a gradual shift toward a flexible identity model. Kruvko similarly observes that contemporary science fiction increasingly positions women as posthuman subjects in technological environments (Kruvko, 2023).

Crucially, Asher portrays his heroines as agents rather than narrative accessories. Feminist criticism emphasizes the importance of representing women as historical actors rather than passive objects (Kadirova, 2025, Beauvoir, 1949). Eldene and Mika both shape outcomes: Eldene defends her community and insists on ethical care, while Mika initiates transformative scientific actions and accepts responsibility for their consequences. Their agency is narratively justified rather than artificially imposed.

From a literary standpoint, Asher's fusion of action-driven narrative with philosophical depth is notable. His female characters are not ideological constructs but psychologically grounded figures whose experiences embody theoretical tensions. Thus, even mainstream 2000s science fiction engages meaningfully with feminist and posthuman concerns.

In conclusion, Eldene and Mika's portrayals demonstrate that the "woman as Other" may evolve into a posthuman subject once she transcends patriarchal limitations (Beauvoir, 1949, Butler, 1990). Asher's fiction shows how literature can function as an experimental space for feminist and

posthuman ideas, simultaneously affirming and complicating them.

Conclusion

Author's standpoint: Eldene and Mika exemplify feminist emancipatory trajectories within a posthuman context. Eldene's path represents liberation from both social and biological control, echoing the feminist dictum that "the personal is political" in an embodied sense. Her transformation from a biologically dependent laborer to a self-determining subject illustrates how technological control over the body can be resisted and renegotiated.

Mika's arc is simultaneously empowering and cautionary, depicting the ambiguous gift of cyborgization. Her self-experimentation expands her capabilities while also exposing her to new vulnerabilities, confirming Hayles's assertion that posthuman embodiment destabilizes the notion of an autonomous liberal subject. In combining these dimensions, Asher contributes to a feminist-posthuman imaginary in which emancipation is not purely social but ontological.

We argue that this literary interpretation demonstrates how science-fiction narratives can carry progressive gender discourse through aesthetic means. As Kadirova notes, dystopian narratives foreground women's subjectivity as a reflection of broader socio-cultural tensions. In Asher's case, this reflection extends into posthuman territory, where gendered embodiment becomes inseparable from technological transformation.

By analyzing Asher's texts through Beauvoirian and Butlerian lenses, this study shows that female characters function as cultural probes, foregrounding questions of agency, corporeality, and identity in technologically saturated environments. Such an academic reading may inform broader debates on gender representation in science fiction and suggest future-oriented imaginaries that recognize difference without abandoning ethical responsibility.

References:

1. Asher, N. (2003). *The Line of Polity*. Macmillan. https://archive.org/details/lineofpolity0000ashe
2. Asher, N. (2005). *Brass Man*. Tor Books. https://www.ebooks.com/en-th/book/836284/brass-man/neal-asher/?srsltid=AfmBOopQnC-RZOZHVCQzXvWk10diA_6sc4QkFAZlTjlu4EMLlEdn2Ch6
3. Beauvoir, S. de. (1949). *The Second Sex*. Vintage Books. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://newuniversityinexileconsortium.org/wp-content/uploads/2021/07/Simone-de-Beauvoir-The-Second-Sex-Jonathan-Cape-1956.pdf
4. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Polity Press. https://archive.org/details/posthuman0000brai
5. Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://selforganizedseminar.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/07/butler-gender_trouble.pdf
6. De Lauretis, T. (1987). *Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction*. Indiana University Press. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://keepypsiblack.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/02/lauretis-teresa-de-technologies-of-gender-essays-on-theory-film-and-fiction.pdf

7. Haraway, D. (1985). A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century. In *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. Routledge. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://monoskop.org/images/f/f3/Haraway_Donna_J_Simians_Cyborgs_and_Women_The_Reinvention_of_Nature.pdf
8. Hayles, N. K. (1999). *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. University of Chicago Press. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://monoskop.org/images/5/50/Hayles_N_Katherine_How_We_Became_Posthuman_Virtual_Bodies_in_Cybernetics_Literature_and_Informatics.pdf
9. Kadirova, D. D. (2025). *The artistic interpretation of dystopian imagery in modern English literature* (Doctoral dissertation). Uzbekistan State World Languages University.
10. Kruvko, T. V. (2023). Woman-as-Other as a foundation of the posthuman subject in contemporary speculative narratives. *Nauka Televideniya, 19*(1), 121–146. https://www.researchgate.net/publication/371319381_Woman_Other_as_a_Ground_for_Posthuman_Subjectivity_in_Contemporary_Science_Fiction_Cinema

Clustering of the concept “society” in English and Uzbek languages: comparative-cognitive analysis

Ibrokhimova Nasiba Mirzokhid kizi
mirzohidovna0328@gmail.com
Basic doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article analyzes the clustering of the concept “society” in English and Uzbek from a comparative-cognitive perspective. The study identifies lexico-semantic, etymological, metaphorical, and sociolinguistic clusters of the concept. The theoretical framework is based on cognitive linguistics, conceptual metaphor theory, and sociolinguistic approaches. In both languages, “society” manifests as a complex, multi-layered structure expressed through specific linguistic means across various clusters. In English, the concept is clustered primarily through individualistic and contractual relations, while in Uzbek – from the perspective of collectivity and hierarchical dependence. The research reveals significant cultural differences in conceptualizing social structures: English emphasizes voluntary associations and negotiated relationships, whereas Uzbek reflects traditional community bonds and interdependent social hierarchies. The English “society” concept is closely connected with ideas of personal freedom, civil society, and contractual relations, where individuality and freedom of personal choice are prioritized. The Uzbek “jamiyat” is inseparably linked to family values, the mahalla institution, customs, and traditions. Furthermore, the Uzbek concept of “jamiyat” embodies meanings such as mutual assistance, solidarity, and social responsibility. The study has identified the national-cultural features of the “society” concept in both languages and their connection with historical and social factors. These findings contribute to understanding culturally specific worldviews and have practical implications for linguoculturology, translation studies, and language education.*

Keywords *Concept of society, clustering, cognitive linguistics, comparative linguistics, linguoculturology*

Ingliz va o‘zbek tillarida “jamiyat” konseptining klasterlanishi: qiyosiy-kognitiv tahlil

Ibrohimova Nasiba Mirzohid qizi
mirzohidovna0328@gmail.com
Tayanch doktorant,
O ‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada ingliz va o‘zbek tillaridagi “jamiyat” konseptining klasterlanishi qiyosiy-kognitiv nuqtayi nazardan tahlil qilinadi. Tadqiqot konseptning leksik-semantik, etimologik, metaforik va sotsiolingvistik klasterlarini ochib beradi. Nazariy asos sifatida kognitiv lingvistika, konseptual metafora nazariyasi va sotsiolingvistik yondashuvlar xizmat qiladi. “Jamiyat” konsepti har ikki tilda ham murakkab, ko‘p qatlamli tuzilma bo‘lib, turli klasterlarda o‘ziga xos lingvistik vositalar orqali ifodalanadi. Ingliz tilida konsept ko‘proq individualistik va shartnomaviy munosabatlar prizmasidan, o‘zbek tilida esa jamoaviylik va iyerarxik bog‘liqlik nuqtayi nazaridan klasterlanadi. Ingliz tilidagi “society” konsepti shaxsiy erkinlik, fuqarolik jamiyati va shartnoma asosidagi munosabatlar g‘oyalari bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, unda individuallik va shaxsiy tanlov erkinligi ustuvorlik*

qiladi. O'zbek tilidagi "jamiyat" konsepti esa oilaviy qadriyatlar, mahalla instituti, urf-odatlar va an'analar bilan uzviy aloqada namoyon bo'ladi. Shuningdek, o'zbek tilida "jamiyat" konsepti o'zaro yordam, hamjihatlik va ijtimoiy mas'uliyat kabi ma'nolarni ham o'zida mujassam etgan. Tadqiqot davomida har ikki tilda "jamiyat" konseptining milliy-madaniy xususiyatlari, ularning tarixiy va ijtimoiy omillar bilan bog'liqligi aniqlangan. Tadqiqot natijalari lingvokulturologiya, tarjima nazariyasi va til ta'limi uchun muhim amaliy ahamiyat kasb etadi.

Kalit so'zlar *Jamiyat konsepti, klasterlashuv, kognitiv lingvistika, qiyosiy tilshunoslik, lingvokulturologiya*

Кластеризация концепта «общество» в английском и узбекском языках: сравнительно-когнитивный анализ

Иброхимова Насиба Мирзохид кизи
mirzohidovna0328@gmail.com
Докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье анализируется кластеризация концепта «общество» в английском и узбекском языках с сравнительно-когнитивной точки зрения. Исследование раскрывает лексико-семантические, этимологические, метафорические и социолингвистические кластеры концепта. Теоретическую основу составляют когнитивная лингвистика, теория концептуальной метафоры и социолингвистические подходы. Концепт «общество» в обоих языках проявляется как сложная многослойная структура, выражающаяся специфическими языковыми средствами в различных кластерах. В английском языке концепт кластеризуется преимущественно через призму индивидуалистических и договорных отношений, тогда как в узбекском языке – с точки зрения коллективности и иерархической зависимости. Английское "society" тесно связано с идеями личной свободы, гражданского общества и договорных отношений, где приоритет отдается индивидуальности и свободе личного выбора. Узбекское "jamiyat" неразрывно связано с семейными ценностями, институтом махалли, обычаями и традициями. Кроме того, в узбекском языке концепт "jamiyat" воплощает такие значения, как взаимопомощь, солидарность и социальная ответственность. В ходе исследования выявлены национально-культурные особенности концепта «общество» в обоих языках, их связь с историческими и социальными факторами. Выявленные различия отражают глубинные культурные особенности восприятия социальной реальности. Полученные результаты имеют практическое значение для лингвокультурологии, теории перевода и языкового образования.*

Ключевые слова *Концепт общества, кластеризация, когнитивная лингвистика, сравнительное языкознание, лингвокультурология*

Kirish

Til va jamiyat o‘rtasidagi munosabat tilshunoslikning markaziy hamda dolzarb muammolaridan biri bo‘lib kelmoqda. Jumladan, so‘nggi yillarda kognitiv lingvistika va lingvokulturologiyaning jadal rivojlanishi natijasida “jamiyat” kabi mavhum konseptlarning tildagi namoyon bo‘lishini o‘rganish alohida dolzarblik kasb etdi. Har bir xalqning jamiyat haqidagi tasavvurlari uning tilida o‘ziga xos tarzda aks etadi va bu tasavvurlarni ochib berish til egasining dunyoqarashini anglash imkonini beradi (Chilton, 2019). Kognitiv sotsiologiya va kognitiv lingvistika bir-birining istiqbollari va empirik topilmalarini e'tiborsiz qoldira olmaydi. Tilning kognitiv asoslarini tushuntirishda lingvistlar uning dialogik tabiatini, til o‘zlashtirishda dialogning ahamiyatini va shu tariqa tilning erta sotsializatsiyaga bog‘liqligini tan olishmoqda (Hasan, 2005).

Konseptlar haqida so‘z borar ekan, “Jamiyat” konsepti murakkab, ko‘p qirrali tuzilma bo‘lib, til tizimida turli klasterlar – o‘zaro bog‘langan leksik birliklar, metaforik modellar va konseptual maydonlar – shaklida namoyon bo‘ladi. Bu klasterlarni o‘rganish va har tomonlama tavsiflash ikki xil madaniyat vakillarining ijtimoiy borliqni idrok etish xususiyatlarini qiyosiy o‘rganish imkoniyatini bizga taqdim eta oladi. Mazkur tadqiqotimizda ingliz va o‘zbek tillaridagi “jamiyat” konseptining klasterlanish modellarini aniqlash, ularning o‘xshash va farqli jihatlarini kognitiv-semantik nuqtayi nazardan tahlil qilishni o ‘z oldimizga maqsad qilib qo ‘ydik. Ushbu tadqiqotimiz davomida “jamiyat” konseptining etimologik taraqqiyotini qiyosiy o‘rgangan holda, leksik-semantik klasterlarni tavsiflash kognitiv-metaforik modellarni tahlil qilish; sotsiolingvistik xususiyatlarni ochib berish.

Nazariy-metodologik asoslar

Kognitiv lingvistika va konsept nazariyasi. Kognitiv lingvistika tilni inson tafakkuri bilan bog‘liq holda o‘rganadigan zamonaviy yo‘nalishdir. Bu yo‘nalish vakillarining fikricha, til hodisalari insonning kognitiv faoliyati, dunyoni idrok etish va konseptuallashtirish jarayonlari bilan chambarchas bog‘liq (Shaykhislamov, 2021). Kognitiv lingvistikaning asoschilaridan biri J.Lakoff va uning hamkorlari tomonidan ishlab chiqilgan metafora nazariyasi mavhum tushunchalarning konkret sohalar orqali konseptuallashtirilishini tushuntirishda muhim ahamiyat kasb etadi. Lakoff va Jonson (1980) “Metaphors We Live By” asarida ta'kidlashicha, metafora “shunchaki so'zlar masalasi emas, balki inson tafakkur jarayonlari asosan metaforik xarakterga ega”. Muayyan kontseptsiya haqida tizimli ravishda gapirish usullari metaforik kontseptsiyaning o‘zi tomonidan shakllantiriladi (Lakoff & Johnson, 1980). Konsept – kognitiv lingvistikaning markaziy tushunchalaridan biri bo‘lib, inson ongidagi bilim va tasavvurlarning mental birligidir (Safarov, 2006). Shu nuqtayi nazardan, “jamiyat” konsepti har bir tilda o‘ziga xos klasterlar – o‘zaro bog‘langan ma’no maydonlari – tizimini tashkil etadi.

Klasterlashuv nazariyasi. Tilshunoslikda klasterlashuv deganda bir tushuncha atrofida birlashgan leksik birliklar, metaforik modellar va konseptual maydonlarning yig‘indisi tushuniladi (Mahmudov, 2020). Bu yondashuv I.Triersning maydon nazariyasiga borib taqaladi. Keyinchalik kognitiv tilshunoslikda bu g‘oya prototip semantika va freym semantikasi doirasida rivojlantirildi. Kognitiv yondashuvlar semantik ramka (frame) nazariyasini o‘z ichiga oladi, bu nazariya leksik ma’no va grammatik jihatdan qo‘zg‘atilgan diqqat o‘zgarishlari kabi hodisalarni tavsiflaydi (Chilton, 2019). Keng qo‘llaniladigan yondashuv kontseptual metaforani tahlil qiladi, bunda “metafora” turli kontseptual domenlarni, jumladan, obraz sxemalarini bog‘lash orqali ishlaydigan mental ramkalash vositasi sifatida tushuniladi (Chilton, 2019). “Jamiyat” konseptining klasterlanishini o‘rganishda quyidagi metodlardan foydalanildi: (1) komponent tahlil – leksik birliklarning

semantik tarkibiy qismlarini aniqlash; (2) etimologik tahlil – so‘zlarning kelib chiqishi va tarixiy taraqqiyotini o‘rganish; (3) qiyosiy-chog‘ishtirma tahlil – ikki tildagi klasterlarni solishtirish.

Tadqiqot materiali sifatida ingliz va o‘zbek tillarining izohli, etimologik va frazeologik lug‘atlari, milliy korpuslari (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English) hamda badiiy va publitsistik matnlar xizmat qildi (Aikhenvald, Dixon, & Jarkey, 2021).

“Jamiyat” konseptining etimologik klasteri. Ingliz tilidagi “society” so‘zining etimologiyasi: ingliz tilidagi “society” so‘zi lotincha “societas” so‘ziga borib taqaladi. “Societas” esa “socius” (hamroh, sherik) so‘zidan olingan bo‘lib, dastlab “hamrohlik”, “ittifoq”, “shartnoma asosidagi birlashma” ma’nolarini anglatgan (Ogereau, 2014). Rim huquqi nuqtayi nazaridan, societas ikki yoki undan ortiq shaxslarning ixtiyoriy ravishda tuzgan shartnomasi – mulk yoki mehnatni birlashtirish kelishuvi – ma’nosini anglatgan. Bu kelishuvda tomonlar o‘zlarining malaka va mehnatlarini (ars et opera) birlashtirib, ma’lum bir maqsad yo‘lida hamkorlik qilganlar (Ogereau, 2014). XIV asrdan boshlab “society” so‘zi ingliz tiliga kirib kelgan va dastlab “do‘stlar davrasi”, “hamjamiyat” ma’nolarida ishlatilgan (Barbouchi, 2015). Keyinchalik bu so‘z kengayib, butun bir ijtimoiy tizimni ifodalay boshlagan. Tadqiqotchilar Kirdina-Chandler va Kruglova (2019) ta'kidlashicha, Y-matritsa (individualistik) jamiyatlar tilida “jamiyat” tushunchasining shakllanishi “xususiydan umumiyga” qarab – quyidan yuqoriga (bottom-up) mantiqini aks ettiradi. Ya’ni, jamiyat individlarning yig‘indisi, ularning ixtiyoriy birlashmasi sifatida tushuniladi (Kirdina-Chandler & Kruglova, 2019).

O‘zbek tilidagi “jamiyat” so‘zining etimologiyasi. O‘zbek tilidagi “jamiyat” so‘zi arab tilidan olingan bo‘lib, “jam’” (yig‘ish, to‘plash) ildiziga borib taqaladi. “Jamiyat” – yig‘ilgan, to‘plangan narsa, jamlanganlik ma’nosini anglatadi (Mahmudov, 2020). Bu so‘zning semantik tarkibida “birlik”, “umumiylik”, “yaxlitlik” ma’nolari ustunlik qiladi. “Jam” ildizidan yasalgan boshqa so‘zlar – “jamoa”, “jamoatchilik”, “jami”, “majmua”, “jumla” – ham “birlik”, “yig‘indilik” ma’nolarini ifodalaydi. Bu esa o‘zbek tili ongida “jamiyat” tushunchasining yaxlit bir butunlik, individlardan oldin mavjud bo‘lgan umumiy birlik sifatida tushunilishidan dalolat beradi.

Kirdina-Chandler va Kruglova (2019) ta'rifiga ko‘ra, X-matritsa (kollektivistik) jamiyatlarda “jamiyat” tushunchasining shakllanishi “umumiydan xususiyga” qarab – yuqoridan pastga (top-down) mantiqini aks ettiradi. Bunda butun (jamiyat) asosiy, individ esa unga nisbatan ikkilamchi hisoblanadi (Kirdina-Chandler & Kruglova, 2019). Etimologik tahlil shuni ko‘rsatadiki, turli tillardagi “jamiyat” kabi asosiy til konstantalarining mazmuni jamiyatlarning institutsional tashkil etilishining muhim xususiyatlarini aniq aks ettiradi (Kirdina-Chandler & Kruglova, 2019).

Shunday qilib, etimologik klasterda ingliz va o‘zbek tillari o‘rtasidagi tub farq namoyon bo‘ladi: ingliz tilida “jamiyat” individlarning ixtiyoriy birlashmasi (societas), o‘zbek tilida esa individlarni o‘zida birlashtiruvchi yaxlit bir butunlik (jam') sifatida tushuniladi.

Leksik-semantik klaster. *Sinonimik qatorlar*-ingliz tilida “society” so‘zining sinonimik qatoriga quyidagi birliklar kiradi: community (jamoa), association (uyushma), organization (tashkilot), public (jamoatchilik), population (aholi), culture (madaniyat), civilization (sivilizatsiya) (Barbouchi, 2015). Bu sinonimlarning har biri “jamiyat” tushunchasining muayyan qirrasini ifodalaydi. O‘zbek tilida “jamiyat” so‘zining sinonimlari: jamoa, el, xalq, ummat, jamoatchilik, ahliya (eskirgan) (Mahmudov, 2020). Anvarova (2025) tadqiqotiga ko‘ra, o‘zbek tilida qarindoshlik va urug‘chilikka oid leksika (“urug‘”, “qabila”, “elat”, “xalq”) “jamiyat” konsepti bilan chambarchas bog‘langan holda klasterlanadi (Anvarova, 2025).

Antonimik munosabatlar-ingliz tilida "society" so'zining asosiy antonimi individual (shaxs) hisoblanadi. Bu qarama-qarshilik ingliz falsafasi va sotsiologiyasidagi "individ – jamiyat" dialektikasini aks ettiradi. Boshqa antonimlarga nature (tabiat), solitude (yolg'izlik), isolation (izolyatsiya) kiradi (Barbouchi, 2015). O'zbek tilida "jamiyat" tushunchasiga "yolg'izlik", "ayrilik", "tanholik" antonim sifatida qaraladi. Raximova (2025) ta'kidlashicha, antonimlar sotsiopragmatik nuqtayi nazardan tahlil qilinganda, o'zbek tilida "jamiyat – yolg'izlik" qarama-qarshiligi ingliz tilidagiga nisbatan keskinroq ifodalanadi (Raximova, 2025). Antonimlar ijtimoiy maqom, madaniy qadriyatlar, hokimiyat va xushmuomalalik normalarini aks ettiradi, til va jamiyat o'rtasidagi munosabatni yoritadi (Raximova, 2025).

Sotsiolingvistik klaster:

Hurmat va xushmuomalalik ifodasi. Ingliz va o'zbek tillarida hurmat va xushmuomalalik ifodalanishi "jamiyat" konseptining muhim klasterlaridan biridir. Ingliz tilida xushmuomalalik asosan sintaktik vositalar – modal fe'llar, shart mayli, so'roq gaplar – orqali ifodalanadi: Would you please..., Could you possibly..., I was wondering if... (Hasan, 2005).

O'zbek tilida esa xushmuomalalik maxsus leksik birliklar – iltimos, marhamat, rahmat, kechirasiz – va murojaat shakllari – aka, opa, xola, domla, akajon, opag'oy – orqali ifodalanadi (Anvarova, 2025, p. 49). Anvarova qayd etishicha, o'zbek tilida "hurmat" tushunchasi ingliz tilidagi "respect" so'ziga nisbatan kengroq ma'no doirasiga ega bo'lib, u kutiladigan xulq-atvor va jamiyatdagi qadriyatlarga asoslangan munosabatni ifodalaydi (Anvarova, 2025).

Gender xususiyatlari. Jamiyat konseptining gender klasteri ikki tilda turlicha ifodalanadi. Ingliz tilida so'nggi yillarda gender-neytral leksika keng tarqalgan: chairperson (rais), spokesperson (vakil), police officer (politsiyachi) (Aikhenvald, Dixon, & Jarkey, 2021). Bu jamiyatdagi gender tengligi g'oyalarining tilga ta'sirini ko'rsatadi.

O'zbek tilida esa gender xususiyatlari aniq ifodalanadi: rais – raisa, o'qituvchi – o'qituvchi ayol, shoir – shoira (Anvarova, 2025). Anvarova ta'kidlashicha, o'zbek tilidagi "erkak ishi", "ayol ishi" kabi iboralar jamiyatdagi gender stereotiplarini aks ettiradi.

Paremiologik klaster. Maqol va matallar "jamiyat" konseptining paremiologik klasterini tashkil etadi. Bu klasterda xalqning jamiyat haqidagi qarashlari, ijtimoiy normalar va qadriyatlar ifodalanadi (Mahmudov, 2020). Ingliz maqollarida jamiyat ko'pincha shartnomaviy munosabatlar prizmasidan talqin qilinadi:

- No man is an island – bu maqol John Donne she'ridan olingan bo'lib, insonning jamiyatga bog'liqligini ifodalaydi (Barbouchi, 2015).
- Society is governed by laws, not by men (Jamiyatni odamlar emas, qonunlar boshqaradi) – bu maqol ingliz huquqiy tafakkurining mahsulidir.
- A man is known by his company (Odam o'z hamrohiga qarab taniladi) – bu maqol ijtimoiy munosabatlarning ahamiyatini ko'rsatadi.
- O'zbek maqollarida esa jamiyat jamoviylik va birdamlik nuqtayi nazaridan talqin qilinadi:
- "Jamiyat – kuch" (Society is power) – bu maqol jamoaning birlashgan kuchini ifodalaydi (Mahmudov, 2020).
- "Eldan chetda – sendan chetda" (Away from the people – away from yourself) – bu maqol jamiyatdan chetlanishning salbiy oqibatlarini ko'rsatadi (Mahmudov, 2020).

Bu maqollar o'zbek tili ongida jamiyatdan chetda qolish eng yomon holatlardan biri sifatida baholanishini, ingliz tilida esa shaxsning mustaqilligi va individualligi ko'proq qadrlanishini ko'rsatadi.

Xulosa

Ingliz va o'zbek tillaridagi "jamiyat" konseptining klasterlanishi qiyosiy-kognitiv tahlili shuni ko'rsatadiki, "jamiyat" konsepti har ikki tilda ham murakkab, ko'p qatlamli klasterlar

tizimidan iborat. Bu klasterlarni bilish tarjima jarayonida, til o'qitishda va madaniyatlararo muloqotda muhim ahamiyat kasb etadi. Konseptning klasterlanish modeli til egasining jamiyat haqidagi tasavvurlarini, ijtimoiy qadriyatlarini va dunyoqarashini ochib beradi.

References:

1. Aikhenvald, A., Dixon, R., & Jarkey, N. (Eds.). (2021). *The integration of language and society: A cross-linguistic typology*. Oxford University Press.
2. Anvarova, S. (2025). Semantic content of social lexicon in Uzbek and English languages. *Лингвоспектр, 1*, 45-52.
3. Barbouchi, L. (2015). The origins of the concept of society in Arabic, English and French languages: A conceptual analysis of their convergence and divergence. *International Conference Paper,* 1-15.
4. Chilton, P. (2019). *Cognitive linguistics*. In W. H. Brekhus & G. Ignatow (Eds.), The Oxford handbook of cognitive sociology. 242-270. Oxford University Press.
5. Hasan, R. (2005). *Language, society and consciousness: The collected works of Ruqaiya Hasan.* Equinox Publishing.
6. Kirdina-Chandler, S. G., & Kruglova, M. S. (2019). "Society", "state" and institutional matrixes: A case in interdisciplinary meso-analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya, 10,* 15-26.
7. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
8. Mahmudov, N. (2020). *O'zbek tili leksikasi va frazeologiyasi*. Fan.
9. Ogereau, J. M. (2014). Paul's κοινωνία with the Philippians: Societas as a missionary funding strategy. *New Testament Studies, 60*(3), 1-24. Cambridge University Press.
10. Raximova, F. (2025). Ingliz va o'zbek tillaridagi sotsiopragmatik farqlar: Antonimlar asosida. *TSUULL Conference Proceedings,* 112-118.
11. Safarov, Sh. (2006). *Kognitiv tilshunoslik*. Sangzor.
12. Shaykhislamov, N. (2021). The direction of modern linguistics – The concept of cognitive linguistics. *Academic Research in Educational Sciences, 2*(1), 234-242.

Functions of non-standard English in fictional texts

Ziyovuddinova Mahliyo Zuxriddin qizi
mahliyo27072002@gmail.com
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This study examines several functions of non-standard English in fictional texts, focusing on how these linguistic choices contribute to character development, thematic expression, and reader engagement. Personality of characters, their social background can be identified through their speech patterns. In addition, the use of non-standard English varieties reinforce the themes like tradition, cultural identity linking characters with their regional background. Moreover, non-standard language can create strong bonds between the characters and readers. Through a qualitative analysis and literary-linguistic approach, this research highlights the usage and functions of non-standard language within fiction. The analysis integrates textual data and case studies to present a comprehensive view of the non-standard language usage in literature. The paper focuses on a detailed analysis of "The Catcher in the Rye", written by J.D. Salinger. The protagonist's speech demonstrates how the author employs non-standard language to achieve specific literary objectives, including authenticity and realism. The findings show how non-standard language operates as an integral component of narrative meaning-making.*

Keywords *Non-standard English, dialect, fiction, eye dialect, authenticity, slang, character development, phonological variations, colloquial speech*

Badiiy matnlardagi nostandart ingliz tilining funktsiyalari

Ziyovuddinova Mahliyo Zukhriddin qizi
mahliyo27072002@gmail.com
Magistrant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu tadqiqot badiiy matnlardagi nostandart ingliz tilining turli vazifalarini o'rganadi va bu lingvistik tanlovlar asar qahramonlarining yaratilishiga, mavzuni ifodalashga va kitobxonlarni jalb qilishga qanday hissa qo'shishiga alohida e'tibor qaratadi. Qahramonlarning shaxsiyati, ularning ijtimoiy kelib chiqishi ularning nutq uslublari orqali aniqlanishi mumkin. Bundan tashqari, nostandart ingliz tili turlaridan foydalanish an'analar, madaniy o'ziga xoslik kabi mavzularni ilgari suradi, bu esa qahramonlarni ularning mintaqaviy kelib chiqishi bilan bog'laydi. Bundan tashqari, nostandart til asar qahramonlari va kitobxonlar o'rtasida mustahkam aloqalar o'rnatishi mumkin. Sifatli tahlil va adabiy-lingvistik yondashuv asosida ushbu maqola badiiy adabiyotda nostandart tilning qo'llanilishi va vazifalarini yoritib beradi. Matnli ma'lumotlar va amaliy tadqiqotlar tahlil qilinib, adabiyotda nostandart tildan foydalanishning keng qamrovdagi ko'rinishini taqdim etadi. Maqolada asosiy e'tibor J.D. Salinger tomonidan yaratilgan "Javdazordagi xaloskor" nomli asarining batafsil tahliliga qaratilgan. Bosh qahramonning nutqi muallifning ma'lum bir adabiy maqsadlarga, jumladan, haqiqiylik va realizmga erishish uchun nostandart tildan qanday foydalanganligini ko'rsatadi. Xulosa qilib*

aytganda, nostandart til hikoya ma'nosini yaratishning muhim tarkibiy qismi sifatida ishlashini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar *Nostandard ingliz tili, sheva, badiiy adabiyot, yozma talaffuz, haqiqiylik, sleng, qahramon yaratilishi, fonologik o'zgarishlar, so'zlashuv nutqi*

Функции нестандартного английского языка в художественных текстах

Зиёвуддинова Махлиё Зухриддин кизи
mahliyo27072002@gmail.com
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данном исследовании рассматриваются различные функции нестандартного английского языка в художественных текстах, с особым акцентом на то, как эти лингвистические решения способствуют развитию персонажей, выражению тематики и вовлечению читателя. Личность персонажей и их социальное происхождение можно определить по их манере речи. Кроме того, использование нестандартных вариантов английского языка усиливает такие темы, как традиции, культурная самобытность, связывающие персонажей с их региональным происхождением. Более того, нестандартный язык может создать прочные связи между персонажами и читателями. С помощью качественного анализа и литературно-лингвистического подхода в данном исследовании освещаются использование и функции нестандартного языка в художественной литературе. Анализ объединяет текстовые данные и тематические исследования, чтобы представить всесторонний обзор использования нестандартного языка в литературе. Статья фокусируется на подробном анализе романа «Над пропастью во ржи» Дж.Д. Сэлинджера. Речь главного героя демонстрирует, как автор использует нестандартный язык для достижения определенных литературных целей, включая аутентичность и реализм. Результаты показывают, как нестандартный язык действует как неотъемлемая часть создания смысла повествования.*

Ключевые слова *Нестандартный английский, диалект, художественная литература, диалектный стиль, аутентичность, сленг, развитие персонажей, фонологические вариации, разговорная речь*

Introduction

The use of non-standard English in fictional literature is one of the complicated tasks to authors for creating authentic narratives. Non-standard language varieties serve crucial functions in establishing character identity, reinforcing thematic elements, and creating social commentary within literary works. Hodson (2014) observed in her comprehensive study of literary dialect, "writers use non-standard language not just to represent speech realistically, but to invoke social meanings and create particular effects for their readers."

The employment of non-standard English in fiction gives a rise to some questions about the relationship between language, identity, and literary meaning. When authors choose to represent characters through dialectal speech, colloquial expressions, or grammatically non-normative constructions, they engage in a complex process of linguistic encoding that carries significant cultural, social, and psychological implications. This process becomes particularly evident in works like J.D. Salinger's "The Catcher in the Rye," where the protagonist's distinctive voice serves multiple narrative functions simultaneously.

In literary contexts, non-standard English can manifest through phonological variations (represented through eye dialect), lexical choices, syntactic structures, and pragmatic patterns that differ from standard conventions.

Character development is one of the main functions of non-standard English in fiction. Character backgrounds, personalities, and social positions can be established through distinctive speech patterns. Authors describe characters using non-standard language to create complex, multifaceted characters, highlighting their social status, education, and cultural background. It also serves as a marker of authenticity, reflecting cultural attitudes about the relationship between linguistic formality and emotional authenticity.

Another important function of non-standard English in fiction is the creation of narrative authenticity. Authors can make their fictional worlds more believable and engaging for readers by incorporating realistic speech patterns and linguistic variations. This authenticity extends beyond simple mimicry to encompass the cultural and social contexts that shape language use.

The pursuit of authenticity through non-standard English reflects broader literary movements toward realism and naturalism. Authors seeking to represent life as it is actually lived must grapple with the fact that most people do not speak in the formal, grammatically correct manner associated with standard written English. The incorporation of colloquial speech, dialect, and other non-standard forms becomes essential for creating believable characters and situations.

Non-standard English often functions thematically within literary works, reinforcing central themes and symbolic meanings. The linguistic choices made by characters and narrators can parallel or underscore the work's broader thematic concerns, creating layers of meaning that operate on both linguistic and conceptual levels. For example, the use of non-standard English might reinforce themes of alienation, rebellion, or social critique by positioning characters outside mainstream linguistic norms. Alternatively, dialectal speech might support themes of community, tradition, or cultural identity by connecting characters to specific regional or ethnic backgrounds.

Non-standard English can also function to enhance reader engagement and identification with characters. Non-standard language can create powerful connections between the text and their lived experiences for readers who recognize their own speech patterns or cultural backgrounds in literary representations. This identification can make literary works more personally meaningful and emotionally resonant. Conversely, non-standard English can also create distance between readers and characters, potentially challenging readers to expand their perspectives or confront their own linguistic assumptions. The way readers respond to non-standard language in literature often reflects their own social positions and attitudes toward linguistic diversity (Blake, 1981).

Methods of research

This study employs a literary-linguistic approach to analyze and understand literary texts, focusing on how language functions within literature. By examining the literary work "The Catcher in the Rye" written by J.D. Salinger, the research aims to identify non-standard components (dialect, slang, and colloquial forms) in dialogue and narration, focusing on their usage in texts and

interpreting their functions in terms of characterization, cultural representation, and reader reception. Additionally, it employs a qualitative method that focuses on collecting and analyzing texts.

The study followed these key steps:

1. Textual analysis was conducted on selected passages from Salinger. The aim was to identify dialects and slang words, their functions, and their usage.
2. A systematic review of studies on using non-standard language in writing. These studies applied qualitative analysis, quantitative methods for collecting texts, and mixed approaches.

A study by Mansisa Ntoya (2018) compared the use of non-standard English in written and audio-visual fiction.

Another study by G.R. Imbukuleh (2014) observed the effectiveness of using non-standard English as a technique in writing fiction.

Results

Non-standard English creates believable voices. Holden Caulfield, the protagonist and narrator of the novel, has a unique voice that combines elements of teenage slang, colloquial speech, and informal grammar with sophisticated vocabulary and complex ideas. This linguistic combination creates a distinctive narrative voice that serves multiple functions within the novel.

Holden was an upper-middle-class teenager from New York City in the 1940s and 1950s, and this is reflected in his speech patterns. His language incorporates period-specific slang, casual grammatical constructions, and repetitive patterns that suggest both youthful speech and psychological distress. However, his vocabulary and conceptual sophistication also reflect his privileged educational background and intellectual capacity.

Holden's distinctive voice incorporates several key linguistic features that mark it as non-standard. These include frequent use of colloquial expressions ("for crying out loud," "it really did"), grammatical informality (sentence fragments, run-on sentences), repetitive patterns ("it kills me," "if you want to know the truth", "and all", "as hell"), and period-specific slang ("phony," "crumby," "old").

The phonological representation of Holden's speech also includes occasional eye dialect and informal contractions that suggest casual, spoken language rather than formal written discourse. Salinger employs these techniques sparingly but effectively to maintain the impression of spontaneous speech without sacrificing readability. For example:

- "Wuddaya mean so what?" (instead of What do you mean)
- "C'mon, let's go." (instead of Come on)
- "Gimme a cigarette." (instead of Give me)
- "Lemme tell ya." (instead of Let me tell you)
- "If I letcha up, willya keep your mouth shut?" (instead of Let you, Will you)

The most notable aspect of Holden's speech is characterized by its conversational tone and direct address to the reader. His frequent use of second-person pronouns ("you") and explanatory asides creates a close, confessional atmosphere that draws readers into his psychological state. This linguistic intimacy becomes crucial to the novel's emotional impact and thematic development. In the following examples, "ya" is used instead of "you", which makes Holden's speech more authentic and direct.

- "Ya know?"
- "I was all set to go, but I didn't feel like it. Ya didn't know old Stradlater."
- "Ya never saw such a mess."

Despite this, there are other forms of non-standard English, namely dialects and accents. The dialects and accents are usually transcribed phonetically, and they have no spelling rules. Dropping the "g" at the end of the words while the rest of the text is written in standard English can be enough to identify the proper dialect and accent. The following excerpt is taken from "The Catcher in the Rye":

- "I'm comin'," old Maurice said. But he didn't.
- "I mean it, Maurice, hey. Leave him alone."
- "Who's hurtin' anybody?" he said, innocent as hell.

The opening lines of "The Catcher in the Rye" immediately establish Holden's unique voice and its non-standard characteristics:

"If you really want to hear about it, the first thing you'll probably want to know is where I was born, and what my lousy childhood was like, and how my parents were occupied and all before they had me, and all that David Copperfield kind of crap, but I don't feel like going into it, if you want to know the truth." (Salinger, 1951)

This passage shows several key features of Holden's non-standard English, including a conversational tone, direct address to the reader, informal vocabulary ("lousy," "crap"), run-on sentence structure, and the characteristic phrase "if you want to know the truth." These linguistic elements immediately establish his personality and perspective while creating a close relationship with the reader.

Discussion

The analysis shows that, throughout the novel, Holden's non-standard speech serves as a primary vehicle for character development. His linguistic patterns reveal his psychological state, social background, and personal values without requiring explicit exposition. The informal, often fragmented nature of his speech suggests mental distress and emotional instability, while his sophisticated vocabulary indicates intellectual capacity and educational privilege.

Holden's relationship to standard and non-standard English reflects broader themes of social critique within the novel. He consciously rejects formal, "adult" speech patterns in the same way that he rejects adult society's artificiality and phoniness. The non-standard elements of his speech become markers of authenticity in opposition to social pretension.

The non-standard language becomes integral to the novel's psychological authenticity. This authenticity extends beyond surface linguistic features to encompass the psychological processes that shape Holden's speech. His tendency toward digression, repetition, and emotional intensity reflects realistic patterns of traumatic response and adolescent psychological development.

Holden's non-standard English reinforces several important themes within the novel, including alienation, authenticity versus phoniness, and the loss of innocence. His informal speech patterns position him outside conventional social discourse, linguistically embodying his sense of alienation from mainstream society.

Holden's linguistic choices provide a unique expression of the theme of authenticity versus phoniness. His broader criticism of social artificiality is reflected in his preference for honest, informal expression over formal propriety. His preference for casual, honest expression over formal propriety reflects his broader critique of social artificiality. The non-standard elements of his speech become markers of genuine feeling and true self-expression.

Another central theme, the preservation of innocence, is also reflected in Holden's speech patterns. His retention of childlike expressions and his resistance to adult linguistic conventions mirror his broader desire to protect childhood innocence from adult corruption. The linguistic choices become symbolic of his psychological and moral position.

Conclusion

This article has demonstrated that non-standard language varieties play a crucial role in defining character identities, highlighting themes, and creating social commentary in literary works. By employing dialects, colloquialisms, and non-standard linguistic forms, authors can engage readers more deeply with diverse personalities and social realities, keeping the authenticity of the text.

This study highlighted several functions of the use of non-standard English in literary works, specifically in "The Catcher in the Rye" by J.D. Salinger. The main character, Holden Caulfield's speech patterns that are rich with slang and colloquialisms, serve as markers of authenticity and rebellion against social norms. By embodying themes of alienation, authenticity versus phoniness, and the preservation of innocence, Holden's non-standard language reflects his inner turmoil and values. His voice demonstrates how non-standard English can function as a primary vehicle for psychological realism and authentic character representation. Salinger carefully constructed Holden's speech patterns, which have created a narrative voice that is simultaneously individualistic and representative, personal and universal.

The broader examination of non-standard English functions in literature reveals a number of key principles that govern effective literary representation. Employing non-standard varieties successfully requires respecting represented communities without using stereotypes, integrating linguistic choices with broader artistic objectives, and paying careful attention to authenticity without sacrificing readability. The most effective literary uses of non-standard English achieve a balance between linguistic accuracy and artistic stylization that serves the work's overall aesthetic and thematic purposes.

Finally, the ways non-standard English is used in fiction and its functions illustrate the essential connection between language and human experience. Authors can encourage readers to deepen their comprehension of linguistic and social complexity while presenting more authentic, inclusive, and meaningful representations of human diversity through their linguistic choices. The right choice of linguistic varieties represents one of the highest achievements of literary art.

References:

1. Blake, N. F. (1981). *Non-standard Language in English Literature*. André Deutsch.
2. Hodson, J. (2014). *Dialect in Film and Literature*. Palgrave Macmillan.
3. Imbukuleh, G. R. (2014). *The effectiveness of using non-standard English as a technique in writing fiction basing on Ken Saro-wiwa's Sozaboy and Brain Chikwava's Harare North*. University of Nairobi.
4. Ntoya, M. (2018). *Non-standard language in Zadie Smith's White Teeth: The novel and its TV adaptation*.
5. Salinger, J. D. (1951). *The Catcher in the Rye*. Little, Brown and Company.

The status of law terms in sectoral terminology

Mirzaev Farkhod Davlatbekovich
The Academy of the Ministry of Internal Affairs

Annotation *The article analyzes the place and status of legal terminology in the general system of sectoral terminology. The study is based on scientific works by Uzbek, Russian, and German linguists and examines the theoretical foundations of legal terms, their specific characteristics, structural and semantic aspects. The author studies the internal structure of legal terminology, its classification and development history, identifying common and distinctive features of terminological systems in three languages. The article reveals in detail the basic requirements for legal terms such as unambiguity, accuracy, and prescriptiveness. Special attention is paid to the division of legal terminology into inter-branch and branch terminology, their functional features and cognitive aspects. The problems of normalization, standardization and translation of legal terms from one language to another are also considered. The research is conducted by comparing the stages of formation of Uzbek legal terminology with the development paths of German and Russian legal terminologies. The research results offer a new approach to the issues of standardization and normalization of legal terminology. The conclusions emphasize the theoretical and practical significance of legal terminology, its social role and future development directions. The article creates a theoretical basis for comparative research in the field of legal terminology.*

Keywords *Legal terminology, sectoral terminology, legal term, inter- specialized terminology, normalization, standardization, comparative research, Uzbek legal terminology, German legal terminology*

Soha terminologiyasida yuridik terminlarning maqomi

Mirzayev Farxod Davlatbekovich
O‘zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi

Annotatsiya *Maqolada yuridik terminologiyaning umumiy soha terminologiyasi tizimidagi o‘rni va maqomi tahlil qilingan. Tadqiqot o‘zbek, rus va nemis tilshunoslari tomonidan olib borilgan ilmiy ishlar asosida yuridik terminlarning nazariy asoslari, ularning o‘ziga xos xususiyatlari, tuzilmaviy va semantik jihatlari ko‘rib chiqilgan. Muallif yuridik terminologiyaning ichki tuzilishi, tasnifi hamda rivojlanish tarixini o‘rganib, uch tildagi terminologik tizimlarning umumiy va farqli jihatlarini aniqlagan. Maqolada yuridik terminlarning bir ma’noliligi, aniqligi va preskriptivligi kabi asosiy talablari batafsilroq ochib berilgan. Alohida e’tibor yuridik terminlarning sohalararo va soha terminologiyalariga ajratilishi, ularning funksional xususiyatlari hamda kognitiv jihatlariga qaratilgan. Shuningdek, yuridik terminlarni me’yorlashtirish, standartlashtirish va bir tildan ikkinchi tilga o‘tkazishdagi muammolar ham ko‘rib chiqilgan. Tadqiqot o‘zbek yuridik terminologiyasining shakllanish bosqichlarini, nemis va rus yuridik terminologiyalarining rivojlanish yo‘llarini taqqoslash orqali olib borilgan. Tadqiqot natijalari yuridik terminologiyani standartlashtirish va me’yorlashtirish masalalariga yangicha yondashuvni taklif etadi. Xulosalarda yuridik terminologiyaning nazariy va amaliy ahamiyati, uning ijtimoiy roli hamda*

kelajakdagi rivojlanish yo'nalishlari ta'kidlangan. Maqola yuridik terminologiya sohasidagi qiyosiy tadqiqotlar uchun nazariy asos yaratadi.

Kalit so'zlar *Yuridik terminologiya, soha terminologiyasi, yuridik termin, sohalararo terminologiya, me'yorlashtirish, standartlashtirish, qiyosiy tadqiqot, o'zbek yuridik terminologiyasi, nemis yuridik terminologiyasi*

Статус юридических терминов в отраслевой терминологии

Мирзаев Фарход Давлатбекович
Академия МВД Республики Узбекистан

Аннотация *В статье анализируется место и статус юридической терминологии в общей системе отраслевой терминологии. Исследование основано на научных трудах узбекских, русских и немеских лингвистов и рассматривает теоретические основы юридических терминов, их специфические характеристики, структурные и семантические аспекты. Автор изучает внутреннюю структуру юридической терминологии, её классификацию и историю развития, выявляя общие и отличительные черты терминологических систем в трёх языках. В статье подробно раскрываются основные требования к юридическим терминам, такие как однозначность, точность и прескриптивность. Особое внимание уделяется разделению юридической терминологии на межотраслевую и отраслевую, их функциональным особенностям и когнитивным аспектам. Также рассматриваются проблемы нормализации, стандартизации и перевода юридических терминов с одного языка на другой. Исследование проводится путём сопоставления этапов формирования узбекской юридической терминологии с путями развития немецкой и русской юридических терминологий. Результаты исследования предлагают новый подход к вопросам нормализации, стандартизации юридической терминологии. В выводах подчёркивается теоретическая и практическая значимость юридической терминологии, её социальная роль и будущие направления развития. Статья создаёт теоретическую основу для сопоставительных исследований в области юридической терминологии.*

Ключевые слова *Юридическая терминология, отраслевая терминология, юридический термин, межотраслевая терминология, нормализация, стандартизация, сопоставительное исследование, узбекская юридическая терминология, немецкая юридическая терминология*

Har qanday fan o'z terminologik tizimiga ega bo'lib, uning rivojlanishi fanning o'zi bilan bevosita bog'liqdir. Yuridik fanlar ham mustasno emas – ular o'zining keng va murakkab terminologik apparatiga ega. Yuridik terminologiya umumiy terminologiya tizimida maxsus o'rin egallaydi, chunki u davlat va jamiyat hayotining eng muhim sohasini – huquqni aks ettiradi.

Terminologiyaning nazariy asoslarini o'rganish yuridik terminlarning soha terminologiyasidagi mavqeini tushunishda

muhim ahamiyat kasb etadi. Bu masala o'zbek, rus va nemis tilshunosligida turli darajada tadqiq etilgan bo'lib, har bir tilshunoslik maktabi o'ziga xos yondoshuvlarni ishlab chiqqan.

Tilshunoslik fanida "termin" tushunchasining ta'rifi bir necha yo'nalishda rivojlangan. O'zbek tilshunosligida bu masalaga alohida e'tibor qaratilgan. K.R. Fatullayeva ta'kidlashicha, "termin" va "atama" tushunchalari o'rtasida prinsipial farq mavjud. Uning fikricha, "termin" semantik jihatdan maxsus soha doirasida chegaralangan bo'lsa, "atama" kengroq tushuncha hisoblanadi va umumadabiy shaklga ega bo'lgan maxsus so'zni anglatadi (Fatullayeva, 2023; 18).

Terminning boshqa leksik birliklardan farqini belgilash muhim nazariy masala bo'lib qolmoqda. P.P. Nishonov ta'kidlashicha, "terminlar semantik jihatdan maxsus soha doirasida chegaralangan" (Fatullayeva, 2023; 19). Bu ta'rif terminning asosiy xususiyatini – uning aniq bir sohaga mansubligini ko'rsatadi.

Rus tilshunosligida termin masalasiga o'ziga xos tarzda yondashilgan. T.G. Bukina fikriga ko'ra, yuridik termin "qonunchilikda ishlatiladigan, huquqiy tushunchaning umumlashgan nomlanishi bo'lib, aniq va muayyan ma'noga ega bo'lgan so'z yoki barqaror so'z birikmasidir" (Букина, 2023; 33). Bu ta'rif terminning funksional jihatini – uning qonunchilikda qo'llanilishini alohida ta'kidlaydi.

Nemis tilshunosligida termin tushunchasi batafsilroq ishlab chiqilgan. Peter Sandrini o'zining fundamental tadqiqotida yuridik terminlar xususiyatlarini tahlil qilib, ularning oddiy tildagi so'zlardan farqini ko'rsatgan. Uning fikricha, huquqiy tushuncha *(Rechtsbegriff)* ikki asosiy funksiyani bajaradi: birinchidan, u hodisani *(Tatbestand)* tavsiflaydi, ikkinchidan, huquqiy oqibatlar *(Rechtsfolge)* bilan bog'laydi (Sadrini, 1995; 3-4). Bu yondashuv yuridik terminlarning faqat nominativ emas, balki preskriptiv (buyuruvchi) xarakterga ham ega ekanligini ko'rsatadi.

Yuridik terminlar umumiy terminologiya tizimida o'ziga xos o'rin tutadi. Buni ularning qator maxsus xususiyatlari bilan izohlash mumkin. D.Soyibova ta'kidlashicha, yuridik terminlarga quyidagi talablar qo'yiladi: 1) bir ma'nolilik; 2) emotsionallik va ekspressivlikning yo'qligi; 3) ko'chma ma'no, metafora, metonimiya va sinekdoxaning mavjud emasligi (Soyibova, 2023; 16-17).

Bu talablar yuridik terminlarning o'ziga xos tabiatini aks ettiradi. Bir ma'nolilik talabi yuridik xavfsizlik prinsipi bilan bog'liq – har bir termin faqat bitta aniq tushunchani ifodalashi kerak. T.G. Bukina ham shu fikrni tasdiqlab, yuridik terminlarning "oddiylik, bir ma'nolilik, umume'tirof etilganlik, barqarorlik, tushunarlik va aholining barcha qatlamlari uchun qulaylik" xususiyatlariga ega bo'lishi kerak, deb ta'kidlaydi (Букина, 2023; 33).

Emotsionallik va ekspressivlikning yo'qligi yuridik matnlarning ob'ektiv xarakterini ta'minlaydi. Qonun matni shaxsiy baholardan holi bo'lishi, faqat huquqiy voqelikni aks ettirishi kerak. Bu talab yuridik terminlarni badiiy va publitsistik matnlardagi so'zlardan tubdan farqlaydi.

Y.N. Chufarova yuridik terminlarni qat'iy ravishda professionalizmlar va jargondan ajratish zarurligini ta'kidlaydi. Uning tasnifiga ko'ra, "ideal" termin quyidagi xususiyatlarga ega bo'lishi kerak: oddiylik, qisqalik, bir ma'nolilik, tizimlilik, emotsional-baholovchi ekspressiyaning yo'qligi (Чуфарова, 2018; 9). Bu xususiyatlar yuridik terminning professionalizmlardan asosiy farqini ko'rsatadi – terminlar rasmiy, stilistik jihatdan neytral va qonunchilikda mustahkamlangan bo'lishi kerak.

Nemis yuridik tadqiqotlarda terminlarning maxsusligi yanada chuqurroq tahlil qilingan. P. Sandrini yuridik tushunchalarning interpretatsiya va qiyos orqali huquqni rivojlantirish *(Rechtsfortbildung und Analogie)* kabi xususiyatlarga ega ekanligini ko'rsatadi (Sadrini, 1995; 5-6). Bu yuridik terminlarning dinamik xarakterini aks ettiradi – ular qonunchilik amaliyoti va sud talqinlari orqali rivojlanib boradi.

Yuridik terminologiya umumiy terminologik tizimda maxsus o‘rin egallaydi. Bu soha terminologiyasi ikki asosiy qismga ajratiladi: huquq terminologiyasi va huquqshunoslik terminologiyasi. T.G. Bukinaning fikriga ko‘ra, yuridik terminologiya ijtimoiy-siyosiy terminologiyaning tarkibiy qismi bo‘lib, o‘z navbatida ikki asosiy guruhga bo‘linadi: 1) huquq terminologiyasi (qonunchilik, me’yor ijodkorligi, huquqni qo‘llash sohalaridagi terminlar); 2) huquqshunoslik terminologiyasi (huquqiy doktrinaga oid terminlar) (Букина, 2023; 33).

Yuridik terminologiyaning ichki tasnifi uning murakkab tuzilishini ko‘rsatadi. T.G. Bukina taklifiga ko‘ra, yuridik terminologiyada ikki asosiy kategoriya farqlanadi: sohalararo va soha terminologiya. Sohalararo terminologiya huquqning bir necha sohalarida qo‘llaniladigan terminlarni o‘z ichiga oladi, masalan, *“moddiy javobgarlik”, “sezilarli darajada zarar”, “qanoatsizlik”* kabi terminlar (Букина, 2023; 33). Soha terminologiyasi esa aniq bir huquqiy munosabatlar sohasi uchun xos bo‘lgan terminlardan iborat.

Bu tasnifning ahamiyati shundaki, u yuridik terminlarning qo‘llanish doirasini aniqlashga imkon beradi. D. Soyibova ishlab chiqilgan batafsil tasnifni keltiradi, unga ko‘ra yuridik terminlar qo‘llanish sohasiga ko‘ra 14 guruhga bo‘linadi: 1) umumyuridik terminlar; 2) konstitutsiyaviy-huquqiy terminlar; 3) ma’muriy-huquqiy terminlar; 4) fuqarolik-huquqiy terminlar; 5) jinoiy-huquqiy terminlar; 6) yer-huquqiy terminlar; 7) agrar-huquqiy terminlar; 8) mehnat huquqi terminlari; 9) ijtimoiy ta’minot terminlari; 10) ekologik huquq terminlari; 11) moliyaviy huquq terminlari; 12) fuqarolik-protsessual terminlar; 13) jinoiy-protsessual terminlar; 14) xalqaro-huquqiy terminlar (Soyibova, 2023; 18-19).

Bu tasnifning ahamiyati shundaki, u yuridik terminologiyaning kengligi va ko‘p qirraliligini ko‘rsatadi. Har bir guruh o‘z ichki tuzilishiga, rivojlanish tarixiga va funksional xususiyatlariga ega.

Yuridik terminologiyaning shakllanishi va rivojlanishi huquq tizimining tarixi bilan chambarchas bog‘liq. M. Xamdamova o‘zbek yuridik terminologiyasining rivojlanishida besh asosiy davrni ajratadi: 1) 1920-1937-yillar – arab terminlarining ustunligi; 2) 1938-1950-yillar – rus terminlarining majburiy joriy etilishi; 3) 1950-1990-yillar – rus terminlarining bosqichma-bosqich joriy etilishi; 4) 1989-1993-yillar – terminlarni milliylashtirishning boshlanishi; 5) 1993-yildan keyin – rivojlanish prinsiplarining belgilanishi (Xamdamova, 2025; 113-114).

Bu davrlashtirish o‘zbek yuridik terminologiyasining turli tarixiy sharoitlarda qanday shakllanganini ko‘rsatadi. Birinchi davrda arab-fors terminlari ustunlik qilgan, chunki o‘zbek xalqining yuridik madaniyati ko‘p asrlar davomida islom huquqi bilan bog‘liq bo‘lgan. Ikkinchi va uchinchi davrlarda rus terminlarining kiritilishi sovet huquq tizimiga o‘tish bilan bog‘liq. To‘rtinchi va beshinchi davrlar mustaqillik yillaridagi milliy yuridik terminologiya yaratish jarayonini aks ettiradi.

M. Xamdamovaning alohida ta’kidiga ko‘ra, har bir tarixiy davr o‘z terminologik lug‘atlarini yaratgan. Masalan, 1926-yilda G‘ozi Yunusning lug‘ati, 1959-yilda Bakirovning lug‘ati, 1993-yilda Ahmedov, Saidov va Bozorovlarning lug‘ati nashr etilgan (Xamdamova, 2025; 114). Bu lug‘atlar o‘z davrining yuridik terminologiyasini aks ettiradi va tarixiy taraqqiyotni kuzatishga imkon beradi.

Nemis yuridik terminologiyasining rivojlanishi ham e’tiborga molik. T.A. Lenkova ta’kidlashicha, nemis huquq tizimi rim huquqi an’analariga asoslangan bo‘lib, bu terminologiyada ko‘plab lotincha terminlarning saqlanishiga olib kelgan (Ленкова, 2011; 5-8). Shu bilan birga, nemis yuridik terminologiyasi o‘z milliy xususiyatlarini ham saqlab qolgan – masalan, kompozit terminlarni yaratish qobiliyati (*Gerichtsverfahren, Eigentumsrecht va boshqalar*).

Rus yuridik terminologiyasining tarixi ham o‘ziga xos xususiyatlarga ega. T.G. Bukina o‘z tadqiqotida, rus yuridik terminologiyasi

uzoq rivojlanish yo‘lini bosib o‘tganligini, unda slavyan, vizantiya, nemis va fransuz yuridik madaniyatlarining ta’siri sezilishini ko‘rsatib berdi (Букина, 2023; 33).

Yuridik terminlarning tuzilmaviy tahlili ularning shakllanish mexanizmlarini tushunishga imkon beradi. D. Soyibova Sh. Ko‘chimovning tasnifiga asoslanib, yuridik terminlarni tuzilishiga ko‘ra to‘rt guruhga ajratadi: 1) bir komponentli terminlar (qaror, ariza, kassatsiya); 2) ikki komponentli terminlar (davlat boji, qonunchilik hujjatlari); 3) uch komponentli terminlar (jinoyat kodeksi, oliy sud, qonun ijodkorligi); 4) ko‘p komponentli terminlar (ozodlikdan mahrum etish, jinoyat-qidiruv bo‘limi) (Soyibova, 2023; 17-18).

Bu tasnifning amaliy ahamiyati katta, chunki u terminlarning murakkablik darajasini va ularni qo‘llashdagi qiyinchiliklarni ko‘rsatadi. Odatda, bir komponentli terminlar aniqroq va tushunarliroq bo‘ladi, ko‘p komponentli terminlar esa batafsilroq, lekin murakkabroq bo‘ladi.

Sh. Atajonov nemis yuridik terminlarining tuzilmaviy xususiyatlarini batafsil tahlil qilgan. Uning tasnifiga ko‘ra, nemis yuridik terminlari ham tuzilishiga ko‘ra uch guruhga bo‘linadi: 1) bir komponentli terminlar *(das Gesetz, die Bestrafung, die Erbfolge, der Beschuldigter, das Recht)*; 2) ikki komponentli terminlar *(bürgerliches Gesetzbuch, gesetzliches Schuldverhältnis)*; 3) ko‘p komponentli terminlar *(Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch, freie richterliche Überzeugung)* (Atajanov, Turabayeva, Ruzmetova, 2025; 2-3).

Sh. Atajonov alohida ta’kidlashicha, nemis tilida bir komponentli terminlar o‘zbek tiliga ko‘p komponentli terminlar sifatida tarjima qilinadi. Masalan, *die Frauenrecht – “ayollar huquqi”, gesetzgebende Gewalt – “qonun chiqaruvchi hokimiyat”* (Atajanov, Turabayeva, Ruzmetova, 2025; 3). Bu nemis va o‘zbek yuridik terminologiyalarining tuzilmaviy farqini ko‘rsatadi.

Y.N. Chufarova terminlarning formal jihatdan professionalizmlardan farqini ko‘rsatadi. Professionalizmlar ko‘pincha qisqartmalar shaklida ishlatiladi *(masalan, “вещдоки” – “вещественные доказательства” o‘rniga, “кассатор” – “лицо, подавшее кассационную жалобу” o‘rniga)* (Чуфарова, 2018; 10). Terminlar esa hamisha to‘liq shaklda қўлланиши kerak.

Yuridik terminlarning semantik xususiyatlari ularning ma’no tuzilishini aks ettiradi. Bu masala yuridik terminologiyaning bir ma’nolilik talabini ta’minlashda muhim rol o‘ynaydi.

K.A. Mo‘ydinov yuridik terminlarning ma’no muammolarini batafsil tahlil qilgan. U o‘zbek yuridik terminologiyasidagi sinonimiya muammosini alohida ko‘rsatadi. Masalan, *“advokat”, “himoyachi”* va *“ishonchli vakil”* terminlari bir ma’noni anglatadi, lekin turli kontekstlarda ishlatiladi (Mo‘ydinov, 2018; 46-47). K.A. Mo‘ydinovning fikricha, bu sinonimlar qonunchilik matnlarida chalkashlikka olib kelishi mumkin.

M.R. Baxriddinova o‘zbek va nemis yuridik terminlarida giponimiya munosabatlarini o‘rgangan. Uning tahliliga ko‘ra, giponimiya yuridik terminologiya tizimining muhim qismi hisoblanadi. Masalan, o‘zbek tilida *“jinoyat”* terminining giponimlari: *“yengil jinoyat”, “og‘ir jinoyat”, “qasddan sodir etilgan jinoyat”* va boshqalar (Bakhriddinova, 2023; 19-20).

Nemis terminologiyasida ham shunday giponimik munosabatlar mavjud. Masalan, *“Verbrechen” (jinoyat)* terminining ostida *“Mord” (qotillik), “Diebstahl” (o‘g‘irlik), “Betrug” (firibgarlik)* kabi giponimlar keladi. M.R. Baxriddinova o‘rganishicha, giponimik munosabatlar yuridik terminologiyaning ierarxik tuzilishini ko‘rsatadi (Bakhriddinova, 2023; 20).

P. Sandrini yuridik tushunchalarning ma’no xususiyatlarini falsafiy nuqtai nazardan tahlil qiladi. Uning fikricha, yuridik tushunchalarni intensional va ekstensional ta’riflar orqali aniq belgilash mushkul. Chunki yuridik tushuncha har doim qiyos orqali kengayishi mumkin, bu esa uning ekstensional

ta'rifini o'zgartiradi (Sandrini, 1995; 6-7). Bu yuridik terminlarning dinamik tabiatini ko'rsatadi.

Yuridik terminlarning asosiy funksiyalari ularning huquqiy tizimdagi rolini belgilaydi. Soyibova D. yuridik terminlarning quyidagi funksiyalarini ajratadi: 1) nominativ funksiya – tushunchalarni nomlash; 2) definitiv funksiya – tushunchalarni aniqlash; 3) preskriptiv funksiya – qoida va me'yorlarni belgilash (Soyibova, 2023; 19-20).

Nominativ funksiya barcha terminlarga xos bo'lsa, preskriptiv funksiya faqat yuridik terminlarga xosdir. Yuridik termin nafaqat tushunchani nomlaydi, balki muayyan huquqiy oqibatlarni belgilaydi. Masalan, *"jinoyat"* termini nafaqat qonunga hilof qilmishni nomlaydi, balki uning uchun belgilangan jazo tizimini ham nazarda tutadi.

T.G. Bukina yuridik terminlarning ijtimoiy funksiyasini alohida ta'kidlaydi. Uning fikricha, yuridik terminologiya faqat mutaxassislar uchun emas, balki barcha aholi uchun tushunarli bo'lishi kerak. Chunki qonun nobilimlik javobgarlikdan ozod qilmaydi (Букина, 2023; 33). Bu talab yuridik terminlarning oddiyligi va tushunarliligi zarurligini anglatadi.

P. Sandrini yuridik tushunchalarning тизимлилик funksiyasini alohida ko'rsatadi. Uning fikricha, yuridik tushuncha alohida mavjud бўлмай, huquqiy tizimning bir qismi sifatida tushuniladi (Sandrini, 1995; 9-10). Bu yuridik terminlarni o'rganishda tizimli yondashuvning zarurligini ko'rsatadi.

Yuridik terminlarni me'yorlashtirish huquqiy aniqlikni ta'minlashda muhim rol o'ynaydi. K.A. Mo'ydinov o'zbek yuridik terminologiyasini me'yorlashtirishdagi muammolarni batafsil tahlil qilgan. Uning fikricha, ko'plab o'zbek yuridik terminlari rus tilidan to'g'ridan-to'g'ri tarjima qilinishi oqibatida lug'aviy ma'nosi aniq bo'lmagan ҳolda qonunchilikka kiritilgan (Mo'ydinov, 2018; 46).

Muallif aniq misol keltiradi: *"advokat"*, *"himoyachi"* va *"ishonchli vakil"* terminlarining har biri aynan bir xil ma'nomi anglatadi, yoki ular orasida semantik farq bormi? Uning tahlili bo'yicha, *"advokat"* termini professional kasbni, *"himoyachi"* protsessual rolni, *"ishonchli vakil"* esa vakolat asosini anglatadi (Mo'ydinov, 2018; 47). Lekin qonunchilik matnlarida bu terminlar ko'pincha sinonim sifatida ishlatiladi, bu esa chalkashlikka olib keladi.

M. Baxriddinova o'zbek yuridik terminlarining standartlashtirilmaganligi muammosini ko'rsatadi. Uning fikricha, ba'zi bir terminlar turli qonunchilik hujjatlarida turlicha ishlatiladi. Masalan, *"bitta soliq"*, *"nikoh yoshi"* va *"voyaga etganlik yoshi"* kabi terminlar hanuz to'liq me'yorlashtirilmagan (Bakhriddinova, 2024; 1229-1230).

Nemis yuridik terminologiyasi esa yuqori darajada standartlashtirilgan. T.A. Lenkova ta'kidlashicha, nemis tilida yuridik terminlar aniq va rasmiy xarakterga ega. Masalan, *"Rechtsnorm"* (huquq normasi) termini aniq va bir ma'noli (Ленкова, 2011; 15-17). Bu nemis huquqiy tizimining yuqori rivojlanganligini ko'rsatadi.

Yuridik terminlarni bir tildan ikkinchi tilga tarjima qilish ҳам ko'p jihatdan murakkab jarayon. P. Sandrini yuridik terminlarni qiyoslash muammosini batafsil tahlil qilgan. Uning fikricha, turli huquqiy tizimlarga mansub yuridik tushunchalar orasida to'liq ekvivalentlikни topish mushkul. Chunki har bir yuridik tushuncha aniq bir huquqiy tizimda shakllangan va shu tizimning funksional qismi hisoblanadi (Sandrini, 1995; 11-12).

P. Sandrini taklifiga ko'ra, yuridik terminlarni qiyoslashda funksional yondashuv qo'llash kerak. Ya'ni, ikki tushunchaning intensional (semantik) jihatdan bir xilligi emas, balki ular o'z huquqiy tizimlarida bajaradigan funksiyaning o'xshashligi muhim (Sandrini, 1995; 12-13). Bu yondashuv yuridik terminologiyada ekvivalentlik masalasini yangicha tushunishga imkon beradi.

Sh. Ko'chimov o'zbek yuridik tarjima amaliyotida uchraydigan muammolarni aniq misollar bilan ko'rsatadi. Masalan, *"Suvlarning davlat hisobini yuritish"* degan tarjima xato

bo‘lib, to‘g‘ri variant *“Davlatning suv hisobini yuritish”* bo‘lishi kerak (Ko‘chimov, 2022; 59). Bunday xatolar grammatik strukturani noto‘g‘ri tarjima qilish natijasida yuzaga keladi.

Sh. Ko‘chimov yana bir muhim muammoni – yuridik ma’no yo‘qotilishi muammosini ko‘rsatadi. Masalan, rus tilidagi *“заключение соглашения”* iborasining *“kelishish”* deb tarjima qilinishi yuridik ma’nosini butunlay yo‘qotadi (Ko‘chimov, 2022; 60). Bu holda *“shartnoma tuzish”* degan aniq yuridik termin qo‘llanishi lozim.

Yuridik terminologiyaning kognitiv tahliliga to‘xtalib o‘tadigan bo‘lsak, uning tushuncha tizimidagi o‘rnini aniqlashga imkon beradi. N.S. Sayidirahimova kognitiv tilshunoslik doirasida *“tushuncha”* va *“konsept”* kategoriyalarini ajratadi. Uning fikricha, “konsept” “tushuncha”dan kengroq bo‘lib, u nafaqat predmetning muhim belgilarini, balki uning yuzaki tomonlarini ham aks ettiradi (Sayidirahimova, 2022; 99-100).

Bu farq yuridik terminologiyani o‘rganishda muhim, chunki yuridik terminlar faqat mantiqiy tushunchalar emas, balki madaniy va ijtimoiy kontekstga ega konseptlar hisoblanadi. Masalan, “odillik” konsepti turli madaniyatlarda turlicha anglanadi, bu esa yuridik terminlarning milliy o‘ziga xosligini ta’kidlaydi.

N.S. Sayidirahimova konseptlarni tahlil qilishning ikki asosiy modelini ko‘rsatadi: I.A. Sternin modeli va Y.A. Stepanov modeli. Sternin modeliga ko‘ra, konseptlar bir pog‘onali, ko‘p pog‘onali va segmentli bo‘lishi mumkin (Sayidirahimova, 2022; 102-103). Bu tasnifni yuridik terminlarga tatbiq etish ularning murakkablik darajasini aniqlashga imkon beradi.

Yuridik terminlarning amaliy qo‘llanilishi qonunchilik va sud amaliyotida muhim rol o‘ynaydi. Sh. Ko‘chimov yuridik tarjimaning o‘n prinsipini ishlab chiqqan: 1) huquqiy normani tarjima qilishdan oldin to‘liq tushunish; 2) rasmiylik, aniqlik, neytrallik prinsiplariga rioya qilish; 3) fonetik, leksik, grammatik qoidalarga qat’iy rioya qilish; 4) yuridik leksikani qo‘llash, arxaizmlardan qochish; 5) iloji boricha umumiste’mol so‘zlarni ishlatish; 6) yuridik terminlarning barqarorligiga rioya qilish; 7) terminlarning keng aholi uchun tushunarligini hisobga olish; 8) asl matnning grammatik tuzilishini saqlash; 9) murakkab gaplarni oddiy gaplarga ajratish; 10) tarjimaning ko‘p marotaba ekspertiza qilinishi (Ko‘chimov, 2022; 61-63).

Bu prinsiplar yuridik terminlarni amaliy qo‘llashda aniqlik va tushunarlikni ta’minlashga qaratilgan. Ular nafaqat tarjimonlar, balki qonunchilik matnlarini tuzuvchilar uchun ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Yuridik terminologiya nafaqat mutaxassislar uchun, balki butun jamiyat uchun muhim. T.G. Bukina fikricha, yuridik terminlarning tushunarligi huquqiy savodxonlikni oshirishda muhim rol o‘ynaydi (Букина, 2023; 33). Aholining yuridik terminlarni tushunishi ularning huquqiy ongini rivojlantiradi va qonunga rioya etish darajasini oshiradi.

M. Baxriddinova yuridik matbuot tilida terminlar qo‘llanilishi masalasini ko‘targan. Uning fikricha, o‘zbek yuridik matbuotida “me’yoriy-huquqiy hujjat” kabi murakkab terminlar keng aholi uchun tushunarli emas (Bakhriddinova, 2024; 1229). Shuning uchun yuridik terminlarni oddiylashtirish va izohlash zarur.

Nemis yuridik matbuoti bu jihatdan yaxshiroq rivojlangan. M. Baxriddinovaning fikriga ko‘ra, nemis tilida yuridik terminlar ancha aniq va oddiy. Masalan, “Rechtsnorm” termini ham mutaxassislar, ham oddiy aholi uchun tushunarli (Bakhriddinova, 2024; 1230).

Yuridik terminologiya doimo rivojlanib boradi. M. Xamdamova terminlarning evolyusiyasi masalasini ko‘rib chiqadi. Uning fikricha, ba’zi terminlar vaqt o‘tishi bilan o‘zgaradi. Masalan, *“amnesty” (amnistiya)* termini *“pardon” (afv)* bilan almashtirilmoqda (Xamdamova, 2025; 115). Bu yuridik terminologiyaning dinamik tabiatini ko‘rsatadi.

Zamonaviy rivojlanish yo‘nalishlaridan biri – yuridik terminlarni xalqaro standartlarga

moslashtirish. M. Xamdamova ta'kidlashicha, bu jarayon terminlarning milliy xususiyatlarini saqlagan holda amalga oshirilishi kerak (Xamdamova, 2025; 116).

Ikkinchi muhim yo'nalish – yuridik terminlarni raqamli muhitga moslashtirish. Kiberjinoyatlar, elektron hukumat, raqamli hujjatlar kabi yangi sohalar yangi terminlarni talab qiladi.

Yuridik terminologiyaning qiyosiy tadqiqoti ilmiy va amaliy jihatdan muhim ahamiyat kasb etadi. P. Sandrini funksional qiyoslash *(funktionale Rechtsvergleichung)* usulini taklif qiladi. Bu usul turli huquqiy tizimlardagi terminlarni ularning funksiyasiga ko'ra solishtirishga asoslangan (Sandrini, 1995; 13-14).

B. Rustamova o'zbek va nemis yuridik leksik birliklarini qiyoslashda ikki tildagi terminlarning tuzilmaviy farqlarini ko'rsatadi. Masalan, o'zbek tilida so'z yasash, o'zlashmalar orqali terminlar hosil qilinsa, nemis tilida kompozitlar (murakkab so'zlar) va lotincha o'zlashmalar ustunlik qiladi (Rustamova, 2025; 435-436).

Bu farqlar ikki tilning tipologik xususiyatlari bilan bog'liq. Nemis tili – flektiv til bo'lib, so'z yasashda kompozitlar keng ishlatiladi. O'zbek tili – agglyutinativ til bo'lib, unda so'z yasash asosan qo'shimchalar orqali amalga oshiriladi.

Yuridik terminologiya milliy va xalqaro komponentlarning uyg'unligidan iborat. Xar bir milliy huquqiy tizim o'z terminologiyasini shakllantiradi, lekin globallashuv sharoitida xalqaro huquqiy terminlar ham joriy qilinadi.

Xamdamova M. ta'kidlashicha, o'zbek yuridik terminologiyasi mustaqillik yillarida milliy xususiyatlarni kuchaytirdi. Lekin shu bilan birga, xalqaro huquqiy hujjatlarni ratifikatsiya qilish jarayonida xalqaro terminlar ham qabul qilindi (Xamdamova, 2025; 115-116).

Nemis yuridik terminologiyasi Yevropa Ittifoqi doirasida uyg'unlik jarayonidan o'tmoqda. Bu jarayon milliy terminlarni Yevropa huquqining umumiy prinsiplari bilan uyg'unlashtirishni talab qiladi.

Yuridik terminlar ixtisoslashtirilganlik darajasiga ko'ra turlicha bo'ladi. Sh. Atajonov nemis yuridik terminlarining semantik tasnifini taklif qiladi: 1) tor yuridik terminlar – faqat huquqda ishlatiladigan terminlar *(Bescheidbeschwerde, Legalitätsprinzip)*; 2) keng yuridik terminlar – huquqdan tashqari sohalarda ham ishlatiladigan terminlar *(Widerspruch, die Klage, die Tätigkeit)*; 3) noyuridik so'zlar – umumiste'mol so'zlar yuridik kontekstda *(die Strasse)* (Atajonov, 2025; 3).

Bu tasnifni o'zbek yuridik terminologiyasiga yuridik matnlardan kelib chiqib ham qo'llash mumkin. Masalan, *"hukm", "ariza", "sudlanuvchi"* – tor yuridik terminlar; *"huquq", "javobgarlik", "himoya"* – keng yuridik terminlar; *"odam", "mulk", "kun"* – yuridik bo'lmagan so'zlar.

Yuridik terminologiyani o'qitish muhim amaliy masala hisoblanadi. T.G. Bukina yuridik institutlarda yuridik terminologiyani o'qitishning metodikasini ko'rib chiqadi. Uning fikricha, talabalar yuridik terminlarning nafaqat shaklini, balki ularning aniq ma'nosi va qonunchilikda qo'llanilishini ham egallashlari kerak (Букина, 2023; 33).

Yuridik terminlarni o'rganishning muhim jihati – ularni amaliyotda qo'llay olish qobiliyatini shakllantirish. Sh. Ko'chimov ta'kidlashicha, yurist-mutaxassis tayyorlashda terminlarni noto'g'ri qo'llash oqibatlari haqida ham o'qitish zarur (Ko'chimov, 2022; 63). Yuridik terminologiyaning soha terminologiyasidagi mavqeini tahlil qilish quyidagi xulosalarni chiqarishga imkon beradi:

Birinchidan, yuridik terminologiya – bu o'ziga xos tuzilma, semantika va funksiyalarga ega mustaqil terminologik tizim. U umumiy terminologiyadan o'zining bir ma'nolilik, aniqlik va preskriptivlik xususiyatlari bilan ajralib turadi. Yuridik terminlar nafaqat tushunchalarni nomlaydi, balki huquqiy oqibatlarni ham belgilaydi.

Ikkinchidan, yuridik terminologiya ichki tuzilishi jihatdan ikki asosiy qismga – sohalararo va soha terminologiyasiga ajratiladi. Sohalararo terminologiya huquqning turli sohalarida

qo‘llaniladigan umumiy terminlardan iborat bo‘lsa, soha terminologiyasi ma’lum bir huquq tarmog‘iga xos terminlarni o‘z ichiga oladi. Bu tasnifning amaliy ahamiyati – u terminlarning qo‘llanish doirasini aniq belgilashga imkon beradi.

Uchinchidan, o‘zbek, va nemis yuridik terminologiyalari o‘zlarining shakllanish tarixi, tuzilmaviy va semantik xususiyatlari jihatidan farqlanadi. O‘zbek yuridik terminologiyasi arab-fors, turk, rus va milliy qatlamlardan tashkil topgan, nemis yuridik terminologiyasi rim huquqi an’analariga asoslangan. Har ikkala terminologik tizim ham o‘z milliy huquqiy tizimining xususiyatlarini aks ettiradi.

To‘rtinchidan, yuridik terminlarning tuzilmaviy tahlili ko‘rsatadiki, nemis tilida kompozitlar orqali yangi terminlar yaratish imkoniyati keng, o‘zbek tilida esa ko‘p komponentli terminlar hosil qilish yo‘li ustun. Bu tipologik farq ikki tilda yuridik matnlarning turlicha tashkil etilishiga olib keladi.

Beshinchidan, yuridik terminlarni me’yorlashtirish va standartlashtirish muammosi hali hal etilmagan. O‘zbek yuridik terminologiyasida sinonimiya, polisemiya va tuzilmaviy nomutanosiblik hollari uchraydi, bu esa qonunchilik matnlarining aniqligiga salbiy ta’sir ko‘rsatadi. Nemis yuridik terminologiyasi esa yuqori darajada standartlashtirilgan va bu jihatdan namuna bo‘la oladi.

Oltinchidan, yuridik terminlarni bir tildan ikkinchi tilga o‘tkazishda faqat lug‘aviy ekvivalent topish yetarli emas – funksional ekvivalentlik prinsipiga asoslanish zarur. Chunki har bir yuridik termin ma’lum bir huquqiy tizimda shakllangan va o‘sha tizimning funksional qismi hisoblanadi.

Yettinchidan, yuridik terminologiyaning kognitiv tahlili asosida ta’kidlash lozimki, yuridik terminlar nafaqat mantiqiy tushunchalar, balki madaniy va ijtimoiy konseptlar sifatida qaralishi lozim. Bu yondashuv yuridik terminlarning milliy-madaniy o‘ziga xosligini tushunishga imkon beradi.

Sakkizinchidan, yuridik terminologiya doimiy rivojlanib borayotgan tizimdir. Yangi ijtimoiy munosabatlar, texnologik o‘zgarishlar va xalqaro huquqiy integratsiya jarayonlari yangi terminlarning paydo bo‘lishiga va mavjud terminlarning ma’no doirasining kengayishiga olib keladi.

To‘qqizinchidan, yuridik terminlarning ijtimoiy ahamiyati yuqori – ularning tushunarligi aholining huquqiy savodxonligini oshirishda muhim rol o‘ynaydi. Shuning uchun yuridik terminologiyani soddalashtirish va aholi uchun tushunarli qilish zarur.

O‘ninchidan, yuridik terminologiyaning nazariy va amaliy jihatlarini o‘rganish nafaqat tilshunoslik, balki huquqshunoslik fani uchun ham muhim. Bu ikki fanning integratsiyasi yuridik terminologiyani yanada takomillashtirishga va huquqiy tizimning samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, yuridik terminologiya soha terminologiyasida alohida va muhim o‘rin tutadi. U nafaqat tushunchalarni aks ettiruvchi vosita, balki huquqiy tizimning muhim tarkibiy qismi hisoblanadi. Yuridik terminlarning aniqligi, bir ma’noliligi va standartlashtirilganligi qonunchilikning samarali faoliyat yuritishini ta’minlaydi va huquqiy xavfsizlikning muhim sharti bo‘lib xizmat qiladi.

References:

1. Букина, Т. Г. (2023). Изучение юридической терминологии на занятиях по русскому языку. *UDK 34.06*, 33.
2. Ленкова, Т. А. (2011). *Юридическая лексика немецкого языка: Учебно-методические рекомендации*. РГУ имени С. А. Есенина.

3. *Современная узбекская лексикография и терминология: Учебно-методический комплекс.* (2016).
4. Чуфарова, Е. Н. (2018). Юридические термины, профессионализмы и профессиональный жаргон: проблема разграничения понятий. *Право и политика*, (2), 9–14. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.2.25325
5. Abdujalilova, R. (2024). Criminal linguistics and legal terminology. *World Bulletin of Management and Law*, 41, 4–7.
6. Atajanov, Sh., Turabayeva, M., & Ruzmetova, D. (2025). Nemis tilidagi sof yuridik terminlar tasnifi va leksik xususiyatlari. *JMEA Journal of Modern Educational Achievements*, 2, 2–4.
7. Bakhriddinova, M. (2024). O'zbek va nemis yuridik matbuoti tillarini chog'ishtirma tadqiqi. *Zenodo*. https://doi.org/10.5281/zenodo.14912732
8. Bakhriddinova, M. R. (2023). Relationship of form and meaning of legal terms in Uzbek and German languages. *Academic Research in Modern Science,* 19–24. https://doi.org/10.5281/zenodo.7785165
9. Fatullayeva, K. (2023). O'zbek tilshunosligida sohaga oid terminologiyaning leksikografik xususiyatlari. *Zenodo*. https://doi.org/10.5281/zenodo.8171973
10. Ko'chimov, Sh. (2022). O'zbekistonda qonun tarjimashunosligining dolzarb masalalari. *Translation Forum, 2*(Special Issue 28), 58–64. https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-28-58-64
11. Mirzayev, F. (2023). Nemis tilida kriminologik leksikaning lingvokognitiv jihatlari va o'zbek tiliga tarjima muammolari. *Zenodo*. https://doi.org/10.5281/zenodo.17621282
12. Mo'ydinov, K. A. (2018). Legal terms and their meanings. *European Science*, (10[42]), 46–47.
13. Rustamova, B. (2025). O'zbek va nemis tillarida yuridik sohaga oid leksik birliklarning qiyosiy tadqiqi. *Journal of Science-Innovative Research in Uzbekistan, 3*(4), 434–438.
14. Sandrini, P. (1995). *Der Rechtsbegriff: Implikationen für die mehrsprachige Terminologiearbeit* (pp. 1–13). Innsbruck.
15. Sayidirahimova, N. S. (2022). Kognitiv tilshunoslikda "tushuncha" va "konsept", ularni tahlil qilish usullari. *O'zbekistonda xorijiy tillar, 2*(43), 98–107. https://doi.org/10.36078/1653025491
16. Soyibova, D. (2023, December). Huquq sohasiga oid terminlarning tasnifi va tavsifi. *Лучшие интеллектуальные исследования*, 16–21.
17. Xamdamova, M. (2025). Research and development of Uzbek legal terms. *American Journal of Philological Sciences, 5*(5), 113–116.

Pragmatic purpose in character speech: to influence and express a reaction

Boymurodova Nodira Xusniddin qizi
nodiraboymurodova4@gmail.com
Independent PhD researcher,
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Annotation *This article analyzes the pragmatic features of the character's speech in a literary text and its communicative purposes. The pragmatic strategies for influencing, expressing attitudes, conveying hidden meaning and directing the addressee in the process of communication through the character's speech are highlighted. Also, based on the theory of speech acts, the illocutionary and perlocutionary goals of the characters, expressive means manifested in dialogues and monologues are scientifically explained.*

Keywords *Character speech, pragmatics, speech acts, illocutionary act, perlocutionary act, communicative purpose, influence, expression of attitude, dialogue, monologue, subtext, implicature, expressiveness*

Personaj nutqida pragmatik maqsad: ta'sir o'tkazish va munosabat bildirish

Boymurodova Nodira Xusniddin qizi
nodiraboymurodova4@gmail.com
Mustaqil doktorant,
Samarkand Davlat Chet Tillar Instituti

Annotatsiya *Ushbu maqolada badiiy matnda personaj nutqining pragmatik xususiyatlari va uning kommunikativ maqsadlari tahlil qilinadi. Personaj nutqi orqali muloqot jarayonida ta'sir o'tkazish, munosabatni ifodalash, yashirin ma'noni va adresatni yo'naltirishning pragmatik strategiyalari ta'kidlangan. Shuningdek, nutq harakatlari nazariyasiga asoslanib, personajlarning illokutsion va perlokutsiya maqsadlari, dialog va monologlarda namoyon bo'ladigan ekspressiv vositalar ilmiy jihatdan tushuntirilgan.*

Kalit so'zlar *Personaj nutqi, pragmatika, nutq harakatlari, illokutsion harakat, perlokutsiya harakati, kommunikativ maqsad, ta'sir, munosabat ifodasi, dialog, monolog, subtekst, implikatura, ekspressivlik*

Прагматическая цель в речи персонажа: повлиять на реакцию и выразить её

Боймуродова Нодира Хусниддин кизи
nodiraboymurodova4@gmail.com
Соискатель учёной степени,
Самаркандкий Государственный Институт Иностранных языков

Аннотация *В данной статье анализируются прагматические особенности речи персонажа в литературном тексте и её коммуникативные цели. Выделены прагматические стратегии влияния, выражения отношения, передачи скрытого смысла и направления адресата в процессе коммуникации посредством речи персонажа. Также на основе теории речевых актов научно*

объясняются иллокутивные и перлокутивные цели персонажей, выразительные средства, проявляющиеся в диалогах и монологах.

Ключевые слова *Речь персонажа, прагматика, речевые акты, иллокутивный акт, перлокутивный акт, коммуникативная цель, влияние, выражение отношения, диалог, монолог, подтекст, импликатура, выразительность*

Inroduction

Character speech, an important component of the language of a work of fiction, is one of the main tools for revealing the character, worldview and social status of the characters. The development of events in the work, the formation of conflicts and the relationships between the characters are expressed through the speech of the characters. At the same time, character speech not only performs the function of conveying information, but also performs pragmatic tasks such as influencing the addressee in the communicative process, implementing a certain goal and expressing an attitude. Therefore, studying character speech from a pragmatic point of view helps to understand the internal content and semantic layers of the literary text more deeply.

Linguopragmatics studies the use of language units in the speech process, the purpose of the subject of speech and the mechanisms of influence on the addressee. In a literary text, pragmatic aspects become even more complicated: hidden meaning, irony, alliteration, evaluation and emotional - expressive units are often widely used in character speech. As a result, the reader understands not only the superficial meaning of the character's speech, but also his inner intention and communicative strategy. In particular, speech units in the form of dialogue and monologue play an important role in revealing the character's inner feelings, psychological state, and attitude to a particular situation.

Speech act theory is one of the effective methods for pragmatic analysis of character speech, which distinguishes locative, illocutionary, and perlocutionary components. This approach allows us to determine the purpose of the character's speech, that is, to analyze illocutionary acts such as orders, requests, threats, promises, and irony. As a result, the dynamics of relationships between characters, their communicative purpose, and the author's idea become clearer.

In a literary text, the character's speech is the main structural element of the communicative process, which serves not only to describe reality, but also to perform a specific communicative task. From the point of view of pragmatics, the character's speech has a broader meaning than the 'said statement', since it embodies the speaker's intention, the impact directed at the addressee, situational factors and meanings related to the communicative context. The theory of speech acts serves as an important scientific basis in the pragmatic analysis of character speech. According to this theory, each utterance uttered in the process of speech is considered a kind of "action". That is, the character performs a certain action by speaking: he orders, requests, warns, threatens, convinces or makes a joke. Speech acts are manifested in three stages:

1. *Locative act* – the direct content of the sentence: lexical and grammatical meaning of words.
2. *Illocative act* – the character's intention, goal. It can be the order, request, refusal or threat.
3. *Perlocutionary act* – the result that occurs in the addressee such as fear, confidence, anger, consent.

In a literary text, it is the illocutionary and perlocutionary layers that are most important. Because through the character's speech, the author also brings the reader into a certain mental state: excites, saddens, makes him laugh or think.

Commissive speech acts: promise, oath, guarantee and responsibility. Commissive acts are speech units associated with a character's commitment to himself. This type of speech act is pragmatically very important, because they:

- reveal the character's internal position,
- responsibility,
- level of reliability

In a literary text, a character's speech is not only a means of describing events or continuing communication, but also an important pragmatic mechanism that reveals the character's internal position and demonstrates his attitude towards those around him. Because when a character speaks, he does not just 'say something', but through his speech he evaluates, expresses an attitude, intensifies or softens the contradiction, and introduces the addressee into a mental state. Therefore, in the pragmatic analysis of a character's speech, special attention is paid to the means by which the process of expressing an attitude occurs.

Expression of an attitude is often manifested in a character's speech in two forms: the first is direct, that is, through open assessment and direct expression of opinion; the second is indirect, that is, expressed in a hidden way using such means as irony, alliteration, subtext, silence, intonation. The use of these two forms in a literary text further demonstrates the complexity of the character's character and the pragmatic nature of speech.

In a literary text, pragmatic mechanisms of expressing feelings form a system of relationships between characters. Especially in conflict situations, the expression of relationships becomes more intense: evaluative words intensify, intonation changes, sentences shorten or, conversely, become excessively long. As a result, the reader perceives the psychological tension between characters precisely through speech. In this sense, the units expressing the reaction create the emotional background of the literary text and actively participate in revealing the ideological content of the work.

Implicature is a hidden meaning that is not present in the direct content of the sentence, but is understood by the reader through the context and situation. For example, if a character says "You are very smart," this is not always a compliment. If the situation is conflicting, this statement is used as irony, and the true pragmatic purpose is criticism. Thus, implicature reveals the "inner intention" of the character's speech. Subtext is a set of meanings that indicate the internal state of the character in a literary text, but are not directly stated. Subtext forces the reader to think: he "finds" the character's mental state behind the statement. It is this aspect that distinguishes a literary text from a simple informational text.

Subtext and implicature perform several functions in the character's speech:

- deepen the character's psychology;
- indirectly intensify the conflict;
- complicate relationships;
- encourage the reader to actively interpret.

Subtext is also often manifested through irony and sarcasm. Irony is one of the most powerful pragmatic means of a character's speech, which allows you to inflict a psychological blow without openly insulting the addressee. Sarcasm is close to irony and indirectly expresses the character's discontent, contempt, or mockery. Such speech forms intensify the relationship between the characters in a literary work and show the reader the internal roots of the conflict.

In a literary text, the speech of characters is always formed within a specific communicative situation. Behind each dialogue there is a social position, psychological state, personal interest, hidden intention, past experience and a system of mutual relations. Therefore, the speech of a character is

manifested not as a simple exchange of words, but as a complex pragmatic process – that is, as a struggle of communicative strategies. Characters seek to strengthen their position through speech, put pressure on the opponent, justify themselves or win. As a result, conflicts in literary discourse often arise and develop precisely through speech acts.

A pragmatic strategy is understood as the general direction chosen by a character in his speech activity – that is, the system of methods used to achieve the goal. In a literary text, these strategies take on different forms: someone chooses a strategy of open pressure and command, someone resorts to a strategy of gentle request or compromise; Another character influences the opponent through indirect strategies such as irony, bluntness, silence, and changing the subject. These strategies serve as a speech model of the character's character. That is, the more the character speaks, the clearer it becomes to the reader what kind of person he is.

Communicative conflict occurs when the goals, positions, and attitudes of the characters clash. Conflict is formed not only through physical action, but also through speech means. Often, the most dramatic situations in a work of art are manifested precisely in dialogues: characters oppose, deny, threaten, ignore, accuse, or exert psychological pressure on each other. All this process is explained through pragmatic analysis.

Manipulative strategies: covert influence and psychological pressure. In a literary text, characters do not always fight openly. Often they influence indirectly. This is manifested through manipulative strategies. Manipulation is an attempt by a character to subjugate the addressee to his will through speech, but this process often takes place covertly.

Conflict discourse: denial, resistance and 'discourse clash'. The most active form of communicative conflict is the speech acts of denial and resistance. When ideas, interests or values clash between characters, the speech goes beyond 'ordinary conversation' and takes on the character of 'struggle'. The following pragmatic devices are often found in conflict discourse:

a) *Denial*. Denial strengthens the character's position. For example: "No.", "I disagree.", "This will not happen." Denial is one of the most dramatic pragmatic forms of speech, often straining the dialogue.
b) *Resistance*. Resistance is stronger than denial and indicates that the character is defending himself or going on the offensive. Resistance is often accompanied by evaluative units: "You cannot order me around.", "That's none of your business."
c) *Verbal aggression*. Verbal aggression is an attack through insults, disdain, and harshness. In this case, the character tries to break the addressee as a person. Verbal aggression represents the highest point of the conflict. In a work of fiction, conflict discourse often sharply reveals the character of the characters. Because it is in a tense situation that a person shows his 'true face'. The author creates such a situation through dialogues.

Conclusion

In conclusion, the character's speech in a literary text is a pragmatically complex and multi-layered phenomenon, which acts as a leading tool in revealing the character of the hero, controlling the development of events, and forming conflicts and relationships. The pragmatic purpose of the character's speech is mainly manifested through influencing the addressee and expressing a reaction. In this process, speech acts such as directive, commissive, expressive are actively used, and the connection between illocutionary intention and perlocutionary result increases the effectiveness of the artistic discourse. Also, hidden meaning mechanisms such as subtext and implicature are of particular importance in the character's speech. Devices such as irony, slur, pause, and silence complicate inter-character relationships and encourage the

reader to active interpretation. Pragmatic strategies, on the other hand, reveal the characters' speech struggle: situations such as dominance and submission, manipulation, rejection, and speech aggression serve as one of the main factors that set the conflict in motion in a work of art. Therefore, studying the character's speech based on a linguopragmatic approach allows us to reveal the internal semantic layers of the literary text, to deeply understand the psychology of the characters and the author's idea.

References:

1. Abdullayev, A. (2004). *Matn lingvistikasi*. Universitet.
2. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Yazyki russkoy kul'tury.
3. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford University Press.
4. Bakhtin, M. M. (1972). *Problemy poetiki Dostoyevskogo*. Sovetskaya Rossiya.
5. Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge University Press.
6. Nasrullaeva, N. Z. (2018). *Formation of gender concepts in the English and Uzbek phraseological pictures of the world*(Doctoral dissertation).
7. Nasrullaeva, N. Z. (2009). Okkazional'noye semanticheskoye obnovleniye frazeologicheskikh edinits (na materiale angliyskogo yazyka). *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya*, (5), 107–109.
8. Qo'ng'urov, R. (2002). *Nutq madaniyati va uslubiyat asoslari*. O'qituvchi.
9. Rahmatullayev, Sh. (2006). *Hozirgi o'zbek adabiy tili (Uslubiyat)*. O'qituvchi.
10. Safarov, Sh. (2013). *Pragmatika*. O'zbekiston.
11. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge University Press.

Functioning and Transformation of the Law of Vowel Harmony in Turkic Languages

Sevindj Gudrat Musayeva
sevinchmusayeva@uzswlu.uz
Associate Professor, Department of Azerbaijani Linguistics, Azerbaijan University of Linguistics

Elmira Kamariddinovna Moydinova
e.moydinova@uzswlu.uz
Associate Professor (PhD), Department of Second Foreign Language, Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines changes in the application of the law of vowel harmony in Turkic languages. Particular attention is paid to the reasons for the weakening of this phonological phenomenon in the Uzbek language, caused both by internal linguistic processes and by external sociocultural influences, including language policy and contacts with non-related languages such as Persian and Russian. The study analyzes the historical functioning of vowel harmony as a key phonological and morphological principle of Turkic languages, its evolution, and differences in contemporary language practice, including examples from Uzbek, Kyrgyz, and Turkmen. In addition, dialectal variations, their influence on the phonetic structure, and the preservation of vowel harmony are discussed. The conclusion emphasizes that vowel harmony functions not only as a phonetic phenomenon but also as an important element of the typological, historical, and functional development of Turkic languages, requiring further linguistic research.*

Keywords *Law of vowel harmony, vowel harmony (synharmonism), Turkic languages, agglutinative structure, phonological system, morphological structure, language contact, Uzbek language*

Turkiy tillarda unli tovushlar uyg‘unligining amal qilishi va transformatsiyasi

Musayeva Sevinj Gudrat qizi
sevinchmusayeva@uzswlu.uz
Ozarbayjon tilshunosligi kafedrasi dotsenti, Ozarbayjon Tilshunoslik universiteti

Moydinova Elmira Kamariddinovna
e.moydinova@uzswlu.uz
“Ikkinchi chet tili” kafedrasi dotsenti (PhD), O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada turkiy tillarda unli tovushlar uyg‘unligi (singarmonizm) qonunining qo‘llanishidagi o‘zgarishlar tahlil qilinadi. Xususan, ushbu fonologik hodisaning o‘zbek tilida zaiflashish sabablari ichki til jarayonlari hamda tashqi ijtimoiy-madaniy omillar, jumladan, til siyosati va fors hamda rus kabi turkiy bo‘lmagan tillar bilan til aloqalari ta’siri nuqtai nazaridan yoritiladi. Shuningdek, unli tovushlar uyg‘unligining turkiy tillarda muhim fonologik va morfologik tamoyil*

sifatidagi tarixiy faoliyati, uning evolyutsiyasi hamda zamonaviy til amaliyotidagi farqlari o‘zbek, qirg‘iz va turkman tillari misolida tahlil etiladi. Bundan tashqari, dialektal variantlar, fonetik tuzilishga ta’sir omillari hamda unli tovushlar uyg‘unligining saqlanish darajasi muhokama qilinadi. Xulosa qismida unli tovushlar uyg‘unligi nafaqat fonetik hodisa, balki turkiy tillarning tipologik, tarixiy va funksional taraqqiyotida muhim o‘rin tutuvchi tizimli omil ekanligi, shu bois uni yanada chuqur lingvistik tadqiq etish zarurligi ta’kidlanadi.

Kalit so‘zlar *Unli tovushlar uyg‘unligi qonuni, singarmonizm, turkiy tillar, agglyutinativlik, fonologik tizim, morfologik tuzilma, til aloqalari, o‘zbek tili*

Функционирование и трансформация закона гармонии гласных в тюркских языках

Мусаева Севиндж Гудрат кызы
sevinchmusayeva@uzswlu.uz
Доцент кафедры азербайджанского языкознания,
Азербайджанский университет языкознания

Мойдинова Эльмира Камариддиновна
e.moydinova@uzswlu.uz
Доцент кафедры «Второй иностранный язык» (PhD),
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье рассматриваются изменения в применении закона гармонии гласных в тюркских языках. Особое внимание уделяется причинам ослабления этого фонологического явления в узбекском языке, обусловленным как внутренними языковыми процессами, так и внешними социокультурными влияниями, в частности языковой политикой и контактами с неродственными языками, такими как персидский и русский. Анализируется историческое функционирование гармонии гласных как ключевого фонологического и морфологического принципа тюркских языков, её эволюция и различия в современной языковой практике, включая примеры из узбекского, киргизского и туркменского языков. Кроме того, обсуждаются диалектные вариации, влияние на фонетическую структуру и сохранение гармонии гласных. В заключение подчеркивается, что гармония гласных служит не только как фонетическое явление, но и как важный элемент типологической, исторической и функциональной картины развития тюркских языков, требующий дальнейшего лингвистического исследования.*

Ключевые слова *Закон гармонии гласных, сингармонизм, тюркские языки, агглютинативность, фонологическая система, морфологическая структура, языковые контакты, узбекский язык*

Известно, что в фонетической системе тюркских языков, которые по своей структуре относятся к агглютинативным языкам, закон гармонии занимает особое место. Как известно, закон гармонии является основным фонетическим законом тюркских языков и заключается в последовательном употреблении однородных гласных в слове. Закон гармонии, основанный на принципе согласования гласных в слове, обеспечивает фонетическую целостность тюркских языков и гармоничное формирование их морфологической структуры. Он относится к фонетическому строю тюркских языков и обладает устойчивым и системным характером. Особенно важную роль закон гармонии играет при анализе морфологических и лексических отношений. Основная функция закона гармонии заключается не только в обеспечении фонетической гармонии, но и в непосредственном воздействии на функционирование морфологической системы.

Как известно, в тюркских языках отсутствуют флексия, инфиксы, а также префиксы. Закон гармонии особенно ярко проявляется в системе аффиксов тюркских языков. Изменение слов и образование новых слов осуществляется исключительно посредством суффиксов. В тюркских языках суффиксы, как правило, подчиняются гармонии гласных и имеют две или четыре вариантные формы. Следует отметить, что в ряде языков тюркской языковой семьи закон гармонии носит обязательный характер. К таким языкам относятся якутский и тувинский; иначе говоря, нарушение гармонии гласных в этих языках приводит к изменению значения слова либо к его непониманию. В целом, в большинстве тюркских языков соблюдение закона гармонии имеет существенное значение, то есть данный основной фонетический закон можно охарактеризовать не только как фонетическое явление, но и как системный механизм, несущий семантическую нагрузку.

Формы проявления закона гармонии в тюркских языках представляют интерес и с диалектологической точки зрения. В отдельных диалектах и говорах иногда наблюдается нарушение закона гармонии. В некоторых диалектах и говорах нашего языка отмечается ослабление закона гармонии, в других – его полное нарушение. Причину этого можно объяснить влиянием соседних языков, а также языков, с которыми носители данных диалектов и говоров регулярно общаются по тем или иным причинам (например, грузинского, русского, персидского и др.). На наш взгляд, это можно объяснить различными направлениями фонетического развития.

В отдельных тюркских языках случаи нарушения закона гармонии могут привести к определённым изменениям в фонетической системе языка, однако о серьёзном воздействии на общий процесс коммуникации здесь говорить не приходится. Если подобные нарушения со временем приобретают систематический характер, это может привести к нарушению устойчивости фонетического и морфологического строя языка. Именно по этой причине соблюдение основного фонетического закона тюркских языков имеет исключительно важное значение для типологической целостности данной языковой семьи.

Известно, что язык древнетюркских памятников относится к древнему этапу развития тюркского языка, представленному Орхоно-Енисейскими письменными памятниками, и язык этого периода отличается устойчивостью фонетической системы и звуковой согласованностью. Закон гармонии здесь является одним из основных фонетических явлений,

формирующих систему. Как уже отмечалось, в древнетюркском языке закон гармонии представляет собой не только фонетическое явление, но и основу целостной системы на морфологическом и лексическом уровнях. Характерной чертой закона гармонии в пратюркском языке является гармония гласных в слове. Как известно, в древнетюркском языке наряду с палатальной гармонией наблюдается и лабиальная гармония. Подобно современному азербайджанскому языку, в языке памятников суффиксы присоединяются к словам в соответствии с законом гармонии.

В языке древнетюркских памятников лабиальная гармония особенно строго и последовательно соблюдалась. Наблюдается присоединение однородных гласных к словам, корень которых оканчивается на огублённый гласный. Это является важным фактором сохранения гармоничности языка. Однако в древнетюркских памятниках встречаются и случаи нарушения лабиальной гармонии. Например: bodun – народ, bodunığ – народ (вин. п.), sünüsdimiz – «мы сразились» (Раджабли, 2009; 295).

В древнетюркском языке при присоединении аффиксов к корню слова строго соблюдался закон гармонии гласных, который являлся важным морфонологическим принципом. Аффиксы имели различные варианты форм, соответствующие качеству гласных в основе, что обеспечивало их согласование с корнем на уровне фонетики и морфологии. Такое безусловное морфологическое согласование способствовало плавности и системности структуры языка.

На основе анализа исторических материалов можно утверждать, что в этот период тюркская лексика преимущественно состояла из исконно тюркских слов, а заимствованные элементы, нарушающие гармонию гласных, были крайне редки или почти отсутствовали. Поэтому в современной науке древнетюркский период рассматривается как одна из наиболее чистых форм тюркских языков с точки зрения внутренней структурной организации и соблюдения фонологического закона гармонии гласных.

Стабильная и упорядоченная фонетическая система древнетюркского языка свидетельствует о высоком уровне формирования письменной языковой нормы того времени. Памятники древнетюркской письменности, такие как Орхон-Енисейские надписи, демонстрируют, что закон гармонии гласных выполнял не только фонетическую, но и стилистическую функцию, создавая ритмическое соответствие в поэтических структурах текста и усиливая художественное воздействие языка.

Одним из ключевых факторов сохранения гармонии гласных в древнетюркском языке было ограниченное влияние внешних языков и сравнительно слабые межъязыковые контакты. Отсутствие сильных языковых заимствований способствовало тому, что внутренняя структура языка сохраняла чистоту фонетической системы. Таким образом, закон гармонии гласных выступал не только как элемент фонетики, но и как принцип, определяющий морфологическую и синтаксическую организацию древнетюркского языка.

Современные тюркские языки, включая азербайджанский, сформировались на основе этих исторически сложившихся фонологически организованных систем. В то же время с течением времени в некоторых тюркских языках наблюдаются процессы ослабления или частичной утраты закона гармонии. В научной литературе отмечается, что степень сохранности этого фонологического правила различается между языками тюркской семьи и зависит от специфики фонетических систем, морфологических свойств, а также от влияния контактных

языков. Например, в узбекском языке, по данным сравнительных исследований, система гармонии гласных функционирует слабее и проявляет значительную вариативность, что связывают с длительным воздействием персидского и русского языков, которые не обладают системой гармонии гласных.

Нарушения закона гармонии также наблюдаются в литературном туркменском языке, а в киргизском – особенно в разговорной речи и диалектах, где влияние татарского и русского языков ослабляет традиционное функционирование гармонии гласных. Указанные изменения часто связывают с историческими периодами ослабления культурных и научных контактов между тюркскими народами, что отразилось на фонологическом развитии их языков.

С 1920-х годов политические и культурные изменения, связанные с языковой политикой советского периода, способствовали ослаблению применения закона гармонии гласных в тюркских языках. В частности, в результате реформ стандартизации узбекского языка система гармонии гласных была практически полностью устранена из литературной нормы узбекского языка. Исторически это было связано с усилиями по адаптации грамматики к новым лингвистическим требованиям и заимствованиям, а также с переоценкой роли гармонии гласных в образовании слов и аффиксов. Нельзя игнорировать влияние русского языка на языковую ситуацию в тюркские языки Советского Союза, в том числе и узбекского. Русский, как язык межнационального общения и административного управления, оказал заметное воздействие на фонетическую и грамматическую систему местных языков, что также способствовало ослаблению традиционных фонологических правил, в том числе гармонии гласных.

Одновременно важно отметить, что тюркские языки сами оказывали влияние на соседние языки и культуры в разные исторические периоды, что отражалось на взаимопроникновении лексических и структурных особенностей. Взаимодействие с языками, не обладающими системой гармонии гласных, такими как персидский и русский - способствовало изменению традиционной фонетической организации узбекского языка и постепенной редукции или утрате этой фонологической тенденции. Под воздействием советской языковой политики в ряде тюркских языков (например, узбекского, туркменского, киргизского, а также якутского и алтайского) произошли значительные структурные изменения. Советская практика стандартизации и ограничение автономного развития языков, вероятно, ослабили применение гармонии гласных как регулярного фонологического правила в формальной литературной речи.

Следует отметит, что в современной языковой ситуации между тюркскими языками наблюдаются существенные диалектные различия, которые обусловлены географическими, историческими и этническими факторами. Например, в Хорезмской области Узбекистана, где сохраняются архаичные тюркские элементы речи, многие диалекты демонстрируют признаки традиционной гармонии гласных, которые менее нарушены или почти полностью сохраняются. Как отмечают S.M. Gururajarao и соавт. (2025), адаптивные обучающие системы позволяют более точно оценивать академическую успеваемость студентов за счёт персонализации образовательной траектории и анализа индивидуальных показателей прогресса.

В эпоху глобализации и под влиянием международных языков, особенно английского, фонетическая структура многих языков продолжает изменяться. Массовая экспозиция через торговлю, медиа и международные коммуникации приводит к тому, что фонетические правила, в том числе гармония гласных,

может восприниматься менее строго или даже нарушаться в повседневном использовании.

В заключение следует подчеркнуть, что закон гармонии гласных в тюркских языках исторически выступал не просто как фонетическое явление, но и как ключевой принцип, формировавший фонологическую, морфологическую и лексическую организацию языков. Он способствовал естественной звучности и связанности тюркских языковых систем и имел важное значение для их типологической характеристики. Несмотря на влияние исторических и современных факторов, изучение закона гармонии гласных остаётся центральной темой в тюркологической фонетике и морфологии.

References:

1. Akalın, Ş. (2007). Türk dillerinde ünlü uyumu. *Türklük Bilimi Araştırmaları Dergisi*.
2. Çağatay, S. (1972). *Özbek dilinin morfologiyası və ahəng qanunu*. Türk Dil Kurumu.
3. Doğan, M. (2012). *Türk dilinde ses uyumu*. TDK Yayınları.
4. Eraslan, K. (1970). Doğu Türkçəsində ek uyumsuzluğu və xarici təsirlər. *Dil Araştırmaları*, 54.
5. Erdal, M. (2004). *A grammar of Old Turkic*. Brill.
6. Gururajarao, S. M., Everstova, V., Potekhina, E., Moydinova, E., Nikulushkin, A., & Muracova, N. (2025). Assessing academic achievement in adaptive learning. In *Computer Science Online Conference*. 445–453. Springer Nature Switzerland.
7. Johanson, L. (2001). Discoveries on the Turkic linguistic map. Swedish Research Institute in Istanbul.
8. Kamariddinovna, M. E. (2022). Professional competence structure of future pre-school English teachers. *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal, 10*(12), 15–18.
9. Moydinova, E. K. (2024). Developing communicative competence in foreign language education. *Western European Journal of Linguistics and Education, 2*(4), 66.
10. Rəcəbli, Ə. Ə. (2009). *Qədim türk yazısı abidələri* (Vol. 1). Nurlan.
11. Şaabdurahmanov, S. (1980). Özbek dilindəki səs ahəngləri. *Tədqiqatlar*, 72.

Productivity Patterns in English-Uzbek Digital Content Lexicon

Usmonova Gavharoy
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Scientific advisor: **Tuktakhodjaeva Zulfiya Tukhtaevna**
PhD in philology, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines how "digital content vocabulary" becomes productive in English and Uzbek under platform-driven communication routines. Using the conceptual base and supplementing it with open-access research on Uzbek social-media borrowings and corpus-oriented tracking, we treat productivity as the capacity of word-formation patterns not single words to generate new, socially acceptable forms. The comparison highlights different "engines" of expansion. English often amplifies productivity through conversion and minimal-derivation action verbs (e.g., feature-to-verb shifts), blending, and hashtag-like strings that function as searchable metadata. Uzbek, by contrast, frequently reaches productivity through borrowing plus integration: imported digital terms become reusable once they accept Uzbek inflection/derivation and stabilize in everyday platform writing, alongside systematic compression conventions (abbreviations and reduced spellings).*

Keywords *Morphological productivity, digital discourse, social media lexicon, loanwords, hashtags, English, Uzbek, corpus methods*

Ingliz-o'zbek raqamli kontent leksikonida produktivlik andozalari

Usmonova Gavharoy
Magistratura talabasi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Ilmiy rahbar: **Tukhtakhodjaeva Zulfiya Tukhtaevna**
Filologiya fanlari doktori (PhD), dotsent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada "raqamli kontent lug'ati" platforma tomonidan boshqariladigan kommunikativ rutinlar sharoitida ingliz va o'zbek tillarida qanday produktivlashishi tahlil qilinadi. Konseptual asos sifatida ilova qilingan materialga tayangan holda va uni o'zbek ijtimoiy tarmoqlaridagi o'zlashmalar hamda korpusga yo'naltirilgan kuzatuv bo'yicha ochiq manbali tadqiqotlar bilan to'ldirib, produktivlik alohida so'zlarning yangiligi emas, balki so'z yasash andozalarining yangi, ijtimoiy jihatdan maqbul shakllarni ishlab chiqara olish qobiliyati sifatida talqin qilinadi. Taqqoslash kengayishning turli "mexanizmlari"ni ko'rsatadi. Ingliz tili produktivlikni ko'pincha konversiya va minimal derivatsiya orqali (masalan, funksiyadan fe'lga o'tish), blending hamda qidiriladigan metama'lumot vazifasini bajaradigan xeshtegga o'xshash birliklar orqali kuchaytiradi. O'zbek tili esa, aksincha, ko'pincha*

o‘zlashma + integratsiya yo‘li bilan produktivlikka erishadi: import qilingan raqamli terminlar o‘zbekcha so‘z o‘zgartirish/yasash vositalarini qabul qilgach va kundalik platforma yozuvida barqarorlashgach, qayta-qayta qo‘llanishi ortadi; shu bilan birga, tizimli ixchamlashtirish me’yorlari (qisqartmalar va qisqartirilgan imlo) ham shakllanadi.

Kalit so‘zlar *Morfologik produktivlik, raqamli diskurs, ijtimoiy tarmoqlar leksikasi, o‘zlashmalar, xeshteglar, ingliz tili, o‘zbek tili, korpus usullari*

Модели продуктивности в англо-узбекском лексиконе цифрового контента

Усмонова Гавхарой
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Научный руководитель: **Тухтахходжаева Зульфия Тухтаевна**
PhD по филологии, доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматривается, как «лексика цифрового контента» становится продуктивной в английском и узбекском языках в условиях платформенно-обусловленных коммуникативных рутин. Опираясь на приложенную концептуальную базу и дополняя её открытыми исследованиями об узбекских заимствованиях из языка социальных медиа и корпусно-ориентированными подходами к их отслеживанию, мы трактуем продуктивность как способность словообразовательных моделей (а не отдельных слов) порождать новые, социально приемлемые формы. Сопоставление выявляет разные «механизмы» расширения. В английском языке продуктивность часто усиливается конверсией и минимальной деривацией глаголов действия (например, сдвиги «функция → глагол»), блендингом, а также хэштегообразными строками, которые функционируют как поисковые метаданные. Узбекский язык, напротив, нередко достигает продуктивности через заимствование с последующей интеграцией: импортированные цифровые термины становятся воспроизводимыми после того, как начинают сочетаться с узбекскими средствами словоизменения/словообразования и закрепляются в повседневной платформенной письменности; параллельно формируются системные практики компрессии (аббревиатуры и сокращённые написания).*

Ключевые слова *Морфологическая продуктивность, цифровой дискурс, лексика социальных медиа, заимствования, хэштеги, английский язык, узбекский язык, корпусные методы*

Digital communication does not merely introduce *new words*; it introduces new routines (tagging, reacting, reposting), new roles (creator, follower, moderator), and new semiotic shortcuts (emoji, hashtags, @-mentions). We build research on defines digital discourse as communication enabled by digital technologies and unfolding inside online environments, where language use reflects platform features and user interaction. This framing matters because the vocabulary of digital content is not a neutral list – it is the linguistic surface of repeated platform actions. When an action becomes routine, its label becomes productive: it starts generating derivatives, compounds, abbreviations, and calques.

In morphology, productivity is commonly understood not as "creativity" in the poetic sense, but as a system-level possibility: language users can coin (often without noticing they coin) an *in-principle unlimited* set of new formations using a familiar pattern (Evert & Lüdeling, 2001). That definition is useful for digital vocabulary because online spaces repeatedly push speakers toward "small new formations" that must be immediately interpretable – new hashtags, new agent nouns, new verbs for platform actions. A productive pattern here is not the one that produces the *most elegant* neologisms, but the one that produces the most readily acceptable ones.

What is more, we use *digital content vocabulary* to mean the lexical resources that emerge and stabilize around producing, distributing, and interpreting online content – words, abbreviations, symbols, and meaning extensions that function as part of digital communication practices.

This includes:

1. Content genres and formats (meme, vlog, short, story),
2. Metrics and attention economy (views, reach, engagement),
3. Searchability and alignment tools (hashtags, @-mentions, emoji).

The research emphasizes that digital discourse is shaped by platform affordances (multimodality, interactivity, speed, publicness) and by user-generated norms, including non-standard spelling, abbreviations, and visual semiotics such as emoji.

A practical way to see lexical pressure is to look at constraints that are *built into* platforms. Twitter's historic character limits are a clear example: when the limit expanded to 280 characters, the company reported that only a small share of tweets exceeded 140 characters, implying that constraint and habit jointly shaped message design even after the technical ceiling moved (Twitter, 2017). In other words, compression is not only forced by limits; it becomes conventional.

Hashtags are another affordance-driven phenomenon. Zappavigna describes hashtags as a resource that embeds metadata, enabling searchability and supporting experiential, interpersonal, and textual functions in social media discourse (Zappavigna, 2015). This is not a decorative add-on. A hashtag can behave like a topic label, a stance marker, or a community badge, and its form invites productivity: users can generate a new tag instantly if it remains interpretable.

Emoji, too, demonstrates how "lexicon" expands beyond alphabetic words. Oxford's selection of the "Face with Tears of Joy" emoji as Word of the Year 2015 is not linguistic proof by itself, but it is a documented institutional signal that pictographic resources became central enough to be treated as a "word-like" unit in public discourse (Oxford University Press, 2015).

These affordances matter because they affect which word-formation patterns become economical. Short forms, clipped spellings, tag-like strings, and hybrid verb formations become more likely not because speakers forgot grammar, but because platform routines

reward speed, recognizability, and repeatability.

English digital vocabulary is productive partly because English morphology tolerates rapid category shifts. In online discourse, nouns become verbs ("to DM," "to hashtag"), verbs become nouns ("a follow," "a repost"), and adjective-like labels become identity markers ("verified," "cancelled"). The research notes that digital environments encourage neologisms, abbreviations, acronyms, blends, and other compressed forms, reflecting both technological novelty and interactional speed.

Two English mechanisms are especially aligned with platform logic:

a) **Conversion and "action-label verbs."**

If a platform introduces a new button or feature, English often produces a verb by conversion or minimal derivation: *to screenshot, to livestream, to unfriend*. This the linguistic form tracks a repeated action.

b) **Hashtag morphology ("tag-grammar").**

Hashtags behave like writable units that can ignore spaces (#ThrowbackThursday), compress phrases (#NoFilter), and package stance (#TeamX). Zappavigna's account of hashtags as searchable semiotic resources helps explain why this form spreads: tags are not merely words; they are *indexing tools* that connect utterances into discoverable streams (Zappavigna, 2015).

A methodological caution is necessary here: English productivity is often visible through novelty (new blends, playful tags), but novelty does not equal diffusion. A tag can be creative yet non-productive if it remains a one-off. This distinction will matter when we compare English with Uzbek, where borrowed forms may diffuse widely even when they appear morphologically "foreign."

In Uzbek digital contexts, English influence is frequently observed at the lexical level, especially because many platforms and interface concepts were first popularized through English. An open-access study on social media's influence on contemporary Uzbek vocabulary lists English loanwords such as *hater, block, comment, selfie, trend, like,* and *content* as items that entered everyday Uzbek use through Telegram, Instagram, Facebook, and TikTok (Fayziyeva, 2025).

Yet the more revealing point for *productivity* is not the borrowing itself; it is what happens next. In a corpus-based article on English-to-Uzbek neologisms, Polvannazirova (2025) explicitly frames Uzbek digital platforms as fertile ground for rapid dissemination of new lexical items and outlines adaptation pathways, including phonological adaptation, semantic extension, and morphological modification. The article also notes the use of corpus tools (Sketch Engine, AntConc) as a methodological route for tracking these changes at scale.

Two empirically documented patterns are particularly relevant:

a) **Borrowings + Uzbek inflection/ derivation.**

Polvannazirova's article points to morphological modification as a key route of integration (Polvannazirova, 2025). Even when the base is English, Uzbek can attach plural markers and derivational material in ways that make the item behave like Uzbek vocabulary. A concrete example shown in the article is the appearance of Uzbek plural marking in borrowed-tech nouns (e.g., forms like *startuplar* are attested as part of the discussion of digital-era lexical innovation).

b) **Abbreviation culture and orthographic compression.**

Fayziyeva (2025) documents chat-driven abbreviations and altered spellings such as *bilan → b/n*, *kerak → k/k*, and *ketyapman → ketappan*, framing them as online norms that may leak into wider public writing. This is not "morphological productivity" in the classic affix sense, but it is productivity in *format*: the pattern of compression becomes reusable. What is the comparative implication? English often generates *new roots* or re-categorizes roots rapidly; Uzbek often increases productivity by domesticating borrowed roots

into Uzbek morphological behavior and by developing stable compression conventions in digital writing.

At this point, it is tempting to say "English is more productive," but that is a claim that needs careful operationalization. Productivity depends on what we measure. Evert and Lüdeling (2001) remind us that productivity can be approached qualitatively (constraints on possible formations) and quantitatively (probability of encountering new formations, hapax-based measures). If we measure *visible novelty* (new blends, playful tags), English may look more productive. If we measure *systematic integration and diffusion* of borrowed digital terms, Uzbek may look more productive in a different sense: it converts imported labels into morphologically usable resources inside Uzbek. The key is to compare *like with like*: not "English vs Uzbek" in general, but English and Uzbek inside the same communicative ecology (platform routines, genre constraints, attention metrics).

Productivity is text-type sensitive; Evert and Lüdeling note that corpus sampling must match the text type because productivity varies with domain and register. For Uzbek, Telegram channels, Instagram captions, and comment sections are not interchangeable: they differ in length norms, audience, and code-mixing tolerance.

A minimal design could combine:

- Vocabulary growth / hapax-based indicators for specific patterns (e.g., new hashtag types; new hybrid verb formations), and
- Integration diagnostics (e.g., proportion of borrowed bases that receive Uzbek morphology; stability of transliteration choices).

Androutsopoulos' discussion of online data collection h; they are socially situated practices, raising design and ethical choices about sampling, context, and participant privacy.

A limitation remains: open-access Uzbek studies often provide rich examples and initial corpus procedures, but longitudinal tracking of the same neologisms across time is still scarce – Polvannazirova (2025) explicitly calls for more longitudinal research on the lifecycle of borrowings.

The most defensible conclusion is also the least dramatic: digital content vocabulary is productive in both English and Uzbek, but the productivity is distributed across different mechanisms. English often exploits flexible category shifts and tag-like constructions that align with platform routines. Uzbek often achieves productivity through rapid borrowing plus integration (morphological modification, pluralization, and locally stable compression norms), as documented in open-access studies of Uzbek social media vocabulary. Digital platforms do not simply "add words"; they add repeatable actions and searchable structures, and those structures select for word-formation patterns that can scale. The research's emphasis on affordances and on compressed, multimodal forms is therefore not background theory – it is the causal environment in which productivity becomes visible.

References:

1. Androutsopoulos, J. (2013). *Online data collection (Version 1)* [Manuscript].
2. Evert, S., & Lüdeling, A. (2001). *Measuring morphological productivity: Is automatic preprocessing sufficient?* [Conference paper]. University of Stuttgart.
3. Fayziyeva, G. A. (2025). *The influence of social media on contemporary Uzbek vocabulary*. https://doi.org/10.5281/zenodo.16911139

4. Herring, S. C. (2004). Computer-mediated discourse analysis: An approach to researching online behavior. In S. A. Barab, R. Kling, & J. H. Gray (Eds.), *Designing for virtual communities in the service of learning*. 338–376. Cambridge University Press.
5. Mahmudov, R., & Polvannazirova, S. (2025). The analysis of the spread of English borrowings on Uzbek social media (hashtags, memes, and other internet linguistic elements). *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education, 3*(2).
6. Oxford University Press. (2015). *Oxford Word of the Year 2015*.
7. Polvannazirova, S. Kh. (2025). Ijtimoiy tarmoqlar va onlayn korpuslar orqali ingliz tilidan o‘zbek tiliga o‘zlashgan neologizmlarning korpus tahlili. *O‘zbekistonda xorijiy tillar, 11*(2/61), 19–34. https://doi.org/10.36078/1746083877
8. Twitter. (2017, November 7). *Tweeting made easier*.
9. Zappavigna, M. (2015). Searchable talk: The linguistic functions of hashtags. *Social Semiotics, 25*(3), 1–18. https://doi.org/10.1080/10350330.2014.996948

Comparative analysis of English phrasal verbs and their equivalents in Uzbek

Raxmonqulova Feruza Akmal qizi
Uzbekistan State World Languages University

Scientific advisor: **Dalieva Madina Xabibullayevna**
DSc, Associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This paper presents a comprehensive comparative analysis of English phrasal verbs and their semantic and syntactic equivalents in the Uzbek language. English phrasal verbs, characterized by the combination of a lexical verb and one or more particles, represent a significant challenge in translation and second language acquisition due to their idiomatic nature, polysemy, and separability. Instead, Uzbek employs derivational morphology, compound verbs with auxiliary components, and distinct lexical roots to convey similar semantic nuances.*

Keywords *Phrasal verbs, Uzbek language, contrastive linguistics, translation strategies, agglutination, semantic mapping, typology*

Ingliz tilidagi frazali fe’llar va ularning o‘zbek tilidagi ekvivalentlarining qiyosiy tahlili

Raxmonqulova Feruza Akmal qizi
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Ilmiy rahbar: **Daliyeva Madina Xabibullayevna**
DSc, dotsent,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada ingliz tilidagi frazali fe’llar va ularning o‘zbek tilidagi semantik hamda sintaktik muqobillari har tomonlama qiyosiy tahlil qilinadi. Leksik fe’l va bir yoki bir nechta partikllarning birikmasidan tashkil topgan ingliz frazali fe’llari o‘zining idiomatik tabiati, ko‘pma’noliligi va ajraluvchanligi sababli tarjima jarayonida hamda ikkinchi tilni o‘rganishda jiddiy qiyinchiliklar tug‘diradi. Buning o‘rniga, o‘xshash semantik nozikliklarni ifodalash uchun so‘z yasovchi morfologiya, yordamchi komponentli qo‘shma fe’llar hamda alohida leksik ildizlardan foydalaniladi.*

Kalit so‘zlar *Frazali fe’llar, o‘zbek tili, qiyosiy tilshunoslik, tarjima strategiyalari, agglutinatsiya, semantik moslashtirish, tipologiya*

Сравнительный анализ английских фразовых глаголов и их эквивалентов в узбекском языке

Рахмонкулова Феруза Акмал кизи
Узбекский государственный университет мировых языков

Научный руководитель: **Далиева Мадина Хабибуллаевна**
DSc, доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil
4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan
milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Аннотация *В данной статье представлен всесторонний сравнительный анализ английских фразовых глаголов и их семантических и синтаксических эквивалентов в узбекском языке. Английские фразовые глаголы, характеризующиеся сочетанием лексического глагола и одной или нескольких частиц, представляют собой значительную проблему при переводе и изучении второго языка из-за их идиоматической природы, полисемии и разделимости. В отличие от них, в узбекском языке для передачи схожих семантических нюансов используется словообразовательная морфология, сложные глаголы со вспомогательными компонентами и различные лексические корни.*

Ключевые слова *Фразовые глаголы, узбекский язык, контрастивная лингвистика, стратегии перевода, агглютинация, семантическое сопоставление, типология*

Introduction

Language serves as the primary vehicle for human communication, yet the mechanisms by which different languages encode actions, directions, aspects, and idiomatic meanings vary significantly across linguistic families. Among the most complex and distinctive features of the English language is the phenomenon of the phrasal verb. A phrasal verb is traditionally defined as a multi-word unit consisting of a lexical verb followed by one or more particles (which may be adverbs, prepositions, or both), such as give up, look into, or run out of (Cowie, 2025). The defining characteristic of these constructions is that their meaning is often non-compositional; that is, the semantic value of the whole cannot be reliably deduced from the sum of its individual parts. For instance, the phrase «turn down» (to reject) bears little semantic relation to the physical act of turning something in a downward direction.

For learners of English whose native language belongs to a different typological family, phrasal verbs constitute a major hurdle. This is particularly true for speakers of Uzbek, a prominent member of the Turkic language family. Uzbek is characterized by its strict Subject-Object-Verb (SOV) word order, vowel harmony, and, most critically, its agglutinative morphological structure (Johanson, 2021). In agglutinative languages, grammatical functions and semantic modifications are typically achieved by attaching a series of suffixes to a root word, rather than by using separate function words or changing word order as in analytic languages like English.

The absence of a direct syntactic equivalent to the English «Verb + Particle» structure in Uzbek creates a significant «translation gap». When an Uzbek speaker encounters a phrasal verb, they cannot simply map the English particle to a corresponding Uzbek postposition or suffix in a one-to-one fashion. Instead, they must navigate a complex web of semantic mapping strategies involving derived verbs, compound verbal structures, or entirely different lexical items. This structural disparity not only complicates the process of translation but also poses severe challenges for Uzbek learners of English, who often struggle with the sheer volume of phrasal verbs and their multiple meanings (polysemy) (Swan, 2001).

Despite the extensive literature on English phrasal verbs from the perspective of Germanic and Romance languages, there is a paucity of research focusing specifically on the contrast between English and Turkic languages, particularly Uzbek. Existing studies often treat phrasal verbs merely as a list of vocabulary to

be memorized, neglecting the deep structural and cognitive differences that underpin their usage (Gardner, 2006). Furthermore, current machine translation systems frequently fail to accurately render English phrasal verbs into Uzbek, often producing literal, nonsensical translations because they lack the sophisticated semantic mapping required to bridge the typological divide.

Objectives of the Study

The primary objective of this paper is to conduct a rigorous comparative analysis of English phrasal verbs and their Uzbek equivalents. Specifically, the study aims to:

1. Identify and categorize the structural differences between English phrasal verb constructions and Uzbek verbal expressions.
2. Analyze the semantic mapping strategies employed when translating English phrasal verbs into Uzbek, classifying them into distinct typological categories.
3. Examine the role of polysemy in phrasal verbs and how Uzbek resolves ambiguity through lexical diversification.
4. Provide evidence-based recommendations for improving English language teaching methodologies in Uzbekistan and enhancing natural language processing (NLP) tools for the English-Uzbek language pair.

Material and Methods

This study employs a descriptive-comparative research design within the framework of contrastive linguistics. The approach is qualitative in nature, focusing on the detailed analysis of linguistic structures, semantic fields, and translation shifts. The study adheres to the principles of typological comparison, examining how different languages solve similar communicative problems through different grammatical means (Greemberg, 1966).

The primary data for this analysis consists of a curated corpus of 500 high-frequency English phrasal verbs. The selection criteria for these verbs were based on:

- Frequency of occurrence in general academic and conversational English, derived from the Corpus of Contemporary American English (COCA) and the British National Corpus (BNC).
- Degree of idiomaticity, ensuring a mix of literal (compositional) and figurative (non-compositional) phrasal verbs.
- Polysemy, selecting verbs that exhibit multiple meanings depending on context (e.g., break down, take off).

For each English phrasal verb, three to five contextualized sentences were generated or extracted to illustrate different usages. These sentences were then translated into Uzbek by three independent native speakers of Uzbek who possess near-native proficiency in English (C2 level according to the CEFR). The translators included two professional linguists and one experienced literary translator to ensure a broad range of register and style. Discrepancies in translation were resolved through consensus discussion to establish the most accurate and natural Uzbek equivalent.

The collected data was analyzed using a multi-layered framework:

The first layer of analysis focused on the morphosyntactic structure. English phrasal verbs were deconstructed into their constituent parts: Verb + Particle [+ Object]. The Uzbek equivalents were analyzed to determine their internal structure, identifying whether they consisted of:

Simple verb roots.

- Derived verbs with specific suffixes (e.g., -ib chiq-, -ib tush-).
- Compound verbs involving converbs and auxiliary verbs (e.g., kelib chiqmoq).
- Periphrastic constructions involving nouns and light verbs (e.g., g'amxo'rlik qilmoq).

The second layer involved categorizing the translation strategies based on the degree of semantic overlap. Following the taxonomy proposed by Baker (Baker, 2018) and adapted

for Turkic languages by Johanson (Johanson, 1992), the equivalents were classified into four main categories:

1. *Direct Lexical Equivalence:* A single Uzbek verb covers the meaning of the English phrasal verb.
2. *Morphological Equivalence:* The meaning of the English particle is rendered via a Uzbek suffix or auxiliary verb.
3. *Periphrastic/Descriptive Equivalence:* The meaning is explained through a phrase or idiom that differs structurally from the source.
4. *Zero Equivalence/Omission:* Cases where the meaning is implied by context and no direct equivalent is used (rare in this dataset).

The final layer examined the data through the lens of language typology. Key parameters included:

- *Head-Marking vs. Dependent-Marking:* How the relationship between the action and its direction/result is marked.
- *Analytic vs. Synthetic:* The ratio of separate words to bound morphemes.
- *Word Order Constraints:* The impact of SOV (Uzbek) vs. SVO (English) on the placement of directional elements.

To ensure the validity of the findings, the analysis was cross-referenced with established bilingual dictionaries (Oxford English-Uzbek, Great English-Uzbek Dictionary) and academic grammars of both languages (Boliboyev, 2018). Inter-rater reliability was maintained by having a fourth expert linguist review a random sample of 20% of the data classifications. Any disagreements regarding the classification of a specific translation strategy were discussed until full agreement was reached.

Results

The analysis of the 500 phrasal verbs and their contextualized translations yielded significant data regarding the structural and semantic divergences between English and Uzbek. The results are presented below, categorized by the primary translation strategies identified.

Quantitative analysis revealed that direct structural correspondence (where an English particle maps directly to a specific Uzbek suffix in a predictable manner) accounts for less than 15% of the cases. The vast majority of translations require strategic shifts. The distribution of strategies is as follows:

Translation Strategy	Frequency (%)	Description
Distinct Lexical Root	42%	Uzbek tilida butunlay boshqa fe'l ildizidan foydalaniladi.
Compound / Complex Verb	35%	-ib ravishdosh + yordamchi fe'l konstruktsiyalari qo'llanadi.
Periphrastic Construction	18%	Ot + yengil fe'l (masalan, *qilmoq, bo'lmoq*) birikmalari ishlatiladi.
Suffixal Derivation	5%	Yo'nalish va aspektni bildiruvchi qo'shimchalar orqali tarjima qilinadi.

Table 1. *Translation Strategies for Rendering English Phrasal Verbs into Uzbek*

The most common finding is that English often uses a generic verb combined with a particle to create a specific meaning, whereas Uzbek tends to use a specific, dedicated verb root for that same meaning. This reflects a tendency in Uzbek towards lexical precision rather than syntactic compositionality for certain semantic fields.

Example 1: Give up (surrender/quit).

English Structure: Give (generic) + Up (particle).

Uzbek Equivalent: Taslim bo'lmoq (to become surrendered) or To'xtatmoq (to stop).

Observation: There is no element in the Uzbek translation corresponding to «give» or «up». The concept of cessation is lexicalized in the root to'xta- or the phrase taslim bo'l-.

Example 2: Find out (discover).

English Structure: Find + Out.

Uzbek Equivalent: Aniqlamoq (to clarify/ascertain) or Bilib olmoq.

Observation: While bil- means «to know», the specific nuance of «finding out» is often captured by the dedicated verb aniqla-.

Example 3: Put off (postpone).

English Structure: Put + Off.

Uzbek Equivalent: Qoldirmoq (to leave/delay) or Keyinga surmoq.

Observation: The verb put has no semantic relevance here; the Uzbek verb sur- (push/move) or qol-dir- captures the delay directly.

This pattern suggests that English phrasal verbs often function as «semantic compressors», allowing a small set of verbs (get, take, put, make) to cover a wide range of meanings through particles. Uzbek, conversely, distributes these meanings across a wider variety of specific verb roots.

The second most frequent strategy involves the use of Uzbek compound verbs. In this structure, the main verb appears in the converbial form (ending in -ib, -a, or -y), followed by an auxiliary verb that modifies the aspect, direction, or modality of the action. This is the closest functional equivalent to the English «Verb + Particle» system, although the mechanics are morphological rather than syntactic.

Directional Nuances:

Go out: Chiqib ketmoq. (Chiq- = exit, -ib = converb, ket- = go away). The auxiliary ket- adds the nuance of departure inherent in «out».

Come in: Kirib kelmoq. (Kir- = enter, kel- = come).

Write down: Yozib olmoq. (Yoz- = write, ol- = take). Here, ol- implies securing the information, mirroring the completive aspect of «down».

Aspectual Nuances:

Eat up: Yeb qo'ymoq or Yeb tugatmoq. The auxiliary qo'y- or the verb tugat- (finish) conveys the completeness implied by «up».

Break down: Buzzilib ketmoq (for machinery) or Vayron bo'lmoq. The auxiliary ket- emphasizes the transition into a broken state.

Our data shows that while these structures mimic the function of phrasal verbs, they are more regular and rule-governed in Uzbek than the often idiomatic English counterparts. However, the choice of auxiliary verb in Uzbek is highly sensitive to context and cannot always be predicted solely by the English particle.

For highly idiomatic phrasal verbs where the meaning is metaphorical, Uzbek frequently resorts to periphrastic constructions. These typically involve a noun (often of Arabic or Persian origin) followed by a light verb like qilmoq (to do), bo'lmoq (to become), or bermoq (to give).

Example 1: Look after (take care of).

Uzbek: G'amxo'rlik qilmoq (to do care) or Parvarish qilmoq.

Analysis: The spatial preposition «after» is completely abandoned in favor of the abstract noun g'amxo'rlik (care).

Example 2: Make fun of.

Uzbek: Masxara qilmoq (to do mockery).

Analysis: The verb make and preposition of are subsumed into the light verb construction with the noun masxara.

Example 3: Get along with.

Uzbek: Chiqishmoq (reflexive/reciprocal form of exiting/agreeing) or Ittifoqda bo'lmoq.

Analysis: The social harmony implied by «along» is rendered through reciprocal verb forms or phrases denoting unity.

A critical result of this study is the extreme difficulty in mapping polysemous English verbs to Uzbek. The verb «Get», when combined with different particles, loses any unified semantic core in translation.

English Phrasal Verb	Meaning	Uzbek Equivalent	Literal Back-Translation
Get up	Rise from bed	Turmoq	To stand / rise
Get over	Recover from illness	Tuzalmoq	To heal
Get over	Overcome an obstacle	Yengib o'tmoq	To conquer / pass
Get along	Have a good relationship	Chiqishmoq	To get along / be on good terms
Get by	Survive financially	Kun ko'rmoq	To see the day
Get across	Communicate an idea	Yetkazmoq	To deliver / convey

Table 2.

As shown in Table 2, a learner cannot rely on a single Uzbek root to understand «get». Each combination requires memorization of a distinct lexical item, confirming the hypothesis that the cognitive load for Uzbek speakers is significantly higher due to the lack of a transparent particle system.

Another structural divergence concerns separable phrasal verbs (e.g., «Turn the lights off» vs. «Turn off the lights»). Uzbek, being an SOV language with strict adjacency requirements between the object and the verb, does not allow for such separation.

- English: Pick it up. (Pronoun must separate).
- Uzbek: Uni ko'tarib ol. (Object uni must precede the entire verbal complex ko'tarib ol).

Attempts by learners to mimic English word order result in ungrammatical Uzbek sentences, highlighting a fundamental syntactic incompatibility.

Discussion

The results underscore a fundamental typological clash between English and Uzbek. English, while historically synthetic, has evolved strong analytic tendencies, particularly in its verbal system. The phrasal verb is a hallmark of this analyticity, where grammatical and semantic relations are expressed through word order and separate function words (particles) rather than inflection (Talmy, 2000). This allows for immense flexibility and creativity; new phrasal verbs can be coined easily (e.g., ghost someone, adulting), and existing ones can acquire new meanings rapidly.

In contrast, Uzbek remains rigorously agglutinative. Semantic modification is achieved internally within the word through suffixes or through tightly bound compound structures. The Uzbek language prefers lexical specificity; where English might say «blow up», «burn down», «tear down», using the generic verbs blow, burn, tear modified by particles, Uzbek is more likely to use distinct roots or highly specific compound verbs that encode the result of the action directly. This suggests that English prioritizes process and direction (via particles), while Uzbek prioritizes result and state (via suffixes and specific roots).

This difference has cognitive implications. English speakers may think in terms of «action + vector», whereas Uzbek speakers may conceptualize the event as a unified whole with an inherent outcome. This aligns with the Sapir-Whorf hypothesis in a weak form, suggesting that the grammatical structures of a language influence how speakers categorize events (Mirzayev, 2020).

Pedagogical Challenges and Solutions

The findings reveal why traditional translation methods fail in the classroom. Teaching Uzbek students to translate phrasal verbs word-for-word leads to errors such as translating «give up» as «berib yuqoriga» (literally: give to up), which is nonsensical.

Conclusion

This comparative analysis has illuminated the profound structural and semantic disparities between English phrasal verbs and their Uzbek equivalents. The study confirms that there is no direct syntactic isomorphism between the English «Verb + Particle» construction and any single structure in Uzbek. Instead, the Uzbek language employs a diverse array of strategies – ranging from the use of distinct lexical roots to complex agglutinative compounds and periphrastic phrases – to achieve functional equivalence.

The predominance of distinct lexical roots (42%) in Uzbek translations highlights a typological preference for lexical specificity over the syntactic compositionality found in English. Meanwhile, the use of compound verbs (35%) demonstrates how Uzbek utilizes its agglutinative morphology to mimic the aspectual and directional nuances of English particles, albeit through different grammatical mechanisms. The extreme polysemy of English phrasal verbs, particularly with generic verbs like get and take, presents a unique challenge, requiring Uzbek to deploy entirely different semantic fields for each variation.

References:

1. Cowie, A. P., Mackin, R., & McCaig, I. (2002). *Oxford dictionary of phrasal verbs* (2nd ed.). Oxford University Press.
2. Johanson, L. (2021). Turkic languages. In J. Garry & C. Rubino (Eds.), *Facts about the world's languages*. 785–790. Routledge.
3. Swan, M., & Smith, B. (2001). *Learner English: A teacher's guide to interference and other problems* (2nd ed.). Cambridge University Press.
4. Gardner, D. (2006). Phrasal verbs and the lexicon. In *Vocabulary and applied linguistics* (pp. 45–62). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230502673_4
5. Greenberg, J. H. (1966). *Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements*. MIT Press.
6. Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation* (3rd ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315731605
7. Johanson, L. (1992). *Structural factors in Turkic language contacts*. Curzon Press.
8. Boliboyev, O., & Valiyev, A. (2018). *O'zbek tilining morfologiyasi [Morphology of the Uzbek language]*. Fan nashriyoti.
9. Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics: Vol. 1. Concept structuring systems*. MIT Press.
10. Mirzayev, A., & Karimov, Sh. (2020). Contrastive analysis of English and Uzbek verbal systems. *Journal of Foreign Philology, 12*(3), 45–58.

Language and Identity Construction in Multilingual Societies

Akhmadullina Alina Ildarovna
Teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Language plays a central role in the construction, negotiation, and representation of identity in multilingual societies. In contexts where multiple languages coexist, individuals constantly navigate between linguistic systems that carry cultural, social, political, and symbolic meanings. Drawing on sociolinguistic theories developed by Benedict Anderson (1983), Pierre Bourdieu (1991), Joshua Fishman (1991), and Bonny Norton (2013), this article explores how language contributes to identity construction at both individual and collective levels. The paper argues that language is not merely a communicative system but a symbolic resource through which identities are constructed, negotiated, and transformed.*

Keywords *Multilingualism, code-switching, language maintenance, globalization, hybrid identities, linguistic inequality*

Ko‘p tilli jamiyatlarda til va identitet konstruksiyasi

Akhmadullina Alina Ildarovna
O‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Til ko‘p tilli jamiyatlarda identitetning shakllanishi, muzokarasi va ifodalanishida markaziy o‘rin tutadi. Bir nechta tillar birgalikda mavjud bo‘lgan muhitda shaxslar madaniy, ijtimoiy, siyosiy va ramziy ma’nolarni o‘zida mujassam etgan lingvistik tizimlar o‘rtasida doimiy ravishda harakatlanadilar. Benedikt Anderson (1983), Pyer Burdye (1991), Joshua Fishman (1991) va Bonni Norton (2013) tomonidan ishlab chiqilgan sotsiolingvistik nazariyalarga tayanib, mazkur maqola tilning identitetni individual hamda jamoaviy darajalarda qanday shakllantirishini tahlil qiladi. Maqolada til shunchaki kommunikativ tizim emas, balki identitetlar shakllanadigan, muzokara qilinadigan va transformatsiyaga uchraydigan ramziy resurs ekanligi asoslab beriladi.*

Kalit so‘zlar *Ko‘p tillilik, kod almashinuvi, tilni saqlash, globallashuv, gibrid identitetlar, lingvistik tengsizlik*

Язык и конструирование идентичности в многоязычных обществах

Ахмадуллина Алина Ильдаровна
Преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Язык играет центральную роль в формировании, согласовании и репрезентации идентичности в многоязычных обществах. В условиях сосуществования нескольких языков индивиды постоянно ориентируются между лингвистическими системами, которые несут культурные, социальные, политические и символические значения. Опираясь на*

социолингвистические теории, разработанные Бенедиктом Андерсоном (1983), Пьером Бурдьё (1991), Джошуа Фишманом (1991) и Бонни Нортон (2013), данная статья рассматривает, каким образом язык способствует конструированию идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. В работе утверждается, что язык является не просто средством коммуникации, но и символическим ресурсом, посредством которого идентичности формируются, согласовываются и трансформируются.

Ключевые слова *Многоязычие, кодовое переключение, сохранение языка, глобализация, гибридные идентичности, лингвистическое неравенство*

Multilingualism characterizes many contemporary societies due to globalization, migration, and historical processes such as colonization. In such environments, language functions not only as a tool of communication but also as a central marker of identity. Identity is understood as socially constructed and context-dependent rather than fixed or innate (Norton, 2013).

In multilingual contexts, individuals may possess multiple linguistic repertoires, each associated with specific social meanings. A linguistic repertoire includes not only different languages but also dialects, registers, accents, and styles that speakers use depending on context. For example, a bilingual speaker may use a minority or heritage language at home to express intimacy, solidarity, and cultural continuity, while using a dominant national or international language in educational or professional settings to signal competence, authority, or social mobility.

Language choice, therefore, reflects affiliation, power relations, and social positioning. When a speaker selects a particular language or variety, this choice can indicate group membership, educational background, or alignment with certain values. For instance, using a standard language variety in formal situations may signal access to institutional power and linguistic capital, whereas shifting to a local dialect among friends may reinforce solidarity and shared identity. In some cases, speakers strategically adopt the dominant language to gain economic or academic opportunities, while maintaining their heritage language as a marker of ethnic identity.

Thus, language choice is rarely neutral. It functions as a social act through which individuals negotiate belonging, authority, resistance, or aspiration. In multilingual societies, identity is constructed not only through what is said, but also through the language in which it is expressed. According to Benedict Anderson (1983), nations are "imagined communities" constructed through shared symbols, including language. A common language fosters solidarity among individuals who perceive themselves as part of the same national group.

In multilingual societies, national identity may coexist with ethnic or regional linguistic identities. Individuals often experience layered forms of belonging: they may identify as members of a nation-state while simultaneously maintaining strong attachment to a particular ethnic group, region, or linguistic community. For example, a citizen may share a national language used in official institutions, media, and education, yet speak a regional or minority language within the family and local community. These multiple affiliations do not necessarily contradict one another; rather, they reflect the complex structure of identity in linguistically diverse societies.

Language thus becomes a central medium through which collective belonging is articulated (Anderson, 1983). A shared national language can create a sense of imagined unity among millions of people who will never meet, reinforcing the idea of a common political and cultural community. At the same time, regional or ethnic languages foster more localized forms of solidarity grounded in shared history, traditions, and collective memory. Through public discourse, education, literature, and media, language transmits narratives about who "we" are as a group.

In this way, language functions not only as a symbol of unity but also as a boundary marker. It distinguishes one community from another and defines the limits of inclusion and exclusion. In multilingual societies, collective belonging is therefore articulated through the dynamic interaction between national and subnational linguistic identities, each contributing to the broader construction of social cohesion and diversity. Pierre Bourdieu (1991) introduced the concept of linguistic capital, arguing that language varieties possess different symbolic values within social markets. Standard or dominant languages often grant access to education, economic opportunities, and prestige.

Speakers may adjust their linguistic behavior to accumulate symbolic capital, thereby shaping their social identity (Bourdieu, 1991). Minority languages, while culturally significant, may be marginalized in institutional domains.

Joshua Fishman (1991) examined language maintenance and shift, emphasizing the importance of intergenerational transmission. When a dominant language replaces a minority language, identity transformation frequently occurs. Language shift can weaken collective memory and cultural continuity. Conversely, language revitalization efforts reinforce ethnic identity and group cohesion (Fishman, 1991).

Bonny Norton (2013) proposed the concept of "investment," suggesting that language learners invest in a language when they believe it will provide access to symbolic or material resources. Identity is therefore dynamic and shaped by social interaction. Learners' identities may shift as they gain proficiency in additional languages and enter new communities of practice (Norton, 2013).

Code-switching is a common phenomenon in multilingual societies. It allows speakers to express multiple identities within a single interaction. Research in sociolinguistics shows that code-switching signals solidarity, authority, emotional stance, or group membership (Bourdieu, 1991; Norton, 2013). Language choice becomes a performative act through which identity is negotiated in specific social contexts. Accent and dialect also function as markers of social identity. Certain accents may be associated with prestige, while others may face stigmatization. Such evaluations influence speakers' self-perception and social mobility (Bourdieu, 1991).

At the same time, non-standard varieties can serve as symbols of resistance and cultural pride. Language is often a cornerstone of ethnic identity. Shared linguistic heritage connects individuals to traditions, history, and collective memory (Fishman, 1991). The loss of language may threaten cultural continuity. National identity is closely connected to language policy. Governments may promote a single official language to strengthen unity or recognize multiple languages to support diversity. Language planning decisions influence how identities are institutionalized and legitimized (Anderson, 1983). Educational systems, in particular, shape linguistic hierarchies and identity formation.

Globalization has intensified linguistic contact worldwide. English often functions as a global lingua franca, coexisting with local languages. This coexistence results in hybrid linguistic practices and fluid identities.

Individuals may simultaneously identify with local traditions and global communities, creating complex, layered identities (Norton, 2013).

Multilingual societies face challenges such as:

- Linguistic inequality;
- Marginalization of minority languages;
- Intergenerational language shift;
- Identity conflicts among bilingual youth.

Addressing these challenges requires inclusive policies, equitable education systems, and community-based revitalization efforts (Fishman, 1991).

Language plays a fundamental role in identity construction in multilingual societies. It shapes access to power, social mobility, and collective belonging. Theoretical insights from Anderson (1983), Bourdieu (1991), Fishman (1991), and Norton (2013) demonstrate that language is deeply intertwined with symbolic power and social organization.

Identity in multilingual contexts is dynamic, layered, and continuously negotiated. Future research should focus on empirical case studies that explore how individuals navigate linguistic diversity in specific sociocultural environments.

References:

1. Anderson, B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso.
2. Bourdieu, P. (1991). *Language and symbolic power*. Harvard University Press.
3. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Multilingual Matters.
4. Norton, B. (2013). *Identity and language learning: Extending the conversation* (2nd ed.). Multilingual Matters.

Nominative-communicative phraseological units in English, Russian and Karakalpak languages

Seytimbetova Aykumar Pulatbaevna
aykumar_90@mail.ru
Senior teacher,
Uzbek State World Languages University

Annotation *The article analyses nominative-communicative phraseological units in English, Russian, and Karakalpak languages using A.V. Kunin's classification as an example. It examines the structural and semantic features of verbal phraseological units based on authentic materials that present the national and cultural characteristics of native speakers of English, Russian, and Karakalpak languages. The article shows the features of the components of phraseological units, which reflect the direct meaning of the core component – the verb and the figurative meaning of the second component - a noun or phrase. In this article, the main objective is to identify the differences in the structural and semantic characteristics of set phrases from other A.V. Kunin's classifications of phraseological units, such as nominative, communicative and interjectional. This feature is that nominative-communicative phraseological units differ from others in that phraseological units perform the role of an action, i.e. the main component is a verb. Using the presented verbal phraseological units, we can see these differences. Furthermore, these examples provide a comprehensive picture of the world of English, Russian, and Karakalpak languages through comparison and contrast, reflecting the distinctiveness and uniqueness of native speakers.*

Keywords *Phraseological units, nominative-communicative PhUs, nominative PhUs, communicative PhUs, interjectional PhUs, set phrases, component*

Ingliz, rus va qoraqalpoq tillaridagi nominativ va kommunikativ frazeologik birliklar

Seytimbetova Aykumar Pulatbaevna
aykumar_90@mail.ru
Katta o'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqola ingliz, rus va qoraqalpoq tillaridagi nominativ-kommunikativ frazeologik birliklarni A.V. Kuninning tasnifi misolida tahlil qilishga bag'ishlangan. Unda ingliz, rus va qoraqalpoq tillarida so'zlashuvchilarning milliy va madaniy xususiyatlarini aks ettiruvchi haqiqiy materiallar asosida og'zaki frazeologik birliklarning strukturaviy va semantik xususiyatlari o'rganiladi. Maqolada asosiy komponent – fe'lning to'g'ridan-to'g'ri ma'nosini va ikkinchi komponent – ot yoki iboraning majoziy ma'nosini aks ettiruvchi frazeologik birliklar komponentlarining xususiyatlari ko'rsatilgan. Ushbu maqolada asosiy maqsad A.V. Kuninning nominativ, kommunikativ va interjektiv kabi frazeologik birliklarning boshqa tasniflaridan turkum frazeologik birliklarning strukturaviy va semantik xususiyatlaridagi farqlarni aniqlashdir. Bu xususiyat shundaki, nominativ-kommunikativ frazeologik birliklar boshqalardan frazeologik birliklar harakat rolini bajarishi bilan farq qiladi, ya'ni asosiy komponent fe'ldir. Taqdim etilgan og'zaki frazeologik birliklardan foydalanib, biz bu farqlarni ko'rishimiz mumkin. Bundan tashqari, ushbu misollar ingliz, rus va qoraqalpoq tillari dunyosining taqqoslash va*

qarama-qarshilik orqali keng qamrovli tasvirini beradi, bu tilda so'zlashuvchilarning o'ziga xosligi va noyobligini aks ettiradi.

Kalit so'zlar *Frazeologik birliklar, nominativ-kommunikativ frazeologik birliklar, nominativ frazeologik birliklar, kommunikativ frazeologik birliklar, interjektiv frazeologik birliklar, turkum iboralar, komponent*

Номинативно-коммуникативные фразеологические единицы в английском, русском и каракалпакском языках

Сейтимбетова Айкумар Пулатбаевна
aykumar_90@mail.ru
Старший преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена анализу номинативно-коммуникативных фразеологических единств в английском, русском и каракалпакских языках на примере классификации А.В. Кунина. В ней рассматриваются структурно-семантические особенности глагольных фразеологических единиц исходя из аутентических материалов, где представлены национально-культурная характеристика носителей английского, русского и каракалпакского языков. Статья показывает особенности компонентов фразеологических единств, где отражаются прямое значение стержневого компонента - глагола и переносное значение второго компонента - существительного или словосочетания. В данной статье, основной задачей является выявить различия структурно-семантических характеристик устойчивых словосочетаний от других классификаций фразеологических единиц А.В. Кунина, как номинативные, коммуникативные и междометные. Такой особенностью является то, что номинативно-коммуникативные фразеологические единицы отличаются от других, тем, что фразеологизмы выполняют роль действия, т.е. основным компонентом является глагол. С помощью представленных глагольных фразеологических единиц мы можем увидеть эти различия. Кроме того, данные примеры показывают полноту картину мира английского, русского и каракалпакского языков через сравнение и сопоставление, где отражаются самобытность и неповторимость носителей языка.*

Ключевые слова *Фразеологические единицы, номинативно-коммуникативные ФЕ, номинативные ФЕ, коммуникативные ФЕ, междометные ФЕ, устойчивые словосочетания, компонент*

В настоящее время в нашей стране приоритетной задачей остается не только изучение родного языка, но и изучение иностранных языков. Об этом свидетельствуют слова Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева (2019): «Народная мудрость гласит: "Владеющий языком другого человека находит дорогу к его сердцу". Примером в этом для нас служат жизнь и деятельность

великих предков... Владение многими иностранными языками помогло им достичь высоких вершин в мировой науке и культуре.

О продолжении этих традиций свидетельствует то, что сегодня в учебных заведениях страны молодежь глубоко изучает иностранные языки, в том числе английский, русский... И мы полностью поддерживаем такое стремление нашей молодежи.».

Исходя от этого, мы можем с уверенностью сказать, что одной из ключевых факторов в изучении иностранных языков является межкультурная коммуникация, так как она нам преподносит возможность общения с носителями языка. Кроме того, при использовании межкультурной коммуникации мы сможем обмениваться опытом, знаниями и лучше узнать самобытность и неповторимость культуры носителей языка. «Овладение народными культурными кодами является процессом обмена не только информацией, но и социальным и культурным опытом, при котором языковая личность выступает как субъект диалога культур. Межкультурный аспект иноязычной коммуникативной компетенции представляет собой перечень знаний, навыков, умений и качеств личности, овладение которыми способствует успешному осуществлению межкультурной коммуникации на изучаемом языке» (Махкамова, 2010; 6).

Одним из таких культурных кодов являются непосредственно фразеологические единицы, которые представляют собой отражением национальной и культурной специфики языка различных народов.

Нельзя не отметить изучение фразеологических единиц некоторыми учеными-лингвистами, как В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Н.А. Баскаков, А.В. Кунин и др., благодаря которым наука о фразеологии приобрела некоторые очертания, как лингвистическая дисциплина.

Предметом обсуждения ученых-лингвистов в прошлом веке становится описание структурно-семантической характеристики фразеологических единиц. Ученые утверждают, что фразеологизмы «лучше всего изучены с точки зрения семантической слитности» (Шанский, 2012; 4).

Система классификации фразеологических единиц, предложенная профессором А.В. Кунином является последним выдающимся достижением в русской теории фразеологии. Классификация основана на сочетании структурно-семантического принципа как фактора устойчивости фразеологических единиц.

Фразеологические единицы подразделяются А.В. Кунином на следующие 4 класса, на основании их структурно-семантической характеристики

1. **Номинативные фразеологические единицы** – «являются оборотами, обозначающими предметы, явления, действия, состояние, качество и т.п. в состав номинативных ФЕ входят фраземы и обороты со структурой придаточного предложения, как с определяемым им словом, так и без него, обладающие номинативным значением» (Кунин, 1972; 90), другими словами, это выражения различных структурных типов: обороты с одной знаменательной лексемой и одной или двумя незнаменательными, т.е. это могут быть обороты со структурой словосочетания, придаточного предложения и другие *(as) clear as day – ясно как божий день*). В основном адвербиальные и адъективные обороты;
2. **Номинативно-коммуникативные фразеологические единицы** – глагольные фразеологизмы. Они выполняют

функцию названия действия, и основным их компонентом является глагол. Такие единицы являются как словосочетаниями, так и предложениями. Глагольные фразеологизмы могут быть полностью или частично переосмысленными, мотивированными или же немотивированными оборотами (*swim like a duck (like a fish) – плавать как рыба;*

3. **Междометные фразеологические единицы** – «в результате экспрессивного переосмысления междометные фразеологические единицы превращаются в обобщенные выразители эмоции и волеизъявления, а иногда и того и другого вместе, и утрачивают свои первоначальное предметно-логические значения, т.е. значение подобных междометных образований является немотивированным» (Кунин, 1972; 230). Вследствие полного переосмысления, фразеологические единицы этого типа могут быть только идиоматизмами (*by the Lord Harry – черт возьми!*);
4. **Коммуникативные фразеологические единицы** – к данному типу относятся «фразеологизмы, являющиеся предложениями, причем не частичнопредикативными, а цельнопредикативными. Среди коммуникативных фразеологических единиц можно выделить две группы оборотов: поговорки и пословицы» (*the devil is not so black as he is painted – не так уж он плох, как его изображают*) (Кунин, 1972; 240).

Исходя из вышеперечисленных примеров классификации А.В. Кунина, мы рассмотрим примеры номинативно-коммуникативных фразеологических единиц.

В глагольных фразеологизмах первые компоненты употребляются в буквальном значении, а остальные переосмысленные компоненты являются интенсификаторами, семантическими дифференциаторами первых компонентов. Поскольку глагольные компаративные обороты не употребляются в страдательном залоге и поэтому не могут трансформироваться в предложения, они всегда являются фраземами (Кунин, 1972; 199). Стержневым компонентом глагольных фразеологических единиц является – глагол, в качестве второго компонента – существительное или словосочетание.

Приведем примеры глагольных сравнений, употребляющихся в отношении человека:

Английские	Русские	Каракалпакские
breed like rabbits	*плодиться как кролики*	*тышқандай балалайды*
sing like a nightingale	*петь как соловей*	*бүлбилдей сайрайды*
lie like a gas-meter	*врать как сивый мерин*	Фразеологизм с таким значением нами не был выявлен, но имеется выражение *суўхит*
chatter like a magpie	*трещать как сорока*	*аўзы гөжедей кайнаў*
drink like a fish	*пить как сапожник*	*малдай ишиў*

Таблица 1. *Глагольные фразеологические единицы, в отношении человека*

Фразеологические единицы		Значения
английские	*blow* (или *puff*) *like a grampus*	- тяжело дышать, пыхтеть
	speak (или *talk*) *like a book*	- говорить ученым, книжным языком, выражаться высокопарно
	strut (или *swell*) *like a turkey-cock*	- ходить с важным, напыщенным видом (*надуться, как индюк*)
русские	*быть* (*жить* или *чувствовать себя*) *как за каменной стеной*	- под надежной защитой, спокойно
	беречь (или *хранить*) *как зеницу ока*	- очень заботливо, тщательно беречь
	лить (или *хлынуть*) *как из ведра*	- очень сильными струями, целым потоком
каракалпакские	*жерден пишкендей (жерден пишип алғандай)*	- полный, жирный, сплошной, плотный, толстый
	дуўасы түспеў (кәр етпеў)	- околдовывать, молитва не дошла, не подействовала
	жөн алды қарабарақ болыў (*журиў*)	- без цели, делать что-то не обдумывая, просто так, лишь бы

Таблица 2. *Глагольные обороты с взаимозаменяемыми глаголами*

Фразеологические единицы		Значения
английские	*eat like a hog* (или *like a horse*)	- отличаться завидным, отменным аппетитом, есть много и с жадностью, обжираться (*есть как свинья*)
	live like a lord (*king* или *like a prince*)	- жить в роскоши, жить барином, жить припеваючи (*кататься как сыр в масле*)
	work like a horse (*like a navy, like a slave* или *like a galley slave*)	- трудиться до изнеможения
русские	*надеяться, как на каменную гору* (*стену*)	- целиком и полностью надеяться на кого-либо
	как с неба (*с луны*) *свалился*	- совершенно неожиданно, внезапно появился, возник
	работать как вол (*каторжный*)	- очень сильно трудиться
каракалпакские	*дийўалға айтқандай* (*тамға*)	- не обращать внимания, не слушать без внимания, не соображать
	қула далаға (дүзге, майданға) айтқандай болыў	- невнимательный, безразличие, не обращать внимания
	қудай-қудай (алла-алла) менен отырыў	- еле сидеть, жить в страхе, жить в бедности, нищете, с опасением

Таблица 3. *Глагольные обороты с взаимозаменяемыми существительными*

Также имеются глагольные сравнения, которые не имеют отношения к человеку, которые являются редкими:

Английские	Русские	Каракалпакские
feet like a glove	*сидеть как влитой*	*қуйып қойғандай*
lash like a whip	*как нож в сердце*	*жүрекке пышақ урғандай*
spring up like mushrooms	*появляться, расти как грибы*	*жабайи шөптей көбейип кетеў*

Таблица 4. *Глагольные фразеологические единицы, не имеющие отношения к человеку*

Итак, рассмотрев вышеизложенные примеры глагольных фразеологических единиц, в составе которых используются с разнообразными элементами сравнения в английском, русском и каракалпакском языках, можно отметить следующие характерные черты:

1) В английском, русском и каракалпакском языках среди глагольных сравнительных фразеологических единиц существуют эквивалентные фразеологические единицы такие, как *sing like a nightingale - петь как соловей - бүлбилдей сайрайды;*
2) Встречаются компаративные глагольные аналоги, имеющие в своем составе различные элементы для сравнения, хотя в целом они имеют одинаковое значение, однако лексическое наполнение у них разное, например, *drink like a fish - пить как сапожник - малдай ишиў*. Такие случаи и являются идентификаторами национально-культурной специфики образности в сравнениях.
3) Как и в адъективных сравнениях, глагольные сравнения в английском языке можно считать прямыми сравнениями, которые точно описывают первый компонент фразеологической единицы, а в русском и каракалпакском языках образное сравнение с компонентом фразеологической единицы;

Таким образом, возможно утверждать, что область фразеологических единиц богата своим содержанием, не только языковым, но и культурным. Более того, использование фразеологизмов в языковой среде даёт шанс глубже постичь ценности, обычаи народов изучаемого языка, а их верное использование и осмысление поможет нам весьма содействовать в освоении иностранных языков и диалоге с его носителями.

References:

1. Mirziyoyev, Sh. M. (2019, October 21). *Vystuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoyeva na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 30-letiyu pridaniya uzbekskomu yazyku statusa gosudarstvennogo yazyka* [Speech at the ceremonial meeting dedicated to the 30th anniversary of granting Uzbek the status of the state language].
2. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka*. Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Makhkamova, G. T. (2010). *Kontseptsiya formirovaniya mezhkulturnoy kompetentsii studentov fakultetov angliyskogo yazyka*. Fan.
4. Shanskiy, N. M. (2012). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uchebnoe posobie*. Knizhnyy dom «LIBROKOM».

Semantic properties of Russian proverbs with the notion “man”

Kambarova Marzhan Adil qizi
marzhan-kambarova@mail.ru
Doctor of Philosophy in Philological Sciences (PhD),
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article examines the semantic aspects of the lexeme “human” in Russian proverbs and analyzes its role in shaping the semantic content of paremiological units. It also identifies the main meanings and evaluative characteristics associated with the image of a human in the folk linguistic worldview. Special attention is paid to reflecting the moral, social, and behavioral qualities of a person embedded in the proverb corpus of the Russian language. The study identifies typical semantic groups of the lexeme “human” and its role in expressing generalized life observations and value orientations. The research material included dictionaries, notably V.I. Dal’s “Proverbs and Sayings of the Russian people” along with other lexicographical sources. Analysis shows that the concept of “human” is represented not only by the lexeme “human” itself but also by a wide range of words denoting gender, age, familial relations, social belonging, and quantitative characteristics. The study highlights key semantic models: human and his image, human and his soul, human and society, human’s positive and negative qualities, and others. The results contribute to a deeper understanding of Russian proverbs and the representation of the concept of “human” in national culture.*

Keywords *Semantics, the lexeme “man”, proverb, Russian language, person – image of a person, person – human soul, person – society*

“Odam” tushunchasiga ega rus tili maqollarining semantik xususiyatlari

Kambarova Marjan Adil qizi
marzhan-kambarova@mail.ru
Filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD),
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada rus xalq maqollarida “odam” leksemasining semantik jihatlari ko‘rib chiqilib, ushbu leksemaning paremiyalarning ma’no mazmunini shakllantirishdagi roli tahlil qilinadi. Shuningdek, xalq til dunyoqarashida odam obraziga bog‘liq asosiy ma’nolar va baholash xususiyatlari aniqlanadi. Maqolada e’tibor rus tilidagi maqolalar fondida aks etgan odamning axloqiy-madaniy, ijtimoiy va xulq-atvoriy sifatlarini aks ettirishga qaratilgan. Tadqiqot davomida “odam” leksemasining tipik semantik guruhlari va umumiy hayotiy kuzatishlar va qadriyat yo‘nalishlarini ifodalashdagi ishtiroki aniqlanadi. Tadqiqot materiali sifatida lug‘atlar, jumladan V.I. Dalning “Rus xalq maqol va matallari” va boshqa leksikografik manbalar ishlatilgan. Tahlil shuni ko‘rsatadiki, “odam” kontseptsiyasi nafaqat “odam” leksemasi bilan, balki jins, yosh, oila a’zolari bilan bog‘liq so‘zlar, ijtimoiy mansublik va miqdoriy xususiyatlarni bildiruvchi so‘zlar orqali ham ifodalanadi. Ishda asosiy semantik modellar ajratilgan: odam – inson obrazida, odam – odam qalbi, odam – jamiyat, odamning ijobiy va salbiy sifatlari va boshqalar. Olingan natijalar rus maqollarining o‘ziga xosligini va milliy madaniyatda “odam” kontseptsiyasining ifodalanishini chuqurroq tushunishga yordam beradi.*

Kalit so'zlar *Semantika, «inson» leksemasi, maqol, rus tili, inson – inson obrazi, inson – inson qalbi, inson – jamiyat*

Семантические свойства пословиц русского языка с понятием «человек»

Камбарова Маржан Адил кизи
marzhan-kambarova@mail.ru
Доктор философии по филологическим наукам (PhD),
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматриваются семантические аспекты функционирования лексемы «человек» в русских пословицах и анализируется роль данной лексемы в формировании смыслового содержания паремий, а также выявляются основные значения и оценочные характеристики, связанные с образом человека в народной языковой картине мира. Особое внимание уделяется отражению морально-нравственных, социальных и поведенческих качеств человека, закреплённых в пословичном фонде русского языка. В ходе исследования устанавливаются типичные семантические группы употребления лексемы «человек» и её участие в выражении обобщённых жизненных наблюдений и ценностных ориентиров. Материалом исследования послужили словари, в том числе сборник «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля и другие лексикографические источники. Анализ показывает, что концепт «человек» репрезентируется не только лексемой «человек», но и широким кругом слов, обозначающих пол, возраст, родственные отношения, социальную принадлежность и количественные характеристики. В работе выделены основные смысловые модели: человек – образ человека, человек – душа человека, человек – общество, человек – положительные и отрицательные качеств человека и др. Итак, полученные результаты способствуют более глубокому пониманию специфики русских пословиц и особенностей репрезентации концепта «человек» в национальной культуре.*

Ключевые слова *Семантика, лексема «человек», пословица, русский язык, человек – образ человека, человек – душа человека, человек – общество*

Пословица, как разновидность паремиологического клише, является образной языковой единицей, характеризующейся переносным значением. Она не имеет конкретного адресата, она применима к каждому человеку, обществу в соответствующей речевой и социально-бытовой ситуации. Именно поэтому пословицы могут исследоваться как с позиции теории языка, сопоставительной лингвистики, так и с позиции лингводидактики и лингвометодики.

Проблемой исследования пословиц занимались лингвисты и методисты: В.И. Даль, Г.Л. Пермяков, М.И. Дубровин, Е.В.

Иванова, В. Мидер, А. Дандес, Н.Р. Норрик, А.В. Кунин, М. Джусупов, Н.Б. Сапарова, П.У. Бакиров (Даль, 1996; Пермяков, 1988; Дубровин, 1995; Иванова, 2003; Mieder, 2004; Dundes, 2007; Norrick, 1985; Кунин, 1996, Джусупов, Сапарова, 2000; Бакиров, 2018) и др.

Для характеристики плана содержания пословиц как с базовым понятием, так и с базовой лексемой *человек* русского языка проанализированы следующие пословичные словари:

1. «*Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля* (Даль, 1987).
2. «*Пословицы, поговорки и крылатые выражения» И.В. Клюхиной* (Клюхина, 2016).
3. *Russian-English dictionary of proverbs and sayings* (Русско-английский словарь пословиц и поговорок) *A. Margulis, A. Kholodnaya* (A. Margulis, A. Kholodnaya, 1974).

Понятие *человек* в русском языке может быть выражено как лексемой *человек,* так и другими словами, такими как *человек, народ, женщина (баба), отец, мать, ребенок (дитя), муж, жена, сын, дочь, мальчик, девочка, бабушка, родитель, друг, я, он, она, трудящий, каждый, всякий, гость,* а также именами собственными: *Марья, Иван, Макар* и др.

Лексема, выр. понятие человек	**Пословицы русского языка, выраженные не лексемой человек**
Народ	*Народ не камень: на месте не лежит.* *Где власть народа, там победа и свобода.*
Люди	*Чужие люди – дремучий лес.* *Люди солгали, да и мы правды не сказали.*
Женщина (баба)	*Женщине столько лет, за сколько она выглядит.* *Баба с возу кобыле легче.*
Отец	*Отец накопил, а сын раструсил.* *Отец – рыбак, и дети в воду смотрят.*
Мать	*Мать и высоко подымет, да не больно бьет.* *Мать кормит детей, как земля людей.*
Ребенок (дитя)	*Детки за игрушки, а матки в ссору.* *Дитя хоть и криво, да отцу-матери мило.*
Муж	*У умного мужа и глупая жена досужа.* *Муж любит жену богатую, а тещу тороватую.*
Жена	*Жена в дому глава.* *Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет.*
Сын/ дочь	*Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет.* *Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц.*
Друг	*Друг до поры – тот же недруг.* *Друг познается в беде.*
Я	*«Я не дурак» – сказал дурак.* *Я не тот ребенок, что вчера из пелёнок.*
Он	*Он у него правая рука.* *Он как оса лезет в глаза.*

Каждый	*Каждый свой интерес знает.* *Каждый смотрит со своей колокольни.*
Гость	*Гость на гость – хозяину радость.* *Гостям стол, а коням столб.*
Все	*Все равны под солнцем.* *Все мы люди, все мы человеки.*
Один	*Один скачет, один и плачет, а все один.* *Один женился – свет увидал, другой женился – с головой пропал.*

Таблица 1. *Примеры пословиц русского языка с понятием человек, выраженные другими лексемами*

Таким образом, понятие *человек* в пословицах русского языка в этих словарях выражено более чем разными лексемами, которые охватывают как человека в целом, так и человека по половому признаку, так и по возрасту, родственными отношениями, по единичности и множественности. Такая многоаспектность выражения понятия *человек* со словами, указывающими на человека, как индивида и составляющего социума носит монозначный характер.

I. Человек – образ человека

Образ человека в мире русской культуры создается разносторонне. Особенно к созданию образа личности стремились писатели художественной литературы. Образ человека создавался на комплексе трех сфер: тела, психики и сознания, а также исходя из социального положения. Так, например, в художественных произведениях существует «образ большого (великого) человека»: Петр I в произведении А. С. Пушкина «Полтава» и, наоборот, «образ маленького человека»: человека невысокого социального положения: Акакий Башмачкин из повести Николая Гоголя «Шинель».

В пословицах русского языка человек выступает существом сильным и крепким как телом, так и душой: *Кремень, а не человек, Человека под стать и масть не подберешь, Красен человек статью*. Образ человека зависит от окружающей среды, от того, в каком мире он живет: *Каков век, таков и человек*. В русской культуре представление о человеке формируется от того, как он ведет себя в обществе, какими знаниями и представлениями о мире он обладает, а его внешность всегда остается на втором плане: *Не одежда красит человека* и *Человек неученый, что топор неточеный*. Итак, удивительное существо человек и русские пословицы призывают не забывать, что: *Трижды человек дивен бывает: родится, женится, умирает*.

II. Человек – душа человека

В русском языке особо выделяются пословицы с базовой лексемой человек, где говорится о том, что внутренний мир человека настолько скрыт от других, что невозможно понять и узнать его, пока не пообщаешься с ним и не проведешь с ним время: *Чужая душа – дремучий бор*. Поэтому, пословицы, в которых раскрывается внутренний мир человека, включили в раздел *Человек – душа человека*. Душа – понятие абстрактное и человеческую душу сложно определить и распознать: Человека видим, а души его не видим. Человеку свойственно воспринимать мир не только через свои органы чувств, но и пропустить всё через сердце и душу: *Не глаза видят, а человек, не ухо слышит, а душа. Человека невозможно понять сразу: Человек не орех – сразу не раскусишь, Человек, что замок: к каждому нужно ключик*. Чтобы понять внутренний мир человека нужно с ним пройти какие-то испытания или хотя бы потрапезничать: Человека узнаешь, когда из семи печек с ним щей похлебаешь. Самое

главное, человек – существо сильное, не смотря на невзгоды, проблемы и трудности, ему под силу всё.

III. Человек – человек

Пословицы русского языка утверждают, что ничего не получается сразу: Москва не сразу строилась. Всему нужно время. Так и человеку – для становления как личности, чтобы достойно жить и развиваться в обществе необходимо время: *Человек не грибок, в день не вырастет,* а также *Каждый человек свою цену имеет*. Для поддержания жизненного ракурса необходимо не только питаться духовно, но и материально: Мельница сильна водой, а человек – едой. В русской культуре считается, что каждый сам строит свою судьбу и в ответе за нее сам: *Человек сам кузнец своего счастья*. Однако человек не всегда может рационально оценить свои действия, определить правильно ли он поступает в определенной ситуации, так как человеку свойственно ошибаться: *Человек сам себе не судья, Человек сам себе плохой советчик*, а иногда разрушить легче, чем построить, так как: *Человек сам себе враг.* Самое главное, во всех жизненных ситуациях: в хорошие и не хорошие моменты нельзя забывать, что: *Надеждой жив человек.*

IV. Человек – общество

Взаимоотношения между людьми определяет характер, образ, нравы и ценности человека. Человек сильно связан с обществом, в котором он развивается, от которого он зависит и к которому он привязан. Поэтому русские пословицы призывают быть добросовестным, отзывчивым и благонамеренным в отношении к другим людям. Каждый должен понимать, что он рождается не только для того, чтобы прожить жизнь для себя, но и необходимо внести вклад в развитие человечества: *Человек не для себя родится.* Но, и общество имеет сильное влияние на становление человека, как личности: *Каковы веки, таковы и человеки.* Особо в русских пословицах указывается на субъективность и индивидуальность личности: *Людина не человек.* Это говорит о том, что не стоит терять свою значимость в обществе: *Людей-то много, а человека нет.* Чтобы не забывать о человеческих ценностях, необходимо добросовестно и с пониманием относиться к людям, как говорится *Человек познается в беде.*

V. Человек – образ животных

В русском языке пословицы с базовым понятием человек могут быть также выражены с помощью образов животных. Чаще всего в пословицах русского языка встречаются такие образы таких животные собака (со значением верности): *Стар пес да верно служит, Живой пес лучше мертвого льва;* кошка – живучесть, хитрость: *У кошки девять жизней;* свинья – невежество, неряшливость: *Посадишь свинью за стол, она и ноги на стол.* В таких пословицах антропоцентризм выражается имплицитно. Эксплицитное выражение понятия человек присутствует в следующих пословицах, в которых функционирует лексема человек или слова, обозначающее понятие человек: *Человек не скотина, а и ту недолго испортить; Рысь пестра сверху, а человек изнутри; Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше; Человек человеку волк.*

VI. Человек – положительные и отрицательные качества

В пословицах русского языка человека оценивают положительно с помощью следующих понятий: доброта, искренность, честность, справедливость, верность, щедрость и др. Например: *Справедливый человек нигде не боится, Благородный человек не помнит старого зла, Верный друг – крепкая защита и др.* Отрицательная оценка человека осуществляется с помощью понятий: жадность, лживость, трусость, несправедливость, легкомыслие, гордыня и др.: *У скупого и в крещенье льду не выпросишь, У лгуна и свидетель под боком, Гордым быть – глупым слыть* и др. В анализируемых русских пословицах с

базовой лексемой человек, его качества описываются с помощью следующих прилагательных: золотой человек, худой человек, человек неученый, пустой человек, лживый человек: *И худой человек проживет свой век; Золотой был человек: мухи не обидел; Человек неученый, что топор неточеный; Тот человек пустой, кто полон самим собой; Лживый человек правды боится*.

Таким образом, от лексемы человек в русском языке можно образовать следующий семантический ряд: *человек*, *личность, особа, индивид, примат, субъект, персона* и др. Основным и стилистически нейтральным словом в данном ряду является слово *человек*.

Итак, пословица, как вид паремиологического клише, представляет собой богатый экспрессивно-выразительный пласт в языковой системе. Она имеет вид законченного предложения как по форме, так и по значению. В пословицах всех народов отражается образ жизни, история, быт, культура, традиции, обычаи как этого народа в целом, так и человека в частности (Камбарова, 2025). Таким образом, выражение понятия *человек* в пословицах русского языка носит полиаспектный характер и охватывает почти все аспекты жизненной деятельности индивида и общества. Национально-культурный колорит выражается в понятиях и в предметных реалиях, присутствующих в жизни русского человека и народа.

References:

1. Bakirov, P. U. (2018). *Poslovitsy – entsiklopediya narodnoy zhizni*. Akademnashr.
2. Dal, V. I. (1996). *Poslovitsy russkogo Naroda*. Vols. 1–3. Russkaya kniga.
3. Dubrovin, M. I. (1995). *Angliyskie i russkie pogovorki v illyustratsiyakh*. Prosveshchenie.
4. Dundes, A. (2007). *The meaning of folklore: The analytical essays of Alan Dundes* (S. J. Bronner, Ed.). Utah State University Press.
5. Dzhusupov, M., & Saparova, N. B. (2000). Poslovitsa kak vid paremiologicheskikh klishe. *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta im. Al-Farabi. Filologicheskaya seriya*, 7(41), 20–25.
6. Ivanova, E. V. (2003). *Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira (na materiale angliyskikh i russkikh poslovits)* (Doctoral dissertation). Saint Petersburg.
7. Kambarova, M. A. (2025). Lingvoteoreticheskie i lingvometodicheskie osobennosti poslovits angliyskogo yazyka. *Zenodo,* 1120–1123. https://doi.org/10.5281/zenodo.15179701
8. Kirdan, B. P. (Ed.). (1987). *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: Iz sbornika V. I. Dalya*. Pravda.
9. Klyukhina, I. V. (Ed.). (2016). *Poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Nachalnaya shkola* (2nd ed.). VAKO.
10. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka*. Vysshaya shkola; Feniks.
11. Margulis, A., & Kholodnaya, A. (1974). *Russian-English dictionary of proverbs and sayings*. McFarland.
12. Mieder, W. (2004). *Proverbs: A handbook*. Greenwood Press.
13. Norrick, N. R. (1985). *How proverbs mean: Semantic studies in English proverbs*. Mouton.
14. Permyakov, G. L. (1988). *Osnovy strukturnoy paremiologii*. IVL.

Feminist imagery and its artistic interpretation in Neal Asher's "Brass Man" and "The line of polity"

Umarkulova Munira Zakhidjan kizi[6]
mumarqulova774@gmail.com
Doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines the artistic interpretation of female characters in Neal Asher's science fiction novels from a literary-critical perspective. The research draws on feminist and posthumanist theoretical approaches developed by Simone de Beauvoir, Judith Butler, Donna Haraway, N. Katherine Hayles, Rosi Braidotti, Teresa de Lauretis, Lucy Suchman, T.V. Kruvko, and D.D. Kadirova. The study argues that Asher's protagonists Eldene and Mika embody a synthesis of gender critique and posthuman transformation. Eldene's transition from oppression to agency reflects a process of feminist emancipation shaped by social and technological forces. In contrast, Mika's cyborg transformation illustrates both the empowering and ambivalent dimensions of technological evolution. Through close literary analysis of key narrative episodes, the article demonstrates that Asher's space opera engages deeply with issues of embodiment, identity, and subjectivity, showing how science fiction functions as a platform for exploring changing models of power, agency, and human transformation in technologically mediated futures.*

Keywords *Feminist literary criticism, posthumanism, gender representation, cyborg identity, embodiment, agency, science fiction, Neal Asher, space opera, female subjectivity*

Nil Eshrning "Brass Man" va "The line of polity" romanlarida feministik obrazlar va ularning badiiy talqini

Umarqulova Munira Zohidjon qizi
mumarqulova774@gmail.com
Tayanch doktoranti,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada Nil Eshrning ilmiy-fantastik romanlarida ayol obrazlarining badiiy talqini adabiy-tanqidiy yondashuv asosida tahlil qilinadi. Tadqiqot feministik va postgumanistik nazariyalar (Simona de Bovuar; Judit Batler; Donna Xaruey; N. Ketrin Xeylz; Rozi Braydotti; Tereza de Lauretis; Lyusi Sachman; T.V. Kruvko; D.D. Kadirova) asosida olib borilgan. Tadqiqotda Eshr qahramonlari Elden va Mika gender tanqidi hamda postgumanistik transformatsiyaning sintezini namoyon etuvchi obrazlar sifatida talqin qilinadi. Elden obrazi zulmkor muhitdan ezgulikka xizmat qiluvchi agentga o'tish orqali feministik ozodlik jarayonini aks ettirsa, Mika obrazi kiborglashuv orqali texnologik evolyutsiyaning murakkab va ziddiyatli jihatlarini birgalikda yoritadi. Asosiy epizodlarning badiiy tahlili ushbu xulosalarni tasdiqlaydi. Tadqiqot Eshrning kosmik fantastikasi gender, hokimiyat va subyektivlik masalalarini chuqur yoritishini ko'rsatib, postgumanistik sharoitda shaxs va texnologiya o'rtasidagi o'zaro bog'liqlikni ochib beradi. Shu bilan birga, maqolada ayol obrazlarining transformatsiyasi orqali inson va texnologiya o'rtasidagi*

[6] Umarkulova M.Z. — ORCID: 0009-0009-9648-2684

chegaralarning qayta talqin qilinishi ham yoritilib, zamonaviy ilmiy-fantastik adabiyotda subyektivlik va identitet muammolarining yangi badiiy shakllarda ifodalanishi ko'rsatiladi.

Kalit so'zlar *Feministik adabiy tanqid, postgumanizm, gender reprezentatsiyasi, kiborg identiteti, tana talqini, agentlik, ilmiy fantastika, Nil Eshr, kosmik opera, ayol subyektivligi*

Феминистские образы и их художественная интерпретация в романах Нила Эшера "Brass Man" и "The line of polity"

Умаркулова Мунира Захиджановна
mumarqulova774@gmail.com
Докторант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье рассматривается художественная интерпретация женских образов в научно-фантастических романах Нила Эшера с литературно-критической позиции. Исследование опирается на феминистские и постгуманистические теоретические подходы, разработанные Симоной де Бовуар, Джудит Батлер, Донной Харауэй, Н. Кэтрин Хейлз, Рози Брайдотти, Терезой де Лауретис, Люси Сачман, Т.В. Крувко и Д.Д. Кадыровой. В статье утверждается, что героини Эшера Элден и Мика воплощают синтез гендерной критики и постгуманной трансформации в условиях технологически изменённой реальности. Путь Элден от угнетения к субъектности отражает процесс феминистской эмансипации и формирования личной агентности в постгуманной среде. В то же время киборгизация Мики демонстрирует как возможности, так и противоречивые последствия технологической эволюции, влияя на границы человеческой идентичности. Близкий художественный анализ ключевых эпизодов подтверждает данные выводы. Показано, что космическая фантастика Эшера поднимает сложные вопросы гендера, телесности, власти и субъектности в постгуманистическом и технологически опосредованном контексте, расширяя понимание роли женщины в научно-фантастическом дискурсе.*

Ключевые слова *Феминистская литературная критика, постгуманизм, гендерная репрезентация, киборг-идентичность, телесность, агентность, научная фантастика, Нил Эшер, космическая опера, женская субъектность*

Introduction

Science fiction has long served as a field for reimagining gender roles and social norms through speculative scenarios. Simone de Beauvoir famously noted that "one is not born, but rather becomes, a woman" (Beauvoir, 1949; 267), emphasizing the social construction of gender. Judith Butler further argues that gender identity is performatively constituted by repeated acts and language (Butler, 1990; 25). These feminist theoretical insights have influenced science fiction's treatment of gender as a discursive construct (de Lauretis, 1987; 3; Butler, 1990; 25) rather than a fixed essence.

Works from utopian feminism to cyberfeminism use SF to challenge binary oppositions. For example, Donna Haraway's "*Cyborg Manifesto*" envisions the cyborg as "a creature in a post-gender world" (Haraway, 1985; 150), disrupting boundaries between human vs machine and male vs female. Contemporary posthumanist thought acknowledges the impact of feminist theory on new subjectivities; as Kruvko notes, posthuman discourse foregrounds gendered otherness and technological agency in new forms of subjectivity (Kruvko, 2023; 128). In literary criticism, these ideas have been used to decode female representation and power relations (Kadirova, 2025; 26). Kadirova, for instance, emphasizes that dystopian narratives foreground women's rights and freedoms as reflections of social structures and crises (Kadirova, 2025; 27).

Against this theoretical backdrop, we examine two of Asher's novels "*Brass Man*" and "*The Line of Polity*" with a literary-interpretive lens. The aim is to trace how the female protagonists embody posthuman features while also acting with agency under systems of power, and to assess whether their artistic portrayal aligns with or contradicts feminist theories. This analysis adopts a comprehensive approach, drawing on primary text evidence and feminist vs posthuman sources to interpret the characters Eldene and Mika in terms of gender, technology, embodiment, and agency.

Methods

This study uses qualitative literary analysis of Asher's texts, supported by feminist and posthumanist theoretical frameworks. Primary sources include "*The Line of Polity*" and "*Brass Man*", as well as relevant theoretical works. Key concepts are identified in secondary sources. The novels were read in detail to identify scenes illustrating control of the female body by technology or patriarchy, moments of resistance or self-transformation, and narrative outcomes for Eldene and Mika. Each finding is linked to theory.

For example, Beauvoir's notion of woman as the "Other" (Beauvoir, 1949; 267) and Butler's idea of subverting gender norms (Butler, 1990; 25) guided the reading of Eldene's subjugation and rebellion. Haraway's and Hayles's ideas about cyborg vs posthuman bodies (Haraway, 1985; 150; Hayles, 1999; 286) framed the analysis of Mika's self-experimentation. Local researcher Kadirova provided cultural-literary context regarding feminist dystopian interpretation (Kadirova, 2025; 26–27).

The author's interpretive stance is explicitly maintained. The analysis approaches Eldene and Mika not merely as narrative figures but as posthuman literary constructs through which Asher negotiates power, embodiment, and gendered agency in technological futures.

Results

The analysis reveals two contrasting but complementary female images in Asher's world. Eldene is a young laborer on the harsh planet Masada in "*The Line of Polity*". From the beginning, her life is controlled by a theocratic regime and biotechnology. Each worker on Masada is implanted with a parasitic symbiote that enriches their blood with oxygen; without this device and its required drugs, they would suffocate. This implant renders Eldene's body literally controlled by power, resembling Foucauldian biopower via technological means (Haraway, 1991; 164). Under such oppression, Eldene is aware of her lack of autonomy: the brutal labor, constant surveillance, and even possible sexual exploitation of women define her existence. The novel explicitly suggests that young women like her face only grim choices – escape as stowaways, assistance from an underground, or sexual servitude – echoing Beauvoir's idea that patriarchal culture reduces women to objects for others (Beauvoir, 1949; 295). In Masada's patriarchal regime, the female body becomes either a work tool or a commodity. Indeed, Eldene initially embodies the "Other" as defined by Butler: her body and destiny are largely alienated by external forces (Butler, 1990; 25; Beauvoir, 1949; 295).

However, Eldene's portrayal includes significant agency. She is not a mere victim. For instance, when a foreman unjustly punishes an innocent coworker, Eldene secretly warns others and helps prevent cruelty. This small but bold act of defiance displays her inner resistance and moral compass. Later, after the Polity intervenes and Masada's regime falls, Eldene gains freedom and a new relationship. Crucially, her physical appearance changes: with proper nourishment and medical care, her lean body gradually fills out; her muscles relax, and her hips and chest gain the traditionally feminine curves. Albeit, even then, she remains more muscular than typical women from space, appearing "grotesquely" strong (Asher, 2003; 347). Asher refuses to idealize her beauty; instead, he notes her unusual shape to highlight both her strength and vulnerability. Thus, Eldene's arc intersects gender, power, and embodiment: technology – "the skol implant" subjected her to power, patriarchy tried to nullify her subjectivity, but she ultimately reclaims autonomy, breathing without the parasite and engaging in social bonds. In feminist terms, Eldene transitions from an "Other" to a subject capable of action (Butler, 1990; 25). Her agency is evident even in *Brass Man*: when her lover Apiss suffers from dangerous biotech effects, Eldene actively participates in saving him, demanding that Polity agents consider his needs (Asher, 2005; 402). In sum, Eldene's image embodies a feminist emancipation line: suppressed objecthood gradually yields to embodied selfhood, even if broken by trauma.

Mika offers a different perspective: she is a scientist integrated into Polity's high-tech society. Unlike Eldene, Mika initially enjoys privileged access to knowledge and technology. As a specialist in xenobiology and nanotech (a Life-Coven biologist), she influences the mission on Jain threats and commands respect for her expertise. Her knowledge grants her a form of power: mission leaders heed her advice, and she orchestrates crucial experiments. However, her storyline reaches a climax when she experiments on herself. In *Brass Man*, during the Masada mission, Mika uses a fragment of Jain biotech (the "doctor's mycelium") to stabilize Apiss's fragile health. Then she implants the same mycelium into herself. The motivation is never stated clearly; when asked, she tersely answers, "For research purposes" (Asher, 2005; 331). This cold reply belies complex motives from pure scientific curiosity to a subconscious desire for new abilities. Indeed, the mycelium grants Mika superhuman advantages: she can breathe toxic atmospheres, her wounds heal almost instantly, and her strength doubles. Essentially, Mika becomes a Haraway-esque cyborg, a hybrid of human and technology, blurring natural vs artificial boundaries (Haraway, 1985; 150).

Post-transformation, her body is posthuman: when Cormac sees Mika after the change, he barely recognizes her. She is depicted as partially translucent, with internal skeletal motion visible, an image that signals her radical otherness (Asher, 2005; 336). Moreover, her musculature and endurance far exceed human norms. If Eldene's strength is earned by toil, Mika's is a result of biotechnological upgrade.

Notably, both Eldene and Mika appear "abnormal" to ordinary people (strong, muscular women defy standard femininity). Mika's case is even more extreme: she gains monstrous posthuman aspects. Asher shows that her superpowers come at a cost. The mycelium, intended as a medical nanotech, spirals out of control: it continues growing inside her like a malignant organism (Asher, 2005; 371). Confronted with this crisis, Mika must acknowledge her error. She feels guilt: "I made a mistake," she admits about injecting herself (Asher, 2005; 378). Though possessing far more knowledge and control than Eldene, Mika is vulnerable to a different power technology itself. The Jain nanovirus defies her plan, and to save Apiss, she assists in a risky surgery she devised. In the operating room scene, two female figures collide: Mika as the surgeon-researcher and Eldene as the

concerned caregiver. Eldene challenges Mika directly, insisting on accountability for the experimental risk (Asher, 2005; 395).

Mika's portrait is compelling because it combines knowledge-power with bodily vulnerability. On one hand, she is the embodiment of scientific rationalism and agency: she actively makes decisions (she is, in de Lauretis's terms, a "technology of gender" a woman constructing herself through scientific practice beyond traditional roles (De Lauretis, 1987; 3). On the other hand, her story warns of the limits of such power. Her body experiences subjugation to a techno-scientific order that even she cannot fully control. We read that Mika through a posthuman lens: she is a posthuman subject who, as Hayles notes, signals not the end of humanity but the end of the old concept of the autonomous liberal human (Hayles, 1999; 286). Mika crosses the boundary between human and non-human, thus breaking not only gender binaries but species binaries. Hayles and Braidotti emphasize that posthuman subjectivity is inherently hybrid (Hayles, 1999; 286; Braidotti, 2013; 49). Mika indeed becomes such a hybrid.

Her image embodies both a positive emancipatory ideal and a critique of techno-optimism, which is the loss of control and technological dependency. Such figures are often read as boundary-warning monsters in feminist theory (Haraway, 1985; 150). By crossing into the posthuman, Mika raises questions about the limits of humanity and responsibility. These questions resonate with feminist technology ethics, which insist on the interconnectedness of human and technological systems (Haraway, 1991; 181; Hayles, 1999; 286).

The table below summarizes key features of Eldene and Mika's characterization:

Characteristic	Eldene (Laborer)	Mika (Scientist/Cyborg)
Social Role	A woman oppressed by a patriarchal regime	Woman empowered by scientific expertise
Source of Power	Patriarchal theocracy & biological control (skole implant)	Scientific knowledge & alien nanotech (Jain)
Type of Embodiment	**Subjugated body** – physically strong but controlled by oppression	**Augmented body** – enhanced by biotech (cyborg)
Agency	Small acts of resistance; caring for others; gaining freedom at end	Initiates experiments; solves crises; takes responsibility
Relation to Feminist Theory	Path from "Other" to partial subject; body objectified by patriarchy	Embodies cyborg/posthuman subject; challenges gender/species boundaries

Table 1.

Discussion

Asher's Polity universe provides rich material for examining how gender is constructed and deconstructed in a posthuman future. By posthumanism, here we mean a vision where the traditional "humanist subject" - the autonomous, rational 'Man' at center stage is problematized by the rise of AI, cyborgs, and hybrid beings (Hayles, 1999; 286; Kruvko, 2023; 128). For gender, this implies that the old male vs female binary loses its central significance. Asher reflects this on multiple levels. First, his world teems with sentient non-humans: AIs and cyborgs abound. Though Asher does not explicitly give them gendered roles. For example, the known AI "Dragon" lacks fixed gender, their presence undermines anthropocentrism. Haraway argues that cyborgity "rejects the stability of gender" (Haraway, 1985; 150). In "*The Line of Polity*",

Asher introduces drakomen part-human, part-dragon warriors with their own biology and reproduction outside human norms. Mika's fascination with the drakomen underlines the point: the future is populated by diverse life-forms for which human gender is just one parameter. This resonates with posthumanist calls to recognize multiplicity beyond binary embodiment (Braidotti, 2013; 49).

Second, Asher's female characters defy traditional gender stereotypes in their roles. Eldene, though oppressed, performs physically demanding labor, displaying endurance and bravery, while also retaining empathy and care traits culturally coded as feminine. Thus, she combines qualities that destabilize rigid gender dichotomies. Mika goes further: she occupies a position of authority as an expert scientist, a role historically associated with masculine rationality. Her interests in science and experimentation have traditionally been male-coded. Moreover, her transformation into a hybrid body aligns with Haraway's notion of a post-gender entity (Haraway, 1985; 150). After her metamorphosis, Mika's translucent, almost uncanny body inspires awe rather than erotic recognition. She becomes effectively post-gender, though narratively still addressed as "she." The absence of a developed romantic subplot reinforces her separation from normative human roles.

Language and voice offer another interpretive dimension. On Masada, patriarchal rule suppresses women's public voice. After the Polity's intervention, Eldene gains the right to speak openly and challenge authority. This reflects a central feminist theme of acquiring voice. As de Lauretis notes, discourse itself functions as a "technology of gender" (De Lauretis, 1987; 3). In Asher's narrative, women do speak: Mika asserts scientific authority in strategic discussions, while Eldene advocates for Apiss's survival in confrontations with male officials. Granting female characters discursive authority contributes to dismantling narrative gender hierarchy.

The breakdown of male–female binaries in these novels occurs through three primary mechanisms: (1) extreme bodily transformations (women become cyborg-like beings), (2) role reversals (women act as protectors and scientists while men become vulnerable), and (3) the presence of multiple intelligences rendering gender secondary. This aligns with Butler's theory of gender fluidity (Butler, 1990; 25) and cyberfeminist visions of a future where biological sex no longer dictates social destiny (Haraway, 1985; 150).

Importantly, Asher does not depict a utopian post-gender world. Instead, the novels portray a transitional space where patriarchal Masada contrasts with the technologically progressive Polity. While formal equality exists in the latter, subtle gender norms persist. The emergence of figures like Mika suggests a gradual shift toward a flexible identity model. Kruvko similarly observes that contemporary science fiction increasingly positions women as posthuman subjects in technological environments (Kruvko, 2023; 128).

Crucially, Asher portrays his heroines as agents rather than narrative accessories. Feminist criticism emphasizes the importance of representing women as historical actors rather than passive objects (Kadirova, 2025; 26; Beauvoir, 1949; 295). Eldene and Mika both shape outcomes: Eldene defends her community and insists on ethical care, while Mika initiates transformative scientific actions and accepts responsibility for their consequences. Their agency is narratively justified rather than artificially imposed.

From a literary standpoint, Asher's fusion of action-driven narrative with philosophical depth is notable. His female characters are not ideological constructs but psychologically grounded figures whose experiences embody theoretical tensions. Thus, even mainstream 2000s science fiction engages meaningfully with feminist and posthuman concerns.

In conclusion, Eldene and Mika's portrayals demonstrate that the "woman as Other" may evolve into a posthuman subject

once she transcends patriarchal limitations (Beauvoir, 1949; 295; Butler, 1990; 25). Asher's fiction shows how literature can function as an experimental space for feminist and posthuman ideas, simultaneously affirming and complicating them.

Conclusion

Author's standpoint: Eldene and Mika exemplify feminist emancipatory trajectories within a posthuman context. Eldene's path represents liberation from both social and biological control, echoing the feminist dictum that "the personal is political" in an embodied sense. Her transformation from a biologically dependent laborer to a self-determining subject illustrates how technological control over the body can be resisted and renegotiated.

Mika's arc is simultaneously empowering and cautionary, depicting the ambiguous gift of cyborgization. Her self-experimentation expands her capabilities while also exposing her to new vulnerabilities, confirming Hayles's assertion that posthuman embodiment destabilizes the notion of an autonomous liberal subject. In combining these dimensions, Asher contributes to a feminist-posthuman imaginary in which emancipation is not purely social but ontological.

We argue that this literary interpretation demonstrates how science-fiction narratives can carry progressive gender discourse through aesthetic means. As Kadirova notes, dystopian narratives foreground women's subjectivity as a reflection of broader socio-cultural tensions. In Asher's case, this reflection extends into posthuman territory, where gendered embodiment becomes inseparable from technological transformation.

By analyzing Asher's texts through Beauvoirian and Butlerian lenses, this study shows that female characters function as cultural probes, foregrounding questions of agency, corporeality, and identity in technologically saturated environments. Such an academic reading may inform broader debates on gender representation in science fiction and suggest future-oriented imaginaries that recognize difference without abandoning ethical responsibility.

References:

1. Asher, N. (2003). *The Line of Polity*. Macmillan. 662p. https://archive.org/details/lineofpolity0000ashe
2. Asher, N. (2005). *Brass Man*. Tor Books. https://www.ebooks.com/en-th/book/836284/brass-man/neal-asher/?srsltid=AfmBOopQnC-RZOZHVCQzXvWk10diA_6sc4QkFAZlTjlu4EMLlEdn2Ch6
3. Beauvoir, S. de. (1949). *The Second Sex*. Vintage Books. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://newuniversityinexileconsortium.org/wp-content/uploads/2021/07/Simone-de-Beauvoir-The-Second-Sex-Jonathan-Cape-1956.pdf
4. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Polity Press. https://archive.org/details/posthuman0000brai
5. Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://selforganizedseminar.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/07/butler-gender_trouble.pdf
6. De Lauretis, T. (1987). *Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction*. Indiana University Press. chrome-

extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://keepypsiblack.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/02/lauretis-teresa-de-technologies-of-gender-essays-on-theory-film-and-fiction.pdf

7. Haraway, D. (1985). A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century. In *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. Routledge. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://monoskop.org/images/f/f3/Haraway_Donna_J_Simians_Cyborgs_and_Women_The_Reinvention_of_Nature.pdf
8. Hayles, N. K. (1999). *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. University of Chicago Press. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://monoskop.org/images/5/50/Hayles_N_Katherine_How_We_Became_Posthuman_Virtual_Bodies_in_Cybernetics_Literature_and_Informatics.pdf
9. Kadirova, D. D. (2025). *The artistic interpretation of dystopian imagery in modern English literature* (Doctoral dissertation). Uzbekistan State World Languages University.
10. Kruvko, T. V. (2023). Woman-as-Other as a foundation of the posthuman subject in contemporary speculative narratives. *Nauka Televideniya, 19*(1), 121–146. https://www.researchgate.net/publication/371319381_Woman_Other_as_a_Ground_for_Posthuman_Subjectivity_in_Contemporary_Science_Fiction_Cinema

Psycholinguistics in the age of mediatization: from textual decoding to media cognition

Aminboeva Shakhriniso Ulugbekovna
shahrinisoaminboyeva@uzswlu.uz
PhD student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The contemporary linguistic landscape is undergoing a radical transformation driven by the process of mediatization. In this era, media is no longer merely a conduit for information but the primary environment in which language evolves and cognitive structures are reshaped. This paper explores the transition from traditional psycholinguistic models of "textual decoding" to a new framework of "Media Cognition". We argue that mediated stimuli, characterized by brevity, high emotional salience, and multimodal density, necessitate a restructuring of the recipient's mental representations. Unlike face-to-face interaction, media communication is predominantly asynchronous and lacks immediate feedback loops. Consequently, the psycholinguistic load on the "verbal marker" increases significantly, as it must trigger specific cognitive frames without the benefit of interpersonal negotiation. By analyzing the intersection of cognitive load theory and digital semiotics, this study proposes a theoretical model for understanding how modern media environments dictate the parameters of linguistic comprehension and mental processing in the 21st century.*

Keywords *Psycholinguistics, mediatization, media cognition, multimodal discourse, cognitive framing, verbal markers, asynchronous communication, digital literacy*

Mediatizatsiya davrida psixolingvistika: matnni dekodlashdan kognitiv jarayonlargacha

Aminboyeva Shahriniso Ulugbekovna
shahrinisoaminboyeva@uzswlu.uz
PhD doktorant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Zamonaviy lingvistik maydon mediatizatsiya (uzoq muddatli ijtimoiy jarayon bo'lib, ommaviy axborot vositalarining siyosat, din, sport va madaniyat kabi boshqa jamiyat institutlariga tobora ko'proq ta'sir ko'rsatishi va ajralmas bo'lib qolishi) jarayoni tomonidan boshqariladigan tub o'zgarishlarni boshdan kechirmoqda. Bu davrda ommaviy axborot vositalari endi shunchaki axborot uzatish vositasi emas, balki til rivojlanib, kognitiv tuzilmalar qayta shakllanadigan asosiy muhitdir. Ushbu maqola "matnni dekodlash" ning an'anaviy psixolingvistik modellaridan "Ommaviy axborot vositalarini kognitiv bilish" ning yangi doirasiga o'tishni o'rganadi. Biz qisqalik, yuqori emotsionallik va multimodal zichlik bilan tavsiflangan vositachi stimullar qabul qiluvchining aqliy tasavvurlarini qayta qurishni talab qiladi, deb ta'kidlaymiz. Yuzma-yuz o'zaro aloqadan farqli o'laroq, media aloqasi asosan asinxron bo'lib, tezkor aloqa halqalariga ega emas. Binobarin, "og'zaki marker" ga psixolingvistik yuk sezilarli darajada oshadi, chunki u shaxslararo muzokaralar foydasisiz o'ziga xos kognitiv ramkalarni ishga tushirishi kerak. Kognitiv yuk nazariyasi va raqamli semiotikaning kesishishini tahlil qilib, ushbu tadqiqot*

zamonaviy media muhitlari 21-asrda tilni tushunish va aqliy ishlov berish parametrlarini qanday belgilashini tushunish uchun nazariy modelni taklif qiladi.

Kalit so'zlar *Psixolingvistika, mediatizatsiya, media bilish, multimodal nutq, kognitiv ramkalash, verbal markerlar, asinxron aloqa, raqamli savodxonlik*

Психолингвистика в эпоху медиатизации: от декодирования текста до медиакогнитивных процессов

Аминбоева Шахринисо Улугбековна
shahrinisoaminboyeva@uzswlu.uz
Студент PhD,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Современный языковой ландшафт претерпевает радикальную трансформацию, обусловленную процессом медиатизации. В эту эпоху медиа перестали быть просто каналом передачи информации и стали основной средой, в которой развивается язык и перестраиваются когнитивные структуры. В данной статье исследуется переход от традиционных психолингвистических моделей "текстового декодирования" к новой концепции "медиакогниции". Мы утверждаем, что опосредованные стимулы, характеризующиеся краткостью, высокой эмоциональной значимостью и мультимодальной плотностью, требуют реструктуризации ментальных представлений получателя. В отличие от личного общения, медиакоммуникация преимущественно асинхронна и лишена непосредственных петель обратной связи. Следовательно, психолингвистическая нагрузка на "вербальный маркер" значительно возрастает, поскольку он должен запускать определенные когнитивные рамки без возможности межличностного взаимодействия. Анализируя пересечение теории когнитивной нагрузки и цифровой семиотики, данное исследование предлагает теоретическую модель для понимания того, как современные медиа-среды определяют параметры языкового понимания и умственной обработки в XXI веке.*

Ключевые слова *Психолингвистика, медиатизация, медиакогниция, мультимодальный дискурс, когнитивное фреймирование, вербальные маркеры, асинхронная коммуникация, цифровая грамотность*

Introduction

The study of psycholinguistics has traditionally centered on the internal mechanisms of language acquisition, production, and comprehension within stable, often idealized, communicative contexts. However, the rapid acceleration of digital technologies has ushered in the "Age of Mediatization", a period where media logic permeates every aspect of social and linguistic life. While traditional linguistics focuses on the mechanics of grammar, Pavlenko (2014) reminds us that the human mind is a dynamic system, constantly restructuring its conceptual boundaries as it encounters new cultural and digital landscapes. In this context, media is no

longer just a channel for language; it is the environment in which language evolves.

This shift necessitates a re-evaluation of how human beings process information. The evolution of psycholinguistics in media communication involves a transition from the study of "textual decoding" – a largely linear process – to the study of "Media Cognition". As stimuli become more fragmented and high-speed, the focus shifts to how mediated inputs restructure the recipient's mental representations. This paper examines the unique stresses placed on the human cognitive system when feedback loops are removed and replaced by high-density multimodal triggers.

Media cognition refers to the specialized mental processes required to navigate environments where information is characterized by brevity, high emotional salience, and multimodal density. In traditional reading or face-to-face dialogue, the brain utilizes a mix of bottom-up *(phonetic/graphemic)* and top-down *(contextual)* processing. However, in the mediatized environment, the "top-down" element is often hijacked by pre-constructed media frames.

When psycholinguistic principles are applied to modern media, we observe that the brain must adapt to "multimodal density". This is the simultaneous presentation of text, image, audio, and interactive elements. Rather than decoding a sentence to find meaning, the recipient engages in "schema-matching", where the visual and verbal elements work together to trigger an immediate, often emotional, mental state.

Methodology

To explore the psycholinguistic load in mediatized environments, this study adopts a Qualitative-Cognitive approach. The methodology focuses on three core pillars:

- Analysis of verbal markers in asynchronous environments.

We analyzed the function of "verbal markers" *(specific keywords or phrases)* in media headlines and social media posts. Because media communication is often asynchronous, it lacks the immediate feedback loops of face-to-face conversation. We measured how these markers are designed to function as "autonomous triggers".

- Multimodal salience mapping.

Using the principles of Kress and van Leeuwen's (2020) grammar of visual design, we mapped the relationship between text and image. The goal was to determine if the "psycholinguistic load" shifted from the text to the visual cue in high-speed consumption scenarios.

- Feedback gap assessment.

This involved a theoretical comparison between "negotiated meaning" *(interpersonal)* and "fixed meaning" *(mediated)*. We examined the cognitive friction that occurs when a recipient cannot ask for clarification, forcing the brain to rely on existing internal biases to complete the meaning.

Results and Discussion

The transition to media cognition has produced three significant psycholinguistic outcomes:

1. Increased load on the verbal marker in traditional interaction, if a word is misunderstood, the speakers negotiate a new meaning. In media, the verbal marker must be *psycholinguistically heavy*. It must trigger specific cognitive frames instantly. For example, the use of passive voice in a news headline *("Protesters were detained")* vs. active voice *("Police detained protesters")* triggers different mental representations of agency and responsibility without any interpersonal negotiation.
2. Restructuring of mental representations characterized by brevity, media stimuli force the brain to bypass deep semantic analysis in favor of "affective heuristics". Mental representations are no longer built slowly; they are "snapped" into place by emotional salience. If a media post is high-density (e.g., a video with text overlays), the brain prioritizes the

emotional "vibe" over the literal syntax. The "multimodal density" described by Kress and van Leeuwen (2020) acts as a double-edged sword. While images can make a message more *human* or relatable, they also dictate the *reading path* so strictly that the recipient loses the freedom to analyze the text critically. We are no longer "decoding" a message; we are being *led* through an emotional experience. This transition from analytical reading to emotional experiencing is the hallmark of modern Media Cognition.

3. The lack of immediate feedback in media consumption creates a "closed-loop" cognitive process. The recipient processes the verbal marker based on their own "psycholinguistic schemas", and because there is no feedback to correct misinterpretation, the original "media frame" becomes a permanent part of the recipient's knowledge structure. This is particularly evident in intercultural joint degree programs or international media consumption. As Hadjistassou (2021) suggests, the absence of a live partner to negotiate meaning means the recipient is "cognitively stranded". The human mind, which evolved for the *warm* feedback of social interaction, now has to do the heavy lifting of interpretation alone. This leads to Cognitive Load Overload. Because we cannot ask for clarification, our brains take *shortcuts*. We rely on pre-existing biases and emotional "gut feelings" to fill in the blanks left by the brief, high-intensity media stimuli.

The research indicates that as the *feedback loop* of traditional conversation disappears, the individual words we use – our *verbal markers* – must work significantly harder. In a face-to-face setting, if a word is ambiguous, we use a smile, a gesture, or a follow-up question to clarify. In the mediatized environment, that luxury is gone.

Our analysis of digital discourse suggests that markers are now chosen for their "trigger potential" rather than their descriptive accuracy. The following table illustrates how these markers function within the human cognitive system:

Marker category	Linguistic example	Human cognitive response
Agency obscurers	"Losses were reported"	Reduces personal empathy; creates a sense of "inevitability" (Fairclough, 2013).
Hyper-salient adjectives	"Shocking," "Breaking"	Triggers an immediate "startle response" in the limbic system, bypassing logic.
Visual-verbal anchors	Text overlaid on a meme	Restructures the mental representation to fit a specific cultural "schema" (Pavlenko, 2014).

Table 1. *Psycholinguistic functions of mediatized markers*

To illustrate the transition from textual decoding to Media Cognition, we can examine the global media coverage of environmental crises. This case study demonstrates how "verbal markers" and "multimodal density" work together to bypass traditional logical processing.

In traditional scientific discourse, environmental changes are described using precise, neutral lexis (e.g., *atmospheric fluctuations*). However, in the mediatized environment, the verbal marker has shifted to "Climate Emergency" or "Climate Catastrophe". According to Pavlenko (2014), such high-intensity markers trigger a *conceptual restructuring* where the recipient no longer processes the data, but instead reacts to the frame of fear. Because the communication is

asynchronous, the recipient cannot negotiate the level of *emergency* with the sender; they must accept the cognitive load as presented.

When these articles are presented digitally, they are almost always accompanied by "hyper-salient" imagery – typically satellite photos of melting ice or vibrant heat maps. Following the grammar of visual design (Kress & van Leeuwen, 2020), these images act as "Visual-Verbal Anchors". The image provides the emotional *salience* that the text lacks. Furthermore, as Fairclough (2013) might argue, the use of passive voice in these reports ("The ice is being melted") often obscures the agency behind the crisis, shifting the psycholinguistic focus from "who is responsible" to "what is happening".

Practical implementation

The findings suggest that for joint degree programs (such as those between Uzbekistan and English-speaking partners) to be successful, students must be trained in Media Cognition. This includes:

- Decoding multimodal density: teaching students how images change the meaning of the accompanying text.
- Identifying asynchronous traps: helping students realize when a verbal marker is trying to trigger a bias rather than provide information.
- Synchronizing discourses: moving beyond vocabulary to ensure that the mental "schemas" used in Tashkent align with those expected in global academic spaces.

Conclusion

Psycholinguistics in the age of mediatization is no longer just about how we understand words; it is about how we navigate a sensory environment that is constantly restructuring our minds. The shift from textual decoding to Media Cognition is not merely a change in how we read; it is a fundamental change in how we inhabit our reality. As our linguistic environment becomes increasingly mediatized, the psycholinguistic load on the individual increases exponentially. We must recognize that behind every "user" or "digital consumer" is a human mind attempting to find stable meaning in a world of high-speed, high-emotion triggers. Future research must focus on how to restore the "human feedback loop" within digital spaces to alleviate the cognitive stress of the modern era and ensure that our communication remains a bridge, not a barrier.

References:

1. Fairclough, N. (2013). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Routledge.
2. Hadjistassou, S. K. (2021). Multimodality and intercultural communication in online settings. In *The Routledge handbook of language and intercultural communication*. Routledge.
3. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2020). *Reading images: The grammar of visual design* (3rd ed.). Routledge.
4. Pavlenko, A. (2014). *The bilingual mind: And what it tells us about language and thought*. Cambridge University Press.

Speech Etiquette and Linguistic Manipulation: A Pragmatic Study of Politeness Strategies in Discourse

Olimjanova Sarvinoz Tohirjon qizi
saravilland@gmail.com
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Speech etiquette represents a fundamental aspect of communicative behavior, as it governs interpersonal interaction through socially and culturally recognized norms of politeness. At the same time, language frequently serves as a means of influencing others, which gives rise to various forms of linguistic manipulation. This article explores the relationship between speech etiquette and manipulation from a pragmatic standpoint. The main objective of the study is to examine how etiquette formulas and politeness strategies function not only to maintain respectful communication but also to achieve persuasive effects. Relying on qualitative discourse analysis, the research investigates data drawn from everyday conversations, media discourse, and digital communication. The findings reveal that speech etiquette often coincides with manipulative strategies, particularly through indirect expression, mitigation, and positive politeness. The study argues that speech etiquette possesses a dual pragmatic function: it supports social harmony while simultaneously enabling subtle forms of linguistic influence. These results contribute to a broader understanding of pragmatic competence and discourse behavior in contemporary communication.*

Keywords *Speech etiquette, linguistic manipulation, pragmatics, politeness strategies, discourse analysis, communicative influence*

Nutq odobi va lisoniy manipulyatsiya: pragmatik jihat

Olimjanova Sarvinoz Tohirjon qizi
saravilland@gmail.com
Magistratura talabasi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Nutq odobi muloqot xulq-atvorining fundamental asosi bo'lib, u ijtimoiy va madaniy jihatdan e'tirof etilgan xushmuomalalik me'yorlari orqali shaxslararo munosabatlarni tartibga soladi. Shu bilan birga, til ko'pincha boshqalarga ta'sir o'tkazish vositasi bo'lib xizmat qiladi, bu esa lisoniy manipulyatsiyaning turli shakllarini yuzaga keltiradi. Mazkur maqolada nutq odobi va manipulyatsiya o'rtasidagi bog'liqlik pragmatik nuqtayi nazardan tadqiq etiladi. Tadqiqotning asosiy maqsadi – odob formulalari va xushmuomalalik strategiyalari nafaqat hurmatga asoslangan muloqotni saqlash, balki ishontirish (persuaziv) effektiga erishish uchun qanday xizmat qilishini o'rganishdan iborat. Sifatli diskurs-tahlilga tayangan holda, tadqiqot kundalik suhbatlar, media diskursi va raqamli muloqotdan olingan ma'lumotlarni o'rganadi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, nutq odobi ko'pincha manipulyativ strategiyalar bilan, xususan, bilvosita ifoda, yumshatish (mitigatsiya) va pozitiv xushmuomalalik orqali mos keladi. Tadqiqotda nutq odobi dual (ikki yoqlama) pragmatik funksiyaga ega ekanligi isbotlanadi: u ijtimoiy uyg'unlikni ta'minlash bilan bir qatorda, lisoniy ta'sirning nozik shakllariga imkon beradi. Ushbu*

natijalar zamonaviy muloqotda pragmatik kompetensiya va diskursiv xulq-atvor haqidagi tushunchalarni kengaytirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *Nutq odobi, lisoniy manipulyatsiya, pragmatika, xushmuomalalik strategiyalari, diskurs-tahlil, kommunikativ ta'sir*

Речевой этикет и лингвистическое манипулирование: прагматический аспект

Олимжанова Сарвиноз Тохиржон кизи
saravilland@gmail.com
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языках

Аннотация *Речевой этикет представляет собой основополагающий аспект коммуникативного поведения, так как он регулирует межличностное взаимодействие через социально и культурно признанные нормы вежливости. В то же время язык часто служит средством воздействия на окружающих, что порождает различные формы лингвистического манипулирования. В данной статье исследуется взаимосвязь между речевым этикетом и манипуляцией с прагматической точки зрения. Основная цель исследования – изучить, как формулы этикета и стратегии вежливости функционируют не только для поддержания уважительного общения, но и для достижения перкуссионного (убеждающего) эффекта. Основываясь на качественном дискурс-анализе, исследование изучает данные, полученные из повседневных бесед, медийного дискурса и цифровой коммуникации. Результаты показывают, что речевой этикет часто совпадает с манипулятивными стратегиями, в частности через косвенное выражение мысли, митигацию (смягчение) и позитивную вежливость. В исследовании утверждается, что речевой этикет обладает двойственной прагматической функцией: он поддерживает социальную гармонию и одновременно способствует тонким формам лингвистического влияния. Эти результаты вносят вклад в более широкое понимание прагматической компетенции и дискурсивного поведения в современной коммуникации.*

Ключевые слова *Речевой этикет, лингвистическая манипуляция, прагматика, стратегии вежливости, дискурс-анализ, коммуникативное влияние*

Introduction

Language serves purposes that go far beyond the simple transmission of information. It plays a central role in structuring social interaction and shaping relationships between individuals. In everyday communication, speakers generally adhere to socially accepted norms that help them remain polite, manage interpersonal distance, and prevent potential conflict. These norms are realized through speech etiquette, which can be understood as a system of conventionalized expressions and communicative practices governing verbal interaction within a specific linguistic and cultural environment.

Speech etiquette includes such elements as greetings, farewells, apologies, expressions of thanks, forms of address, and polite requests. Although these expressions may appear routine or formulaic, they perform essential communicative functions. By using etiquette formulas, speakers express respect, create a sense of solidarity, and demonstrate awareness of social roles and expectations. As a result, speech etiquette reflects not only linguistic conventions but also broader cultural values and social structures.

Nevertheless, communication is rarely entirely neutral or purely cooperative. Speakers often pursue specific goals that involve persuading, influencing, or guiding the behavior of others. In such situations, language may acquire a manipulative dimension. Linguistic manipulation does not necessarily imply deception or overt pressure; rather, it often operates indirectly through mitigation, strategic phrasing, and careful lexical choice. Polite language, in particular, can be an effective instrument of influence, as it enables speakers to advance their intentions while preserving a socially acceptable and cooperative tone.

For this reason, the connection between speech etiquette and linguistic manipulation is inherently complex. While etiquette promotes mutual respect and communicative balance, it may also be deliberately employed to enhance persuasive impact. Polite requests, for instance, may conceal obligation, and courteous expressions may obscure unequal power relations. Despite its importance, this interaction has not been sufficiently explored within a single pragmatic framework.

The present study addresses this issue by focusing on the following research questions:

- What linguistic features characterize speech etiquette in interpersonal communication?
- How do politeness strategies operate as mechanisms of linguistic manipulation?
- How does speech etiquette strengthen persuasive influence without openly violating social norms?

By engaging with these questions, the study aims to enrich pragmatic and discourse-based research and to offer deeper insight into the functioning of polite language in contemporary communication.

Methods

This research employs a **qualitative methodological approach** grounded in pragmatics and discourse analysis. Such an approach is particularly effective for investigating implicit meanings, speaker intentions, and context-dependent interpretations, all of which are central to the study of politeness and manipulation in language.

Data Collection

The material analyzed in this study includes:

- Transcribed examples of everyday spoken interaction containing etiquette expressions;
- Extracts from media and public discourse characterized by persuasive intent;
- Samples of digital communication illustrating modern etiquette practices.

These data sources were selected in order to represent diverse communicative settings and to enable comparison across interpersonal, institutional, and online discourse.

Analytical framework

This analysis draws on key theoretical concepts from pragmatics. Speech act theory provides the basis for interpreting communicative intention and effect, particularly through the distinction between illocutionary force and perlocutionary outcome (Austin, 1962). Politeness theory is applied to identify strategies of positive and negative politeness, indirectness, and mitigation that are typical of etiquette-based communication.

In addition, principles from pragmatics and discourse analysis guide the identification of manipulative strategies such as framing, strategic ambiguity, and face-management

(Brown, Levinson, 1987). Insights from critical discourse analysis further support the interpretation of polite language as a potential resource of power and influence in communication (Fairclough, 1995).

The analytical procedure consisted of three main stages:

- Identifying etiquette markers and politeness strategies;
- Examining their pragmatic functions and speaker intentions;
- Interpreting their potential manipulative effects within context.

Results

The analysis revealed several recurring patterns that demonstrate the close relationship between speech etiquette and linguistic manipulation.

Speech Etiquette as a Regulating Force

The findings confirm that speech etiquette functions as a regulating mechanism in communication. Routine expressions such as greetings and polite openings help establish a cooperative atmosphere and minimize communicative tension. These formulas create predictability and signal conformity to social norms, thereby facilitating smooth and orderly interaction.

Indirectness and Politeness in Persuasive Situations

One notable pattern is the frequent use of indirectness in contexts involving influence. Requests formulated as questions or suggestions allow speakers to reduce the level of imposition while simultaneously increasing the likelihood of compliance. Positive politeness strategies, including compliments and expressions of shared attitudes, were commonly used to build rapport before introducing persuasive content.

Manipulative Use of Etiquette Formulas

The results further show that etiquette formulas can be strategically employed to disguise directive or authoritative intentions. Polite language often softened commands and presented expectations as optional actions. In such cases, manipulation did not arise from violating social norms but from skillfully adhering to them, which made persuasive influence less noticeable and more acceptable.

Discussion

The findings indicate that speech etiquette fulfills a dual pragmatic role. Although its primary function is to maintain social harmony and regulate interaction, it also serves as an effective means of influencing others. Politeness strategies increase communicative efficiency by reducing resistance and fostering a cooperative communicative environment.

These results are consistent with pragmatic theories that conceptualize politeness as a strategic phenomenon rather than a purely ethical one. The use of polite language to achieve persuasive aims corresponds with observations that indirectness and face-management can strengthen perlocutionary effects (Leech, 1983). From a discourse-analytic perspective, the manipulative potential of etiquette also reflects broader patterns of power and influence embedded in language use (van Dijk, 2006).

Furthermore, the study emphasizes the importance of pragmatic awareness in linguistic education and intercultural communication. A deeper understanding of how polite expressions function pragmatically enables speakers and listeners to interpret communicative intentions more critically and to develop stronger communicative competence.

Conclusion

This study has explored the relationship between speech etiquette and linguistic manipulation within a pragmatic framework. The analysis demonstrates that speech etiquette is not simply a collection of conventional polite expressions but a flexible communicative resource that can serve persuasive and manipulative purposes. Through the strategic use of politeness, speakers are able to influence interlocutors

while remaining within the boundaries of socially accepted norms. Recognizing this dual function of speech etiquette contributes to a more comprehensive understanding of discourse dynamics and pragmatic competence in modern communication.

References:

1. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.
2. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London: Longman.
4. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
5. van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society, 17*(3), 359–383.

Main notions of axiological linguistics

Abdug‘affarova Gulhayo Abdug‘affar qizi
agulxae@mail.ru
Basic Doctoral (PhD) Student,
Uzbek State World Languages University

Annotation *This paper explores the fundamental issues of axiological linguistics, an interdisciplinary field concerned with how values are expressed and encoded in language. It examines the philosophical foundations of axiology and traces its development across various disciplines, highlighting its significance for understanding the role of values in shaping human behavior, social norms, and cultural patterns. Particular emphasis is placed on evaluation as the central category of axiological analysis, including its internal structure, main types, and linguistic means of expression at different levels of language. The study reviews classifications proposed by leading scholars and analyzes both objective and subjective evaluations, as well as their inherently social character. In addition, the paper discusses the concept of social values and their influence on collective consciousness, interpersonal interaction, and communicative practices. Overall, the research demonstrates that language functions not only as a tool for communication but also as a powerful mechanism for constructing, preserving, and transmitting value systems within society.*

Keywords *Axiological linguistics, values, evaluation, linguistic world picture, social values, semantics, culture, communication*

Aksiologik tilshunoslikning asosiy tushunchalari

Abdug‘affarova Gulhayo Abdug‘affar qizi
agulxae@mail.ru
Tayanch doktorant (PhD),
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada aksiologik tilshunoslikning asosiy muammolari yoritiladi. Ushbu fan til orqali qadriyatlarning qanday ifodalanishini o‘rganadigan fanlararo yo‘nalish sifatida talqin etiladi. Aksiologiyaning falsafiy asoslari hamda turli fanlardagi rivojlanish bosqichlari tahlil qilinib, qadriyatlarning inson xulqi, ijtimoiy me’yorlar va madaniy jarayonlar shakllanishidagi o‘rni ko‘rsatib beriladi. Asosiy tushuncha sifatida baholash kategoriyasiga alohida e’tibor qaratilib, uning tuzilishi, asosiy turlari hamda tilning turli sathlarida ifodalanish usullari ko‘rib chiqiladi. Yetakchi olimlar tomonidan taklif etilgan tasniflar asosida obyektiv va subyektiv baholar hamda ularning ijtimoiy mohiyati tahlil qilinadi. Shuningdek, ijtimoiy qadriyatlar tushunchasi, ularning jamoaviy ong, shaxslararo muloqot va kommunikatsiyaga ta’siri yoritiladi. Xulosa qilib aytganda, til nafaqat aloqa vositasi, balki jamiyatda qadriyatlar tizimini shakllantiruvchi, saqlovchi va avlodlarga uzatuvchi muhim mexanizm hisoblanadi.*

Kalit so‘zlar *Aksiologik tilshunoslik, qadriyatlar, baholash, tilning olam manzarasi, ijtimoiy qadriyatlar, semantika, madaniyat, kommunikatsiya*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

The Lingua Spectrum
Volume 2, February 2026

Основные понятия аксиологической лингвистики

Абдугаффарова Гулхаё Абдугаффар кизи
agulxae@mail.ru
Базовый докторант (PhD),
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье рассматриваются основные проблемы аксиологической лингвистики – междисциплинарной области, изучающей способы выражения ценностей в языке. Анализируются философские основы аксиологии и прослеживается её развитие в различных научных направлениях, подчёркивается значение ценностей в формировании поведения человека, социальных норм и культурных моделей. Особое внимание уделяется категории оценки как центральному понятию аксиологического анализа, её структуре, видам и языковым средствам выражения на разных уровнях языка. Рассматриваются классификации оценок, предложенные ведущими учёными, а также анализируются объективные и субъективные оценки и их социальная природа. Кроме того, освещается понятие социальных ценностей и их влияние на коллективное сознание, межличностное взаимодействие и коммуникацию. В целом делается вывод о том, что язык выступает не только средством общения, но и важным механизмом формирования, сохранения и передачи ценностных систем в обществе.*

Ключевые слова *Аксиологическая лингвистика, ценности, оценка, языковая картина мира, социальные ценности, семантика, культура, коммуникация*

In recent years, scholarly research devoted to axiology has been steadily increasing in linguistic studies. The term “axiology”was introduced into science in the second half of the twentieth century by J. Hartmann and P. Lapi. Derived from the Greek words “axios” (value) and “logos” (doctrine), it denotes the discipline that studies values, also known as the science of values. As a theoretical field, axiology has been investigated by scholars from various domains, including A.A. Ivin, S.F. Anisimov, E.Yu. Guay, Yu.G. Veshninsky, V.I. Karasik, and others.

Philosopher A. A. Ivin defines axiology as a doctrine that clarifies the general (relative or absolute) meaning of the concept of value regardless of its application in science, ethics, theology, everyday life, and other spheres. As a branch of philosophy, axiology examines the positive, neutral, or negative significance of objects independently of their existence (existential status) and qualitative characteristics. According to S.F. Anisimov, axiology is a philosophical-ethical theory that studies moral values and anti-values, whose fundamental categories are good and evil (Anisimov, 2001).

Linguist E.Yu. Guay interprets axiology as a philosophical direction that identifies the qualitative properties of phenomena, objects, and processes capable of satisfying human desires, needs, and interests. In this sense, values serve as the meaning-forming foundation of human life, as they guide and motivate human behavior and activity (Guay, 2009).

Thus, the study of the world of values – encompassing value systems and their socio-

cultural relations with reality, society, and the individual – constitutes the core of axiology. According to V. V. Ilyin, the subject of axiology is the deontological environment and its mechanisms of coercive influence, that is, the reflection of the domain of the "ought" within the domain of the "is" (Ilyin, 2005) Such an environment represents a system of norms and obligations functioning in society.

A.A. Ivin further elaborates that axiology determines the relationship between what exists and what ought to exist, investigates the conditions for objectifying value judgments, and examines cognitive processes closely connected with values (Ivin, 2006). Knowledge serves as a link between the human spirit, nature, and practical activity. In a general sense, cognition implies not only understanding "what is," but also forming a clear and reasoned conception of "what should be."

Based on the definitions of axiology discussed above, it can be noted that this doctrine has been interpreted from various perspectives: as a broad general-philosophical theory (A.A. Ivin), an ethically oriented approach (S.F. Anisimov), a human-needs-oriented perspective (E.Yu. Guay), and a theory of normative systems (V.V. Ilyin). Nevertheless, almost all scholars emphasize that values influence human behavior and social order.

Therefore, axiology may be regarded as a discipline that studies the universal foundations of human activity, self-expression, self-regulation, development, and improvement in harmony with the socio-cultural norms and laws of society. In our view, this science investigates the formation and functioning of values in human and social life, the norms based on them, and the mechanisms for evaluating phenomena of reality. In doing so, axiology reveals the meaning and social significance of human activity.

In identifying social evaluations within the paremiological worldview, it is essential to recognize the interdisciplinary nature of axiology, which interacts with philosophy, sociology, pedagogy, linguistics, and cultural studies. According to linguist D.U. Ashurova, interdisciplinarity refers to the interaction between two or more sciences, ranging from the exchange of ideas to the integration of methodologies and methods (Ashurova, 2021). When such integration occurs, new interdisciplinary fields emerge, including psycholinguistics, sociolinguistics, pragmalinguistics, cognitive linguistics, and linguoculturology. Interdisciplinary relations do not involve the mechanical transfer of concepts from one field to another; rather, they constitute genuine integration that facilitates the formulation and solution of new problems, some of which cannot be resolved within a single discipline.

Axiology and linguistics are also closely interconnected: axiology studies values, while language serves as the primary means of expressing them. This integration has given rise to axiological linguistics. Scholars such as A.A. Ivin, N.D. Arutyunova, E.M. Volf, S.G. Pavlov, E.F. Serebryannikova, and Z.K. Temirgazina were among the pioneers in this field.

S.G. Pavlov considers the object of linguistic axiology to be the complex "language – consciousness – society – culture – human" (Pavlov, 2013). The task of axiological research is to identify the value component within a linguistic unit or utterance. The aim of axiological analysis of language is to reconstruct the axiological sphere (axiosphere) of the linguistic worldview as well as the axiospheres of various social groups and idiolects. As a relatively new direction, axiological linguistics focuses on the means by which values and evaluations are expressed in language and speech.

One of the important issues of axiological linguistics is the study of how the value-based worldview of a particular linguoculture is represented. Evaluations, values, norms, stereotypes, and concepts constitute the fundamental phenomena underlying this worldview.

A central concept of axiological linguistics is evaluation. Evaluation reflects a

person's cognitive, emotional, physical, and psychological attitudes toward oneself, other people, and objects of the surrounding world. Although the concept of evaluation has been interpreted in various ways, earlier logical approaches of the 1970s–1980s have been supplemented by more comprehensive analyses in recent decades. As a logical category, evaluation is based on the human capacity to reflect reality through concepts, judgments, conclusions, and theories, while simultaneously demonstrating the active and transformative nature of thought.

According to E.M. Volf, evaluation structurally consists of four elements (Volf, 2002):

- the subject of evaluation;
- the object (or target);
- the attribute;
- the basis (norm or standard).

The subject is the person who evaluates an object from a particular perspective, often through comparison or analogy. The object is the person or entity being evaluated, whose significance for the evaluator determines the resulting judgment. The attribute indicates the qualities of the object that serve as grounds for evaluation, while the basis represents the standard or norm against which the object is assessed. Evaluation does not occur independently of comparison; moreover, judgments formed through comparison are often variable.

In general, the evaluating subject considers multiple characteristics of the object but relies on a norm or standard as the primary basis. Subjective evaluation frequently reflects the evaluator's personal interests. Objects may be assessed absolutely or comparatively. Objective (absolute) evaluation arises directly from the perception or conception of the object and is grounded in socially accepted universal norms, thereby acquiring a social character. Subjective evaluation, by contrast, depends on the evaluator's personal attitude toward the object and is influenced by pragmatic factors such as age, gender, knowledge, beliefs, and social status.

As a subject, a human being interprets objects, events, and states of affairs through personal attitudes, attributing positive or negative qualities to them and thereby determining their significance or value. Value is not an inherent natural property; rather, it emerges through human participation in social existence and practical activity, and thus has a social nature. Logical and linguistic aspects of evaluation are therefore interdependent: logical evaluation is realized through linguistic means.

According to E.M. Volf, the semantics of evaluation reflects the value content of linguistic expression. Despite differences in evaluative criteria – such as importance vs. insignificance, politeness vs. rudeness, beauty vs. ugliness – the underlying dimension remains the fundamental opposition of "good" versus "bad." Consequently, the evaluative scale integrates general cultural representations of the world's value system with an individual's subjective attitude toward the object of evaluation. Linguist V.P. Tugarinov also considers evaluation one of the most significant categories for the development, improvement, and transformation of society and nature in the modern world (Tugarinov, 1960).

Another definition describes evaluation as a positive or negative, explicit or implicit attitude embedded in the semantics of linguistic units, expressing the subject's relation to objects of reality and constituting a component of a complex system arising from the interaction between subject and object.

From the perspectives of various researchers, the linguistic dimension of evaluation encompasses the entire set of expressive means and methods. Evaluation can therefore be conveyed through different linguistic levels – phonetic, morphological, lexical, and syntactic. In other words, the value-based worldview is expressed through language units.

Primarily, evaluation is conveyed through lexical-semantic means, either explicitly or implicitly, denotatively or connotatively, via direct naming, descriptions, attributes, or the nature of actions expressed by verbal predicates. In morphology, evaluative modality is often expressed through affixes indicating subjective assessment. Lexical and word-formation units typically express positive or negative evaluation explicitly, whereas phonetic and syntactic means cannot independently evaluate an object and function only in conjunction with meaning-bearing elements. Therefore, they convey evaluative meaning implicitly, through context and lexical-semantic relations.

Various scholars – including G.H. von Wright, A.A. Ivin, N.D. Arutyunova, and J. Martin – have proposed different classifications of evaluation. Von Wright distinguishes instrumental, technical, beneficial, utilitarian, medical, and hedonistic evaluations. Ivin identifies internal (emotion-based), standard-based, and external or utilitarian evaluations.

In general, axiological meanings manifest in language as two main types: general evaluation and particular evaluation. General evaluation arises from highlighting significant properties of an object, while particular evaluation focuses on specific aspects. According to N.D. Arutyunova, particular evaluations include sensory (hedonistic), psychological (intellectual and emotional), aesthetic, ethical, utilitarian, normative, and teleological types (Arutyunova, 1988).

Evaluation may also be analyzed from a social perspective. Since its source is the individual, any evaluation is inherently social. Ethical and normative evaluations are especially connected with social evaluation because they rely on socially accepted values and norms. Together, they reflect society's attitude toward a person or action.

Another key concept of axiological linguistics is value. The notion of value is used in various meanings across different fields. As an axiological concept, value expresses a positive or negative attitude toward objects or phenomena in the real or imaginary world, based on their significance, usefulness, normative status, and capacity to satisfy human needs.

From a linguistic perspective, language as a cultural phenomenon directly encompasses the system of values and evaluations existing within a society, since values are enduring elements of culture. In brief, value refers to the significance of an object or phenomenon for an individual or society.

This article examines the foundations of axiology and its development within linguistics, highlighting its interdisciplinary nature. It defines axiology as the study of values and explains how values shape human behavior, social norms, and cultural systems. Special attention is given to evaluation as a central concept, including its structure, types, and linguistic expression across different language levels. The study also explores objective and subjective evaluation, social aspects of value judgments, and classifications proposed by various scholars, emphasizing language as a key medium for representing value-based worldviews.

References:

1. Анисимов, С. Ф. (2001). *Введение в аксиологию.* Москва: Современные тетради.
2. Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: оценка, событие, факт.* Москва: Наука.
3. Ашурова, Д. У. (2021). Междисциплинарный подход к исследованию языка. *Нижневартовский филологический вестник,* (2), 127–137.

4. Вольф, Е. М. (2002). *Функциональная семантика оценки.* Москва: Эдиториал УРСС.
5. Гуай, Е. Ю. (2009). *Аксиологический аспект английской фразеологии (диссертация кандидата филологических наук).* Москва.
6. Ивин, А. А. (2006). *Аксиология.* Москва: Высшая школа.
7. Ивин, А. А. (2015). *Основания логики оценок.* Москва; Берлин: Директ-Медиа.
8. Ильин, В. В. (2005). *Аксиология.* Москва: Издательство МГУ.
9. Павлов, С. Г. (2013). Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект. *Вестник Минского университета,* (2), 56–68.
10. Тугаринов, В. П. (1960). *О ценностях жизни и культуры.* Ленинград: ЛГУ.

Discourse Principles in Linguistic Research: A Study of Theoretical and Applied Dimensions

Kurbonova Parizoda Alisherovna
parizodaalixanova@icloud.com
Doctoral student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Discourse analysis has become a central methodological and theoretical framework across linguistics, literary studies, sociology, media studies, and critical theory. Since its emergence in the twentieth century, discourse has been conceptualized not merely as language beyond the sentence level, but as a socially embedded, ideologically charged, and cognitively mediated practice. Although numerous scholars have contributed to the development of discourse theory and its applications, existing research remains conceptually fragmented. While various models and approaches – such as critical, socio-cognitive, pragmatic, and structural traditions – articulate important assumptions about discourse, there is no clearly structured and systematized study that consolidates the foundational principles underlying these diverse frameworks. This lack of an integrated taxonomy creates methodological ambiguity and conceptual inconsistency, particularly for interdisciplinary applications. The findings reveal that despite disciplinary diversity, discourse studies converge around six interrelated principles: contextuality, social construction, power and ideology, dialogism and intertextuality, cognitive mediation, and structural organization. These principles form an integrated framework that clarifies the conceptual architecture underlying discourse analysis. The study contributes to the field by providing a structured taxonomy that enhances theoretical coherence, supports methodological transparency, and facilitates interdisciplinary application of discourse analysis in future research.*

Keywords *Discourse principles, discourse analysis, language context, intertextuality, coherence*

Tilshunoslik tadqiqotlarida diskurs tamoyillarining nazariy va amaliy jihatlari

Qurbonova Parizoda Alisher qizi
parizodaalixanova@icloud.com
Tayanch doktorant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Diskurs tahlili tilshunoslik, adabiyotshunoslik, sotsiologiya, media tadqiqotlari hamda tanqidiy nazariya sohalarida markaziy metodologik va nazariy yo'nalishlardan biriga aylangan. XX asrda shakllanganidan buyon diskurs faqat gap darajasidan yuqori bo'lgan til birligi sifatida emas, balki ijtimoiy jihatdan shakllangan, mafkuraviy jihatdan yuklangan va kognitiv jihatdan vositalangan amaliyot sifatida talqin etib kelinmoqda. Ko'plab olimlar diskurs nazariyasi va uning amaliy qo'llanilishiga hissa qo'shgan bo'lsalar-da, mavjud tadqiqotlar konseptual jihatdan parokanda bo'lib qolmoqda. Tanqidiy, sotsio-kognitiv, pragmatik va strukturaviy yondashuvlar diskurs haqidagi muhim nazariy qarashlarni ilgari surgan bo'lsa-da, ushbu turli yo'nalishlar asosida yotuvchi fundamental tamoyillarni yagona tizimga solgan aniq va tuzilmaviy tadqiqot mavjud emas. Bunday integrallashgan taksonomiyaning yo'qligi, ayniqsa fanlararo tadqiqotlarda, metodologik noaniqlik va konseptual nomuvofiqlikka olib keladi. Natijalar shuni*

ko‘rsatdiki, fanlararo xilma-xillikka qaramay, diskurs tadqiqotlari o‘zaro bog‘liq oltita asosiy tamoyil atrofida birlashadi: kontekstualik, ijtimoiy konstruksiyalilik, hokimiyat va mafkura, dialogiklik va intertekstualik, kognitiv vositalanish hamda strukturaviy tashkil topish. Ushbu tamoyillar diskurs tahlilining konseptual arxitekturasini aniqlashtiruvchi integrallashgan nazariy asosni shakllantiradi. Tadqiqot nazariy yaxlitlikni mustahkamlovchi, metodologik shaffoflikni ta’minlovchi va diskurs tahlilining kelgusidagi fanlararo qo‘llanilishini yengillashtiruvchi tizimlashtirilgan taksonomiyani taklif etishi bilan soha rivojiga hissa qo‘shadi.

Kalit so‘zlar *Diskurs tamoyillari, diskurs tahlili, til va kontekst, intertekstualik, koherentlik*

Принципы дискурса в лингвистических исследованиях: теоретические основы и прикладные аспекты

Курбонова Паризода Алишеровна
parizodaalixanova@icloud.com
Докторант (аспирант),
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Дискурс-анализ стал центральной методологической и теоретической парадигмой в лингвистике, литературоведении, социологии, медиаисследованиях и критической теории. С момента своего формирования в XX веке дискурс рассматривается не только как языковое явление, выходящее за пределы предложения, но и как социально обусловленная, идеологически нагруженная и когнитивно опосредованная практика. Несмотря на значительный вклад многочисленных исследователей в развитие теории дискурса и её прикладных аспектов, существующие исследования остаются концептуально фрагментированными. Различные модели и подходы – критический, социокогнитивный, прагматический и структурный – формулируют важные положения о природе дискурса, однако отсутствует чётко структурированное и систематизированное исследование, объединяющее фундаментальные принципы, лежащие в основе этих направлений. Отсутствие интегрированной таксономии приводит к методологической неопределённости и концептуальной несогласованности, особенно в междисциплинарных исследованиях. Результаты исследования показывают, что, несмотря на междисциплинарное разнообразие, дискурс-исследования сходятся вокруг шести взаимосвязанных принципов: контекстуальности, социальной конструктивности, власти и идеологии, диалогичности и интертекстуальности, когнитивной опосредованности и структурной организации. Данные принципы формируют интегрированную концептуальную основу, проясняющую архитектуру дискурс-анализа. Исследование вносит вклад в развитие данной области, предлагая структурированную таксономию, способствующую теоретической целостности, методологической прозрачности и междисциплинарному применению дискурс-анализа в будущих исследованиях.*

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Ключевые слова *Принципы дискурса, дискурс-анализ, язык и контекст, интертекстуальность, когерентность*

Introduction

The concept of discourse has become one of the central analytical categories in contemporary humanities and social sciences. Emerging at the intersection of linguistics, philosophy, sociology, and literary studies, discourse analysis has evolved from the study of language beyond the sentence level to a comprehensive framework for examining how meaning, power, ideology, and social realities are constructed through language. Foundational contributions by scholars such as Michel Foucault (1972) Teun A. van Dijk (1998; 2008) Norman Fairclough (1989; 1992; 1995) and Mikhail Bakhtin (1981; 1986) have demonstrated that discourse is not merely a linguistic phenomenon, but a socially embedded practice shaped by historical, ideological, and institutional forces. As a result, discourse analysis has become a key methodological approach in linguistics, literary criticism, media studies, political analysis, education, and cultural studies.

Despite its theoretical richness and methodological diversity, discourse analysis often presents challenges in terms of conceptual clarity. While numerous studies discuss approaches, models, and schools – such as Critical Discourse Analysis (CDA), sociolinguistic discourse analysis, or narrative discourse analysis – there remains a lack of a clearly systematized and structured account of the fundamental principles that underpin discourse as a concept and as an analytical practice. Existing literature frequently introduces principles implicitly, scattered across theoretical discussions, rather than presenting them in a coherent and organized framework. This fragmentation may create difficulties for researchers, especially emerging scholars, who seek a clear conceptual foundation for applying discourse analysis in their own studies.

The importance of systematizing discourse principles lies in both theoretical and practical considerations. Theoretically, identifying core principles allows for a clearer understanding of what unifies diverse discourse approaches despite their methodological differences. Practically, a structured framework of principles provides researchers with analytical orientation, methodological transparency, and conceptual consistency. In fields such as literary studies – where discourse analysis intersects with narrative theory, poetics, and ideological critique – a well-defined set of principles becomes particularly essential for ensuring analytical rigor and avoiding methodological ambiguity.

This study addresses the identified gap by proposing a structured and comprehensive overview of the fundamental principles of discourse. Unlike studies that focus primarily on specific models or applications, this article aims to extract, synthesize, and organize the underlying principles that recur across major discourse traditions. The research seeks to answer the following central question: What are the core principles that define discourse as both a theoretical concept and an analytical method across disciplinary contexts?

To achieve this aim, the study employs a qualitative theoretical research design based on systematic literature analysis. Key foundational works in discourse theory and discourse analysis are examined through comparative conceptual analysis. The method involves identifying recurring assumptions, methodological commitments, and epistemological positions across major discourse frameworks, followed by

categorizing and systematizing them into a coherent structure. This approach ensures that the proposed principles are not arbitrary, but grounded in established scholarly traditions.

The contribution of this study is threefold. First, it offers a clearly structured taxonomy of discourse principles, thereby addressing the existing fragmentation in the literature. Second, it enhances conceptual clarity by distinguishing between discourse as language-in-use and discourse as a social practice. Third, it provides a practical analytical framework that can be adapted across disciplines, including linguistics, literary studies, education, and media analysis. By systematizing discourse principles, the article aims to strengthen methodological transparency and support more coherent and theoretically grounded applications of discourse analysis in future research.

Literature review

The study of discourse emerged as a response to structural linguistics, which largely confined analysis to sentence-level structures. Early shifts toward discourse-oriented approaches emphasized language in use, context, and communicative intention. Mikhail Bakhtin (1981) introduced the concept of dialogism, arguing that every utterance exists within a chain of prior and anticipated responses, thus establishing intertextuality and heteroglossia as foundational discourse principles. His work foregrounded the social and dialogic nature of meaning-making, positioning discourse as inherently relational rather than autonomous.

Similarly, Michel Foucault (1972) reconceptualized discourse beyond linguistic expression, framing it as a system of knowledge that governs what can be said, by whom, and under what conditions. In *The Archaeology of Knowledge*, Foucault demonstrated that discourse produces regimes of truth and shapes subject positions. A key finding in Foucauldian discourse theory is that discourse is inseparable from power relations and institutional structures. This shifted discourse analysis toward epistemology and ideology, expanding its analytical scope beyond textual features.

A major development in discourse studies is the recognition of discourse as social practice. Norman Fairclough (1989) integrated linguistic analysis with social theory, proposing a three-dimensional model that includes textual analysis, discursive practice (production and consumption), and social practice (broader sociocultural structures). Fairclough's Critical Discourse Analysis (CDA) demonstrated that discourse both reflects and constructs social realities. One of the key findings in CDA research is that linguistic choices systematically encode ideological meanings and contribute to the reproduction or transformation of social power.

Teun A. van Dijk (1998) further developed the socio-cognitive dimension of discourse analysis, emphasizing the role of mental models, shared knowledge, and ideological frameworks in shaping discourse production and interpretation. His work established that discourse operates at the intersection of text, cognition, and society. A central finding from van Dijk's research is that macrostructures (global meanings) and microstructures (local linguistic features) interact in constructing ideological representation.

Together, these contributions solidified several core principles: discourse is context-dependent, ideologically loaded, socially embedded, and cognitively mediated. However, while these principles are widely acknowledged, they are often dispersed across theoretical discussions rather than consolidated into a unified framework.

Parallel to critical and philosophical traditions, linguistic approaches to discourse emphasized coherence, cohesion, and pragmatic function. Scholars in functional linguistics and pragmatics demonstrated that discourse organization depends on thematic progression, information structure, speech acts, and implicature. Findings in this tradition highlight that discourse meaning extends

beyond lexical or syntactic forms and depends on shared assumptions and communicative goals.

Research in pragmatics revealed the principle of intentionality: discourse is purpose-driven and shaped by communicative strategies. Additionally, the principle of coherence – both textual and conceptual – was identified as fundamental to discourse construction. These linguistic contributions reinforce the view that discourse analysis must move beyond isolated sentences and account for contextual integration and interpretive processes.

Over time, discourse analysis expanded into multiple disciplines, including media studies, education, political science, psychology, and literary studies. In literary discourse analysis, scholars have examined how narrative voice, focalization, and stylistic patterns construct ideological perspectives. The application of discourse principles to literary texts has revealed that fictional narratives participate in broader sociocultural discourses rather than existing as isolated aesthetic artifacts.

In media and political discourse studies, research findings consistently demonstrate how language frames public opinion, constructs social identities, and legitimizes authority. These studies reinforce the principle that discourse shapes perception and influences social action. Across disciplines, recurring findings emphasize the constitutive function of discourse: it does not merely describe reality but actively constructs it.

Methodology

This study adopts a qualitative theoretical research design grounded in systematic literature analysis. Since the aim is not to test empirical data but to conceptualize and systematize discourse principles, the research follows a meta-theoretical and interpretative approach. The study synthesizes foundational and contemporary scholarship in discourse theory in order to extract recurring conceptual assumptions that function as underlying principles across traditions.

The corpus of analysis consists of key theoretical works in discourse studies representing major traditions, including philosophical discourse theory, Critical Discourse Analysis (CDA), socio-cognitive approaches, functional linguistics, and pragmatic discourse analysis. Canonical contributions by scholars such as Michel Foucault (1979), Mikhail Bakhtin (1981; 1986), Norman Fairclough (1989; 1992; 1995), and Teun A. van Dijk (1998; 2008) were selected due to their recognized impact on shaping discourse studies.

The analysis followed four stages:

1. Identification of explicit definitions, recurring assumptions, and theoretical propositions related to discourse.
2. Cross-examination of principles across different frameworks to identify overlaps and divergences.
3. Grouping of recurring elements into broader conceptual clusters (e.g., contextual, social, cognitive, structural).
4. Development of a structured taxonomy of discourse principles that integrates philosophical, linguistic, and socio-critical perspectives.

Validity and reliability

To enhance conceptual validity, the study triangulates theoretical positions from different discourse traditions. Reliability is supported through transparent criteria for selection and systematic categorization of findings. While interpretative in nature, the study maintains methodological rigor by clearly documenting analytical steps and conceptual boundaries.

Results

The analysis reveals that despite methodological diversity, discourse studies share a consistent set of foundational principles. These principles can be organized into six interrelated domains:

1. Contextual principle

Across traditions, discourse is inseparable from its situational, cultural, and historical

context. Meaning emerges not from isolated linguistic forms but from their embeddedness in social environments. This principle appears consistently in both linguistic pragmatics and socio-critical theory.

2. **Social-Constructive Principle**

Discourse does not merely reflect reality; it constructs social identities, institutions, and knowledge systems. This constructivist orientation is central to philosophical and critical approaches and recurs across disciplines.

3. **Power-Ideology Principle**

Discourse is implicated in power relations. Linguistic structures and narrative patterns encode ideological assumptions that contribute to maintaining or challenging social hierarchies. This principle is particularly emphasized in critical traditions but is implicitly present in broader discourse theory.

4. **Dialogic and Intertextual Principle**

All discourse is relational and dialogic. Texts and utterances respond to prior discourses and anticipate future ones. Intertextuality functions as a core organizing mechanism of meaning.

5. **Cognitive-Mediational Principle**

Discourse operates through shared mental models, schemas, and interpretative frameworks. Meaning construction involves cognitive processing shaped by social knowledge and ideology.

6. **Structural-Organizational Principle**

Discourse exhibits internal organization at both micro- and macro-levels. Coherence, cohesion, thematic progression, and macrostructures contribute to meaning formation beyond sentence boundaries.

Together, these six domains form an integrated framework that synthesizes dispersed theoretical insights into a coherent structure.

Discussion

The findings demonstrate that discourse studies, despite their disciplinary fragmentation, converge around a stable set of core assumptions. The absence of a structured taxonomy in previous research appears not due to theoretical inconsistency, but rather to disciplinary specialization. Scholars have typically prioritized methodological innovation or applied analysis over meta-theoretical systematization.

By organizing principles into contextual, social, ideological, dialogic, cognitive, and structural domains, this study clarifies the conceptual architecture underlying discourse analysis. This structured framework offers several implications:

1. *Theoretical Integration* – It bridges philosophical, linguistic, and critical traditions without privileging one over another.
2. *Methodological Transparency* – Researchers can explicitly align their analytical procedures with clearly defined principles.
3. *Interdisciplinary Applicability* – The framework is adaptable across fields such as literary studies, media analysis, education, and political discourse research.

Moreover, the study highlights that discourse analysis is inherently multidimensional. Reducing it to purely linguistic analysis or solely ideological critique overlooks its integrated character. Effective discourse research requires balancing structural analysis with social and cognitive interpretation.

The results also reveal that what differentiates discourse traditions is not their principles but their analytical emphasis. For instance, some prioritize power relations, while others foreground cognitive processes or textual organization. However, these emphases operate within a shared conceptual foundation.

Conclusion

This study set out to address a significant gap in discourse scholarship: the absence of a clearly structured and systematized account of discourse principles. Through systematic literature synthesis and comparative conceptual analysis, the research identified six

core principles that consistently underpin discourse theory across traditions: contextuality, social construction, power and ideology, dialogism and intertextuality, cognitive mediation, and structural organization.

The study contributes to discourse research by offering a coherent taxonomy that enhances conceptual clarity and methodological orientation. By consolidating dispersed theoretical insights into an integrated framework, it strengthens the theoretical foundation of discourse analysis and supports more transparent and consistent applications in future research.

While the study is theoretical in scope, its framework provides practical guidance for empirical investigations. Future research may test and refine this taxonomy through applied discourse analysis in specific domains, thereby further strengthening the coherence and explanatory power of discourse studies.

References:

1. Bakhtin, M. M. (1981). *The dialogic imagination: Four essays* (C. Emerson & M. Holquist, Trans.). University of Texas Press. (Original work published 1975)
2. Bakhtin, M. M. (1986). *Speech genres and other late essays* (V. W. McGee, Trans.). University of Texas Press.
3. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. Longman.
4. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Polity Press.
5. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Longman.
6. Foucault, M. (1972). *The archaeology of knowledge* (A. M. Sheridan Smith, Trans.). Pantheon Books. (Original work published 1969)
7. van Dijk, T. A. (1980). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Lawrence Erlbaum Associates.
8. van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A multidisciplinary approach*. Sage Publications.
9. van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan.

Problems and features of lexical change in global English

Esirgapov Mukhiddin Nizomiddinovich
muhiddinesirgapov@gmail.com
Independent researcher,
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Annotation *This article explores the major problems and distinctive features of lexical change in Global English in the context of globalization, intercultural communication, and ongoing linguistic variation. As English increasingly functions as a global lingua franca, it undergoes continuous transformation influenced by social, cultural, technological, and economic factors. The study examines key processes such as lexical innovation, borrowing from other languages, semantic shift, word formation, and hybridization, which contribute to the dynamic expansion of the English vocabulary. Special attention is given to the tension between standardization and localization, where global norms of English interact with local linguistic identities and cultural practices. The article also highlights the challenges lexical change poses for linguistic norms, language teaching, dictionary compilation, and cross-cultural understanding. Drawing on contemporary linguistic theories and empirical research, the study provides a comprehensive overview of how Global English reshapes and diversifies the English lexicon in different regions of the world.*

Keywords *Global English, lexical change, globalization, lingua franca, neologism, borrowing, variation*

Global English doirasida leksik o‘zgarishlarning muammolari va o‘ziga xos jihatlari

Esirgapov Muhiddin Nizomiddinovich
muhiddinesirgapov@gmail.com
Mustaqil tadqiqotchisi,
Samarqand davlat chet tillari instituti

Annotatsiya *Ushbu maqolada globallashuv, madaniyatlararo muloqot va doimiy til variativligi sharoitida Global English doirasidagi leksik o‘zgarishlarning asosiy muammolari va o‘ziga xos xususiyatlari tahlil qilinadi. Ingliz tili global lingua franca sifatida tobora kengroq qo‘llanilar ekan, u ijtimoiy, madaniy, texnologik va iqtisodiy omillar ta’sirida muntazam ravishda o‘zgarib bormoqda. Tadqiqotda leksik innovatsiya, boshqa tillardan o‘zlashuv, semantik siljish, so‘z yasash va gibridlanish jarayonlari ko‘rib chiqiladi hamda ular ingliz tili lug‘at boyligining kengayishiga qanday ta’sir ko‘rsatishi yoritiladi. Shuningdek, standartlashuv va lokalizatsiya o‘rtasidagi ziddiyat, ya’ni global til me’yorlari bilan mahalliy lingvistik va madaniy xususiyatlar o‘rtasidagi munosabat alohida e’tiborga olinadi. Maqolada leksik o‘zgarishlarning til me’yorlari, ta’lim jarayoni, lug‘atchilik va madaniyatlararo tushunishga ta’siri ham tahlil qilinadi. Bundan tashqari, raqamli kommunikatsiya vositalari, ijtimoiy tarmoqlar va ommaviy axborot maydoni orqali yuzaga kelayotgan yangi leksik birliklarning tez tarqalish mexanizmlari ham o‘rganiladi hamda ularning global til identifikatsiyasiga ta’siri ilmiy asosda izohlanadi.*

Kalit so‘zlar *Global English, leksik o‘zgarish, globalizatsiya, lingua franca, neologizm, variativlik*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Проблемы и особенности лексических изменений в global English

Есиргапов Мухиддин Низомиддинович
muhiddinesirgapov@gmail.com
Независимый исследователь,
Самаркандский государственный институт иностранных языков

Аннотация *В данной статье рассматриваются основные проблемы и характерные особенности лексических изменений в Global English в условиях глобализации, межкультурной коммуникации и постоянной языковой вариативности. По мере того, как английский язык всё активнее функционирует как глобальный lingua franca, он подвергается непрерывным трансформациям под влиянием социальных, культурных, технологических и экономических факторов. В исследовании анализируются такие процессы, как лексическая инновация, заимствование из других языков, семантический сдвиг, словообразование и гибридизация, способствующие динамичному расширению словарного состава английского языка. Особое внимание уделяется противоречию между стандартизацией и локализацией, когда глобальные нормы английского языка взаимодействуют с локальными языковыми и культурными особенностями. Также рассматриваются трудности, возникающие в сфере языковых норм, преподавания, лексикографии и межкультурного понимания. Статья опирается на современные лингвистические теории и эмпирические исследования.*

Ключевые слова *Глобальный английский, лексические изменения, глобализация, лингва франка, неологизмы, заимствования*

Kirish

Til-jonli, ijtimoiy, dinamik tizim sifatida doimiy o‘zgarishda bo‘ladi. Ingliz tili jahon miqyosida muloqot vositasi sifatida faol ishlatilishi natijasida uning so‘z boyligi va leksikasi sezilarli darajada yangilanmoqda

Ingliz tilining turli qit’alar va madaniy makonlarga tez sur’atlarda kirib borishi uning til tizimida, ayniqsa leksik qatlamida sezilarli o‘zgarishlarni yuzaga keltirdi. Lug‘at tarkibi tilning eng faol va o‘zgaruvchan qismi bo‘lib, u jamiyatdagi ijtimoiy, texnologik hamda madaniy jarayonlarga juda tez moslashadi. Ingliz tili global lingua franca sifatida faoliyat yuritar ekan, yangi kommunikativ ehtiyojlar sababli doimiy ravishda yangi so‘zlar va ma’no qatlamlarini shakllantirmoqda. Global Ingliz tilidagi leksik yangilanishlar shunchaki lingvistik hodisa emas, balki ijtimoiy-madaniy va ideologik jarayonlar bilan chambarchas bog‘langan murakkab tizim sifatida namoyon bo‘ladi. Yangi leksik birliklarning paydo bo‘lishi, mavjud so‘zlarning ma’no qatlamida yuz berayotgan siljishlar hamda boshqa tillardan o‘zlashmalar global miqyosdagi kuch munosabatlari, texnologik taraqqiyot va madaniyatlararo aloqalarning aksidir. Shu bilan birga, mazkur jarayonlar til me’yorlarini belgilash, o‘zaro tushunarlilikni ta’minlash va lingvistik identifikatsiya masalalari bilan bog‘liq qator ziddiyatlarni ham keltirib chiqarmoqda.

Ushbu maqolaning asosiy maqsadi zamonaviy lingvistik nazariyalar va empirik kuzatuvlarga tayangan holda global ingliz tilida sodir bo‘layotgan leksik birliklarning muhim xususiyatlari va dolzarb muammolarini tahlil

qilishdan iborat. Tadqiqot doirasida quyidagi ilmiy savollarga javob berish ko‘zda tutiladi:

1. Global ingliz tilida leksik siljishlar qanday asosiy mexanizmlar orqali amalga oshmoqda?
2. Global ingliz tilidagi leksik rivojlanish an’anaviy til o‘zgarishi modellaridan qaysi jihatlari bilan farqlanadi?
3. Leksik globallashuvning jadallashuvi qanday muammolarni yuzaga keltirmoqda?

Leksik o‘zgarish tushunchasi va nazariy asoslar

Leksik o‘zgarish tilshunoslikda uzoq yillardan buyon tarixiy va tavsifiy tadqiqotlarning markaziy mavzularidan biri bo‘lib hisoblanadi. Ushbu tushuncha tilning lug‘at boyligi va ma’no tizimida vaqtlar davomida yuz beradigan doimiy va dinamik jarayonlar majmuasini anglatadi. Leksik o‘zgarishlar so‘zlarning paydo bo‘lishi yoki eskirishi, mavjud birliklarning ma’nosida siljishlar ro‘y berishi, yangi semantik qatlamlarning shakllanishi hamda leksik birliklarning turli ijtimoiy-madaniy makonlarda yoyilishi orqali namoyon bo‘ladi. Bu jarayonlar til tizimining moslashuvchanligini va uning foydalanuvchilar kommunikativ zaruratlariga javob bera olish qobiliyatini yaqqol aks ettiradi.

An’anaviy lingvistik nazariyalarda leksik o‘zgarishlar asosan o‘zlashma (borrowing), semantik siljish, so‘z yasalishi (derivatsiya), qo‘shma so‘zlar hosil bo‘lishi hamda analogiya kabi mexanizmlar orqali izohlanadi. Saussyuriy tilshunoslik qarashlariga ko‘ra, lug‘at tarkibidagi o‘zgarishlar bir vaqtning o‘zida ichki lingvistik mexanizmlar va tashqi ijtimoiy omillar ta’siri ostida yuzaga keladi. Shu bois leksik tizim tilning eng harakatchan va o‘zgaruvchan darajasi sifatida baholanadi.

Global ingliz tili sharoitida esa leksik yangilanishlar mutlaqo yangi miqyosda va tezlikda kechmoqda. Zamonaviy tadqiqotchilar, xususan, D. Crystal, B. Kachru va J. Jenkins ta’kidlashicha, ingliz tilining globallashuvi natijasida yuzaga kelayotgan leksik me’yorlarni faqatgina ona tilida so‘zlashuvchilar modeli asosida ifodalab bo‘lmaydi. Aksincha, ingliz tili tobora ko‘proq undan xalqaro aloqa vositasi sifatida foydalanayotgan nodavlat (non-native) foydalanuvchilar tomonidan shakllantirilmoqda. B. Kachru tomonidan taklif etilgan “Ichki doira”, “Tashqi doira” va “Kengayuvchi doira” modeli global ingliz tilida leksik o‘zgarishlarni tushunishda muhim nazariy asos bo‘lib xizmat qiladi. Ayniqsa, ingliz tili xorijiy yoki xalqaro til sifatida ishlatiladigan Kengayuvchi doira mamlakatlarida so‘zlashuvchilar ingliz tilining lug‘at birliklarini mahalliy kommunikativ ehtiyojlarga moslashtiradilar. Buning natijasida yangi leksik birliklar, semantik yangilanishlar hamda gibrid shakllar yuzaga keladi. Mazkur holat esa an’anaviy to‘g‘rilik, me’yor va standartlashuv haqidagi tasavvurlarga jiddiy qarama-qarshiliklar tug‘diradi (Crystal,2003).

Umuman olganda, leksik o‘zgarishlar global ingliz tilining rivojlanishida muhim omil bo‘lib, u tilning ijtimoiy, madaniy va texnologik muhit bilan chambarchas aloqada ekanini ko‘rsatadi hamda zamonaviy tilshunoslikda yangicha yondashuvlarni talab qiladi.

Globalizatsiya va ingliz tilida leksik o‘zgarishlar: Globalizatsiyaning leksik jarayonlarga ta’siri

“Globalizm”- ingliz tilining faqat milliy yoki hududiy aloqa vositasi bo‘lish doirasidan chiqib, uni xalqaro miqyosda asosiy lingua franca sifatida mustahkamlashiga olib keldi. Mazkur jarayon ingliz tilining leksik tizimida chuqur va ko‘p qirrali o‘zgarishlarni yuzaga keltirdi. Ayniqsa, global kommunikatsiya, texnologik taraqqiyot va madaniyatlararo aloqalar ingliz tili lug‘at tarkibining yangilanishini tezlashtirdi hamda uning funksional imkoniyatlarini kengaytirdi.

Globalizatsiya ta’siri ostida ingliz tilida leksik o‘zgarishlar bir nechta asosiy mexanizmlar orqali amalga oshmoqda. Avvalo, qarz so‘zlar va kod almashinuvi jarayoni kuchaydi. Ingliz tili boshqa tillardan madaniy, diniy va ijtimoiy tushunchalarni ifodalovchi birliklarni qabul qilib, ularni o‘z fonetik va

semantik tizimiga muvofiqlashtirmoqda. *Anime, karma, sushi* kabi so‘zlarning keng tarqalishi ushbu jarayonning yaqqol misolidir. Ikkinchi muhim mexanizm neologizmlar va yangi terminlarning shakllanishidir. Ilm-fan, axborot texnologiyalari, biznes va ijtimoiy tarmoqlardagi keskin o‘zgarishlar oqibatida *streaming, podcast, selfie* kabi yangi leksik birliklar paydo bo‘lib, qisqa vaqt ichida global darajada qo‘llanila boshladi. Bu holat ingliz tilining zamonaviy kommunikativ ehtiyojlarga tez moslasha olish qobiliyatini namoyon etadi. Shuningdek, semantik o‘zgarishlar global ingliz tilining muhim xususiyatlaridan biri hisoblanadi. Mavjud so‘zlar yangi kontekstlarda qo‘llanilishi natijasida ularning ma’nosi kengayadi yoki tamoman yangilanadi. Masalan, “*viral*” so‘zi an’anaviy biologik ma’nodan tashqari internet muhitida axborotning tez tarqalishini anglatuvchi termin sifatida mustahkamlandi (Kachru,1992).

Globalizatsiya miqyosida ingliz tili nafaqat boshqa tillardan leksik birliklarni qabul qiladi, balki o‘zining lug‘aviy elementlarini ham boshqa tillarga faol ravishda “eksport” qiladi. Natijada ba’zi hollarda qayta leksiklashuv (reborrowing) va lingvistik e’tirozlar yuzaga kelib, tillararo o‘zaro ta’sir yanada murakkablashadi.

Ingliz tili leksikasidagi asosiy o‘zgarish turlari

Neologizmlar

Neologizmlar ingliz tilida yuzaga kelayotgan leksik o‘zgarishlarning eng faol va ko‘zga tashlanadigan shakllaridan hisoblanadi. Ular yangi kommunikativ ehtiyojlar, texnologik innovatsiyalar va global madaniy jarayonlar ta’sirida yuzaga keladi. Neologizmlar turli manbalarga ega bo‘lishi mumkin: mutlaqo yangi yaratilgan terminlar (*cryptocurrency*), qarz so‘zlar asosida shakllangan birliklar (*blog*), yoki texnologik jarayonlarni aks ettiruvchi qisqartmalar (*AI, deepfake*).

Mazkur birliklarning jadal tarqalishi ingliz tilining global miqyosdagi axborot almashinuvidagi yetakchi rolini yana bir bor tasdiqlaydi.

Qarz so‘zlar (loanwords)

Qarz so‘zlar ingliz tilining tarixiy va zamonaviy rivojlanishida muhim o‘rin tutadi. Turli davrlarda ingliz tili lotin, fransuz, skandinaviya, arab va boshqa tillardan ko‘plab leksik elementlarni o‘zlashtirgan. Globalizatsiya jarayonida esa bu holat yanada jadallashib, yangi madaniy va ilmiy tushunchalarni ifodalashda asosiy unsurga aylandi. Qarz so‘zlar ingliz tiliga kirar ekan, ko‘pincha semantik moslashuvga duch keladi. Ularning ma’nosi torayishi, kengayishi yoki funksional jihatdan o‘zgarishi mumkin. Bu holat ingliz tilining leksik moslashuvchanligini ko‘rsatadi.

Semantik o‘zgarishlar

Semantik o‘zgarish so‘z ma’nosining vaqt va kontekst ta’sirida transformatsiyaga uchrashini bildiradi. Zamonaviy ingliz tilida *cloud* so‘zining *cloud computing* tushunchasi bilan bog‘liq yangi ma’noga ega bo‘lishi ushbu jarayonning yaqqol namunasidir. Bunday o‘zgarishlar til foydalanuvchilarining ijtimoiy va professional ehtiyojlariga javob berish zaruratidan kelib chiqadi.

Ingliz tili global lingua franca sifatida va leksik o‘zgarishlar

Global Lingua Franca sifatidagi ingliz tili (ELF) tushunchasi tilning ona tilida so‘zlashuvchilarga xos me’yorlaridan ko‘ra, uning funksional samaradorligiga ko‘proq ahamiyat beradi. ELF sharoitida leksik tanlovlar ko‘p hollarda kommunikativ qulaylik va tushunarlilik asosida amalga oshiriladi. Buning natijasida soddalashtirilgan shakllar, ijodiy leksik birliklar va vaziyatga bog‘liq ma’nolar keng tarqaladi.

ELF leksikasining muhim xususiyatlaridan biri parafraza va semantik kengaytmalarning keng qo‘llanilishidir. Turli madaniy va lingvistik muhit vakillari o‘rtasidagi muloqot jarayonida *culture, identity, tradition* kabi so‘zlar kontekstga asosan turlicha ma’no kasb etadi. Bu jarayon madaniyatlararo tafovutlarni yumshatishga xizmat qilsa-da, ayrim vaziyatlarda noaniqlik va noto‘g‘ri talqinlarga sabab bo‘lishi mumkin (Jenkins,2015).

Global ingliz tilida leksik o‘zgarishlarning asosiy xususiyatlari

Global ingliz tilidagi leksik o‘zgarishlar, avvalo, yuqori darajadagi dinamika va moslashuvchanlik bilan ajralib turadi. Ingliz tili xalqaro muloqot, ommaviy axborot vositalari, ilm-fan va texnologiya sohalaridagi yangiliklarga tezkor javob berib, global miqyosda funksional va boy til sifatida shakllanmoqda.Shu bilan birga, global munosabatlar ingliz tili leksikasining etnik va madaniy rang-barangligini mustahkamlamoqda. Arab, hind, xitoy, yapon va boshqa tillardan kirib kelayotgan birliklar ingliz tilini ko‘p madaniyatli va ko‘p qatlamli tizimga aylantirmoqda. Biroq ushbu jarayon leksik standartlashuv va normativlik masalalarini yanada qiyinlashtirib, zamonaviy tilshunoslik oldiga yangi ilmiy vazifalarni qo‘ymoqda (Fayzullayeva &Hamidov,2025).

Global ingliz tilida leksik o‘zgarishlar bilan bog‘liq muammolar

Global ingliz tilida yuz berayotgan leksik yangilanishlar tilning tabiiy rivojlanish jarayoni sifatida qaralishiga qaramay, ular qator amaliy va nazariy tafovutlarni ham keltirib chiqarmoqda. Ushbu muammolar, asosan, standartlashuv masalalari, ta’lim tizimi, leksikografiya hamda lingvistik identifikatsiya bilan bevosita bog‘liqdir.

Standartlashuv va variativlik o‘rtasidagi ziddiyat

Global ingliz tilidagi leksik o‘zgarishlarning eng dolzarb muammolaridan biri standartlashuv va variativlik o‘rtasidagi keskin qarama-qarshilikdir. Bir tomondan, xalqaro kommunikatsiya samaradorligi uchun ma’lum darajada leksik birlik va barqarorlik zarur bo‘lsa, ikkinchi tomondan, ingliz tilining turli hududiy va madaniy kontekstlarga moslashuvi natijasida bir xil leksik birlikning bir nechta ko‘rinishlarilari shakllanmoqda.

Mazkur variativlik an’anaviy “to‘g‘rilik” va “me’yor” tushunchalarini shubha ostiga qo‘yib, qaysi leksik shakllar rasmiy, akademik va ta’limiy kontekstlarda qo‘llanishi lozimligi haqidagi jumboqlarni yuzaga keltiradi. Natijada ingliz tilining yagona standartini belgilash yanada murakkablashib bormoqda.

Ta’lim tizimidagi muammolar

Leksik o‘zgarishlarning jadal sur’atlarda kechishi ingliz tili ta’limi oldiga jiddiy muammolarni qo‘ymoqda. O‘quv qo‘llanmalar va o‘quv dasturlari ko‘p hollarda real til amaliyotidan ortda qoladi, bu esa o‘rganuvchilarning haqiqiy kommunikativ vaziyatlarga tayyor bo‘lmasligi muammosini keltirib chiqaradi. Ta’lim beruvchilar esa standartlashtirilgan lug‘at birliklarini o‘rgatish yoki global kontekstda shakllanayotgan yangi leksik birliklarni ta’lim jarayoniga kiritish masalasida ikkilanib qoladilar. Ayniqsa, ESL va EFL muhitida ta’lim olayotgan talabalar turli kommunikativ sohalarda o‘zaro zid leksik me’yorlarga duch kelib, lingvistik murakkablik va noaniqlikni boshdan kechiradilar. Bu vaziyat til o‘rganish jarayonida psixologik ishonchsizlik va nutqiy cheklanishlarni keltirib chiqarishi mumkin.

Leksikografik va normativ muammolar

Global ingliz tilining leksik tarkibini hujjatlashtirish leksikografiya sohasida ham bir qator qiyinchiliklarni yuzaga chiqarmoqda. Eng muhim masalalardan biri- nodavlat (non-native) kontekstlarda ko‘p qo‘llanilayotgan leksik birliklarning standart ingliz tili lug‘atiga kiritilishi yoki kiritilmasligi masalasidir. Bu boradagi qarashlar hanuzgacha bahsliligicha qolmoqda.

Bundan tashqari, an’anaviy lug‘atlar ko‘pincha ingliz tilining Ichki doira (Inner Circle) variantlariga ko‘proq ahamiyat beradi va boshqa hududlarda yuzaga kelayotgan leksik innovatsiyalarni cheklangan darajada aks ettiradi. Ushbu nomutanosiblik til kuchi, vakillik va lingvistik tenglik masalalarini yanada keskinlashtiradi.

Global ingliz tili va leksik identifikatsiya

Global ingliz tilida yuz berayotgan leksik o‘zgarishlar til foydalanuvchilarining lingvistik identifikatsiyasiga ham bevosita ta’sir ko‘rsatadi. Leksik tanlovlar orqali shaxsning madaniy mansubligi, kasbiy pozitsiyasi va

mafkuraviy qarashlari aks etishi mumkin. Ko‘plab foydalanuvchilar uchun ingliz tilining hududiy variantlaridan foydalanish ushbu tilga egalik hissini ifodalash vositasiga aylanmoqda.

Shu bilan birga, turli leksik me’yorlarning bir vaqtning o‘zida mavjudligi lingvistik nostandartlikni ham keltirib chiqaradi. Aniq belgilangan standartlarning yo‘qligi ayrim hollarda nutqiy ikkilanish, o‘zini cheklash va xalqaro muloqotda ishonchsizlikka sabab bo‘ladi. Bu holat, ayniqsa, akademik va professional sohalarda sezilarli bo‘lib, leksik aniqlikning pasayish ehtimolini kuchaytirishi mumkin (McArthur, 1998).

Xulosa

Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, global ingliz tilida leksik o‘zgarishlar muqarrar va ko‘p qirrali jarayondir. Ushbu jarayon globalizatsiya, texnologik rivojlanish va madaniyatlararo o‘zaro ta’sir kabi keng ijtimoiy omillar bilan uzviy bog‘liq. Shu bilan birga, u tilshunoslik nazariyasi va amaliyoti uchun yangi muammolarni yuzaga keltirmoqda. Zamonaviy tadqiqotchilar leksik variativlikni salbiy hodisa sifatida emas, balki ingliz tilining global muloqot ehtiyojlarga moslashuvchanligini ko‘rsatuvchi omil sifatida talqin etishni taklif etmoqdalar. Ko‘p variantli va pluralistik yondashuv global kommunikatsiya realiyatlariga mos kelib, lingvistik tenglik va madaniy xilma-xillikni qo‘llab-quvvatlaydi. Global ingliz tilida kuzatilayotgan leksik o‘zgarishlar tilning zamonaviy ijtimoiy, madaniy va texnologik sharoitlarga moslashuvi natijasida shakllanayotgan murakkab va ko‘p qatlamli jarayon sifatida namoyon bo‘ladi. Qarz so‘zlar oqimining kuchayishi, neologizmlarning tezkor tarqalishi hamda semantik moslashuv va kengayishlar ingliz tilining ifodaviy imkoniyatlarini sezilarli darajada boyitmoqda. Shu bilan birga, mazkur jarayonlar leksik standartlashuv, o‘zaro tushunarlilik, til identifikatsiyasi va milliy tillarning mavqeiga ta’siri bilan bog‘liq muayyan muammolarni ham yuzaga keltirmoqda. Leksik o‘zgarishlar natijasida ingliz tili global kommunikatsiya ehtiyojlariga moslashgan holda funksional jihatdan tobora qulay vositaga aylanmoqda. Biroq bu holat ta’lim, tarjima va leksikografiya sohalarida metodologik murakkabliklarni keltirib chiqarib, qaysi leksik birliklar standart hisoblanishi va rasmiy kontekstlarda qo‘llanishi masalasini dolzarb qilib qo‘ymoqda. Ayniqsa, ingliz tilining global lingua franca sifatidagi mavqei turli variantlar va me’yorlarning bir vaqtda mavjud bo‘lishiga olib kelib, lingvistik noamutanosiblikni kuchaytirishi mumkin.

Shu sababli, global ingliz tilidagi leksik o‘zgarishlarni til tanazzuli belgisi sifatida emas, balki tirik va uzluksiz rivojlanayotgan til tizimining tabiiy ko‘rinishi sifatida baholash maqsadga muvofiqdir. Kelgusida amalga oshiriladigan tadqiqotlar global ingliz tilining leksik xilma-xilligini aks ettiruvchi, shu bilan birga kommunikativ aniqlik va madaniy muvozanatni ta’minlay oladigan inklyuziv leksik modellarni ishlab chiqishga yo‘naltirilishi lozim. Bu yondashuv til taraqqiyoti va madaniy rang-baranglik o‘rtasidagi muvozanatni saqlashda o‘ziga xos ilmiy va amaliy ahamiyat kasb etadi.

References:

1. Crystal, D. (2003). *English as a global language*. Cambridge University Press.
2. Fayzullayeva, R. J., & Hamidov, N. (2025). The evolution of English as a global language (Ingliz tilining global tilga aylanishi). *Tadqiqotlar jurnali,* (5), 194–196.
3. Jenkins, J. (2015). *Global Englishes*. Routledge.
4. Kachru, B. B. (1992). *The other tongue: English across cultures*. University of Illinois Press.
5. McArthur, T. (1998). *The English languages*. Cambridge University Press.

Representation of National Mentality in Shukur Kholmirzaev's Short Story "O'zbek xarakteri"

Gaybullayeva Vazira Shokirovna[7]
vaziragaybulloyeva@gmail.com
Doctoral candidate,
Asia International University

Scientific supervisor: **Ganiyeva Orzigul Xayridinovna**
Doctor of Sciences, Associate professor

Annotation *This article examines the representation of national mentality in Shukur Kholmirzaev's short story "O'zbek xarakteri" from a linguocultural perspective. The study aims to identify the linguistic and discursive mechanisms through which Uzbek national mentality is verbalized in literary discourse. Relying on the theoretical foundations of linguoculturology, concept theory, and discourse analysis, the research explores culturally marked lexical units, phraseological expressions, evaluative vocabulary, and pragmatic strategies embedded in the narrative structure of the story. The analysis reveals that core components of Uzbek national mentality – such as simplicity, honor, collectivism, diligence, and moral restraint – are represented through a system of interconnected conceptual and linguistic markers. The study demonstrates that national mentality in the story is constructed not through explicit ideological statements, but through subtle narrative strategies, dialogic restraint, implicit evaluation, and culturally coded speech behavior. The findings contribute to the development of linguocultural approaches to literary text analysis and expand theoretical understanding of how national identity and worldview are embedded in artistic discourse.*

Keywords *National mentality, linguoculturology, literary discourse, Uzbek prose, Shukur Kholmirzaev, cultural concepts, national character, verbalization, narrative strategies, linguistic markers*

Shukur Xolmirzayevning "O'zbek xarakteri" hikoyasida milliy mentalitetning ifodalanishi

Gaybullayeva Vazira Shokirovna
vaziragaybulloyeva@gmail.com
Tayanch doktorant,
Osiyo xalqaro universiteti

Ilmiy rahbar: **Ganiyeva Orzigul Xayridinovna**
Dotsent, Filologiya fanlari doktori

Annotatsiya *Mazkur maqolada Shukur Xolmirzayevning "O'zbek xarakteri" hikoyasida milliy mentalitetning ifodalanishi lingvomadaniy yondashuv asosida tahlil qilinadi. Tadqiqotning maqsadi badiiy diskursda o'zbek milliy mentalitetining qanday lingvistik va diskursiv mexanizmlar orqali verbalizatsiya qilinishini aniqlashdan iborat. Ish lingvomadaniyatshunoslik, konsept nazariyasi va diskurs tahlili kabi nazariy asoslara tayanadi hamda hikoya matnida qo'llangan madaniy belgilangan leksik birliklar, frazeologik ifodalar, baholovchi leksika hamda pragmatik*

[7] Gaybullayeva V.Sh. — ORCID: 0009-0002-5141-5655

strategiyalarni o‘rganadi. Tahlil natijalari shuni ko‘rsatadiki, o‘zbek milliy mentalitetining asosiy komponentlari – soddalik, oriyat, jamoaviylik, mehnatsevarlik va axloqiy tiyilish – matnda o‘zaro bog‘langan konseptual hamda lingvistik belgilar tizimi orqali ifodalanadi. Tadqiqot shuni asoslaydiki, hikoyada milliy mentalitet ochiq mafkuraviy bayon orqali emas, balki nozik narrativ strategiyalar, dialogik tiyilish, yashirin baholash hamda madaniy kodlangan nutqiy xatti-harakatlar orqali quriladi. Olingan natijalar badiiy matnni lingvomadaniy tahlil qilish yondashuvlarini boyitadi hamda milliy identitet va dunyoqarashning san’atkorona diskursda qanday mujassamlashishini nazariy jihatdan chuqurlashtiradi.

Kalit so‘zlar *Milliy mentalitet, lingvomadaniyatshunoslik, milliy mentalitet, lingvomadaniyatshunoslik, badiiy diskurs, o‘zbek nasri, Shukur Xolmirzayev, madaniy konseptlar, milliy xarakter, verbalizatsiya, narrativ strategiyalar, lingvistik markerlar*

Отражение узбекского национального менталитета в рассказе Шукура Холмирзаева “Ўзбек характери”

Гайбуллаева Вазира Шокировна
vaziragaybulloyeva@gmail.com
Базовый докторант,
Азиатский международный университет

Научный руководитель: **Ганиева Орзигул Хайридиновна**
Доктор филологических наук, доцент

Аннотация *В данной статье исследуется репрезентация национального менталитета в рассказе Шукура Холмирзаева «Ўзбек характери» с позиций лингвокультурологического подхода. Цель исследования заключается в выявлении лингвистических и дискурсивных механизмов, посредством которых узбекский национальный менталитет вербализуется в художественном тексте. Теоретической основой работы послужили положения лингвокультурологии, концептуального анализа и дискурсивной теории. В процессе анализа рассматриваются культурно маркированные лексические единицы, фразеологизмы, оценочная лексика и прагматические стратегии, функционирующие в структуре повествования. Установлено, что такие компоненты узбекского национального менталитета, как простота (соддалик), честь и достоинство (орият), коллективизм, трудолюбие и нравственная сдержанность, репрезентируются через систему взаимосвязанных концептуальных и языковых маркеров. Показано, что национальный менталитет в рассказе формируется не посредством прямых идеологических утверждений, а через имплицитные нарративные стратегии, диалогическую сдержанность и культурно кодированное речевое поведение персонажей.*

Ключевые слова *Национальный менталитет, лингвокультурология, художественный дискурс, узбекская проза, Шукур Холмирзаев, национальный характер, концепт, вербализация, нарративные стратегии, языковые маркеры*

Introduction

The study of national mentality has become one of the central directions in linguoculturology, cultural linguistics, and literary discourse analysis. In the context of globalization, increasing intercultural interaction, and the transformation of identity paradigms, the question of how national worldview is preserved and expressed through language has gained particular relevance. Language functions not only as a means of communication but also as a repository of collective memory, cultural codes, and value systems. Within literary discourse, this function becomes especially evident, as artistic texts provide a concentrated and symbolically structured representation of national consciousness.

The concept of national mentality refers to a relatively stable system of value orientations, behavioral norms, ethical principles, and culturally determined patterns of perception characteristic of a particular ethnos. Unlike political or ideological constructs, mentality operates at a deeper cultural level and manifests itself in everyday speech practices, communicative strategies, and narrative structures (Yo'ldoshev, 2010). Consequently, the investigation of national mentality requires an interdisciplinary approach that integrates linguistic, cultural, and literary methodologies. Linguoculturology, positioned at the intersection of language and culture, offers a productive framework for analyzing how cultural meanings are encoded in linguistic units and how these units shape the semantic and pragmatic organization of a literary text.

Uzbek literary tradition, particularly rural prose of the second half of the twentieth century, represents a significant field for examining national mentality. The depiction of village life, interpersonal relationships, moral dilemmas, and communal structures reflects deeply rooted cultural values that define Uzbek identity. Rural prose often serves as a medium through which traditional norms, collective memory, and ethical standards are preserved and transmitted. In this respect, the works of Shukur Kholmirzaev hold a prominent place within Uzbek literature. His prose is distinguished by psychological depth, moral restraint, attention to everyday detail, and subtle representation of national character.

Main part

A key point is that national mentality is represented as an ethical-communicative system rather than a set of stereotypes. The text constantly moves between behavior and language: what people do and how they speak are inseparable (Maslova, 2001). For example, when the narrator greets the woman at the loom, he uses culturally saturated politeness formulae: "*Salom alaykum, hormang, opa?*" and she responds with a warm, socially normative hospitality move: "*Keling, uka… Xush kepsizlar…*" (Kholmirzaev, 1988) The terms *opa/uka* here function not merely as kinship words but as social kinship markers, building instant intimacy and moral obligation. This is one of the clearest linguocultural signals of Uzbek communicative mentality: relational closeness is created quickly through respectful address.

The narrative voice also carries cultural ethics through evaluative statements and collective memory. When the narrator comments that such words are not heard in Tashkent – "*O, Toshkentda bu so'zlarni eshitmaysiz-da, mexribonim*" (about *otar*) – he contrasts urban and rural linguistic worlds. The implication is that rural lexis encodes a worldview tied to animal husbandry, land, and the rhythms of subsistence.

The story is densely textured with rural material culture, and this is crucial: mentality is anchored in place-based vocabulary. The narrator describes the landscape as something emotionally "close to the heart": "*bu manzara ham bizning ko'ngilga yaqin-da, qadrdon!*" The

lexicon of the setting includes *ajriqzor, qamish, ariq, kulba, qo'ra, otar, o'rmak, sholcha*, and so on. These are not neutral nouns; they function as cultural realia. For instance: the loom scene – "*o'rmak... sholcha to'qiyapti*" – evokes traditional domestic labor and continuity; the shepherd's life is signaled by "*kolxoz bir otar berib qo'ygan*" and the fenced pen "*shox-shabba bilan o'ralgan*"; the repeated water imagery – "*ariqchada tiniq zilol suv*" – associates rural purity with moral sincerity (Kholmirzaev, 1988).

In the narrator's perception, the rural environment does not merely "surround" the characters; it produces the moral atmosphere of the story. Even the smell ("*namxush*," "*qiy hidi*") acts as sensory memory that binds the narrator to his own homeland: "*Xullas, men Surxonning bir burchagiga kelib qolgan edim.*" National mentality is thus depicted as partly ecological—a product of lived landscape.

A core component of Uzbek mentality in the story is shame or modesty (*uyat*), functioning as a mechanism of social self-regulation. The narrator admits: "*Uyat o'limdan qattiq... El qatori terdim.*" This is not only about working; it shows that behavior is guided by social gaze and the desire not to fall outside collective norms. The same ethic appears when the narrator feels unable to eat in the shepherd's house: "*bir burda non yeyishga istihola qilardim.*" The word *istihola* is culturally deep: it indicates moral hesitation rooted in respect and shame, not simply personal appetite.

The narrator's shame is complex: he is ashamed of his own discomfort, ashamed of the family's poverty, and ashamed of being positioned as a "guest" who receives what the hosts themselves cannot afford. The ethical tension is expressed in his inner protest: "*Nima qilishim kerak bo'lmasa? Xadeb qo'l uzataveraymi?*" This line reveals a mentality in which taking is morally heavy, especially when the giver is poor (Kholmirzaev, 1988).

The story explicitly frames Uzbek hospitality (*mehmondo'stlik*) as instinctive, almost biological: "*ajib-afsonaviy mehmondo'stligi instinkt kabi mavjud qolgani uchun...*" The shepherd invites the students repeatedly, despite scarcity: "*Kelinglar, ukalar... Bu yerda ota-onalaring yo'q...*" His phrase functions as a moral justification: hospitality is not optional; it becomes a duty because the guests are away from family care (Kholmirzaev, 1988).

The hospitality ritual is narrated through culturally coded objects: "*Qo'sh-qo'sh yopgan non... oq qand... jiyda bilan mayiz... ko'k choy...*" This inventory is important because these items are not only food; they are symbols of honor – a public statement that the host remains dignified. The narrator's diagnosis of mentality is direct: "*Bechora o'zbekni bilasiz-ku: o'zi yemasdan mehmonga tutadi... Kambag'alligini yashiradi.*" Here, national mentality is defined as an ethic of protecting honor through giving, even at personal cost.

This is reinforced by Abduqodir's watermelon episode, where refusal is pragmatically unacceptable. The boy insists: "*Yo'q. Yeysiz! ... Siz kasal.*" In Uzbek communicative culture, insistence often serves as a sign of sincerity; repeated refusal can be interpreted as rejection of relationship. Abduqodir's emotional reaction – "*tarvuzni shartta yerga qo'yib, chopib tushib ketdi*" – shows that hospitality is tied to recognition. When the narrator refuses, the boy experiences it as a social wound (Kholmirzaev, 1988).

The story ends with the narrator's explicit conclusion: he saw "*oddiy-jaydari, sodda o'zbekning kengligi, to'poriligini*." These words – *kenglik* (generosity/breadth), *soddalik* (simplicity), *to'porilik* (naive straightforwardness) – summarize the mentality as the author understands it. But importantly, the story demonstrates that these qualities are not romantic decorations; they are tested by poverty, labor exploitation, and moral collapse around them.

The semantic field of *ko'ngil* (heart/soul) appears frequently: "*ko'ngil qurg'urga yoqqan*," "*ko'nglim ilidi*," "*ko'nglim buzilib*." This lexicon

implies that mentality is experienced as emotional-moral orientation rather than cold rational identity. The narrator's tears at the end – "*bag'ri kengligi uchun… quvonib yig'lardim*" – signal that mentality is felt as a moral beauty, even when the social reality is harsh. (Kholmirzaev, 1988)

One of the most socioculturally significant passages is the narrator's reflection on hiding poverty:

– "*Kambag'alligini yashiradi. Qiziq-a?*"

– "*Xuddi juda boy edi-yu, birdan kambag'al bo'lib qolganday…*" (Kholmirzaev, 1988)

This observation is not only economic; it is cultural psychology. The story implies that in Uzbek mentality, poverty threatens *oriyat* (dignity), so concealment becomes a defense of identity. Hospitality, then, becomes both generosity and a mechanism of protecting dignity: even a "kambag'al oila" must appear honorable through sharing.

This is exactly why the narrator's refusal is interpreted as insult. The wife later directly states: "*Yo'q, siz bizni yaxshi ko'rmaysiz… Boshdan yomon ko'rib edingiz.*" The accusation is not "you refused food"; it is "you rejected us as worthy." In Uzbek cultural logic, accepting a host's offering is often equal to accepting their personhood.

After the lamb theft, the most striking feature is the shepherd's reaction when the students are about to leave. Botir invites them again, even promising a sacrifice: "*Bitta qon chiqaramiz deb…*" He also protects them by redefining the loss: "*Qo'zi topildi hisob.*" (Kholmirzaev, 1988) This is not factual truth; it is an ethical decision to avoid conflict and preserve human relationships. It embodies *bag'rikenglik* (forbearance/ forgiving breadth). The family chooses to maintain dignity and social harmony rather than demand justice.

This is the highest point of "Uzbek character" as depicted: forgiveness in poverty, generosity despite injury. That is why later, Azimjon cries out: "*Biz ablahmiz! … Biz qanaqasiga o'zbekmiz-a? Ana ularni o'zbek desa bo'ladi.*" Here the story defines "being Uzbek" not by ethnicity but by ethical capacity: generosity, restraint, forgiveness, and honor.

The narrator's style itself is a linguocultural marker. He addresses the listener intimately: "*qadrdon*," "*azizim*," "*mexribonim*," "*do'stim*." This discourse creates a community of reflection. It also functions as a strategy of moral persuasion: the narrator wants the reader to feel, judge, and remember with him(Kholmirzaev, 1988).

The rhetorical questions – "*Shoshmang-shoshmang, bu yerda gap bor…*", "*Odamzod qiziq-da, a?*" – mirror oral storytelling tradition (Kholmirzaev, 1988). This oral mode is culturally significant because it frames mentality as something transmitted through conversation and lived example, not theory.

Self-irony deepens the authenticity: "*Qanday ablah ekanmiz!*" and "*Juda jo'n ekanman deyman-da!*" (Kholmirzaev, 1988). These phrases show that the narrator constructs national mentality through self-critique – an honest admission of failure that makes the final praise of Uzbek generosity more credible.

The most painful moment is the farewell scene, when the narrator finally expresses affection – "*men sizlarni juda yaxshi ko'raman*" – but the couple rejects it: "*Bekor gap.*" This rejection is psychologically and culturally logical. In their worldview, love is not a declaration; it is recognition through participation. Because the narrator kept distance ("*bularning uyiga qayta kirmadim*"), refused food, and did not enter their moral circle consistently, his later words sound empty. This ending is essential to the story's linguocultural message: Uzbek mentality values sincerity shown in behavioral consistency. Words alone cannot repair relational damage. The family's verdict – "*Pisand qilmadingiz bizni*" – names the core moral failure: lack of respect (Kholmirzaev, 1988).

Finally, the story presents national mentality as moral resilience under social and

economic hardship. Cotton campaigns, hunger, and institutional injustice form the background, but the narrative focus remains on human ethics. The students' behavior shows how easily people become "buzilgan" ("*Biz ancha buzilganmiz*") under pressure. The shepherd family shows how a person can remain generous, patient, and forgiving despite poverty.

Conclusion

A key conclusion is that national mentality in *"O'zbek xarakteri"* is organized as an ethical-communicative system. The author foregrounds those culturally regulated forms of interaction that shape Uzbek social life: respectful address terms (*opa, uka, og'ajon*), greeting and blessing formulas, and the moral weight of relational closeness built through language (Ganieva, 2024). These elements do not operate as stylistic decoration; they serve as culturally meaningful signals that establish social roles, strengthen interpersonal bonds, and activate ethical obligations. In other words, mentality is represented not only in "what is said," but also in "how it is said" – and, just as importantly, in what must be said to remain within the boundaries of accepted cultural behavior.

In summary, the study concludes that the representation of national mentality in *"O'zbek xarakteri"* is achieved through a coherent system of linguocultural markers: culturally loaded lexicon, kinship-based address forms, hospitality formulas, evaluative expressions, pragmatic insistence and restraint, and narrative strategies of contrast and confession. These markers collectively construct a conceptual model of Uzbek national mentality centered on *kenglik* (generosity), *mehmondo'stlik* (hospitality), *oriyat* (dignity), *uyat* (moral shame), *qanoat* (contentment), and *bag'rikenglik* (forbearance). The story shows that these values are neither guaranteed nor purely symbolic; they are enacted through everyday choices and tested under social hardship.

References:

1. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya*. Akademiya.
2. Vorobyev, V. V. (1997). *Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody*. RUDN.
3. Ganiyeva, O. X. (2024). XX asr AQSH regional romani badiiy o'ziga xosligi. *Innovatsionnye issledovaniya v sovremennom mire: teoriya i praktika, 3*(14), 43–45.
4. Ganieva, O. K. (2024). Anthropocentric approach in contemporary American and Uzbek novel writing. *International Journal of Literature and Languages, 4*(12), 55–59.
5. Stepanov, Y. S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* (3rd ed.). Akademicheskiy Proekt.
6. Kholmirzaev, Sh. (1988). *Tanlangan asarlar* (Vol. 1). G'afur G'ulom nomidagi Adabiyot va san'at nashriyoti.
7. Yo'ldoshev, B. (2010). *O'zbek adabiyoti nazariyasi va badiiy tahlil masalalari*. Fan.
8. Ganieva, O. K. (2020). Depiction of relations between a person and society in American realistic literature. *Scientific Bulletin of Namangan State University, 2*(8), 215–220.
9. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Slovo.
10. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Peremena.

Prototype-Based Categorization of Words and Senses: A Review of Cognitive, Lexical-Semantic, and Computational Approaches

Tukhtakhodjaeva Zulfiya Tukhtaevna
PhD, associate professor,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This review article examines prototype-based categorization of words and senses as an interdisciplinary framework at the intersection of cognitive psychology, lexical semantics, psycholinguistics, lexicography, and computational linguistics. The paper outlines the transition from the classical view of categories based on necessary and sufficient features to prototype theory, which emphasizes graded membership, typicality effects, and family resemblance. It then analyzes how these ideas were adapted in linguistic research to describe lexical categories, polysemy, and the internal organization of word meaning through central and peripheral senses, radial semantic networks, and context-sensitive meaning activation. Special attention is given to theoretical and methodological debates, including the distinction between polysemy and homonymy, the psychological reality of discrete word senses, and the limitations of purely introspective semantic analysis. The review also discusses corpus-based and lexicographic critiques, as well as modern computational reinterpretations of prototype structure in WordNet-based modeling, word sense disambiguation, and multi-prototype vector representations. The article argues that prototype-based categorization remains highly productive when used not as a universal replacement for all semantic models, but as an explanatory framework for probabilistic structure, semantic centrality, and context-driven variation in lexical meaning.*

Keywords *Prototype theory, categorization, lexical semantics, word senses, polysemy, typicality, family resemblance, cognitive linguistics, word sense disambiguation, multi-prototype embeddings*

So‘zlar va ma’nolarning prototipga asoslangan kategoriyalashuvi: kognitiv, leksik-semantik va kompyuter lingvistikasi yondashuvlari bo‘yicha sharh

Tuxtaxodjayeva Zulfiya Tuxtayevna
PhD, dotsent,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola so‘zlar va ma’nolarning prototipga asoslangan kategoriyalashuvini kognitiv psixologiya, leksik semantika, psixolingvistika, leksikografiya hamda kompyuter lingvistikasi kesishmasidagi fanlararo tadqiqot doirasi sifatida tahlil qiladi. Maqolada kategoriyalarni zarur va yetarli belgilarga tayangan klassik talqindan prototip nazariyasiga o‘tish jarayoni yoritiladi, bunda gradatsiyalangan a‘zolik, tipiklik effekti va “oilaviy o‘xshashlik” tamoyillari markaziy o‘rin tutadi. Shuningdek, ushbu g‘oyalarning tilshunoslikka tatbiqi ko‘rib chiqilib, leksik kategoriyalar, polisemiya va so‘z ma’nosining ichki tuzilmasi markaziy hamda*

periferik ma'nolar, radial semantik tarmoqlar va kontekstga sezgir ma'no faollashuvi orqali izohlanadi. Maqolada polisemiya va omonimiya farqlanishi, diskret "so'z ma'nolari"ning psixologik realligi hamda faqat introspektiv semantik tahlilning metodologik cheklovlari kabi bahsli masalalarga alohida e'tibor qaratiladi. Bundan tashqari, korpus va leksikografik yondashuvlar tanqidi hamda WordNet, ma'no noaniqligini bartaraf etish (WSD) va ko'p prototipli vektor modellar doirasida prototip tuzilmasining zamonaviy hisoblash talqinlari muhokama qilinadi. Xulosa sifatida, prototipga asoslangan kategoriyalashuv barcha semantik modellarni almashtiruvchi universal nazariya emas, balki leksik ma'noning ehtimolliy tuzilishi, semantik markaziyligi va kontekstga bog'liq o'zgaruvchanligini tushuntiruvchi samarali konseptual ramka ekanligi asoslanadi.

Kalit so'zlar *Prototip nazariyasi, kategoriyalashuv, leksik semantika, so'z ma'nolari, polisemiya, tipiklik, oilaviy o'xshashlik, kognitiv tilshunoslik, ma'no noaniqligini bartaraf etish (WSD), ko'p prototipli vektor modellar*

Прототипная категоризация слов и значений: лексико-семантические модели и современные вычислительные интерпретации

Тухтаходжаева Зульфия Тухтаевна
PhD, доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Данная обзорная статья рассматривает прототипно-ориентированный подход к категоризации слов и значений (senses) как междисциплинарную исследовательскую рамку на стыке когнитивной психологии, лексической семантики, психолингвистики, лексикографии и компьютерной лингвистики. Показано, что прототипная теория возникла как критика классической модели категорий с жесткими необходимыми и достаточными признаками и предложила альтернативу в виде градуальной членимости, типичности и семейного сходства. Далее анализируется перенос этих идей в лингвистику: от категоризации лексем и базового уровня номинации до описания полисемии через центральные и периферийные значения, радиальные сети и контекстно-зависимое профилирование смысла. Особое внимание уделяется спорным вопросам: границам между полисемией и омонимией, психологической реальности «словесных значений» как дискретных сущностей, а также методологическим ограничениям интроспективных моделей. В статье сопоставляются классические когнитивно-лингвистические модели (Rosch, Lakoff, Geeraerts, Taylor) и корпусно-лексикографическая критика (Kilgarriff), а также рассматривается развитие идеи «множественных прототипов» в распределительной семантике и задачах автоматического разрешения неоднозначности (WordNet, WSD, multi-prototype embeddings). В заключении предлагается интегративная позиция: прототипная категоризация наиболее продуктивна не как универсальная замена всем моделям значения, а как уровень описания, который фиксирует вероятностную структуру,*

частотную закрепленность и когнитивную асимметрию внутри лексико-семантических пространств.

Ключевые слова *Прототипная теория, категоризация, лексическая семантика, полисемия, типичность, WordNet, WSD, когнитивная лингвистика, многопрототипные представления*

Введение

Проблема категоризации является центральной для наук о языке и мышлении. Для лексической семантики она формулируется особенно остро: как именно говорящие группируют употребления слова в «одно значение», «несколько значений» или «разные слова»? Классический подход, основанный на наборе необходимых и достаточных признаков, оказался полезным для формальных описаний, но плохо объясняет градуальную типичность, размытые границы и контекстную вариативность, характерные для повседневного словоупотребления. Именно на этом фоне прототипная теория стала одной из наиболее влиятельных альтернатив (Rosch, 1973, 1975; Rosch & Mervis, 1975).

Для лингвистики важность прототипной категоризации состоит в том, что она позволяет описывать не только категории объектов (например, *птица*, *мебель*), но и внутреннюю организацию значений слова: центральные (наиболее типичные, частотные, когнитивно доступные) и периферийные (метафорические, метонимические, специализированные, контекстно ограниченные) смыслы. Такой подход особенно продуктивен для полисемии, где строгие границы между значениями часто отсутствуют или зависят от задачи анализа (Lakoff, 1987; Geeraerts, 1989, 1997; Taylor, 2003).

В современной науке о языке эта тема получила вторую жизнь благодаря вычислительным моделям, где идея единственного «среднего» вектора слова была пересмотрена в пользу нескольких прототипов/представлений для разных употреблений. Работы по multi-prototype embeddings прямо указывают на ограниченность одно-векторных моделей при полисемии и омонимии (Reisinger & Mooney, 2010; Huang et al., 2012; Neelakantan et al., 2014).

Психологические основания прототипной категоризации

Классическая теория категорий предполагает, что принадлежность к категории определяется фиксированным набором признаков: объект либо принадлежит, либо не принадлежит категории. Однако эмпирические данные в когнитивной психологии показали, что люди оценивают членов категории неравномерно: одни экземпляры кажутся «лучшими примерами» (типичными), другие – периферийными. Исследования Rosch продемонстрировали как существование типичности, так и ее влияние на когнитивную обработку (Rosch, 1973, 1975; Rosch & Mervis, 1975).

Важный результат Rosch и Mervis (1975) состоит в том, что типичность может быть связана со структурой сходства внутри категории: более прототипичные члены имеют больше общих признаков с другими членами категории и меньше пересечения с внешними категориями. Это сдвигает анализ от «жестких дефиниций» к распределению признаков и степени семейного сходства.

Еще один фундаментальный вклад – идея **базового уровня категоризации**. В

исследовании Rosch и соавт. (1976) показано, что существуют уровни таксономии, наиболее когнитивно «удобные» для восприятия, именования и обработки (например, *стул* по сравнению с *мебель* или *кухонный стул*). Авторы описывают базовые объекты как наиболее информативные и психологически привилегированные (Rosch et al., 1976).

Для лексической семантики это чрезвычайно важно: словарь естественного языка не просто отражает объективную таксономию мира, а организуется вокруг когнитивно оптимальных уровней категоризации. Следовательно, структура лексики уже на уровне номинации несет отпечаток прототипности и экономии когнитивной обработки (Rosch, 1975; Rosch et al., 1976).

При этом уже в 1980-е гг. стало ясно, что прототипная модель не объясняет все типы концептов. Armstrong, Gleitman и Gleitman (1983) показали, что эффекты типичности обнаруживаются даже для категорий, которые традиционно считаются «четко определенными», что ставит под вопрос простой вывод «типичность = прототипная структура категории». Параллельно Murphy и Medin (1985) аргументировали, что концептуальная когерентность часто опирается не только на сходство признаков, но и на «теории» (каузальные и объяснительные знания) (Armstrong et al., 1983; Murphy & Medin, 1985).

Этот критический блок особенно важен для нашей темы: при анализе слов и значений нельзя механически переносить психологическую прототипность на любую лексическую единицу. Нужна более тонкая модель, учитывающая и сходство, и функциональные/энциклопедические знания, и дискурсивные цели (Medin & Smith, 1984; Murphy & Medin, 1985).

Перенос прототипной теории в лингвистику: от категорий к значениям слов

В лингвистике прототипная теория получила особое развитие в рамках когнитивной лингвистики. По Geeraerts (1989), ее формирование следует понимать как реакцию на компонентный (чек-листный) анализ значения, где лексическое значение задается набором бинарных признаков. Прототипный подход, напротив, признает градуальность, размытость и неодинаковую репрезентативность элементов категории (Geeraerts, 1989).

Taylor (2003) систематизировал эти идеи для широкой лингвистической аудитории, показывая, что последствия прототипной категоризации выходят далеко за пределы лексики и затрагивают морфологию, синтаксис и фонологию. Уже сам факт такого расширения важен: прототипность в языке – это не частный эффект, а общий принцип организации грамматико-лексических классов, хотя степень его проявления может различаться по уровням языка.

Если рассматривать слово не как «контейнер фиксированного значения», а как категорию употреблений, тогда прототипная теория становится особенно естественной. Разные контексты актуализируют различные аспекты значения; некоторые употребления выступают как центральные, другие – как расширения (extension). В этом смысле единица анализа смещается от абстрактного словарного «значения вообще» к распределению реальных случаев употребления. Такая постановка напрямую сближает когнитивную семантику с корпусной лингвистикой и лексикографией (Geeraerts, 1997; Kilgarriff, 1997).

Именно поэтому прототипный подход оказался особенно продуктивен для анализа полисемии: слово может иметь не набор полностью изолированных значений, а сеть взаимосвязанных смыслов с различной степенью близости к центральному узлу. Lakoff (1987) популяризировал идею радиальных категорий и прямо

противопоставил ее классической модели категоризации с жесткими границами.

Geeraerts (1997) развивает прототипную семантику в диахроническом измерении, показывая, что изменения значений слова часто затрагивают не всю категорию равномерно, а перераспределяют центр и периферию. Это важно методологически: «прототип» нельзя считать статичным ядром раз и навсегда. В истории языка центральные значения могут смещаться, специализироваться, расширяться или уступать место новым центрам в зависимости от частоты, коммуникативной значимости и культурных факторов (Geeraerts, 1997).

Такой взгляд помогает избежать распространенной ошибки – считать словарную дефиницию «истинным» значением, а все остальное производным шумом. В реальности словарные описания часто фиксируют компромисс между историей, нормой и текущей употребительностью, тогда как прототипная модель позволяет описать динамику внутри значения более реалистично (Geeraerts, 1989, 1997).

Проблема единицы: слово, лексема, значение, употребление

Одно из ключевых методологических затруднений состоит в том, что выражение «категоризация слов и значений» объединяет как минимум четыре разных уровня анализа:

1. **формальная единица** (словоформа/лемма),
2. **лексема** (словарная единица),
3. **значение (sense)** как аналитическая абстракция,
4. **употребление (usage token)** в конкретном контексте.

Прототипная теория работает наиболее надежно на уровне **употреблений и их кластеризации**, а не на уровне заранее постулированного списка дискретных смыслов. Именно здесь она может фиксировать градуальную близость и семейное сходство между случаями. Эта логика хорошо согласуется с тезисом Kilgarriff (1997), что «значения» во многих задачах являются не онтологически заданными сущностями, а результатом аналитической кластеризации корпусных примеров под конкретную цель.

Традиционно лексикография пытается развести полисемию и омонимию как разные случаи. Однако с прототипной точки зрения, это часто континуум: между очевидно связанными смыслами и полностью независимыми значениями существует широкий промежуток частично перекрывающихся случаев. Психолингвистические данные поддерживают идею, что степень семантического перекрытия влияет на обработку неоднозначных слов. В частности, исследования Klepousniotou, Titone и Romero (2008) показывают, что понимание полисемии зависит от overlap между значениями (Klepousniotou et al., 2008).

Работа Klein и Murphy (2001), напротив, акцентирует, что у полисемичных слов могут быть достаточно раздельные репрезентации смыслов, а общий «core meaning» может быть минимальным. Это важное ограничение для упрощенных прототипных моделей: нельзя всегда предполагать единый хорошо определенный центр, из которого «радиально» выводятся все смыслы (Klein & Murphy, 2001).

В литературе нередко смешиваются два понимания прототипа:

- **прототип как репрезентативный член категории** (best example),
- **прототип как абстрактная когнитивная схема/сводка признаков**,
- **прототипность как эффект обработки** (быстрее распознается, легче вспоминается),
- **прототип как центр сети употреблений** (лексико-семантическая перспектива).

Для анализа слов и значений полезнее говорить не о «прототипе» в единственном смысле, а о **прототипной организации**: распределении центральности, частоты, доступности, контекстной нейтральности и степени связности с другими употреблениями. Это снимает часть критики, адресованной сильным версиям теории (например, требованию единого центра для всех случаев) (Medin & Smith, 1984; Murphy & Medin, 1985; Geeraerts, 1989).

Эмпирические основания прототипного анализа значений слова

Прототипная организация категорий подтверждалась в экспериментах на скорость верификации, оценку типичности и воспоминание уже в классических работах Rosch и коллег. Для лексической семантики это важно потому, что типичность может влиять на доступность словоупотреблений и вероятностные ожидания интерпретации в контексте (Rosch, 1975; Rosch et al., 1976).

В психолингвистике полисемии картина сложнее. Klein и Murphy (2001) показали, что смыслы полисемичных слов могут вести себя как относительно самостоятельные репрезентации. Однако более поздние данные (например, у Klepousniotou et al., 2008) демонстрируют, что степень перекрытия смыслов существенно модифицирует обработку. Это указывает не на простое «да/нет» по поводу единства значения, а на градуальную архитектуру, где различные слова располагаются в разных точках между сильной связанностью и почти полной разобщенностью смыслов (Klein & Murphy, 2001; Klepousniotou et al., 2008).

Сильной стороной прототипной категоризации является ее совместимость с корпусным подходом. Если значения слова описываются как кластеры употреблений, тогда центральность можно операционализировать через частоту, жанровую распределенность, контекстную нейтральность, коллокационную устойчивость и степень продуктивности расширений. Здесь особенно значима позиция Kilgarriff (1997): смысловые деления не существуют независимо от задачи, а конструируются относительно целей анализа и типов данных (Kilgarriff, 1997).

Эта позиция не отменяет прототипную теорию; скорее, она радикализует ее. Вместо фиксированного словарного списка мы получаем задачно-ориентированную классификацию употреблений, где «центр» и «периферия» могут варьировать в зависимости от корпуса (например, юридический, медицинский, разговорный) и исследовательской цели (лексикография, NLP, преподавание, перевод).

Для исторической лексикологии прототипный подход особенно ценен, потому что позволяет описывать изменение значения не как мгновенный скачок между дискретными дефинициями, а как перестройку сети. Geeraerts (1997) показывает, что семантические изменения могут вести к смещению центра категории, переоценке периферийных значений и перераспределению прототипности во времени. Это делает модель пригодной для анализа семантической эволюции слов в реальных языковых системах (Geeraerts, 1997).

Прототипная модель хорошо объясняет, почему многие лексические категории имеют размытые границы и почему носители языка расходятся в оценке принадлежности или типичности. Это особенно важно для значений слов, где контекст и энциклопедическое знание систематически вмешиваются в интерпретацию (Rosch & Mervis, 1975; Geeraerts, 1989; Taylor, 2003).

В отличие от чисто компонентных моделей, прототипная категоризация легко сочетается с usage-based подходами: центральные значения часто оказываются более частотными, более нейтральными и более продуктивными для дальнейших расширений. Даже если эта связь не абсолютна, она дает рабочую

эмпирическую гипотезу для корпусного исследования (Geeraerts, 1997; Kilgarriff, 1997).

Современные многопрототипные распределительные модели фактически переизобретают старую проблему в новой форме: один вектор на слово часто недостаточен, если слово многозначно. Работы Reisinger и Mooney (2010), Huang и соавт. (2012), Neelakantan и соавт. (2014) демонстрируют вычислительные способы выделения нескольких представлений для одной лексемы на основе контекстных кластеров. Это не тождественно когнитивной прототипной теории, но концептуально близко: значение рассматривается как множественное и контекстно структурированное, а не единое и неизменное.

Прототипная категоризация и вычислительные модели словарных значений

WordNet (Miller, 1995) стал ключевым ресурсом для компьютерной лексической семантики, организуя слова в synsets и задавая явные смысловые различения. Это чрезвычайно полезно для стандартизации задач WSD и семантических ресурсов. Однако сама структура фиксированного набора senses предполагает дискретность там, где в живом употреблении нередко наблюдается континуум и градуальная связанность (Miller, 1995).

С точки зрения прототипной семантики WordNet можно понимать не как «естественную» онтологию значений, а как один из возможных аналитических разрезов лексико-семантического пространства. Это особенно важно для межжанровых и доменно-специфических задач, где центральность употреблений меняется.

Navigli (2009) определяет WSD как задачу определения значения слова в контексте и показывает масштаб области, методов и приложений. Но на концептуальном уровне здесь сохраняется фундаментальное напряжение: WSD предполагает заранее заданный инвентарь senses, тогда как прототипный и корпусно-лексикографический подходы подчеркивают задачную и контекстную зависимость самих смысловых делений (Navigli, 2009; Kilgarriff, 1997).

Иными словами, WSD часто решает не «естественную» проблему смысла, а проблему сопоставления контекста с конкретной аннотационной схемой. Прототипная категоризация помогает сделать это ограничение явным и тем самым улучшить интерпретацию результатов систем WSD.

В классических распределительных моделях каждое слово имеет один вектор, что плохо работает для полисемии. Reisinger и Mooney (2010) прямо критикуют «single prototype» представление и предлагают получать несколько sense-specific векторов через кластеризацию контекстов. Huang et al. (2012) усиливают этот подход за счет глобального контекста, а Neelakantan et al. (2014) предлагают более эффективную непараметрическую оценку числа представлений.

Хотя эти модели развивались в рамках инженерных задач NLP, они концептуально резонируют с когнитивно-лингвистической идеей, что значение слова – это не монолит, а структурированное множество контекстно чувствительных реализаций. При этом важно не смешивать уровни: вычислительный «prototype vector» – это математический центр кластера контекстов, а не обязательно психологический прототип в смысле Rosch. Тем не менее методологический мост между направлениями здесь очевиден и плодотворен.

Заключение

Прототипная категоризация слов и значений остается одной из наиболее плодотворных идей в современной семантике, если понимать ее не как универсальную и исчерпывающую теорию, а как мощный объяснительный принцип для

описания **градуальности, центральности и контекстной вариативности**. Классические исследования Rosch и коллег задали эмпирическую основу для отказа от жестких границ категории, а когнитивная лингвистика (Lakoff, Geeraerts, Taylor) распространила этот взгляд на лексическую семантику и полисемию (Rosch, 1973, 1975; Rosch & Mervis, 1975; Lakoff, 1987; Geeraerts, 1989; Taylor, 2003).

Одновременно критические работы (Armstrong et al., Murphy & Medin, Klein & Murphy, Kilgarriff) показали, что значение нельзя редуцировать только к прототипам: необходим учет теоретических знаний, композициональности, задачной зависимости и эмпирической корпусной верификации. Это не ослабляет прототипную теорию, а уточняет ее область применимости.

Наконец, развитие вычислительной семантики – от WordNet и WSD до multi-prototype embeddings – подтверждает, что вопрос о множественности и структурированности значений не является только теоретическим. Он имеет прямые последствия для построения ресурсов, аннотаций и моделей обработки языка. В этом смысле prototype-based categorization of words and senses остается не историческим этапом, а актуальной исследовательской программой, особенно в интеграции когнитивных, корпусных и вычислительных методов. (Miller, 1995; Navigli, 2009; Reisinger & Mooney, 2010; Neelakantan et al., 2014).

References:

1. Armstrong, S. L., Gleitman, L. R., & Gleitman, H. (1983). What some concepts might not be. *Cognition, 13*(3), 263–308. https://doi.org/10.1016/0010-0277(83)90012-4
2. Geeraerts, D. (1989). Introduction: Prospects and problems of prototype theory. *Linguistics, 27*(4), 587–612. https://doi.org/10.1515/ling.1989.27.4.587
3. Geeraerts, D. (1997). *Diachronic prototype semantics: A contribution to historical lexicology*. Oxford University Press.
4. Huang, E. H., Socher, R., Manning, C. D., & Ng, A. Y. (2012). Improving word representations via global context and multiple word prototypes. In *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)*. 873–882. Association for Computational Linguistics.
5. Kilgarriff, A. (1997). I don't believe in word senses. *Computers and the Humanities, 31*, 91–113. https://doi.org/10.1023/A:1000583911091
6. Klein, D. E., & Murphy, G. L. (2001). The representation of polysemous words. *Journal of Memory and Language, 45*(2), 259–282. https://doi.org/10.1006/jmla.2001.2779
7. Klepousniotou, E., Titone, D., & Romero, C. (2008). Making sense of word senses: The comprehension of polysemy depends on sense overlap. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 34*(6), 1534–1543. https://doi.org/10.1037/a0013012
8. Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. University of Chicago Press.
9. Medin, D. L., & Smith, E. E. (1984). Concepts and concept formation. *Annual Review of Psychology, 35*, 113–138. https://doi.org/10.1146/annurev.ps.35.020184.000553
10. Miller, G. A. (1995). WordNet: A lexical database for English. *Communications of the ACM, 38*(11), 39–41. https://doi.org/10.1145/219717.219748
11. Murphy, G. L., & Medin, D. L. (1985). The role of theories in conceptual coherence. *Psychological Review, 92*(3), 289–316. https://doi.org/10.1037/0033-295X.92.3.289

12. Navigli, R. (2009). Word sense disambiguation: A survey. *ACM Computing Surveys, 41*(2), Article 10, 1–69. https://doi.org/10.1145/1459352.1459355
13. Neelakantan, A., Shankar, J., Passos, A., & McCallum, A. (2014). Efficient non-parametric estimation of multiple embeddings per word in vector space. In *Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)* (pp. 1059–1069). Association for Computational Linguistics. https://doi.org/10.3115/v1/D14-1113
14. Reisinger, J., & Mooney, R. J. (2010). Multi-prototype vector-space models of word meaning. In *Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*. 109–117. Association for Computational Linguistics.
15. Rosch, E. H. (1973). Natural categories. *Cognitive Psychology, 4*(3), 328–350. https://doi.org/10.1016/0010-0285(73)90017-0
16. Rosch, E. (1975). Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology: General, 104*(3), 192–233. https://doi.org/10.1037/0096-3445.104.3.192
17. Rosch, E. (1978). Principles of categorization. In E. Rosch & B. B. Lloyd (Eds.), *Cognition and categorization* (pp. 27–48). Lawrence Erlbaum Associates.
18. Rosch, E., & Mervis, C. B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology, 7*(4), 573–605. https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9
19. Rosch, E., Mervis, C. B., Gray, W. D., Johnson, D. M., & Boyes-Braem, P. (1976). Basic objects in natural categories. *Cognitive Psychology, 8*(3), 382–439. https://doi.org/10.1016/0010-0285(76)90013-X
20. Taylor, J. R. (2003). *Linguistic categorization* (3rd ed.). Oxford University Press.

PEDAGOGY

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

PEDAGOGIKA 279

ПЕДАГОГИКА 420

Types of assessment of pupils English speaking competence of learners of primary classroom with the organization of education in the Uzbek language

Tajibayev Gayratjon Shovdorovich
gayratjon.namsifil@gmail.com
Associate Professor, Doctor of Pedagogical Sciences (PhD),
Namangan State Institute of Foreign Languages named after Is'hoqxon Ibrat

Annotation *The article highlights the peculiarities of assessment in teaching English to primary school students whose native language is Uzbek. A comparative analysis of the Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, and Evaluation (CEFR) and the qualification requirements established for graduates of the A1 level of the English language curriculum for general education schools was conducted. Based on the descriptors of the A1 level, foreign experience in improving the curriculum and subject program, approaches to learning and teaching English as a foreign language and second language status was studied. The author conducts a comparative study of the current (formtive), intermediate (interm), and final (summative) types of assessment for determining the level of mastery of English speaking competence. The article summarizes the definitions of assessment and develops the author's definition. In the author's opinion, assessment is a tool for identifying difficulties that caused errors and preventing them. The article developed proposals and recommendations on which type of speech to use when determining the level of formation of the competence of expression of thoughts in English. For example, in the current control type of determining the level of mastery of speaking competence in English, the level of assimilation of language material within the framework of speech topics studied in practical classes is determined. In this case, the language material is practiced in the type of speech activity. The type of intermediate control is conducted in order to identify difficulties arising in the process of forming the speech competence of primary school students. In the final control type, students' speaking competence is determined within the framework of various speech topics using the language material designated for the quarter. In the author's opinion, the terms "formative" and "summative" in foreign literature are not new. The concepts expressed by these terms have long existed in the methodology of teaching foreign languages in Uzbekistan. Therefore, it is advisable to use the possibilities of the Uzbek language when referring to terms.*

Keywords *Current, intermediate, final, assessment, imitative, interactive, intensive, extensive, speaking, expression of thought*

Ta'lim o'zbek tilida tashkil etiladigan boshlang'ich sinflarda o'quvchilarining ingliz tilida gapirish kompetensiyasini baxolash turlari

Tajibayev Gayratjon Shovdorovich
gayratjon.namsifil@gmailcom
Ped.f.f.d. (PhD), dotsent,
Is'hoqxon Ibrat nomidagi Namangan davlat chet tillari instituti dotsenti

Annotatsiya *Maqolada ona tilisi o'zbek tili bo'lgan boshlang'ich sinf o'quvchilariga ingliz tilini o'rgatishda baholashning o'ziga xos xususiyatlari yoritiladi. Chet tillarni bilishning umumyevropa kompetensiyalari: o'rganish, o'rgatish va baholash (CEFR) va Umumiy o'rta ta'lim maktablari uchun ingliz tili o'quv dasturida A1 daraja bitituvchilari uchun belgilangan malaka talablari qiyosiy taxlil qilingan. A1 daraja deskriptorlari asosida o'quv reja va fan dasturini, ingliz tilini chet til va ikkinchi til maqomida o'rganish va o'rgatish yondashuvlarini takomillashtirish bo'yicha horijiy tajribalar o'rganilgan. Muallif ingliz tilida gapirish kompetensiyasining egallanganlik darajasini aniqlashning joriy (formtive), oraliq (interm) va yakuniy (summative) baholash turlarini qiyosiy tadqiq etadi. Maqolada baholashga berilgan ta'riflar umumlashtirilgan va mualliflik ta'rifi ishlab chiqilgan. Muallifning fikricha, baholash xatolarga sabab bo'lgan qiyinchiliklarni aniqlash vositasi va ularni oldini olish hamda bartaraf etish strategiyalarini takomillashtirish omilidir. Maqolada ingliz tilida fikr ifodalash kompetensiyasining shakllanganlik darajasini aniqlashda gapirishning qaysi turiga murojaat etilishi yuzasidan taklif va tavsiyalar ishlab chiqilgan. Masalan, ingliz tilida gapirish kompetensiyasining egallanganlik darajasini aniqlashning joriy nazorat turida amaliy mashg'ulotlarda o'rganilgan nutq mavzulari doirasidagi til materialining ozlashtirilganlik darajasi aniqlanadi. Bunda til materiali gapirish nutq faoliyat turida mashq qilinadi. Oraliq nazorat turi esa boshlang'ich sinf o'quvchilarining gapirish kompetensiyasini shakllantirish jarayonida vujudga kelayotgan qiyinchiliklarni aniqlash maqsadida o'tkaziladi. Yakuni nazorat turida esa o'quvchilarning gapirish kompetensiyasi chorak uchun belgilangan til materialidan foydalanib turli nutq mavzulari doirasida aniqlanadi. Muallifning fikricha horijiy adabiyotlardagi 'formativ' va 'summativ' kabi atamalar yangilik emas. Bu atamalar ifodalaydigan tushunchalar O'zbekiston chet til o'qitish metodikasida avvaldan mavjud. Shu sababli atamalarga murojaat etishda o'zbek tili imkoniyatlaridan foydalanish maqsadga muvofiq.*

Kalit so'zlar *Joriy, oraliq, yakuniy, baholash, taqlidiy, interaktiv, intensiv, ekstensiv, gapirish, fikr ifodalash*

Виды оценки компетенции учащихся на английском языке в начальных классах с организацией обучения на узбекском языке

Тажибаева Гайратжона Шовдоровича
gayratjon.namsifil@gmail.com
Доцент, Доктор педагогических наук (PhD),
Наманганский государственный институт
иностранных языков имени
Исхакхона Ибрата

Аннотация *В статье освещаются особенности оценивания при обучении английскому языку учащихся начальных классов, родным языком которых является узбекский. Проведен сравнительный анализ общеевропейских компетенций владения иностранными языками: изучение, преподавание и оценка (CEFR) и квалификационной требований, установленных для выпускников уровня A1 в учебной программе английского языка для общеобразовательных школ. Изучен зарубежный опыт совершенствования подходов к изучению и преподаванию английского языка в статусе иностранного и второго языка*

на основе дескрипторов уровня A1. Автор проводит сравнительное исследование текущего (formative), промежуточного (interm) и итогового (summative) видов оценки для определения уровня владения английской речевой компетенцией. В статье обобщены определения оценки и разработано авторское определение. По мнению автора, оценка является средством выявления трудностей, вызвавших ошибки, и их предотвращения. В статье разработаны предложения и рекомендации относительно того, к какому типу речи следует обращаться при определении уровня сформированный компетенции выражения мысли на английском языке. Например, в текущем контрольном типе определения уровня владения разговорной компетенцией на английском языке определяется уровень усвоения языкового материала в рамках речевых тем, изученных на практических занятиях. В этом случае языковой материал практикуется в речевой деятельности. Промежуточный контроль проводится с целью выявления трудностей, возникающих в процессе формирования речевой компетенции учащихся начальных классов. В итоговом контроле речевая компетенция учащихся определяется в рамках различных речевых тем с использованием языкового материала, установленного на четверть. По мнению автора, такие термины, как "формативный" и "суммативный" в зарубежной литературе, не являются новыми. Понятия, выражаемые этими терминами, давно существуют в методике преподавания иностранных языков в Узбекистане. Поэтому целесообразно использовать возможности узбекского языка при обращении к терминам.

Ключевые слова *Текущий, промежуточный, итоговый, оценочный, имитационный, интерактивный, интенсивный, экстенсивный, говорение, выражение мысли*

Kirish

O‘zbek xalqi ilm-fan taraqqiyotiga tamal toshini qo‘ygan va fors-tojik, arab tillarida ijod qilgan olimu ulamolarning avlodlari sifatida qadim-qadimdan nafaqat o‘z ona tili balki dunyo tillarini o‘rganishga katta qiziqish bildirib keladi. Bugungi kunda ham chet til predmeti davlat ta’lim tizimida insoning shaxs sifatida shakllanishi, kamol topishi va dunyoviy bilimini oshirishda muhim o‘rin egallaydi. Shuning uchun mamlakatimizda chet tillarini o‘rgatish va o‘rganish tizimining uzluksiz takomillashtirilishiga alohida e’tibor qaratilmoqda. Buning natijasida O‘zbekiston yoshlarini dunyoning nufuzli universitetlari talabalari, xalqaro olimpiadalar g‘oliblari hamda ko‘plab sohalarning yetakchilari sifatida ko‘ra olyapmiz. Birgina misol 2025-yilda 19 yoshli grossmeyster Javohir Sindarov shaxmat bo‘yicha Jahon kubogi tarixidagi eng yosh chempionga aylandi. Kelajakda ham bu sa’y-harakatlarni davom ettirish asnosida yoshlarimizni O‘zbekiston Respublikasini umumjahon sivilizatsiyasidagi o‘rnini ko‘tarish va yanada rivojlantirishga hissa qo‘sha oladigan kadrlarga aylantirishga erishish chet til ta’limining asosiy maqsadlaridan biri bo‘lishi lozim.

Ma’lumki, O‘zbekiston Respublikasi uzluksiz ta’lim tizimida chet tilni o‘rganish va o‘rgatishning dastlabki bosqichida ingliz tili A1, ya’ni chet tilini o‘rganishning boshlang‘ich

darajasida egallanishi lozim. Xalq ta'limi tizimida Umumiy o'rta ta'limning Milliy o'quv dasturida boshlang'ich sinf (4-sinf) bitiruvchilarining tayyorgarlik darajasiga qo'yiladigan talablar chet tillarni bilishning umumyevropa tizimiga o'zaro bog'liq holda olingan bo'lib, ular sodda va tushunarli shaklda berilgan. Chet tillarni bilishning boshlang'ich A1 darajasi "Breakthrough", "Beginner", "Survival", "Formulaic Proficiency", "Introductory", "Substitutianal level of proficiency" deb nomlanib quyidagicha ta'riflanadi (*Ирисханова*, 2003):

"Aniq ehtiyojlarni qondirish maqsadida tanish kundalik ifoda birliklarini va sodda jumlalarni tushunaman va ulardan foydalana olaman. O'zimni va boshqalarni tanishtira olaman, shaxsiy tafsilotlar, ya'ni yashash manzilim, tanish insonlarim va o'zimga tegishli bo'lgan buyumlar haqidagi savollarga javob bera olaman va shunday savollar bilan murojaat eta olaman. Suhbatdosh shoshmasdan, aniq gaplashsa va yordam berishga xayrixoh bo'lsa, sodda usulda axborot almasha olaman (Jalolov, 2013)".

Ushbu hujjat umume'tirof etilgan me'yor bo'lib, u Yevropada zamonaviy tillarni o'rganish va o'rgatishda shaffoflik, uzviylik va izchillikni ta'minlash maqsadida 1989-1996 yillarda amalga oshirilgan "Language Learning for European Citizenship" dasturi doirasida ishlab chiqilgan va Yevropa Kengashining 2001-yildagi qarori bilan Yevropa mamlakatlari chet til ta'lim tizimiga joriy etilishi tavsiya etilgan.

CEFR – Yevropa mamlakatlarida o'quv reja, dastur va imtihon savollarini ishlab chiqish hamda darsliklar yaratish uchun tayanch yo'riqnoma bo'lib, unda til o'rganuvchilar tildan foydalanish va samarali faoliyat olib borish uchun nimalarni o'rganishlari, qanday bilim va malakalarni qay darajada egallashlari lozimligi bayon qilingan. Hujjat chet til o'rganish va undan foydalanishning faoliyatga yo'naltirilgan yondashuviga asoslanadi. Unda chet tillarni har tomonlama barkamol shaxsni tarbiyalash, unga tanlagan sohasida muvaffaqiyatli faoliyat ko'rsatish uchun zarur bo'ladigan kompetensiyalar va fazilatlarga ega bo'lishiga ko'maklashish maqsadida o'qitish lozimligi belgilangan.

Mazkur standart asosida xorijiy mamlakatlarda, masalan Rossiyada boshlang'ich sinflarda chet til o'qitishda shaxsga yo'naltirilgan (G.V. Selevko, N.K. Tixomirov, K.A. Abdulxanova, M.N. Berulava, Ye.V. Bondarevskaya, I.S. Kon, A.V. Mudrik, A.B. Orlov) va faoliyatga yo'naltirilgan (I.A. Zimnaya, N.A. Gorlova, N.D. Galskova, Z.N. Nikitenko) yondashuvlar asosida shaxs faoliyatiga yo'naltirilgan metod ommalashmoqda va ikki tilli shaxsni kamol toptirish chet til ta'limining asosiy maqsadi sifatida belgilangan (Galskova, 2004). AQShda kompetensiyaviy yondashuv, Janubiy Koreya, Xitoy, Turkiya, va Tailandda kommunikativ yondashuv ommalashmoqda. O'zbekistonda ingliz tilini o'rgatish va o'rganishda o'quvchining lingvistik bilimlar to'plashiga emas, balki nutqiy (kommunikativ) va madaniy (madaniyatlararo) malakalar (kompetensiyalar)ning egallanishiga e'tibor kuchaytiriladi, ingliz tilini kommunikativ faoliyat ko'rsatish, shaxsga yo'naltirilgan, kompetensiyani egallashga mo'ljallangan integrativ yondashuv asosida o'rgatish va kommunikativ-kumulyativ metoddan foydalanish tavsiya etiladi.

Xorijiy adabiyotlarda bilim va malakalarning egallanganlik darajasini baholashning "formative", "interim" va "summative" turlari haqida fikr bildirilsa-da ular shunchaki sohadagi yangicha atamadan boshqa hech narsa emas. Chunki "formative assessment" vositasida ma'lum mavzu yuzasidan o'quvchilarning egallagan bilim, malaka va ko'nikmalari aniqlanadi. Demak bu joriy nazoratni anglatadi. Manbalarda "formative assessment" atamasiga o'rganish, o'rgatish va ta'limni yaxshilash uchun ishlatilishi mumkin bo'lgan uzluksiz fikr-mulohazalarni ta'minlash uchun o'rgatish jarayonida o'quvchilarning ma'lum nutq mavzusi bo'yicha til materialining o'rganilganlik darajasini baholashning doimiy jarayoni, degan

mazmunda ta'rif beriladi. Chorak oxirida o'rganilganlik darajasini o'lchaydigan yaxlitlovchi baholashdan farqli o'laroq, formativ baholashlar unchalik katta ahamiyatga ega emas va real vaqt rejimida o'quvchilarning kuchli va zaif tomonlarini aniqlash va keyingi qadamlarni belgilash uchun amalga oshiriladi. Bu o'qituvchilarga ham, o'quvchilarga ham o'rganishning sodir bo'lishi jarayoniga o'z yondashuvlarini moslashtirish va ko'nikish imkonini beradi (Brown, 2020). Joriy, ya'ni formativ baholashning asosiy xususiyatlari quyidagilarda namoyon bo'ladi. Birinchidan, yakuniy to'xtam natijalarini olish uchun emas, balki doimiy fikr bildirish uchun o'quvchilarning o'rganishini nazorat qilish va ularning o'quv-bilish faolligini oshirish maqsadiga yo'naltiriladi. Ikkinchidan, o'quv jarayoni davomida tez-tez sodir bo'ladi. O'quvchilarga bilimlarni qanday qilib takomillashtirish bo'yicha o'z vaqtida va aniq fikr-mulohazalarni taqdim etadi va o'qituvchilarga o'z ko'rsatmalarini tuzatishga yordam beradi. Uchinchidan maqsadlarni belgilash, shaxsiy yutuq va natijalarini aniqlash orqali o'quvchilarni darslarda faol ishtirok etishga undaydi. Joriy baholash o'quvchilarga mavzu yuzasidan egallagan bilim, malaka va ko'nikmalarini namoyish qilish, o'qituvchilarga xatolarni tahlil qilish orqali qiyinchiliklarni aniqlash, ularni oldini olish va bartaraf etish choralarini ko'rish imkonini beradi. Masalan, syujetli-rolli o'yinlardagi ishtirokchilar nutqidagi xato va kamchiliklar qiyinchilik hosilasi bo'lishi mumkin.

"Interim assessment" bu oraliq baholash bo'lib o'quv yili davomida bir necha marta (masalan, chorak yakunida) o'quvchilarning yil oxiridagi ta'lim maqsadlariga erishgan yutuqlarining salmog'ini aniqlash uchun o'tkaziladigan davriy baholash bo'lib, yo'riqnomani yo'naltirish, ta'limdagi kamchiliklarni aniqlash va kengroq qamrovli nazorat ishlarining natijalarini bashorat qilish uchun nazorat nuqtasi vazifasini bajaradi. Ular tez shakllantiruvchi tekshiruvlardan ko'ra rasmiyroq, ammo yakuniy, ya'ni summativ nazorat ishlariga qaraganda kamroq qamrovli bo'lib, ko'pincha o'quv jarayoniga tuzatishlar kiritishda ma'lumotlarni taqdim etish uchun bo'lim testlari yoki loyihalar kabi vositalardan foydalanadi.

Summativ baholash o'quv yili oxirida o'quvchilar tomonidan o'quv fani bo'yicha umumiy bilim, malaka va ko'nikmalarning egallanganlik darajasini aniqlash uchun o'tkaziladigan baholash bo'lib, odatda o'rganish jarayonini boshqaradigan formativ baholashdan farqli o'laroq, natijalarni standartlar bilan solishtiradigan baho yoki ball olinadi. Umumiy misollar orasida yakuniy imtihonlar, standartlashtirilgan testlar va o'quvchilar muvaffaqiyati va o'qitish samaradorligini baholash uchun foydalaniladigan yirik loyihalar kiradi. Summativ baholash yaxlitlash, yakuniy xulosaga kelish, hukum chiqarish, qaror qabul qilish maqsadida o'tkaziladi.

Garchi nutq to'g'ridan-to'g'ri va empirik tarzda kuzatilishi mumkin bo'lgan samarali mahorat bo'lsa-da, bu kuzatuvlar har doim sinovdan o'tuvchining tinglash kompetensiyasining aniqligi va samaradorligi bilan farqlanadi. Bu esa og'zaki produktiv testining ishonchliligi va asosliligini shubhasiz buzadi. Suhbatdoshning potentsial tez-tez tushuntirishlarisiz, nutq bahosi faqat og'zaki hosil qilingan ko'rsatkichi ekanligini qanday aniq bilasiz? Gapirish va tinglashning bunday o'zaro ta'siri og'zaki, ya'ni tinglab tushunish va gapirish kompetensiyalarining egallanganlik darajalarini aniqlash mezonlarini belgilash bilan bog'liq omillarni ajratishga majbur qiladi.

Yana bir qiyinchilik – e'lon qilish usullarini loyihalash (Biboletova, 2013). Aksariyat hollarda nutq ijodiy hosiladir. Chunki ma'ruzachi mavzuni bayon qilish uchun nutq usulini tanlaydi. Agar maqsad imtihon topshiruvchilar tomonidan ma'lum grammatik hodisalarning egallanganlik darajasini namoyish qilinishi bo'lsa, masalan, yaratilgan stimul ushbu grammatik toifalarni sinovdan o'tuvchining chetlab o'tishini yoki ifodalashini va shu tariqa maqsadli shaklni ishlab

chiqarishdan qochishini taqiqlaydigan usullar bilan paydo qilinishi kerak.

Tilning iste'foda etilishiga pragmatik nuqtayi nazardan qaraganimizda, retseptiv nutq faoliyat turi bo'lgan tinglash va produktiv nutq faoliyat turi bo'lgan gapirish deyarli har doim bir-biri bilan chambarchas bog'liqdir. Har qanday ijtimoiy vaziyatda malaka va ko'nikma odatda ikki yoki undan ortiq ko'nikmalarning aloqadorligida birlashtirilgan. Tinglash bo'yicha ba'zi vazifalarni nazariy jihatdan ajratib olish mumkin bo'lsa, eshitish layoqatining o'zaro ta'siri bilan bevosita bog'liq bo'lmagan og'zaki bajarilgan vazifalarini ajratib olish juda qiyin. Nutqning cheklangan sharoitlarida (monolog nutq, hikoya, ovoz chiqarib o'qish va hokazo) suhbatdoshning eshitish ishtirokisiz og'zaki nutqqa baho berishimiz mumkin.

Ta'lim o'zbek tilida olib boriladigan boshlang'ich sinflarda o'quvchilarning ingliz tilida fikr ifodalash kompetensiyasini baholashning bir-necha turlari mavjud. Odatda amaliyotchilar joriy, oraliq va yakuniy baholash usullaridan foydalanishadi. Dastlab baholashga berilgan ta'riflarni ko'rib chiqamiz. Sohaga oid adabiyotlarda taklif etilgan ta'riflardan eng maqbuli Karl Tomilinson (Carol Tomilinson) tomonidan takomillashtirilgan bo'lib, uning fikricha bugungi baholash ertangi darsning qanday tashkil etilishi lozimligini tushunib olish vositasidir. Bizning fikrimizcha esa baholash xatolarga sabab bo'lgan qiyinchiliklarni aniqlash vositasi va ularni oldini olish va bartaraf etish strategiyalarini takomillashtirish omilidir.

Og'zaki nutqni baholashda ochiq test topshiriqlari qanchalik ko'p bo'lsa, test topshiruvchining tanlash erkinligi natijasida ball to'plashda qiyinchilik tug'iladi. Retseptiv ishlashda qo'zg'atuvchi stimul oldindan belgilangan javoblarni va faqat shu javoblarni kutish uchun tuzilishi mumkin. Samarali ishlashda og'zaki yoki yozma rag'batlantirish kutilgan samaradorlik oralig'ida natijani olish uchun yetarlicha aniq bo'lishi kerak, shunda ball yoki reyting tartib-qoidalari mos ravishda qo'llaniladi. Misol uchun, maqsadi voqealar ketma-ketligida hikoyani aniqlash bo'lgan rasm seriyali topshiriqda imtihon topshiruvchilar hikoyani aytib berishning turli xil ishonchli usullarini tanlashlari mumkin. Ularning barchasi bir xil darajada aniq bo'lishi mumkin. Bunday turlicha javoblarni qanday baholash mumkin? Yechimlardan biri har bir javob uchun bir emas, balki bir nechta ball berish, har bir ball bir nechta xususiyatlardan birini (talaffuz, ravonlik, so'z boyligi, grammatika, tushunarlilik va h.k.) ifodalashi lozim.

Ta'lim o'zbek tilida tashkil etiladigan boshlang'ich sinf o'quvchilarining ingliz tilida gapirish kompetensiyasini baholashning joriy turlarida immitativ nutqqa ustuvor ahamiyat qaratilishi lozim. Uzliksiz ta'lim tiziming boshlang'ich nuqtasida bu so'z yoki iboraga yoki ehtimol jumlaga taqlid qilish layoqatidir. Bu og'zaki ijodning sof fonetik darajasi bo'lsa-da, ijro mezoniga tilning qator prozodik (intonatsiya, ritm va boshqalar), leksik va grammatik xususiyatlarini kiritish mumkin. Bizni faqat an'anaviy ravishda "talaffuz" deb nomlangan narsa qiziqtiradi; sinovdan o'tuvchining ma'noni tushunish yoki yetkazish yoki interaktiv suhbatda ishtirok etish layoqati haqida hech qanday xulosa chiqarilmaydi. Bu holatda tinglashning yagona roli bu til materialini qisqa muddatli xotirada saqlashdir. Mashg'ulotlarda takrorlash (drilling), zanjirli takrorlash (chain drilling) va almashtiriladigan jadvallar vositasida bajariladigan takrorlash (substitution drilling) oquv faoliyat turlari joriy baholashni amalga oshirishning eng maqbullari sanaladi.

Oraliq baholashda intensiv gapirish turiga murojaat etiladi. Intensiv gapirishda grammatika, leksika yoki fonetikaga oid bilimlarning nutqda qo'llanilishi (masalan, intonatsiya, urg'u, ritm, qo'shilish kabi kabi prosodik elementlar) tor doiradagi kompetentsiyasini namoyish qilish uchun mo'ljallangan og'zaki tilning qisqa qismlarini yaratish nazarda tutiladi. Bunda gapiruvchi javob berish uchun semantik xususiyatlardan xabardor bo'lishi kerak, lekin suhbatdosh yoki

test ma'muri bilan o'zaro aloqa eng yaxshi holatda minimaldir. Intensiv baholash vazifalari yo'naltirilgan javob vazifalarini (nutqni aniq ishlab chiqarish uchun so'rovlar), ovoz chiqarib o'qish, jumla va dialogni yakunlash, oddiy ketma-ketliklarni o'z ichiga olgan cheklangan rasmga oid vazifalarni va oddiy jumlalar darajasiga tarjima qilishni o'z ichiga olishi mumkin. Shuningdek, responsiv baxolash ham alohida ahamiyatga ega. Gapirish kompetensiyasining A1 darajada egallanganligini aniqlashda baholash vazifalari o'zaro ta'sir va test tushunishni o'z ichiga oladi, lekin juda qisqa suhbatlar, standart salomlashuvlar va kichik suhbatlar, oddiy so'rovlar va sharhlar va shunga o'xshashlarning cheklangan darajasida. Rag'bat deyarli har doim og'zaki so'z (haqiqiylikni saqlash uchun) bo'lib, faqat bitta yoki ikkita keyingi savol yoki javobdan iborat. Masalan, quyidagi suhbatlarni ko'rib chiqamiz:

A

T: Excuse me, do you have the time?
S: Yeah. Nine-fifteen.

B

T: Hey, Sardor, how's it going?
S: Not bad, and yourself?
T: I'm good.
S: Cool. Okay, gotta go.

Interaktiv nutq o'rtasidagi farq ba'zan bir nechta almashinuv va/yoki bir nechta ishtirokchilarni o'z ichiga olgan o'zaro ta'sirning uzunligi va murakkabligidadir. Interaksiyani ikki turga bo'lish mumkin: (a) aniq ma'lumot almashish maqsadiga ega bo'lgan tranzaksiya tili va (b) ijtimoiy munosabatlarni saqlash maqsadiga ega bo'lgan shaxslararo almashinuv. (Yuqoridagi dialogda A tranzaksiyali, B esa shaxslararo munosabatdir.) Shaxslararo almashinuvda og'zaki nutq hosil qilinishi tasodifiy registrda gapirish va so'zlashuv tili, ellipsis, jargon, hazil va boshqa sotsiolingvistik konvensiyalardan foydalanish zarurati bilan pragmatik jihatdan murakkablashishi mumkin.

Xulosa

Ekstensiv nutq odatda yakuniy baholash uchun talab etiladi. Keng qamrovli og'zaki nutq hosil qilinishida boshlang'ich sinf o'quvchilarining ingliz tilida fikr ifodalash usullarini avtomatizm darajasida egallaganliklari aniqlanadi. Bunda fikr ifodalash uchun vazifa monolog nutqlar bo'lib ular og'zaki taqdimotlar va hikoyalarni o'z ichiga oladi, bunda tinglovchilarning og'zaki muloqot qilish imkoniyati juda cheklangan (ehtimol, og'zaki bo'lmagan javoblar uchun) yoki umuman rad etiladi. Til uslubi ko'pincha munozarali (rejalashtirish ishtirok etadi) va keng qamrovli vazifalar uchun rasmiydir, lekin biz tasodifiy nutq kabi ba'zi norasmiy monologlarni istisno qila olmaymiz (masalan, oilasi yoki yoqtirgan uy hayvoni haqida eslash, ajoyib hasharot haqidagi ma'lumotlarni yetkazish, ertak yoki multfilm syujetini aytib berish).

References:

1. Davlat ta'lim standartlari: Chet tillar bo'yicha ta'limning barcha bosqichlari bitiruvchilarining tayyorgarlik darajasiga qo'yiladigan talablar. (2013). *Xalq ta'limi*, (4), 4–32.
2. Jalolov, J. J. (2013). Umumiy o'rta ta'lim maktablari uchun ingliz tili o'quv dasturi. *Xalq ta'limi*, (4), 42–72.
3. Council of Europe. (2010). *Common European framework of reference for languages: Learning, teaching, assessment*. Language Policy Unit. http://www.coe.int/dg4/linguistics/source/cefr_en.pdf
4. Biboleteva, M. Z. (2013). *Obuchenie inostrannomu yazyku v kontekste yazykovogo obrazovaniya v sovremennoy rossiyskoy shkole*. Prosveshchenie.

5. Brown, H. D., & Abeywickrama, P. (2020). *Language assessment: Principles and classroom practices*. Pearson.
6. Galskova, N. D., & Nikitenko, Z. N. (2004). *Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam. Nachalnaya shkola: Metodicheskoe posobie*. Ayriss-Press.

Peer-assisted reading programs for EFL low-proficiency learners

Azimova Maftuna Ilkhom qizi
maftunaazimova33@webster.edu
Associate Professor,
Webster University

Sardor Surmanov Egamovich[8]
sardor_surmanov@tiiame.uz
English Language Lecturer, PhD Student 'Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization Engineers', National Research University

Annotation *This paper investigates the efficacy of Peer-Assisted Reading (PAR) strategies for low-proficiency English as a Foreign Language (EFL) learners within a technical university context. Specifically targeting students from the faculties of Economics, Aerospace Technology, and Material Science at 'TIIAME' National Research University, the study proposes a collaborative pedagogical framework to enhance reading comprehension and vocabulary acquisition. According to Krashen's Affective Filter Hypothesis, negative emotions like anxiety, low motivation, or lack of confidence can block language learning. Working with peers in a structured way helps reduce these barriers by offering social support, shared responsibility, and quick help during reading, which gives students more chances to learn from meaningful input. Drawing on social interdependence theory and recent research on reading anxiety, the paper argues that structured peer interaction – combined with the use of Graded Readers and digital vocabulary tools – can mitigate the affective filter and improve engagement. Preliminary findings suggest that PAR significantly aids in bridging the proficiency gap for engineering and economics students, fostering both linguistic competence and the soft skills essential for their future professional careers.*

Keywords *Peer-assisted learning, EFL reading, collaborative strategies, low-proficiency learners, graded readers*

Ingliz tili darslarida past o'zlashtiruvchi talabalar uchun tengdoshlar ko'magida o'qish dasturlari

Azimova Maftuna Ilxom qizi
maftunaazimova33@webster.edu
O'qituvchi, Toshkentdagi Webster universiteti

Surmanov Sardor Egamovich
sardor_surmanov@tiiame.uz
Ingliz tili o'qituvchisi, Tayanch doktorant, "Toshkent irrigatsiya va qishloq xo'jaligini mexanizatsiyalash muhandislari institute", Milliy tadqiqot universiteti

[8] Surmanov S.E. — ORCID: 0000-0002-0351-5259

Annotatsiya *Chet tilini o‘rganuvchi past darajadagi talabalar uchun tengdoshlar ko‘magida o‘qish dasturlari Ushbu maqola texnika universiteti sharoitida ingliz tilini chet tili sifatida o‘rganayotgan past darajadagi talabalar uchun tengdoshlar ko‘magida o‘qish strategiyalarining samaradorligini o‘rganadi. Tadqiqot xususan, “TIQXMMI” Milliy tadqiqot universitetining Iqtisodiyot, Aerokosmik texnologiyalar va Materialshunoslik fakultetlari talabalariga qaratilgan bo‘lib, o‘qishni tushunish va so‘z boyligini oshirish uchun hamkorlikdagi pedagogik tizimni taklif etadi. Krashenning Affektiv Filtr Gipotezasiga ko‘ra, xavotir, past motivatsiya yoki ishonchsizlik kabi salbiy his-tuyg‘ular til o‘rganishga to‘sqinlik qilishi mumkin. Tengdoshlar bilan tizimli ravishda ishlash ijtimoiy qo‘llab-quvvatlash, umumiy mas'uliyat va o‘qish paytida tezkor yordam berish orqali bu to‘siqlarni kamaytirishga yordam beradi, bu esa o‘quvchilarga mazmunli ma'lumotlardan ko‘proq o‘rganish imkoniyatini beradi. Ijtimoiy o‘zaro bog‘liqlik nazariyasi va o‘qishdagi xavotir bo‘yicha so‘nggi tadqiqotlarga asoslanib, maqolada darajalangan o‘quv qo‘llanmalari va raqamli lug‘at vositalaridan foydalangan holda tashkil etilgan tuzilmaviy tengdoshlar o‘zaro ta’siri affektiv to‘siqlarni kamaytirishi va mashg‘ulotlarga qiziqishni oshirishi ta’kidlanadi. Dastlabki natijalar shuni ko‘rsatadiki, tengdoshlar ko‘magida o‘qish dasturlari muhandislik va iqtisodiyot yo‘nalishi talabalari uchun bilim darajasidagi bo‘shliqni to‘ldirishda muhim ahamiyat kasb etib, ularning kelajakdagi kasbiy faoliyati uchun zarur bo‘lgan ham til, ham yumshoq ko‘nikmalarni rivojlantiradi.*

Kalit so‘zlar *Tengdoshlar yordamida o‘qitish, o‘qish, hamkorlik strategiyalari, past darajadagi o‘quvchilar, darajalangan o‘quv qo‘llanmalari*

Программы чтения с помощью сверстников для студентов с низким уровнем владения английским языком

Азимова Мафтуна Ильхом кизи
maftunaazimova33@webster.edu
Преподаватель,
Университет Вебстер

Сурманов Сардор Эгамович
sardor_surmanov@tiiame.uz
Преподаватель английского языка,
Докторант,
"Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства", Национальный исследовательский университет

Аннотация *Программы чтения с помощью сверстников для студентов с низким уровнем владения английским языком. В данной статье исследуется эффективность стратегий чтения с помощью сверстников для студентов с низким уровнем владения английским языком как иностранным в контексте технического университета. Исследование, ориентированное на студентов факультетов экономики, аэрокосмических технологий и материаловедения НИУ «ТИИИМСХ», предлагает совместную*

педагогическую структуру для улучшения понимания прочитанного и расширения словарного запаса. Согласно гипотезе аффективного фильтра Крашена, негативные эмоции, такие как тревога, низкая мотивация или неуверенность в себе, могут препятствовать изучению языка. Работа со сверстниками в структурированном формате помогает снизить эти барьеры, предлагая социальную поддержку, разделение ответственности и быструю помощь во время чтения, что дает учащимся больше возможностей учиться на основе осмысленной информации. Опираясь на теорию социальной взаимозависимости и последние исследования тревожности при чтении, в статье утверждается, что структурированное взаимодействие сверстников – в сочетании с использованием адаптированных книг и цифровых словарных инструментов – может снизить аффективный фильтр и повысить вовлеченность. Предварительные выводы показывают, что значительно помогает преодолеть разрыв в уровне владения языком у студентов инженерных и экономических специальностей, способствуя развитию как языковой компетенции, так и гибких навыков, необходимых для их будущей профессиональной карьеры.

Ключевые слова *Обучение при помощи сверстников, чтение, стратегии сотрудничества, учащиеся с низким уровнем подготовки, адаптированная литература*

Introduction

As global engineering and economics continue to change, English skills are essential for academic and career success. At 'TIIAME' NRU, students must read complex technical texts early in their studies. Many, however, start with low English proficiency (CEFR A1-A2), which makes reading academic materials on their own stressful and frustrating. This paper looks at the teaching needs of undergraduates from three faculties at "TIIAME" NRU: Economics (14 students), Aerospace Technology and Sustainable Development (10 students), and Material Science and Technology of New Materials (10 students). These fields require strong reading skills to access international standards, reports, and manuals. Traditional teacher-centered methods often do not engage students with low English skills, which can make them passive in class. To help with this issue, we suggest using Peer-Assisted Reading (PAR) programs. PAR encourages students to work together instead of struggling alone. Recent research shows that choosing the right reading strategies and using code-switching can help students understand better in multilingual classrooms (Azimova & Surmanov, 2025). By combining these ideas with proven collaborative learning methods, this paper presents a framework to lower reading anxiety and improve vocabulary through peer support.

Theoretical framework and Literature

Review Social Interdependence and Peer Learning Peer-Assisted Learning (PAL) is based on Social Interdependence Theory, which says that when group members rely on each other, they interact in ways that help everyone learn (Johnson & Johnson, 2009). In EFL classrooms, students who work together to understand a text use "exploratory talk" to build understanding that they could not reach alone. This idea matches Vygotsky's Zone of Proximal Development (ZPD), where a peer helps another student move from their

current skill level to a higher one (Vygotsky, 1978).

Reading anxiety is different from general language anxiety (Saito et al., 1999). For engineering and science students, it often gets worse because of technical words and complex sentences. Studies show that high anxiety can block learning (Solati, 2024). Collaborative Strategic Reading (CSR) helps reduce this anxiety by sharing the work among group members, making reading feel less overwhelming (Zoghi et al., 2010).

For students with low English skills, real technical texts are often too hard. Graded Readers, which use simpler words and structures, are very important. Studies show that Graded Readers give students the "comprehensible input" (i+1) they need to build fluency and confidence before moving on to harder texts (Horst, 2005; Waring & Takaki, 2003). Research at TIIAME NRU also found that Graded Readers help improve reading skills, even for students in fields like law, which also requires precise terms (Surmanov, 2024).

A balanced reading approach is important. Extensive reading, which means reading a lot of easy texts, helps build fluency. Intensive reading, which means closely studying short texts, helps build accuracy (Grabe & Stoller, 2011). Egamovich (2022) says both methods work well together, but for students with low English skills, starting with extensive reading and peer support can be more motivating.

Learning new words is a big challenge for students with low English skills. Memorizing lists usually does not help them remember words for long (Nation, 2013). Newer methods suggest using digital tools like Anki, which use spaced repetition to help students remember better (Egamovich, 2025). When these tools are used in a peer-assisted reading group, students can quiz each other on vocabulary, which helps them remember through social practice.

Methodology

This Participatory Action Research (PAR) intervention was designed to meet the language needs of first-year students at "TIIAME" National Research University. The study included 34 students with low English proficiency, identified through entry-level tests. They came from the Faculty of Economics (14 students), Aerospace Technology and Sustainable Development (10 students), and Material Science and Technology of New Materials (10 students). To make learning relevant, each group used materials related to their field. Economics students read about market principles, while technical students worked with simplified texts on physics and sustainability. Anki software was used to help students manage and remember new vocabulary (Egamovich, 2025).

The main teaching approach was Reciprocal Teaching, a collaborative method that helps students support each other's learning (Klingner & Vaughn, 1996). Students were paired to balance different language strengths, such as vocabulary and grammar, to support peer learning. Each pair followed a set process: predicting, questioning, clarifying, and summarizing the technical texts. Because Uzbekistan is multilingual, students were allowed to use Uzbek or Russian during the clarification step to help explain difficult ideas (Azimova & Surmanov, 2025). This approach helped fill in gaps in understanding without losing sight of the academic goals. At the end of each cycle, pairs used their own Anki decks to quiz each other and reinforce the new technical vocabulary they had learned.

Discussion of Implications Using Participatory Action Research (PAR) strategies helps reduce the high levels of foreign language anxiety that engineering students often feel when reading technical English texts (Saito et al., 1999). When students work in pairs, the focus moves from individual performance to group problem-solving, which lowers the fear of making mistakes in front of others. This group approach creates a supportive environment where students feel comfortable trying out complex language and asking questions they might avoid in a traditional

classroom. As a result, working together not only builds social connections but also gives students the confidence to take more risks and engage with difficult material.

Teaching reading strategies in a peer-led setting helps students move from passively receiving information to actively thinking about what they read. This approach supports Surmanov's (2025) view that good academic reading depends on an active relationship between the reader and the text. When students use strategies like predicting and questioning in groups, they are encouraged to share their thinking out loud.

A key part of this process is the "protégé effect," where teaching or explaining a concept to a peer leads to deeper understanding. When students take on the role of teacher, they have to organize their thoughts clearly and notice any gaps in their knowledge, which helps them learn better (Johnson & Johnson, 2009). This back-and-forth ensures that understanding comes from working together, not just from reading alone.

Adding digital tools like Anki to the reading curriculum helps students learn new vocabulary more effectively. Egamovich (2025) points out that remembering words well depends on regular and organized review, which can be hard to do alone. Anki's spaced-repetition system gives students the structure they need to remember vocabulary for the long term.

In the PAR approach, working with others helps students stay motivated and avoid dropping out of self-study. They are responsible to their partners for learning the shared Anki decks. This shared responsibility turns a usually solo task into a group effort, making sure students keep up with the regular review needed to remember technical vocabulary.

Students in Aerospace and Material Science need strong skills to understand technical documents, which are essential for their future careers. However, there is often a gap between general English skills and the specific language needed for their fields. Graded Readers help bridge this gap by making it easier for students to move into academic language (Surmanov, 2024).

Using simplified texts on topics like "The History of Flight" or "Properties of Metals" helps students gradually build the vocabulary they need for their major subjects. This step-by-step approach keeps students from feeling overwhelmed by separating tough concepts from complicated language. In the end, it prepares them to read real engineering texts without facing a difficult starting point.

Conclusion

Peer-Assisted Reading (PAR) programs at "TIIAME" NRU offer a practical way to address the challenges faced by low-proficiency EFL learners in technical and economic fields. By combining collaborative learning with materials like Graded Readers and digital vocabulary tools, teachers can create a strong learning environment. This method helps students develop both general and technical English skills and builds a supportive atmosphere that boosts their academic confidence. In the end, these strategies give students the tools they need to handle the demands of their future professions.

For students in Economics, Aerospace, and Material Science, the Peer-Assisted Reading (PAR) approach does two things: it helps them improve their reading skills and also shows them how to work together, just like they will in their future jobs. Through organized peer activities, students practice the teamwork and communication they will need in their careers.

We suggest that language teachers at "TIIAME" NRU move away from traditional lectures and instead use interactive, student-focused methods. This change better supports both the emotional and learning needs of students compared to older teaching styles.

Future research should look at these methods over a longer period. It is important to find out how PAR and scaffolded materials affect students' ability to understand real,

complex technical texts in their fields. This kind of research would show whether Graded Readers and peer-assisted strategies have lasting benefits.

References:

1. Azimova, M., & Surmanov, S. (2025). The purposes and pragmalinguistic features of code-switching in Uzbek and English languages. *Scientific and Technical Journal "Sustainable Agriculture", 26*(2), 76–78.
2. Egamovich, S. S. (2022). Comparison of intensive and extensive reading and their role in language acquisition. *Journal of New Century Innovations, 11*(2), 173–181.
3. Egamovich, S. S. (2025). Enhancing and optimizing vocabulary retention: A self-study approach using Anki. In *Prospects of Teaching English for Professional Purposes in Non-Philological Higher Education Institutions: Problems and Solutions*.
4. Grabe, W., & Stoller, F. L. (2011). *Teaching and researching reading* (2nd ed.). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315833743
5. Horst, M. (2005). Learning L2 vocabulary through extensive reading: A measurement study. *The Canadian Modern Language Review, 61(3), 355–382.* https://doi.org/10.3138/cmlr.61.3.355
6. Johnson, D. W., & Johnson, R. T. (2009). An educational psychology success story: Social interdependence theory and cooperative learning. *Educational Researcher, 38(5), 365–379.* https://doi.org/10.3102/0013189X09339057
7. Klingner, J. K., & Vaughn, S. (1996). Reciprocal teaching of reading comprehension strategies for students with learning disabilities who use English as a second language. *The Elementary School Journal, 96*(3), 275–298. https://doi.org/10.1086/461828
8. Nation, I. S. P. (2013). *Learning vocabulary in another language* (2nd ed.). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139856328
9. Saito, Y., Garza, T. J., & Horwitz, E. K. (1999). Foreign language reading anxiety. *The Modern Language Journal, 83*(2), 202–218. https://doi.org/10.1111/0026-7902.00016
10. Solati, Z. (2024). The impact of reading anxiety on reading comprehension among Iranian EFL learners. *Journal of Language and Education, 10*(1). https://doi.org/10.17323/jle.2024.13892
11. Surmanov, S. (2024). A comparative analysis of reading skill development through graded readers. *Scientific and Technical Journal "Sustainable Agriculture", 22*(2), 92–94.
12. Surmanov, S. (2025). A comparative study of reading strategies for academic success in ESL undergraduates. *Scientific and Technical Journal "Sustainable Agriculture", 25*(1), 95–99.
13. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Harvard University Press.
14. Waring, R., & Takaki, M. (2003). At what rate do learners learn and retain new vocabulary from reading a graded reader? *Reading in a Foreign Language, 15*(2), 130–163.
15. Zoghi, M., Mustapha, R., & Rizan, T. N. M. (2010). Collaborative strategic reading with university EFL learners. *Journal of College Reading and Learning, 41*(1), 67–94. https://doi.org/10.1080/10790195.2010.10850336

The Methodological System for Developing Independent Learning Skills in Future English Language Teachers

Urinboeva Khayotkhon Makhamadinovna
khaetkhon.makhamadinovna@mail.ru
Senior teacher,
Uzbek State World Languages University

Annotation *This article deals with the issues based on analyzing the comprehensive theoretical and methodological framework for developing independent learning skills in future English language teachers within modern higher education. Independent learning competence is viewed as a core component of professional teacher preparation, directly influencing pedagogical autonomy, reflective capacity, and lifelong learning potential. The study identifies and conceptualizes the structural components of independent learning skills – motivational, content-based, operational, and reflective – and analyzes their interdependence within a systematic methodological model. The proposed system is grounded in learner-centered and competence-based educational paradigms and emphasizes the role of intrinsic motivation, conscious selection of learning strategies, self-monitoring, and critical self-reflection. Particular attention is paid to pedagogical conditions that foster students' responsibility for their own learning outcomes and enhance their metacognitive awareness. A comparative analysis of international educational practices provides additional support for the model's effectiveness. Drawing insights from global approaches to self-directed and autonomous learning, the research outlines mechanisms for adapting innovative strategies to national teacher education contexts. The findings demonstrate that the systematic implementation of the methodological model significantly contributes to the development of professional autonomy, self-regulation, and reflective thinking skills among future English language teachers. The article also offers practical recommendations for curriculum designers and educators seeking to integrate structured independent learning frameworks into teacher preparation programs.*

Keywords *Independent learning, modern educational environment, professional autonomy, metacognitive competence, reflective practice, self-regulated learning, pedagogical innovation, higher education system*

Bo‘lajak ingliz tili o‘qituvchilarida mustaqil ta’lim ko‘nikmalarini rivojlantirishning metodik tizimi

O‘rinboyeva Xayotxon Maxamadinovna
khaetkhon.makhamadinovna@mail.ru
Katta o‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada bo‘lajak ingliz tili o‘qituvchilarida mustaqil ta’lim ko‘nikmalarini rivojlantirishning metodik tizimi kompleks pedagogik yondashuv asosida ilmiy-nazariy va amaliy jihatdan asoslab beriladi. Zamonaviy oliy ta’lim muassasalarida bo‘lajak pedagoglarning kasbiy shakllanishi ularning mustaqil o‘rganish, o‘zini o‘zi boshqarish va reflektiv tahlil qilish qobiliyati bilan bevosita bog‘liqdir. Tadqiqot doirasida mustaqil ta’lim ko‘nikmalarining tarkibiy tuzilmasi aniqlanib, motivatsion, mazmuniy, operatsion va reflektiv komponentlarning o‘zaro aloqadorligi yoritiladi.*

Metodik tizim talabalarning ichki rag'batini kuchaytirish, o'quv strategiyalarini ongli ravishda tanlash, natijalarni monitoring qilish hamda o'z faoliyatiga tanqidiy yondashishni rivojlantirishga qaratilgan. Shuningdek, xorijiy ta'lim tajribalari tahlili asosida mustaqil ta'limni tashkil etishning samarali mexanizmlari aniqlanadi va ularning milliy pedagogik tizimga integratsiyasi imkoniyatlari ko'rib chiqiladi. Tadqiqot natijalari bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarining kasbiy avtonomiyasi, metakognitiv kompetensiyasi va pedagogik refleksiyasini shakllantirish jarayonini takomillashtirishga xizmat qiladi hamda metodik modelni amaliyotga joriy etish bo'yicha aniq tavsiyalar ishlab chiqiladi. Bundan tashqari, taklif etilgan metodik tizim zamonaviy raqamli ta'lim platformalari bilan integratsiya qilinishi, talabalarning individual o'quv trayektoriyasini shakllantirish hamda uzluksiz kasbiy rivojlanishni qo'llab-quvvatlash imkoniyatlariga ega ekanligi asoslab beriladi.

Kalit so'zlar *Mustaqil ta'lim, zamonaviy ta'lim muhiti, kasbiy avtonomiya, metakognitiv kompetensiya, reflektiv amaliyot, self-regulated learning, pedagogik innovatsiya, oliy ta'lim tizimi*

Методическая система развития навыков самостоятельного обучения у будущих преподавателей английского языка

Уринбоева Хаётхон Махамадиновна
khaetkhon.makhamadinovna@mail.ru
Старший преподаватель,
Узбекского государственного
университета мировых языков

Аннотация *В статье представлена научно обоснованная методическая система развития навыков самостоятельного обучения у будущих преподавателей английского языка. В условиях модернизации высшего образования самостоятельная учебная деятельность рассматривается как ключевой компонент профессиональной подготовки педагога. Исследование направлено на выявление структурных компонентов самостоятельного обучения – мотивационного, содержательного, операционального и рефлексивного – а также их взаимосвязи в рамках целостной методической модели. Предлагаемая система основывается на личностно-ориентированном и компетентностном подходах и предполагает формирование внутренней мотивации, осознанный выбор учебных стратегий, развитие навыков самоконтроля и критической рефлексии. Особое внимание уделяется педагогическим условиям, обеспечивающим формирование ответственности студентов за собственные результаты обучения и развитие их метакогнитивной осознанности. На основе анализа зарубежного опыта выявлены эффективные механизмы организации самостоятельного обучения, которые могут быть адаптированы к национальной системе подготовки педагогических кадров. Результаты исследования подтверждают, что системная реализация методической модели способствует развитию профессиональной автономии, навыков саморегуляции и рефлексивного мышления будущих учителей английского*

языка. В статье также сформулированы практические рекомендации по внедрению разработанной системы в образовательный процесс.

Ключевые слова *Самостоятельное обучение, современная образовательная среда, профессиональная автономия, метакогнитивная компетентность, рефлексивная практика, саморегулируемое обучение, педагогическая инновация, система высшего образования*

Kirish

XXI asr ta'lim tizimi global integratsiya, raqamli transformatsiya va kompetensiyaviy yondashuvlar bilan tavsiflanadi. Oliy ta'lim muassasalarida kadrlar tayyorlash jarayoni endilikda faqat nazariy bilimlarni egallash bilan cheklanib qolmay, balki talabalarning mustaqil o'rganish, o'zini o'zi boshqarish hamda kasbiy refleksiya ko'nikmalarini shakllantirishni ham taqozo etmoqda. Ayniqsa, bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarining professional tayyorgarligi ularning akademik avtonomiyasi va mustaqil ta'lim kompetensiyasi bilan bevosita bog'liqdir.

Zamonaviy pedagog o'z faoliyatida doimiy o'rganish, yangi metod va texnologiyalarni mustaqil ravishda o'zlashtirish hamda o'z pedagogik tajribasini tahlil qilish qobiliyatiga ega bo'lishi zarur. Shunday ekan, o'qituvchilarni tayyorlash jarayonida mustaqil ta'lim ko'nikmalarini shakllantirish markaziy vazifalardan biri sifatida namoyon bo'ladi. Mustaqil ta'lim nafaqat individual o'quv faoliyati shakli, balki shaxsning intellektual va kasbiy rivojlanish mexanizmi sifatida qaraladi.

Mustaqil ta'lim ko'nikmalari o'z ichiga quyidagi elementlarni oladi: o'quv maqsadini belgilash, rejalashtirish, ta'lim strategiyalarini ongli tanlash, o'z faoliyatini nazorat qilish, natijalarni baholash va reflektiv tahlil qilish. Bu jarayonlar metakognitiv ong, ichki motivatsiya va mas'uliyatni talab etadi. Bo'lajak ingliz tili o'qituvchisi kelajakda o'quvchilarini mustaqil o'rganishga yo'naltirishi uchun avvalo o'zi mustaqil ta'lim madaniyatiga ega bo'lishi lozim.

Mamlakatimizda ta'limni modernizatsiya qilish, xalqaro standartlarga moslashtirish va raqobatbardosh pedagog kadrlarni tayyorlash ustuvor yo'nalish sifatida e'tirof etilgan. Bu jarayonda mustaqil ta'limning metodik asoslarini ishlab chiqish dolzarb ilmiy muammo sifatida yuzaga chiqmoqda. Amaliyot shuni ko'rsatadiki, mustaqil ta'lim ko'pincha topshiriq berish bilan cheklanib qoladi, biroq uning bosqichma-bosqich tashkil etilishi, monitoringi va reflektiv mexanizmlari yetarlicha tizimlashtirilmagan.

Shu sababli, mustaqil ta'limni rivojlantirish uchun ilmiy asoslangan metodik tizimni ishlab chiqish zarur. Tizimli yondashuv mustaqil ta'limni tasodifiy faoliyatdan maqsadli, boshqariladigan pedagogik jarayonga aylantiradi. Taklif etilayotgan metodik tizim motivatsion, mazmuniy, operatsion va reflektiv komponentlarning o'zaro integratsiyasiga asoslanadi. Ushbu komponentlar shaxsga yo'naltirilgan, kompetensiyaviy va reflektiv yondashuvlarning uyg'unligini ta'minlaydi.

Xorijiy tajriba shuni ko'rsatadiki, rivojlangan davlatlarda o'qituvchilarni tayyorlash jarayonida mustaqil ta'limga alohida e'tibor qaratiladi. Reflektiv kundaliklar, portfolio, loyiha asosida o'qitish, blended learning muhitlari orqali talabalar o'z o'quv faoliyatini rejalashtirish va baholashga o'rgatiladi. Ushbu tajribalarni o'rganish va milliy pedagogik tizimga moslashtirish ilmiy-amaliy ahamiyat kasb etadi.

Mazkur maqolaning maqsadi – bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantirishning metodik tizimini nazariy va amaliy jihatdan asoslash

hamda uning tarkibiy komponentlarini aniqlashdir. Tadqiqotning vazifalari quyidagilardan iborat: mustaqil ta'lim kompetensiyasining tuzilmasini aniqlash, samarali pedagogik shart-sharoitlarni belgilash, xorijiy tajribalarni tahlil qilish va metodik modelni ishlab chiqish.

Shunday qilib, mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantirish masalasi bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarining kasbiy avtonomiyasi va pedagogik mahoratini shakllantirishda strategik ahamiyatga ega. Ilmiy asoslangan metodik tizim esa ushbu jarayonni samarali tashkil etishga xizmat qiladi.

Adabiyotlar tahlili

Mustaqil ta'lim masalasi pedagogika, psixologiya va lingvodidaktika fanlari kesishmasida keng tadqiq etilgan. Mazkur tushuncha avvalo o'quvchining o'z ta'lim jarayoni uchun mas'uliyatni o'z zimmasiga olishi, mustaqil maqsad qo'yishi, strategiyalarni ongli ravishda tanlashi va natijalarni reflektiv tahlil qilishi bilan tavsiflanadi.

Mustaqil ta'lim konsepsiyasi dastlab andragogika doirasida shakllangan. Knowles (1975) o'zining o'zini o'zi boshqariladigan ta'lim (self-directed learning) nazariyasida yetuk shaxsning asosiy belgisi sifatida mustaqil o'rganish qobiliyatini ta'kidlaydi. Unga ko'ra, o'quvchi tashqi nazoratga kamroq bog'lanadi va o'z o'quv ehtiyojlarini mustaqil aniqlay oladi.

Til o'rganish kontekstida Holec (1981) "learner autonomy" tushunchasini joriy etib, avtonomiyani o'quvchining ta'lim jarayoni ustidan nazorat qilish qobiliyati sifatida izohlaydi. Uning nazariyasiga ko'ra, mustaqillik faqat topshiriqni yakka bajarish emas, balki maqsad, mazmun va baholash mezonlarini ham ongli ravishda tanlashni o'z ichiga oladi.

Little (1991) avtonomiyani rivojlantirishda refleksiyaning hal qiluvchi rolini ta'kidlaydi. U o'quvchi o'z faoliyatini muntazam ravishda tahlil qilmasa, mustaqil ta'lim mexanik tus olish xavfi mavjudligini ko'rsatadi. Demak, mustaqillik reflektiv ong bilan chambarchas bog'liq.

Mustaqil ta'limning psixologik mexanizmlarini Zimmerman (2002) self-regulated learning modeli asosida tushuntiradi. U o'quv jarayonini uch bosqichga ajratadi:

1. Rejalashtirish (forethought phase)
2. Amalga oshirish (performance phase)
3. Refleksiya (self-reflection phase)

Bu bosqichlar siklik xarakterga ega bo'lib, o'quvchi har bir faoliyatdan so'ng o'z strategiyalarini qayta ko'rib chiqadi. Ushbu model mustaqil ta'limni faqat tashkiliy faoliyat emas, balki murakkab psixologik jarayon sifatida talqin qiladi.

Deci va Ryan (2000) ning o'zini o'zi belgilash nazariyasi (Self-Determination Theory) mustaqil ta'limni ichki motivatsiya bilan bog'laydi. Ular uch asosiy ehtiyojni ajratadi: avtonomiya, kompetentlik va ijtimoiy aloqadorlik. Agar ta'lim muhiti bu ehtiyojlarni qondirsa, o'quvchi mustaqil ravishda yuqori natijalarga erishadi.

Zamonaviy pedagogik paradigmalarda mustaqil ta'lim kompetensiyaviy yondashuvning tarkibiy qismi sifatida qaraladi. OECD (2018) hisobotlarida XXI asr kompetensiyalari orasida mustaqil o'rganish, moslashuvchanlik va muammoli vaziyatlarni hal qilish ustuvor yo'nalish sifatida belgilangan.

Hattie (2009) ning meta-tahlillari shuni ko'rsatadiki, o'quvchining o'z faoliyatini monitoring qilishi va reflektiv baholashi yuqori samaradorlik ko'rsatkichlariga olib keladi. Bu esa mustaqil ta'limni tizimli shakllantirish zarurligini isbotlaydi.

Til ta'limi sohasida Benson (2011) avtonomiyani rivojlantirish metodlarini amaliy jihatdan asoslab beradi. U til o'rganish jarayonida mustaqil izlanish, autentik materiallar bilan ishlash va strategik kompetensiyalarni rivojlantirishni muhim omillar sifatida ko'rsatadi.

Bo'lajak ingliz tili o'qituvchilari uchun mustaqil ta'lim ikki qatlamli xarakterga ega:

- o'z til kompetensiyasini rivojlantirish,
- kelajakda o'quvchilarda mustaqillikni shakllantirish.

Demak, ular mustaqil ta'limni nafaqat shaxsiy rivojlanish vositasi, balki kasbiy vosita sifatida ham egallashlari zarur.

Finlyandiya ta'lim tizimida talabalarning reflektiv faoliyati va loyiha asosida ta'lim mustaqillikni rivojlantirishda asosiy vosita hisoblanadi. Buyuk Britaniyada portfolio va personal learning plans orqali individual o'quv trayektoriyasi ishlab chiqiladi. Janubiy Koreyada blended learning va self-access centers orqali mustaqil ta'limni qo'llab-quvvatlash tizimi yaratilgan.

Adabiyotlar tahlili shuni ko'rsatadiki:

- Mustaqil ta'lim nazariy jihatdan keng o'rganilgan.
- Self-regulated learning mexanizmlari aniqlangan.
- Avtonomiya modeli ishlab chiqilgan.

Biroq, bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarini tayyorlash jarayonida mustaqil ta'limni rivojlantirishning kompleks metodik tizimi yetarli darajada integrativ model sifatida ishlab chiqilmagan.

Shu bois tadqiqotimiz mustaqil ta'lim ko'nikmalarini motivatsion, mazmuniy, operatsion va reflektiv komponentlar asosida yagona metodik tizimga birlashtirishni taklif etadi.

Bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantirish masalasi zamonaviy pedagogik tadqiqotlarning markaziy yo'nalishlaridan biri bo'lib, u ta'lim psixologiyasi, til didaktikasi, kompetensiyaviy yondashuv hamda raqamli pedagogika kesishmasida izohlanadi. Adabiyotlar tahlili shuni ko'rsatadiki, mustaqil ta'lim "yakka tartibda topshiriq bajarish" darajasidagi tor talqindan chiqib, shaxsning o'quv faoliyatini **rejalashtirish–boshqarish–monitoring–baholash–refleksiya** sikli orqali tashkil etish qobiliyati sifatida qaralmoqda. Ushbu bo'limda ilmiy qarashlar besh asosiy yo'nalishda tahlil qilinadi: (1) mustaqil ta'lim (SDL) va o'zini-o'zi boshqariladigan o'qish (SRL) nazariyalari; (2) til o'rganishda avtonomiya va strategik kompetensiya; (3) motivatsiya va ijtimoiy-kognitiv mexanizmlar; (4) reflektiv amaliyot va professional o'sish; (5) baholash, feedback va raqamli muhit sharoitida mustaqillikni qo'llab-quvvatlash.

Mustaqil ta'lim konsepsiyasi, avvalo, andragogika va hayot davomida o'qish paradigmasi bilan bog'liq. Knowles (1975) SDLni shaxsning o'quv ehtiyojini aniqlashi, maqsad belgilashi, resurslarni tanlashi, strategiyalarni qo'llashi va natijani baholashi orqali o'z o'qishini boshqarish jarayoni sifatida ko'rsatadi. Bu yondashuv bo'lajak o'qituvchining kasbiy hayotida uzluksiz o'rganish zarurati bilan uyg'un: o'qituvchi muntazam metodik yangiliklarni o'zlashtirishi, o'z darsini tahlil qilishi va o'z ustida ishlashi lozim.

SDL masalasini kengroq tizimli ko'rgan olimlardan Candy (1991) mustaqil ta'limni shaxsning umumiy o'quv madaniyati (attitudes, dispositions) hamda konkret o'quv vazifalarini mustaqil hal qilish qobiliyati sifatida ikki qatlamda izohlaydi. Garrison (1997) esa SDL modelini uch element orqali tushuntiradi: **self-management** (o'quv faoliyatini tashkil etish), **self-monitoring** (kognitiv jarayonni kuzatish) va **motivation** (ichki rag'bat). Ushbu uchlik bo'lajak ingliz tili o'qituvchisining mustaqil o'qish ko'nikmalarini shakllantirishda metodik tizimning "tayanch" karkasini beradi.

Shuni ham ta'kidlash kerakki, SDL ko'pincha "avtonomiya" bilan sinonimdek qo'llansa-da, adabiyotlarda farqlash mavjud: SDL ko'proq **o'quv jarayonini boshqarish**ga urg'u bersa, avtonomiya til o'rganishda **maqsad va mazmun ustidan nazorat**ga ham tegishli.

SRL yo'nalishi mustaqil ta'limning psixologik mexanizmlarini chuqurroq ochib beradi. Zimmerman (2002) SRLni rejalashtirish–amalga oshirish–refleksiya sikli sifatida ko'rsatadi. Muhim jihat shundaki, SRLda o'quvchi o'z faoliyatini nafaqat tashkiliy jihatdan, balki **kognitiv va metakognitiv** darajada ham boshqaradi: "men qanday o'rganayapman?", "qaysi strategiya ishlayapti?", "nima sabab natija chiqmayapti?" kabi savollar SRLning yuragi hisoblanadi.

Winne va Hadwin (1998) SRLni ma'lumotni qayta ishlash va nazorat mexanizmlari asosida izohlaydi: o'quvchi maqsadni belgilaydi, strategiyani tanlaydi, natijani "standart" bilan taqqoslaydi va zarur bo'lsa strategiyani o'zgartiradi. Bu model mustaqil ta'lim ko'nikmalarining operatsion qismiga (strategiya tanlash, vaqtni boshqarish, resurslardan foydalanish) ilmiy asos beradi.

Til ta'limi kontekstida metakognitiv strategiyalar alohida ahamiyatga ega. Wenden (1991) va Oxford (1990) o'quv strategiyalarini tasniflab, metakognitiv strategiyalar (rejalash, monitoring, baholash) aynan mustaqillikni kuchaytirishini ko'rsatadi. Demak, bo'lajak ingliz tili o'qituvchisida mustaqil ta'lim ko'nikmasini rivojlantirish uchun strategiyalar bo'yicha ongli trening zarur.

Til o'qitish metodikasida avtonomiya masalasi Holec (1981) bilan konseptual asosga ega bo'ldi: avtonomiya – o'quvchining o'z o'qishiga mas'uliyatni olishi. Little (1991) avtonomiya refleksiya va "o'z tajribasini tushuntirib bera olish" qobiliyati bilan mustahkamlanishini ta'kidlaydi. Benson (2011) avtonomiyani o'rgatish va tadqiq etish bo'yicha metodik yo'llarni batafsil yoritib, avtonomiya sinf ichida ham, sinfdan tashqarida ham rivojlanishini ko'rsatadi.

Littlewood (1996) avtonomiyani "ability" va "willingness" (qobiliyat va tayyorlik) birligi sifatida izohlaydi: o'quvchi mustaqil bo'lishni xohlashi ham, bunga qodir bo'lishi ham kerak. Bu bo'lajak o'qituvchi uchun ayniqsa muhim: u nafaqat mustaqil o'qiydi, balki mustaqil o'qishni **dars dizayni** orqali boshqalarga ham o'rgatadi.

Bundan tashqari, Dam (1995) avtonom o'rganish amaliyotini sinfdagi "o'quvchi ovozi" (learner voice) va reflektiv muhit bilan bog'laydi. Bu yondashuv bo'lajak o'qituvchilarga mustaqil ta'limning "faol va hamkorlikka asoslangan" modelini ko'rsatadi: mustaqillik individual ajralish emas, balki **ongli tanlov va mas'uliyat**dir.

Mustaqil ta'lim ko'nikmalari faqat "texnika" emas; uning asosi – motivatsiya. Deci va Ryan (2000) Self-Determination Theory doirasida avtonomiya, kompetentlik va aloqadorlik ehtiyojlari qondirilganda ichki motivatsiya kuchayishini ko'rsatadi. Bo'lajak o'qituvchilar uchun bu ayniqsa dolzarb: mustaqil o'qish topshiriqlari "jazoga o'xshab" ko'rinsa, motivatsiya pasayadi; aksincha, maqsad aniq, vazifa mazmunli va natija ko'rinadigan bo'lsa, mustaqillik tabiiy rivojlanadi.

Bandura (1997)ning self-efficacy (o'ziga ishonch) konsepsiyasi mustaqil ta'limga kuchli ta'sir qiladi: o'quvchi "men buni qila olaman" deb his qilsa, vazifani boshqaradi; aks holda qochadi yoki kechiktiradi. Schunk va Zimmerman (2008) o'qitish jarayonida self-efficacyni oshirish mexanizmlarini (model ko'rsatish, kichik g'alabalar, feedback) mustaqil o'qish bilan bog'laydi.

Til o'rganish motivatsiyasida Dörnyei (2005; 2009) L2 Motivational Self System orqali "ideal L2 self" obrazining rolini ko'rsatadi: kelajakdagi "o'zim" tasviri kuchli bo'lsa, o'quvchi mustaqil ishlaydi. Bu bo'lajak ingliz tili o'qituvchilari uchun muhim: "professional teacher self" (kelajakdagi o'qituvchi obrazi) mustaqil ta'limni ichki ehtiyojga aylantiradi.

Mustaqil ta'lim ko'nikmalarining barqaror rivojlanishi refleksiya bilan ta'minlanadi. Schön (1983) refleksiyani professional amaliyotning yuragi deb ataydi: "reflection-in-action" va "reflection-on-action". O'qituvchi o'z darsida real vaqt rejimida qaror qabul qiladi va darsdan keyin tahlil qiladi – bu reflektiv sikl mustaqil ta'lim madaniyatini yaratadi.

Kolb (1984) tajribaviy o'rganish siklida (experience–reflection–conceptualization–experiment) refleksiyani markazga qo'yadi. Bu yondashuv bo'lajak o'qituvchilarni "faqat o'qib" emas, balki tajriba qilib, tahlil qilib, qayta sinab o'rganishga undaydi. Gibbs (1988) reflektiv sikli esa (tasvir–his–baholash–tahlil–xulosa–reja) refleksiya kundaliklari uchun aniq metodik "shablon" beradi.

Demak, mustaqil ta'lim tizimi tarkibida reflektiv jurnal, portfoliolar, o'zini baholash varaqalari kabi vositalar nazariy jihatdan asoslangan bo'lishi kerak.

Mustaqil ta'limning samaradorligi baholash mexanizmlariga bog'liq. Black va Wiliam (1998) formative assessmentning o'qish natijalarini oshirishdagi rolini ko'rsatib, baholash "yakun" emas, "o'rganishning o'zi" ekanini asoslaydi. Nicol va Macfarlane-Dick (2006) feedbackni o'quvchining self-regulationini kuchaytiradigan tizim sifatida ko'rib, sifatli feedback mezonlarini (aniq maqsad, taqqoslash standartlari, o'zini baholashga yo'naltirish) belgilaydi.

Zamonaviy oliy ta'limda mustaqil ta'lim ko'pincha raqamli platformalar orqali tashkil etiladi. Bu jarayon self-access resurslar, blended learning va onlayn feedback vositalari bilan kuchayadi. Biroq adabiyotlarda "digital overload", chalg'ish, akademik halollik, yuzaki o'rganish kabi risklar ham tilga olinadi. Shuning uchun metodik tizim "resurs berish" bilangina cheklanmay, o'quvchini **strategiya** va **o'zini boshqarish**ga o'rgatishi lozim.

Adabiyotlar tahlili ko'rsatadiki, SDL va SRL nazariyalari, avtonomiya va refleksiya mexanizmlari jahon ilm-fanida puxta yoritilgan. Ammo bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarini tayyorlashda ushbu yo'nalishlar ko'pincha parchalangan holatda qo'llanadi: bir joyda strategiya o'rgatiladi, boshqa joyda refleksiya talab qilinadi, ammo ularni yagona metodik tizimga birlashtirish yetarli darajada tizimlashtirilmagan. Ayniqsa, milliy oliy ta'lim sharoitida (auditoriya yuklamasi, baholash tizimi, raqamli platformalarga kirish) moslashgan, bosqichma-bosqich va indikatorlarga ega metodik tizimlarni yaratish dolzarb.

Shu bois sizning maqolangizning ilmiy yangiligi aynan shunda ko'rinadi: mustaqil ta'limni **motivatsion + mazmuniy + operatsion + reflektiv** komponentlar asosida integratsiyalash va xorijiy tajribalar bilan qiyoslab, milliy kontekstga mos model taklif etish.

Taklif etilayotgan metodik tizim bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantirishni "topshiriq berish" darajasidan "bosqichma-bosqich boshqariladigan pedagogik jarayon" darajasiga olib chiqadi. Muhokamada tizimning komponentlari, ularning amaliy mexanizmlari va xorijiy tajriba bilan qiyosiy natijalari tahlil qilinadi. Ushbu tizimning asosiy maqsadi – talabaning o'quv faoliyatini rejalashtirish, strategik bajarish, monitoring va refleksiya qilish qobiliyatlarini izchil shakllantirish orqali kasbiy avtonomiyani oshirishdir.

1. Metodik tizimning amaliy ishlash mexanizmi (komponentlar kesimida)

1.1. Motivatsion komponent: "Nima uchun o'rganaman?"

Mustaqil ta'limning boshlang'ich nuqtasi ichki motivatsiyani faollashtirishdir. Bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida motivatsiya ikki darajada shakllanadi:

1. akademik (til kompetensiyasini oshirish),
2. kasbiy (kelajakda o'quvchini mustaqil o'qishga yo'naltira olish).

Amaliy mexanizmlar:

- SMART maqsad qo'yish: har haftalik individual maqsad (masalan, "IELTS listening'da 2 turdagi savolga strategiya ishlab chiqish").
- Professional identity task: "Men qanday ingliz tili o'qituvchisi bo'lmoqchiman?" mavzusida reflektiv esse.
- Choice-based tasks: talabaga mavzuni, resursni, formatni tanlash huquqini berish (avtonomiya hissini oshiradi).

Natijada motivatsion komponent "mustaqil ta'limga ichki ehtiyoj"ni shakllantirib, keyingi komponentlar uchun energiya yaratadi.

1.2. Mazmuniy komponent: "Nimani o'rganaman?"

Mazmuniy komponent mustaqil topshiriqlarni tizimlashtiradi. Mustaqil ta'lim topshiriqlari:

- tasodifiy emas,
- bosqichli,
- darajalanadigan (oddiydan murakkabga) bo'lishi kerak.

Mazmuniy komponentning kuchi shundaki, u mustaqil ta'limni "ko'p topshiriq" emas, "to'g'ri tanlangan vazifalar zanjiri"ga aylantiradi.

1.3. Operatsion komponent: "Qanday o'rganaman?"

Operatsion komponent – strategiyalar va texnologiyalar majmuasi. Bu bosqichda talabaga "o'rganish strategiyasi" o'rgatiladi.

Amaliy mexanizmlar:

- Metakognitiv trening: rejalash–monitoring–baholash strategiyalarini alohida mashq qilish.
- Language learning strategies: vocabulary acquisition (spaced repetition), reading strategies (skimming/scanning), writing (peer review rubrics).
- Digital tools: Google Classroom/Moodle, Quizlet/Anki, Padlet, AI-feedback (cheklangan va nazoratli).

Muhim jihat: operatsion komponent mustaqil ta'limni "o'zim bilaman" yondashuvidan olib chiqib, ilmiy asoslangan strategiyalar bilan qurollantiradi.

1.4. Reflektiv komponent: "Qanday natijaga erishdim?"

Refleksiya mustaqil ta'limning sifat kafolatidir. Agar refleksiya bo'lmasa, mustaqillik faqat "hisobot uchun bajarilgan ish" bo'lib qoladi.

Amaliy mexanizmlar:

- Gibbs reflektiv sikli asosida haftalik jurnal (tasvir–his–baholash–tahlil–xulosa–reja).
- Portfolio: oylik portfolioga eng yaxshi ishlar + o'z-o'zini baholash.
- Self-assessment rubric: mezonlar (maqsadga erishish, strategiya to'g'riligi, vaqt boshqaruvi, til sifat ko'rsatkichlari).

Reflektiv komponentning natijasi: talaba o'zi uchun "o'qish algoritmi"ni ishlab chiqadi.

Komponent	Taklif etilayotgan tizim	Finlyandiya	Buyuk Britaniya	Janubiy Koreya
Motivatsiya	SMART + choice + identity task	PBL motivatsiya	PLP maqsad	Raqamli modul tanlovi
Mazmun	Task ladder + ESP integratsiya	Loyiha mazmuni	Portfolio dalillari	Modul asosidagi mazmun
Operatsion	Strategiya trening + raqamli vosita	Tadqiqot ko'nikmalari	Mentor guidance	LMS monitoring
Refleksiya	Gibbs + rubric + portfolio	Reflektiv hisobot	Evidence-based reflection	Platform feedback

1-jadval. *Metodik tizim komponentlari bo'yicha qiyos*

Xorijiy tajriba elementi	Potensial muammo	Moslashtirish yechimi
Portfolio (UK)	vaqt va baholash yuklamasi	mini-portfolio (oyiga 1) + aniq rubrik
PBL (Finlyandiya)	resurs va metodik tayyorgarlik	kichik PBL: 2 haftalik mini-loyiha
Self-access centers (Koreya)	infratuzilma cheklovi	virtual self-access: Telegram/Google Classroom bank
Writing centers (AQSh)	konsultant resursi yo'q	peer-review circles + teacher office hours

2-jadval. *Milliy kontekstga moslashtirish (adaptatsiya) modeli*

Muammo 1: Talabalar passiv o'rganish modeliga o'rganib qolgan.

Yechim: bosqichma-bosqich mustaqillik darajasini oshirish (guided independence → partial independence → full independence).

Muammo 2: Vaqt cheklovi.

Yechim: ko'plab kichik vazifalar o'rniga 1 asosiy vazifa + 1 refleksiya.

Muammo 3: Baholash subyektivligi.

Yechim: aniq mezonli rubrik va peer-review.

Strategik pedagogik xulosalar

Tahlil natijalariga ko'ra, metodik tizim quyidagi pedagogik transformatsiyani ta'minlaydi:

- reproduktiv o'qish → reflektiv o'qish;
- nazorat asosidagi ta'lim → o'zini boshqaruvchi ta'lim;
- tashqi motivatsiya → ichki motivatsiya;
- topshiriq bajarish → kompetensiya shakllanishi.

Bu esa bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida professional avtonomiya, mas'uliyat va uzluksiz o'rganishga tayyorlikni shakllantiradi.

Xulosa

Mazkur tadqiqot bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarida mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantirishning metodik tizimini nazariy va amaliy jihatdan asoslab berdi. Tahlillar shuni ko'rsatdiki, mustaqil ta'lim samarali shakllanishi uchun motivatsion, mazmuniy, operatsion va reflektiv komponentlarning integratsiyasi zarur. Ushbu tizim mustaqil topshiriqlarni tasodifiy faoliyatdan chiqarib, ularni strategik rejalashtirilgan, monitoring qilinadigan va reflektiv tahlilga asoslangan pedagogik jarayonga aylantiradi. Xorijiy tajribalar bilan qiyosiy tahlil natijasida mustaqil ta'limni rivojlantirishda loyiha asosida o'qitish, portfolio, self-regulated learning strategiyalari hamda feedback madaniyati muhim omil ekanligi aniqlandi. Milliy ta'lim sharoitiga moslashtirilgan model talabaning kasbiy avtonomiyasi, metakognitiv ongi va reflektiv kompetensiyasini rivojlantirishga xizmat qiladi. Natijada, bo'lajak o'qituvchi nafaqat mustaqil o'rganish qobiliyatiga ega bo'ladi, balki kelajakda o'quvchilarini ham mustaqil ta'limga yo'naltira oladigan pedagog sifatida shakllanadi. Ushbu metodik tizim oliy ta'lim jarayonini modernizatsiya qilish va raqobatbardosh kadrlar tayyorlashga amaliy hissa qo'shadi.

References:

1. Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control.* W. H. Freeman.
2. Benson, P. (2011). *Teaching and researching autonomy (2nd ed.).* Routledge.
3. Black, P., & Wiliam, D. (1998). Assessment and classroom learning. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice, 5*(1), 7–74.
4. Candy, P. C. (1991). *Self-direction for lifelong learning.* Jossey-Bass.
5. Carless, D., & Boud, D. (2018). The development of student feedback literacy: enabling uptake of feedback. *Assessment & Evaluation in Higher Education, 43*(8), 1315–1325.
6. Garrison, D. R. (1997). Self-directed learning: Toward a comprehensive model. *Adult Education Quarterly, 4*8(1), 18–33.
7. Gibbs, G. (1988). *Learning by doing: A guide to teaching and learning methods.* Oxford Polytechnic.
8. Holec, H. (1981). *Autonomy and foreign language learning.* Pergamon.
9. Knowles, M. S. (1975). *Self-directed learning: A guide for learners and teachers.* Follett.
10. Zimmerman, B. J. (2002). Becoming a self-regulated learner: An overview. *Theory Into Practice, 41*(2), 64–70.

Assessing the significance of ESP instruction in engineering education: evidence from student perspectives

Zulfiya Anvarbekovna Khabirova
Independent researcher of National Pedagogical University named after Nizomi, Associate professor at Ajou university in Tashkent

Annotation *This study explores the effectiveness of English for Specific Purposes (ESP) instruction among second-year Electrical Engineering and Computer Engineering students at Ajou University in Tashkent. Using an IMRAD framework, the research integrates survey and interview data to analyze students' perceptions, motivation, and learning outcomes. A total of 37 students participated, while 36 completed a structured questionnaire. Participants were aged 18–22 with B1–B2 English proficiency levels. Empirical analysis revealed that 74% of students considered ESP essential for their future careers, while 96% positively evaluated project-based and case-study activities for improving technical vocabulary acquisition. Descriptive statistical analysis and thematic coding of interviews indicated increased engagement, improved comprehension of technical terminology, and enhanced communicative competence. Moreover, the findings support learner-centered ESP design and demonstrate that contextualized instruction significantly contributes to professional readiness. As well as, the study contributes to ESP pedagogy by providing evidence from Central Asian higher education contexts.*

Keywords *ESP, engineering education, empirical analysis, project-based learning, technical English*

Muhandislik ta'limida ESP fanining ahamiyatini baholash: Talabalar fikrlariga asoslangan dalillar

Xabirova Zulfiya Anvarbekovna
Nizomiy nomidagi Milliy pedagogika universiteti mustaqil tadqiqotchisi, Toshkentdagi Ajou universiteti dotsenti

Annotatsiya *Ushbu tadqiqot Toshkentdagi Ajou universitetining Elektr muhandisligi va Kompyuter muhandisligi yo'nalishida tahsil olayotgan ikkinchi bosqich talabalari orasida Maxsus maqsadlar uchun ingliz tili (ESP) ta'limining samaradorligini o'rganadi. IMRAD modeli asosida olib borilgan tadqiqot talabalar qarashlari, motivatsiyasi va o'quv natijalarini tahlil qilish uchun so'rovnoma va intervyu ma'lumotlarini birlashtiradi. Tadqiqotda jami 37 nafar talaba ishtirok etdi, ulardan 36 nafari tuzilgan anketa-so'rovnomani to'liq yakunladi. Ishtirokchilarning yoshi 18–22 oralig'ida bo'lib, ingliz tili darajasi B1–B2 ni tashkil etdi. Empirik tahlil natijalariga ko'ra, talabalarning 74 foizi ESP fanini kelajakdagi kasbiy faoliyati uchun muhim deb hisoblagan, 96 foizi esa texnik lug'at boyligini rivojlantirishda loyiha asosidagi va keys-stadi faoliyatlarini ijobiy baholagan. Tavsifiy statistik tahlil hamda intervyularning tematik kodlash natijalari talabalar faolligining ortgani, texnik terminologiyani tushunish darajasi yaxshilangani va kommunikativ kompetensiyaning rivojlanganini ko'rsatdi. Natijalar o'quvchiga yo'naltirilgan ESP kurslarini loyihalashni qo'llab-quvvatlaydi hamda kontekstga asoslangan ta'lim kasbiy tayyorgarlikni sezilarli darajada oshirishini tasdiqlaydi. Tadqiqot Markaziy*

Osiyo oliy ta'lim muhitidan olingan dalillar orqali ESP pedagogikasiga ilmiy hissa qo'shadi.

Kalit so'zlar *ESP, muhandislik ta'limi, empirik tahlil, loyiha asosida o'qitish, texnik ingliz tili*

Оценка значимости обучения ESP в инженерном образовании: данные на основе взглядов студентов

Хабирова Зульфия Анварбековна
Независимый исследователь Национального педагогического университета имени Низами,
Доцент Университета Аджу в Ташкенте

Аннотация *Данное исследование посвящено изучению эффективности преподавания английского языка для специальных целей (ESP) среди студентов второго курса направлений «Электротехника» и «Компьютерная инженерия» Университета Аджу в Ташкенте. Исследование, выполненное в рамках структуры IMRAD, объединяет данные анкетирования и интервью для анализа восприятия студентами обучения, их мотивации и образовательных результатов. В исследовании приняли участие 37 студентов, из которых 36 полностью заполнили структурированную анкету. Возраст участников составил 18–22 года, уровень владения английским языком – B1–B2. Эмпирический анализ показал, что 74% студентов считают ESP важным для своей будущей профессиональной деятельности, а 96% положительно оценили проектное обучение и кейс-методы как эффективные инструменты для освоения технической лексики. Описательный статистический анализ и тематическое кодирование интервью выявили повышение учебной вовлеченности, улучшение понимания технической терминологии и развитие коммуникативной компетенции. Полученные результаты подтверждают эффективность студентоориентированного проектирования курсов ESP и демонстрируют, что контекстуализированное обучение значительно способствует профессиональной подготовленности студентов. Исследование вносит вклад в педагогику ESP, предоставляя эмпирические данные из контекста высшего образования Центральной Азии.*

Ключевые слова *ESP, инженерное образование, эмпирический анализ, проектное обучение, технический английский язык*

Introduction

English for Specific Purposes (ESP) has become a central component of modern engineering education due to globalization and the growing need for international communication in science and technology. Engineering graduates are increasingly expected to operate in multilingual professional environments where technical documentation, research collaboration, and workplace communication occur primarily in English. Consequently, ESP courses aim to bridge the gap between general language competence and professional communication

requirements. This study investigates ESP implementation among Electrical Engineering and Computer Engineering students at Ajou University in Tashkent and evaluates the impact of project-based learning and case-study approaches on student engagement and terminology acquisition. The research also builds on previous ESP studies which emphasize the importance of aligning course design with learner needs and professional goals.

Literature review

English for Specific Purposes (ESP) has evolved as a learner-centered approach designed to meet the communicative needs of learners within specific academic and professional domains. Unlike General English instruction, ESP emphasizes contextualized language learning, discipline-specific terminology, and authentic communicative tasks aligned with learners' future careers. Hutchinson and Waters conceptualized ESP not as a product but as an approach in which instructional decisions are determined by learners' purposes and professional expectations. This perspective has become the theoretical foundation for modern ESP curriculum design.

In engineering education, ESP plays a particularly significant role due to the global nature of scientific communication and technological collaboration. Engineering students are increasingly required to engage with English-medium instruction, international research publications, and multinational professional environments. Arnó-Macià, Aguilar-Pérez, and Tatzl (2020) demonstrated that ESP courses significantly improve students' awareness of specialized communication and prepare them for international academic and professional contexts. Their longitudinal study revealed that engineering students develop stronger communicative confidence when language instruction is directly linked to disciplinary practices.

Recent studies further emphasize that ESP effectiveness depends largely on needs analysis and contextual relevance. Kausar (2025) argues that engineering-oriented ESP programs enhance technical writing, collaboration skills, and professional communication because they focus on authentic workplace language rather than abstract grammar instruction. ESP instruction therefore contributes not only to linguistic competence but also to employability and career readiness.

Within Central Asian and Uzbek educational contexts, ESP research has gained increasing attention in response to national policies promoting multilingual professional competence. Studies on ESP development in Uzbekistan highlight the growing integration of specialized English courses across engineering, IT, and vocational programs as part of broader educational reforms aimed at global competitiveness. These reforms emphasize needs-based curriculum design and industry collaboration as essential components of ESP implementation.

Scholars from the region, including Z. Khabirova (2025), have investigated ESP instruction specifically for electrical and computer engineering students, demonstrating that contextualized communication tasks significantly improve students' professional language skills and engagement. Khabirova's case study confirms that ESP courses incorporating real engineering scenarios foster practical communication competence and reduce linguistic barriers in technical discussions.

Similarly, Uzbek ESP researchers such as Sh. Bekchanova (2021) and other regional scholars emphasize communicative and task-based approaches as effective strategies for developing professional English competence among non-philological students. Their work highlights that ESP instruction becomes most effective when students actively participate in collaborative tasks, problem solving, and project-based learning environments aligned with disciplinary contexts.

Pedagogically, contemporary ESP research increasingly supports experiential and task-based learning models. Task-Based Language Teaching (TBLT) has been shown to enhance vocabulary acquisition and communicative performance because learners use language as a tool for solving professional problems rather than memorizing isolated structures. Empirical findings indicate that authentic tasks promote deeper cognitive processing and long-term retention of technical terminology.

In addition, technological advancements and digital learning environments have further transformed ESP instruction. Recent studies highlight the integration of AI tools, mobile learning, and digital platforms as mechanisms for improving engagement and communication skills in engineering ESP classrooms. These innovations support collaborative learning and simulate real professional communication environments, thereby strengthening students' readiness for global workplaces (Elmuratova et al., 2025).

Existing literature consistently demonstrates three major trends in ESP research:

1. increasing alignment between language instruction and professional contexts;
2. growing reliance on project-based and experiential learning;
3. expanding integration of digital technologies in ESP pedagogy.

However, despite extensive research in Europe and Asia, empirical ESP studies from Central Asian universities remain limited. Therefore, the present study contributes to the literature by providing empirical evidence from Ajou University in Tashkent, focusing on electrical and computer engineering students and examining how project-based ESP instruction influences learner perception and terminology acquisition.

Methodology

This study adopted a mixed-method research design combining quantitative survey analysis and qualitative interviews. The participants included 37 second-year students enrolled in Electrical Engineering and Computer Engineering programs. Students were divided into two groups, both taught using identical ESP teaching methods. English proficiency levels ranged from B1 to B2 according to institutional placement testing.

A questionnaire consisting of Likert-scale and open-ended questions was administered to 36 students. Additionally, semi-structured interviews were conducted to explore students' experiences with project work and case-study activities. Data analysis included descriptive statistics, percentage calculations, and thematic coding.

Results and Discussion

The findings of this study provide strong empirical support for the effectiveness of English for Specific Purposes (ESP) when instruction is closely aligned with students' professional contexts and learning needs. The high level of agreement among participants regarding the relevance of ESP to their future careers (74%) reflects a growing awareness among engineering students that language competence is not merely an academic requirement but a professional necessity. This result is consistent with previous ESP research which demonstrates that learners show increased motivation when instructional content directly corresponds to their disciplinary goals.

Compared with earlier studies conducted in vocational engineering settings, particularly the research by Brilianti and Rokhim (2023), the present study reveals similar patterns of learner perception despite differences in geographical and institutional contexts. While their research involved transportation engineering cadets, the present findings from electrical and computer engineering students suggest that positive attitudes toward ESP are not discipline-specific but rather characteristic of technical education environments where English functions as a medium of global communication.

One of the most significant findings concerns the impact of project-based learning and case-study approaches, which received a 96% positive evaluation from students. Interview responses indicated that these activities allowed students to use technical terminology in authentic communicative situations rather than memorizing isolated vocabulary items. From a pedagogical perspective, this supports constructivist learning theory, which argues that knowledge acquisition becomes more meaningful when learners actively construct understanding through problem-solving and collaboration.

Moreover, the integration of case studies appeared to reduce students' anxiety when using English for professional communication. Several participants reported increased confidence when discussing engineering topics because tasks simulated realistic workplace scenarios such as technical presentations, troubleshooting discussions, and collaborative project planning. These findings align with adult learning theory, which emphasizes relevance, autonomy, and experiential learning as key drivers of successful instruction.

The consistency of results across two separate groups taught using identical instructional methods also strengthens the internal validity of the study. Similar response patterns suggest that the effectiveness of project-based ESP instruction is not dependent on a particular classroom dynamic but may represent a replicable pedagogical model. This has important implications for ESP curriculum designers seeking scalable teaching approaches in engineering faculties.

Another notable implication relates to terminology acquisition. Students repeatedly emphasized that learning technical vocabulary through projects allowed them to understand both meaning and functional usage. This observation supports Pazoki and Alemi's (2019) claim that motivation and contextualization significantly enhance language retention. Rather than viewing vocabulary learning as a discrete linguistic activity, students perceived terminology as a tool for accomplishing engineering tasks.

Despite these positive outcomes, several limitations should be acknowledged. First, the relatively small sample size (37 participants) limits the generalizability of the findings. Second, the study relies primarily on perception-based data rather than standardized language proficiency measurements. Future research could incorporate pre- and post-testing or longitudinal tracking to measure measurable language improvement over time.

Nevertheless, the present study contributes to ESP pedagogy by providing empirical evidence from a Central Asian higher education context, a region that remains underrepresented in ESP research literature. The findings suggest that learner-centered ESP instruction combined with experiential methodologies can effectively bridge the gap between academic language learning and professional engineering communication.

The quantitative results demonstrate a strong positive perception of ESP instruction among participants. Out of 36 questionnaire respondents, 27 students (74–75%) agreed that ESP courses are essential for their future professional careers, 7 students (19%) expressed neutral opinions, and only 2 students (6%) indicated limited agreement. These findings suggest that the majority of learners clearly recognize the practical relevance of discipline-specific English instruction within engineering education.

In addition, students evaluated instructional methodologies used in the ESP course. A total of 35 students (96–97%) reported that project-based learning and case-study activities significantly improved their understanding of technical terminology and professional communication skills. Only one respondent reported a neutral stance, while none expressed negative perceptions. This overwhelming approval highlights the effectiveness of experiential learning strategies in technical language acquisition.

To provide a clearer empirical overview, descriptive statistics were calculated for key survey items, as presented in *Table 1*.

Survey Item	Agree (n)	Neutral (n)	Disagree (n)
ESP is necessary for career	27	7	2
Project work improves terminology	35	1	0
Case studies improve communication	35	1	0

Table 1.

Qualitative interview data further supported the survey findings. Students frequently reported that project tasks enabled them to apply engineering terminology in realistic contexts such as describing circuits, explaining system processes, and presenting technical solutions. Thematic coding identified three dominant categories: improved vocabulary retention (reported by 22 students), increased speaking confidence (18 students), and better understanding of professional discourse conventions (16 students).

Furthermore, comparison between the two instructional groups revealed nearly identical response distributions, indicating consistency of outcomes across classroom settings. This suggests that the applied ESP methodology demonstrates reliability and can be replicated in similar engineering programs without significant variation in learner response.

The study concludes that ESP courses tailored to engineering students significantly improve engagement and perceived professional readiness. Project work and case studies serve as effective strategies for developing technical vocabulary and communication skills. Future ESP curricula should incorporate experiential learning and continuous needs analysis.

References:

1. Arnó-Macià, E., Aguilar-Pérez, M., & Tatzl, D. (2020). Engineering students' perceptions of the role of ESP courses in internationalized universities. *English for Specific Purposes, 58*, 58–74. https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.12.001
2. Bekchanova Sh. (2021). Masofaviy ta'lim jarayonlarini raqamli texnologiyalar asosida individuallashtirish metodikasi. Dissertation for PhD.
3. Brilianti, D. F., & Rokhim, A. (2023). The Importance of English for Specific Purposes Based on the Engineering Students' Perceptions. DOI: http://dx.doi.org/10.33603
4. Elmuratova, A., Sabirova, G., Alautdinova, K., Abdullaeva, M., Uteshova, Z., Elmuratova, S., Arzieva, B., & Kannazarova, Z. (2025). Increased popularity of AI and digital technologies in ESP: A bibliometric review. *Forum for Linguistic Studies, 7*(6), 602–616. https://doi.org/10.30564/fls.v7i6.9715
5. Kausar, S. B. (2025). Integrating English for Specific Purposes (ESP) in engineering education: A strategic approach to enhancing English proficiency and professional communication skills. *International Journal of Engineering and Advanced Technology Studies, 13*(3), 32–41. https://doi.org/10.37745/ijeats.13/vol13n33241

6. Khabirova, Z. (2025). *Interactive learning in electrical engineering with AI and augmented reality*. Journal of University Science and Creative Research. Zenodo. https://doi.org/10.5281/zenodo.15662198
7. Nguyen, H., & Nguyen, T. (2017). ESP: Perceptions Of Students And Teachers Of Learning Needs. DOI: http://dx.doi.org/10.21474/IJAR01/3877
8. Pazoki, S. J., & Alemi, M. (2019). Engineering Students' Motivation to Learn Technical English in ESP Courses. DOI: https://doi.org/10.1177/0033688218811371

Developing linguistic competence in preschool children through simultaneous translation of cartoons

Turgunova Irodakhon Khayrulla qizi
Yoldoshevairoda001@gmail.com
Master's student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article analyzes the significance of simultaneous translation of cartoons in developing linguistic competence in preschool children. In today's era of rapid globalization, real-time translation is presented as a key factor in creating a rich linguistic environment for fostering bilingualism in children. The research highlights the role of simultaneous translation in expanding children's vocabulary, improving grammatical literacy, and enhancing cognitive abilities, particularly logical thinking and focus, through scientific evidence. The article emphasizes the role of modern media platforms such as Netflix and various technological tools in language learning, as well as how the positive approach of parents and educators can unlock a child's linguistic potential. Additionally, potential challenges such as language mixing (code-switching) and methods to overcome them are examined. Integrating cultural context into the translation process is proven to serve as a vital bridge in understanding the nuances of language. In conclusion, it is noted that when simultaneous translation is harmonized with traditional methods, it can lead to revolutionary results in bilingual education.*

Keywords *Simultaneous translation, linguistic competence, preschool children, media technologies, vocabulary, cultural context, cognitive development*

Multfilmlarni sinxron tarjima qilish orqali maktabgacha yoshdagi bolalarda lisoniy kompetensiyani rivojlantirish

Turg'unova Irodaxon Xayrulla qizi
Yoldoshevairoda001@gmail.com
Magistrant,
O'zbekiston davlat jahon tillari universteti

Annotatsiya *Ushbu maqola maktabgacha yoshdagi bolalarda lisoniy kompetensiyani rivojlantirishda multfilmlarni sinxron tarjima qilishning ahamiyatini tahlil qiladi. Bugungi globallashuv davrida bolalarda ikki tillilikni (bilingvizm) shakllantirish jarayonida real vaqt rejimidagi tarjima usuli boy lisoniy muhit yaratuvchi asosiy omil sifatida ko'rsatilganligini ko'rishimiz mumkin. Tadqiqotda sinxron tarjimaning bolalar so'z boyligini oshirish, grammatik savodxonlikni yaxshilash va kognitiv qobiliyatlarni, xususan, mantiqiy fikrlash va diqqatni jamlashni kuchaytirishdagi roli ilmiy dalillar bilan yoritib berilgan. Shu bilan birga maqolada keltirilgan Netflix kabi zamonaviy media platformalar va texnologik vositalarning til o'rganishdagi o'rni, shuningdek, ota-onalar va pedagoglarning ushbu jarayondagi ijobiy yondashuvi bolaning lisoniy iste'dodini yuzaga chiqarishi ta'kidlanadi. Shu bilan birga, tillarni aralashtirib yuborish (kodlarni almashtirish) kabi yuzaga kelishi mumkin bo'lgan qiyinchiliklar va ularni bartaraf etish usullari ham ko'rib chiqilgan. Madaniy kontekstni tarjima jarayoniga integratsiya qilish tilning nozik ma'no qirralarini tushunishda muhim ko'prik vazifasini o'tashi isbotlangan. Xulosa sifatida shuni*

ta'kidlash joizki, sinxron tarjima an'anaviy metodlar bilan uyg'unlashtirilsa, bilingvistik ta'limda inqilobiy natijalar berishi qayd etilgan.

Kalit so'zlar *Sinxron tarjima, lisoniy kompetensiya, maktabgacha yoshdagi bolalar, media texnologiyalar, lug'at boyligi, madaniy kontekst, kognitiv rivojlanish*

Развитие языковой компетенции у детей дошкольного возраста посредством синхронного перевода мультфильмов

Тургунова Иродахон Хайрулла кизи
Yoldoshevairoda001@gmail.com
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье анализируется значение синхронного перевода мультфильмов в развитии языковой компетенции у детей дошкольного возраста. В условиях современной глобализации метод перевода в реальном времени рассматривается как ключевой фактор создания богатой языковой среды для формирования билингвизма у детей. В исследовании на основе научных данных освещается роль синхронного перевода в расширении словарного запаса, повышении грамматической грамотности и укреплении когнитивных способностей, в частности логического мышления и концентрации внимания. В статье подчеркивается роль современных медиаплатформ, таких как Netflix, и технологических средств в изучении языка, а также то, как позитивный подход родителей и педагогов помогает раскрыть лингвистический потенциал ребенка. Наряду с этим рассматриваются возможные трудности, такие как смешение языков (переключение кодов), и методы их устранения. Доказано, что интеграция культурного контекста в процесс перевода служит важным мостом для понимания тонких смысловых нюансов языка. В заключении отмечается, что гармоничное сочетание синхронного перевода с традиционными методами может дать революционные результаты в билингвальном образовании.*

Ключевые слова *Синхронный перевод, языковая компетенция, дети дошкольного возраста, медиатехнологии, словарный запас, культурный контекст, когнитивное развитие*

Bugungi jadal globallashuv davrida bir necha tilda muloqot qila olish qobiliyati eng qadrli ko'nikmalardan biriga aylandi. Turli tillarni tushunish va ularda so'zlashish nafaqat insonning ichki dunyosini, balki butun jamiyatni boyitadi, madaniyatlararo almashinuv va o'zaro hamjihatlikni mustahkamlaydi.

Ayniqsa, nutqni o'sha vaqtning o'zida o'girish, ya'ni sinxron tarjima amaliyoti bolalarda ikki tillilikni shakllantirishda muhim o'rin tutadi. Tadqiqotchi Jonson ta'kidlaganidek: «*Sinxron tarjima bolalar uchun boy lisoniy muhit yaratib, ularning ikki tilda rivojlanishi uchun mustahkam poydevor*

bo'ladi» (Johnson,2022). Bir vaqtning o'zida ikki tilni eshitgan bolalarning so'z boyligi har ikkala tilda ham jadal o'sadi. Ular turli so'z va iboralarga muntazam duch kelish orqali o'z nutqiy mahoratlarini oshirib boradilar.

Maktablarda ikki tilda ta'lim olayotgan o'quvchilar uchun tarjima xizmatidan foydalanish katta samaraga ega. Yangi ma'lumotlarni o'z ona tillaridagi tarjimasi bilan parallel ravishda eshitish bolalarga mavzuni osonroq o'zlashtirish va yodda saqlash imkonini beradi. Albatta, bir vaqtda qilinadigan tarjima bolani chalg'itishi yoki til o'rganishni qiyinlashtirishi mumkin degan qarashlar ham yo'q emas. Biroq, bu jarayon to'g'ri tashkil etilsa, u chalkashlikka emas, aksincha, tushunchalarni yanada aniqroq idrok etishga yordam beradi. Masalan, pedagoglar dars davomida tanaffuslar qilishlari yoki hayotiy misollar keltirishlari orqali bolaning materialni to'liq tushunishini ta'minlashlari mumkin.

Sinxron tarjima usuli bolaning lug'at boyligini oshiradi va har ikki tildagi qobiliyatlarini kuchaytiradi. Til o'rganish jarayonlarini kuzatish shuni ko'rsatadiki, tarjimaning turli usullari bolalardagi nutqiy ko'nikmalarni shakllantirishda hal qiluvchi ahamiyatga ega.

Ikki tilli oilaviy muhitda yoki zamonaviy texnologik platformalar orqali jonli tarjimani tinglash ikkinchi tilni o'zlashtirish samaradorligini oshiradi. Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, real vaqtdagi tarjima o'quvchini turli kontekstlardagi jonli muloqot bilan yuzlashtiradi; natijada lug'at boyligi, grammatik savodxonlik va talaffuz sezilarli darajada yaxshilanadi (Baker,2020).

Ayniqsa, real vaqt rejimida tarjima qilinadigan muhitda o'sayotgan bolalarda til ko'nikmalari kuchliroq shakllanadi. Masalan, Netflix kabi platformalardagi subtitrlar va ko'p tilli ovoz berish funksiyalari bolaning tushunish qobiliyatini va kognitiv (aqliy) o'sishini rag'batlantiradi. Ba'zi mutaxassislar bu usul tushunmovchiliklarga yoki xatolarga sabab bo'lishi mumkin deb hisoblasalar-da, ona tilida mustahkam poydevorga ega bo'lgan bolalar, odatda, ikkinchi tilga juda oson va muvaffaqiyatli o'tadilar. Ota-onalar va pedagoglar bu jarayonni o'yinlar hamda qiziqarli mashg'ulotlar bilan boyitsalar, bola til muhitiga yanada chuqurroq sho'ng'iydi.

Media vositalari orqali amalga oshiriladigan sinxron tarjima bolalar rivojlanishiga ham ijobiy, ham biroz murakkab ta'sir ko'rsatishi mumkin. Bir tomondan, sinxron tarjima muhitida bo'lgan bolalar bir tilli tengdoshlariga qaraganda muammolarni hal qilish va bir vaqtning o'zida bir nechta vazifani bajarish (multitasking) kabi aqliy qobiliyatlarda ustunlikka ega bo'ladilar. Ikki til o'rtasida doimiy "o'tib-qaytish" ularning fikrlash moslanuvchanligi va diqqatni jamlash qobiliyatini oshiradi. Shuningdek, xorijiy tillarni o'qitish bo'yicha Amerika kengashi (ACTFL) hisobotiga ko'ra, media orqali tillar bilan erta tanishish bolalarning tinglab tushunish va o'qish ko'nikmalarini rivojlantiradi.

Biroq, bu jarayonning o'ziga xos qiyinchiliklari ham bor. Ayrim hollarda bolalar ikki tilni bir-biridan ajratishga qiynalishlari, natijada tillarni aralashtirib yuborishlari (kodlarni almashtirish) kuzatiladi. Ammo bu muammoni sifatli tarjima materiallarini tanlash va mediadan tashqari vaqtlarda ham doimiy nutqiy mashqlar qilish orqali bartaraf etish mumkin. Yuzaga kelishi mumkin bo'lgan kichik chalkashliklarga qaramay, medianing sinxron tarjimasi beradigan aqliy foyda ancha salmoqli va ahamiyatlidir.

Ikkinchi tilni o'zlashtirish jarayoni yangi tilning ona tiliga qanchalik yaqin ekanligiga qarab osonlashishi yoki qiyinlashishi mumkin. O'z ona tiliga o'xshash tillarni o'rganayotganda, o'quvchilar ko'pincha so'z va grammatik qoidalarni tushunish hamda eslab qolishda kamroq qiyinchilikka duch keladilar. Bunda ular mavjud lisoniy bilimlariga tayanib, yangi tilni o'zlashtiradilar. Biroq, ona tilidan tubdan farq qiluvchi tillarni o'rganish jiddiyroq muammolarni keltirib chiqaradi, chunki bunday hollarda o'rganuvchi yangi til modellarini deyarli noldan shakllantirishi talab etiladi.

Sinxron tarjima (simultaneous translation) o‘rganuvchiga maqsadli tildan real vaqt rejimida foydalanish imkonini berish va ikki til o‘rtasida o‘zaro bog‘liqlik o‘rnatishga yordam berish orqali yuqoridagi qiyinchiliklarni yumshatishi mumkin. Hufeisen va Neuner tomonidan o‘tkazilgan tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, chet tili darslarida sinxron tarjimadan foydalangan talabalar, undan foydalanmaganlarga qaraganda yangi lug‘at boyligi va grammatik qoidalarni yaxshiroq o‘zlashtirgan va xotirada saqlab qolgan (Hufeisen&Neuner, 2004). Mualliflarning ta’kidlashicha, sinxron tarjima o‘rganuvchilarga ikki tilning o‘zaro bog‘liqligini ko‘rish va ularni solishtirish imkonini beradi, bu esa o‘z navbatida tushunish va eslab qolish jarayonini osonlashtiradi.

Ba’zi ekspertlar sinxron tarjima o‘rganuvchining til ko‘nikmalari rivojlanishiga to‘sqinlik qilishi mumkin, deb hisoblaydilar, chunki o‘quvchi tushunish uchun faqat tarjimonga tayanib qolishi ehtimoli bor. Biroq, ushbu qarash o‘rganuvchilarning ikki tilni mustaqil ravishda bog‘lashga intilmasligini nazarda tutadi. Amalda esa, talabalar hali ham maqsadli til ustida faol ishlashlari va o‘z bilimlaridan foydalangan holda har ikki tilni o‘zaro bog‘lashlari lozim. Tadqiqotlar shuni isbotladiki, sinxron tarjima maqsadli til bilan bevosita aloqani ta’minlash va uning boshqa til bilan aloqasini ko‘rsatish orqali lisoniy qobiliyatlarni oshirishi mumkin.

Bolalar til o‘rganish jarayonida ota-onalarning tarjimaga bo‘lgan munosabatini o‘rganish tilni tushunish va xotirada saqlashga yangicha nazar bilan qarash imkonini beradi. Bolalar yangi tilga real vaqt rejimida kirish imkoniga ega bo‘ladilar va uni o‘z ona tillari bilan bog‘laydilar. Ushbu yondashuv yangi so‘zlar va grammatik qoidalarni o‘zlashtirish samaradorligini oshiradi. Bunda tillarning o‘zaro o‘xshash yoki keskin farq qilishi ahamiyatga ega emas. Bu usul, ayniqsa, lisoniy ko‘nikmalari shakllanish bosqichida bo‘lgan va katta yoshli o‘rganuvchilar kabi keng bilim bazasiga ega bo‘lmagan yosh bolalar uchun alohida ahamiyatga ega.

Tillarning o‘xshashlik darajasi tushunish va xotirada saqlashda muhim rol o‘ynaydi. Bu omil sinxron tarjimaning bilingvistik va multilingvistik rivojlanishga ta’sirini o‘rganishda o‘ta muhimdir. Mazkur uslub maqsadli til bilan bevosita aloqani ta’minlaydi va o‘rganuvchiga ikki til o‘rtasida ko‘prik o‘rnatishga yordam beradi. Sinxron tarjima tillarning o‘xshashligidan qat’i nazar, lug‘at va grammatikani o‘rganishni optimallashtiradi. Bundan tashqari, bolalar til o‘rganishida ota-onalarning sinxron tarjimaga nisbatan nuqtayi nazari ushbu yondashuvning hali til ko‘nikmalari rivojlanayotgan kichik yoshdagi bolalar uchun qanchalik muhimligini yana bir bor tasdiqlaydi.

Ota-onalarning sinxron tarjimaga nisbatan qarashlari bolalarning tillarni o‘zlashtirish va ularni mukammal egallash darajasiga sezilarli darajada ta’sir ko‘rsatadi. Doktor Syao-Ley Vangning (Xiao-Lei Wang) tadqiqotlari ushbu bog‘liqlikni aniq yoritib beradi. Uning ta’kidlashicha, “bolalar tilining rivojlanishida ota-onalarning ishtiroki hal qiluvchi ahamiyatga ega bo‘lib, ularning sinxron tarjimaga bo‘lgan munosabati farzandlarining lisoniy qobiliyatlariga chuqur ta’sir ko‘rsatishi mumkin” (Wang, 2021).

Masalan, agar ota-onalar sinxron tarjimani farzandlariga bir nechta tillarni o‘rgatishda foydali vosita deb bilsalar, ular kundalik muloqot jarayonida ushbu uslubdan ko‘proq foydalanishlari ehtimoli ortadi. Bu esa bolalarning ham ona tili, ham o‘rganilayotgan tilda so‘zlashish ko‘nikmalarini rivojlantirishga xizmat qiladi va natijada ularning ikki tilda ham ravon gapira olish (bilingvizm) qobiliyatini shakllantiradi.

Zamonaviy texnologiyalar va media vositalari sinxron tarjimadan foydalanish imkoniyatlarini yanada kengaytirdi. Bu esa ota-onalar va bolalarga turli tillarni yangicha usullarda kashf etish imkonini bermoqda. Xorijiy filmlar va teleko‘rsatuvlardagi subtitrlar bolalarga yangi so‘zlarni o‘rganish va talaffuzni

shakllantirishga yordam beradi. Tarjima ilovalari esa ota-onalarga o'z farzandlari bilan turli tillarda muloqot qilish imkoniyatini taqdim etadi. Bunday vositalar qiziqarli va jalb qiluvchi ta'lim imkoniyatlarini yaratish orqali bolalarning lisoniy ko'nikmalarini boyitadi.

Ayrim ota-onalar bir vaqtning o'zida tarjima qilish jarayoni bolalarda chalkashlik keltirib chiqarishi mumkinligidan xavotirda bo'ladilar. Biroq, mavjud dalillar ushbu jarayon bilingvistik rivojlanishga ijobiy ta'sir ko'rsatishini tasdiqlamoqda. Ota-onalarning sinxron tarjimaga nisbatan ijobiy qarashlari bilingvizmni rag'batlantirish orqali bolalarning til ko'nikmalarini rivojlantirishga yordam beradi. Texnologiya va media vositalaridan foydalanish esa bu tajribani yanada samaraliroq qilishi mumkin. Ota-onalarning ijobiy munosabati o'ta muhimdir, chunki bu bolaning lisoniy iste'dodi shakllanishiga bevosita ta'sir ko'rsatadi. Mavjud xavotirlarni bartaraf etish va tarjimaning intellektual afzalliklarini ta'kidlash ota-onalarni farzandlarining til rivojlanishini faol qo'llab-quvvatlashga undaydi.

Keyingi bo'limda pedagoglar ko'p tilli ta'limda sinxron tarjimadan foydalanish bo'yicha o'z nuqtayi nazarlarini taqdim etadilar va til rivojlanishida tarjimaning roli haqida muqobil qarashlarni ilgari suradilar.

Sinxron tarjimaning ta'lim jarayonidagi o'rni

Sinxron tarjima o'quv xonalarida muhim ahamiyatga ega. Ayniqsa, ko'p tilli muhitga ega sinflarda uning foydasi katta. Pedagoglar ushbu uslubning ikkinchi tilni o'zlashtirishdagi qiymatini e'tirof etadilar, chunki u turli tillarda so'zlashuvchi o'quvchilar va o'qituvchilar o'rtasida real vaqt rejimida muloqot qilish imkonini beradi. Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, ushbu metod lug'at boyligining o'sishiga xizmat qiladi va inklyuziv ta'lim muhitini yaratadi.

Ayrim pedagoglar sinxron tarjima "dangasa ta'lim"ga (lazy learning) olib kelishi yoki o'rganilayotgan tildagi tinglab tushunish ko'nikmalarini zaiflashtirishi mumkinligidan xavotirda bo'ladilar. O'quvchilar real vaqtdagi tarjimaga haddan tashqari bog'lanib qolishlari mumkin. Buning oldini olish va muammoni samarali hal qilish uchun o'qituvchilar tinglab tushunish mashqlarini matnni tushunish faoliyati bilan birgalikda olib borishlari lozim. Bunday yondashuv yozma topshiriqlar bilan bir qatorda o'quvchilarda muvozanatlashgan ko'nikmalar majmuasini rivojlantirishni ta'minlaydi.

Nyu-York shahridagi davlat maktablaridan birida ingliz tilini o'zlashtirishda qiynalayotgan o'quvchilar uchun tabiatshunoslik (science) darslarida real vaqt rejimidagi tarjimadan foydalanildi. O'qituvchilar o'quvchilarning murakkab tushunchalarni yaxshiroq anglaganliklarini va fanga bo'lgan qiziqishlari ortganini kuzatishdi. Ushbu misol sinxron tarjimadan to'g'ri foydalanilganda ko'p tilli ta'limda kuchli vosita bo'la olishini ko'rsatadi. Sinxron tarjima ko'p tilli ta'limga ham afzalliklar, ham qiyinchiliklar olib keladi. U lug'at boyligini oshirishi va inklyuzivlikni ta'minlashi mumkin, biroq "dangasa ta'lim"dan qochish va tinglash ko'nikmalarini rivojlantirish uchun ushbu metodni boshqa til o'rgatish strategiyalari bilan muvozanatlashtirish zarur. Pedagoglarning sinxron tarjima haqidagi qarashlarini o'rganish bevosita uning bilingvistik va multilingvistik lug'at rivojlanishiga ta'sirini tahlil qilishga o'tish imkonini beradi.

Lug'at boyligini oshirish va xotira jarayonlari

Sinxron tarjima bilingv va multilingv o'rganuvchilarning lug'at boyligini oshirishga yordam beradi. Vagner va Falodun tomonidan o'tkazilgan tadqiqot shuni ko'rsatadiki, real vaqt rejimidagi tarjima o'rganuvchilarni boy so'zlar xilma-xilligi bilan tanishtirish orqali ikkinchi til lug'at tarkibini kengaytirishi mumkin (Wagner&Falodun, 2018). Masalan, xorijiy filmlarni subtitrlar bilan ko'radigan yoki tarjima ilovalaridan foydalanadigan talabalar yangi so'zlarni kontekst ichida o'rganadilar, bu esa ularni eslab qolishni osonlashtiradi. Sinxron tarjimani amaliyotda qo'llaydigan insonlar so'zlarni boshqa tillarda esga tushirishda ushbu

amaliyot bilan shug‘ullanmaydiganlarga qaraganda yaxshiroq natija ko‘rsatadilar (Pavlenko, 2009).

Lug‘at boyligini oshirishda sinxron tarjimaning muvaffaqiyati tillarning o‘zaro qanchalik o‘xshashligiga bog‘liq bo‘lishi mumkin. O‘rganuvchilar o‘z ona tilidan keskin farq qiladigan so‘zlarni tushunish va eslab qolishda qiyinchilikka duch kelishlari mumkin. Shuning uchun til o‘rganishda sinxron tarjimadan foydalanishda tilning murakkablik darajasini hisobga olish o‘ta muhimdir. O‘rganuvchilarni yangi so‘zlarni takrorlash yoki nutq amaliyoti orqali jarayonga faol jalb qilish ham muhim ahamiyatga ega. Sinxron tarjima bilingvlar va multilingvlarda so‘z boyligi ko‘nikmalarini rivojlantirishda kalit rolini o‘ynaydi. U kengroq so‘z va iboralar majmuasidan foydalanish imkonini beradi va xotirani mustahkamlaydi. Ota-onalar va o‘qituvchilar til o‘rganish faoliyatiga tarjimani kiritish va yangi tilda faol ishtirok etishni rag‘batlantirish orqali yordam berishlari mumkin. Ushbu metod bir nechta tilni biladigan insonlar uchun nutq ravonligini ta’minlashda muhim tayanch bo‘lib xizmat qiladi.

Sinxron tarjima bilingv va madaniyatlararo o‘rganuvchilarga (multicultural learners) lisoniy ko‘nikmalarni rivojlantirishda yordam beradi. U o‘rganuvchilarga jonli nutqni eshitish va undan foydalanish uchun ko‘proq imkoniyat yaratadi, bu esa o‘z navbatida nutq ravonligini (speech fluency) oshiradi. Sinxron tarjima uslubi o‘rganuvchilarga yangi tilni muayyan kontekstda tinglash va mashq qilish imkonini berishi orqali tilni tushunish hamda undan erkin foydalanishni osonlashtiradi.

Sinxron tarjimadan foydalanadigan ta‘lim dasturlari talabalarning maqsadli tilda so‘zlashish ravonligi yaxshilanganini qayd etmoqda. Immersion (til muhitiga sho‘ng‘ish) maktablari ko‘pincha murakkab tushunchalarni o‘zlashtirish va ona tilida so‘zlashuvchilar (native speakers) nutqini eshitish maqsadida ushbu metodni dars jarayoniga tatbiq etadilar. Shuningdek, zamonaviy texnologiyalar bilingv va multilingv shaxslarga onlayn uchrashuvlar yoki xorijiy filmlarni tomosha qilish kabi turli vaziyatlarda sinxron tarjimadan foydalanish imkonini beradi. Bunday doimiy muloqot lisoniy ko‘nikmalarning o‘sishiga xizmat qiladi.

Tanqidchilarning fikricha, sinxron tarjimadan haddan tashqari ko‘p foydalanish asl tilni tushunish o‘rniga tarjimaga tayanishga (over-reliance) olib kelishi mumkin, bu esa nutq ravonligiga salbiy ta’sir ko‘rsatishi ehtimoldan xoli emas. Biroq, ushbu xavotirni sinxron tarjimani boshqa til o‘rganish strategiyalari, masalan, bevosita o‘qitish (direct instruction) va tildan tabiiy vaziyatlarda foydalanish bilan uyg‘unlashtirish orqali bartaraf etish mumkin. Bunday yondashuv o‘rganuvchilarning maqsadli tilni har tomonlama tushunishini hamda nutq ravonligini oshirishini ta’minlaydi.

Sinxron tarjima bilingv va multilingv o‘rganuvchilar o‘rtasida nutq ravonligini oshirish uchun qimmatli vositadir. O‘rganuvchilarga real muloqot jarayonlari bilan qo‘shimcha tanishish imkoniyatini berish orqali, u lisoniy ko‘nikmalarni samaraliroq rivojlantirishga yordam beradi. Maqsadli tilni to‘liq o‘zlashtirish uchun sinxron tarjimani boshqa o‘qitish metodlari bilan birgalikda qo‘llash muhim ahamiyatga ega.

Madaniy Kontekstning Ahamiyati

Madaniy kontekstni sinxron tarjima jarayoniga integratsiya qilish bilingv va multilingv rivojlanish samaradorligini sezilarli darajada oshiradi. Tadqiqotlar shuni ko‘rsatadiki, o‘ziga tanish bo‘lgan madaniy muhitda tarjimani eshitgan bilingv bolalar, yangi so‘zlarni boshqalarga nisbatan ancha yaxshi o‘zlashtiradilar (Fitzpatrick, 2021). Bu hodisa madaniy kontekstning so‘z va iboralardagi nozik ma’no qirralari (nuanslar) hamda konnotatsiyalarni (qo‘shimcha ma’nolarni) tushunishga yordam berishi bilan izohlanadi; ushbu jihatlar ko‘pincha quruq so‘zma-so‘z tarjimada yo‘qoladi.

Bernshteyn ta’kidlashicha, sinxron tarjimaga madaniy elementlarni qo‘shish

o‘rganuvchilarga tilning madaniy mazmunini chuqurroq anglash imkonini beradi (Bernstein, 2022). Bu jarayon tilda aks etgan qadriyatlar va urf-odatlarni ochib beradi. Filmlar va musiqa kabi autentik (asl) materiallardan foydalanish tarjimaning ta’limiy foydasini yanada oshiradi. Bunday resurslar o‘rganuvchida tilga nisbatan hissiy bog‘liqlik uyg‘otadi va o‘rganishga bo‘lgan motivatsiyani kuchaytiradi. Shuningdek, autentik materiallar tilning o‘ziga xos ritmi va idiomalarini (ibora) o‘rgatish orqali tinglab tushunish va so‘zlashish ko‘nikmalarini charxlaydi.

Ba’zi ekspertlar til o‘rganishda tarjimaning aniqligi madaniy kontekstga qaraganda muhimroq deb hisoblaydilar. Albatta, aniqlik zarur, biroq u yakka o‘zi yetarli emas. Bernshteyn tadqiqotlari shuni isbotlaydiki, madaniy bilimga ega bo‘lmagan o‘rganuvchilar ravon muloqot uchun zarur bo‘lgan kalit so‘zlar va iboralarning nozik ma’nolarini tushunmay qolishlari mumkin. Shuning uchun pedagoglar va ota-onalar tarjima orqali til o‘rgatishda maqsadli til madaniyatini aks ettiruvchi materiallarni tanlashlari lozim.

Texnologik Taraqqiyot va Zamonaviy Imkoniyatlar

Texnologiyalarning jadal rivojlanishi sinxron tarjimani yanada oson va samarali qildi, bu esa uni zamonaviy til ta’limining istiqbolli vositasiga aylantirdi. Ushbu texnika o‘rganuvchilarga xorijiy tildagi ma’lumotlarni real vaqt rejimida ham eshitish, ham ko‘rish imkonini beradi, bu esa tilni tushunish darajasini oshiradi. Masalan, tarjima qurilmalari bilan jihozlangan bilingv sinflarda o‘quvchilar murakkab matematika yoki tabiatshunoslik tushunchalarini o‘zlarining ikkinchi tillarida osonroq o‘zlashtiradilar.

Amerika chet tillarini o‘qitish kengashi (ACTFL) tomonidan o‘tkazilgan tadqiqot shuni ko‘rsatdiki, darslarda sinxron tarjima texnologiyasidan foydalangan talabalar faqat an’anaviy usullarda o‘qiganlarga qaraganda yuqori malaka darajasiga erishganlar. Ushbu texnologiya tilni xotirada saqlashni yaxshilaydi va an’anaviy ta’lim usullarini samarali qo‘llab-quvvatlaydi.

Kaliforniyadagi maktab okruglaridan birida ingliz tilini o‘rganayotgan ko‘p sonli o‘quvchilarga yordam berish uchun ushbu tizim muvaffaqiyatli qo‘llanildi. Natijada, o‘qituvchilar talabalarning darsda faolroq ishtirok etayotganini va ularning lisoniy ko‘nikmalari sezilarli darajada o‘sayotganini kuzatishdi. Shuni ta’kidlash joizki, texnologiyaga haddan tashqari tayanib qolish xavotiri ham mavjud. Texnik vositalarsiz muloqot qilish qobiliyatini zaiflashtirmaslik uchun sinxron tarjima an’anaviy metodlarni almashtirishi emas, balki ularni to‘ldirishi kerak. Shundagina talabalar har tomonlama mukammal ta’lim olib, nutq va tinglash mahoratini mustaqil rivojlantira oladilar.

Xulosa o‘rnida shuni takidlash mumkinki, sinxron tarjima texnologiyasini o‘quv jarayoniga tatbiq etish bilingual va multilingual ta’limda inqilobiy o‘zgarishlarga olib kelishi mumkin. Bu nafaqat til o‘zlashtirishni tezlashtiradi, balki o‘rganuvchining madaniy dunyoqarashini ham kengaytiradi. Texnologiya rivojlangani sayin, pedagoglar sinxron tarjimadan maksimal darajada foyda olish uchun uni o‘quv dasturlariga to‘g‘ri integratsiya qilish yo‘llarini izlashda davom etishlari zarur.

References:

1. Baker, C. (2020). The impact of live translation on second language acquisition in bilingual homes and tech platforms. *Journal of Second Language Learning, 34*(2), 123–136.
2. Bernstein, J. (2022). Enhancing language comprehension through cultural context in simultaneous translation. *Language and Culture, 14*(1), 102–116.

3. Fitzpatrick, J. (2021). The role of cultural context in vocabulary acquisition for bilingual children. *Journal of Bilingual Education, 29*(3), 215–227.
4. Hufeisen, S., & Neuner, G. (2004). The effect of simultaneous translation on vocabulary acquisition and grammar comprehension in foreign language learning. *Language Learning Journal, 52*(1), 39–56.
5. Johnson, R. (2022). Ensuring quality standards in children's media translation: A comparative study of live and pre-recorded translations. *International Journal of Translation and Cultural Studies, 28*(4), 134–146. https://doi.org/10.1080/12345678.2022.2020493
6. Pavlenko, A. (2009). The bilingual mental lexicon and word retrieval in simultaneous translation. *Bilingualism: Language and Cognition, 12*(2), 233–244.
7. Wagner, M., & Falodun, S. (2018). Real-time translation and its effects on second language vocabulary acquisition. *Journal of Second Language Acquisition, 30*(2).
8. Wang, X.-L. (2021). Parental views on simultaneous translation and its impact on children’s language development. *Journal of Language Development and Education, 15*(2), 123–134.

Developing intercultural pragmatic competence in English language teaching

Rakhimov Mansur Odiljonovich
ichbinreich1979@mail.ru
Senior teacher, Department of Teaching English Methodology No. 3,
Uzbek State World Languages University

Annotation *This article provides a thorough examination of the critical role that intercultural pragmatic competence plays in contemporary English language instruction. This sophisticated construct extends beyond traditional linguistic knowledge to encompass the nuanced understanding of how language functions within diverse cultural frameworks to convey meaning, intent, and social relationships. Contemporary English Language Teaching (ELT) methodologies have undergone a significant paradigmatic transformation, characterized by growing acknowledgment of the complex interdependence between linguistic structures, communicative intentions, and the sociocultural contexts that shape their interpretation. This comprehensive perspective deliberately moves beyond conventional pedagogical approaches that prioritized grammatical accuracy and lexical acquisition in relative isolation. Rather, it actively promotes a more profound comprehension of target cultures, recognizing that successful communication depends substantially on understanding culturally conditioned expectations regarding appropriateness, politeness, and discourse organization. Central to this evolving pedagogical framework is the systematic integration of communicative language teaching principles. This approach provides substantial theoretical foundations for investigating how cultural norms, social conventions, and contextual factors fundamentally influence language learners' interpretation and production of meaning in authentic communicative situations. Ultimately, the findings presented herein compellingly demonstrate the imperative of equipping language learners not merely with structural accuracy and lexical diversity, but fundamentally with the pragmatic awareness essential for genuinely effective, contextually appropriate, and mutually comprehensible cross-cultural communication, thereby enabling them to navigate the complexities of international discourse with competence and cultural sensitivity.*

Keywords *Intercultural communication, globalization, pragmatic competence, communicative language teaching, sociocultural norms, pedagogical integration, cross-cultural awareness, discourse conventions, contextual appropriateness, language socialization, instructional methodology, speech acts, intercultural sensitivity*

Ingliz tilini o'qitishda madaniyatlararo pragmatik kompetentsiyani rivojlantirish

Rahimov Mansur Odiljonovich
ichbinreich1979@mail.ru
Ingliz tilini o'qitish metodikasi kafedrasi katta o'qituvchisi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola zamonaviy ingliz tilini o'qitishda madaniyatlararo pragmatik kompetensiyaning muhim rolini batafsil o'rganib chiqadi. Ushbu murakkab*

konstruksiya an'anaviy lingvistik bilimlardan tashqari, tilning turli madaniy doiralarda ma'no, niyat va ijtimoiy munosabatlarni yetkazish uchun qanday ishlashini chuqur tushunishni ham qamrab oladi. Zamonaviy ingliz tilini o'qitish (ELT) metodologiyalari sezilarli paradigmatik o'zgarishlarga uchradi, bu lingvistik tuzilmalar, kommunikativ niyatlar va ularning talqinini shakllantiruvchi ijtimoiy-madaniy kontekstlar o'rtasidagi murakkab o'zaro bog'liqlikni tobora ko'proq tan olish bilan tavsiflanadi. Ushbu keng qamrovli nuqtai nazar ataylab grammatik aniqlik va leksik o'zlashtirishni nisbiy izolyatsiyada ustuvor deb bilgan an'anaviy pedagogik yondashuvlardan tashqariga chiqadi. Aksincha, u muvaffaqiyatli muloqot asosan moslik, xushmuomalalik va nutqni tashkil etishga oid madaniy jihatdan shartli kutilgan natijalarni tushunishga bog'liqligini tan olib, maqsadli madaniyatlarni chuqurroq tushunishni faol ravishda qo'llab-quvvatlaydi. Ushbu rivojlanayotgan pedagogik doiraning markazida kommunikativ til o'qitish tamoyillarining tizimli integratsiyasi turadi. Ushbu yondashuv madaniy normalar, ijtimoiy konventsiyalar va kontekstual omillar til o'rganuvchilarning talqini va haqiqiy kommunikativ vaziyatlarda ma'no ishlab chiqarishiga qanday tubdan ta'sir qilishini o'rganish uchun jiddiy nazariy asoslarni taqdim etadi. Oxir-oqibat, bu yerda keltirilgan topilmalar til o'rganuvchilarni nafaqat strukturaviy aniqlik va leksik xilma-xillik bilan, balki chinakam samarali, kontekstga mos va o'zaro tushunarli madaniyatlararo muloqot uchun zarur bo'lgan pragmatik xabardorlik bilan qurollantirish zarurligini ishonchli tarzda namoyish etadi, shu bilan ularga xalqaro muloqotning murakkabliklarini kompetensiya va madaniy sezgirlik bilan yengib o'tishga imkon beradi.

Kalit so'zlar *Madaniyatlararo muloqot, globalizatsiya, pragmatik kompetensiya, kommunikativ til o'qitish, sotsiomadaniy normalar, pedagogik integratsiya, madaniyatlararo xabardorlik, nutq konventsiyalari, kontekstga moslik, tilni sotsializatsiya qilish, o'qitish metodologiyasi, nutq harakatlari, madaniyatlararo sezgirlik*

Развитие межкультурной прагматической компетенции при обучении английскому языку

Рахимов Мансур Одилжнович
ichbinreich1979@mail.ru
Старший преподаватель, Кафедра методики преподавания английского языка, Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В этой статье подробно рассматривается важнейшая роль,которую играет межкультурная прагматическая компетентность в современном обучении английскому языку. Эта сложная конструкция выходит за рамки традиционных лингвистических знаний и охватывает тонкое понимание того, как язык функционирует в различных культурных рамках, передавая смысл, намерение и социальные отношения. Современные методики преподавания английского языка (ELT) претерпели значительную парадигмальную трансформацию, характеризующуюся растущим признанием сложной взаимозависимости между языковыми структурами, коммуникативными намерениями и социокультурными контекстами,*

которые формируют их интерпретацию. Этот всеобъемлющий подход намеренно выходит за рамки традиционных педагогических подходов, которые отдают приоритет грамматической точности и усвоению лексики в относительной изоляции. Скорее, это активно способствует более глубокому пониманию культур целевых групп, признавая, что успешное общение в значительной степени зависит от понимания культурно обусловленных ожиданий в отношении уместности, вежливости и организации дискурса. Центральное место в этой развивающейся педагогической системе занимает систематическая интеграция принципов обучения коммуникативному языку. Этот подход обеспечивает существенную теоретическую основу для исследования того, как культурные нормы, социальные условности и контекстуальные факторы фундаментально влияют на интерпретацию изучающими язык и выработку смысла в аутентичных коммуникативных ситуациях. В конечном счете, результаты, представленные здесь, убедительно демонстрируют необходимость овладения изучающими язык не только структурной точностью и лексическим разнообразием, но и, по сути, прагматической осведомленностью, необходимой для действительно эффективной, соответствующей контексту и взаимопонятной межкультурной коммуникации, что позволяет им компетентно ориентироваться в сложностях международного дискурса и учитывать культурные особенности.

Ключевые слова *Межкультурная коммуникация, глобализация, прагматическая компетентность, коммуникативное обучение языку, социокультурные нормы, педагогическая интеграция, межкультурная осведомленность, дискурсивные конвенции, контекстуальная адекватность, языковая социализация, методика обучения, речевые акты, межкультурная чувствительность*

Introduction

The accelerating processes of globalization, characterized by unprecedented mobility, digital connectivity, and intensifying economic interdependence among nations, have indisputably consolidated English's position as the preeminent medium of international communication. This widespread global utilization of English, while enabling unprecedented opportunities for cross-cultural exchange, simultaneously generates considerable complexities regarding communicative effectiveness, cultural interpretation, and pedagogical practice. These complexities frequently manifest as impediments to learners' thorough comprehension and contextually appropriate employment of the language in real-world interactions. Consequently, a fundamental priority for contemporary English language educators involves transcending conventional language instruction paradigms and concentrating instead on cultivating genuinely communicatively competent individuals. Such learners must develop the sophisticated interactional repertoire necessary to participate meaningfully and appropriately with diverse interlocutors across varied professional, academic, and social settings.

One of the most persistent and significant challenges confronting contemporary educational systems, particularly within tertiary education, concerns the effective implementation of genuinely functional approaches to language instruction. While pedagogically sound in principle, practical application frequently proves insufficient in producing graduates adequately prepared for the exigencies of contemporary professional environments. Successful adaptation and comprehensive realization of one's professional identity as an emerging specialist in this dynamically evolving global context necessitate acquisition of multiple interrelated competencies: advanced communicative capability, refined sociocultural awareness, comprehensive pragmatic understanding, and sophisticated interactional flexibility. Regrettably, considerable numbers of university graduates demonstrate English language proficiency demonstrably insufficient for professional requirements; even those possessing foundational linguistic knowledge frequently encounter difficulty articulating complex propositions or participating effectively in specialized professional discourse (Taguchi, 2019). This deficiency is frequently exacerbated by limited understanding regarding the sociocultural conventions governing language use and the context-dependent nature of communicative appropriateness across different English-speaking communities.

A fundamental explanation for these persistent inadequacies involves learners' insufficient awareness of the intricate pragmatic dimensions embedded within English language use, coupled with limited familiarity with the interactional norms, discourse conventions, and sociocultural expectations prevalent in English-speaking environments. Consequently, students regularly misinterpret or entirely fail to recognize particular pragmatic phenomena, including indirect speech acts, politeness strategies, conversational implicature, or the culturally specific realization of communicative functions such as requesting, apologizing, or complimenting. It is therefore essential that any foreign language, particularly one with English's global reach, be understood not merely as an abstract system of grammatical rules and lexical items, but as a dynamic, socially situated phenomenon embodying the interactional norms, cultural values, and communicative practices of its speakers. This perspective acknowledges the fundamental reality that all living languages function within specific sociocultural contexts, reflecting and reinforcing the shared expectations, social relationships, and communicative conventions of their speech communities.

Irrespective of geographical location or historical period, language fundamentally serves as the essential medium of human social interaction and the primary vehicle through which cultural knowledge is transmitted, social identities are negotiated, and interpersonal relationships are established and maintained. To learn a language, therefore, is to gain access to its speakers' communicative world, enabling deeper comprehension and genuinely effective interaction.

One of the most fundamental and enduring concerns in the study of English, indeed any language, involves understanding how meaning is constructed and interpreted in social context. This inquiry explores the relationship between linguistic forms and their communicative functions, the influence of social variables on language use, and the conventions governing interaction in different speech communities, providing essential background for comprehending contemporary language use. Building upon this foundational understanding, an increasingly significant area of investigation known as *intercultural pragmatics* has developed. This dynamic field specifically examines how speakers from diverse cultural backgrounds navigate meaning construction, negotiate understanding, and manage interpersonal relationships through language in cross-cultural encounters.

At its core, intercultural pragmatics represents a significant intellectual synthesis, emerging from the integration of two related yet distinct domains of linguistic inquiry *pragmatics and cross-cultural communication*. Pragmatics, traditionally concerned with language use in context, examines how speakers convey and interpret meaning beyond literal expression, considering factors such as speaker intention, contextual information, and shared knowledge. Cross-cultural communication, conversely, investigates how communicative practices vary across different cultural groups and how such variation affects intergroup interaction. The integration of these perspectives has generated powerful new frameworks for understanding the complex relationship between linguistic choices and cultural expectations in intercultural discourse.

The late twentieth century witnessed substantial expansion of scholarly attention to pragmatic aspects of language learning, marking the field's development from what might previously have been considered peripheral concern to a centrally recognized domain within applied linguistics. This maturation involved development of rigorous research methodologies, comprehensive theoretical frameworks, and extensive empirical investigation, establishing pragmatics as fundamental to understanding second language acquisition and use. Within this context, intercultural pragmatics substantially draws upon *communicative competence frameworks* to provide systematic explanations for diverse interactional phenomena. These frameworks enable researchers to examine language not abstractly, but within its natural social and cultural context, revealing underlying dimensions of meaning and communicative function.

This theoretical integration proves particularly valuable when certain apparently anomalous interactional patterns cannot be adequately explained through purely linguistic analysis. For instance, why particular speech acts are realized differently across cultures, why specific politeness strategies are preferred in certain contexts, or how cultural values become encoded in conversational style frequently requires examination beyond grammatical structure or lexical choice. It necessitates understanding the shared cultural knowledge, social expectations, and interactional norms underlying communicative behavior.

The overarching objective of intercultural pragmatics is therefore to cultivate comprehensive understanding of language, conceptualizing it not as a decontextualized system but as a multifaceted, socially situated phenomenon intimately connected with human interaction. It achieves this through systematic examination of linguistic performance – from individual speech acts to extended discourse patterns – in relation to the sociocultural contexts within which communication occurs. This holistic perspective reveals how language simultaneously reflects and constructs speakers' cultural frameworks and social relationships.

A fundamental insight relevant to this field derives from Kecskes, who maintains that intercultural communication involves not merely the meeting of different languages but fundamentally the encounter between differing communicative norms, contextualization practices, and interactional expectations. This significant observation is directly addressed in contemporary language pedagogy through emphasis on *pragmatic competence*. Unlike traditional approaches focusing predominantly on grammatical correctness, pragmatic competence emphasizes that language learners must not only produce accurate linguistic forms but also understand what constitutes contextually appropriate language use across diverse social situations. This includes comprehending variation in directness, formality levels, turn-taking conventions, and the implicit cultural rules governing successful interaction (Ishihara and Cohen, 2021).

When applied to English language teaching and learning, an *intercultural pragmatic approach* places particular emphasis on *communicative function* – the purposes language serves in social interaction and how these purposes are conventionally realized in different contexts. From this comprehensive perspective, learning English transcends conventional focus on pronunciation, syntax, and vocabulary. Instead, it fundamentally involves acquiring the language through understanding its functional organization and cultural grounding. This means exploring how communicative acts such as requesting, refusing, complaining, or complimenting are conventionally performed in English, often varying significantly from patterns in learners' native languages.

This integrated approach enables students to acquire *contextualized communicative knowledge* – a seamless understanding of how linguistic choices, social variables, and cultural expectations interact in actual language use. It empowers them to grasp not merely *what* particular expressions mean literally, but *how* they function communicatively within English-speaking contexts. Consequently, this leads to development of *intercultural pragmatic competence*, understood not as accumulated factual knowledge but as dynamic capability specifically required for effective participation in real-world communicative events. The comprehensive *Routledge Handbook of Pragmatics* defines this as "the ability to understand and produce contextually appropriate language in intercultural interaction," implying effective and culturally sensitive communication.

In practical terms, this means that learners possessing intercultural pragmatic competence should demonstrate ability to recognize a linguistic expression's propositional content and, crucially, relate that content to the *interactional intention* underlying particular communicative choices. For example, understanding that "Could you possibly open the window?" functions as a request rather than an inquiry about ability requires recognizing the conventionalized indirectness (the pragmatic strategy) rather than interpreting the utterance literally. The learner can then discern the socially appropriate meaning underlying the linguistic form. This conception aligns effectively with formulations in applied linguistics literature, where "competence" broadly refers to an individual's underlying knowledge system, and "performance" represents the manifestation of this knowledge in actual language use.

Intercultural pragmatic investigation encompasses a broad and fascinating range of language-related phenomena. These include detailed examination of how culture shapes communicative practices – for instance, how different linguistic communities organize conversational discourse, manage topic introduction and shift, or express politeness through varied linguistic strategies. They also explore the intricate relationship between linguistic forms and their interactional functions, frequently revealing implicit cultural values embedded in communicative conventions. Understanding *situated meaning*, which emerges dynamically from the intersection of linguistic expression and contextual factors, is fundamental to this field. This understanding recognizes that the relationship between language and context is not unidirectional but *mutually constituting*: language both responds to and creates contextual parameters, reflecting existing social norms while simultaneously shaping communicative expectations.

Language fundamentally shapes intercultural interaction, influencing how participants from different backgrounds negotiate understanding, establish rapport, and accomplish communicative goals. This influence is reciprocal, as cultural expectations also shape language use. However, it is essential to acknowledge that the complex relationship between language and culture in intercultural communication presents

numerous challenging and potentially problematic issues. One significant issue arises when the pragmatic expectations embedded in linguistic choices operate primarily at an implicit, taken-for-granted level. This means that genuine comprehension frequently requires sophisticated understanding of the social conventions, cultural values, and interactional norms prevalent in the speech community, moving beyond literal interpretation to grasp the indirect meanings, politeness strategies, and conversational routines that embody culturally specific ways of communicating.

The inseparability of language and social context is as fundamental as the inseparability of language and culture. Language serves not merely as communication medium but as primary means of social action, reflecting and constituting the interactional norms, social relationships, and cultural practices of its speakers. The study of language use itself encompasses extensive information about how language functions within specific speech communities, including situational variation, register differences, and the dynamic relationship between linguistic forms and their interactional functions. Factors influencing language use are commonly categorized into two principal types: linguistic and sociolinguistic factors. Linguistic factors concern the internal properties of the language system itself, such as syntactic structures or phonological patterns.

In a specific sense, the term "sociolinguistic" refers to diverse social circumstances influencing various aspects of human communication, including participant characteristics, setting, purpose, and norms of interaction that shape language production and interpretation. However, most fundamentally, sociolinguistic factors crucially encompass cultural values highly relevant to communicative practices. These include, but are not limited to, social organization patterns, power relationships, community values regarding directness and indirectness, culturally specific understandings of politeness, historical traditions of verbal interaction, extensive contact with other linguistic communities, and the development of literacy and literary expression. All these sociocultural factors fundamentally determine the patterns of language use characteristic of particular speech communities at any historical moment and shape their subsequent communicative evolution. A compelling contemporary example involves the global spread of English and its adaptation in diverse cultural contexts, a sociolinguistic phenomenon fundamentally transforming communicative practices and influencing English language development worldwide.

Understanding the social organization, cultural values, and interactional practices of a speech community provides invaluable insight into the nuances and specificities of language use. This sociocultural contextual knowledge constitutes a fundamental aspect of developing robust intercultural pragmatic competence. By adopting a socially informed perspective on linguistic phenomena, students can achieve more appropriate and comprehensive comprehension and production in the target language. Furthermore, knowledge of principles governing language use, such as politeness universals, speech act realization patterns, and conversational organization, combined with capacity to explain specific communicative practices based on informed understanding of both linguistic and sociocultural factors, substantially facilitates scientific comprehension of the fundamental principles underlying contemporary English language use. For instance, understanding cultural preferences for indirectness helps explain variation in request strategies across different English-speaking communities.

For this very reason, students attach considerable importance to courses addressing language use in social context. The principal objectives for such courses are carefully designed to achieve specific educational outcomes:

First, to identify and analyze the systematic principles governing language as social action, situated within particular communicative contexts. This involves detailed examination of how pragmatic meaning, discourse organization, and interactional strategies develop and fundamentally depend upon sociocultural factors, revealing language as dynamic social practice rather than isolated formal system.

Second, to thoroughly consider and explicate the profound and intricate connection between communicative practices and the cultural values, social organization, and historical experience of speech communities. This symbiotic relationship is perhaps most compellingly illustrated through numerous examples of cross-cultural variation in speech act realization, demonstrating how social norms, cultural priorities, and interactional expectations directly influence the communicative patterns characterizing different linguistic communities.

This text delineates the essential purposes and significant implications of studying language use and communicative practices in English. It emphasizes several key objectives:

- *Developing Pragmatic Awareness and Contextual Sensitivity:* A primary aim involves cultivating students' capacity to recognize specific pragmatic phenomena and to skillfully establish connections between linguistic forms and their communicative functions across varied social contexts. This capability is paramount, as it directly prepares students for future academic and professional endeavors requiring accurate explanation and informed application of principles governing contextually appropriate language use.
- *Foundational Knowledge for Communicative Competence:* The curriculum systematically introduces students to essential concepts and research findings pertaining to pragmatic organization, speech act realization, and discourse conventions in English. This empirical foundation serves as essential basis, fostering understanding of communication as socially situated practice and providing robust framework for comprehending principles governing effective interaction.
- *Unveiling the Systematic Principles of Language Use:* A key objective involves elucidating underlying principles governing language as social action, situated within communicative context. This requires detailed examination of how pragmatic strategies, discourse patterns, and interactional norms not only function individually but also mutually influence and depend upon one another across communicative situations.
- *Connecting Language Use to Cultural and Social Context:* Furthermore, study emphasizes inextricable links between communicative practices and the cultural values, social organization, and interactional norms of English-speaking communities. This profound relationship is particularly well-demonstrated through examination of cross-cultural variation in areas such as politeness, conversational style, and speech act realization.
- *Understanding the Contextual Nature of Communication:* Through analytical examination of language use across diverse settings and situations, utilizing authentic interactional data, students develop deep understanding that communication is not uniform but systematically varies according to contextual factors, participant relationships, and communicative purposes. Contemporary English, in its present diversity of use, is direct outcome of complex interaction between linguistic resources and contextual demands across communicative situations.

This contextual perspective proves particularly significant because it reveals that many aspects of language use that might superficially appear arbitrary or idiosyncratic reflect systematic adaptation to social and cultural parameters. For instance, apparently inconsistent patterns in directness levels, variation in address form usage, or culturally specific interpretation of particular speech acts can be systematically accounted for by examining their relationship to contextual factors and cultural values. Consequently, comprehensive understanding of language use in social context is not merely academic exercise but indispensable prerequisite for truly comprehending the nuanced operation of contemporary English in actual communication.

In the rapidly transforming landscape of contemporary global interaction, the profound significance of *intercultural communication* as essential foundation for successful international engagement cannot be overstated. It serves as fundamental basis for fostering mutual understanding, cooperative relationships, and productive exchange across diverse populations and nations. Consequently, the complex challenge of carefully designing and implementing effective pedagogical frameworks for teaching intercultural communication becomes paramount. Such frameworks are not merely academic exercises; they are instrumental in substantially *enhancing students' intrinsic motivation* to engage seriously with foreign language study, given the tangible relevance of cross-cultural interaction in contemporary life. Furthermore, this pedagogical emphasis naturally elevates development of *intercultural pragmatic competence* to position of particular importance, moving beyond mere linguistic proficiency to encompass deeper communicative awareness. Under these prevailing conditions, comprehensive understanding of *language use in social context* has become increasingly crucial, serving as gateway to understanding English's global diversity, its culturally grounded communicative practices, and its role as predominant medium of international discourse.

The overarching *goal of cultivating students' intercultural pragmatic competence* is multifaceted and profoundly transformative (Taguchi & Roever 2017). It is meticulously designed to empower individuals with sophisticated understanding of their *own communicative norms and cultural background*, fostering robust awareness of how their interactional expectations derive from specific cultural traditions. Simultaneously, it aims to clarify the *distinctive features and dynamic character of their native communicative practices* within the intricate tapestry of global interaction patterns. This competence further encompasses in-depth exploration of *pragmatic organization in the target language*, examining its conventional patterns, contextual variation, and sociocultural foundations. Crucially, it seeks to immerse students in authentic *interactional practices of English-speaking communities*, revealing the communicative norms and shared expectations defining successful communication. The curriculum also endeavors to highlight *cultural values underlying communicative preferences* and their relationship to universal human concerns, fostering appreciation for both cultural specificity and shared interactional needs. Ultimately, this comprehensive understanding is intended to enhance their *capacity for effective international representation*, enabling confident and competent participation in global dialogues. This specialized course is crafted to deeply engage students in intensive *linguistic analysis and cross-cultural investigation*, all with the overarching pedagogical objective of educating them in fundamental *humanistic principles* of mutual understanding, intercultural respect, and global citizenship.

Students who successfully acquire *intercultural pragmatic competence* are thereby equipped with robust practical and

analytical capabilities. They are empowered to *undertake independent investigation*, venturing beyond prescribed materials into original inquiry and critical reflection. They gain invaluable ability to *communicate fluently and appropriately across diverse contexts*, transcending grammatical correctness to achieve genuine communicative effectiveness. Furthermore, they can *comprehend and critically analyze complex sociocultural dimensions of English language use*, navigating nuanced interactional dynamics and contextual expectations. Their competence culminates in capacity to *prepare and deliver informed presentations on selected topics*, demonstrating research, analytical, and communication skills. Through systematic and rigorous *study of language in use*, students are methodically introduced to comprehensive understanding of human communicative practices and the universal interactional needs transcending cultural boundaries. This immersive educational journey profoundly *contributes to development of nuanced cultural awareness*, fostering appreciation for diversity while promoting *enlightened citizenship* extending beyond national borders to embrace global responsibilities. It actively cultivates *empathy, open-mindedness, and profound respect for diverse communicative practices*, laying groundwork for productive intercultural interaction. Moreover, it creates genuine opportunity for students to become intimately familiar with *universal dimensions of human communication* as manifested across diverse cultures, as well as the rich variety of *global interactional practices*. This comprehensive exposure is essential for enabling them to thoroughly *comprehend the multifaceted nature of contemporary communication*, fostering critical thinking and adaptability necessary for navigating global interaction.

The crucial process of developing *intercultural pragmatic competence and refined communicative awareness* is significantly facilitated and enhanced through dedicated *experimental pedagogical work*. This practical, experiential approach allows students to apply theoretical knowledge in simulated or authentic intercultural scenarios. To rigorously assess the tangible *impact of such experiential activities on students' progressive development of pragmatic competence*, sophisticated *assessment instruments* were carefully employed. These evaluations were designed to measure not only linguistic gains but also growth in pragmatic awareness, contextual sensitivity, and interactional adaptability. Subsequent analysis of *experimental results* revealed compelling patterns, underscoring effectiveness of this pedagogical approach:

- Students demonstrated enhanced ability to critically evaluate and internalize contextually appropriate communication norms, showing greater sensitivity to culturally specific conversational conventions.
- Students deepened capacity to systematically examine and understand their own communicative practices, fostering heightened self-awareness and enabling more informed cross-cultural comparison.
- Students actively participated in authentic, real-world intercultural communication activities, moving beyond theoretical discussion to practical application, thereby consolidating competence through direct experience.

In conclusion, the discourse surrounding intercultural learning within English language study transcends mere academic pursuit; it represents *one of the most significant values and essential educational objectives* in contemporary pedagogy. Furthermore, the very essence of *intercultural pragmatic competence* is predicated on the synergistic relationship between multiple languages and cultures – learners' native language and culture alongside target language and culture – with foundational understanding of one's *own communicative norms serving as essential foundation* upon which broader competence is constructed. Significantly,

learner-centered pedagogy emerges as fundamental cornerstone for establishing the crucial psychological and educational conditions optimally supporting students' development of intercultural pragmatic competence, fostering active engagement and personalized learning. Finally, it is evident that robust *communicative proficiency exerts powerful and transformative educational impact* on continuous development of this nuanced intercultural competence, serving as primary means for accessing, interpreting, and participating in diverse communicative practices.

Conclusion

The comprehensive analysis of research findings decisively points toward urgent necessity to re-examine and reconceptualize current educational objectives for language learners. This imperative derives from deepened understanding of human development and societal requirements in increasingly interconnected global contexts.

At the heart of this re-examination is fundamental recognition that *communicative practice* constitutes crucial and inseparable dimension of human capability. Communicative competence serves as foundation upon which individual identity, social relationships, professional success, and cross-cultural understanding are constructed. It represents the medium through which individuals participate in social life, accomplish practical goals, and establish meaningful connections with others. To neglect pragmatic and intercultural dimensions in language education is to substantially limit learners' capacity for full personal, professional, and social realization.

Furthermore, *culture and communication*, being fundamentally intertwined aspects of human social life, are inseparable in practice and mutually constitutive in nature. Communication is not merely neutral information exchange but culturally grounded social action, embodying and expressing the values, expectations, and relationship patterns characteristic of particular communities. Effective communication, therefore, inherently requires cultural understanding and pragmatic awareness.

Given this intrinsic interconnection, cultivation of *"intercultural pragmatic competence"* emerges as indispensable educational objective. This multifaceted competence is herein conceptualized through several critical components:

- **Psychological Readiness**: This encompasses learners' intrinsic willingness and emotional preparation for intercultural engagement. It includes genuine *curiosity* about diverse communicative practices, strong *motivation* to achieve mutual understanding, and importantly, overcoming apprehension regarding *communication in an additional language*. This psychological readiness fosters confidence and openness, essential for initiating and sustaining intercultural interaction.
- **Linguistic Foundation**: Solid grounding in linguistic resources is naturally essential, including *productive and receptive skills* (fluency, comprehensibility, accurate expression) and comprehensive command of *linguistic content* (vocabulary, grammatical structures, discourse markers).
- **Pragmatic Awareness (The Paramount Component)**: However, transcending mere linguistic knowledge, the paramount component involves acquisition of substantial and nuanced *pragmatic awareness* regarding English language use and its speakers' communicative expectations. This encompasses understanding implicit conventions governing appropriateness, politeness strategies, speech act realization, conversational organization, contextual variation, and culturally specific interactional norms. Without this

critical layer of awareness, even linguistically accurate production can lead to misunderstanding, perceived inappropriateness, or communication breakdown, impeding genuine connection.

References:

1. Ishihara, N., and Cohen, A.D., (2021). *Teaching and Learning Pragmatics: Where Language and Culture Meet*. 2nd Edition. Routledge.
2. Kecskes, I., (2019). *Intercultural Pragmatics*. 2nd Edition. Oxford University Press.
3. Taguchi, N., (2019). *The Routledge Handbook of Second Language Acquisition and Pragmatics*. Routledge.
4. Taguchi, N., and Roever, C., (2017). *Second Language Pragmatics*. Oxford University Press.
5. Barron, A., (2023). *Acquisition in Interlanguage Pragmatics: Learning How to Do Things with Words in a Study Abroad Context*. John Benjamins.
6. Martinez-Flor, A., and Uso-Juan, E., (2022). *Pragmatic Competence and Foreign Language Teaching*. Routledge.
7. Culpeper, J., Mackey, A., and Taguchi, N., (2018). *Second Language Pragmatics: From Theory to Research*. Routledge.
8. Brown, P., and Levinson, S.C., (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University Press.
9. Spencer-Oatey, H., and Franklin, P., (2020). *Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication*. Palgrave Macmillan.
10. Blum-Kulka, S., House, J., and Kasper, G., (2019). *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Ablex Publishing.

Level-Based Diagnostics of Developing Ethnocultural Linguistic Personality Types in Language University Students

Saidova Mariya Aleksandrovna[9]
mariyas2702@gmail.com
PhD Candidate,
National Pedagogical University of Uzbekistan named after Nizami

Annotation *This paper proposes a level-based diagnostic framework for tracking how language-university students develop an ethnocultural type of linguistic personality during professional English training. The study argues that mastering Anglophone communicative behaviour requires not only lexico-grammatical skills but also interpretive reflection, cultural commenting, and pragmatic adaptation. The framework operationalises four levels – local ethnocentric, comparative reactive, contrastive adaptive, and intercultural strategic – each described through observable verbal and nonverbal indicators, typical interference errors, and assessment criteria. The model was validated in a pedagogical experiment (EG N=356–357; CG N=342–344) using three measurements (entry, mid-course, exit) and a mixed toolkit (situational tests, scenario-based contrastive analysis, classroom observation, and self-assessment). Results show a stronger upward shift in the experimental group: the intercultural-strategic level rose from 7.86% to 20.45%, while the local-ethnocentric level decreased from 49.72% to 25.49%. Tasks draw on the author's teaching manual and target routine classroom and interaction scripts.*

Keywords *Ethnocultural linguistic personality, communicative behaviour, intercultural pragmatics, speech-behaviour interference, level-based diagnostics, pragmatic competence, scenario-based tasks, language university*

Til oliygohi talabalarida etnomadaniy til shaxsiyati tipini shakllantirishning darajali diagnostikasi

Saidova Mariya Aleksandrovna
mariyas2702@gmail.com
PhD doktoranti,
Nizomiy nomidagi O'zbekiston milliy pedagogika universiteti

Annotatsiya *Maqolada til oliygohi talabalarida ingliz tili kasbiy ta'limi jarayonida etnomadaniy til shaxsiyati tipini shakllantirishni darajali diagnostika qilish modeli bayon etiladi. Muallif kommunikativ xulqni o'zlashtirish leksik-grammatik bilimlar bilangina cheklanmasdan, interpretativ refleksiya, madaniy kommentariy va pragmatik moslashuvni ham talab qilishini asoslaydi. Diagnostik shkalada to'rt daraja ajratiladi: lokal-etnosentrik, qiyosiy-reaktiv, kontrastiv-adaptiv va intermadaniy-strategik; har bir daraja uchun kuzatiladigan verbal/noverbal indikatorlar hamda interferensiya xatolari ko'rsatiladi. Model pedagogik tajribada sinovdan o'tkazildi (EG N=356–357; KG N=342–344) va uch srez (kirish, oraliq, yakuniy) asosida baholandi; vositalar: vaziyatli testlar, ssenariylarni qiyoslash, kuzatuv va o'zini baholash. Natijalar EGda ijobiy siljishni ko'rsatdi: intermadaniy-strategik daraja 7,86% dan 20,45% gacha oshdi, lokal-etnosentrik*

[9] Saidova M.A. — ORCID: 0000-0002-6228-5123

daraja esa 49,72% dan 25,49% gacha kamaydi. Topilmalar kelajak ingliz tili o'qituvchilarini tayyorlashda qiyosiy tahlil va rubrikaga tayangan baholashning metodik imkoniyatlarini ochib beradi.

Kalit so'zlar *Etnomadaniy til shaxsiyati tipi, kommunikativ xulq-atvor, intermadaniy pragmatika, nutqiy-xulqiy interferensiya, darajali diagnostika, pragmatik kompetensiya, qiyosiy tahlil, til oliygohi*

Уровневая диагностика формирования этнокультурного типа языковой личности студентов языкового вуза

Саидова Мария Александровна
mariyas2702@gmail.com
Докторант (PhD),
Национальный педагогический университет Узбекистана имени Низами

Аннотация *В статье предлагается модель уровневой диагностики формирования этнокультурного типа языковой личности студентов языкового вуза в процессе профессионального обучения английскому языку. В статье раскрывается тот факт, что освоение коммуникативного поведения англоязычного народа требует не только лексико-грамматических умений, но и интерпретативной рефлексии, культурного комментирования и прагматической адаптации. Диагностическая шкала включает четыре уровня: локально-этноцентрический, сравнительно-реактивный, контрастивно-адаптивный и межкультурно-стратегический; для каждого уровня описаны наблюдаемые вербальные/невербальные индикаторы, типичные интерференционные ошибки и критерии оценивания. Методология апробирована в педагогическом эксперименте (ЭГ =356–357; КГ =342–344) с тремя срезами (входной, промежуточный, итоговый) и комплексным инструментарием (тест-ситуации, сценарное сопоставление, наблюдение, самооценка). Результаты фиксируют более выраженную позитивную динамику в экспериментальной группе, рост межкультурно-стратегического уровня с 7,86% до 20,45% при снижении локально-этноцентрического с 49,72% до 25,49%. Обсуждаются методические следствия для подготовки будущих учителей английского языка. Задания разработаны на материале учебного пособия и ориентированы на сопоставление английских, узбекских и русских сценариев общения (приветствие, просьба, отказ, благодарность).*

Ключевые слова *Этнокультурный тип языковой личности, коммуникативное поведение, межкультурная прагматика, речеповеденческая интерференция, уровневое обучение, диагностика, прагматическая компетенция, языковой вуз*

Введение

В языковом вузе Узбекистана результат обучения английскому языку всё чаще оценивается не только по строгим критериям грамматической правильности и объёма словарного запаса, но и по

параметрам культурно-прагматической уместности речи. На практике в подготовке будущих специалистов по иностранным языкам зачастую, именно «прагматический компонент» становится зоной системных затруднений: обучающиеся произносят формально корректные высказывания, но выбирают речевые стратегии, которые в англоязычном дискурсе воспринимаются как чрезмерно прямые, неоправданно категоричные, избыточно эксплицитные либо, напротив, недостаточно кооперативные (Thomas, 1983; Kasper & Rose, 2002; Taguchi, 2015). Подобные расхождения обусловлены, главным образом, речеповеденческой интерференцией – переносом культурно-нормативных сценариев родной коммуникативной традиции в ситуации общения на иностранном языке (Scollon & Scollon, 2001; Spencer-Oatey, 2008).

В диссертационном исследовании для точного описания данного феномена вводится категория «этнокультурный тип языковой личности». Методическая ценностьданного понятия заключается в том, что она позволяет рассматривать не отдельные ошибки в речи, а устойчивый комплекс установок и предпочтений, проявляющихся в повторяющихся сценариях общения: приветствие, обращение, просьба, отказ, благодарность, комплимент, несогласие, общение в цифровой среде. Таким образом, диагностика ориентируется не только на то, что сказал студент, но и как он интерпретирует ситуацию (роль, статус, дистанцию, ожидаемую степень прямоты или смягчения) и какую именно стратегию выбирает (Brown & Levinson, 1987; Leech, 1983; Hall, 1976; Hofstede, 2001).

Актуальность разработки уровневой диагностики обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, формирование речеповеденческой компетенции имеет поступательный характер и требует инструментов мониторинга, сопоставимых по валидности на разных этапах обучения. Во-вторых, в условиях Узбекистана необходимо учитывать взаимодействие узбекских и русских коммуникативных норм с англоязычными моделями, поскольку именно на «стыке» культурных сценариев наиболее вероятны скрытые прагматические несоответствия. Следовательно, диагностическая модель должна быть одновременно сопоставимой, операциональной и педагогически интерпретируемой.

Цель статьи – представить модель уровневой диагностики формирования этнокультурного типа языковой личности студентов языкового вуза и показать её работу на данных педагогического эксперимента с контрольной и экспериментальной группами.

Задачи настоящей статьи заключаются в: определении теоретических оснований диагностики этнокультурно маркированного коммуникативного поведения, описании четырёхуровневой шкалы и её индикаторов, представлении диагностического инструментария и процедуры оценивания; анализе динамики уровней и статистической значимости различий, формулировании рекомендаций для преподавателей языковых вузов.

Обзор литературы

Теоретическое осмысление коммуникативного поведения в прагматическом аспекте опирается на ряд взаимодополняющих направлений. Во-первых, это исследования коммуникативной компетентности, где уместность и «социальная приемлемость» высказывания рассматриваются как ключевой показатель владения языком в действии (Hymes, 1972; Canale & Swain, 1980). Во-вторых, межкультурная прагматика и теория прагматической неудачи демонстрируют, что смысл высказывания формируется на пересечении языковой формы и культурного контекста, а ошибка может быть

«скрытой»: грамматика корректна, но социальный эффект непредсказуем или нежелателен (Thomas, 1983; Trosborg, 1995; Ishihara & Cohen, 2010).

Отдельный пласт исследований связан с вежливостью, управлением дистанцией и «лицом» в общении. Модели вежливости, несмотря на дискуссионность, дают методике обучения практический инструментарий для анализа прямоты/смягчения, выбора обращений и ритуальных формул (Brown & Levinson, 1987; Leech, 1983; Spencer-Oatey, 2008). Существенным для сопоставительных исследований является положение о различной «контекстности» культур: в высококонтекстных сообществах значительная часть смысла имплицитна, а речевые действия «встроены» в социальные ожидания; в низкоконтекстных – больше внимания уделяется явной формулировке намерения и договорённостей (Hall, 1976; Hofstede, 2001).

Параллельно развивается подход к описанию коммуникации как набора сценариев и дискурсивных норм, регулирующих выбор стратегий в типовых ситуациях. С этой точки зрения обучение прагматике требует не единичных упражнений на «формулы», а системной работы с коммуникативно-сценарным репертуаром и сопоставлением культурных норм (Scollon & Scollon, 2001; Byram, 1997). При этом исследования по обучению прагматике подчёркивают необходимость диагностических инструментов, фиксирующих не только результат (реплика), но и интерпретационную компетентность обучаемого (Kasper & Rose, 2002; Taguchi, 2015).

Для узбекского контекста принципиально важна традиция методических исследований, рассматривающих межкультурную компетентность как целевой результат профессиональной подготовки на факультетах английского языка. В частности, в трудах узбекских исследователей акцентируется необходимость формировать у студентов способность соотносить нормы родной культуры и культуры изучаемого языка, развивая культурно-прагматическую рефлексию и готовность к адаптации речевого поведения (Махкамова, 2010; Makhkamova, 2021). Отдельное направление составляют исследования фатической коммуникации и ритуализированных форм общения, важные для диагностики сценариев приветствия, обращения и поддержания контакта (Ҳамроева, 2022).

Таким образом, литература обосновывает три ключевых положения для настоящей статьи: 1) прежде всего прагматическая компетенция требует отдельной диагностики, 2) интерференционные ошибки целесообразно описывать как расхождение культурных сценариев, 3) эффективная диагностика должна иметь уровневую структуру и операциональные индикаторы.

Методология исследования

Исследование реализовано в формате педагогического эксперимента с контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами в языковых вузах Узбекистана. На входном этапе (первый срез) участвовали 356 студентов в ЭГ и 343 студента в КГ. На последующих срезах объёмы групп незначительно варьировались в пределах статистически допустимых колебаний (ввиду добавления и исключения студентов): второй срез – ЭГ 354, КГ 342; итоговый срез – ЭГ 357, КГ 344.

Целевую аудиторию для проведения диагностики составили студенты, проходящие профессиональную подготовку по английскому языку и как будущие педагоги. Это важно, поскольку этнокультурный тип языковой личности рассматривается в исследовании как характеристика будущего профессионального речеповеденческого профиля.

Объектом диагностики выступает сформированность этнокультурно релевантного коммуникативного поведения в типовых ситуациях общения на английском языке. В терминах концепции это понимается как динамика формирования этнокультурного типа языковой личности, проявляющегося в выборе стратегий, степени прямоты, способах смягчения, обращениях, ритуальных формулах и коммуникативной инициативе, а также способности корректной интерпретации полученных сообщений.

Операционализация выполнена через четырёхуровневую шкалу, отражающую поступательный переход от этноцентричной интерпретации к стратегическому управлению межкультурным взаимодействием: локально-этноцентрический, сравнительно-реактивный, контрастивно-адаптивный и межкультурно-стратегический.

Индикаторы уровней

Ниже представлена модель уровней в виде диагностически пригодных индикаторов.

Уровень	Ключевая характеристика	Типичные речеповеденческие проявления	Типичные интерференционные риски	Диагностический «маркер»
Локально-этноцентрический	Опора на нормы родной культуры при интерпретации и выборе стратегии	прямота/категоричность или избыточная ритуальность без учёта англоязычной нормы; трудности в выборе обращений	«буквальный перенос» сценария; неверная оценка дистанции и статуса	студент не объясняет выбор стратегии или объясняет через нормы родной культуры
Сравнительно-реактивный	Различия замечаются, но адаптация ситуативна	попытки использовать формулы, но без устойчивого контроля уместности; колебания в смягчителях	частичная адаптация, но неустойчивость; смешение норм	студент фиксирует «иначе принято», но не может обосновать прагматический эффект
Контрастивно-адаптивный	Осознанная прагматическая коррекция поведения	выбор стратегий с учётом роли/контекста; использование смягчителей; адекватные обращения	снижение интерференции; остаются точечные ошибки	студент аргументирует выбор через ожидаемую реакцию адресата и нормы дискурса
Межкультурно-стратегический	Гибкое управление отношениями и рисками взаимодействия	вариативность формул, прогнозирование эффекта; культурное комментирование	минимизация интерференции; высокая метапрагматика	студент умеет предложить альтернативы и объяснить их «социальную цену»

Таблица 1. *Уровни сформированности этнокультурного типа языковой личности и диагностические индикаторы*

Диагностика включала комплекс заданий, сгруппированных по сценариям общения: приветствие, обращение, просьба, отказ, благодарность, несогласие. Задания были построены так, чтобы фиксировать и продукт речи, и интерпретационную компетентность.

Блок заданий	Пример формата	Что измеряется	Выходной продукт
Сценарно-ситуативные задания	мини-кейсы с ролями и контекстом	выбор стратегии, прямота/смягчение, адресность	реплика + обоснование выбора
Анализ аутентичных диалогов	фрагменты общения	распознавание намерения, оценка уместности	комментарий + корректировка реплик
Ролевое моделирование	короткие диалоги	перенос стратегии в действие	запись/текст диалога + самооценка
Культурное комментирование	«почему здесь так?»	метапрагматика, объяснение нормы	культурный комментарий

Таблица 2. *Диагностический инструментарий и измеряемые параметры*

Оценивание осуществлялось по рубрике, согласованной с четырёхуровневой моделью. Для статистической обработки уровни кодировались (1–4), что позволило вычислять средневзвешенные показатели динамики.

Анализ и Результаты

В анализе данных применялась комбинация описательных и проверочных статистических процедур. На первом этапе результаты обобщались средствами описательной статистики, что позволило представить структуру распределений по уровням в виде долей и процентных показателей. Далее для проверки различий в распределении студентов экспериментальной и контрольной групп по четырёхуровневой шкале использовался критерий согласия χ^2 ($df = 3$; $p < 0,05$). Дополнительно рассчитывался интегральный средневзвешенный показатель уровня сформированности, где каждому уровню присваивался показатель от 1 до 4, что обеспечивало сопоставимую количественную интерпретацию динамики по срезам.

Уровень	ЭГ — 1 срез (N=356)	ЭГ — 2 срез (N=354)	ЭГ — 3 срез (N=357)	КГ — 1 срез (N=343)	КГ — 2 срез (N=342)	КГ — 3 срез (N=344)
Локально-этноцентрический	177 (49,72%)	128 (36,16%)	91 (25,49%)	169 (49,27%)	166 (48,53%)	130 (37,79%)

Сравнительно-реактивный	120 (33,71%)	104 (29,38%)	103 (28,85%)	115 (33,53%)	115 (33,63%)	124 (36,05%)
Контрастивно-адаптивный	31 (8,71%)	80 (22,60%)	90 (25,21%)	31 (9,04%)	32 (9,36%)	53 (15,41%)
Межкультурно-стратегический	28 (7,86%)	42 (11,86%)	73 (20,45%)	28 (8,16%)	29 (8,48%)	37 (10,75%)

Таблица 3. *Динамика уровней формирования этнокультурного типа языковой личности (ЭГ/КГ, 3 среза)*

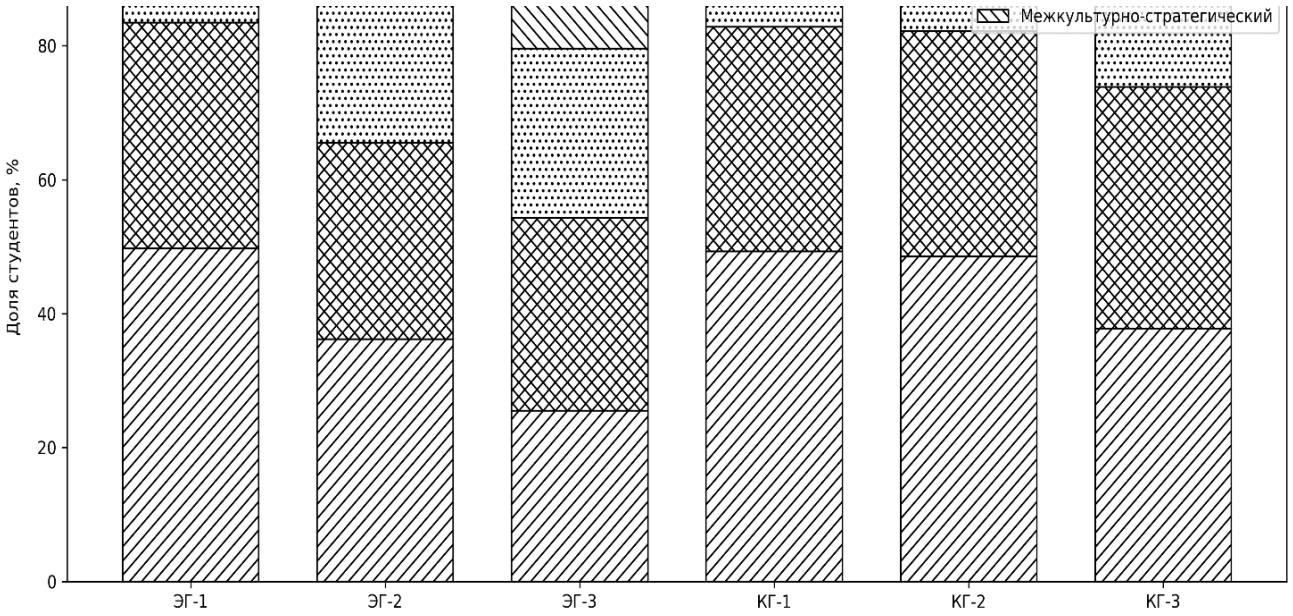

Рисунок 1. *Динамика уровней формирования этнокультурного типа языковой личности по трём срезам в экспериментальной и контрольной группах (в %)*

Сводная таблица по трём срезам демонстрирует, что на входной диагностике экспериментальная и контрольная группы были сопоставимы по структуре уровней: доля локально-этноцентрического уровня составляла около половины выборки, а верхние уровни (контрастивно-адаптивный и межкультурно-стратегический) не превышали суммарно 17–18%. Этот факт позволяет рассматривать последующую динамику не как эффект стартовой неоднородности групп, а как результат различий в организации обучения.

Динамика в экспериментальной группе выражена (Рисунок 1) значительно сильнее, чем в контрольной: доля студентов на локально-этноцентрическом уровне снизилась на 24,23 п.п. (с 49,72% до 25,49%), тогда как в КГ – на 11,48 п.п. (с 49,27% до 37,79%). Одновременно в ЭГ фиксируется рост более продуктивных уровней: контрастивно-адаптивный увеличился на 16,50 п.п. (8,71% → 25,21%), межкультурно-стратегический — на 12,59 п.п. (7,86% → 20,45%); в КГ рост заметно скромнее (соответственно +6,37 п.п. и +2,59 п.п.). Это означает, что обучающиеся ЭГ не просто “знают формулы”, а чаще демонстрируют переход к интерпретации нормы, объяснению культурной функции реплики и выбору прагматически уместной стратегии.

Количественные сдвиги подтверждаются качественными

наблюдениями по диагностическим индикаторам:

- на локально-этноцентрическом уровне студенты чаще объясняют выбор реплики через нормы родной культуры («у нас так вежливо/принято») и демонстрируют буквальный перенос сценария;
- на сравнительно-реактивном уровне появляется фиксация различий, но без устойчивого контроля прагматического эффекта;
- на контрастивно-адаптивном уровне студенты начинают аргументировать выбор через ожидаемую реакцию адресата и параметры ситуации (роль, статус, дистанция), корректируя степень прямоты и набор смягчителей;
- на межкультурно-стратегическом уровне наблюдается вариативность решений: студент предлагает альтернативные формулировки и прогнозирует их «социальную стоимость», что свидетельствует о сформированности метапрагматической компетентности (Spencer-Oatey, 2008; Taguchi, 2015).

Таким образом, уровневая диагностика позволяет не только зафиксировать прирост результатов, но и педагогически интерпретировать его: выявить, какие механизмы уже сформированы (распознавание различий, адаптация), а какие все еще остаются не отработанными (управление дистанцией, смягчение, культурное комментирование).

Заключение и Рекомендации

Представленная модель уровневой диагностики формирования этнокультурного типа языковой личности демонстрирует методическую состоятельность и пригодность в рамках исследования для мониторинга речеповеденческой компетенции студентов языкового вуза. Диагностика концептуально связана с межкультурной прагматикой и интерпретирует интерференционные ошибки как расхождение культурных сценариев, а не как «частные языковые недочёты» (Thomas, 1983; Scollon & Scollon, 2001).

Эмпирические данные педагогического эксперимента подтверждают, что использование сопоставительно-ориентированных процедур обучения и системной диагностики способствует росту доли студентов на контрастивно-адаптивном и межкультурно-стратегическом уровнях, снижая показатели на локально-этноцентрическом уровне. Значимость различий подтверждается χ^2-критерием ($p<0,05$) и средневзвешенными показателями (2,41 в ЭГ против 1,99 в КГ).

Рекомендации для языкового вуза:

1. Внедрять уровневую диагностику в систему текущего и итогового контроля для уровней B1–B2 в качестве средства проектирования учебного процесса.
2. Разрабатывать диагностические задания, основанные на сценариях общения, с целью обеспечения сопоставимости результатов (использование единых рубрик и параметров, касающихся прямоты, смягчения и адресности).
3. Расширять оценивание, включая задания на культурное комментирование, чтобы фиксировать не только «реплику», но и интерпретационную компетентность обучающихся.
4. Использовать результаты диагностики для адресной коррекции интерференционных зон (обращения, просьбы, несогласие, отказ, ритуальные формулы);
5. Применять цифровые платформы для фиксации доказательств (портфолио примеров, взаимная экспертиза, протоколы наблюдения), сохраняя единые критерии оценивания.

Перспективы дальнейшей работы связаны с уточнением индикаторов уровней для более высоких ступеней (B2–C1), а также с расширением сценарного репертуара в сторону академического и профессионально-делового дискурса.

References:

1. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge University Press.
2. Byram, M. (1997). *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Multilingual Matters.
3. Canale, M., & Swain, M. (1980). Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics, 1*(1), 1–47.
4. Hall, E. T. (1976). *Beyond culture*. Anchor Books.
5. Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations (2nd ed.)*. Sage.
6. Hymes, D. (1972*). On communicative competence*. In J. B. Pride & J. Holmes (Eds.), Sociolinguistics (pp. 269–293). Penguin.
7. Ishihara, N., & Cohen, A. D. (2010). *Teaching and learning pragmatics: Where language and culture meet*. Routledge.
8. Kasper, G., & Rose, K. R. (2002). *Pragmatic development in a second language*. Blackwell.
9. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. Longman.
10. Makhkamova, G. T. (2021). *Comparative typology of cultures*. Lesson Press.
11. Scollon, R., & Scollon, S. W. (2001). *Intercultural communication: A discourse approach (2nd ed.)*. Blackwell.
12. Spencer-Oatey, H. (2008). *Culturally speaking: Culture, communication and politeness theory (2nd ed.)*. Continuum.
13. Taguchi, N. (2015). Instructed pragmatics at a glance: Where instructional studies were, are, and should be going. *Language Teaching, 48*(1), 1–50. https://doi.org/10.1017/S0261444814000263
14. Thomas, J. (1983). Cros s-cultural pragmatic failure. *Applied Linguistics, 4*(2), 91–112.
15. Trosborg, A. (1995). *Interlanguage pragmatics: Requests, complaints and apologies*. Mouton de Gruyter.
16. Махкамова, Г. Т. (2010). *Концепция формирования межкультурной компетенции студентов факультетов английского языка*. Фан.
17. Ҳамроева, Н. Н. (2022). *Ўзбек нутқий мулоқотида фатика (илтифот мисолида)* (Автореф. дисс. PhD). Бухоро.

Methodology of Teaching Dutch as a Second Foreign Language to Students

Khabiba Sodikovna Rakhmonkulova
habibarahmonqulova@uzswlu.uz
Lecturer,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article is devoted to modern approaches to teaching Dutch as a second foreign language to university students. The communicative approach, task-based learning, the dynamic (usage-based) approach, and content and language integrated learning (CLIL/LOCT) are analyzed. Examples of exercises and curriculum design are provided, along with a comparative analysis of the methods and their impact on language proficiency and learner motivation. The study demonstrates that the combination of authentic communication, work with real-life materials, and consideration of students' individual needs leads to higher learning outcomes. The article also emphasizes that contemporary requirements for future teachers include a high level of methodological and communicative competence. Conclusions are drawn about the necessity of integrating grammatical and communicative techniques in designing NT2 courses.*

Keywords *Niderland tili, ikkinchi xorijiy til, o'qitish metodikasi, kommunikativ yondashuv, CLIL, motivatsiya*

Golland (niderland) tilini talabalar uchun ikkinchi xorijiy til sifatida o'qitish metodikasi

Rahmonqulova Habiba Sodiqovna
habibarahmonqulova@uzswlu.uz
O'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqola talabalar uchun niderland (golland) tilini ikkinchi xorijiy til sifatida o'qitishning zamonaviy metodlariga bag'ishlangan. Unda kommunikativ yondashuv, vazifaga yo'naltirilgan ta'lim, dinamik (usage-based) yondashuv hamda integratsiyalashgan kontent va tilni o'qitish (CLIL/LOCT) usullari tahlil qilingan. Mashqlar va o'quv dasturlaridan namunalar, shuningdek, metodlarning qiyosiy tahlili hamda ularning tilni egallash va motivatsiyaga ta'siri keltirilgan. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, jonli muloqot, autentik materiallar bilan ishlash va talabalar individual ehtiyojlarini hisobga olish yuqori o'quv natijalariga olib keladi. Shuningdek, bo'lajak pedagoglar uchun zamonaviy talablar metodik va kommunikativ kompetensiyaning yuqori darajada bo'lishini taqozo etishi ta'kidlangan. NT2 kursini ishlab chiqishda grammatik va kommunikativ usullarni uyg'unlashtirish zarurligi haqida xulosalar berilgan.*

Kalit so'zlar *Niderland tili, ikkinchi xorijiy til, o'qitish metodikasi, kommunikativ yondashuv, CLIL, motivatsiya*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

The Lingua Spectrum
Volume 2, February 2026

Методика обучения нидерландскому языку как второму иностранному студентам

Рахмонкулова Хабиба Содиковна
habibarahmonqulova@uzswlu.uz
Преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена современным методам обучения нидерландскому (голландскому) языку как второму иностранному для студентов. Проанализированы коммуникативный подход, задаче-ориентированное обучение, динамический (usage-based) подход и интегрированное контентно-языковое обучение (CLIL/LOCT). Приведены примеры упражнений и учебных программ, а также сравнительный анализ методов и их влияния на владение языком и мотивацию. Показано, что сочетание живого общения, работы с аутентичными материалами и учёта индивидуальных потребностей студентов приводит к более высоким результатам в обучении. Также подчёркивается, что современные требования к будущим педагогам включают высокий уровень методической и коммуникативной компетентности. Сделаны выводы о необходимости комбинирования грамматических и коммуникативных техник при разработке курса NT2.*

Ключевые слова *Нидерландский язык, второй иностранный язык, методика преподавания, коммуникативный подход, CLIL, мотивация*

Введение

В условиях международного образования владение вторым иностранным языком является важной компетенцией. Изучение нидерландского языка актуально для студентов, планирующих учебу или работу в Нидерландах и Бельгии. Различные методические подходы позволяют адаптировать процесс обучения под разные цели: кому-то важна беглость речи, кому-то – глубокое понимание грамматики.

Традиционные методы обучения (грамматико-переводной метод и аудитивно-ориентированный подход) уступили место современным. Коммуникативный подход (CLT) делает упор на активное использование языка и понимание на слух. Напротив, грамматико-переводная методика фокусируется на правилах и переводе. Исследования показывают: грамматико-переводной подход повышает точность в грамматике, тогда как коммуникативный ускоряет развитие беглости и мотивации учащихся. Одновременно специалисты по педагогике отмечают, что будущий учитель должен обладать высокой методической подготовкой и коммуникативными навыками (Мойдинова, 2021). В данной статье рассматриваются основные методики NT2 (nederlands als tweede taal – «нидерландский как второй язык») и их сочетания, которые обеспечивают сбалансированное обучение.

Методы исследования

Для анализа методик были изучены современные академические источники и методические пособия по обучению нидерландскому языку иностранцев. Рассматривались публикации последних лет, описывающие опыт преподавания NT2 и

методы преподавания иностранных языков в целом. Выделены четыре ключевых подхода: коммуникативный (CLT), задаче-ориентированный (Task-Based Learning), динамический (Usage-Based), и контентно-языковое (CLIL/LOCT). Отдельное внимание уделено учебным программам NT2 и примерам упражнений из открытых курсов. Сравнительный анализ представлений подходов выполнен в табличной форме, иллюстрирующей их особенности и ожидаемые результаты для студентов.

Результаты

Коммуникативный подход (CLT)

Коммуникативный подход акцентирует говорение и аудирование. Занятия строятся как разговорные уроки: студент дома слушает аудиоурок или читает текст, а в классе обсуждает тему и применяет выученные фразы. Лексика вводится через контекст, а грамматика усваивается на практике. Например, в методике «Дельфтский метод» (Delftse methode) все уроки сделаны разговорными: после подготовки дома студенты вступают в дискуссию по теме и отвечают на вопросы преподавателя. Такой подход повышает мотивацию: студенты быстрее осознают свои коммуникативные достижения, чем при традиционной методике.

Грамматико-переводной подход

Противоположный CLT, грамматико-переводной подход фокусируется на структуре языка и переводе текстов. Он полезен для детального изучения грамматики, однако даёт меньше практики речи. Исследования показывают, что при грамматико-переводном подходе учащиеся достигают более высокой точности в грамматических тестах, но их устная беглость часто ограничена. Поэтому чисто грамматико-переводная методика в NT2 обычно дополняется упражнениями на устную речь.

Динамический (Usage-based) подход

Динамический подход строится на использовании аутентичных материалов и непрерывном взаимодействии с языком. Примером служит эксперимент Костера (2015): курс, основанный на голливудском фильме, в котором студенты анализировали диалоги и выполняли связанные задания. Такой метод привёл к заметному росту языковой компетентности и мотивации учащихся. Важно, что студенты видят результат в практике, и обучение воспринимается как увлекательный процесс. В данном подходе используются проекты, основанные на реальных ситуациях: записи видео, инсценировки сцен из фильма, которые развивают все навыки языка одновременно.

Интегрированное обучение (CLIL/LOCT)

CLIL (Content and Language Integrated Learning) и LOCT (Language Oriented Content Teaching) предполагают обучение языка через содержание другого предмета. Например, часть урока истории или биологии может вестись на голландском языке. Это даёт двойную выгоду: студент приобретает знания по предмету и практикует язык. Такие интегрированные уроки особенно полезны для расширения словарного запаса по темам, близким будущей профессии. На уровне NT2 это может реализовываться через межпредметные проекты о культуре и истории Нидерландов. Хотя подготовка подобных уроков сложна (требует сотрудничества преподавателей-предметников и языковиков), результаты обычно оправдывают усилия: студенты лучше понимают язык, применяемый в конкретном контексте.

Сравнение методов

Ниже приведено обобщение сильных сторон рассмотренных методов (таблица 1). Из неё видно, что разные подходы дополняют друг друга: грамматико-переводная методика даёт фундаментальную точность, коммуникативный – беглость, а интегрированные проекты добавляют

практическую релевантность. Исследование Костера показало значительный прирост компетенции при использовании живого контекста и аутентичных материалов. В свою очередь, коммуникативный подход обеспечивает высокую мотивацию учащихся и быструю адаптацию в реальном общении (что подтверждает и вывод Чанга о важности соединения методов).

Метод	Сильные стороны	Ожидаемые результаты
CLT (Коммуникативный)	Развитие говорения и аудирования; быстрая мотивация.	Высокая беглость речи; уверенность в общении.
Грамматико-переводной	Глубокое знание грамматики и словарных форм.	Высокая точность грамматики; потребность в практике речи.
Задаче-ориентированный	Практические проекты; активное использование языка.	Применение языка в реальных ситуациях; креативность.
DUB (Dynamic)	Аутентичные материалы; полный языковой опыт.	Значительный рост общих навыков и мотивации.
CLIL/LOCT	Синтез предметных знаний и языка.	Понимание специальной лексики; естественное применение языка.

Таблица 1.

Сравнительный анализ показывает, что методы логично взаимодополняют друг друга:

- Грамматико-переводной метод обеспечивает структурную точность;
- CLT формирует беглость и коммуникативную уверенность;
- Task-Based Learning развивает практическое применение языка;
- DUB усиливает мотивацию и естественность усвоения;
- CLIL/LOCT интегрирует язык в профессиональный контекст.

Таким образом, оптимальной стратегией преподавания нидерландского языка как второго является интегративная модель, сочетающая структурную основу, коммуникативную практику и профессиональную направленность. Именно такая комбинация позволяет обеспечить устойчивое развитие всех компонентов языковой компетенции: лингвистической, социолингвистической и прагматической.

Обсуждение

Сравнение методов показывает, что комбинирование подходов максимально эффективно. Одновременно обучение грамматике и разговорной практике приводит к лучшему результату, чем чисто один подход. Например, методические разработки включают чередование грамматических упражнений с интерактивными играми и проектной работой. Это усиливает как точность, так и беглость речи.

Мотивация студентов – ключевой фактор успеха. CLT и задачи-ориентированные уроки делают обучение занимательным, что подтверждают отзывы учащихся и исследования типа Костера. При этом важно давать студентам ощутимые результаты: даже простое ежедневное задание на прослушивание реального диалога помогает видеть прогресс.

Также необходимо учитывать профессиональные требования к учителям. Как отмечает Мойдинова (2021), будущие педагоги должны обладать развитыми методическими навыками и умением взаимодействовать с учащимися на новом языке. Таким образом, при обучении NT2 следует включать элементы педагогической рефлексии: например, студенты могут оценивать и обсуждать сами свои методы изучения языка. Это не только укрепляет их языковые навыки, но и закладывает основу профессиональной компетентности, важную для будущих преподавателей.

Заключение

Резюмируя, можно выделить следующие рекомендации по организации курса нидерландского языка как второго иностранного:

- *Начинать с общения*. С первых уроков стимулировать учеников говорить: обсуждать темы из текстов, участвовать в диалогах и ролевых играх.
- *Использовать аутентичные материалы*. Видео и тексты из реальной жизни (новости, интервью, фильмы) делают обучение содержательным и повышают интерес.
- *Сбалансировать грамматику и практику*. Включать в уроки как грамматические разборы, так и коммуникативные упражнения (ролевые игры, дебаты).
- *Интегрировать с другими предметами*. Проводить тематические уроки (история, культура Нидерландов) на изучаемом языке для расширения словарного запаса по реальным темам.
- *Развивать профессиональные компетенции*. Поощрять студентов задумываться о своём прогрессе и методах обучения, что соответствует требованиям к будущим учителям.

Дальнейшие исследования могут оценить эффективность этих рекомендаций в реальных группах по результатам государственных экзаменов NT2. Практическая значимость заключается в создании адаптивного, мотивирующего курса, который отвечает как стандартам языка, так и педагогическим потребностям студентов.

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить методические особенности обучения нидерландскому языку как второму в системе высшего образования и определить наиболее эффективные стратегии формирования языковой компетенции студентов. Анализ современных подходов показал, что результативность обучения напрямую зависит от интеграции различных методических моделей, а не от использования одного доминирующего метода.

References:

1. Bahodirovna, A. F. (2025). SUN'IY INTELLEKT YORDAMIDA OG 'ZAKI NUTQNI RIVOJLANTIRISH VA UNING TAHLILI. *Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture*, *5*(11), 113-119.
2. Chang, S. C. (2011). A contrastive study of grammar translation method and communicative approach in teaching English grammar. English Language Teaching, 4(2), 13–23.
3. Kamariddinovna, M.E. (2022). THE STRUCTURE OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF PRESCHOOL ENGLISH TEACHERS. *International Journal of Pedagogics*, *2*(07), 1-4.

4. Koster, D. E. S. (2015). A dynamic, usage-based approach to teaching L2 Dutch. *Dutch Journal of Applied Linguistics, 4(*2), 257–264.
5. Loch, M., & Hajer, M. (2018). Teaching content through Dutch as a second language: LOCT in practice. *Dutch Journal of Applied Linguistics, 7*(2), 246–263.
6. NT2.nl (n.d.). Delftse methode: Spreken vanaf les één. https://www.nt2.nl/nl/delftse-methode
7. Мойдинова, Э. К. (2021). Особенности профессиональной компетентности будущих учителей Узбекистана. *Экономика и социум,* (1–2(80)), 241–245.
8. Мусаева, С. Х. (2025). Научно-педагогические принципы разработки контрольных работ в обучении иностранным языкам. *Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture*, *5*(10), 58-65.
9. Рахмонкулова, Х. С. (2025). Развитие коммуникативной компетенции студентов посредством проектно-ориентированного обучения. *Eurasian Journal of Academic Research*, *5*(10), 58-66.

Methodology of Teaching Greek as a Second Foreign Language to Students

Musayeva Surayyo Xusanovna
surayyomusayeva@uzswlu.uz
Senior Lecturer,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article is devoted to modern approaches to teaching Modern Greek as a second foreign language to university students. The Lexical Approach, the cognitive-discursive approach, Task-Based Learning, and Blended Learning supported by digital educational platforms are analyzed. Examples of exercises and curriculum design are provided, along with a comparative analysis of the methods and their impact on language proficiency and learner motivation. The study demonstrates that the combination of conscious grammar awareness, active communicative practice, and work with authentic materials leads to more sustainable and effective outcomes in learning Greek. It is emphasized that contemporary requirements for future educators include a high level of methodological, communicative, and intercultural competence. Conclusions are drawn about the necessity of integrating structural and communicative techniques when designing a Greek language course as a second foreign language.*

Keywords *Greek language, second foreign language, teaching methodology, lexical approach, blended learning, intercultural competence, motivation*

Grek (yunon) tilini talabalar uchun ikkinchi xorijiy til sifatida o‘qitish metodikasi

Musayeva Surayyo Xusanovna
surayyomusayeva@uzswlu.uz
Katta o‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqola talabalarga yangi yunon (grek) tilini ikkinchi xorijiy til sifatida o‘qitishning zamonaviy metodlariga bag‘ishlangan. Unda leksik yondashuv (Lexical Approach), kognitiv-diskursiv yondashuv, vazifaga yo‘naltirilgan ta’lim (Task-Based Learning), shuningdek, raqamli ta’lim platformalari asosidagi aralash ta’lim (Blended Learning) usullari tahlil qilingan. Mashqlar va o‘quv dasturlaridan namunalar, shuningdek, metodlarning qiyosiy tahlili hamda ularning tilni egallash darajasi va o‘quvchilar motivatsiyasiga ta’siri keltirilgan. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, grammatikani ongli ravishda o‘zlashtirish, faol nutqiy amaliyot va autentik materiallar bilan ishlashning uyg‘unlashuvi grek tilini o‘rganishda barqaror va samarali natijalarga olib keladi. Shuningdek, zamonaviy talablarga ko‘ra bo‘lajak pedagoglar yuqori darajadagi metodik, kommunikativ va madaniyatlararo kompetensiyaga ega bo‘lishi zarurligi ta’kidlangan. Grek tilini ikkinchi xorijiy til sifatida o‘qitish kursini ishlab chiqishda strukturaviy va kommunikativ usullarni integratsiya qilish zarurligi haqida xulosalar berilgan.*

Kalit so‘zlar *Grek tili, ikkinchi xorijiy til, o‘qitish metodikasi, leksik yondashuv, aralash ta’lim, madaniyatlararo kompetensiya, motivatsiya*

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

The Lingua Spectrum
Volume 2, February 2026

Методика обучения греческому языку как второму иностранному студентам

Мусаева Сурайё Хусановна
surayyomusayeva@uzswlu.uz
Старший преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена современным методам обучения новогреческому языку как второму иностранному для студентов. Проанализированы лексический подход (Lexical Approach), когнитивно-дискурсивный подход, задаче-ориентированное обучение (Task-Based Learning), а также смешанное обучение (Blended Learning) с использованием цифровых образовательных платформ. Приведены примеры упражнений и учебных программ, а также сравнительный анализ методов и их влияния на владение языком и мотивацию обучающихся. Показано, что сочетание осознанного освоения грамматики, активной речевой практики и работы с аутентичными материалами способствует более устойчивым результатам в обучении греческому языку. Подчёркивается, что современные требования к будущим педагогам предполагают высокий уровень методической, коммуникативной и межкультурной компетентности. Сделаны выводы о необходимости интеграции структурных и коммуникативных техник при разработке курса греческого языка как второго иностранного.*

Ключевые слова *Греческий язык, второй иностранный язык, методика преподавания, лексический подход, смешанное обучение, межкультурная компетенция, мотивация*

Введение

В условиях международной академической мобильности владение вторым иностранным языком становится важным конкурентным преимуществом студентов. Изучение новогреческого языка приобретает актуальность в связи с развитием образовательных и культурных связей с Грецией и Кипром. Греческий язык отличается сложной морфологической системой, наличием падежей, артиклей, развитой глагольной парадигмой и специфической фонетикой. Эти особенности требуют тщательно продуманной методической стратегии обучения. Традиционные методы обучения, такие как грамматико-переводной подход, обеспечивают фундаментальное понимание структуры языка, однако часто ограничивают развитие коммуникативной беглости. Современные методики ориентированы на формирование функциональной языковой компетенции и активное использование языка в реальных ситуациях. Одновременно специалисты подчёркивают, что будущий преподаватель должен обладать высокой методической и коммуникативной компетентностью (Мойдинова, 2021). Поэтому обучение греческому языку как второму иностранному должно не только формировать языковые навыки, но и способствовать развитию профессиональной рефлексии студентов.

Методы исследования

Настоящее исследование носит комплексный теоретико-эмпирический характер и направлено на выявление

наиболее эффективных методических стратегий обучения новогреческому языку как второму иностранному в условиях высшего образования. Методологическая база исследования опирается на принципы коммуникативной парадигмы, когнитивной лингвистики, теории функциональной грамматики и концепции интеграции цифровых технологий в образовательный процесс.

1. *Теоретико-аналитический этап*

На первом этапе исследования был проведён анализ современных научных публикаций по методике преподавания иностранных языков, включая статьи в международных журналах, монографии и методические рекомендации последних лет. Особое внимание уделялось исследованиям, посвящённым обучению языкам с развитой флективной системой, поскольку новогреческий язык характеризуется сложной морфологией, наличием падежной системы и развитой глагольной парадигмы. Кроме того, были изучены:

- учебные программы курсов греческого языка для иностранцев (уровни A1–B2 по CEFR);
- учебники и пособия, используемые в европейских университетах;
- открытые образовательные ресурсы и онлайн-платформы;
- методические разработки преподавателей греческого языка как иностранного.

Анализ осуществлялся с применением методов сравнительного анализа, контент-анализа и систематизации педагогических подходов.

2. *Эмпирический этап*

В эмпирической части исследования применялись следующие методы:

- педагогическое наблюдение за учебным процессом;
- анализ учебных заданий и речевой активности студентов;
- анкетирование студентов с целью выявления уровня мотивации;
- диагностическое тестирование (лексико-грамматические и коммуникативные задания);
- сравнительный анализ результатов обучения при использовании различных методик.

Выборка исследования включала студентов второго курса филологического направления, изучающих греческий язык как второй иностранный. Наблюдение проводилось в течение одного академического семестра.

3. *Выделенные методические подходы*

В рамках исследования были систематизированы четыре ключевых подхода, наиболее применимые к обучению новогреческому языку:

3.1. Лексический подход (Lexical Approach)

Данный подход основывается на принципе усвоения языка через устойчивые лексические единицы, коллокации и речевые шаблоны. Анализ показал, что для греческого языка, где грамматические формы тесно связаны с лексическим окружением, освоение типовых конструкций значительно ускоряет формирование беглости речи.

В исследовании оценивались следующие параметры:

- скорость воспроизведения речевых моделей;
- корректность употребления коллокаций;
- способность студентов использовать готовые речевые блоки в спонтанной речи.

3.2. Когнитивно-дискурсивный подход

Этот подход предполагает осмысленное изучение грамматических структур через анализ коммуникативных ситуаций и дискурсивных особенностей текста. В рамках исследования рассматривалось, как объяснение грамматических явлений через их

функциональную роль в тексте влияет на уровень понимания и точность речи студентов.

Оценивались:

- способность анализировать структуру предложения;
- корректность употребления временных форм;
- понимание прагматических особенностей высказывания.

3.3. Задаче-ориентированное обучение (Task-Based Learning)

Метод предполагает выполнение студентами практических коммуникативных задач, моделирующих реальные ситуации. В рамках исследования анализировались проекты, ролевые игры, презентации и групповые задания.

Критерии оценки:

- уровень коммуникативной инициативы;
- способность решать языковые задачи в реальном времени;
- степень интеграции грамматических и лексических знаний.

3.4. Смешанное обучение (Blended Learning)

Данный подход сочетает аудиторную работу с цифровыми ресурсами. В исследовании применялись онлайн-тесты, интерактивные упражнения, видеоматериалы и аудиозаписи носителей языка.

Анализировались:

- уровень самостоятельности студентов;
- частота использования цифровых платформ;
- динамика результатов в онлайн-оцениваниях.

4. *Методы обработки данных*

Для интерпретации полученных результатов использовались:

- сравнительный анализ показателей до и после внедрения методик;
- количественная обработка результатов тестирования;
- качественный анализ речевых ошибок;
- интерпретация данных анкетирования.

Полученные данные систематизировались и представлены в табличной форме для наглядного сопоставления эффективности каждого подхода.

5. *Представление сравнительного анализа*

Сравнительный анализ четырёх методических подходов представлен в таблице, включающей следующие параметры:

- целевая направленность метода;
- преобладающие формы работы;
- тип формируемой компетенции;
- влияние на мотивацию студентов;
- ожидаемые образовательные результаты.

Табличная форма позволила выявить взаимодополняемость подходов и определить их оптимальное сочетание при разработке курса греческого языка как второго иностранного

Результаты и обсуждение

Проведённый анализ позволил выявить специфические особенности влияния каждого из рассматриваемых методических подходов на формирование языковой компетенции студентов, изучающих новогреческий язык как второй иностранный. Результаты демонстрируют, что эффективность обучения зависит не только от выбора метода, но и от характера его реализации в учебном процессе.

Лексический подход

Лексический подход основывается на принципе усвоения языка через устойчивые выражения, коллокации и типовые речевые модели. В контексте новогреческого языка данный подход приобретает особую значимость, поскольку многие грамматические формы функционируют в тесной связи с лексическим окружением. Например, употребление определённого артикля, выбор глагольной формы или управление предлогов часто закрепляются через устойчивые словосочетания.

В ходе исследования было установлено, что регулярная работа с лексическими блоками способствует:

- ускорению автоматизации речи;
- снижению количества грамматических ошибок в спонтанном высказывании;
- формированию естественного интонационного рисунка.

Примеры упражнений:

- составление диалогов на основе устойчивых выражений (например, бытовые или академические ситуации);
- анализ часто употребляемых глагольных сочетаний и их контекстуального использования;
- работа с аутентичными текстами (новостные статьи, интервью, фрагменты телепередач);
- реконструкция диалогов по ключевым лексическим опорам.

Наблюдения показали, что студенты, систематически работающие с коллокациями, демонстрируют более высокую беглость речи и меньшую зависимость от перевода с родного языка. Таким образом, лексический подход способствует формированию естественной и функциональной речевой компетенции.

Когнитивно-дискурсивный подход

Когнитивно-дискурсивный подход предполагает осмысленное изучение грамматических структур через анализ их функциональной роли в тексте и коммуникативной ситуации. В отличие от механического заучивания правил, данный метод направлен на формирование осознанного понимания языковых закономерностей.

В ходе исследования были проанализированы следующие аспекты:

- сравнение временных форм глагола в различных коммуникативных ситуациях (например, повествование о прошлом и выражение предположения);
- анализ порядка слов в диалогах и его влияние на акцентирование информации;
- объяснение функций артиклей через реальные тексты;
- сопоставление формального и разговорного стиля речи.

Результаты показали, что студенты, обучающиеся по данной методике, демонстрируют более высокую грамматическую точность и лучшее понимание прагматических особенностей высказывания.

Особенно значимым является снижение числа устойчивых ошибок, связанных с согласованием существительных и прилагательных, а также неправильным употреблением временных форм.

Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход способствует формированию глубокой структурной компетенции и предотвращает поверхностное усвоение материала.

Задаче-ориентированное обучение (Task-Based Learning)

Task-Based Learning предполагает выполнение практических заданий, максимально приближённых к реальным ситуациям общения. В рамках исследования данный подход реализовывался через проектную деятельность и моделирование коммуникативных сценариев.

Примеры заданий:

- подготовка презентации о культуре, истории или современной жизни Греции;
- моделирование диалога в туристической ситуации (например, бронирование гостиницы, общение в аэропорту);
- проведение мини-дебатов по актуальным темам;
- создание видеоролика или подкаста на греческом языке.

Анализ показал, что выполнение задач стимулирует активное использование языка,

повышает коммуникативную инициативу и способствует развитию стратегической компетенции.

Студенты начинают воспринимать язык как инструмент достижения цели, а не как набор правил. Это повышает уверенность в устной речи и снижает психологический барьер при общении.

Смешанное обучение (Blended Learning)

Смешанное обучение объединяет традиционные аудиторные занятия и цифровые образовательные технологии. В рамках исследования использовались:

- онлайн-тесты для закрепления грамматического материала;
- интерактивные упражнения на развитие аудирования;
- видеоматериалы с носителями языка;
- электронные словари и мобильные приложения.

Результаты наблюдения показали, что включение цифровых инструментов:

- повышает уровень учебной автономии;
- способствует регулярности самостоятельной работы;
- позволяет студентам контролировать собственный прогресс;
- усиливает мотивацию за счёт интерактивного формата.

Кроме того, цифровая среда создаёт дополнительные возможности для индивидуализации обучения, поскольку студенты могут работать в собственном темпе.

Обобщённые результаты

Анализ показал, что каждый из рассмотренных подходов формирует определённый компонент языковой компетенции:

- Лексический подход – беглость и естественность речи;
- Когнитивно-дискурсивный – грамматическую точность;
- Task-Based Learning – коммуникативную уверенность;
- Blended Learning – автономность и мотивацию.

Наиболее высокие результаты наблюдаются при комбинировании данных методов в рамках единой интегративной модели обучения.

Сравнение методов

Метод	Сильные стороны	Ожидаемые результаты
Лексический	Освоение речевых моделей	Повышение беглости речи
Когнитивный	Осознанное понимание грамматики	Грамматическая точность
Task-Based	Практическая направленность	Уверенность в общении
Blended Learning	Цифровая поддержка	Автономность и мотивация

Таблица 1. *Обобщение сильных сторон методов*

Анализ показывает, что методы взаимодополняют друг друга:

- Когнитивный подход обеспечивает структурную основу;
- Лексический формирует естественную речь;
- Task-Based развивает практические навыки;
- Blended Learning усиливает самостоятельность.

Сравнение методик подтверждает, что комбинированный подход является наиболее эффективным. Одновременное развитие грамматической точности и коммуникативной беглости обеспечивает устойчивые результаты.

Мотивация студентов играет ключевую роль. Использование аутентичных материалов и проектных заданий делает процесс обучения более увлекательным.

Кроме того, развитие профессиональной рефлексии студентов соответствует современным требованиям к будущим педагогам. Как отмечает Мойдинова (2021), формирование методической компетентности является неотъемлемой частью подготовки преподавателей.

Таким образом, курс греческого языка должен включать элементы анализа собственных учебных стратегий, что способствует развитию метакогнитивных навыков.

Заключение

В результате проведённого анализа теоретических источников и практических наблюдений можно сформулировать ряд методических рекомендаций по организации курса новогреческого языка как второго иностранного в условиях высшего образования.

Прежде всего, необходимо стимулировать устную практику с первых занятий. Формирование коммуникативной компетенции невозможно без систематического вовлечения студентов в диалогическую и монологическую речь. Уже на начальном этапе обучения целесообразно использовать простые речевые модели, мини-диалоги, игровые ситуации и упражнения на спонтанное высказывание. Это позволяет преодолеть языковой барьер, развить уверенность в общении и сформировать установку на активное использование языка как средства коммуникации, а не только как объекта изучения.

Второй важный аспект, использование аутентичных текстов и видеоматериалов. Реальные новостные сюжеты, интервью, фрагменты фильмов и подкасты с участием носителей языка способствуют формированию естественного восприятия речи и развитию навыков аудирования. Аутентичные материалы отражают живую языковую практику, культурные особенности и современные реалии греческого общества, что способствует развитию социолингвистической и межкультурной компетенции студентов.

Третья рекомендация заключается в необходимости сочетания грамматических упражнений с коммуникативными заданиями. Изучение грамматики должно быть функциональным и контекстуализированным. Теоретическое объяснение структур целесообразно дополнять ролевыми играми, проектными заданиями, дискуссиями и ситуационными упражнениями. Такой подход обеспечивает баланс между точностью и беглостью речи, предотвращает формирование устойчивых ошибок и способствует осмысленному усвоению языковых закономерностей.

Особое значение имеет интеграция цифровых ресурсов в учебный процесс. Использование онлайн-платформ, интерактивных тестов, мобильных приложений и образовательных видеокурсов расширяет возможности обучения, делает его более гибким и индивидуализированным. Цифровая среда способствует формированию учебной автономии, позволяет студентам самостоятельно контролировать свой прогресс и повторять материал в удобном темпе. Кроме того, современные цифровые инструменты повышают мотивацию благодаря интерактивности и визуальной наглядности.

Наконец, необходимо уделять внимание развитию профессиональной и методической рефлексии студентов, особенно если речь идёт о будущих преподавателях иностранных языков. Включение элементов самоанализа, обсуждения стратегий обучения и оценки собственных достижений способствует формированию метакогнитивных навыков.

Студенты учатся осознавать эффективные способы усвоения материала, что повышает качество их подготовки как специалистов.

Таким образом, интегративная модель обучения новогреческому языку как второму иностранному, основанная на сочетании коммуникативной практики, структурного анализа, аутентичных материалов и цифровых технологий, обеспечивает гармоничное развитие лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенций студентов. Комплексный характер данной модели позволяет учитывать как особенности языковой системы греческого языка, так и современные требования к профессиональной подготовке специалистов в сфере международной коммуникации и образования.

References:

1. Griva, E. & Semoglou, T. (2013). *Foreign language and Games: Implementing Physical activities of creativity at early years (In Greek).* Thessaloniki: Kyriakidis Editions.
2. Moydinova, E. (2024). Bo'lajak ingliz tili o'qituvchilarining kasbiy kompetensiyasi tuzilmasining tahlili. *Лингвоспектр*, *1*(1), 36-41.
3. Papadopoulos, I. & Peiou, V. (2014). *The foreign language development of students in a language and traditional dance integrated context: An implementation of a task-based learning project, Aspects Today Journal of English Language Teachers.*
4. Мойдинова, Э. К. (2021). Особенности профессиональной компетентности будущих учителей Узбекистана. *Экономика и социум*, (1-2 (80)), 241-245.
5. Мусаева, С. Х. (2025). Научно-педагогические принципы разработки контрольных работ в обучении иностранным языкам. *Eurasian Journal of Social Sciences, Philosophy and Culture*, *5*(10), 58-65.
6. Рахмонкулова, Х. С. (2025). Развитие коммуникативной компетенции студентов посредством проектно-ориентированного обучения. *Eurasian Journal of Academic Research*, *5*(10), 58-66.

Enhancing B1 EFL learners' reading comprehension through text structure awareness

Moydinova Elmira Kamariddinovna
e.moydinova@uzswlu.uz
Associate Professor (PhD),
Uzbekistan State World Languages University

Jo'rabekova Nigora Bahodirovna
nigorajurabekova549@gmail.com
Master's Student,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *Reading comprehension is considered to be an important part of foreign language proficiency and scholastic achievement. At the same time, it is often observed that EFL school students face difficulties in extracting the meaning of written texts. This article is about the effect of teaching text structure awareness on the reading comprehension of B1 level EFL students in Uzbekistan. This is a quasi-experiment in which the researcher randomly assigned thirty students from different secondary schools in Uzbekistan into two groups. One group of students received systematic training in reading comprehension through text structure awareness strategies, whereas the other group of students received traditional reading instruction. The researcher used the standardized B1 level reading comprehension test to assess the reading comprehension of the students in the experimental and control groups. The reliability of the test was also calculated in JASP software (Cronbach's α = .84). The results showed no significant difference in the reading comprehension of the students in the experimental and control groups before the intervention. At the same time, the results showed significant improvement in the reading comprehension of the students in the experimental group after receiving systematic training in reading comprehension through text structure awareness strategies.*

Keywords *Reading comprehension, EFL, B1 level students, text structure awareness, experimental study*

B1 darajadagi ingliz tilini chet tili sifatida o'rganuvchilarning o'qish va matnni anglash kompetensiyasini matn tuzilishini anglash asosida takomillashtirish

Moydinova Elmira Kamariddinovna
e.moydinova@uzswlu.uz
PhD, dotsent,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Jo'rabekova Nigora Bahodirovna
nigorajurabekova549@gmail.com
Magistr talabasi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Matnni tushunish chet tilini bilish va umumiy akademik muvaffaqiyatning muhim tarkibiy qismi hisoblanadi. Shu bilan birga, ingliz tilini chet tili sifatida o'rganayotgan maktab o'quvchilari ko'pincha yozma matnlarning mazmunini tushunishda qiyinchiliklarga duch keladilar. Ushbu tadqiqot O'zbekistonning B1 darajadagi EFL o'quvchilarida matn tuzilmasini anglash bo'yicha o'qitishning matnni tushunishga ta'sirini o'rganadi. Tadqiqotda kvazi-eksperimental dizayn qo'llanildi: turli*

maktablardan olingan 30 nafar o'quvchi tasodifiy ravishda ikki guruhga ajratildi. Eksperimental guruh matn tuzilmasini anglash strategiyalari orqali matnni tushunishni tizimli ravishda o'rgandi, nazorat guruhi esa an'anaviy o'qitish usullaridan foydalandi. O'quvchilarning matnni tushunishi standartlashtirilgan B1 darajadagi test orqali baholandi, uning ishonchliligi JASP dasturida tasdiqlandi (Kronbach α = 0,84). Natijalar shuni ko'rsatdiki, aralashuvdan oldin guruhlar o'rtasida sezilarli farq mavjud emas edi. Aralashuvdan so'ng eksperimental guruh matnni tushunishda sezilarli yaxshilanishni namoyon etdi, bu esa matn tuzilmasini anglash strategiyalarining samaradorligini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar *Matnni tushunish, EFL, B1 darajadagi o'quvchilar, matn tuzilmasini anglash, eksperimental tadqiqot*

Повышение уровня понимания прочитанного у изучающих английский язык (EFL) уровня B1 посредством формирования осознания структуры текста

Мойдинова Эльмира Камариддиновна
e.moydinova@uzswlu.uz
Доцент (PhD),
Узбекский государственный университет мировых языков

Журабекова Нигора Баходировна
nigorajurabekova549@gmail.com
Магистрант,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Чтение с пониманием является важной частью владения иностранным языком и общего учебного успеха. Однако учащиеся школ, изучающие английский как иностранный язык (EFL), часто испытывают трудности с извлечением смысла из письменных текстов. В данном исследовании рассматривается влияние обучения осознанному восприятию структуры текста на понимание прочитанного учащимися B1 уровня в Узбекистане. Использовался квазиэкспериментальный дизайн: тридцать учеников из различных средних школ были случайным образом распределены на две группы. Экспериментальная группа получила систематическое обучение пониманию текста с использованием стратегий осознания структуры текста, тогда как контрольная группа обучалась традиционным методам чтения. Понимание прочитанного оценивалось с помощью стандартизированного теста уровня B1, надежность которого подтверждена с использованием программы JASP (α Кронбаха = 0,84). Результаты показали, что до вмешательства значимых различий между группами не наблюдалось. После вмешательства экспериментальная группа показала значительное улучшение понимания прочитанного по сравнению с контрольной группой, что подчеркивает эффективность стратегий осознания структуры текста.*

Ключевые слова *Понимание прочитанного, EFL, учащиеся B1 уровня, осознание структуры текста, экспериментальное исследование*

Introduction

Reading is the central component of language learning in any foreign language because it 'mixes linguistic input, cultural insight, and academic progress all in one.' For school-going students, their comprehension of texts is not only relevant to English class but has significant implications for other subjects as well. The comprehension of texts comes from the combination of decoding skills with language comprehension, as proposed by the Simple View of Reading. For second language learners, if any of these components is weak, comprehension will be greatly impaired. Previous studies have indicated that EFL learners, especially at intermediate levels such as B1, do not have adequate comprehension skills. This is because of limited exposure to the language and poor strategic processing skills. According to meta-analytical studies, there is significant damage to reading comprehension if L2 skills are weak because there is a moderate to large effect size (d = -0.62) on reading comprehension, with an even wider gap in linguistic comprehension (d = -1.12). The conventional EFL curriculum in Uzbekistan has been translation-oriented, with an emphasis on memorizing new words and answering factual questions. This may impede the ability of learners to strategically process texts or recognize the text's structure. As a result, learners are often unable to build coherent mental representations of texts, especially informational or argumentative texts that are relevant to the intermediate level of language proficiency. To remedy this problem, it is necessary to incorporate the teaching of text structure awareness because this helps learners recognize different text structures such as cause-effect, problem-solution, or compare-contrast texts. By being able to recognize these structures with the aid of signal words or graphic organizers, learners are able to better grasp the main ideas of texts, locate supporting ideas, or summarize texts to better comprehend them. This study aims to find out whether teaching text structure awareness can have an enhancing effect on reading comprehension for EFL school-going learners at level B1 in Uzbekistan.

Literature review

Second language reading comprehension depends on three core components: linguistic knowledge, cognitive processing, and strategic behavior. From Perfetti's perspective (2007), good comprehension involves rapid lexical access, integration of textual information, and the construction of coherent mental representations. The Construction-Integration model proposed by Kintsch (1998) further emphasizes the active integration of new information with readers' prior knowledge. In addition, contemporary competency-based approaches highlight that reading comprehension is not only a cognitive process but also a communicative competence that requires integrative skill development (Yuldashova et al., 2025). Recent research also stresses the growing role of digital and micro-learning environments in strengthening learners' strategic and cognitive engagement with texts (Kamariddinovna, 2025). Moreover, adaptive learning systems have demonstrated effectiveness in assessing and enhancing academic achievement by personalizing reading and comprehension tasks according to learners' needs (Gururajarao et al., 2025).

Linguistic Knowledge

Vocabulary knowledge is a strong predictor of how well a person will comprehend a text. Nation (2009) has stated that a good reader will know about 95-98% of the words in a text. A number of studies have shown a strong correlation between vocabulary knowledge and reading comprehension (Lervåg & Aukrust, 2010). Grammar is also important but to a lesser degree (Droop & Verhoeven, 2003).

Cognitive and Metacognitive Strategies

Reading comprehension in a second or foreign language is not a passive process of decoding words but an active and strategic activity. Successful readers employ various cognitive and metacognitive strategies to construct meaning, regulate their understanding, and achieve reading goals. Research has consistently shown that strategic behavior plays a crucial role in enhancing comprehension, particularly for EFL learners who may face linguistic and processing challenges. According to Jeon and Day (2016), the application of cognitive strategies such as metacognitive awareness, planning, monitoring, and summarizing significantly contributes to improved reading performance.

Cognitive Strategy	Description	Effect on Reading Comprehension
Metacognitive Awareness	Awareness of one's own thinking processes while reading	Improves understanding and self-regulation
Planning	Setting goals and selecting appropriate strategies before reading	Enhances purposeful and focused reading
Monitoring	Checking comprehension during reading and adjusting strategies if needed	Prevents misunderstanding and improves accuracy
Summarizing	Condensing key ideas after reading	Strengthens retention and overall comprehension

Table 1. *The Role of Cognitive and Metacognitive Strategies in Enhancing Reading Comprehension (Jeon & Day, 2016)*

Metacognitive awareness enables learners to become conscious of their thinking processes while reading. When students understand how they comprehend texts, they can better control and adjust their strategies. Planning involves setting clear reading purposes and selecting appropriate strategies before engaging with a text, which promotes focused and goal-oriented reading. Monitoring refers to the reader's ability to check comprehension during the reading process and make adjustments when misunderstandings occur. Finally, summarizing helps learners consolidate key ideas after reading, strengthening retention and deep understanding. Together, these strategies foster independent learning, improve comprehension accuracy, and enhance overall reading competence, especially in EFL contexts where learners require structured support to process texts effectively.

***Text Structure* Awareness**

Text structure awareness is a form of strategic knowledge. This involves knowledge of text structure. Studies have found a positive relationship between the ability to identify rhetorical patterns and the ability to identify main ideas and recall of text (Carrell, 1984; Meyer, 1975). A study of EFL learners found that teaching text structure awareness had a significant positive effect on text comprehension, especially with informational texts (Grabe, 2009; Yamashita, 2013).

Methodology

Research Design

A quasi-experiment with a pre-test and post-test control group design will be employed to measure the effects of training in text structure awareness.

Participants

The research study comprised thirty ninth-grade students at B1 level, randomly assigned to two intact classes: experimental and control groups with fifteen students each.

To ensure continuity of instruction, the same teacher managed both groups.

Instruments

1. B1 Reading Comprehension Test: The test comprised multiple-choice, matching, and short-answer questions to assess reading comprehension at B1 level. The test's reliability was confirmed using JASP statistical software with Cronbach's alpha coefficient equal to .84.
2. Instructional Materials: The texts were used over an eight-week period to incorporate embedded discourse patterns such as cause-effect, compare-contrast, and problem-solution.
3. Graphic Organizers: These were employed by the experimental group to identify text structures.

Procedure

1. Pre-tests were administered to both groups to establish baseline reading comprehension.
2. The experimental group received explicit instruction on text structures over an eight-week period:
   - Identify discourse patterns;
   - Identify signal words;
   - Use graphic organizers;
   - Summarize texts based on text structures.
3. The control group received traditional reading instruction.
4. A post-test was administered to both groups.

Data Analysis

The analysis was conducted using JASP statistical software version 16.0.

Independent samples t-tests were employed to compare both groups.

Paired samples t-tests were conducted to measure change within each group.

Effect size calculation: Cohen's d

Reliability of the test: Cronbach's alpha coefficient using JASP statistical software.

Results

Group Descriptives					
Group	**N**	**Mean**	**SD**	**t**	**df**
Control	15	56,7	6.9	0.27	28
Experimental	15	57,3	7.2		

Table 2. *Pre-test comparison*

No significant difference at pre-test.

Experimental group significantly outperformed the control group.

Group Descriptives							
Group	**N**	**Mean**	**SD**	**t**	**df**	**p**	**Cohen's d**
Control	15	60.01	6.3				
Experimental	15	72.6	7.1	5.83	28	<.001	2.13

Table 3. *Post-test comparision*

Experimental group significantly outperformed the control group**.**

Group Descriptives								
Group	**N**	**Pre-test Mean**	**Post-test Mean**	**Gain**	**t**	**df**	**p**	**Cohen's d**
Control	15	56.7	60.1	3.4	0.413	14	.05	0.54
Experimental	15	57.3	72.6	15.3	0.214	14	<.001	3.20

Table 3. *Within-group development*

Figures

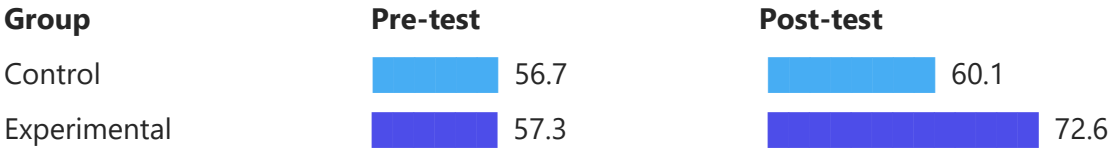

Figure 1. *Pre-test and post-test mean by group*

Figure 2. *Gain scores by group*

Discussion

The study's results clearly show that students can improve their reading comprehension by being explicitly and clearly taught to use text structure, and this improvement is significant for EFL students at B1 level. The improvement is substantial, with an effect size of d = 2.13, indicating that there is considerable practical significance to this study's results. This is not surprising, considering earlier studies that emphasize the role of understanding text structure and its relevance to reading comprehension (Grabe, 2009; Carrell, 1984). The lesser improvement for the control group may suggest that without being explicitly and clearly taught to use text structure, students may not improve their reading comprehension to any significant degree. On the other hand, the experimental group immersed themselves in texts, used metacognitive strategies, and retained more of what they read.

Conclusion

This study demonstrates that explicit instruction in text structure awareness significantly enhances reading comprehension among B1-level EFL learners. The findings show that students who were systematically taught to identify discourse patterns, signal words, and use graphic organizers outperformed those who received traditional instruction, with a large practical effect size. The results confirm that reading comprehension improves when linguistic knowledge is supported by strategic processing and metacognitive awareness. Teaching learners how texts are organized enables them to identify main ideas, connect supporting details, and construct coherent mental representations more effectively. The study also highlights the limitations of translation-oriented approaches and emphasizes the importance of strategy-based instruction in developing independent, engaged, and competent readers. Overall, integrating text structure awareness into intermediate-level EFL curricula can lead to substantial and sustainable improvements in students' reading performance. This improvement, however, can be achieved by being guided by strategy-based reading

approaches, and this improvement can be substantial for students, considering that they read independently, remain engaged, and improve their language skills.

References:

1. Carrell, P. L. (1984). The effects of rhetorical organization on ESL readers. *TESOL Quarterly, 18*(4), 481-494.
2. Droop, M., & Verhoeven, L. (2003). Language proficiency and reading ability in first and second language learners. *Reading Research Quarterly, 38*(1), 78-103.
3. Grabe, W. (2009). *Reading in a Second Language: Moving from Theory to Practice*. Cambridge University Press.
4. Grabe, W., & Stoller, F. (2011). *Teaching and Researching Reading*.
5. Gururajarao, S.M., Everstova, V., Potekhina, E., Moydinova, E., Nikulushkin, A., & Muracova, N. (2025, April). *Assessing Academic Achievement in Adaptive Learning*. In Computer Science On-line Conference. 445-453. Cham: Springer Nature Switzerland.
6. Hoover, W.A., & Gough, P.B. (1990). The simple view of reading. *Reading and Writing, 2*(2), 127–160.
7. Jeon, E.H., & Day, R.R. (2016). The effectiveness of extensive reading. *Reading in a Foreign Language, 28*(1), 10–27.
8. Kamariddinovna, M.E. (2025). THE ROLE OF NANO-LEARNING IN DEVELOPING DIGITAL COMPETENCE AMONG FUTURE ENGLISH LANGUAGE TEACHERS. *AMERICAN JOURNAL OF EDUCATION AND LEARNING, 3*(5), 335-341.
9. Kintsch, W. (1998). *Comprehension: A Paradigm for Cognition*. Cambridge University Press.
10. Lervåg, A., & Aukrust, V. (2010). Vocabulary knowledge and reading comprehension. *Reading and Writing, 23*(8), 1075–1091.
11. Melby-Lervåg, M., & Lervåg, A. (2014). Reading comprehension and its underlying components in L2 learners: A meta-analysis. *Psychological Bulletin, 140*(2), 1–30.
12. Nation, I. S. P. (2009). *Teaching ESL/EFL Reading and Writing*.
13. Perfetti, C. (2007). Reading ability: Lexical quality to comprehension. *Scientific Studies of Reading, 11*(4), 357–383.
14. Tilstra, J., McMaster, K., Van den Broek, P., Kendeou, P., & Rapp, D. (2009). Components of reading comprehension. *Reading Research Quarterly, 44*(4), 450–468.
15. Yamashita, J. (2013). Processes of L2 reading. *Language Learning, 63*(2), 289–323.
16. Yuldashova, N. M., Moydinova, E. K., Abdullayeva, D. M., Atakulova, E. T. S., Kayumova, G. A., Turgunova, F. M., & Xakimjonova, M. E. (2025). A COMPETENCY-BASED INTEGRATIVE FRAMEWORK FOR TEACHING ORAL COMMUNICATION IN TERTIARY EDUCATION. *Lex Localis, 23*(S6), 3504-3511.

Digital Assessment in HE: Conceptual Foundations, Applications, and Empirical Evidence

Shakhnoza Ismatova
doctorshaxnoza@gmail.com
PhD, associate professor,
Uzbek State World Languages University

Annotation *Digital assessment has become a central component of higher education due to technological advancements, expanding online learning environments, and data-driven instructional models. This article examines the conceptual foundations of digital assessment, synthesizes empirical research on its effectiveness, and presents practical applications in university contexts. The literature indicates that digital assessment enhances feedback timeliness, scalability, and adaptive measurement precision. However, concerns regarding validity, academic integrity, equity, and data privacy remain significant. The paper concludes by identifying research gaps and proposing directions for future inquiry in digitally mediated assessment practices.*

Keywords *Digital assessment, e-assessment, higher education, formative assessment, computerized adaptive testing, learning analytics*

Oliy ta’limda raqamli baholashning kontseptual asoslari, ilovalari va empirik dalillar

Shaxnoza Ismatova
doctorshaxnoza@gmail.com
PhD, dotsent,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Raqamli baholash texnologik taraqqiyot, onlayn o‘quv muhitini kengaytirish va ma’lumotlarga asoslangan o‘quv modellari tufayli oliy ta’limning markaziy tarkibiy qismiga aylandi. Ushbu maqola raqamli baholashning kontseptual asoslarini ko‘rib chiqadi, uning samaradorligi bo‘yicha empirik tadqiqotlarni sintez qiladi va universitet kontekstida amaliy qo‘llanmalarni taqdim etadi. Adabiyot shuni ko‘rsatadiki, raqamli baholash teskari aloqaning o‘z vaqtidaligini, kengaytirilishini va moslashuvchan o‘lchov aniqligini oshiradi. Biroq, haqiqiylik, akademik yaxlitlik, tenglik va ma’lumotlar maxfiyligi bilan bog‘liq xavotirlar muhimligicha qolmoqda. Maqola tadqiqot bo‘shliqlarini aniqlash va raqamli vositalashtirilgan baholash amaliyotlarida kelajakdagi so‘rovlar uchun yo‘nalishlarni taklif qilish bilan yakunlanadi.*

Kalit so‘zlar *Raqamli baholash, elektron baholash, oliy ta’lim, formativ baholash, kompyuterlashtirilgan adaptiv test, o‘rganish tahlili*

Цифровая оценка в высшем образовании: концептуальные основы, приложения и эмпирические данные

Шахноза Исматова
doctorshaxnoza@gmail.com
PhD, доцент,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Цифровая оценка стала центральным компонентом высшего образования благодаря технологическому прогрессу, расширению онлайн-среды обучения и моделям обучения, основанным на данных. В данной статье рассматриваются концептуальные основы цифровой оценки, обобщаются эмпирические исследования ее эффективности и представлены практические применения в университетском контексте. Литература указывает на то, что цифровая оценка повышает своевременность обратной связи, масштабируемость и точность адаптивного измерения. Однако остаются существенными опасения относительно валидности, академической честности, справедливости и конфиденциальности данных. В заключение статьи определяются пробелы в исследованиях и предлагаются направления для будущих исследований в области практики цифровой оценки.*

Ключевые слова *Цифровая оценка, электронная оценка, высшее образование, формирующая оценка, компьютеризированное адаптивное тестирование, аналитика обучения*

Introduction

Assessment plays a critical role in higher education by measuring learning outcomes, informing instructional decisions, and ensuring academic standards. The rapid digitalization of educational environments has transformed assessment practices from traditional paper-based approaches to digitally mediated systems. Digital assessment refers to the use of computer technologies to design, deliver, score, and analyze assessments (Bennett, 2015).

Universities increasingly rely on learning management systems (LMS), online testing platforms, and analytics dashboards to monitor student performance. The shift has accelerated due to large-scale online learning expansion and global disruptions such as the COVID-19 pandemic. Consequently, understanding the theoretical, methodological, and practical dimensions of digital assessment is critical for researchers and policymakers.

Digital assessment encompasses a range of practices including online quizzes, simulations, e-portfolios, automated scoring systems, and computerized adaptive testing. It can be categorized according to assessment purpose (See table1):

Types	Authors	Definition
Formative Digital Assessment	Black and Wiliam (1998), (Shute, 2008)	Formative assessment supports ongoing learning by providing timely feedback. Demonstrated that formative practices significantly improve student achievement. In digital environments, automated feedback systems enhance immediacy and scalability. Real-time quizzes, polling systems, and AI-based feedback tools exemplify digital formative assessment in university settings

Summative Digital Assessment	(Bennett, 2015), (Popham, 2017)	Summative digital assessment evaluates learning outcomes at the end of instruction. Computer-based testing (CBT) has been widely adopted in higher education due to efficiency and psychometric comparability to paper-based formats. Research suggests that digital formats can maintain reliability and validity when properly designed
Adaptive and Analytics-Driven Assessment	(Linacre, 2013)	Computerized Adaptive Testing (CAT), grounded in Item Response Theory (IRT), adjusts item difficulty based on student responses, improving measurement precision. Additionally, learning analytics tools enable predictive modeling of student performance and early identification of at-risk learners

Table 1. *Conceptual Framework of Digital Assessment*

Applications in Higher Education

Learning Management Systems – universities commonly use LMS platforms (e.g., Moodle, Canvas) to administer quizzes, track engagement, and generate performance reports. These systems integrate item banks, randomized testing, and automated grading, reducing faculty workload.

Digital Portfolios – E-portfolios allow students to demonstrate learning through multimodal artifacts and reflective writing. Research indicates that digital portfolios promote metacognition and authentic assessment practices (Andrade & Du, 2007).

Simulation-Based Assessment – disciplines such as medicine, engineering, and teacher education increasingly utilize virtual simulations to assess applied competencies. Simulation-based digital assessments enhance ecological validity by replicating real-world problem-solving contexts.

Empirical Evidence and Literature Review

Reliability and Validity – early studies comparing computer-based and paper-based assessments found minimal differences in reliability (Bennett, 1995). More recent meta-analyses suggest that well-designed digital assessments can achieve equivalent or superior psychometric quality (Wang et al., 2007).

Feedback and Learning Outcomes – Shute (2008) emphasized that immediate, elaborated feedback significantly improves learning outcomes. Digital environments facilitate automated feedback loops that enhance student engagement and self-regulated learning.

Academic Integrity – one persistent challenge is ensuring academic honesty in remote assessments. King and Case (2014) report increased concerns regarding cheating in online environments, prompting the development of remote proctoring systems and AI-based monitoring tools.

Equity and Access – the digital divide remains a concern in higher education. Access to reliable internet, devices, and digital literacy skills influences assessment performance (Selwyn, 2016). Researchers emphasize the need for inclusive digital design and institutional support structures.

Challenges and Research Gaps

Despite its advantages, digital assessment raises several unresolved issues:

1. *Algorithmic transparency* in AI-driven scoring systems.
2. *Data privacy and ethical governance* of student performance data.
3. *Longitudinal effects* of digital assessment on deep learning.

4. *Cross-cultural validity* in global online education contexts.

Future research should integrate interdisciplinary perspectives from psychometrics, data science, and educational theory to address these concerns.

This method employed a **systematic literature review** methodology guided by the Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses (PRISMA) framework (Page et al., 2021). The PRISMA approach ensures transparency, replicability, and methodological rigor in identifying, screening, and synthesizing relevant scholarly literature. The review aimed to synthesize empirical research on digital assessment in higher education, with particular emphasis on validity, effectiveness, equity, and technological innovation.

According strategy a comprehensive literature search was conducted across the following electronic databases:

Diagram 1.

The search covered publications from 2010 to 2025 to capture contemporary developments in digital assessment technologies. The following Boolean search string was applied:

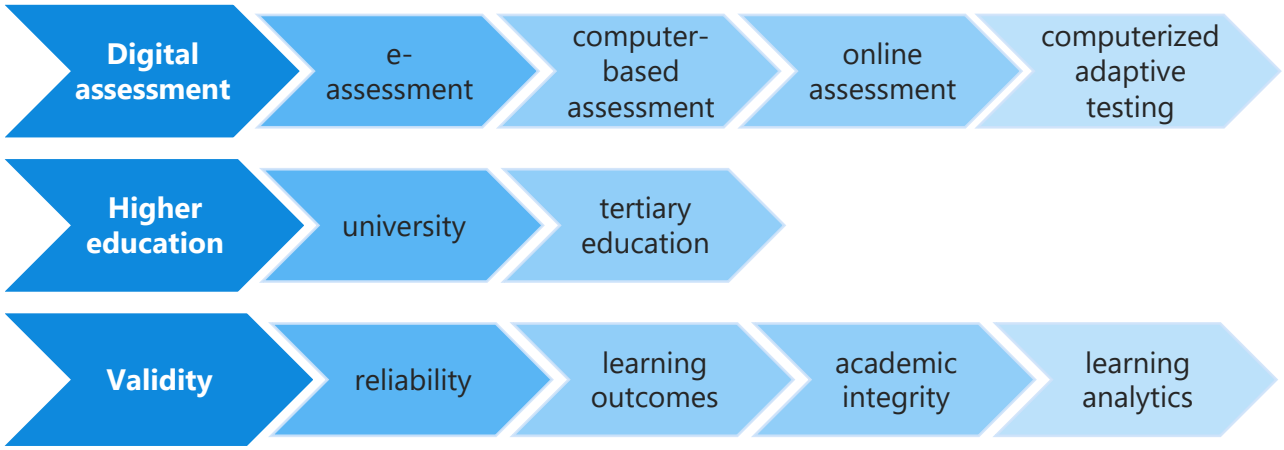

Diagram 2.

Inclusion and Exclusion Criteria

Studies were included if they met the following criteria and Studies were excluded if they:

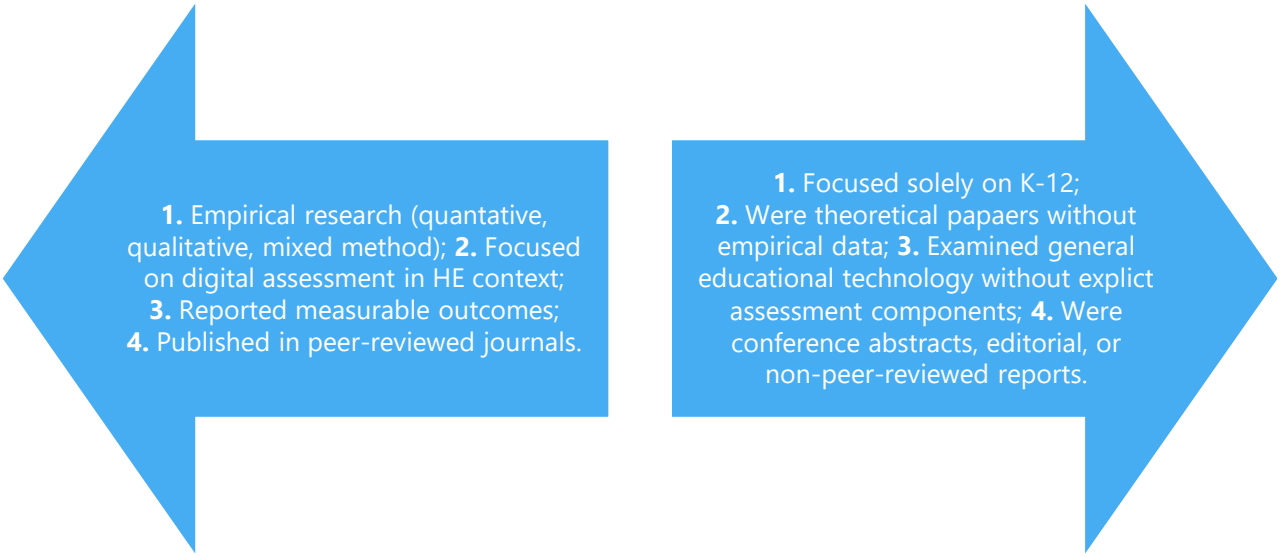

Diagram 3.

The PRISMA four-phase screening process was followed:

1. *Identification:* The database search yielded *N = 742* records. An additional *N = 36* records were identified through reference list screening.
2. *Screening:* After removing duplicates (*n = 118*), 660 titles and abstracts were screened. Of these, 472 were excluded for not meeting inclusion criteria.
3. *Eligibility***:** Full-text screening was conducted for 188 articles. A total of 121 articles were excluded due to insufficient empirical evidence or lack of higher education focus.
4. *Included Studies***:** The final sample consisted of *67 empirical studies* included in the qualitative synthesis. Of these, 24 provided sufficient statistical data for limited quantitative comparison.

Data Extraction and Coding. A standardized data extraction protocol was developed to ensure consistency. The following variables were coded:

- *Author(s), year, country*
- *Study design (experimental, quasi-experimental, survey, case study)*
- *Sample size and discipline*
- *Type of digital assessment (CBT, CAT, LMS-based, e-portfolio, AI-based)*
- *Outcome measures (achievement, reliability coefficients, engagement metrics)*
- *Key findings*

Inter-rater reliability was established through independent coding of 15% of studies, achieving Cohen's κ = .87, indicating strong agreement.

Quality Appraisal. Methodological quality was assessed using adapted criteria from the Mixed Methods Appraisal Tool (MMAT). Studies were evaluated based on:

- Clarity of research questions
- Appropriateness of design
- Validity of measurement instruments
- Statistical rigor
- Transparency in reporting

Of the 67 included studies:

- 41 were rated high quality
- 19 were rated moderate quality
- 7 were rated lower quality but retained due to contextual relevance

Data Synthesis. A narrative synthesis approach was employed due to heterogeneity in study designs and outcome measures. Findings were grouped into thematic categories:

1. Psychometric Quality (Validity & Reliability)
2. Learning Outcomes and Feedback Effects

3. Academic Integrity and Security
4. Equity and Accessibility
5. AI and Adaptive Innovations

Where possible, effect sizes and reliability coefficients were compared descriptively.

Discussion

Digital assessment represents not merely a technological shift but a paradigmatic transformation in higher education evaluation practices. Its integration with analytics, artificial intelligence, and adaptive technologies offers unprecedented opportunities for personalization and scalability. However, universities must balance innovation with ethical responsibility, psychometric rigor, and equitable access.

Conclusion

Digital assessment has become integral to contemporary higher education systems. Empirical evidence supports its effectiveness in enhancing feedback efficiency, measurement precision, and instructional responsiveness. Nonetheless, ensuring validity, academic integrity, and equitable implementation remains essential. Continued research is necessary to refine theoretical frameworks and evaluate long-term impacts on teaching and learning.

References:

1. Andrade, H., & Du, Y. (2007). Student responses to criteria-referenced self-assessment. *Assessment & Evaluation in Higher Education, 32*(2), 159–181.
2. Bennett, R. E. (2015). The changing nature of educational assessment. *Review of Research in Education, 39*(1), 370–407.
3. Ismatova, S. M., & Mukhamedjanova, N. D. (1899). *TEACHING ENGLISH IN INCLUSIVE EDUCATION BASED ON SMART TECHNOLOGY. Results of National Scientific Research International Journal, 2*(2), *101-106*.
4. King, C. G., & Case, C. J. (2014). E-cheating: Incidence and trends among college students. *Issues in Information Systems, 15*(1), 20–27.
5. Linacre, J. M. (2013). Computerized adaptive testing: A primer. *Rasch Measurement Transactions, 27*(1), 1425–1428.
6. Mirakhmatovna, I. S. Point-rating System as an Effective Way to Assess Students Knowledge in Credit Module System. *JournalNX*, (2), 15-23.
7. Muradkasimova, K. (2021). THE IMPORTANCE OF DEVELOPING TEACHERS'ASSESSMENT LITERACY COMPETENCE. *METHODOLOGY*, *36*(1).
8. Page, M. J., McKenzie, J. E., Bossuyt, P. M., Boutron, I., Hoffmann, T. C., Mulrow, C. D., ... Moher, D. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ, 372*, n71. https://doi.org/10.1136/bmj.n71
9. Popham, W. J. (2017). *Classroom assessment: What teachers need to know* (7th ed.). Pearson.
10. Shute, V. J. (2008). Focus on formative feedback. *Review of Educational Research, 78*(1), 153–189.
11. Wang, S., Jiao, H., Young, M., Brooks, T., & Olson, J. (2007). Comparability of computer-based and paper-and-pencil testing. *Educational and Psychological Measurement, 67*(2), 215–227.

Methodology for Developing Oral Speech Skills through Game-Based Learning Technology in English Lessons (Based on 5–6 Grade Students)

Samanova Shakhlo Bakhtiyarovna
shahlosamanova84@gmail.com
Department of English Language Teaching Methodology No. 3,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article analyzes the methodology for developing oral speech skills through game-based learning technology in English lessons, based on 5–6 grade students. Developing communicative competence at the middle school level is considered an essential pedagogical objective. Game-based learning corresponds to the psychological characteristics of young learners, increases their motivation, and enhances speaking activity in the classroom. The study highlights methodological principles for implementing role-plays, didactic games, interactive group activities, and digital game elements. Special attention is given to creating a language-rich environment, assessment criteria, and reflective practices in speaking development. The findings indicate that game-based instruction significantly improves students' vocabulary range, pronunciation accuracy, and ability to express ideas independently in a foreign language. Furthermore, game-based activities promote collaboration, social interaction, and confidence building among learners, reducing speaking anxiety. The article also presents observational data and comparative analysis demonstrating that structured game integration leads to higher engagement and more effective communicative outcomes compared to traditional approaches. The proposed methodology is recommended as an innovative, learner-centered, and practically oriented strategy for improving oral communication skills.*

Keywords *Game-based learning, oral speech, communicative competence, interactive method, role-play, motivation, pronunciation, learner-centered approach, language environment*

Ingliz tili darslarida o‘yin ta’lim texnologiyasi asosida og‘zaki nutq ko‘nikmalarini rivojlantirish metodikasi (5–6-sinf o‘quvchilari misolida)

Samanova Shaxlo Baxtiyarovna
shahlosamanova84@gmail.com
Ingliz tilini o‘qitish metodikasi 3 kafedrasi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Mazkur maqolada 5–6-sinf o‘quvchilari misolida ingliz tili darslarida o‘yin ta’lim texnologiyasi asosida og‘zaki nutq ko‘nikmalarini rivojlantirish metodikasi tahlil qilinadi. Boshlang‘ich va o‘rta bosqich o‘quvchilarida chet tilida erkin muloqot qilish ko‘nikmasini shakllantirish dolzarb pedagogik vazifa hisoblanadi. O‘yin texnologiyasi o‘quvchilarning yosh psixologik xususiyatlariga mos bo‘lib, ularning darsga qiziqishini oshiradi, nutq faolligini rag‘batlantiradi va kommunikativ kompetensiyani rivojlantiradi. Tadqiqotda rolli o‘yinlar, didaktik o‘yinlar, interaktiv guruh o‘yinlari va raqamli o‘yin elementlaridan foydalanishning metodik asoslari*

yoritiladi. Shuningdek, og'zaki nutqni rivojlantirishda motivatsiya, til muhiti yaratish, baholash mezonlari va refleksiya jarayonining ahamiyati ochib beriladi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, o'yin asosida tashkil etilgan mashg'ulotlar o'quvchilarning so'z boyligini kengaytiradi, talaffuzini yaxshilaydi va mustaqil fikr bildirish ko'nikmasini shakllantiradi. Bundan tashqari, o'yin texnologiyasi o'quvchilarning ijtimoiy hamkorlik ko'nikmalarini, jamoada ishlash madaniyatini va o'z fikrini himoya qilish qobiliyatini rivojlantiradi. Maqolada eksperimental dars kuzatuvlari asosida olingan natijalar ham tahlil qilinib, o'yin metodikasining an'anaviy yondashuvga nisbatan samaraliroq ekani asoslab beriladi. Mazkur metodika samarali, interaktiv va o'quvchi markazli yondashuv sifatida tavsiya etiladi.

Kalit so'zlar *O'yin texnologiyasi, og'zaki nutq, kommunikativ kompetensiya, interaktiv metod, rolli o'yin, motivatsiya, talaffuz, o'quvchi markazli yondashuv, til muhiti*

Методика развития навыков устной речи на основе игровых образовательных технологий на уроках английского языка (на примере учащихся 5–6 классов)

Саманова Шахло Бахтияровна
shahlosamanova84@gmail.com
Кафедра методики преподавания английского языка № 3,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье анализируется методика развития навыков устной речи у учащихся 5–6 классов на основе игровых образовательных технологий на уроках английского языка. Формирование коммуникативной компетенции в среднем звене является актуальной педагогической задачей. Игровые технологии соответствуют возрастным психологическим особенностям учащихся, повышают их мотивацию и способствуют активизации речевой деятельности. Рассматриваются методические основы применения ролевых игр, дидактических заданий, интерактивной групповой работы и цифровых игровых элементов. Особое внимание уделяется созданию языковой среды, критериям оценивания устной речи и организации рефлексии. Результаты показывают, что игровые методы расширяют словарный запас учащихся, улучшают произносительные навыки и формируют умение выражать собственные мысли на иностранном языке. Дополнительно подчеркивается, что игровая деятельность способствует развитию социальных и коммуникативных навыков, формированию уверенности в себе и снижению языкового барьера. В статье представлены результаты наблюдений и сравнительного анализа традиционных и игровых методов обучения, подтверждающие эффективность предлагаемой методики. Предложенный подход рассматривается как инновационный, интерактивный и ориентированный на личность учащегося.*

Ключевые слова *Игровая технология, устная речь, коммуникативная компетенция, интерактивный метод, ролевая игра, мотивация, произношение, личностно-ориентированный подход, языковая среда*

Kirish

Zamonaviy ta'lim tizimida chet tillarni o'qitish jarayoni kommunikativ yondashuv asosida tashkil etilmoqda. Xususan, 5–6-sinf o'quvchilarida og'zaki nutq ko'nikmalarini rivojlantirish dolzarb metodik vazifa bo'lib, u nafaqat til bilimini, balki kommunikativ kompetensiyani ham shakllantirishga xizmat qiladi. O'quvchilar bu yoshda faol, harakatchan va interaktiv faoliyatga moyil bo'lib, ularning psixologik xususiyatlari o'yin faoliyati orqali samarali rivojlanadi. Shu bois ingliz tili darslarida o'yin ta'lim texnologiyasidan foydalanish dolzarb pedagogik yondashuv sifatida qaralmoqda.

O'yin faoliyati bolalar uchun tabiiy muloqot muhiti yaratadi. U dars jarayonini sun'iy mashqdan real kommunikativ vaziyatga aylantiradi. Ayniqsa, rolli o'yinlar, dialogik mashqlar va jamoaviy interaktiv topshiriqlar o'quvchilarda fikrni mustaqil ifodalash, savol berish va javob qaytarish ko'nikmalarini rivojlantiradi. Bu esa og'zaki nutqning asosiy komponentlari – talaffuz, lug'at boyligi, grammatik to'g'rilik va ravonlikni mustahkamlaydi.

5–6-sinflarda til o'rganish jarayoni motivatsiya bilan chambarchas bog'liq. Agar dars jarayoni qiziqarli va faollikka yo'naltirilgan bo'lsa, o'quvchilar til birliklarini tezroq o'zlashtiradi. O'yin texnologiyasi aynan ichki motivatsiyani faollashtiradi, o'quvchini jarayon markaziga olib chiqadi va qo'rqmasdan gapirish muhitini shakllantiradi.

Mazkur tadqiqotning maqsadi – ingliz tili darslarida o'yin ta'lim texnologiyasi asosida og'zaki nutq ko'nikmalarini rivojlantirish metodikasini ilmiy-nazariy hamda amaliy jihatdan asoslashdir. Tadqiqot vazifalari sifatida o'yin texnologiyasining pedagogik mohiyatini tahlil qilish, og'zaki nutqni rivojlantirish mexanizmlarini aniqlash va samarali metodik tavsiyalar ishlab chiqish belgilandi.

Adabiyotlar tahlili. O'yin asosida o'qitish nazariyasi psixologik va pedagogik ilmiy qarashlarga asoslanadi. Vygotskiy (1978) o'yinni bola rivojlanishining yetakchi faoliyati deb ta'kidlab, unda nutq va tafakkur faol shakllanishini asoslagan. Unga ko'ra, ijtimoiy muloqot jarayoni bilish rivojining asosiy omilidir.

Piaget (1962) esa o'yinni kognitiv rivojlanish bosqichlari bilan bog'lab, o'yin orqali abstrakt tafakkur shakllanishini ta'kidlaydi. Ushbu qarashlar o'yin texnologiyasining nutq rivojiga ta'sirini ilmiy jihatdan asoslaydi.

Kommunikativ til o'qitish nazariyasi Hymes (1972) tomonidan "kommunikativ kompetensiya" tushunchasi orqali izohlangan. Canale va Swain (1980) esa ushbu kompetensiyani grammatik, sotsiolingvistik, diskursiv va strategik komponentlarga ajratgan. O'yin asosidagi faoliyat aynan ushbu komponentlarni integrativ tarzda rivojlantiradi.

Harmer (2007) o'yin faoliyatini "low anxiety speaking environment" deb baholab, o'quvchilarda tilga nisbatan qo'rquvni kamaytirishini ko'rsatadi. Nation va Newton (2009) esa og'zaki nutq rivojida "meaning-focused output" zarurligini ta'kidlaydi. O'yin mashg'ulotlari aynan mazmunli nutq ishlab chiqishni ta'minlaydi.

Zamonaviy tadqiqotlar (Richards, 2015; Thornbury, 2005) interaktiv metodlar, ayniqsa rolli o'yinlar va simulyatsiyalar, nutq ravonligini oshirishda yuqori samaradorlikka ega ekanligini ko'rsatadi.

Ingliz tili darslarida o'yin ta'lim texnologiyasidan samarali foydalanish maqsadga yo'naltirilgan metodik yondashuvni talab etadi. Avvalo, har bir o'yin aniq dars maqsadi bilan uyg'unlashgan holda tanlanishi lozim. O'yin shunchaki qiziqarli faoliyat emas, balki ma'lum lingvistik yoki kommunikativ vazifani bajarishga xizmat qilishi kerak. Masalan, yangi lug'at birliklarini mustahkamlash uchun "matching game" yoki "guessing game", dialog qurish ko'nikmasini rivojlantirish uchun esa rolli o'yinlardan foydalanish maqsadga muvofiqdir.

№	Tahlilmezoni	An’anaviy metod	O‘yin texnologiyasi asosida	Natija (qiyosiy tahlil)
1	**Nutq faolligi**	Asosan faqat faol o‘quvchilar gapiradi	Ko‘pchilik o‘quvchilar jalb etiladi	Nutq ishtiroki 1,5–2 barobar oshadi
2	**Motivatsiya**	Tashqi rag‘batga bog‘liq	Ichki qiziqish va raqobat muhiti mavjud	Qiziqish darajasi sezilarli oshadi
3	**Lug‘at boyligi**	Yodlashga asoslangan	Kontekst asosida faol qo‘llanadi	So‘zlarni faol ishlatish ko‘payadi
4	**Talaffuz**	O‘qituvchi nazoratida mashq	O‘zaro muloqot orqali tabiiy takror	Fonetik xatolar kamayadi
5	**Grammatik aniqlik**	Nazariy qoidaga urg‘u	Muloqot jarayonida amaliy qo‘llanadi	Amaliy grammatik ko‘nikma mustahkamlanadi
6	**Psixologik to‘siq**	Gapirishdan uyalish kuzatiladi	Erkin va qo‘rqmasdan gapirish muhiti	Til bariyeri pasayadi
7	**Hamkorlik ko‘nikmasi**	Individual ishlash ustun	Guruh va juftlik faoliyati	Ijtimoiy kompetensiya rivojlanadi
8	**Nutq ravonligi**	Sekin va uzilishlar bilan	Dialog va rolli o‘yin orqali rivojlanadi	Ravonlik darajasi oshadi

1-jadval. *5–6-sinf o‘quvchilarida o‘yin texnologiyasi asosida og‘zaki nutq ko‘nikmalarining rivojlanish ko‘rsatkichlari*

Xorijiy ta’lim tajribasida ingliz tilini o‘qitishda o‘yin ta’lim texnologiyasi keng qo‘llanilmoqda. Xususan, Buyuk Britaniya, AQSh, Finlyandiya, Janubiy Koreya va Singapur maktablarida boshlang‘ich va o‘rta bosqichlarda kommunikativ yondashuv asosiy tamoyil sifatida qabul qilingan. Bu mamlakatlarda “game-based learning” va “task-based learning” integratsiyasi orqali o‘quvchilarda tabiiy muloqot muhiti yaratishga e’tibor qaratiladi. Masalan, Britaniya maktablarida rolli o‘yinlar, simulyatsiya mashg‘ulotlari va loyiha asosidagi interaktiv topshiriqlar keng tarqalgan. AQShda esa o‘quvchilarning og‘zaki nutqini rivojlantirish maqsadida dramatizatsiya, debat o‘yinlari va raqamli platformalar (Kahoot, Quizlet Live, Classcraft kabi) faol qo‘llaniladi.

Finlyandiya tajribasida o‘yin elementlari darsning tarkibiy qismi sifatida qaraladi va baholash jarayoniga ham integratsiya qilinadi. U yerda o‘quvchilar tilni nazariy o‘rganishdan ko‘ra, ijtimoiy muloqot orqali egallaydi. Janubiy Koreyada esa axborot-kommunikatsiya texnologiyalari bilan uyg‘unlashgan o‘yin metodikasi orqali talaffuz va ravonlikka alohida e’tibor qaratiladi. Ushbu davlatlar tajribasi shuni ko‘rsatadiki, o‘yin texnologiyasi nafaqat motivatsiyani oshiradi, balki o‘quvchilarning ijtimoiy va kommunikativ kompetensiyasini ham kuchaytiradi.

O‘zbekiston ta’lim tizimida ham so‘nggi yillarda chet tillarni o‘qitishni modernizatsiya qilishga qaratilgan keng ko‘lamli islohotlar amalga oshirilmoqda. Maktab darsliklari kommunikativ yondashuv asosida yangilanmoqda, interaktiv metodlar va o‘quvchi markazli yondashuv ustuvor yo‘nalish sifatida joriy etilmoqda. Boshlang‘ich va o‘rta sinflarda ingliz tilini erta yoshdan o‘qitish konsepsiyasi asosida og‘zaki nutqni rivojlantirishga alohida e’tibor berilmoqda.

Yurtimiz maktablarida rolli o‘yinlar, jamoaviy dialoglar, “brainstorming”, “cluster” va boshqa interaktiv texnologiyalar tatbiq etilmoqda. Shuningdek, raqamli ta’lim

platformalari orqali o‘yin elementlarini qo‘llash imkoniyatlari kengaymoqda. Pedagog kadrlarning malakasini oshirish kurslarida ham o‘yin asosida o‘qitish metodikasi bo‘yicha maxsus modullar joriy etilmoqda.

Rolli o‘yinlar real hayot vaziyatlariga asoslanishi kerak. 5–6-sinf o‘quvchilari uchun “shop”, “school”, “doctor”, “at the café”, “at the airport” kabi kundalik kommunikativ holatlar til o‘rganishga motivatsiyani oshiradi. Real vaziyatga yaqinlashtirilgan topshiriqlar o‘quvchilarning nutqni tabiiy muhitda qo‘llash ko‘nikmasini shakllantiradi. Bunda soddalashtirilgan, yosh xususiyatlariga mos ssenariylar ishlab chiqilishi lozim.

Baholash mezonlari oldindan aniq belgilanib, o‘quvchilarga tushuntirilishi zarur. Og‘zaki nutqni baholashda uch asosiy mezon tavsiya etiladi: ravonlik (fluency), to‘g‘rilik (accuracy) va talaffuz (pronunciation). Agar o‘quvchi baholash mezonlarini bilsa, u o‘z nutqini ongli ravishda takomillashtirishga harakat qiladi. Shuningdek, summativ baholash bilan birga formativ baholash – ya’ni jarayon davomida qisqa fikr-mulohaza berish samaraliroq natija beradi.

Dars jarayonida guruhlarda ishlash orqali maksimal nutq ishlab chiqishga erishish muhimdir. Kichik guruhlar yoki juftlikda ishlash (pair work) har bir o‘quvchiga gapirish imkoniyatini beradi. Butun sinf bilan ishlashda ayrim o‘quvchilar passiv qolishi mumkin, ammo guruhli faoliyat ularni ham jarayonga jalb etadi. “Information gap”, “Find someone who…”, “Problem solving” kabi o‘yin shaklidagi topshiriqlar ayniqsa samaralidir.

O‘qituvchi jarayonda fasilitator rolini bajarishi lozim. U boshqaruvchi emas, balki yo‘naltiruvchi, qo‘llab-quvvatlovchi bo‘lishi kerak. O‘quvchilar gapirayotgan paytda xatolarni darhol to‘xtatib tuzatish emas, balki dars so‘ngida umumiy tahlil qilish tavsiya etiladi. Bu yondashuv o‘quvchilarda erkinlik va ishonch muhitini yaratadi.

Dars yakunida refleksiya bosqichi tashkil etilishi muhim. O‘quvchilardan “What did you learn today?”, “Was it easy or difficult?”, “Which words were new?” kabi savollar orqali fikr olish metodik jihatdan samarali hisoblanadi. Refleksiya o‘quvchilarda o‘z-o‘zini baholash va metakognitiv ko‘nikmalarni rivojlantiradi.

Tadqiqot doirasida 5–6-sinf o‘quvchilari bilan tashkil etilgan tajribaviy darslarda rolli o‘yinlar, “information gap” mashqlari va jamoaviy dialoglar qo‘llanildi. Kuzatuv natijalari shuni ko‘rsatdiki, o‘yin asosidagi mashg‘ulotlarda o‘quvchilarning nutq faolligi an’anaviy mashqlarga nisbatan yuqoriroq bo‘ldi.

Talaffuzdagi xatolar kamaydi, chunki o‘quvchilar o‘zaro muloqot jarayonida bir-birini tinglash va taqlid qilish imkoniyatiga ega bo‘ldi. Lug‘at boyligi ham kengaydi, chunki o‘yin vaziyatlari real kontekstga asoslangan edi.

Xulosa

Muhokamalar shuni ko‘rsatdiki, o‘yin metodikasi o‘quvchida ichki ishonchni oshiradi va passiv o‘quvchilarni ham jarayonga jalb etadi. Biroq o‘yinlar maqsadga yo‘naltirilgan va baholash mezonlari aniq belgilanmagan bo‘lsa, ularning samaradorligi pasayishi mumkin.

O‘yin ta’lim texnologiyasi 5–6-sinf o‘quvchilarida og‘zaki nutq ko‘nikmalarini samarali rivojlantirish vositasi hisoblanadi. U kommunikativ kompetensiyaning barcha komponentlarini integratsiyalashgan holda shakllantiradi. O‘yin asosida tashkil etilgan darslar motivatsiyani oshiradi, til muhiti yaratadi va o‘quvchini faol subyektga aylantiradi. Metodik jihatdan to‘g‘ri tashkil etilgan o‘yin mashg‘ulotlari nutq ravonligi, talaffuz va mustaqil fikr bildirish ko‘nikmasini sezilarli darajada yaxshilaydi.

References:

1. Canale, M., & Swain, M. (1980). Theoretical bases of communicative approaches. *Applied Linguistics, 1*(1), 1–47.
2. Harmer, J. (2007). *How to teach English*. Pearson.
3. Hymes, D. (1972). On communicative competence. In J. Pride & J. Holmes (Eds.), *Sociolinguistics*. Penguin.
4. Nation, I. S. P., & Newton, J. (2009). *Teaching ESL/EFL listening and speaking*. Routledge.
5. Piaget, J. (1962). *Play, dreams and imitation in childhood*. Norton.
6. Richards, J. C. (2015). *Key issues in language teaching*. Cambridge University Press.
7. Thornbury, S. (2005). *How to teach speaking*. Pearson.
8. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society*. Harvard University Press.

Developing communicative competence in philology students through artificial intelligence tools

Nasirova Umida Kamolovna
umidanasirova@uzswlu.uz
Acting associate professor, PhD,
Doctoral Student (DSc Program),
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This paper explores the systematic development of communicative competence in philology students through the strategic integration of artificial intelligence (AI) technologies in higher education. The study is firmly grounded in a competency-based approach, emphasizing the formation of linguistic, sociolinguistic, discourse, and strategic components essential for modern philologists. Artificial intelligence tools are examined not merely as supplementary aids, but as transformative pedagogical instruments that facilitate interactive learning, individualized instruction, and authentic language practice. The paper provides an in-depth discussion of the linguodidactic principles underlying the implementation of AI-driven platforms in English language teaching, highlighting their potential to foster both academic and professional communication skills. By analyzing specific platforms and digital tools, the findings suggest that the integration of AI contributes to a more dynamic, adaptive, and student-centered educational environment. Ultimately, this approach supports the comprehensive development of communicative competence, preparing students for the complexities of global professional discourse in the digital age.*

Keywords *Artificial intelligence (AI), platforms, interactive learning, modern information technologies, formation and developing of communicative competence, chatbots, Grammarly, Orai*

Sun’iy intellektdan foydalanish asosida filologiya yo‘nalishi talabalari kommunikativ kompetensiyasini rivojlantirish

Nasirova Umida Kamolovna
umidanasirova@uzswlu.uz
v.v.b. dotsent, Phd, Doktorant (DSc),
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada oliy ta‘lim tizimiga sun’iy intellekt texnologiyalarini strategik integratsiyalash orqali filologiya yo‘nalishi talabalarining kommunikativ kompetensiyasini tizimli rivojlantirish masalalari tadqiq etiladi. Tadqiqot kompetensiyaviy yondashuvga asoslangan bo‘lib, zamonaviy mutaxassis uchun zarur bo‘lgan lingvistik, sotsiolingvistik, diskursiv va strategik komponentlarni bosqichma-bosqich shakllantirishga qaratilgan. Sun’iy intellekt vositalari shunchaki yordamchi element emas, balki interfaol o‘qitish, o‘quv jarayonini chuqur individuallashtirish va autentik til amaliyoti uchun sharoit yaratuvchi transformatsion pedagogik instrumentlar sifatida tahlil qilinadi. Ishda ingliz tilini o‘qitishda sun’iy intellekt platformalaridan foydalanishning lingvodidaktik tamoyillari batafsil yoritilgan hamda ularning talabalarning akademik va kasbiy muloqot ko‘nikmalarini rivojlantirishdagi ulkan salohiyati ta‘kidlangan. Muayyan raqamli yechimlar tahlili natijalari shuni ko‘rsatadiki, sun’iy intellekt integratsiyasi*

dinamik, adaptiv va talabaga yo'naltirilgan ta'lim muhitini yaratishga xizmat qiladi. Yakuniy xulosalar ushbu yondashuv kommunikativ kompetensiyani har tomonlama rivojlantirishni ta'minlashini va bo'lajak filologlarni raqamli davrdagi murakkab global professional diskursga samarali tayyorlashini tasdiqlaydi.

Kalit so'zlar *Sun'iy intellekt (SI), interfaol ta'lim, raqamli platformalar, zamonaviy ta'lim texnologiyalari, kommunikativ kompetensiyani rivojlantirish, chat-botlar, Grammarly, Orai*

Развитие коммуникативной компетенции студентов-филологов на основе использования искусственного интеллекта

Насирова Умида Камоловна
umidanasirova@uzswlu.uz
Исполняющий обязанности доцента, PhD,
Докторант (программа DSc),
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *В данной статье исследуется системный процесс развития коммуникативной компетенции студентов-филологов посредством стратегической интеграции технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования. Исследование глубоко основано на компетентностном подходе, акцентируя внимание на поэтапном формировании лингвистического, социолингвистического, дискурсивного и стратегического компонентов, необходимых современному специалисту. Инструменты искусственного интеллекта анализируются не просто как вспомогательные средства, а как трансформирующие педагогические инструменты, способствующие интерактивному обучению, глубокой индивидуализации учебного процесса и созданию условий для аутентичной языковой практики. В работе подробно раскрываются лингводидактические принципы использования ИИ-платформ в обучении английскому языку, подчеркивается их значительный потенциал в развитии академических и профессиональных навыков общения студентов. Результаты анализа конкретных цифровых решений подтверждают, что интеграция искусственного интеллекта способствует созданию динамичной, адаптивной и ориентированной на обучающегося образовательной среды. В конечном итоге, такой подход обеспечивает комплексное развитие коммуникативной компетенции, эффективно подготавливая будущих филологов к сложному глобальному профессиональному дискурсу в цифровую эпоху.*

Ключевые слова *Искусственный интеллект (ИИ), интерактивное обучение, цифровые платформы, современные образовательные технологии, развитие коммуникативной компетенции, чат-боты, Grammarly, Orai*

Introduction

Nowadays, the rapid expansion of digital technologies has significantly transformed contemporary higher education, particularly in the field of foreign language instruction. In this context, artificial intelligence has emerged as a powerful educational resource that reshapes traditional approaches to language teaching and learning. For philology students, whose academic and professional activities are closely connected with language, communication, sociolinguistics, discourse, and meaning, the integration of artificial intelligence opens new perspectives for the development of communicative competence.

Communicative competence is understood not merely as the ability to produce grammatically correct utterances, but as a complex construct encompassing linguistic accuracy, sociolinguistic appropriateness, discourse coherence, and strategic flexibility in communication.

Philology students are expected to operate effectively within diverse academic and professional communicative contexts, including analytical discussion, interpretation of texts, stylistic variation, and intercultural interaction. Consequently, the development of communicative competence constitutes a central objective of philological education.

Traditional methods of foreign language teaching, while pedagogically grounded, often provide limited opportunities for continuous interaction, individualized feedback, and authentic language practice. In contrast, artificial intelligence–based tools enable a more flexible and adaptive learning environment, allowing students to engage in simulated communicative situations, receive immediate feedback, and reflect on their language use. From a linguodidactic perspective, such tools function as mediators between theoretical linguistic knowledge and practical communicative performance.

Within a competence-based framework, artificial intelligence contributes to the integrated development of communicative competence by supporting the interaction of its core components. Through guided interaction, controlled self-correction, and repeated practice, philology students develop heightened awareness of linguistic form, pragmatic meaning, and discourse structure. This process enhances not only their communicative fluency but also their metalinguistic and analytical abilities, which are essential for future philologists.

The Strategy for the Development of Artificial Intelligence Technologies until 2030 (hereinafter referred to as the Strategy) has been developed in accordance with the Decree No. PF-132 of the President of the Republic of Uzbekistan, dated August 30, 2024, "On Measures to Implement the Tasks Defined at the Fourth Open Dialogue between the President of the Republic of Uzbekistan and Entrepreneurs." (Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan, 2024).

This Strategy aims to create the necessary conditions for the introduction of artificial intelligence technologies in the social sphere and economic sectors, including the establishment of legal, technological, and economic foundations.

The Strategy defines the objectives, tasks, and priority areas for the broad application and accelerated development of artificial intelligence in our country, taking into account the current state of artificial intelligence technologies and the advanced practices of other countries.

Additionally, the Strategy outlines medium- and long-term tasks, including those in scientific and technological development, for the implementation of projects aligned with national interests using artificial intelligence technologies.

The following key concepts are used in the Strategy:

- *Artificial Intelligence*: A set of technological solutions that enable the imitation of human knowledge and skills (including independent learning and problem-solving), delivering results comparable to those of human intellectual activity when performing specific tasks.
- *Neural Network:* A mathematical model and software-hardware solution based on the principles of biological neural connections, employed in machine learning.
- *Machine Learning:* A field focused on developing algorithms that draw conclusions by studying and analyzing patterns, identifying relationships in data, and applying various methods, including neural networks and statistics.
- *Deep Learning Platform:* A set of software and hardware tools designed for deep learning using artificial neural networks.
- *Artificial Intelligence Technology*: Technologies based on artificial intelligence, including advanced methods for intelligent video analysis, speech recognition and synthesis, and decision-making support.
- *Big Data:* Large datasets distinguished by their volume, variety, and/or velocity, requiring efficient storage, management, and analysis.

Traditional language teaching methods can sometimes lack engagement and interaction. AI-driven tools, on the other hand, create a more dynamic and interactive learning experience, drawing students more actively into the learning process. Applications such as Gemini and ELSA aid in pronunciation and oral practice, and grammar-checking tools offer immediate feedback on written output which is very fruitful for philology students. Moreover, chatbots (e. g. ChatGPT) simulate realistic conversations and allow for interactive, spoken-language practice.

By changing the nature of interaction, feedback, and learner autonomy, artificial intelligence systems have added new aspects to foreign language learning. AI-based applications offer continuous, instantaneous, and customized replies to students' language output, in contrast to traditional classroom techniques where feedback is frequently delayed and constrained by time restrictions. Such circumstances are especially beneficial for philology students since they encourage consistent interaction with pragmatic meaning, stylistic diversity, and linguistic form. Conversational chatbots, grammar analyzers, and pronunciation trainers are examples of AI-driven writing and speaking assistants that serve as reflective learning environments in addition to being tools for correction. They push students to examine how they produce language, spot recurrent error patterns, and improve their communication techniques. This introspective process improves metalinguistic awareness, which is essential for professional philological training.

Artificial intelligence tools support the integrated development of linguistic, sociolinguistic, discourse, and strategic components from the standpoint of communicative competence. Students can practice language in a low-stress setting, modify their speech to fit various communicative situations, and gain flexibility in meaning expression through regular engagement with AI-based systems. Learning academic and professional registers of English, which demand accuracy, coherence, and stylistic appropriateness, is particularly aided by this kind of practice.

Artificial intelligence's ability to mimic a variety of communication scenarios is a significant educational benefit. Students studying philology can participate in scholarly debates, decipher texts with stylistic markings, or practice communicating in a particular genre through role-based interaction and scenario modeling.

By strengthening the application of linguistic concepts in authentic communicative tasks, these virtual environments help learners

close the gap between theoretical linguistic knowledge and real-world language use.

However, rather than replacing human instruction, artificial intelligence should be seen as an additional educational tool. Even if AI systems efficiently facilitate practice, feedback, and self-control, teachers continue to play a crucial role in directing interpretation, offering contextual and cultural explanations, and encouraging deep human connection. Artificial intelligence improves education by increasing learning opportunities while maintaining the pedagogical value of teacher-led instruction when it is carefully included.

An important benefit of AI tools is the speed of feedback. In a real classroom situation, feedback might come with a delay. With AI, learners get immediate correction. That helps them become more aware of their own mistakes, learn to self-correct, and internalize correct language patterns. It leads to better accuracy, fluency and confidence in speaking. The use of AI assistants thus creates a more adaptive, responsive, and learner-driven learning environment.

We agree with the ideas proposed by Luckinm, Holms and Griffiths: Paying attention to system change will mean involving teachers, students, and parents in co-designing new tools, so that AIEd will appropriately address the inherent "messiness" of real classroom, university, and workplace learning environments. It also means the development of data standards that promote the safe and ethical use of data (Luckin, Holmes, 2016).

From the competence-based point of view, AI tools contribute to the integrated development of communicative competence by combining its linguistic, sociolinguistic, discourse and strategic components. With regular practice, interaction and controlled self-correction, students acquire the skills of using English in academic and professional communication, which is in line with the competence-based approach in higher education.

AI offers substantial practical benefits for foreign language instruction. Yet, understanding AI's impact requires considering its place within the larger historical progression of educational tools.

We have seen the rise of printed textbooks, then electronic books, multimedia resources, and digital learning platforms. Now, Artificial Intelligence emerges as the latest advancement in this ongoing evolution of educational technology.

Although these technologies have progressed significantly, all digital tools – encompassing AI, multimedia resources, and mobile apps – ought to be viewed as supplementary aids in teaching, rather than replacements for essential learning resources. Their main purpose is to steer students towards a deeper connection with foundational learning materials like textbooks and organized academic content.

Since philologists work with meaning, text, and context – the very areas where Large Language Models (LLMs) like ChatGPT or Claude excel – this synergy is particularly effective.

According to our research we can note that students lack real-time practice in foreign languages or specific stylistic registers. So, the activities as Role-playing with AI will be fruitful as students can practice dialogues with a "virtual Oscar Wilde" to study Victorian style or negotiate with a "simulated publishing editor." Furthermore, simulating Diverse Discourses serves for Practicing academic, formal, or journalistic speech in real-time mode.

Communicative competence is not just about speaking; it is about feeling the nuances of a text.

Moreover, as Editor's Analysis we may use AI to generate texts with intentional stylistic errors for students to identify and correct.

- *Comparative Analysis*: Contrasting human-made translations with AI-generated ones to identify subtle connotations and cultural codes that machines often miss.

- For the modern philologist, the ability to craft a precise prompt is a high-level demonstration of communicative competence.
- *Precision of Formulation:* To get high-quality output, students must master precise terminology and logical sentence structure.
- *Metacommunication:* Studying how AI interprets natural language helps students better understand the underlying structures of language itself.

Despite the numerous advantages of artificial intelligence in language acquisition, its implementation is not without limitations. Although AI systems are capable of providing immediate and detailed feedback, researchers emphasize that such technologies cannot fully replicate the emotional sensitivity, pedagogical intuition, and nuanced understanding characteristic of human instructors. Effective language learning often requires awareness of subtle cultural references, contextual meanings, and pragmatic variations, which may exceed the current capabilities of AI-based systems.

Furthermore, excessive dependence on AI tools may reduce opportunities for meaningful human interaction, which remains a fundamental component of language development.

Authentic communication in real-life contexts plays a vital role in fostering linguistic fluency and intercultural competence. As noted by Tharp, social interaction and collaborative dialogue are essential conditions for deep language acquisition. While AI assistants can simulate conversation and provide structured practice, they cannot entirely substitute the dynamic, spontaneous, and socially embedded nature of real-world communication.

Student motivation is highly dependent on the use of AI assistants in English language learning, especially when they provide game-like experiences, interactive feedback, and personalized learning. AI involvement in education is expected to grow as technology continues to advance, providing even more creative approaches to inspire and engage students (Nasirova, 2025).

Above all, Artificial Intelligence should always be wielded under human direction. Teachers and students should steer and manage AI applications, ensuring it serves them, not the other way around. AI must never be permitted to take control of or supersede human involvement in education. The teacher's professional judgment, ethical responsibility, and methodological expertise remain central to the learning process.

In the process of writing our scientific article we come across with AI tools like Grammarly, Orai or Google Interview Warmup that can be used to practice speaking, writing and presentation skills. They give real-time feedback on grammar, tone, clarity and delivery to help us improve step by step.

We consider that both Grammarly and ChatGPT are cloud-based programs that may produce, assess and offer correction suggestions for written or edited work.

As we investigated, each program should be examined in more detail to see how it might fit ones needs. Grammarly is an AI-powered writing tool that ensures users' writing is clear, succinct, and error-free by fixing grammar, punctuation, spelling, and style. Since its launch in 2009, Grammarly has developed into an all-inclusive tool that users use for everything from informal conversations to official documents. Grammarly provides more than just simple spell-checking; it may also make personalized suggestions which is crucial for philology students. It assists users in writing better by:

- Identifying mistakes in grammar and punctuation.
- Making stylistic recommendations to improve communication.
- Supplying tools for tone identification so that writing can be tailored to the target audience.
- Examining professional and academic work for plagiarism (grammarly, 2024).

The research shows that the main points that distinguishe Grammarly from simple text editors are the AI capabilities that enable these functionalities, which enable users to easily create polished, high-quality material.

We suggest that the secret to Grammarly's success is its sophisticated use of AI tools, which evaluate text to produce incredibly precise recommendations. Together, these AI systems carry out a variety of tasks, such as identifying grammatical errors, evaluating tone, and recommending style modifications.

Natural language processing (NLP) is the core of Grammarly's artificial intelligence. A branch of artificial intelligence called natural language processing (NLP) enables computers to comprehend and interpret human language in a manner that is similar to human comprehension. Grammarly comprehends the grammatical structure of text by using natural language processing (NLP) to break it down into smaller, meaningful parts, like words, phrases, and sentences.

This enables Grammarly to:

- Fix common grammar mistakes such as sentence fragments and subject-verb agreement.
  Recognize context-dependent mistakes, such mispronouncing words like "there" and "their" or failing to grasp homophones.
- Analyze more sophisticated structures, such as idiomatic expressions, complex sentences, and tone fluctuations.

Grammarly's NLP, for example, can distinguish between a formal line offering context-sensitive recommendations depending on the formality and tone of the writing.

Orai is a speech coach software driven by artificial intelligence that provides immediate, tailored feedback on tempo, filler words, energy, and clarity in order to enhance public speaking, presentation abilities, and confidence. It has interactive courses, speech recording and analysis, and, according to TechCrunch, helps professionals improve their delivery and cut down on filler words. It is available on iOS and Android.

Assist students in becoming more self-assured and effective public speakers as soon as possible. With the help of the AI-powered software Orai, students can practice their presentations and receive immediate feedback on areas that need work. Storytelling, friendliness, self-introduction, and conciseness are among the lessons.

Furthermore, Orai gives your students immediate feedback on communication metrics including confidence, conciseness, pauses, energy, tempo, filler words, and facial expressions.

Take part in engaging, adaptable classes. Depending on their communication needs and goals, your students can complete engaging, interactive lessons.

Monitor your progress. Your pupils can focus particular difficult areas, monitor their progress over time, and receive improvement advice.

A free AI-powered application called Google Interview Warmup helps job searchers get ready for interviews by having them practice responses to frequently asked, sector-specific questions. It offers real-time transcription and feedback on answer structure, keywords, and filler words in domains such as data analytics, IT assistance, and UX design.

It can be challenging to interview in a new profession, particularly if a person does not have family, friends, or industry mentors to assist him/her prepare. This warm-up application allows to practice responding to questions chosen by professionals in the field, and it uses machine learning to transcribe responses and identify areas for improvement. Although it will always require a lot of work to prepare for an interview, this tool can help anyone become more comfortable and confident when conducting interviews.

Students can review their responses by using Interview Warmup, which transcribes them in real time. Additionally, students will

notice insights – machine learning-identified trends that can provide details about their responses, such as the terms they use most frequently and those relevant to their employment. Students can observe how much time they spend discussing topics like their experience, abilities, and objectives by having it highlight the many talking points they address in each response. They are free to respond to questions as often as they like, and their answers are not evaluated or scored. They can rehearse, get ready, and settle down in this quiet area.

Because the Interview Warmup was creat ed for students pursuing Google Career Certifi cates, it contains question sets unique to each certificate.

However, anyone can use it, because the broad questions are relevant to a wide range of industries. Experts in the field have developed each question.

By analyzing large datasets from social media and web traffic, AI can identify distinct audience segments based on behavior, preferences, and demographics. This allows communicators to deliver more personalized and relevant messages. Another primary use is sentiment and trend analysis.

In conclusion, the integration of artificial intelligence into foreign language education offers substantial pedagogical potential for the development of communicative competence among philology students. When applied within a competence-based framework, AI tools support the systematic formation of linguistic, sociolinguistic, discourse, and strategic competencies by providing opportunities for continuous interaction, individualized feedback, and authentic language practice.

Information searching is a multi-stage activity involving a series of steps: selecting the information need, formulating a query to enter the system, interpreting the search results and interacting with them. With the emergence of the Information Age and the proliferation of digital libraries, it has become important to develop novel multimedia information retrieval systems to enhance information search performance for the complex information searching tasks in digital libraries (Shamsitdinova et al. 2024).

Conclusion

The results of this study show that by fostering a dynamic and student-centered learning environment, artificial intelligence improves the efficacy of communicative competence development. AI serves as a supplemental tool that enhances instruction and broadens students' communication experience rather than taking the place of conventional pedagogical methods. Such integration fosters the growth of both practical communicative abilities and metalinguistic awareness for philology students, whose professional identities are strongly linked to language analysis and communication.

The long-term effects of artificial intelligence on the development of communicative ability and its use in many linguistic fields and educational settings may be further investigated in future studies. For artificial intelligence to be used effectively in philological education, a well-rounded and pedagogically informed integration will continue to be necessary.

References:

1. President of the Republic of Uzbekistan. (2024, October 14). *Resolution No. RP-358*.
2. Grammarly. (2024). *Grammarly: Free AI writing assistance*. https://www.grammarly.com
3. Luckin, R., Holmes, W., Griffiths, M., & Forcier, L. B. (2016). *Intelligence unleashed: An argument for AI in education*. Pearson.

https://static.googleusercontent.com/media/edu.google.com/en//pdfs/Intelligence-Unleashed-Publication.pdf

4. Shamsitdinova, M., Khashimova, D., Niyazova, N., Nasirova, U., & Khikmatov, N. (2024). Harnessing AI for enhanced searching in digital libraries: Transforming research practices. *Indian Journal of Information Sources and Services, 14*(3), 102–109. https://doi.org/10.51983/ijiss-2024.14.3.14
5. Nasirova, U. K. (2025, May 25). AI-powered language learning: A new era of motivation and personalization. *Foreign Linguistics and Linguodidactics*. https://inscience.uz/index.php/foreign-linguistics

Pronunciation Challenges Faced by Tamil-Speaking ESL Learners: A Case Study of 3rd-Year Undergraduates at South Eastern University of Sri Lanka

FF. Maryam
Department of English,
Sri Lanka Institute of Advanced Technological Education

MJF Sujani
Department of English,
Sri Lanka Institute of Advanced Technological Education

MB Nowzath
Department of English,
Sri Lanka Institute of Advanced Technological Education

SMBM Arshad[10]
arshad.smbm@gmail.com
Faculty of Humanities,
Gulistan State Pedagogical Institute
Faculty of Philology and Management,
AJOU University of Tashkent

Khilola Mamatova
Faculty of Philology and Management,
AJOU University of Tashkent

Annotation *Among adult ESL students, this research considers the amount of independent pronunciation practice, learner motivation, the role of corrective feedback, and whether pronunciation is taught as a separate part. Surveying 100 people, the document investigated their pronunciation instruction, teacher feedback, and self-guided learning experiences. The data show that 84% of the subjects had not had specific pronunciation lessons and that 76% reported their instructors had not corrected pronunciation mistakes during speaking activities. Furthermore, 74% of students felt their adult age compounded difficulties in pronunciation improvement; 90% did not have any external incentive from their instructors. Notwithstanding these difficulties, 78% of respondents recognized the advantages of loud reading in improving pronunciation. These results underline the need for more systematic pronunciation training, more correction feedback, and more teacher support. The research advises including clear pronunciation instruction in ESL courses, creating a more inspiring learning space, and encouraging self-driven learning via digital tools and supervised assignments.*

Keywords *Pronunciation, ESL/EFL, Pronunciation difficulties, Pronunciation Instruction, ESL/EFL Classrooms, Pronunciation Challenges, Self-Directed Learning, Second Language Acquisition*

[10] SMBM Arshad — ORCID: 0000-0001-9018-9588

Tamil tilida so‘zlashuvchi ESL o‘quvchilari duch keladigan talaffuz muammolari: Shri-Lankaning Janubi-Sharqiy Universitetining 3-kurs talabalari uchun amaliy tadqiqot

FF. Maryam,
Ingliz tili kafedrasi,
Shri-Lanka Ilg‘or Texnologik Ta’lim Instituti

MJF Sujani,
Ingliz tili kafedrasi,
Shri-Lanka Ilg‘or Texnologik Ta’lim Instituti

MB Nowzath,
Ingliz tili kafedrasi,
Shri-Lanka Ilg‘or Texnologik Ta’lim Instituti

SMBM Arshad
arshad.smbm@gmail.com
Gumanitar fanlar fakulteti,
Guliston davlat pedagogika instituti
Filologiya va menejment fakulteti,
AJOU Toshkent universiteti

Khilola Mamatova
Filologiya va menejment fakulteti,
AJOU Toshkent universiteti

Annotatsiya *Voyaga yetgan ESL talabalari orasida ushbu tadqiqot mustaqil talaffuz amaliyoti miqdori, o‘quvchilarning motivatsiyasi, tuzatish teskari aloqaning roli va talaffuz alohida qism sifatida o‘rgatiladimi yoki yo‘qligini ko‘rib chiqadi. 100 kishidan so‘rov o‘tkazilib, hujjat ularning talaffuz bo‘yicha ko‘rsatmalari, o‘qituvchilarning teskari aloqasi va mustaqil o‘rganish tajribalarini o‘rganib chiqdi. Ma’lumotlar shuni ko‘rsatadiki, sub’ektlarning 84% aniq talaffuz darslaridan o‘tmagan va 76% o‘qituvchilari nutq faoliyati davomida talaffuz xatolarini tuzatmaganliklarini aytishgan. Bundan tashqari, talabalarning 74% kattalar yoshi talaffuzni yaxshilashda qiyinchiliklarni kuchaytirganini his qilishgan; 90% o‘qituvchilaridan hech qanday tashqi rag‘batlantirish olmagan. Ushbu qiyinchiliklarga qaramay, respondentlarning 78% ovoz chiqarib o‘qishning talaffuzni yaxshilashdagi afzalliklarini tan olishgan. Ushbu natijalar talaffuzni yanada tizimli o‘qitish, ko‘proq tuzatish bo‘yicha fikr-mulohazalar va o‘qituvchilarning ko‘proq yordami zarurligini ta’kidlaydi. Tadqiqot ESL kurslariga aniq talaffuz bo‘yicha ko‘rsatmalarni kiritish, ilhomlantiruvchi o‘rganish maydonini yaratish va raqamli vositalar va nazorat ostidagi topshiriqlar orqali o‘z-o‘zini boshqarishni rag‘batlantirishni tavsiya qiladi.*

Kalit so‘zlar *Talaffuz, ESL/EFL, Talaffuz qiyinchiliklari, Talaffuz bo‘yicha ko‘rsatmalar, ESL/EFL sinflari, Talaffuz muammolari, O‘z-o‘zini boshqarish, Ikkinchi tilni o‘zlashtirish*

Трудности произношения, с которыми сталкиваются изучающие английский как

FF. Марьям
Кафедра английского языка,
Шри-Ланкийский институт передового технологического образования

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

второй язык студенты, говорящие на тамильском языке: тематическое исследование студентов 3-го курса Юго-Восточного университета Шри-Ланки

М.Дж.Ф. Суджани
Кафедра английского языка,
Шри-Ланкийский институт передового технологического образования

М.Б. Ноузат
Кафедра английского языка,
Шри-Ланкийский институт передового технологического образования

С.М.Б.М. Аршад
arshad.smbm@gmail.com
Факультет гуманитарных наук,
Гулистанский государственный педагогический институт
Факультет филологии и менеджмента,
Ташкентский университет АДЖУ

Хилола Маматова
Факультет филологии и менеджмента,
Ташкентский университет АДЖУ

Аннотация *В данном исследовании рассматриваются объем самостоятельной практики произношения среди взрослых студентов, изучающих английский как второй язык, мотивация учащихся, роль корректирующей обратной связи и то, преподается ли произношение как в отдельной части документа, основанного на опросе 100 человек, исследовались их навыки произношения, отзывы преподавателей и опыт самостоятельного обучения. Данные показывают, что 84% респондентов не проходили специальных уроков по произношению, а 76% сообщили, что их преподаватели не исправляли ошибки произношения во время разговорных упражнений. Кроме того, 74% студентов считали, что их взрослый возраст усугубляет трудности в улучшении произношения; 90% не получали никакой внешней поддержки от своих преподавателей. Несмотря на эти трудности, 78% респондентов признали преимущества чтения вслух для улучшения произношения. Эти результаты подчеркивают необходимость более систематического обучения произношению, более подробной обратной связи по исправлениям и большей поддержки со стороны преподавателей. Исследование рекомендует включать четкие инструкции по произношению в курсы английского как второго языка, создавать более вдохновляющее учебное пространство и поощрять самостоятельное обучение с помощью цифровых инструментов и контролируемых заданий.*

Ключевые слова *Произношение, английский как второй/иностранный язык, трудности с произношением, обучение произношению, классы английского как второго/иностранного языка, проблемы с произношением, самостоятельное обучение, освоение второго языка*

Introduction

The English language is one of the global languages of education, business, and communication. It is widely spoken around the world as the first, second, or foreign language Crystal (2001) than any other language and it is recognized by more countries as a desirable lingua franca than any other languages. And, there are a lot of students, professionals, and businessmen in Sri Lanka (SL) who have a strong desire to learn and speak English fluently.

Pronunciation is one of the four key evaluation criteria of the popular International English Language Testing System (IELTS). Arteaga (2000) argues that when the pronunciation is too far off, the hearer will not understand the language, no matter how good the grammar and how correct words we use. Similarly, Garrigues (1999) explains that the foundation of effective spoken communication is good pronunciation. It is recognized as a fundamental skill that students should acquire primarily because it can affect accuracy and comprehension. In particular, teaching pronunciation is rare in language classes in SL. Due to that, learners are likely to encounter difficulties in using correct English pronunciation in their loud reading and speaking. Many social and other factors such as learners' age, mother tongue interference, lack of pronunciation teaching and practice, lack of speaking environment and lack of interest in learning English may affect learners' pronunciation development. However, pronunciation plays a significant role in oral communication, because a language without good pronunciation cannot be meaningful.

Moreover, some key elements of pronunciation such as consonants and vowels, silent letters, elision (omission of sounds) and consonant clusters are crucial aspects in which learners often make errors in their speaking and loud reading. These problems and difficulties were observed among the 3rd year Arts Tamil speaking undergraduates of South Eastern University of Sri Lanka (SEUSL). Consonants were considered as one of the elements of pronunciation, in which several learners made errors by mispronouncing sounds, and encountered problems. Vowels on the other hand were another element which was a big challenge for most of the learners in pronouncing certain words accurately.

Likewise, consonant clusters were another significant element, in which students were observed to have found difficulties when they try to pronounce the words with initial, middle and final clusters. As a result, errors were observed among the learners during classroom practices in their loud reading and speaking. Similarly, use of omission of sounds and silent letters were also observed among these learners, in which learners made errors when they pronounce the particular words without omission of the sounds or syllables and adding silent letters. The above features of pronunciation are the significant elements to convey ideas or information orally, but many local research studies show that ESL learners in SL fail to grasp correct pronunciation. As a result of mispronunciation, the communication is affected by misunderstanding. Therefore, to investigate the pronunciation problems and difficulties encountered by the 3rd year Arts Tamil speaking undergraduates of SEUSL, this study was carried out.

It is a problem not only in SL but also in many Asian countries since there are fewer similarities between the ways how students articulate sounds in their first language (L1) and English. In SL, English is learned/taught as a second language and in most of the educational institutions. English is taught as either a main or optional subject. Pronunciation is a common problem among most ESL learners in SL. As a result, the pronunciation was focused on investigating the problems and difficulties faced by 3rd year Arts Tamil-speaking undergraduates of SEUSL.

This research was designed to investigate the pronunciation problems faced by 3rd year Arts Tamil speaking undergraduates of SEUSL. The objectives of this research are to identify the types of pronunciation errors made by the 3rd year Arts Tamil-speaking under-graduates of SEUSL. Further, investigate the factors that cause pronunciation difficulties among the 3rd year Arts Tamil speaking undergraduates of SEUSL. And to suggest some viable recommendations to overcome the pronunciation problems of Arts undergraduate students.

Materials and Methods

Research Design: In this study, researchers have chosen to employ Random Sampling in order to reduce selection bias and ensure an objective target. Cochran, (1977), 125 undergraduate students were taken to the study on a Simple Random Sampling basis Lohr (2021) from the arts faculty Tamil-speaking undergraduate candidates of SEUSL. Two basic research instruments were used in this study for collecting primary data, namely an oral pronunciation test and a questionnaire. This study used both qualitative and quantitative methods. The oral pronunciation test was both qualitative and quantitative, whereas the questionnaire was quantitative. Further, this study was qualitative when identifying the correct statements of the oral pronunciation test, and it was quantitative when analyzing the questionnaire. In this study, researchers have used Microsoft Excel software in order for sorting the data, data cleaning, and coding response, and consequently do the necessary analysis to infer meaningful findings.

Sample Size and Pilot Study: The study's sample comprised 125 Arts faculty Tamil-speaking undergraduates, out of which 25 participants were taken to the pilot study in order to identify potential challenges, refine data collection instruments, and assess the validity and reliability of the research process (Creswell & Creswell, 2018). This sample size was determined through a random sampling technique to ensure a representative cross-section of ESL learners, providing a diverse pool of perspectives on using social media for English language acquisition.

Pilot Study: The researchers have chosen 25 consonantal words, 25 vowel words, 20 silent letter words, 25 consonant clusters, and 20 omissions of sound words in addition, the questionnaire had 10 questions, and considering participants' time and active engagement into the activity the researchers then decided to reduce 25 consonantal words into 16, 25 vowel words into 16, 20 silent letter words became 8, 25 consonant clusters turned to be 12 and at last 20 omissions of sounds words reduced into 8. In terms of the second section, the questionnaire had 10 questions cut into half as 5. Therefore, the candidates could conveniently participate in the survey.

Research Instruments: The primary data were collected using some research tools based on the research problems. Therefore, in this study, some instruments, such as oral pronunciation tests and questionnaire recordings, were used to collect data using both quantitative and qualitative methods.

Oral Pronunciation Test: The oral pronunciation test was the first instrument, which was designed on the basis of elements of pronunciation to collect data. The test was carried out to identify the most common pronunciation errors among the 3rd year Arts Tamil-speaking undergraduates of SEUSL. It consists of four parts: 16 consonant words and 16 vowel sound words, 8 silent letter words, 12 consonant clusters, and 8 words have omission of sounds.

Questionnaire: In this study, a close-ended questionnaire was used to collect background information of the participants and opinions concerning pronunciation. The questionnaire consists of five parts. Learners' preference in learning elements of English, listening practice and learning pronunciation, Essential practices to improve pronunciation, Ways to pronounce pronunciation skills, Factors affect learners' pronunciation development. There are 10 Multiple Choice

Questions (MCQ) were given which are related to the problems of the study. The questionnaire has been attached.

Results

Analysis of Oral Pronunciation Test: Oral pronunciation test was the first method of collecting data. The test consists of some set of words and short sentences, which were taken based on the elements of pronunciation. In this test, all the participants (50) were involved, and they actively responded to the test. They were asked to pronounce the words and sentences aloud, and their errors were recorded using audio tape recorder. Later, the responses were analyzed one by one.

Consonant and vowel mispronunciation: Consonant Sounds:

Some sets of words were given in the test with regard to consonants and vowels. 32 words were given based on consonant and vowel sounds. Each aspect consists of 16 words. According to the responses among the participants with regard to consonants, 70 of the participants incorrectly pronounced the words given whereas 22 of the participants correctly pronounced all the 16 words given in the test. The data analysis shows that out of 39 participants who incorrectly pronounced, 22 of the participants correctly pronounced all the 16 words given. 6 participants mispronounced words between 1 – 5 words. 34 participants mispronounced 6 – 10 words. Moreover, 38 participants mispronounced between 11 – 16 words.

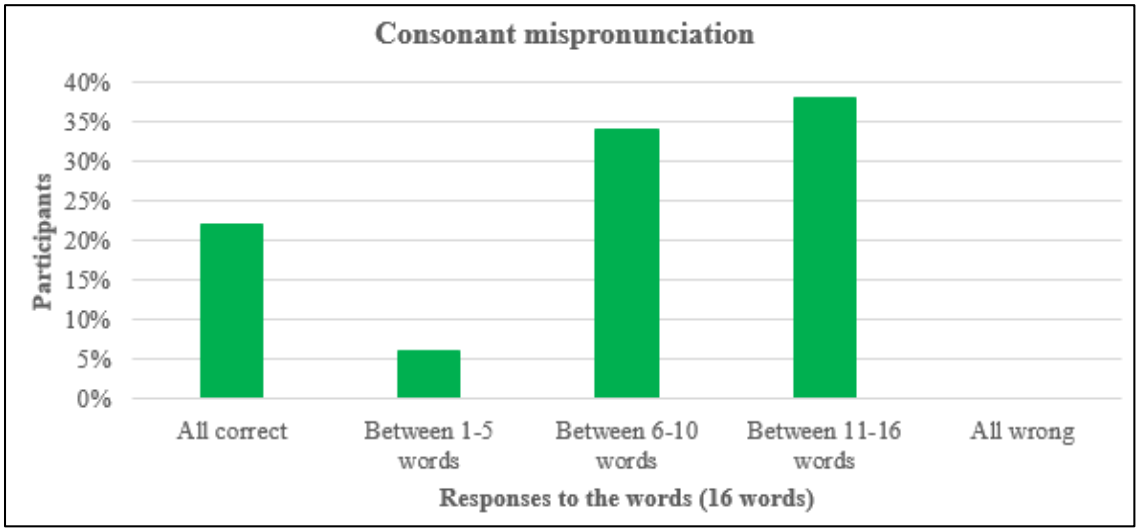

Figure 1. *Consonant mispronunciation*

Vowel Sounds: According to the responses concerning vowels, 84 participants incorrectly pronounced the given words, whereas 16 participants correctly pronounced all the 16 words given. The analysis shows that out of 42 participants who incorrectly pronounced, 28 participants incorrectly pronounced all the 16 words given. 16 participants mispronounced between 1 – 5 words. 12 participants mispronounced 6 – 10 words. Moreover, 56 participants mispronounced between 11 – 16 words.

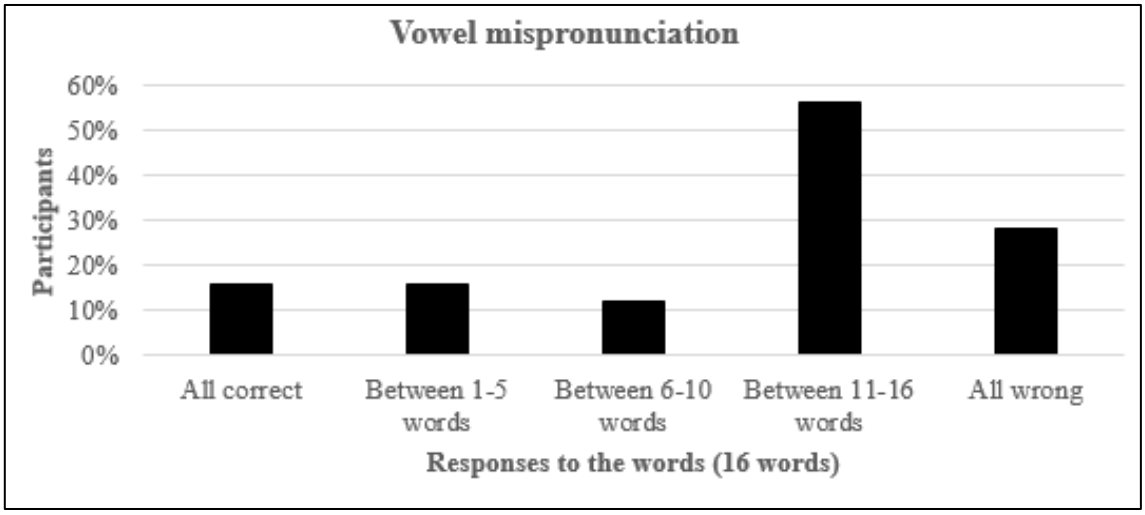

Figure 2. *Vowel mispronunciation*

Difficulties in pronouncing words consisting of silent letters: Two sets of words (8 words) with regard to silent letters were given in the test. As far as the responses are concerned, 80 participants stressed the silent letters of the words and mispronounced them. On the other hand, 20 participants correctly pronounced all the eight given words in the test. The data shows that 80 participants incorrectly pronounced all the words. 14 participants mispronounced between 1 – 2 words. 32 participants mispronounced between 3 – 5 words and 34 participants mispronounced between 6 – 8 words.

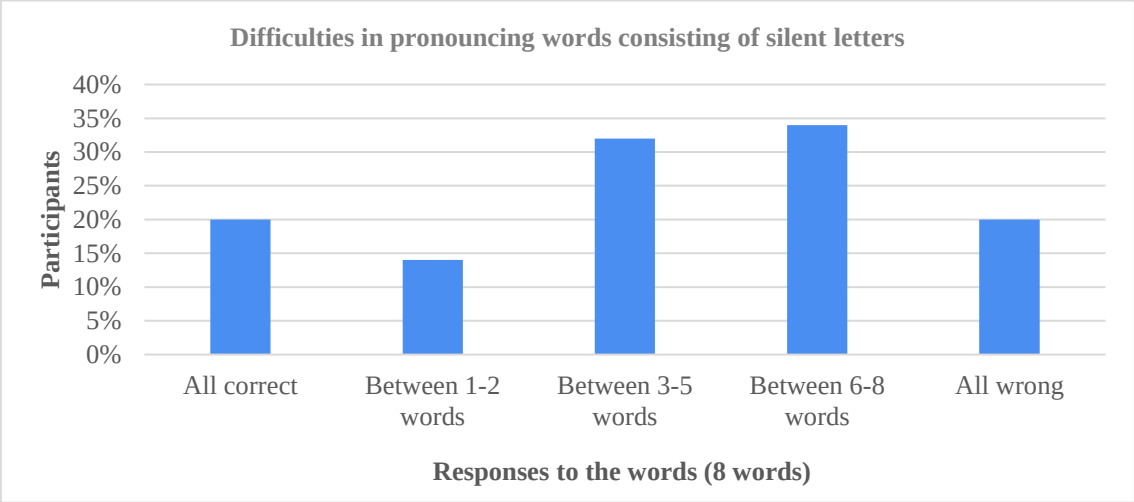

Figure 3. *Difficulties in pronouncing words consisting of silent letters*

Difficulties in pronouncing words consisting of consonant clusters: Three sets of words (12 words) related to consonant clusters were given in the test, in which 86 participants mispronounced the words consisting of consonant clusters. 14 participants on the other hand had correctly pronounced all the 12 given words. According to the collected data, out of 86 participants who mispronounced the words, 30 participants incorrectly pronounced all 12 words. 23 participants incorrectly pronounced between 1 – 4 words, and another 26 participants incorrectly pronounced between 5 – 8 words. Moreover, 34 participants incorrectly pronounced between 9 – 12 words.

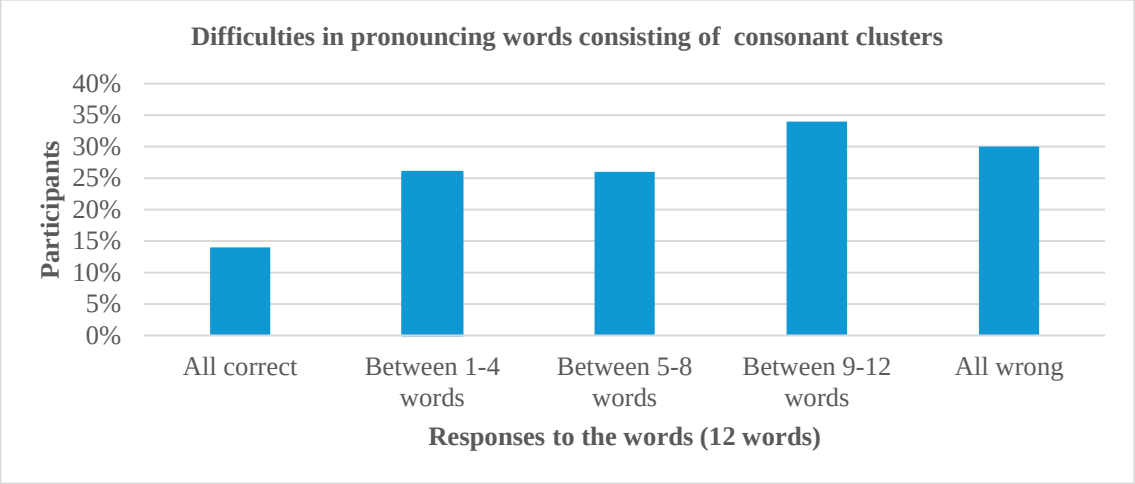

Figure 4. *Difficulties in pronouncing words consisting of consonant clusters*

Difficulties in pronouncing words consisting of the omission of sounds: Two sets of words (8 words) with regard to the omission of sounds were taken for the test based on the research problem of the study. According to the analysis, 84 participants pronounced elided sounds in the given words. They are: /ˈvɛʤtəb(ə)l/, /ˈæsmə/, /fɪfθs/, /ˈfæmɪli/, /ˈʤɛnərəl/ and /ˈsɛkrətri/. This process of pronouncing the omission of sounds led to mispronunciation. On the other hand, 16 participants correctly pronounced all eight words. Out of 84 participants who incorrectly pronounced the words, 26 participants mispronounced all the 8 words given in the test. 16 participants mispronounced between 1 – 2 words, and 18 participants mispronounced between 3 – 5 words. Moreover, 50 participants mispronounced 6 – 8 words.

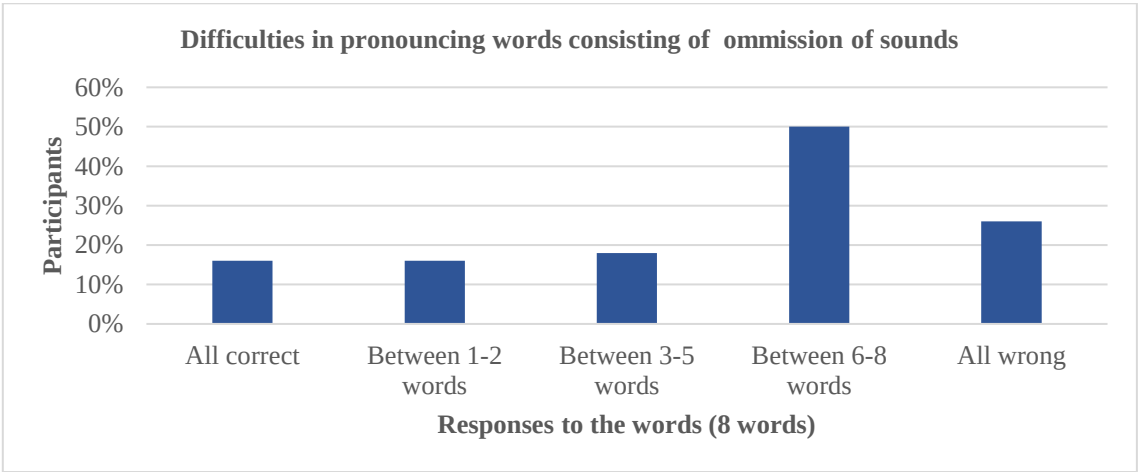

Figure 5. *Difficulties in pronouncing words consisting of omission of sounds*

Results of Questionnaire: The questionnaire was the second data collection instrument, which consists of two parts: background information and close-ended questions. The close-ended questions were given to collect the opinions of the participants concerning their pronunciation. The questionnaire was distributed among all the participants with clear instructions. Part two consists of 10 questions, including MCQs and Yes-No questions.

Focus on Elements of English: The first question was regarding the elements of English. A question was asked about the elements of English the participants liked the most to study. This section might seem irrelevant to the title, but we believe that it is one of the ways to see how much it is difficult for participants to acquire pronunciation. This also demonstrates how much the participants are exposed to different language elements. All the participants responded to the question. According to participants' opinions, 52 participants liked grammar the most, and 20 participants liked reading the most. 16 participants liked writing the most. However, just 12 participants liked pronunciation the most.

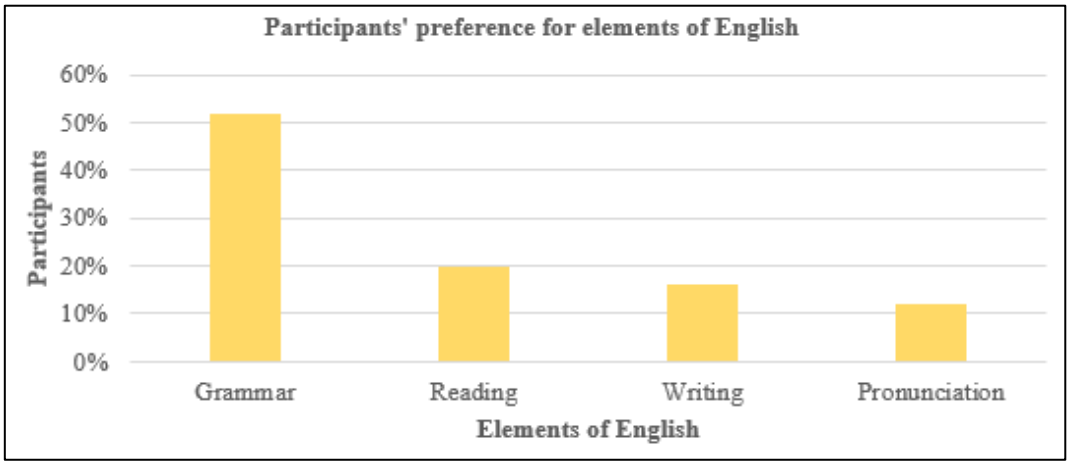

Figure 6. *Participants' preference for elements of English*

Focus on different listening practices to acquire pronunciation: This question concentrates on various listening practices to learn pronunciation. The question was asked about the listening practices the participants use to learn pronunciation. Some listening practices were given to select, and the participants selected different listening practices. According to the opinions collected, 18 participants selected 'English news' and 16 participants selected 'English speeches' Likewise, 36 participants selected 'English movies', and 30 participants selected 'sports commentary'.

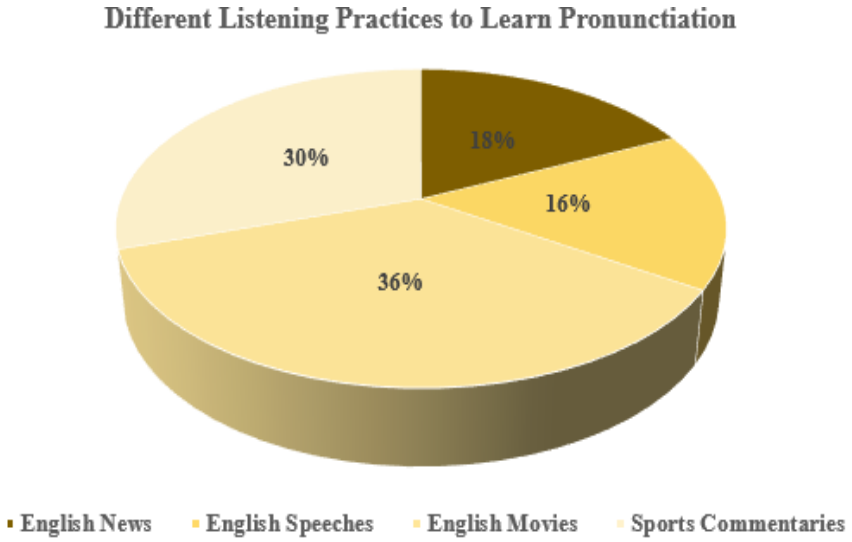

Figure 7. *Different listening practices to acquire pronunciation*

Focus on practices to improve learners' pronunciation: This question focuses on certain practices to improve learners' pronunciation. The question was asked about the practices for enhancing learners' pronunciation. Some practices were given to select, and the participants selected various ways. According to their opinions, 22 participants selected 'learning English phonetic rules,' 30 participants selected 'listening to English speeches,' 26 participants selected 'loud reading practice,' and 22 participants selected 'tongue twister.

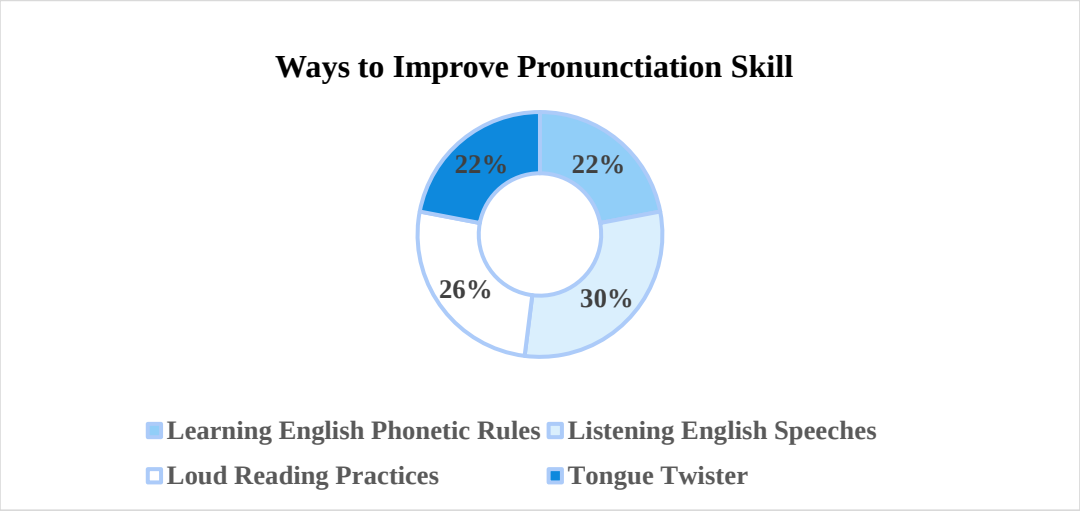

Figure 8. *Practices to improve learners' pronunciation*

Focus on factors which affect learners' pronunciation development: This question concentrates on the factors which affect learners' pronunciation development. The question was asked about the factors. Some factors were given to select a factor that affects their pronunciation development. According to their opinions, 22 participants said 'mother tongue interference'. 26 participants selected 'lack of practice'. 30 participants selected 'insufficient phonetic rules'. Moreover, 22 participants selected 'adult age.

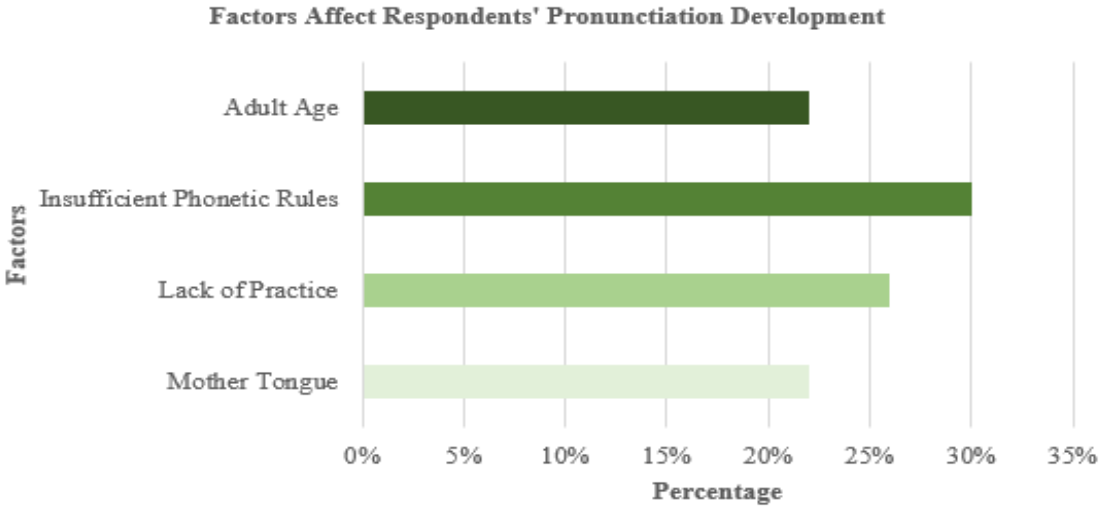

Figure 9. Factors affecting learners' pronunciation

The rest of the questions in the questionnaire were Yes-No questions. The fifth question focuses on teaching pronunciation as a separate component in ESL classes. The participants were asked whether their teachers at school taught pronunciation as a separate lesson. According to the responses to the question, 84 participants responded 'No' whereas 16 of the rest responded 'Yes'. Similarly, the sixth question was with regard to correcting pronunciation errors. The participants were asked whether their teachers corrected pronunciation errors in their loud reading and speaking activities. According to the responses to the question, 76 participants responded 'No' whereas 24 of the participants responded 'Yes'.

Further, the seventh question focuses on learners' age for language acquisition since the participants of this study were adults. The participants were asked whether their adult age makes them find difficulties in enhancing pronunciation. According to the responses given, 74 participants responded 'Yes', whereas 26 participants responded 'No.' The eighth question concentrates on external motivation for enhancing pronunciation, in which the participants were asked whether they were positively motivated by their teachers to give more focus on improving pronunciation. According to the responses, 90 participants responded negatively, whereas 10 responded 'yes'.

The ninth question was set regarding spending time to learn pronunciation, in which the participants were asked whether they spent time at home learning pronunciation. According to the responses to the question, 60 participants responded 'no' whereas 40 participants responded 'yes'. The last question focuses on loud reading. In this final question, the participants were asked whether loud reading practices can help them correct their pronunciation errors. According to the responses given, 78 participants responded 'yes'. On the other hand, 22 participants responded 'no'.

Discussion

The challenges SL Tamil-speaking ESL learners encounter in articulating English sounds have issues pertinent to learning, teaching, learner's qualities, teaching practices, resources, and so on. Findings derived based on data collected from the questionnaire provide valuable insights into the role of pronunciation education in ESL classrooms and some of the key factors that influence learners' pronunciation positively or negatively.

Responses from participants show that pronunciation is not usually instructed separately in schools. With a clear majority of the group (84%) noting that their teachers did not offer pronunciation lessons, this implies that rather than being treated as an independent ability, pronunciation instruction could be used in regular language classes. This accords with earlier research showing that since there is perhaps less direct emphasis on language in ESL curricula – perhaps due to time restrictions or an increased focus on vocabulary and grammar – pronunciation sometimes suffers (Derwing & Munro, 2015; Samaranayake, 2016).

76% of those polled said their instructors did not during loud speaking exercises fix pronunciation errors. In second language acquisition studies, the critical role of corrective feedback in assisting pupils to acquire correct pronunciation is underscored (Lyster & Saito, 2010). Studies have shown that in the SL pronunciation coaching is frequently ignored as teachers give more attention to reading and writing abilities than to spoken competence (Samaranayake, 2016). Lack of correcting feedback in SL classrooms could help to maintain wrong pronunciation patterns hence making it more difficult for students to perfect their spoken English.

Another important angle of the research was how age affected pronunciation acquisition. The data reveal that 74% of the respondents feel their adult age compounds difficulty in pronunciation improvement. This is in line with the Critical Period Hypothesis,

which proposes that younger learners have a greater ability to acquire native-like pronunciation than adults (Scovel, 2000). Still, some adult students (26%) did not see age as a major obstacle, therefore suggesting that other factors – including motivation and learning techniques—could also affect pronunciation development (Dörnyei, 2005).

Since 90% of respondents said their teachers did not offer words of support on emphasis improvement, external drive from teachers seems to be missing. Motivation is fundamental to learning a language, and lack of inspiration could result in decreased commitment and involvement in pronunciation training. Research indicates that in SL the exam-focused education system frequently ignores verbal abilities, stifling student enthusiasm for better pronunciation (Samaranayake, 2016). Therefore, including motivational tactics in pronunciation training could help pupils to be more dedicated to improving their pronunciation. Teachers' attitudes and teaching styles have a major influence on students' motivation levels.

The research also looked at students' autonomous work in phonetic development. Surprisingly, 60% of the respondents confessed to not spending time practicing pronunciation at home; 40% said they did independent study. This result implies that although some students voluntarily work to better their pronunciation, a large number might not realize the value of self-practice or have access to quality resources on pronunciation. Encouraging independent learning with help of digital technologies, pronunciation applications, and guided self-study methods may go a long way to closing this gap (Tran (2024)).

At last, the research investigated how useful loud reading is as a technique to improve pronunciation. The idea that loud reading techniques improve pronunciation errors is supported by the fact that most (78%) of the subjects believe that this supports phonetic sensitivity and articulation (Celce-Murcia et al., 2010). The last 22 percent might not find loud reading helpful, maybe owing to personal learning styles or lack of adequate feedback during the project.

Conclusion and Recommendation

Conclusion: According to the data presentation and results of the oral pronunciation test, the findings show that 78 participants had difficulties pronouncing consonant sounds, and for 84 participants, articulating vowel sounds correctly was difficult. They incorrectly pronounced certain sounds such as /z/, /t/, /ʃ/, /ŋ/, /w/, /iː/, /e/, /eɪ/ and /əʊ/. Moreover, findings show that 80 participants incorrectly pronounced some words, which consisted of silent letters, such as /ˈgʌvnmənt/, /ræˈpɔː/, /ˈɔːtəm/, /dɪˈzaɪn/, /rɪˈsiːt/ and /dɛt/.

Similarly, according to the findings, 86 participants encountered difficulties in pronouncing words consisting of consonant clusters, particularly initial and final clusters. The results of the findings show that some words with initial consonant clusters were pronounced like /skuːl/ as /isku:l/, /stɑː(r)t/ as /istɑː(r)t/, /speʃ(ə)l/ as /ispeʃ(ə)l/ and /stɒp/ as /istɒp/. Also, as far as middle and final clusters are concerned, in certain words such as /θɛfts/, /dʌsts/, /ˈdrɑːftsmən/ and /swɪŋz/, the participants faced difficulties in pronouncing them correctly.

Further, as far as words consisting of omission of sounds are concerned, the results of the findings show that 84 participants found difficulties in pronouncing words with omission of sounds. Since the participants were not aware of the rule of omission of sounds in words, they pronounced the elided sounds in words such as /ˈvɛʤtəb(ə)l/, /ˈæsmə/, /fɪfθs/, /ˈfæmɪli/, /ˈʤɛnərəl/ and /ˈsɛkrətri/ that consist of omission of sounds. However, the participants pronounced the words without omission of certain elided sounds in the words.

Following the section regarding participants' exposure to language elements, grammar was the easiest for 52 participants, as they were taught more grammar in their classrooms, while 12 participants expressed a

desire to improve their pronunciation. Participants use different listening practices to enhance their speaking skills, such as watching English films is the highest 36 candidates have taken up to improve while listening to English news, English speeches, and sports commentaries. Students believe that different activities such as learning phonetic rules, listening to English speeches, loud reading, and tongue twisters are effective ways to improve pronunciation.

As far as the factors hindering pronunciation development are concerned, the participants identified the following: mother tongue interference, lack of practice, lack of phonetic awareness, and adult age. On top of that, pronunciation is not taught in school. Teachers don't correct students' pronunciation errors at school. Lack of motivation to study pronunciation, and therefore, students don't spend time at home to improve their pronunciation. Finally, approximately 80% of the participants supported the idea that loud reading helps learners improve their pronunciation.

Recommendation: After careful consideration of the findings of this study, several practical attempts can be proposed to improve pronunciation among EFL students in SL.

Firstly, teaching pronunciation to students should be treated as part of the lesson by integrating it into lessons regularly. Teachers should allocate time to teach pronunciation to students as a part of the routine. For instance, when the lesson lasts for 45 minutes, teachers allocate 5 minutes to teach the pronunciation of new words students learned in that particular lesson. This would provide students with a structured approach to developing a clear and accurate way of articulating sounds while speaking. Teachers should focus more on difficult sounds through phonetic training. A proper explanation of the place and manner of articulation of a sound could also help learners understand and, consequently, produce the sound more accurately.

Secondly, teachers should be able to offer corrective feedback on students' pronunciation, especially during speaking activities in the class and loud reading practices. The timely correction would help learners grasp well compared to later corrections. Providing teachers with pronunciation training is another significant aspect that will help learners acquire accurate sounds from teachers. Well-trained teachers shall also be able to motivate learners involved in learning more effectively. Teachers should make use of all opportunities to motivate students to improve their pronunciation, and appraising and celebrating small improvements in learners' pronunciations as well as involvement in performing well would also motivate them.

Learners should pay attention to work on self-development by using technology like YouTube videos, podcasts, and now GPT platforms like ChatGPT and so on. Learners should dedicate time outside the classroom by using mobile apps and the above-mentioned digital tools to practise speaking and pronunciation more accurately. Teachers should motivate learners to practise loud reading, and therefore, students realise their difficult sounds to work on it.

Acknowledgements: The authors would like to acknowledge all the undergraduate students of SEUSL who participated in the study making a valuable contribution.

Declaration of conflict of interest

There are no conflicts of interest.

References:

1. Arteaga, D. L. (2000). Articulatory Phonetics in the First-Year Spanish Classroom. *The Modern Language Journal, 84*(3), 339–354.

2. Celce-Murcia, M. et al. (2007). *Teaching Pronunciation, a Reference for Teachers of English to Speakers of Other Languages (15th ed)*. New York. Cambridge University Press.
3. Cochran, W. G. (1977). *Sampling Techniques (3rd ed.).* John Wiley & Sons.
4. Creswell, J. W., & Creswell, J. D. (2018). *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches (5th ed.).* SAGE Publications.
5. Crystal, D. (2001). *Language and the Internet.* New York, Cambridge University Press.
6. Derwing, T. M., & Munro, M. J. (2015). *Pronunciation fundamentals: Evidence-based perspectives for L2 teaching and research.* John Benjamins Publishing Company.
7. Dörnyei, Z. (2005). *The psychology of the language learner: Individual differences in second language acquisition.* Routledge.
8. Garrigues, S. (1999). *Overcoming pronunciation problems of English teachers in Asia.* Procedia – Social and Behavioral Science.
9. Lohr, S. (2021). *Sampling: Design and Analysis (3rd ed.).* Chapman & Hall/CRC.
10. Lyster, R., & Saito, K. (2010). Oral feedback in classroom SLA: A meta-analysis. *Studies in Second Language Acquisition, 32*(2), 265–302. https://doi.org/10.1017/S0272263109990520
11. Parab, V. V. (2015). Overcoming the difficulties to learn pronunciation in English. *International Journal of Social Science and Humanities Research, 3*(2), 390–393.
12. Samaranayake, S. W. (2016). English language proficiency of undergraduates in Sri Lanka: *A study based on self-assessment. SAGE Open, 6*(2), 1-9. https://doi.org/10.1177/2158244016654202
13. Scovel, T. (2000). A critical review of the critical period research. *Annual Review of Applied Linguistics,* 20, 213–223. https://doi.org/10.1017/S0267190500200135
14. Tran, D. T. (2024). Common English pronunciation problems among Vietnamese learners: A case of non-English majors. *Multidisciplinary Reviews, 7*(9), 2024224. https://doi.org/10.31893/multirev.2024227

How to balance teacher's guidance and learner autonomy in the classroom

Babaxanova Dildora Ikromjon qizi
Teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article addresses the challenge of balancing teacher guidance and learner autonomy in modern foreign language education. While traditional approaches often prioritize structured instruction and teacher control, contemporary perspectives emphasize learner independence and active engagement in the learning process. The study explores how these elements can be effectively integrated to create a supportive and productive learning environment. Drawing on theories of second language acquisition, sociocultural theory, and learner-centered pedagogy, the article examines key concepts such as scaffolding, metacognitive strategies, and interactive learning practices. It highlights the evolving role of teachers as facilitators who provide guidance while encouraging learners to take responsibility for their own progress. Practical recommendations include the use of task-based learning, collaborative activities, and reflective practices to support balanced instruction. The findings suggest that combining guidance with autonomy enhances motivation, promotes deeper learning, and strengthens communicative competence, ultimately preparing learners for independent and effective language use in diverse real-life contexts and future academic or professional settings.*

Keywords *Learner autonomy, teacher guidance, scaffolding, foreign language teaching, student-centered learning, SLA*

Sinfda o'qituvchi rahbarligi va o'quvchi mustaqilligi o'rtasidagi muvozanat

Babaxanova Dildora Ikromjon qizi
O'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *O'qituvchi rahbarligi va o'quvchi mustaqilligi o'rtasidagi muvozanat zamonaviy chet tilini o'qitish metodikasining eng muhim va dolzarb masalalaridan biri hisoblanadi. An'anaviy yondashuvlarda o'qituvchi markaziy rolni egallab, bilimlarni yetkazish va o'quv jarayonini qat'iy nazorat qilish ustuvor bo'lgan bo'lsa, zamonaviy metodlar o'quvchilarning mustaqil fikrlashi, faol ishtiroki, tashabbuskorligi va o'z ta'lim jarayoniga mas'uliyat bilan yondashishini muhim omil sifatida e'tirof etadi. Ushbu maqolada o'qituvchi rahbarligi va o'quvchi mustaqilligini uyg'unlashtirishning nazariy asoslari hamda amaliy mexanizmlari batafsil tahlil qilinadi. Tadqiqot ikkinchi tilni o'zlashtirish nazariyalari, sotsiomadaniy yondashuv va o'quvchiga yo'naltirilgan ta'lim konsepsiyasiga tayangan holda olib borilgan. Maqolada pedagogik qo'llab-quvvatlash (scaffolding), metakognitiv strategiyalarni rivojlantirish, o'z-o'zini nazorat qilish, refleksiya va baholash ko'nikmalarini shakllantirish, shuningdek interaktiv va kommunikativ metodlardan samarali foydalanish masalalari keng yoritilgan. Shuningdek, muvozanatli ta'lim muhitini yaratish va uni amaliyotga joriy etish bo'yicha aniq tavsiyalar ham taqdim etiladi. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, o'qituvchi rahbarligi va o'quvchi*

mustaqilligining optimal uyg'unligi o'quvchilarning motivatsiyasini oshiradi, bilimlarni chuqur va barqaror o'zlashtirishni ta'minlaydi, mustaqil ta'lim ko'nikmalarini rivojlantiradi hamda yuqori darajadagi kommunikativ kompetensiyani shakllantirishga samarali xizmat qiladi.

Kalit so'zlar *O'quvchi mustaqilligi, o'qituvchi rahbarligi, scaffolding, chet tilini o'qitish, talaba markazli ta'lim*

Баланс между руководством преподавателя и автономией обучающихся в классе

Бабаханова Дилдора Икромжон кизи
Преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Баланс между руководством преподавателя и автономией обучающихся представляет собой одну из центральных проблем современной методики преподавания иностранных языков. В традиционных педагогических моделях основное внимание уделяется контролю, объяснению и передаче знаний со стороны преподавателя, тогда как современные образовательные подходы акцентируют значимость самостоятельной познавательной деятельности, ответственности учащихся за собственное обучение и их активного участия в учебном процессе. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты эффективного сочетания педагогического руководства и автономии обучающихся в условиях меняющейся образовательной парадигмы. Исследование опирается на ключевые положения теории усвоения второго языка, социокультурной теории Л. С. Выготского, а также личностно-ориентированного подхода. Особое внимание уделяется таким механизмам, как педагогическая поддержка (scaffolding), развитие метакогнитивных стратегий, навыков саморегуляции и рефлексии, а также использованию интерактивных и коммуникативных методов обучения. В работе также представлены практические рекомендации по созданию условий, способствующих формированию учебной автономии. Результаты исследования демонстрируют, что оптимальное сочетание руководства преподавателя и самостоятельности обучающихся способствует повышению учебной мотивации, углублению знаний, развитию критического мышления и формированию устойчивой коммуникативной компетенции.*

Ключевые слова *Автономия обучающихся, руководство преподавателя, педагогическая поддержка, обучение иностранным языкам, личностно-ориентированный подход*

Introduction

Balancing teacher guidance and learner autonomy is a central issue in contemporary foreign language teaching methodology, as it directly influences the effectiveness of learning and the development of communicative

competence. Traditionally, language teaching was dominated by teacher-centered approaches, where the teacher controlled the content, pace, and methods of instruction, and learners played a relatively passive role. However, modern educational paradigms emphasize the importance of learner autonomy, defined as the ability of students to take responsibility for their own learning, make decisions, and actively engage in the learning process (Holec, 1981). The challenge for educators lies not in choosing between guidance and autonomy, but in finding an appropriate balance that maximizes learning outcomes.

Teacher guidance remains essential, particularly in the early stages of language learning, when learners lack sufficient knowledge and skills to function independently. Guidance involves providing clear explanations, modeling language use, organizing activities, and offering feedback. According to sociocultural theory, learning occurs through interaction and support within the Zone of Proximal Development (Vygotsky, 1978). This support, often referred to as scaffolding, enables learners to perform tasks that would otherwise be beyond their capabilities. As learners develop competence, the teacher gradually reduces support, allowing students to assume greater responsibility.

At the same time, excessive teacher control can hinder the development of autonomy by limiting opportunities for independent thinking and decision-making. Learner autonomy is closely linked to motivation, as students who feel responsible for their learning are more likely to be engaged and persistent (Little, 1991). Autonomous learners are capable of setting goals, selecting strategies, monitoring their progress, and evaluating their performance. Therefore, the teacher's role shifts from knowledge provider to facilitator, guiding learners toward independence.

One effective approach to balancing guidance and autonomy is task-based language teaching (TBLT), which focuses on meaningful communication and active learner participation. In task-based activities, teachers provide structure and objectives, while learners take responsibility for completing tasks and using language creatively. Similarly, metacognitive strategies play a crucial role in developing autonomy. By teaching learners how to plan, monitor, and evaluate their learning, teachers help them become more independent and self-aware (Vandergrift & Goh, 2012).

Collaborative learning further supports this balance by encouraging interaction and shared responsibility. Through pair and group work, learners engage in meaningful communication, negotiate meaning, and support each other's development. Feedback also plays an important role; rather than simply correcting errors, teachers should provide constructive feedback that encourages reflection and self-correction.

Technology enhances this balance by providing opportunities for independent yet guided learning. Digital tools, online platforms, and language applications allow learners to practice at their own pace while receiving structured support and feedback. In addition, affective factors such as motivation and confidence must be considered, as learners who feel supported are more likely to engage actively in the learning process.

An essential aspect of achieving balance lies in the dynamic nature of teaching. The level of guidance required varies depending on learners' proficiency, needs, and context. For beginners, structured support is necessary, while more advanced learners benefit from increased independence. This gradual transition reflects effective scaffolding, where support is carefully adjusted to match learners' development.

Differentiated instruction is another key strategy, allowing teachers to address diverse learner needs. By providing varying levels of support, teachers ensure that all students are appropriately challenged. In addition,

developing self-regulated learning skills helps learners become more independent. Through goal-setting, reflection, and self-assessment, learners take control of their learning process (Zimmerman, 2002).

Project-based learning offers a practical framework for integrating guidance and autonomy. Learners work on meaningful tasks while teachers provide support and direction. This approach promotes critical thinking, creativity, and collaboration. Classroom management also contributes to balance by creating a structured yet flexible environment that encourages independence.

Despite these benefits, balancing guidance and autonomy presents several challenges. Learners differ in their readiness for independence, and some may struggle to adapt to autonomous learning. Time constraints and traditional assessment methods may also limit opportunities for autonomy. Therefore, teachers must adopt flexible strategies and gradually introduce autonomy while maintaining necessary support.

Looking forward, technological advancements will play an increasingly important role in education. Digital platforms and adaptive learning systems provide personalized learning experiences, allowing learners to progress independently while receiving guidance. Moreover, fostering autonomy prepares learners for lifelong learning, enabling them to adapt to new challenges and continuously develop their skills.

In order to effectively balance teacher guidance and learner autonomy, it is essential to move beyond theoretical understanding and examine practical classroom models that demonstrate how this balance can be achieved in real teaching contexts. One widely recognized model is the gradual release of responsibility framework, often summarized as "I do, we do, you do." This model illustrates how teachers initially take full responsibility for instruction, then gradually involve learners in shared activities, and finally transfer responsibility to students for independent work. In the first stage, the teacher models language use and provides explicit explanations, ensuring that learners understand the task requirements. In the second stage, learners participate actively with the teacher's support, engaging in guided practice. In the final stage, learners work independently, applying their knowledge and skills without direct assistance. This structured progression allows learners to build confidence and competence while maintaining appropriate support.

Another effective model is inquiry-based learning, which encourages learners to explore questions, investigate problems, and construct knowledge independently. In this approach, the teacher acts as a facilitator who guides learners' inquiry rather than providing direct answers. For example, in a language classroom, learners may be asked to analyze authentic texts, identify patterns, and draw conclusions about language use. This process promotes critical thinking and deeper understanding, while the teacher provides guidance through prompts, feedback, and clarification when necessary. Inquiry-based learning not only fosters autonomy but also develops analytical and problem-solving skills that are essential for language use in real-world contexts.

Flipped classroom methodology also contributes to balancing guidance and autonomy by shifting the focus of learning from the classroom to the learner. In a flipped classroom, learners are introduced to new material outside of class through videos, readings, or online resources, while classroom time is dedicated to practice, discussion, and application. This approach allows learners to control the pace of their learning and engage with content independently, while the teacher provides support and guidance during in-class activities. As a result, classroom interaction becomes more meaningful, and learners take greater responsibility for their learning.

Furthermore, the integration of reflective practices plays a significant role in promoting autonomy. Reflection enables learners to evaluate their performance, identify strengths and weaknesses, and set goals for improvement. Teachers can incorporate reflective activities such as learning journals, self-assessment checklists, and peer feedback sessions. These practices encourage learners to think critically about their learning process and develop a sense of ownership. At the same time, teachers can guide reflection by providing structured questions and feedback, ensuring that learners benefit from the process.

Communication lies at the heart of language learning, and the balance between teacher guidance and learner autonomy is closely linked to the nature of classroom interaction. In traditional classrooms, interaction is often limited to teacher-student exchanges, where the teacher asks questions and students provide short responses. This pattern restricts opportunities for learners to develop autonomy and communicative competence. In contrast, modern approaches emphasize student-student interaction, where learners actively engage in discussions, negotiations, and collaborative problem-solving.

Interaction promotes autonomy by allowing learners to take control of communication and express their ideas independently. At the same time, the teacher plays a crucial role in facilitating interaction, ensuring that activities are meaningful, structured, and aligned with learning objectives. For example, in group discussions, the teacher may provide guiding questions, assign roles, and monitor participation, while learners are responsible for maintaining the conversation. This balance ensures that learners receive support while also developing independence.

In addition, negotiation of meaning is a key process in language learning that supports both guidance and autonomy. When learners encounter difficulties in understanding or expressing ideas, they engage in clarification, repetition, and reformulation. These interactions help learners refine their language skills and improve comprehension. Teachers can encourage this process by creating tasks that require collaboration and communication, such as information gap activities or problem-solving tasks.

Another critical factor in balancing teacher guidance and learner autonomy is the recognition of individual differences among learners. Each student brings unique characteristics to the learning process, including cognitive abilities, learning styles, motivation levels, and cultural backgrounds. These differences influence how learners respond to guidance and autonomy, making it necessary for teachers to adopt a personalized approach to instruction.

Personalized learning involves tailoring instruction to meet the needs and preferences of individual learners. Technology plays a significant role in facilitating personalized learning by providing adaptive systems that adjust to learners' performance and progress. For example, language learning applications can offer customized exercises, track progress, and provide immediate feedback, allowing learners to focus on areas that require improvement. At the same time, teachers can use data from these tools to provide targeted support and guidance.

Motivation is another important factor that affects learner autonomy. Intrinsically motivated learners are more likely to take initiative and engage actively in the learning process, while extrinsically motivated learners may rely more on teacher guidance. Therefore, teachers should create a learning environment that fosters intrinsic motivation by providing meaningful tasks, encouraging creativity, and recognizing learners' achievements. By doing so, teachers can gradually shift responsibility to learners while maintaining engagement and interest.

Balancing guidance and autonomy also involves ethical and pedagogical

considerations. Teachers must ensure that all learners have equal opportunities to participate and succeed, regardless of their background or abilities. Promoting autonomy should not lead to neglecting learners who require additional support. Instead, teachers should adopt inclusive practices that provide appropriate guidance for all students while encouraging independence.

Moreover, teachers must consider the ethical implications of autonomy in relation to assessment and accountability. While autonomy encourages independent learning, it also requires learners to take responsibility for their performance. Teachers should ensure that assessment methods are fair, transparent, and aligned with learning objectives. Providing clear criteria and constructive feedback helps learners understand expectations and take ownership of their learning.

Conclusion

In conclusion, balancing teacher guidance and learner autonomy is a dynamic and essential aspect of effective language teaching. By combining structured support with opportunities for independent learning, teachers can create a productive and engaging learning environment. This balance not only enhances language acquisition but also prepares learners for future academic, professional, and personal success.

References:

1. Holec, H. (1981). *Autonomy and foreign language learning*. Pergamon.
2. Little, D. (1991). *Learner autonomy: Definitions, issues and problems*. Authentik.
3. Vandergrift, L., & Goh, C. C. M. (2012). *Teaching and learning second language listening: Metacognition in action*. Routledge.
4. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Harvard University Press.
5. Zimmerman, B. J. (2002). Becoming a self-regulated learner. *Theory Into Practice, 41*(2), 64–70.

Teaching listening: from passive hearing to active comprehension

Babaxanova Dildora Ikromjon qizi
Teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article examines listening as a fundamental yet often underestimated component of effective communication and language learning. Moving beyond the traditional view of listening as a passive activity, it presents listening as an active and complex cognitive process that involves interpreting, analyzing, and constructing meaning from spoken input. The paper outlines key factors that influence listening comprehension, including attention, prior knowledge, and contextual understanding. Furthermore, the article discusses the role of strategic approaches in improving listening skills, such as prediction, monitoring, and evaluation of understanding. It also highlights the value of exposure to authentic language and varied communicative contexts in strengthening listening competence. The findings suggest that developing listening skills requires a systematic and learner focused approach that encourages engagement and continuous practice, ultimately enhancing overall communicative effectiveness in real world situations. These insights provide a foundation for educators and learners seeking to improve listening outcomes in diverse educational settings.*

Keywords *Listening comprehension, foreign language teaching, active listening, SLA, metacognition, communicative approach*

Tinglab tushunishni o‘rgatish: passiv eshitishdan faol anglashga o‘tish

Babaxanova Dildora Ikromjon qizi
O‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola tinglashni samarali muloqot hamda xorijiy tilni o‘rganish jarayonining muhim, biroq ko‘pincha yetarlicha baholanmaydigan tarkibiy qismi sifatida batafsil tahlil qiladi. An’anaviy yondashuvlarda tinglash ko‘pincha passiv jarayon sifatida qaraladi, ammo mazkur tadqiqotda u faol, dinamik va murakkab kognitiv faoliyat sifatida talqin etiladi. Bu jarayon faqat tovushlarni qabul qilish bilan cheklanmay, balki ularni anglash, tahlil qilish, mavjud bilimlar bilan integratsiya qilish hamda mazmunni ongli ravishda shakllantirishni ham o‘z ichiga oladi.Maqolada tinglab tushunishga ta’sir etuvchi asosiy omillar, jumladan diqqatni jamlash darajasi, oldingi bilimlar bazasi, til kompetensiyasi hamda kommunikativ kontekstni to‘g‘ri anglash muhimligi chuqur yoritilgan. Shuningdek, tinglash ko‘nikmalarini rivojlantirishda bashorat qilish, tushunishni monitoring qilish, xatolarni aniqlash va ularni tuzatish, natijalarni baholash kabi strategiyalarning ahamiyati alohida ta’kidlanadi.Bundan tashqari, autentik materiallar bilan muntazam ishlash va turli real kommunikativ vaziyatlarda faol ishtirok etish tinglash kompetensiyasini mustahkamlashda muhim omil sifatida ko‘rsatiladi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, tinglash ko‘nikmalarini samarali rivojlantirish tizimli, bosqichma-bosqich va o‘quvchiga yo‘naltirilgan yondashuvni talab qiladi.*

Kalit so'zlar *Tinglab tushunish, chet tilini o'qitish, faol tinglash, ikkinchi tilni o'zlashtirish, metakognitsiya, kommunikativ yondashuv*

Обучение аудированию: от пассивного восприятия к активному пониманию

Бабаханова Дилдора Икромжон кизи
Преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Данная статья рассматривает аудирование как фундаментальный, но нередко недооцениваемый компонент эффективной коммуникации и успешного изучения иностранного языка. В отличие от традиционного подхода, где аудирование воспринимается как пассивное получение информации, автор трактует его как активный, динамичный и многослойный когнитивный процесс. Этот процесс включает не только восприятие звуковой информации, но и ее интерпретацию, анализ, сопоставление с имеющимися знаниями и последующее построение осмысленного значения. В работе подробно анализируются ключевые факторы, влияющие на успешность понимания на слух, среди которых особое место занимают концентрация внимания, уровень фоновых знаний, языковая подготовка и способность учитывать контекст коммуникации. Кроме того, значительное внимание уделяется стратегическим механизмам развития аудирования, таким как прогнозирование содержания, мониторинг понимания, коррекция ошибок и последующая оценка результатов. Подчеркивается важность регулярного взаимодействия с аутентичной речью в разнообразных коммуникативных ситуациях. Результаты исследования показывают, что формирование устойчивых навыков аудирования требует системного, поэтапного и ориентированного на обучаемого подхода, который стимулирует активное участие, критическое мышление и непрерывную практику, что в перспективе значительно повышает общую коммуникативную компетентность.*

Ключевые слова *Аудирование, обучение иностранным языкам, активное слушание, усвоение второго языка, метакогниция, коммуникативный подход*

Introduction

Listening is a fundamental component of foreign language acquisition, yet it has historically been perceived as a passive skill, often neglected in comparison to speaking and writing. In traditional language classrooms, listening activities were typically limited to comprehension checks, where students were expected to answer questions after hearing a text without being taught how to listen effectively. However, modern research has redefined listening as an active and dynamic process that involves multiple cognitive and linguistic mechanisms (Field, 2008). Listening is no longer understood as mere hearing; rather, it is an interpretive process in which learners actively construct meaning from spoken input by combining linguistic

knowledge with contextual and experiential understanding.

The distinction between hearing and listening is essential in understanding the complexity of this skill. Hearing is a physiological process that involves the perception of sound, whereas listening requires attention, interpretation, and response (Rost, 2011). In second language contexts, listening becomes even more challenging because learners must process unfamiliar phonological systems, vocabulary, and syntactic structures in real time. This often leads to difficulties such as losing track of meaning, misunderstanding key information, or becoming overwhelmed by the speed of speech. Therefore, teaching listening effectively requires a methodological shift from passive reception to active engagement.

One of the key aspects of listening comprehension is the interaction between bottom-up and top-down processing. Bottom-up processing involves decoding the linguistic elements of speech, such as sounds, words, and grammatical structures, while top-down processing relies on background knowledge, context, and expectations to interpret meaning (Vandergrift & Goh, 2012). Successful listening depends on the integration of these two processes. For example, when learners listen to a conversation in a familiar context, they use their prior knowledge to predict content while simultaneously identifying specific linguistic cues. However, many learners tend to rely too heavily on one type of processing, which can hinder comprehension. Effective teaching strategies should therefore aim to develop both processes in a balanced manner.

The theoretical foundation for active listening instruction can be traced to several influential frameworks in second language acquisition. Krashen's Input Hypothesis emphasizes the importance of comprehensible input in language learning, suggesting that learners acquire language when they are exposed to input that is slightly beyond their current level of proficiency (Krashen, 1985). Listening plays a crucial role in providing such input; however, exposure alone is not sufficient. Learners must actively engage with the input to internalize it, which highlights the need for structured listening activities that promote comprehension and interaction.

Similarly, sociocultural theory, developed by Vygotsky, underscores the importance of social interaction and scaffolding in the learning process (Vygotsky, 1978). According to this perspective, learning occurs within the Zone of Proximal Development, where learners can achieve higher levels of understanding with appropriate support. In the context of listening instruction, this means that teachers should guide learners through progressively challenging tasks, providing support through pre-teaching vocabulary, offering contextual clues, and encouraging collaborative learning. Through interaction and guidance, learners develop the ability to process and interpret spoken language more effectively.

From a cognitive perspective, listening involves several complex processes, including attention, working memory, inferencing, and pattern recognition. Field (2008) argues that many listening difficulties arise not from a lack of linguistic knowledge but from limitations in processing capacity. Learners may recognize individual words but fail to integrate them into meaningful units due to time constraints. This suggests that listening instruction should focus not only on comprehension outcomes but also on improving learners' processing efficiency. Activities that train learners to identify key information, recognize discourse markers, and anticipate content can significantly enhance listening performance.

Modern approaches to teaching listening emphasize the importance of structuring activities into three stages: pre-listening, while-listening, and post-listening. Pre-listening activities prepare learners for the task by activating prior knowledge, introducing key vocabulary, and setting a purpose for listening. These activities help reduce cognitive load and increase comprehension. While-listening activities focus on guiding learners' attention to

specific aspects of the input, such as main ideas, details, or speaker attitudes. During this stage, learners are encouraged to monitor their understanding and adjust their strategies as needed. Post-listening activities provide opportunities for reflection, discussion, and consolidation of knowledge, allowing learners to deepen their comprehension and connect new information with existing knowledge.

An essential aspect of transforming listening from passive hearing into active comprehension lies in the systematic development of listening strategies and interactive practices in the classroom. Modern research emphasizes that effective listeners are not those who understand every word, but those who can apply flexible strategies to construct meaning even when comprehension is incomplete (Vandergrift & Goh, 2012). This shift in perspective is particularly important in foreign language learning, where learners often struggle with the unrealistic expectation of full understanding. Instead, instruction should focus on helping learners tolerate ambiguity and use contextual clues to infer meaning.

One of the most effective ways to develop active listening is through strategy-based instruction. Learners should be explicitly taught how to approach listening tasks, including predicting content, identifying key information, and verifying hypotheses during listening. For example, before listening to a dialogue, students can be encouraged to discuss possible topics, vocabulary, and context. This activates prior knowledge and prepares the cognitive framework necessary for comprehension. During listening, learners can focus on specific tasks, such as identifying the main idea or noting key details, rather than attempting to understand every word. After listening, reflective activities such as summarizing, discussing, or comparing answers help consolidate understanding and develop critical thinking skills.

Another important dimension of active listening is interaction. Listening should not be treated as an isolated skill but rather as part of a communicative process that involves responding, negotiating meaning, and engaging with others. Interactive listening activities, such as pair work, group discussions, and role-plays, allow learners to use listening as a tool for communication rather than merely as a comprehension exercise. These activities also provide opportunities for learners to clarify misunderstandings, ask questions, and receive feedback, which are essential components of language development.

Furthermore, the role of feedback in listening instruction cannot be underestimated. Traditional approaches often focus on correct or incorrect answers, but modern methodology emphasizes formative feedback that guides learners in improving their strategies. Teachers should help learners understand why comprehension difficulties occur and how they can be addressed. For instance, if a learner fails to understand a listening text due to unfamiliar vocabulary, the teacher can encourage the use of contextual guessing strategies rather than immediate translation. This approach promotes independence and long-term skill development.

In addition, exposure to a variety of listening inputs is crucial for developing listening competence. Learners should be exposed to different accents, speech rates, and discourse types to build adaptability and resilience. Authentic materials, although challenging, play a key role in this process, as they reflect real-life language use. With appropriate scaffolding, such as pre-teaching key vocabulary or providing guiding questions, authentic listening can significantly enhance learners' confidence and competence.

Technology also offers valuable opportunities for enhancing listening instruction. Digital platforms, podcasts, and interactive applications provide learners with access to diverse and engaging listening materials. These tools allow learners to control the pace of learning, repeat audio as needed, and receive immediate feedback. Moreover,

technology supports individualized learning, enabling learners to focus on their specific needs and progress at their own pace. As a result, integrating technology into listening instruction can greatly facilitate the transition from passive to active listening.

Finally, it is important to consider the affective dimension of listening. Anxiety, lack of confidence, and low motivation can significantly hinder listening performance. Learners often feel overwhelmed when they cannot understand spoken language, which may lead to disengagement. Therefore, teachers should create a supportive learning environment that encourages risk-taking and gradual improvement. Providing achievable tasks, positive reinforcement, and opportunities for success can help reduce anxiety and increase motivation. Over time, learners develop confidence in their listening abilities and become more willing to engage actively with spoken language.

Another important aspect of effective listening instruction is the use of authentic materials. Authentic listening materials, such as podcasts, interviews, and real-life conversations, expose learners to natural language use, including variations in accent, speed, and intonation. This helps learners develop the skills necessary for real-world communication. Although authentic materials can be challenging, they provide valuable opportunities for learners to engage with meaningful and relevant content. Teachers can adapt these materials to suit learners' proficiency levels by providing support and scaffolding.

Metacognitive strategies also play a crucial role in transforming listening into an active process. These strategies involve learners' awareness and control of their own learning processes, including planning, monitoring, and evaluating their performance (Vandergrift & Goh, 2012). Learners who use metacognitive strategies are better able to manage listening tasks, identify difficulties, and apply appropriate solutions. For example, before listening, learners can set goals and predict content; during listening, they can monitor their understanding; and after listening, they can evaluate their performance and reflect on areas for improvement. Teaching these strategies explicitly can significantly enhance learners' listening competence and autonomy.

In addition to cognitive and methodological factors, affective factors such as motivation and anxiety also influence listening comprehension. Many learners experience anxiety when listening to a foreign language, particularly when they encounter fast speech or unfamiliar vocabulary. This anxiety can interfere with their ability to process information effectively. Therefore, creating a supportive and encouraging learning environment is essential for promoting active listening. Teachers can reduce anxiety by providing clear instructions, offering repeated exposure to listening materials, and gradually increasing task difficulty.

The integration of technology in language teaching has opened new possibilities for enhancing listening instruction. Digital tools, such as language learning applications, online platforms, and multimedia resources, provide learners with access to a wide range of listening materials and interactive activities. These tools allow learners to practice listening at their own pace, receive immediate feedback, and engage with authentic content. Technology also supports personalized learning, enabling learners to focus on their individual needs and preferences.

Conclusion

In conclusion, the transformation of listening from passive hearing to active comprehension represents a significant shift in foreign language teaching methodology. Listening is a complex and dynamic process that requires the integration of cognitive, linguistic, and contextual factors. Effective listening instruction should focus on developing both bottom-up and top-down

processing skills, promoting metacognitive awareness, and creating interactive and supportive learning environments. By adopting a learner-centered approach and incorporating modern pedagogical strategies, teachers can help learners become more effective and confident listeners, capable of understanding and participating in real-world communication. This shift is not only necessary but also essential for preparing learners for the demands of global communication in the modern world.

References:

1. Field, J. (2008). *Listening in the language classroom*. Cambridge University Press.
2. Krashen, S. D. (1985). *The input hypothesis: Issues and implications*. Longman.
3. Rost, M. (2011). *Teaching and researching listening* (2nd ed.). Routledge.
4. Vandergrift, L., & Goh, C. C. M. (2012). *Teaching and learning second language listening: Metacognition in action*. Routledge.
5. Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Harvard University Press.

The impact of listening comprehension skills on simultaneous interpretation

Abdurakhimova Gulasal Abdulkhamid kizi
gulasalabdurakhimova@gmail.com
English teacher,
School 19, Oqqorgan district, Tashkent region

Annotation *The article contends that, in simultaneous interpreting, the most dependable lever for maintaining both output quality and process stability is robust listening comprehension, not sheer articulatory fluency. In live interpreting, comprehension does not function as a preliminary phase that concludes once production starts; it operates continuously under strict capacity constraints while running in parallel with reformulation, self-monitoring, and delivery. When comprehension is streamlined, the interpreter can chunk the incoming stream into coherent units, disambiguate meanings early, project likely continuations, and sustain a manageable ear–voice lag without saturating short-term memory. When comprehension weakens even momentarily, the system tends to tip into overload: lag expands, memory management consumes resources needed for analysis, omissions multiply, and degradation may propagate to subsequent segments. Drawing on the Efforts Model, cognitive-load perspectives, working-memory explanations, and empirical documentation of speech rates encountered in institutional environments, the paper synthesizes four interdependent issues that training often treats in isolation: input-rate time pressure, temporal coordination as indexed by ear–voice span, the tension between comprehension and memory demands, and stress-driven strategic compression.*

Keywords *Simultaneous interpreting, listening comprehension, speech rate, ear–voice span, working memory, cognitive load, interpreter training*

Tinglab tushunish ko'nikmalarining sinxron tarjimaga ta'siri

Gulasal Abduraximova Abdulxamid qizi
gulasalabdurakhimova@gmail.com
Ingliz tili oqituvchi,
19-maktab, Toshkent viloyati Oqqorg'on tumani

Annotatsiya *Ushbu maqola sinxron tarjimada sifat va jarayon barqarorligini odatda "gapirish ravonligi" bilan izohlash odati borligini ko'rsatadi, biroq amalda eng ishonchli boshqaruv omili tinglab tushunish ekanini asoslaydi. Sinxron tarjimada tinglab tushunish sodda "eshitish–aytish" ketma-ketligi sifatida ishlamaydi: u kiruvchi akustik oqimni tez identifikatsiya qilish, ma'noga tayangan segmentatsiya o'tkazish, sintaktik noaniqliklarni erta bosqichda yechish, axborotning semantik yadrosini ajratish hamda keyingi mazmuniy rivojni oldindan prognoz qilish kabi bir-biriga bog'langan operatsiyalarni bir vaqtning o'zida talab etadi. Shu sababli, tushunishdagi qisqa muddatli uzilish ham kognitiv resurslar taqsimotini buzadi: ishchi xotiraga tushadigan yuk ortadi, "quloq–ovoz" koordinatsiyasini ifodalovchi oralig' kengayadi, natijada tushirib qoldirishlar chastotasi oshadi va salbiy ta'sir keyingi segmentlarga ham ko'chib, sifatning izchil pasayishiga olib kelishi mumkin. Maqolada sinxron tarjimadagi yuklanish mexanizmini izohlash uchun Efforts Model, kognitiv yuk konsepsiyasi, ishchi xotira bo'yicha nazariy izohlar hamda institutsional*

muhitda uchraydigan real nutq tezligi haqidagi kuzatuv-ma'lumotlar yagona tahliliy ramkaga keltiriladi. Amaliy bo'limda tinglab tushunish ko'nikmasini operatsion indikatorlar orqali o'lchash yo'llari, ushbu indikatorlarning sinxron tarjima natijalari bilan bog'lanish mexanizmi, shuningdek tez nutq sharoitida yuzaga keladigan kompensatsion strategiyalar empirik mantiq asosida yoritiladi.

Kalit so'zlar *Sinxron tarjima, tinglab tushunish, nutq tezligi, quloq–ovoz oralig'i, ishchi xotira, kognitiv yuk, sifat baholash*

Влияние навыков понимания на слух на синхронный перевод

Абдурахимова Гуласал Абдулхамид кизи
gulasalabdurakhimova@gmail.com
Учитель английского языка,
Школа 19, Окорганский район
Ташкентской области

Аннотация *В статье обосновано, что устойчивость качества синхронного перевода в большей мере задаётся не «говорением» как таковым, а сформированностью аудирования и способностью понимать речь в режиме реального времени. Понимание в синхроне не сводится к линейной процедуре; оно представляет собой совокупность одновременно протекающих операций, включающих оперативный распознающий анализ звучащего материала, смысловую сегментацию, своевременное снятие синтаксической неоднозначности, выделение информационного ядра и вероятностное предвосхищение дальнейшего развертывания высказывания. Даже кратковременное ухудшение аудирования приводит к росту нагрузки на рабочую память, увеличению интервала между восприятием и порождением, повышению вероятности пропусков и последующему снижению качества следующих фрагментов перевода. Опираясь на Efforts Model, концепции когнитивной нагрузки, модели рабочей памяти и эмпирические сведения о реальных темпах выступлений в институциональной коммуникации, авторы аргументируют связь между индикаторами аудирования и измеряемыми параметрами синхронного перевода. В работе предлагается эмпирически проверяемая логика исследования, описывающая способы операционализации навыков понимания на слух, их сопоставление с метриками качества, задержки и пропусков, а также выявление компенсаторных стратегий, активизирующихся при высокой скорости и информационной насыщенности речи.*

Ключевые слова *Синхронный перевод, аудирование, понимание речи, скорость речи, ear-voice span, рабочая память, оценивание качества*

Introduction

Simultaneous interpreting is frequently encapsulated as "speaking while listening", yet this convenient slogan obscures the primary locus of both outstanding performance and breakdown. Interpreters do not complete

listening and then begin speaking; they maintain uninterrupted comprehension while producing speech, with both activities drawing on the same limited processing resources. In training settings, attention often gravitates toward what is most observable: voice quality, fluency, accent, and confidence of delivery. These dimensions are salient and therefore become easy targets for feedback. However, the costliest errors in simultaneous interpreting commonly originate earlier in the pipeline, within comprehension itself. A slight slowdown in lexical access, failure to detect a clause boundary, delayed assignment of agent–patient relations, or an incorrect pragmatic reading can initiate a chain reaction: working-memory demands increase, ear–voice coordination becomes erratic, and the interpreter begins to "service the deficit" by compressing, generalising, or omitting information. Put differently, many output problems are downstream manifestations of input-side disruptions. This is precisely why models that treat listening and analysis as a major effort within a capacity-limited system remain foundational: they account for abrupt quality collapse even when speaking competence appears strong. Within the Efforts Model, such collapse is conceptualised as a capacity-allocation imbalance in which increased memory effort drains resources that would otherwise support listening and analysis, thereby raising the likelihood of comprehension failure in subsequent segments (Gile, 2019).

Listening comprehension in simultaneous interpreting also departs markedly from everyday listening. In ordinary listening, occasional uncertainty is tolerable because partial understanding can still yield an adequate global meaning. Simultaneous interpreting offers no comparable margin: the interpreter is responsible for accurately transferring commitments, conditions, numerical information, proper names, and logical dependencies. In addition, the source discourse is often read aloud, syntactically compact, and delivered at high speed, particularly in institutional settings where speakers are constrained by strict time limits. Recent empirical observations indicate that mean delivery rates in some venues exceed the previously cited "comfortable" range, with peak values that can strain even native comprehension, let alone bilingual processing under production demands (Rosendo, 2020). The implication is not merely whether speech at such rates can be understood. Native listeners may still achieve resilient comprehension at high speeds, but interpreting introduces concurrent production, reformulation, and monitoring; as a result, time pressure functions as a structural constraint of the task rather than a minor inconvenience (Robert, 2025).

Materials and Methods

Research in interpreting studies examines listening comprehension through several complementary lenses, each addressing a distinct part of the mechanism. One strand foregrounds limited capacity and the trade-offs it forces. In the Efforts Model, simultaneous interpreting is characterised as the joint management of listening and analysis, production, memory, and overall coordination within a constrained pool of resources. Its central message is straightforward and testable: when one effort unexpectedly consumes additional capacity, the remaining efforts are resourced less adequately, making quality loss more probable. This is an operational prediction rather than a rhetorical slogan, and it accounts for why rapid input, syntactically packed discourse, or insufficient source-language understanding can quickly drive the system toward overload. A second strand develops cognitive-load perspectives by estimating the processing "cost" of particular conditions, such as syntactic complexity or interference between incoming and outgoing streams. Empirical findings indicate that shifts in input properties systematically alter load and can be traced through performance-based indicators, reinforcing the view that

comprehension under simultaneous constraints is adaptive and time-bound rather than a fixed background ability (Seeber, 2012).

A third line of work draws on working-memory explanations to show how interpreting relies on temporary storage and continual updating of mental representations. In working-memory-based process accounts, simultaneous interpreting involves ongoing alternation among holding information, transforming it, and producing output, with predictable points of fragility when storage demands increase or when processing efficiency drops (Mizuno, 2003). This is directly relevant to listening comprehension because the speed and accuracy of comprehension determine how much information must be retained, and for how long, before it can be safely released. When recognition and parsing are rapid, the interpreter can recode meaning and clear memory with minimal delay. When they slow down, larger stretches must be buffered, often before ambiguity is fully resolved, which elevates the probability of errors. A fourth strand turns to observable temporal indicators, most notably ear–voice span, to externalise internal dynamics. Large-scale corpus studies demonstrate that average lag can be measured in seconds and that it varies with speaker-related factors such as sentence length, delivery rate, and pausing patterns; lag, in turn, constrains interpreter behaviour and is associated with quality outcomes. Crucially, this work connects comprehension to temporal coordination: lag reflects the minimum processing time required under cognitive pressure, and excessive lag has been linked to reduced quality and carry-over disruption into subsequent segments.

Finally, a training-oriented body of literature considers how changes in speech rate and discourse type reshape the task environment. A clear shift appears when earlier notions of "comfortable" delivery are set against present-day institutional practice. Whereas older professional discussions often circulated a comfort band of roughly 100 to 120 words per minute, later corpus-informed views treat higher ranges as typical, challenging, or difficult, and describe how practitioners increasingly resort to compression and gist-based rendering once rates rise beyond approximately 160 words per minute. With evidence that some institutional contexts exhibit average delivery in the mid-140s to low-160s and peak values approaching or exceeding 190 to 200 words per minute, the centrality of listening comprehension becomes unavoidable: interpreters must recognise, parse, and prioritise meaning at a pace that leaves scant room for repair or recovery strategies (Seeber, 2017).

Results and Discussion

Listening comprehension skill affects simultaneous interpreting through at least four observable mechanisms that do not require speculative access to internal states. The first mechanism is early segmentation. Interpreters with stronger comprehension rapidly register clause boundaries, discourse markers, and prosodic signals, which enables them to divide the incoming stream into workable units. This segmentation lowers storage pressure because each unit can be processed, reformulated, and then released sooner rather than being held as an undifferentiated string. The second mechanism is early disambiguation. When ambiguity is resolved only the interpreter faces an unattractive choice: delay commitment, thereby increasing lag and memory burden, or commit prematurely, thereby raising the likelihood of error and later self-correction. The third mechanism is anticipatory inference. Because short-term retention of verbatim strings is limited, interpreters cannot simply "wait" for every clarifying element; they routinely project probable continuations and adopt a plausible structural hypothesis while remaining prepared to revise it if later input contradicts the initial inference. The fourth mechanism is resilience under high speed and informational density. Even if a native listener can keep up with rapid delivery, the interpreter must do more than track meaning: the

interpreter must transform, monitor, and articulate output concurrently. When comprehension begins consuming additional capacity, fewer resources remain for reformulation and monitoring, and the system is pushed toward strategic loss – through omission, generalisation, simplification, or increased terminological vagueness -as a functional response to overload.

A central implication is that "being able to understand fast speech" and "being able to interpret fast speech" represent related but non-equivalent competencies. Native listening can remain robust at rates exceeding 200 words per minute, whereas interpreting imposes simultaneous production, and that concurrency shifts the instability threshold to lower rates than those tolerated in listening alone. In authentic communicative settings, speed rarely acts in isolation. Read-aloud speeches frequently combine high delivery rate with низкой избыточностью and elevated lexical density, which increases the probability that comprehension effort spikes precisely when time pressure is most severe. When this happens, temporal coordination becomes the visible trace of concealed comprehension strain: ear–voice span expands, pausing increases, and catch-up delivery ускоряется, all of which can be interpreted as the system reallocating limited capacity in an emergency, compensatory режим.

Below is a compact set of numeric reference points that are repeatedly discussed across the literature, together with observed delivery rates in institutional contexts.

Context and reference point	Speech rate in words per minute	What this implies for listening comprehension in SI
Often-cited comfort window for SI	100 to 130	Comprehension can remain detailed with less forced compression, especially when discourse is not read and redundancy exists.
Native listener comfort claim	150 to 160	Listening may remain comfortable, but SI adds production and reformulation, so "comfortable listening" does not equal "comfortable interpreting".
UN Human Rights Council, English, 2011 sample	min 122, max 201, avg 149	Average already above traditional comfort values; peaks approach the zone where even strong interpreters must compress and prioritise.
UN Human Rights Council, English, 2016 sample	min 121, max 190, avg 162	Average moves into the "difficult" band used in training-oriented classifications; frequent strategic loss becomes likely.
UN Human Rights Council, French, 2016 sample	min 126, max 193, avg 160	Similar pressure across languages; high maxima are common in read speeches with dense phrasing.
ILC Plenary Sitting, English, 2013 sample	min 113, max 172, avg 141	Typical of "challenging" input; comprehension must be fast and selective, with disciplined lag control.
ILC Plenary Sitting, English, 2016 sample	min 103, max 149, avg 127	Closer to comfort window; more room for completeness, terminology, and self-monitoring.

Table 1. *Speech-rate reality and why it matters for listening comprehension*

The discrepancy between the widely repeated "comfort" band and the averages documented in major institutional settings clarifies why listening comprehension cannot

be treated as a one-time prerequisite that is simply presumed and then ignored. It functions as a performance-sensitive variable that must be systematically developed and empirically monitored, because interpreters are regularly required to handle delivery rates that push the comprehension–memory–production system toward overload.

If speech rate constitutes the external form of time pressure, ear–voice span provides a window onto how the interpreter manages that pressure internally. Ear–voice span refers to the delay between perceiving an incoming segment and producing its translated output, and it is among the few observable parameters that can be measured directly in authentic data. Its relevance to listening comprehension is that lag is not merely a matter of individual style or preference; it reflects the minimum processing time required to interpret the incoming speech under the current cognitive load. When comprehension proceeds efficiently, the interpreter can sustain a shorter lag because structural relations and intended meaning are resolved rapidly. When comprehension becomes effortful, lag tends to expand because more material remains temporarily unresolved, and maintaining unresolved material in working memory is cognitively costly. In a corpus-based study of professional English-to-Korean simultaneous interpreting using real-life data, mean ear–voice span was reported at approximately three seconds, and statistical modelling indicated that speaker-related variables influenced lag, while lag in turn was associated with interpreter behaviour and quality outcomes. A particularly informative finding was that extended lag predicted poorer sentence-level quality, and that lag could also exert a negative influence on processing and quality in the subsequent sentence rather than only the current one. This spill-over pattern aligns with what would be expected if comprehension disruption increases memory effort and reduces the resources available for ongoing listening and analysis in following segments, consistent with the Efforts Model's capacity-sharing account.

The next table summarises a set of temporal values reported in a large corpus analysis and explains how they can be used as indicators of listening comprehension strength under real-time conditions.

Indicator from real SI data	Reported value	Why it matters for listening comprehension in SI
Average ear–voice span in professional EN→KO SI	3.0 seconds	A practical benchmark for "normal" lag in this dataset; reflects the minimum processing time under load.
Interpreter between-sentence pause length	1.2 seconds	Suggests moments where output stops and attention reallocates to listening and processing; can be treated as a recovery signal when comprehension demands spike.
Proportion implied by 3.0-second lag and 1.2-second pauses	about 40 percent	Indicates a substantial share of time where the interpreter suspends output to stabilise comprehension and planning, consistent with capacity reallocation.
Average source-sentence duration and length in the same dataset	4.5 seconds, 13.3 words	Lets trainers and researchers translate "seconds of lag" into "amount of unresolved content" in memory.

Implication at a source speed of 200 words per minute	about 66 percent, roughly 8 words	Shows how quickly memory fills: by the time output begins, most of the sentence has already been heard, leaving little margin for late disambiguation or repair.

Table 2. *Time-based indicators that connect comprehension strain to measurable outcomes*

These values show why listening comprehension cannot be separated from temporal control in simultaneous interpreting. When comprehension decelerates, lag expands, buffering requirements increase, and the interpreter is pushed toward compensatory moves to restore stability, either by interrupting output with pauses or by compressing the message to catch up. Both reactions leave measurable traces in timing behaviour, which means listening comprehension can be examined empirically rather than treated as an undefined "gift".

To make the listening-comprehension claim empirically testable, training contexts need an assessment logic that links comprehension indicators to observable performance evidence. A workable framework can be organised into three connected layers. The first layer operationalises listening comprehension as processing efficiency rather than as static knowledge. In interpreter education, this implies measuring how quickly and accurately trainees construct meaning under time pressure, for instance via tasks that require rapid segmentation, identification of discourse relations, and extraction of information-dense points from brief audio segments before any interpreting begins. The second layer captures coordination and stability during simultaneous interpreting itself: distributions of ear–voice span, pausing patterns, self-repair behaviour, and catch-up acceleration can be treated as coordination signatures that frequently index comprehension strain under load. The third layer evaluates output quality with attention to the elements that speed stress most reliably damages: numbers, names, negation, conditional statements, and causal links. These can be rated with rubrics that distinguish acceptable compression from unacceptable loss of commitments and logical relations. Such a design is consistent with the idea that, under high input pressure, interpreters may remain superficially fluent while quietly deleting critical content, which makes subjective confidence an unreliable outcome criterion.

Within this framework, the central hypothesis is deliberately simple and empirically tractable: higher listening-comprehension efficiency predicts more stable lag control and fewer high-cost omissions at elevated speech rates, even when speaking proficiency is controlled. The causal pathway is transparent. Efficient comprehenders resolve structure earlier, so they carry less unresolved material in temporary storage; as a result, they can sustain a workable lag without saturating working memory. When comprehension efficiency drops, buffering demands grow and divert capacity away from ongoing analysis, which can initiate the downward spiral that the Efforts Model describes as a capacity-sharing failure. That spiral becomes observable as longer lag, more frequent pauses, increased catch-up delivery, and, in later stages, rising omissions and overall quality loss, including spill-over effects that impair subsequent segments as well (Lee, 2002). This also helps explain why practitioners repeatedly identify speed as a dominant stressor: the same set of processes must be executed in less time, and beyond a threshold the system compensates through compression and gist-based rendering to remain functional (Setton, 2016).

If listening comprehension is treated as the primary control variable, training design

becomes more coherent. Instead of urging trainees to "sound confident", programmes can target comprehension operations that directly reduce load: faster recognition of key terminology and formulaic sequences, earlier detection of clause structure, disciplined segmentation, and stronger anticipation grounded in discourse regularities. At moderate rates, trainees can be required to justify segmentation decisions and demonstrate that logical relations are preserved even under compression. At challenging rates, training can prioritise preserving commitments first while compressing descriptive detail second, turning strategic loss into a regulated skill rather than an emergency reflex. This approach aligns with training-oriented classifications that explicitly map speed bands to expected completeness and compression, noting that beyond certain rates even highly skilled professionals will omit content and rely more heavily on gisting to maintain pace.

For research publication, the same training module can be run as a mixed-methods classroom study. Quantitative data can include speech-rate conditions and timing measures, along with rubric scores on information-rich points. Qualitative data can include reflective commentaries where trainees explain why they trusted a segmentation, why they compressed a clause, and what signalled overload. A simple but powerful analysis compares how trainees with higher pre-test listening comprehension maintain lag and preserve commitments as speech rate increases, versus trainees whose comprehension efficiency is lower. Because real institutional speech rates often exceed the traditional comfort window, this design is not an artificial lab game; it reflects professional reality and therefore supports external validity.

Conclusion

The evidence base and the theoretical models reviewed here point to the same applied inference: listening comprehension should not be treated as a background condition for simultaneous interpreting, but as the key performance variable that best predicts whether the system remains stable under speed, density, and acute time pressure. Capacity-limited accounts clarify why comprehension disruption is the typical trigger for overload, and why that overload becomes externally detectable through shifts in temporal coordination, including longer ear–voice span, more frequent pauses, catch-up acceleration, and an elevated probability of omissions. Cognitive-load approaches and working-memory reasoning converge on the same causal chain: as comprehension efficiency decreases, storage requirements expand and consume resources that would otherwise support analysis, reformulation, and monitoring, thereby increasing the likelihood of quality deterioration. In contemporary institutional settings, where observed mean delivery rates may exceed traditionally cited "comfortable" levels by a substantial margin, the case for systematically strengthening and measuring listening comprehension becomes even more compelling.

From an educational standpoint, the most productive reorientation is to stop treating listening comprehension as an intangible trait and to operationalise it as a trainable and measurable set of real-time procedures. Training modules can render comprehension observable through tasks focused on segmentation, rapid extraction of commitments and conditions, and timed reconstruction of meaning, and then explicitly link these indicators to interpreting outcomes such as lag stability, omission profiles, and accuracy on information-dense elements. This architecture is not only pedagogically coherent; it is also methodologically viable for research. It can generate publishable evidence showing that improvements in listening comprehension translate into measurable gains in simultaneous interpreting stability, particularly under speech-rate conditions that mirror real institutional demands. Ultimately, the

interpreter is not a rapid speaker who happens to listen; the interpreter is a rapid comprehender whose speech is a consequence of that comprehension.

References:

1. Gile, D. (2009). *Basic concepts and models for interpreter and translator training* (Rev. ed.). John Benjamins Publishing Company.
2. Seeber, K. G., & Kerzel, D. (2012). Cognitive load in simultaneous interpreting: Model meets data. *International Journal of Bilingualism, 16*(2), 228–242. https://doi.org/10.1177/1367006911402982
3. Mizuno, A. (2005). Process model for simultaneous interpreting and working memory. *Meta: Translators' Journal, 50*(2), 739–752. https://doi.org/10.7202/010999ar
4. Lee, T.-H. (2002). Ear-voice span in English into Korean simultaneous interpretation. *Meta: Translators' Journal, 47*(4), 596–606. https://doi.org/10.7202/008039ar
5. Setton, R., & Dawrant, A. (2016). *Conference interpreting: A trainer's guide*. John Benjamins Publishing Company.
6. Seeber, K. (2017). Interpreting at the European institutions: Faster, higher, stronger. *CLINA, 3*(2), 73–90.
7. Robert, I. S., de Boe, E., Saxena, P., & Crijns, M. (2025). The impact of speech rate in simultaneous interpreting with text. *Trans-kom, 18*(1), 224–256.
8. Ruiz Rosendo, L., Varela García, M., & Barghout, A. (2020). Speed in simultaneous interpreting. Poster presented at *100 Years of Conference Interpreting*. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27190.04166

Enhancing Pragmatic Competence in EFL Instruction through Artificial Intelligence

Shamsutdinova Lyutsiya Rafailovna
liya_r15@mail.ru
Doctor of Philosophy of Pedagogical Sciences,
Uzbek State World Languages University

Annotation *Pragmatic competence represents a crucial dimension of communicative competence, encompassing learners' ability to use language appropriately across sociocultural contexts. In English as a Foreign Language (EFL) environments, limited exposure to authentic communication often results in pragmatic deficiencies despite adequate grammatical proficiency. Recent advances in artificial intelligence (AI) technologies provide innovative opportunities for addressing these challenges through interactive simulations, adaptive feedback, and personalized learning experiences. Drawing on current research in interlanguage pragmatics and technology-enhanced language learning, the article discusses theoretical foundations, instructional strategies, and practical classroom applications. Particular emphasis is placed on examples of AI-mediated activities targeting speech acts, sociopragmatic awareness, metapragmatic reflection, and pragmatic feedback. A comparative analysis of traditional and AI-mediated instruction is presented, demonstrating the advantages of AI tools in providing dynamic simulations, immediate personalized feedback, increased interaction frequency, and enhanced learner autonomy. Therefore, AI tools can significantly enhance pragmatic competence development when integrated into communicative and task-based pedagogical frameworks with appropriate teacher guidance.*

Keywords *Pragmatic competence, artificial intelligence, EFL instruction, speech acts, sociopragmatics, pragmalinguistics, technology-enhanced learning, communicative competence*

Sun'iy intellekt orqali ingliz tilini chet tili sifatida o'qitishda pragmatik kompetensiyani rivojlantirish

Shamsutdinova Lyutsiya Rafailovna
Liya_r15@mail.ru
Pedagogika fanlari bo'yicha falsafa doktori,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Pragmatik kompetensiya kommunikativ kompetensiyaning muhim tarkibiy qismi bo'lib, o'quvchilarning tilni turli sotsiokultural kontekstlarda mos ravishda qo'llash qobiliyatini o'z ichiga oladi. Ingliz tilini chet tili (EFL) sifatida o'rganish muhitida autentik muloqot imkoniyatlarining cheklanganligi grammatik bilim yetarli bo'lsa ham pragmatik kamchiliklarga olib keladi. Sun'iy intellekt (SI) texnologiyalaridagi so'nggi yutuqlar ushbu muammolarni interaktiv simulyatsiyalar, moslashuvchan fikr-mulohaza va shaxsiylashtirilgan o'qitish orqali hal etish uchun innovatsion imkoniyatlar yaratadi. Intertil pragmatikasi va texnologiyaga asoslangan til o'qitish bo'yicha zamonaviy tadqiqotlarga tayangan holda, maqolada nazariy asoslar, o'qitish strategiyalari va amaliy sinf qo'llanmalari muhokama qilinadi. SI vositalari orqali amalga oshiriladigan nutq aktlari, sotsiopragmatik xabardorlik, metapragmatik refleksiya va pragmatik fikr-mulohazani rivojlantirishga qaratilgan*

mashg'ulotlarga alohida e'tibor qaratiladi. An'anaviy va SI vositalari asosidagi o'qitishning qiyosiy tahlili keltirilib, SI texnologiyalarining dinamik simulyatsiyalar yaratish, darhol shaxsiylashtirilgan fikr-mulohaza berish, muloqot chastotasini oshirish va o'quvchi avtonomiyasini rivojlantirish kabi afzalliklari ko'rsatib beriladi. Shu sababli, sun'iy intellekt vositalari kommunikativ va vazifalarga asoslangan pedagogik tizimlarga o'qituvchilarning tegishli ko'rsatmalari bilan birlashtirilganda pragmatik kompetentsiyani rivojlantirishni sezilarli darajada oshirishi mumkin.

Kalit so'zlar *Pragmatik kompetensiya, sun'iy intellekt, nutq aktlari, sotsiopragmatika, pragmalingvistika, texnologiya yordamida o'qitish, kommunikativ kompetensiya*

Развитие прагматической компетенции в обучении английскому языку как иностранному с использованием искусственного интеллекта

Шамсутдинова Люция Рафаиловна
Liya_r15@mail.ru
д.ф.пед.н.,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Прагматическая компетенция представляет собой важнейший компонент коммуникативной компетенции, включающий способность обучающихся использовать язык уместно в различных социокультурных контекстах. В условиях изучения английского языка как иностранного (EFL) ограниченный доступ к аутентичному общению часто приводит к прагматическим трудностям, несмотря на достаточный уровень грамматической подготовки. Современные достижения технологий искусственного интеллекта (ИИ) открывают инновационные возможности для решения этих проблем посредством интерактивных симуляций, адаптивной обратной связи и персонализированного обучения. Опираясь на современные исследования межъязыковой прагматики и обучения языку с использованием технологий, статья рассматривает теоретические основы, методические стратегии и практическое применение в классе. Особое внимание уделяется примерам заданий с использованием ИИ, направленных на развитие речевых актов, социопрагматической осведомлённости, метапрагматической рефлексии и прагматической обратной связи. Представлен сравнительный анализ традиционного обучения и обучения с использованием ИИ, демонстрирующий преимущества ИИ-инструментов в обеспечении динамических симуляций, немедленной персонализированной обратной связи, увеличения частоты взаимодействия и развития автономии обучающихся. Таким образом, инструменты искусственного интеллекта могут значительно улучшить развитие прагматической компетенции при интеграции в коммуникативные и ориентированные на выполнение задач педагогические модели с соответствующим руководством со стороны учителя.*

Ключевые слова *Прагматическая компетенция, искусственный интеллект, обучение английскому языку как иностранному, речевые акты, социопрагматика,*

прагмалингвистика, обучение с использованием технологий, коммуникативная компетенция

Introduction

The concept of communicative competence has long been recognized as a central objective in second language acquisition. While early approaches emphasized grammatical competence, contemporary perspectives highlight the importance of pragmatic competence, which enables learners to use language appropriately according to contextual, social, and cultural norms (Bachman & Palmer, 1996). Pragmatic competence includes both pragmalinguistic knowledge – linguistic forms used to perform communicative acts and sociopragmatic knowledge – social conventions governing language use (Kasper & Rose, 2002).

Despite its importance, pragmatic competence remains one of the most challenging areas for second language learners, particularly in English as a Foreign Language (EFL) contexts where exposure to authentic communication is limited. Learners may demonstrate high grammatical accuracy but still produce pragmatically inappropriate utterances that lead to misunderstanding or negative social perceptions (Bardovi-Harlig, 2013). Such pragmatic failure can have serious consequences in academic, professional, and intercultural communication.

Literature review

Pragmatic competence has been widely examined within interlanguage pragmatics research. Studies demonstrate that pragmatic ability develops through both exposure and instruction, with explicit teaching accelerating learning outcomes (Taguchi, 2015). Instructional approaches commonly include awareness-raising tasks, discourse analysis, role-plays, and metapragmatic reflection. Contrary to earlier assumptions that pragmatic ability emerges naturally through exposure, empirical studies show that explicit instruction and metapragmatic awareness significantly accelerate pragmatic development (Kasper & Rose, 2002).

Pragmatic instruction typically includes:

- explicit explanation of speech act strategies;
- analysis of authentic dialogues;
- role-play activities;
- discourse completion tasks (DCTs);
- reflection and comparison of cultural norms.

These approaches promote noticing, a key concept in second language acquisition theory. Learners must consciously notice pragmatic features in input before they can integrate them into their interlanguage system.

However, traditional classroom methods present several limitations. Role-plays may lack authenticity, peer interaction may not reflect native speaker norms, and teachers may struggle to provide individualized feedback. These constraints highlight the need for technological support that can simulate authentic interaction and provide adaptive feedback mechanisms.

The emergence of artificial intelligence (AI) in language education offers promising solutions. AI-powered tools, including conversational chatbots, automated feedback systems, and generative language models, can simulate authentic communication and provide immediate, personalized feedback. This essay explores how AI tools can enhance pragmatic competence in EFL instruction and discusses practical strategies for integrating AI into pedagogically sound teaching practices.

Learners must interpret social variables such as power, distance, and imposition when selecting linguistic strategies. This complexity explains why pragmatic competence often lags

behind grammatical development. However, challenges remain in EFL environments where learners have limited exposure to authentic communicative situations. Teachers may also lack resources or training to integrate pragmatic instruction systematically.

The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies offers promising solutions to these challenges. AI-driven tools, including conversational agents, generative language models, automated feedback systems, and speech recognition technologies, can simulate authentic communication and provide immediate personalized feedback. These capabilities align closely with the requirements of effective pragmatic instruction, which involves contextualized interaction, reflection, and repeated practice. Research indicates that technology-enhanced learning environments can promote interaction, motivation, and autonomy (Chapelle, 2009).

Research method

AI technologies extend these benefits by enabling: dynamic conversational interaction; adaptive feedback mechanisms; automated error detection; personalized learning pathways. These features are particularly valuable for pragmatic instruction, which requires contextualized interaction and individualized feedback (Table 1).

Dimension	Traditional Instruction	AI-Mediated Instruction
Authenticity	Limited scenarios	Dynamic simulations
Feedback	Delayed teacher feedback	Immediate personalized feedback
Interaction frequency	Limited classroom time	Unlimited practice opportunities
Learner autonomy	Moderate	High
Sociocultural exposure	Restricted	Diverse contexts

Table 1. *Comparison of traditional and AI-mediated pragmatic instruction*

Traditional instruction is characterized by limited authenticity because classroom scenarios are often scripted and lack variability. Role-play activities, although useful, may not fully reflect real-life communicative complexity. In contrast, AI-mediated instruction provides dynamic simulations that can adapt to learner responses and contextual variables, thereby offering more realistic communicative experiences. Feedback represents another critical distinction. In traditional environments, feedback is typically delayed and dependent on teacher availability. This delay may reduce the effectiveness of learning because immediate corrective input is essential for noticing pragmatic features. AI-mediated instruction offers immediate personalized feedback, allowing learners to revise their responses in real time. Such feedback promotes metapragmatic awareness, which is essential for pragmatic development (Kasper & Rose, 2002).

Interaction frequency also differs substantially. Traditional instruction is constrained by classroom time, limiting opportunities for practice. AI tools enable unlimited practice opportunities, allowing learners to engage in repeated interactions across various contexts. Increased interaction frequency supports automatization and fluency in pragmatic performance (Taguchi, 2011). Learner autonomy is another important dimension. Traditional instruction often relies on teacher-directed activities, whereas AI-mediated environments encourage independent exploration, experimentation, and self-regulated learning. This autonomy enhances learner engagement and motivation. Finally, sociocultural exposure is significantly broader in AI-mediated instruction. Traditional

classrooms may present a limited range of cultural scenarios, whereas AI tools can simulate diverse intercultural contexts, promoting sociopragmatic awareness and intercultural communicative competence. However, empirical evidence regarding AI's impact on pragmatic competence remains limited, highlighting the need for systematic investigation.

Analysis and Results

The integration of AI tools into EFL instruction should be pedagogically guided and aligned with communicative learning objectives. Two AI tools that show particular promise for pragmatic competence development are conversational AI systems and AI-powered language learning platforms. Conversational AI tools such as ChatGPT can simulate authentic communication scenarios involving speech acts such as requests, apologies, refusals, complaints, and suggestions. These tools allow learners to practice language use in context while receiving feedback on appropriateness, politeness strategies, and register. For example, learners may be given the following task:

Scenario: You missed a deadline. Write a message to your professor asking for an extension.

After producing a response, the AI tool can provide feedback such as: the request is grammatically correct but too direct for an academic context. Consider adding a mitigating expression or apology. Example revision: "I sincerely apologize for missing the deadline. Would it be possible to request a short extension?"

Such interaction promotes both pragmalinguistic development (language forms) and sociopragmatic awareness (contextual appropriateness). Additionally, learners can repeat tasks with different social variables (e.g., friend vs. professor), which strengthens pragmatic flexibility. This iterative process is particularly important because pragmatic competence does not develop solely through exposure to linguistic input; rather, it requires opportunities for noticing, reflection, and modification of language use in response to contextual demands. According to Schmidt's noticing hypothesis, learners must consciously attend to pragmatic features in order to integrate them into their interlanguage system (Schmidt, 1993). AI-mediated feedback facilitates this noticing by explicitly identifying pragmatic mismatches and providing alternative formulations that learners can immediately apply.

Furthermore, immediate feedback enhances metapragmatic awareness, which refers to learners' ability to reflect on language use and understand the relationship between linguistic forms and social meanings (Kasper & Rose, 2002). In traditional classrooms, such individualized feedback may be limited due to time constraints, whereas AI tools can offer detailed explanations for each learner response. This supports deeper cognitive processing and promotes the development of pragmatic competence beyond memorized expressions (Borrego, 2025).

Another significant advantage of AI-based interaction is the opportunity to manipulate contextual variables systematically, such as power relations, social distance, and degree of imposition. Research in interlanguage pragmatics emphasizes that sensitivity to these variables is essential for appropriate speech act realization (Taguchi, 2015). By practicing the same communicative intention across multiple contexts for example, requesting help from a close friend versus a university professor – learners can develop pragmatic flexibility and adaptive language use. This flexibility is a key indicator of advanced pragmatic competence and intercultural communicative ability.

Moreover, AI-supported environments create a low-anxiety learning space where learners can experiment with language without fear of negative evaluation (Borrego, 2025). Reduced anxiety has been shown to increase willingness to communicate and encourage risk-taking, both of which contribute to

language development. Consequently, AI tools not only support linguistic and pragmatic development but also foster affective conditions conducive to learning.

From a pedagogical perspective, integrating AI feedback into pragmatic instruction aligns with communicative language teaching and task-based learning principles, which emphasize meaningful interaction, learner-centered practice, and real-world communication tasks. When learners receive immediate, context-sensitive feedback and opportunities for revision, they engage in deeper learning cycles that combine input, output, and reflection. Therefore, AI-mediated pragmatic practice represents a powerful complement to teacher-guided instruction, enhancing both the efficiency and effectiveness of pragmatic competence development in EFL contexts.

Conclusion

Pragmatic competence represents a fundamental yet often underdeveloped dimension of EFL instruction. The complexity of sociocultural norms, contextual appropriateness, and speech act performance requires innovative pedagogical approaches that extend beyond traditional classroom practices. Artificial intelligence tools offer significant potential to enhance pragmatic development through interactive simulations, immediate feedback, personalized practice, and intercultural comparison. When integrated into communicative and task-based frameworks, AI can create meaningful opportunities for learners to develop both pragmalinguistic and sociopragmatic competence. AI-mediated environments can support learner autonomy, increase motivation, and provide low-anxiety conditions for experimentation with language, which are essential for effective pragmatic acquisition. They also enable repeated exposure to diverse communicative scenarios, allowing learners to refine their language choices according to varying social variables such as power relations, social distance, and degree of imposition. However, successful implementation requires careful pedagogical planning, teacher mediation, and critical awareness of technological limitations. Therefore, teachers must adopt a balanced approach that combines technological innovation with sound methodological principles to ensure sustainable and pedagogically meaningful integration of AI in EFL instruction.

References:

1. Bachman, L. F., & Palmer, A. S. (1996). *Language testing in practice.* Oxford University Press.
2. Bardovi-Harlig, K. (2013). Developing L2 pragmatics. *Language Learning, 63*(1), 68–86.
3. Borrego, M. (2025). Artificial intelligence as a dialogic tutor in second language learning: Opportunities for pragmatic development. *Language Learning & Technology, 29*(1), 45–62.
4. Chapelle, C. A. (2009). The relationship between second language acquisition theory and computer-assisted language learning. *Modern Language Journal, 93*, 741–753.
5. Kasper, G., & Rose, K. R. (2002). *Pragmatic development in a second language.* Blackwell.
6. Schmidt, R. (1993). *Consciousness, learning and interlanguage pragmatics.* In G. Kasper & S. Blum-Kulka (Eds.), Interlanguage pragmatics (pp. 21–42). Oxford University Press.
7. Taguchi, N. (2011). Teaching pragmatics: Trends and issues. *Annual Review of Applied Linguistics,* 31, 289–310.
8. Taguchi, N. (2015). Instructed pragmatics at a glance. *Language Teaching, 48*(1), 1–50.

TRANSLATION

The Lingua Spectrum

Cogito, ergo sum

TARJIMASHUNOSLIK 422

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ 453

The interrelation of hyperboles with other stylistic devices in translation

Muladjanov Shuxrat Fazlidinovich
shuxratmuladjanov@gmail.com
Assistant teacher and Independent researcher,
Department of Translation theory and practice,
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Annotation *Hyperbole is an indispensable attribute of both folk and authorial fairy tales, as it is highly emotional and expressive. However, despite this fact, the use of hyperbole in literary texts has not yet been studied in depth. The research conducted to date has focused on the meaning and functions of hyperbole in journalism, as well as in satirical and comic works. The purpose of this paper is to study this stylistic device using material from Russian and English-language authorial literary texts. The work involves an in-depth examination and analysis of examples of hyperbole usage in literary texts. The practical significance of the study lies in the fact that it can be used in the study of such academic disciplines as stylistics, comparative linguistics, and text linguistics. A comparative functional analysis of hyperbole was conducted in this study, based on the material of Russian and English-language literary fairy tales. The obtained results indicate that in the Russian fairy tales under analysis, exaggeration predominantly possesses a socially oriented and philosophically profound character, manifesting as a means of emphasizing acute social contradictions. In English-language fairy tales, however, hyperbole primarily serves expressive and stylistic purposes: it contributes to the creation of narrative dynamism, the vivid depiction of characters, and the formation of a unique atmosphere of magic, which is a genre-forming feature of the magical fairy tale.*

Keywords *Hyperboles, figurative device, exaggeration, stylistic devices, comparison, contextual-emotive, metaphors, antithesis*

Tarjimada mubolag‘aning boshqa stilistik vositalar bilan o‘zaro aloqadorligi

Muladjanov Shuxrat Fazlidinovich
shuxratmuladjanov@gmail.com
Assistent o‘qituvchi va mustaqil izlanuvchi,
Tarjima nazariyasi va amaliyoti kafedrasi,
Samarqand davlat chet tillar instituti

Annotatsiya *Mubolag‘a xalq og‘zaki ijodi hamda mualliflik ertaklarining ajralmas unsuri hisoblanadi, chunki u juda emotsional va ekspressivdir. Biroq ushbu holatga qaramay, badiiy matnlarda mubolag‘aning qo‘llanilishi hali yetarlicha chuqur o‘rganilmagan. Bugungi kunga qadar olib borilgan tadqiqotlar mubolag‘aning publitsistikada, satirik va komedik asarlarda tutgan o‘rni, ma’nosi hamda funksiyalarini ko‘rib chiqishga qaratilgan. Ushbu maqolaning maqsadi rus va ingliz tilidagi mualliflik badiiy matnlari materiallari asosida mazkur stilistik vositani o‘rganishdan iboratdir. Ilmiy maqolada badiiy matnlardagi mubolag‘alardan foydalanish, misollarini chuqur tahlil qilish va keng qamrovli o‘rganishni nazarda tutadi. Tadqiqotning amaliy ahamiyati shundaki, u stilistika, qiyosiy lingvistika hamda matn lingvistikasi kabi ilmiy fanlarni o‘rganish jarayonida qo‘llanishi mumkin. Rus va ingliz tillaridagi mualliflik ertaklari materiallari asosida olib*

borilgan tadqiqotda giperbolaning funksional qiyosiy tahlili amalga oshirildi. Olingan natijalar shuni ko'rsatadiki, tahlil qilingan rus ertaklarida giperbolizatsiya asosan ijtimoiy yo'naltirilgan va falsafiy chuqurlikdagi xususiyatga ega bo'lib, dolzarb ijtimoiy ziddiyatlarni ta'kidlash vositasi sifatida namoyon bo'ladi. Ingliz tilidagi ertaklarda esa giperbola, avvalo, ekspressiv-stilistik maqsadlarda xizmat qiladi: u hikoyaning dinamikasini yaratishga, obrazlarning yorqin ifodalanishiga va sehr-joduning takrorlanmas atmosferasini shakllantirishga yordam beradi, bu esa sehrli ertaklarning janr shakllantiruvchi xususiyati hisoblanadi.

Kalit so'zlar *Mubolag'a, troplar, bo'rttirish, uslubiy vositalar, qiyoslash, kontekstual-emotsional, metafora, antitezis*

Взаимодействие гиперболы с другими стилистическими приемами в переводе

Муладжанов Шухрат Фазлидинович
shuxratmuladjanov@gmail.com
Ассистент-преподаватель и соискатель,
Кафедра Теории и практики перевода,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков

Аннотация *Гипербола является незаменимым атрибутом сказок, как народных, так и авторских, поскольку она очень эмоциональна и экспрессивна. Однако, несмотря на данный факт, использование гиперболы в художественных текстов не было еще глубоко изучено. Исследования, проведенные на сегодняшний день, рассматривают значение и функции гиперболы в публицистике, сатирических и комедийных произведениях. Данная работа состоит в том, что будет проведено изучение данного стилистического приема на материале русских и англоязычных авторских художественных текстов. Работа заключается в углубленном рассмотрении и анализе примеров использования гипербол в художественных текстов. Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована в процессе изучения таких научных дисциплин как стилистика, сопоставительная лингвистика и лингвистика текста. В ходе исследования, выполненного на материале русскоязычных и англоязычных авторских сказок, был проведен сопоставительный анализ функционирования гиперболы. Полученные результаты позволяют заключить, что в рассмотренных русских сказках гиперболизация носит преимущественно социально ориентированный и философски углубленный характер, выступая средством акцентирования острых социальных противоречий. В англоязычных же сказках гипербола служит преимущественно экспрессивно-стилистическим целям: она способствует созданию динамичности повествования, выпуклости образов и формированию неповторимой атмосферы волшебства, что является жанрообразующей чертой волшебной сказки.*

Ключевые слова *Гипербола, тропы, преувеличение, стилистические приёмы, сопоставление, контекстуально-эмоциональный, метафора, антитезис*

В научной литературе можно найти множество трактовок такого приема как гипербола (от греч. *hyperbole* – излишек, преувеличение). По мнению Е.В. Поликарповой "сущность такого неэлементарного явления, как гипербола, невозможно охватить одним исчерпывающим определением" (Поликарпова, 1990). Разнообразные определения данного приема можно сгруппировать в зависимости от родового понятия, которое в них указывается. Ю.И. Борисенко выделяет 4 группы трактовок гиперболы:

1. Гипербола как прием.
2. Гипербола как средство создания образности, выразительности, изобразительности.
3. Гипербола как фигура речи.
4. Гипербола как троп (Борисенко, 2010).

Под приемом понимается способ в осуществлении чего-либо (Кормилов, 2001). А.П. Сковородников причисляет гиперболу к риторическому приему, который реализует "осуществляемое в речи прагматически мотивированное и моделируемое отклонение от нормы или ее нейтрального варианта с целью оказания определенного воздействия на адресата" (Сковородников, 2005).

Согласно Ю.И. Борисенко, гипербола выступает стилистическим приемом, то есть отклонением от языковой и речевой нормы, но не с точки зрения механизма ее построения, а функционального предназначения: гипербола служит средством оформления жанров определенных функциональных стилей или реализации стилистического задания в конкретном тексте, средством индивидуального стиля писателя (Борисенко, 2010).

И.Р. Гальперин утверждает, что гипербола – стилистический прием преувеличения, которое с точки зрения реальных возможностей осуществления мысли является сомнительным или просто невероятным (Гальперин, 1958). Писатель, использующий данный художественный прием, рассчитывает на понимание читателем. Гипербола является договором между писателем и читателем и является средством наиболее яркого, красочного, образного и выразительного описания объектов и явлений.

Среди стилистических приемов выделяют тропеические (тропы) и нетропеические (фигуральные и нефигуральные) образования. Мнения исследователей о том, является ли гипербола тропом либо фигурой речи, разделяются. Под тропом необходимо понимать слова и словосочетания, с помощью которых тот или иной объект назван так, что обозначаются его ассоциативно-образные связи с другим объектом. Фигуры речи же выступают фрагментами предложения текста, привлекающие внимание к тому или иному компоненту высказывания благодаря особенностям своей синтаксической организации (Десяева, 2008).

Т.Х. Хазагеров отмечает, что гипербола выступает и тропом, а именно разновидностью метафоры, характеристикой которой является наличие сопоставляющего, а сопоставляемое лишь подразумевается в данном случае, так и фигурой, для которой обязательно присутствие и сопоставляемого и сопоставляющих компонентов (Хазагеров, 1999). Частым принципом образования гиперболы является принцип переноса, под которым понимается явное или скрытое сравнение предметов, и в результате, которого только одному предмету приписываются свойство другого. Этот аспект и сближает гиперболу с метафорой.

Согласно И.Б. Голуб гипербола – образное выражение, которое состоит в

преувеличении силы, размеров, красоты, значения описываемого. Основой гиперболы является отклонения от объективной количественной оценки предмета явления и качества (Голуб, 2010).

Использование гиперболы позволяет авторам придавать мыслям необычную форму, а тексту – яркую эмоциональную окраску, убедительность. В гиперболе происходит столкновение обычного, повседневного и невообразимого, гротескного, нереального. В гиперболе происходит реализация двух значений слова – основного, предметно-логического и контекстуально-эмоционального (Гальперин, 1981). Она может выражаться языковыми единицами различных уровней, например, словом, словосочетанием, предложением (Голуб, 2010).

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что несмотря на многогранную трактовку понятия гипербола ее главная особенность – преувеличение, которое используется для создания яркости, динамичности описания, привлечения внимания читателя.

Гипербола выступает средством преувеличения, утрирования количественных и качественных характеристик. Согласно С.А. Тихомирову, гипербола выступает стилистическим приемом, который активно функционирует в зоне синкретизма; она сочетается с другими стилистическими приемами и создает яркий и тонкий смысл художественного текста, формируя новые коннотации (Тихомиров, 2006).

По словам О.А. Клинга стилистический прием – намеренное и сознательное усиление какой-либо типической структурной или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью (Клинг, 1999).

Наиболее часто встречается взаимодействие гиперболы с такими стилистическими приемами как эпитет, сравнение, метафора, ирония, а также, нарастание (градация), повтор, антитеза. Кроме того, Т.А. Дорогова отмечает активное взаимодействие гиперболы с литотой (Дорогова, 2011). Она объясняет свою позицию тем, что существует два вида гипербол: гипербола-преувеличение (overstatement), и гипербола-преуменьшение (understatement), так называемая “антигипербола”. Наряду с ней преуменьшение выражает мейозис – прием выразительности речи, приуменьшение свойств предмета, явления, процесса (мужичок с ноготок; это вам влетит в копеечку, to live in a stone’s throw (Скребнев, 1975), а также литота – образное выражение, приуменьшающее размеры, силу, значение объекта описания (Голуб, 2010). Взаимодействие этих трех приемов состоит в их близости, поскольку они преуменьшают какие-либо характеристики объекта. Однако преуменьшение в гиперболе достигается путем использования аффиксов, а также числительных, указывающих на уменьшение. В случае с гиперболой происходит не завуалированное выражение эмоций. Структура мейозиса же сложнее и утончённое. Акцент делается на способность слушателей понять излишне скромную сдержанность оценок и учитывать несоответствие между тем, что говорится и существует на самом деле. В литоте же преуменьшение достигает путем использования отрицаний – not so bad (Дорогова, 2011).

Гипербола наслаивается и на другие стилистические приемы, например, эпитет, образуя гиперболический эпитет. Эпитет (epithet) – это выразительное средство, которое основано на выделении признака, качества описываемого явления, оформляемое в виде атрибутивных слов и словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления (Гальперин, 1958).

Гиперболический эпитет характеризуется наличием в смысловой структуре определения семы интенсифицирующего значения, присущей гиперболе. Он имеет сложную структуру, состоящую из трех сем: 1) сема понятийного соответствия, которая указывает на признак предмета; 2) сема интенсифицирующего значения, описывает интенсивность признака; 3) сема эмоциональности или субъективной оценки (Крысин, 2004).

Сравнение (simile) – стилистический прием, в основе которого лежит образное сопоставление двух предметов либо состояний (Клинг, 1999). При его взаимодействии с гиперболой возникает гиперболическое сравнение, которое базируется на интенсификации признаков сопоставляемых предметов (Голуб, 2010). Например, *"...как сталь, глаза твои остры"* Н. Гумилев; *"...мужик с брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором варится сбитень для всего прозябнувшего рынка..."*; *"...I never heard such a voice. It was very low at first, with deep mellow notes that seemed to fall singly upon one's ear. Then it became a little louder, and sounded like a flute or a distant hautboy..."* (Власова, 2015).

Метафора (metaphor) – скрытое сравнение, перенос наименования на основе сходства. В структуре метафоры выделают три компонента – объект (tenor) или то, что сравнивается, субъект (vehicle), то с чем сравнивается и признак (ground), на основании которого происходит сравнение (Арнольд, 2006)._Комбинация гиперболы и метафоры создает гиперболическую метафору. Она часто используется носителями английского языка, чтобы передать театрализованность и комичность ситуаций, в которые попадают люди. Например, *"I'll go and rescue him, a Massive One"* – речь идет об обращении мужа, использующего гиперболическую метафору "массивная" для обращения к беременной жене; *"She was always Mrs Perfect, wasn't she?"* – с помощью гиперболической метафоры женщине приписываются идеальные черты, но в данном случае это является критикой (Власова, 2015).

О.С. Ахманова определяет иронию, активно взаимодействующую с гиперболой, как троп, который состоит в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью насмешки (Аванесова, 2010). Механизм иронии заключается в использовании слова, словосочетаний или целого предложения с целью уколоть человека. На сегодняшний день ее использование не ограничивается лишь художественными текстами, она часто встречается в публицистике, где служит для выражения негативного отношения к объекту высказывания. Гипербола содержит в себе потенциал, который необходим для выражения иронии, так как намеренное неправдоподобное описание служит образному усилению выражаемого смысла. Например, *"That was the most brilliant piece of advice I've ever had in my life. The best friend ever, that's what you are"* (Власова, 2015).

Под градацией (gradation) следует понимать фигуру речи с нарастающим или нисходящим смыслом значимости слов, причем различают восходящую, или прямую, градацию – климакс, а также убывающую, нисходящую – антиклимакс. Чаще писатели используют прямую градацию. Взаимодействие гиперболы и градации позволяет придать описываемому объекту, его качествам характеристику предельности. Например,*"Little by little, bit by a bit, and day by day, and year by year, and century by century..."* (Ch. Dickens) (Голуб, 2010).

Повтор (repetition) - повторение композиционных элементов, слов, словосочетаний и других фрагментов текста в художественном произведении, благодаря чему на них фиксируется внимание читателя (слушателя) и тем самым усиливается их роль в тексте. Это и объясняет эмфатический характер повтора. Использование

гиперболы вместе с повтором позволяет акцентировать внимание читателя или слушателя на какой-то характеристике объекта. К примеру, *"Cassandra jumped around over and over and over again a thousand times"* (Арнольд, 2006).

Антитеза (antithesis) – фигура речи, основанная на резком противопоставлении образов, мыслей, слов (Ахманова, 2004). Писатели обращаются к антитезе для увеличения изобразительно-выразительной силы описываемого. С ее помощью возможно ярче оценить характеры персонажей, понять авторское отношение к ним, ощутить себя участником описываемых событий. Взаимодействие гиперболы и антитезы преувеличивает явления в их противоположности. Например, *"It was the best of times, it was the worst of times…"* (Ch. Dickens) (Гуревич, 2011).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гипербола активно взаимодействует с разными стилистическими приемами, что делает повествование или речь более яркой и выразительной.

В ходе выполнения данной работы были рассмотрены теоретические основы описания гиперболы, а именно различные подходы к определению гиперболы, ее взаимодействие с другими стилистическими приемами, а также когнитивный аспект гиперболы. Многостороннее рассмотрения понятия «гипербола» позволило сделать вывод о том, что в лингвистике под ней понимается стилистическая фигура очевидного и преднамеренного преувеличения, с целью усиления выразительности.

В работе глубоко рассмотрены различные классификации гипербол, а также средства гиперболизации. Более того, были изучены различные виды сказок, а также их основные признаки и особенности.

Были изучены различные виды гипербол и проведен их анализ на примере русскоязычных и англоязычных авторских сказок. Это позволило сделать вывод о том, что в рассмотренных мной русских сказках гипербола имеет более «социальный» и глубокий характер, так как она затрагивает острые проблемы человеческого общества.

References:

1. Аванесова, Н. В. (2010). Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики. *Вестник Югорского государственного университета*, (2), 5–9.
2. Арнольд, И. В. (2006). *Стилистика. Современный английский язык*. Флинта.
3. Ахманова, О. С. (2004). *Словарь лингвистических терминов*.
4. Борисенко, Ю. И. (2010). О лингвистическом статусе гиперболы и механизме ее образования. *Гуманитарные и социальные науки*, (5), 111–115.
5. Власова, Е. В. (2015). Гиперболическая метафора в речи англичан (на материале романа К. Кэлли "Past Secrets"). *Альманах современной науки и образования*.
6. Гальперин, И. Р. (1958). *Очерки по стилистике английского языка*.
7. Гальперин, И. Р. (1981). *Стилистика английского языка*.
8. Голуб, И. Б. (2010). *Стилистика русского языка*. Айрис-пресс.
9. Гуревич, В. В. (2011). *English stylistics: Стилистика английского языка*. Флинта; Наука.
10. Десяева, Н. Д., & Арефьева, С. А. (2008). *Стилистика современного русского языка*. Академия.
11. Дорогова, Т. А. (2011). Взаимодействие гиперболы, мейозиса и литоты. *Вестник Московского государственного университета*, (6), 106–110.

12. Клинг, О. А. (1999). *Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины*. Высшая школа.
13. Кормилов, С. И. (2001). *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Интелвак.
14. Крысин, Л. П. (2004). *Гипербола в русской разговорной речи*. Языки славянской культуры.
15. Поликарпова, Е. В. (1990). *Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект)* (Автореферат кандидатской диссертации). Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
16. Сковородников, А. П., & Копнина, Г. А. (2005). Стилистический прием. В *Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты*, (2), 182–187.
17. Скребнев, Ю. М. (1975). *Очерк теории стилистики*.
18. Тихомиров, С. А. (2006). *Гипербола в градуальном аспекте* (Автореферат кандидатской диссертации).
19. Хазагеров, Т. Г., & Ширина, В. П. (1999). *Общая риторика: Курс лекций; словарь риторических приемов*.

Ethnoculture in literary translation: a linguocognitive and pragmatic analysis of uzbek-english representation

Madina Narimanbekovna Musabekova
m.musabekova3103@gmail.com
Independent Researcher, Lecturer,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *The article provides a comprehensive analysis of ethnoculture as a system-forming component of literary text and a key factor in Uzbek-English translation. Ethnoculture is examined from linguocognitive and pragmatic perspectives as a set of culturally marked concepts and realia shaping the national worldview. Based on Uzbek literary prose, the study identifies typological groups of ethnocultural units and analyzes their representation in English translation. Particular attention is paid to equivalence, semantic transformation, and preservation of cultural code.*

Keywords *Ethnoculture, literary translation, linguocognitive analysis, linguistic worldview, realia, concept, intercultural communication*

Badiiy tarjimada etnokultura: o‘zbek-ingliz reprezentatsiyasining lingvokognitiv va pragmatik tahlili

Musabekova Madina Narimanbekovna
m.musabekova3103@gmail.com
Mustaqil tadqiqotchi, o‘qituvchi,
O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Maqolada etnokultura badiiy matnning tizim hosil qiluvchi unsuri hamda o‘zbek tilidan ingliz tiliga tarjima jarayonida muhim omil sifatida tahlil qilinadi. Etnokultura lingvokognitiv va pragmatik nuqtai nazardan milliy dunyoqarashni shakllantiruvchi konseptlar va realiyalar majmui sifatida yoritiladi. O‘zbek badiiy nasri materiallari asosida etnomadaniy birliklar tipologiyasi hamda ularning ingliz tilidagi tarjima mexanizmlari tadqiq etiladi. Ekvivalentlik va madaniy kodni saqlash muammolariga alohida e’tibor qaratiladi.*

Kalit so‘zlar *Etnokultura, badiiy tarjima, lingvokognitiv tahlil, til manzarasi, realiya, konsept, madaniyatlararo muloqot*

Этнокультура в художественном переводе: лингвокогнитивный и прагматический анализ узбекско-английской репрезентации

Мусабекова Мадина Нариманбековна
m.musabekova3103@gmail.com
Независимый исследователь,
преподаватель,
Узбекский государственный университет мировых языков

Аннотация *Статья посвящена комплексному анализу этнокультуры как системообразующего компонента художественного текста и ключевого фактора в процессе узбекско-английского перевода. Этнокультура рассматривается в лингвокогнитивном и прагматическом аспектах как совокупность концептов, реалий и ценностных установок, формирующих*

национально-специфическую картину мира. На материале узбекской художественной прозы исследуются типологические группы этнокультурных единиц и механизмы их репрезентации в английском переводе. Особое внимание уделяется проблемам эквивалентности, семантической трансформации и сохранения культурного кода. Обосновывается необходимость интеграции лингвокультурологического и функционально-коммуникативного подходов для достижения адекватности перевода.

Ключевые слова *Этнокультура, художественный перевод, лингвокультурология, языковая картина мира, реалии, концепт, межкультурная коммуникация*

Этнокультура является фундаментальной категорией художественного текста, поскольку именно она обеспечивает связь языка с исторической памятью народа, его мировоззренческими моделями и ценностными ориентирами. В художественном произведении этнокультурный компонент выполняет не декоративную, а структурную функцию, формируя смысловую глубину текста. В переводе данный компонент становится наиболее уязвимым элементом, так как различия культурных систем препятствуют прямой передаче национально-специфических смыслов.

Данная уязвимость обусловлена тем, что этнокультура закрепляется в тексте не только на уровне лексики, но и в глубинных когнитивных структурах, отражающих коллективный опыт этноса. В художественном произведении она проявляется через систему символов, культурных сценариев, национально-специфических концептов и прагматически маркированных речевых моделей. Соответственно, переводчик сталкивается не с изолированными единицами, а с целостной системой смыслов, интегрированных в структуру текста.

Этнокультурный компонент функционирует как носитель национальной картины мира. Согласно лингвокогнитивному подходу, языковая картина мира представляет собой результат концептуализации действительности, закреплённой в языковых формах. Художественный текст, в свою очередь, актуализирует эту картину мира через образную систему, композицию и речевую организацию произведения. В узбекской литературе значительную роль играют концепты, связанные с семейной иерархией, уважением к старшим, религиозной этикой, коллективной солидарностью и социальным долгом. Эти концепты обладают высокой степенью культурной детерминированности и не имеют прямых эквивалентов в английском языке.

Особую сложность представляет перевод реалий, обозначающих элементы материальной и духовной культуры. Лексемы, связанные с традиционным бытом, обрядами или религиозной практикой, нередко несут дополнительную символическую нагрузку. Их передача требует сохранения не только денотативного значения, но и ассоциативного поля, которое формируется в сознании носителя языка-источника. В противном случае происходит семантическая редукция и нивелирование культурной специфики текста.

В контексте узбекско-английского художественного перевода переводчик оказывается в ситуации выбора между стратегией доместикации и стратегией форенизации. Первая ориентирована на адаптацию текста к нормам и ожиданиям целевой культуры, вторая направлена на сохранение культурной инаковости оригинала. Избыточная адаптация может привести к утрате национального колорита, тогда как чрезмерная форенизация затрудняет восприятие текста реципиентом. Оптимальная модель предполагает баланс между сохранением этнокультурной специфики и обеспечением коммуникативной доступности.

Когнитивный аспект перевода этнокультурных единиц связан с реконструкцией концептуальных структур. Переводчик должен выявить ядро концепта, его ценностные и эмоциональные компоненты, а затем соотнести их с возможностями языка перевода. В ряде случаев требуется использование описательных конструкций или контекстуальных пояснений, позволяющих компенсировать отсутствие прямого эквивалента.

Прагматический уровень также играет существенную роль. Этнокультурные элементы формируют определённый коммуникативный эффект, связанный с интенциями автора и ожиданиями читателя. Нарушение этого эффекта в переводе может изменить интерпретацию произведения. Следовательно, перевод художественного текста предполагает не только лексико-грамматическую трансформацию, но и сохранение прагматической направленности.

Сохранение прагматической направленности особенно важно в случаях, когда этнокультурная единица выполняет экспрессивную или оценочную функцию. Подобные элементы нередко служат маркерами авторской позиции, отражают отношение персонажей друг к другу и задают эмоционально-смысловой тон повествования. Если переводчик ограничивается передачей лишь денотативного значения, не учитывая прагматический потенциал единицы, текст перевода утрачивает часть своего художественного воздействия и интерпретационной глубины.

Прагматическая эквивалентность предполагает воспроизведение не только содержания высказывания, но и его коммуникативного эффекта. Для этого переводчик должен учитывать социальный статус говорящего, культурные нормы речевого поведения, жанровые особенности произведения и контекст употребления этнокультурного элемента. В узбекской литературной традиции значительную роль играют формы вежливости, обращения и речевые формулы, отражающие иерархические отношения и нормы уважения. Их передача на английский язык требует поиска функционально сопоставимых средств, поскольку прямые эквиваленты часто отсутствуют.

Кроме того, прагматический аспект тесно связан с интертекстуальностью художественного текста. Многие этнокультурные элементы отсылают к фольклорным мотивам, религиозным источникам или историко-культурным реалиям, известным носителям исходной культуры. В переводе такие отсылки могут оказаться нераспознаваемыми для читателя другой языковой среды. В подобных случаях оправдано использование компенсаторных стратегий, включая контекстуальные уточнения или стилистические трансформации, позволяющие сохранить интерпретационный потенциал оригинала.

Таким образом, прагматический уровень художественного текста представляет собой важнейшее измерение перевода, определяющее степень адекватности межкультурной коммуникации. Его учет обеспечивает не

только точность передачи содержания, но и сохранение эстетического и эмоционального воздействия произведения на читателя языка перевода.

Таким образом, этнокультура в художественном тексте функционирует как многоуровневая система, включающая лексический, концептуальный и прагматический компоненты. Её адекватная репрезентация в узбекско-английском переводе возможна лишь при условии комплексного анализа культурного контекста и интеграции лингвокогнитивных и функциональных подходов.

Современная лингвокультурология рассматривает язык как форму существования культуры и механизм её трансляции. Согласно концепции языковой картины мира, каждое языковое сообщество структурирует реальность в соответствии со своими культурными моделями. Художественный текст является репрезентантом этой картины мира и отражает культурные сценарии, закреплённые в коллективном сознании.

В переводоведении центральной проблемой выступает достижение функциональной эквивалентности, предполагающей воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала. Однако при передаче этнокультурных единиц переводчик сталкивается с необходимостью когнитивной реконструкции смыслов, поскольку многие концепты не

Анализ узбекских художественных текстов позволяет классифицировать этнокультурные элементы по нескольким уровням. Религиозно-мировоззренческий уровень представлен лексемами и образами, связанными с исламской традицией. Социально-нормативный уровень включает модели поведения, отражающие систему ценностей общества. Материально-бытовой уровень представлен реалиями национальной культуры. Аксиологический уровень выражает концепты, связанные с морально-нравственными категориями.

Каждый из этих уровней характеризуется высокой степенью культурной маркированности и требует специальных переводческих стратегий.

В узбекско-английской переводческой практике применяются транслитерация, калькирование, описательный перевод и культурная адаптация. Транслитерация сохраняет национальную форму единицы, однако требует пояснительного контекста. Описательный перевод передает значение, но может ослаблять художественную выразительность. Калькирование воспроизводит структуру, но не всегда отражает культурную семантику. Выбор стратегии определяется коммуникативной задачей перевода и предполагаемой аудиторией.

Наряду с указанными стратегиями в узбекско-английской переводческой практике активно используются приемы функциональной замены и контекстуальной компенсации. Функциональная замена предполагает подбор в языке перевода единицы, выполняющей сходную прагматическую функцию, даже если ее денотативное значение частично отличается от оригинала. Такой подход позволяет сохранить коммуникативный эффект, однако неизбежно сопровождается трансформацией культурного содержания.

Контекстуальная компенсация применяется в случаях, когда определенный этнокультурный элемент не может быть адекватно передан в конкретной позиции текста. В этом случае культурно значимая информация переносится в иной фрагмент текста, где она становится более доступной для восприятия читателем языка перевода. Данный прием требует высокой степени интерпретационной компетенции переводчика и глубокого понимания культурного фона произведения.

Особого внимания заслуживает передача аксиологически нагруженных

концептов, отражающих систему ценностей узбекского общества. Такие концепты, как уважение к старшим, коллективная ответственность, моральный долг, зачастую репрезентируются в тексте имплицитно. Их перевод предполагает выявление скрытых культурных сценариев и реконструкцию ценностной модели, лежащей в основе высказывания. В английском языке аналогичные концепты могут выражаться иными средствами, что требует гибкости и аналитической точности.

Кроме того, значительную роль играет жанровая специфика художественного произведения. В эпическом повествовании допустима более развернутая экспликация реалий, тогда как в лирическом тексте избыточная пояснительность может разрушить ритмико-стилистическую структуру. Следовательно, стратегия перевода должна учитывать не только культурную маркированность единицы, но и художественную целостность текста.

В целом выбор переводческой стратегии определяется соотношением трех факторов: степенью культурной специфики элемента, прагматической функцией в тексте и предполагаемым уровнем фоновых знаний целевой аудитории. Адекватный перевод этнокультурных единиц возможен лишь при условии баланса между сохранением национальной идентичности оригинала и обеспечением семантической прозрачности для читателя языка перевода.

Этнокультурные единицы функционируют как носители культурных сценариев и ассоциативных моделей. Переводчик выступает медиатором между двумя картинами мира, реконструируя смысловые структуры текста. Адекватная репрезентация этнокультурного содержания возможна лишь при учёте культурного контекста, прагматической функции и концептуальной нагрузки единицы.

Этнокультура является системообразующим компонентом художественного текста и определяет его национальную специфику. Узбекско-английский перевод демонстрирует необходимость интеграции лингвокультурологического анализа, когнитивного моделирования и функционально-коммуникативного подхода. Эффективная передача этнокультурных элементов обеспечивает сохранение смысловой целостности произведения и способствует полноценной межкультурной коммуникации.

В этой связи перевод художественного текста следует рассматривать не как механическую операцию языкового замещения, а как сложный интерпретационный процесс, направленный на реконструкцию культурно обусловленных смыслов. Переводчик выступает медиатором между двумя культурными системами, обеспечивая перенос не только семантической информации, но и ценностно-концептуального содержания произведения.

Анализ узбекско-английской переводческой практики показывает, что адекватность передачи этнокультурных единиц достигается лишь при условии системного учета их лексической формы, когнитивной структуры и прагматической функции. Игнорирование хотя бы одного из этих параметров приводит к частичной утрате художественного эффекта и снижению интерпретационной точности перевода.

Следовательно, дальнейшие исследования в области художественного перевода должны быть направлены на разработку интегративных моделей анализа этнокультурных единиц, учитывающих взаимодействие языковых, культурных и когнитивных факторов. Особую перспективу представляют сравнительно-сопоставительные исследования переводов узбекской литературы на английский язык, позволяющие выявить закономерности

трансформации национально маркированных элементов и определить оптимальные стратегии их репрезентации.

Таким образом, этнокультура в художественном переводе выступает не только объектом передачи, но и методологическим ориентиром, определяющим принципы интерпретации текста и критерии оценки переводческой адекватности.

References:

1. Nida, E. A. (1964). *Toward a science of translating*. Brill.
2. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. Prentice Hall.
3. Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: A history of translation*. Routledge.
4. Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation* (3rd ed.). Routledge.
5. Catford, J. C. (1965). *A linguistic theory of translation*. Oxford University Press.
6. Jakobson, R. (1959). On linguistic aspects of translation. In R. A. Brower (Ed.), *On translation*. 232–239. Harvard University Press.
7. Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda*. Vysshaya shkola.
8. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya*. Akademiya.
9. Vermeer, H. J. (1989). Skopos and commission in translational action. In A. Chesterman (Ed.), *Readings in translation theory*. 173–187. Routledge.
10. Toury, G. (1995). *Descriptive translation studies and beyond*. John Benjamins.
11. Humboldt, W. von. (1999). *On language: On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species*. Cambridge University Press.

Utilizing key frameworks for analyzing semantic and pragmatic equivalence in political text translation

Imonberdiyeva Malikabonu Alisher qizi
malikabonu@jmcu.uz
Uzbekistan journalism and mass communications university

Annotation *This article explores key theoretical frameworks for analyzing semantic and pragmatic equivalence in the translation of political texts, focusing on English-Uzbek language transfer. Recognizing the central role of equivalence in translation studies, the study examines four principal types – formal, dynamic, semantic, and pragmatic – and evaluates their functions in political discourse, where linguistic choices carry informational, persuasive, and ideological significance. The paper integrates major translation approaches, including purpose-oriented functional models, discourse-based analytical perspectives, and communicative versus semantic translation strategies, to establish a multidimensional framework for assessing political translation. Particular attention is given to criteria for evaluating equivalence, such as semantic accuracy, pragmatic effectiveness, ideological consistency, and rhetorical preservation. The study also identifies key constraints affecting translation outcomes, including structural differences between English and Uzbek, cultural specificity of political concepts, institutional terminology, and ethical or political pressures. The findings demonstrate that effective political translation requires a flexible, hybrid strategy that balances textual fidelity with communicative functionality and sociocultural appropriateness in cross-linguistic political communication.*

Keywords *Political text translation, translation equivalence, semantic equivalence, pragmatic equivalence, formal equivalence, dynamic equivalence, Skopos theory, Critical Discourse Analysis*

Siyosiy matnlar tarjimasida semantik va pragmatik ekvivalentlikni tahlil qilish uchun asosiy nazariy yondashuvlardan foydalanish

Imonberdiyeva Malikabonu Alisher qizi
malikabonu@jmcu.uz
O'zbekiston jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqola siyosiy matnlarni tarjima qilishda semantik va pragmatik ekvivalentlikni tahlil qilish uchun asosiy nazariy yondashuvlarni ko'rib chiqadi hamda ingliz–o'zbek tillari o'rtasidagi tarjimaga alohida e'tibor qaratadi. Tarjima tadqiqotlarida ekvivalentlikning markaziy o'rni e'tirof etilgan holda, tadqiqot uning to'rtta asosiy turini – formal, dinamik, semantik va pragmatik ekvivalentlikni - tahlil qiladi hamda ularning siyosiy diskursdagi funksiyalarini baholaydi, chunki bunda til tanlovi axborot beruvchi, ishontiruvchi va ideologik ahamiyatga ega. Maqolada siyosiy tarjimani baholash uchun ko'p o'lchovli konseptual asos yaratish maqsadida tarjimaning asosiy yondashuvlari, jumladan maqsadga yo'naltirilgan funksional modellar, diskursga asoslangan tahliliy qarashlar hamda kommunikativ va semantik*

tarjima strategiyalari integratsiya qilinadi. Ekvivalentlikni baholash mezonlari – semantik aniqlik, pragmatik samaradorlik, ideologik izchillik va ritorik xususiyatlarni saqlash – ga alohida e'tibor qaratiladi. Tadqiqot shuningdek tarjima natijalariga ta'sir etuvchi asosiy cheklovlarni, jumladan ingliz va o'zbek tillari o'rtasidagi strukturaviy farqlarni, siyosiy tushunchalarning madaniy xosligini, institutsional terminologiyani hamda axloqiy yoki siyosiy bosimlarni aniqlaydi. Natijalar samarali siyosiy tarjima matn sodiqligi, kommunikativ funksionallik va sotsiokulturologik moslikni muvozanatlashtiruvchi moslashuvchan, gibrid strategiyani talab qilishini ko'rsatadi.

Kalit so'zlar *Siyosiy matn tarjimasi, tarjima ekvivalentligi, semantik ekvivalentlik, pragmatik ekvivalentlik, formal ekvivalentlik, dinamik ekvivalentlik, Skopos nazariyasi, tanqidiy diskurs tahlili*

Использование ключевых теоретических подходов для анализа семантической и прагматической эквивалентности при переводе политических текстов

Имонбердиева Маликабону Алишер кизи
malikabonu@jmcu.uz
Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Аннотация *В данной статье рассматриваются ключевые теоретические подходы к анализу семантической и прагматической эквивалентности при переводе политических текстов с особым акцентом на англо-узбекский языковой перенос. Признавая центральную роль эквивалентности в переводоведении, исследование анализирует четыре основных типа – формальную, динамическую, семантическую и прагматическую эквивалентность – и оценивает их функции в политическом дискурсе, где языковой выбор обладает информационной, убеждающей и идеологической значимостью. В работе интегрируются основные переводческие подходы, включая функциональные модели, ориентированные на цель перевода, дискурсивно-аналитические перспективы, а также стратегии коммуникативного и семантического перевода, что позволяет сформировать многомерную основу для оценки политического перевода. Особое внимание уделяется критериям оценки эквивалентности, таким как семантическая точность, прагматическая эффективность, идеологическая согласованность и сохранение риторических особенностей. Также выявляются ключевые ограничения, влияющие на результаты перевода, включая структурные различия между английским и узбекским языками, культурную специфику политических понятий, институциональную терминологию и этические либо политические факторы давления. Полученные результаты показывают, что эффективный политический перевод требует гибкой гибридной стратегии, обеспечивающей баланс между текстовой точностью, коммуникативной функциональностью и социокультурной адекватностью в межъязыковой политической коммуникации.*

Ключевые слова *Перевод политических текстов, переводческая эквивалентность, семантическая эквивалентность, прагматическая эквивалентность, формальная эквивалентность, динамическая эквивалентность, теория Скопоса, критический дискурс-анализ*

Introduction

Equivalence remains a central concept in translation studies, serving as a theoretical foundation for evaluating how meaning is preserved – or transformed – between a source text (ST) and a target text (TT). In political discourse, where language performs both informative and persuasive functions, the choice of equivalence type directly influences the effectiveness, fidelity, and ideological stance of the translation. This section explores four principal types of equivalence – formal, dynamic, semantic, and pragmatic – and their relevance to translating political texts between English and Uzbek.

Formal equivalence, often associated with the work of Eugene Nida, refers to a word-for-word or structure-to-structure correspondence between source and target texts. This approach prioritizes the preservation of grammatical form, syntactic structure, and lexical items, aiming to reproduce the original message as closely as possible in a linguistic sense.

In political documents – such as constitutions, treaties, or official speeches – formal equivalence is sometimes preferred for its precision and fidelity. For instance, rendering the English phrase:

"The sovereignty of the state shall be inviolable."

Into Uzbek as:

"Davlat suvereniteti daxlsizdir,"

Preserves both structure and terminology. However, this approach may result in rigid or unnatural expressions in the TT, particularly when syntactic patterns diverge significantly, as is often the case between English and Uzbek.

Nida cautioned that excessive reliance on formal equivalence can obscure the intended effect of the message, especially in communicatively oriented texts.

Dynamic equivalence, also introduced by Nida, emphasizes the naturalness and impact of the translation on the target audience. The goal is for the TT to elicit the same response in the receptor as the ST would in its original audience.

In political speeches, dynamic equivalence is particularly relevant when addressing audience engagement, emotional resonance, and rhetorical force.

For example:

"We stand united against tyranny."

May be dynamically rendered into Uzbek as:

"Biz zulmga qarshi birdamlikda turibmiz,"

A translation that adapts idiomatic expression and rhythm to suit Uzbek rhetorical norms. This method is essential in rendering metaphors, slogans, or culturally embedded expressions that would otherwise be lost in formal translation.

However, critics argue that dynamic equivalence risks over-domestication and ideological reinterpretation (Munday, 2016).

Semantic equivalence, as theorized by Peter Newmark, focuses on the meaning conveyed by the text at the level of logic and cognition rather than form. It attempts to retain the author's intention, tone, and style, especially when the text contains nuanced or abstract political language.

For instance, the phrase:

"Diplomatic efforts are underway to de-escalate tensions."

Requires a semantic equivalent that mirrors the careful and neutral tone of the original. A suitable Uzbek translation might be:

"Keskinlikni kamaytirish bo'yicha diplomatik sa'y-harakatlar amalga oshirilmoqda."

Here, the translation prioritizes the careful balance of meaning and tone, reflecting the source's cautious diplomatic framing.

Semantic equivalence is particularly useful in rendering press releases, communiqués, and strategic political rhetoric, where accuracy in connotation and implication is crucial (Newmark, 1988).

Pragmatic equivalence refers to achieving a similar communicative effect by considering the sociocultural and functional context of both source and target texts. This is especially significant in political translation, where the intended effect – whether persuasion, reassurance, or criticism – must be preserved within the constraints of target culture norms.

For example, a Western leader's phrase:

"Let us forge a new path forward."

May be pragmatically translated into Uzbek as:

"Keling, yangi taraqqiyot yo'lini birgalikda belgilaylik,"

Which reflects the collaborative and collective tone favored in Uzbek political discourse.

Pragmatic equivalence allows for flexibility in syntax and lexis while focusing on perlocutionary force – how the message is received and acted upon by the audience. It aligns closely with Skopos theory (Vermeer, 1989), which asserts that the purpose of the translation should determine its strategy.

Each type of equivalence – formal, dynamic, semantic, and pragmatic – serves distinct functions in political translation. A nuanced understanding of these frameworks allows translators to make informed decisions about how best to preserve meaning, intent, and rhetorical impact when rendering political discourse from English into Uzbek or vice versa. In practice, political translation often involves a hybrid approach, combining types of equivalence to achieve both fidelity and communicative effectiveness.

The translation of political texts requires a sophisticated theoretical foundation due to the complexity of political discourse, which encompasses ideological nuances, cultural embeddedness, and rhetorical strategies. Translation theories not only inform the translator's approach to linguistic and contextual equivalence but also offer frameworks for handling the ideological and communicative functions of political language. This section discusses major translation theories and models relevant to political texts, including Skopos theory, Descriptive Translation Studies, Critical Discourse Analysis, and Communicative Translation.

1. **Skopos Theory: Purpose-Driven Political Translation**

Developed by Hans J. Vermeer (1989), Skopos theory centers on the principle that the purpose (skopos) of the translation dictates its method and strategy. In political translation, the target audience's expectations and cultural norms significantly influence how a text is rendered.

For example, a speech originally aimed at mobilizing support in a democratic setting may need to be recontextualized when translated for an audience with a different political culture. In such cases, the translator adapts not only the vocabulary but also the illocutionary force of the message to align with local ideological and communicative conventions.

Skopos theory is especially valuable in translating public statements, diplomatic addresses, or campaign texts, where functional adequacy takes precedence over literal equivalence (Nord, 1997).

2. **Descriptive Translation Studies (DTS): Norms and Strategies in Political Contexts**

Descriptive Translation Studies, spearheaded by Gideon Toury, moves away from prescriptive approaches and focuses on

how translations are produced and received in specific sociocultural contexts. DTS introduces the notion of translation norms – regular patterns of translational behavior governed by target culture expectations.

In political texts, DTS can be used to analyze how different translations of the same speech reflect divergent ideological positioning. For instance, Uzbek and Russian translations of an English political speech may vary significantly in tone and vocabulary, reflecting the target culture's discursive norms and political sensitivities.

This model enables empirical analysis of shifts, omissions, and additions in political translations, illuminating the relationship between translation choices and socio-political factors (Toury, 1995).

3. **Critical Discourse Analysis (CDA): Ideological Implications in Translation**

Critical Discourse Analysis, particularly in the work of scholars like Fairclough and van Dijk, explores how language constructs and reflects power relations and ideologies. Applied to translation, CDA allows researchers to scrutinize how political meaning is preserved, altered, or manipulated in translation.

In political texts, translators may consciously or unconsciously reframe ideological messages. For example, a phrase such as:

"We oppose authoritarianism in all its forms,"

Could be softened in translation to avoid alienating political partners:

"Biz barcha shakldagi avtoritar boshqaruvga qarshi turamiz,"

("We stand against all forms of authoritarian governance")

Or more neutrally:

"Avtoritar boshqaruv shakllari bo'yicha farqli yondashuvlar mavjud,"

("There are different approaches regarding authoritarian forms of governance").

CDA provides tools to assess how translation choices mediate power, ideology, and audience alignment, making it crucial for research into political translation (Schäffner, 2004).

4. **Communicative and Semantic Translation: Balancing Fidelity and Function**

Peter Newmark proposed a distinction between communicative and semantic translation. Communicative translation aims to produce the same effect on the target audience as on the original audience, while semantic translation emphasizes faithfulness to the original author's style and intent.

In political translation, communicative translation is especially useful for speeches, slogans, and policy briefings, where public resonance and clarity are vital. Semantic translation, however, is more appropriate for legal-political texts, such as charters or manifestos, where the exact language and implications must be maintained.

For example, a political slogan such as:

"Stronger together"

May be translated communicatively as:

"Birdamlikda kuchlimiz,"

Rather than a literal but awkward alternative like:

"Birga bo'lish kuchni oshiradi."

Thus, Newmark's model allows for strategic choices based on text type and communicative goal.

The application of translation theories to political texts reveals that translation is not a neutral act but a purposeful, culturally mediated activity. Whether prioritizing functional adequacy (Skopos), reflecting target norms (DTS), exposing ideological shifts (CDA), or balancing effect and fidelity (Newmark), these theories guide translators in navigating the complexities of political discourse. Each model contributes to a deeper understanding of the semantic-pragmatic challenges faced in rendering political messages across linguistic and cultural boundaries.

The concept of equivalence in translation, while foundational, becomes particularly complex in political contexts due to the ideological, cultural, and rhetorical dimensions

embedded in such texts. The evaluation of equivalence in political translation thus demands a multifaceted approach, balancing linguistic fidelity with functional and pragmatic considerations. This section outlines key criteria for evaluating equivalence in political discourse and identifies major constraints that affect its realization across languages, especially between English and Uzbek.

Evaluating equivalence in political translation involves more than comparing lexical and grammatical correspondences. The following criteria are particularly relevant:

a) *Semantic Accuracy*

Semantic equivalence demands the preservation of denotative meaning. Political texts often include terms with high semantic load, such as "sovereignty," "democracy," or "security," which must be accurately rendered in translation. For example, the term "national sovereignty" should be carefully distinguished from similar but contextually different terms like "territorial integrity." In Uzbek, this may be rendered as "milliy suverenitet", which requires contextual precision to avoid conceptual overlap.

b) *Pragmatic Equivalence*

Pragmatic equivalence pertains to the speaker's communicative intent and how it is interpreted by the audience. This includes the function of speech acts, politeness strategies, and the intended rhetorical effect. For instance, a statement designed to reassure international audiences must retain its diplomatic tone in translation, which may involve shifts in modality or passive constructions to suit cultural expectations (House, 1997).

c) *Ideological Alignment*

Political texts often carry ideological subtexts that may be either explicit or implicit. Equivalence evaluation must assess whether the translation maintains, dilutes, or alters the ideological positioning of the original. A translator's omission or substitution of ideologically loaded terms – e.g., replacing "authoritarian regime" with "non-democratic governance" – can significantly alter the perceived message (Baker, 2006).

d) *Rhetorical and Stylistic Preservation*

Political speeches frequently use rhetorical devices such as parallelism, anaphora, and metaphor. These stylistic choices contribute to the persuasive power of the message and must be considered in equivalence evaluation. Translating metaphors, for example, may require cultural substitution or explication to maintain impact.

Despite the theoretical criteria, several constraints often limit the full realization of equivalence in political translation:

a) *Linguistic Constraints*

Structural and grammatical differences between English and Uzbek, such as word order, definiteness, or aspectual systems, pose challenges to direct equivalence. Uzbek, as an agglutinative and SOV (Subject-Object-Verb) language, often necessitates reconfiguration of English structures to maintain clarity and idiomaticity.

b) *Cultural Constraints*

Certain political concepts or rhetorical traditions may not have direct counterparts in the target culture. Terms like "checks and balances" or "lame-duck presidency" are rooted in Anglo-American political discourse and may require explanation or cultural adaptation in Uzbek to retain their intended meaning.

c) *Institutional and Terminological Constraints*

Institution-specific language – e.g., "House of Commons," "Supreme Court," or "executive order" – must be carefully rendered to reflect the closest functional equivalent in the target political system. Failure to do so can result in misleading representations or loss of specificity.

d) *Political and Ethical Constraints*

Translators working on political texts may face external pressures, such as censorship, institutional guidelines, or diplomatic concerns that constrain their choices. In such cases, translators may resort to strategic omissions or

euphemistic expressions to avoid conflict, especially when dealing with sensitive geopolitical issues (Schäffner, 2004).

To adequately assess equivalence in political translation, scholars have proposed integrated models that combine linguistic, functional, and ideological parameters. One such model is House's functional-pragmatic model, which evaluates translations based on register, genre, and communicative function. Similarly, Hatim and Mason (1997) advocate for textual and contextual analysis, emphasizing discourse goals over mere textual correspondence.

Conclusion

Ultimately, the evaluation of equivalence in political translation must adopt a holistic and context-sensitive approach that accounts for both textual fidelity and communicative appropriateness within the political and cultural milieu of the target audience.

Evaluating equivalence in political translation is not a binary task of judging "accurate" versus "inaccurate" renderings. Rather, it is a complex interpretive activity shaped by linguistic, pragmatic, and ideological factors. Translators must negotiate a range of constraints while adhering to criteria that ensure both fidelity to the source message and resonance with the target audience. In this dynamic interplay, equivalence becomes a strategic goal, constantly calibrated to the demands of political discourse and cross-cultural communication.

References:

1. Baker, M. (2011). *In other words: A coursebook on translation* (2nd ed.). Routledge.
2. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Longman.
3. House, J. (2015). *Translation quality assessment: Past and present*. Routledge.
4. Munday, J. (2016). *Introducing translation studies: Theories and applications* (4th ed.). Routledge.
5. Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. Prentice Hall.
6. Nida, E. A. (1964). *Toward a science of translating*. E. J. Brill.
7. Nord, C. (1997). *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained*. St. Jerome Publishing.
8. Schäffner, C. (2004). Political discourse analysis from the point of view of translation studies. *Journal of Language and Politics, 3*(1), 117–150.
9. Toury, G. (1995). *Descriptive translation studies and beyond*. John Benjamins.
10. Vermeer, H. J. (1989). Skopos and commission in translational action. In A. Chesterman (Ed.), *Readings in translation theory*. 183–187. Oy Finn Lectura Ab.
11. van Dijk, T. A. (1997). Political discourse and ideology. In T. A. van Dijk (Ed.), *Discourse as social interaction*. Sage.

Hermeneutic Interpretation of Implicit Cultural Meanings in News Headlines: Evidence from English- and Uzbek-Language Media

Alimova Kamola Tursunovna
Senior teacher,
Uzbekistan State World Languages University

Annotation *This article reviews and operationalizes a hermeneutic approach to uncovering implicit cultural meanings in news headlines in English- and Uzbek-language media. Building on philosophical hermeneutics, the study treats headline understanding as a situated interpretive act shaped by readers' pre-understandings and historically formed "horizons," and it models meaning construction as movement within the hermeneutic circle between text and context. To make implicitness analytically traceable, the paper integrates hermeneutic reading with pragmatic tools for presupposition and implicature and with media-framing analysis. Headlines are approached as genre-specific, relevance-oriented prompts that guide readers toward an "optimal" interpretive context while compressing information in ways that systematically rely on shared cultural knowledge. A qualitative comparative procedure is proposed to identify recurrent types of cultural implicitness (ritual-calendar references, institutional hierarchy cues, collectivizing deixis, evaluative registers, and culture-specific naming conventions) and to explain how these resources produce different interpretive trajectories for insider vs. outsider audiences. The article argues that cross-linguistic headline analysis benefits from hermeneutics because it makes visible not only what is said, but what must already be known for the headline to "work" as a communicative act.*

Keywords *Hermeneutics, implicit meaning, cultural meaning, news headlines, media discourse, presupposition, implicature, framing, relevance, English-language media, Uzbek-language media*

Ingliz va o'zbek tilidagi OAV yangilik sarlavhalarida implitsit madaniy ma'nolarning germenevtik talqini

Alimova Kamola Tursunovna
Katta o'qituvchi,
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

Annotatsiya *Ushbu maqolada ingliz va o'zbek tilidagi OAV yangilik sarlavhalarida uchraydigan implitsit (yashirin) madaniy ma'nolarni ochib berish uchun germenevtik yondashuvning nazariy asoslari va amaliy tahlil tartibi yoritiladi. Germenevtik qarashga ko'ra, sarlavhani tushunish "tayyor" ma'noni ko'chirib olish emas, balki o'quvchining oldindan mavjud bilimlari, qadriyatlari va tarixiy tajribasi bilan matn o'rtasida yuzaga keladigan talqin jarayonidir, ma'no matn–kontekst munosabatida "germenevtik doira" orqali quriladi. Maqola implitsitlikni tahlilda ko'rinadigan qilish uchun germenevtik o'qishni pragmatik vositalar (presuppozitsiya va implikatura) hamda media-freym tahlili bilan birlashtiradi. Sarlavha kommunikativ jihatdan relevatlikni (dolzarblikni) optimallashtiruvchi, o'quvchini "to'g'ri" kontekstni tez tanlashga yo'naltiruvchi janrga xos signal sifatida talqin qilinadi, shu sababli u*

ko'pincha madaniy umumiy bilimga tayanib ishlaydi. Qiyosiy sifat tahliliga tayangan holda, madaniy implitsitlikning takrorlanuvchi ko'rinishlari (marosim-taqvimiy ishoralar, institut va ierarxiya belgisi, "jamoaviy" deiksis, baholovchi registr, nomlashning madaniy me'yorlari) ajratiladi hamda "ichki auditoriya" va "tashqi auditoriya" uchun sarlavha qanday turli talqin yo'llarini ishga tushirishi izohlanadi. Xulosa sifatida, germenevtika sarlavhalarda nafaqat aytilgan ma'noni, balki sarlavhaning "ishlashi" uchun oldindan qanday bilim zarurligini ham ochib berishi asoslanadi.

Kalit so'zlar *Germenevtika, implitsit ma'no, madaniy ma'no, yangilik sarlavhasi, media diskursi, presuppozitsiya, implikatura, freymlash, relevatlik, ingliz OAV, o'zbek OAV*

Герменевтическая интерпретация имплицитных культурных смыслов в заголовках новостей (на примере англо- и узбекоязычных СМИ)

Алимова Камола Турсуновна
Старший преподаватель,
Узбексмкий государственный университет мировых языков

Аннотация *В статье предлагается обзорно-аналитическое исследование имплицитных культурных смыслов в новостных заголовках англо- и узбекоязычных СМИ с опорой на герменевтический подход. Цель работы – показать, что заголовок новостного текста функционирует не только как средство краткой номинации события, но и как механизм культурного фреймирования, который активирует фоновые знания, ценностные ориентиры, институциональные представления и модели коллективной идентичности. Теоретическую основу составляют философская герменевтика (Гадамер, Рикёр), прагматика импликатур и пресуппозиций (Грайс, Левинсон), а также исследования новостного дискурса и прагматики заголовка (van Dijk, Dor, Ifantidou, Borchmann). В статье обосновывается продуктивность сочетания герменевтического круга, анализа пресуппозиций, фрейм-анализа и дискурсивно-прагматического чтения. На материале иллюстративной выборки заголовков Reuters, AP, The Guardian и узбекоязычных публикаций Daryo.uz и Kursiv Uzbekistan (узбекская версия) демонстрируется, что культурная имплицитность проявляется в выборе календарных и религиозных обозначений, в иерархии акторов, в способах маркирования коллективности, в оценочной лексике и в институциональной деиксисе. Показано, что англоязычные заголовки чаще ориентированы на объяснительную доступность для широкой аудитории и внешнее позиционирование культурного события, тогда как узбекоязычные – на внутреннее культурное узнавание, нормативно-институциональную релевантность и социально-ритуальную координацию. Делается вывод о необходимости интерпретировать заголовки как культурно нагруженные микротексты, значение которых формируется в диалоге между текстом, медиажанром, редакционной практикой и горизонтом читателя.*

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil 4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

Ключевые слова *Герменевтика, имплицитный смысл, культурный смысл, заголовок новостей, медиадискурс, пресуппозиция, импликатура, фреймирование, англоязычные СМИ, узбекоязычные СМИ*

Введение

Заголовок в новостном дискурсе традиционно рассматривается как краткая форма представления основного события, ориентированная на привлечение внимания, компрессию информации и управление читательским входом в текст. Однако такое функциональное понимание оказывается недостаточным, если исследователь ставит вопрос о том, *какие культурные смыслы заголовок активирует до чтения основного текста*. На практике читатель часто интерпретирует новость уже на уровне заголовка – особенно в условиях платформенной медиасреды, где сканирование лент, карточек, push-уведомлений и превью заменяет последовательное чтение развернутых публикаций. Именно поэтому заголовок следует рассматривать как самостоятельный объект интерпретации, в котором концентрируются не только фактуальные, но и ценностно-культурные, институциональные и прагматические компоненты смысла.

Современные исследования прагматики заголовков подтверждают, что заголовок не сводится к «свернутому пересказу» новости: он представляет собой особую коммуникативную форму с собственными прагматическими задачами и жанровыми ограничениями. Это видно как в классических работах о релевантности заголовка (Dor, 2003), так и в более поздних исследованиях, подчеркивающих автономную интерпретируемость заголовков и их контекстно-зависимую прагматическую динамику (Ifantidou, 2009). В новейших работах также усиливается тезис о жанровой и прагматической специфичности заголовков и необходимости систематического прагматического подхода к их описанию (Borchmann, 2024). Это соответствует общей тенденции в прагматике и медиалингвистике – переходу от описания поверхностных форм к анализу коммуникативных механизмов, через которые текст организует читательское понимание.

Вместе с тем вопрос об **имплицитных культурных смыслах** в заголовках требует выхода за рамки, собственно, медиастилистики. Здесь продуктивен герменевтический подход, поскольку он позволяет рассматривать понимание как процесс, в котором смысл возникает во взаимодействии текста и интерпретатора, а не содержится в тексте как «готовый объект». В герменевтической традиции (особенно у Гадамера и Рикёра) понимание связано с историчностью, пред-структурами интерпретации, «горизонтом» читателя и проективной силой текста. Современное изложение этой линии в философской литературе подчеркивает идеи «слияния горизонтов» и исторически обусловленного понимания, а также рикёровскую установку на движение от первичного понимания к критической проверке интерпретации.

Актуальность темы особенно заметна в сопоставительных исследованиях англо- и узбекоязычных СМИ. В таких сопоставлениях проявляются различия не только в лексике и синтаксисе, но и в культурных пресуппозициях: какие реалии считаются «само собой разумеющимися», какие институции нужно называть явно, а какие можно обозначить сокращенно; какие формы коллективности и авторитетности

маркируются в заголовке; каким образом обозначаются религиозные и календарные события. Иными словами, заголовок становится точкой наблюдения за тем, *как культура организует краткую публичную номинацию события*.

Цель настоящей статьи – разработать и продемонстрировать герменевтическую модель интерпретации имплицитных культурных смыслов в заголовках новостей на иллюстративном материале англо- и узбекоязычных СМИ. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1. Систематизировать теоретические основания исследования (герменевтика, прагматика имплицитности, теория новостного заголовка);
2. Описать типы имплицитных культурных смыслов, релевантных для анализа заголовков;
3. Предложить процедуру герменевтического чтения заголовков;
4. Показать работу этой процедуры на сопоставительном материале англо- и узбекоязычных новостных публикаций;
5. Сформулировать ограничения и перспективы дальнейших исследований.

Статья носит обзорно-аналитический характер и не претендует на статистическую репрезентативность: рассматривается качественная, иллюстративная выборка заголовков для демонстрации интерпретативного инструментария.

Теоретические основания исследования

Философская герменевтика задает принципиально важную рамку для анализа новостных заголовков: понимание текста рассматривается как событие встречи текста и интерпретатора, а не как простое извлечение «буквального значения». В современном описании герменевтической традиции подчеркивается, что у Гадамера понимание всегда исторически обусловлено, а расширение интерпретативного горизонта описывается через концепт «слияния горизонтов» (fusion of horizons). При этом речь идет не о механическом сложении двух «точек зрения», а о преобразовании самого горизонта понимания в процессе интерпретации.

Для анализа заголовков это означает следующее: читатель входит в заголовок уже с набором культурных ожиданий, категорий, политических и социальных ассоциаций, жанровых привычек медиапотребления. Заголовок, в свою очередь, не только сообщает, но и *направляет*, какие именно контексты должны быть актуализированы. На уровне герменевтики это можно описать как управляемое расширение/сужение горизонта интерпретации.

Рикёр дополняет эту перспективу тем, что рассматривает текст как структуру, которая проектирует «мир текста» перед интерпретатором, то есть предлагает возможный способ видения и осмысления реальности. В изложении SEP подчеркивается, что интерпретация у Рикёра предполагает движение от первоначальной догадки к критической проверке, а понимание может включать объяснительные процедуры там, где непосредственное понимание недостаточно. Это особенно важно для новостного заголовка: его краткость делает догадку неизбежной, а культурная имплицитность требует перехода от мгновенного «узнавания» к аналитическому чтению.

Таким образом, герменевтическая установка в медиалингвистике помогает не просто описывать языковые средства заголовка, но и реконструировать *условия его понимаемости* в конкретной культурной среде.

Понятие имплицитного смысла в новостном заголовке невозможно раскрыть без прагматики. Ключевыми здесь являются

два механизма: **импликатура** и **пресуппозиция**.

В прагматической традиции, восходящей к Грайсу, импликатура описывает случаи, когда значение высказывания не совпадает с тем, что прямо выражено языковыми средствами, но выводится адресатом на основе кооперативных ожиданий, контекста и коммуникативной цели. Современное энциклопедическое изложение этой традиции отмечает, что именно различение сказанного и подразумеваемого стало одним из центральных вопросов прагматики. Для новостного заголовка это особенно характерно, поскольку компрессия и эффектность почти всегда предполагают частичную недосказанность.

Пресуппозиция, в свою очередь, связана с тем, что в высказывании подается как уже известное, принятое или самоочевидное. SEP определяет пресуппозицию как маркирование информации в качестве «взятой за данное», а не вынесенной в основное пропозициональное содержание. В заголовках пресуппозиции играют решающую роль: редактор исходит из определенного уровня общей осведомленности аудитории и тем самым кодирует культурную «норму знания».

В контексте данной статьи важно уточнить, что **культурная имплицитность** – это не просто любая неявность, а такая неявность, которая опирается на:

- коллективную память;
- институциональные иерархии;
- религиозно-календарные практики;
- национально-специфические символы;
- привычные схемы оценивания событий;
- жанровые ожидания внутри конкретной медиасреды.

Именно поэтому анализ заголовка требует синтеза прагматики и герменевтики: прагматика объясняет механизм скрытого значения, а герменевтика – культурно-исторические условия его интерпретации.

Исследования заголовков в прагматике и медиалингвистике убедительно показывают, что заголовок не является просто «уменьшенной версией текста». Dor (2003) предложил влиятельную идею заголовков как оптимизаторов релевантности: заголовок помогает читателю быстро оценить ожидаемый когнитивный эффект и направляет интерпретацию новости. Ifantidou (2009) развивает этот подход, обращая внимание на случаи, когда заголовки интерпретируются как автономные единицы, в том числе вне немедленного чтения основного материала.

В более новых исследованиях, в частности у Borchmann (2024), заголовки рассматриваются как жанрово-специфические иллокутивные субакты: их прагматические характеристики зависят от типа текста (новость, аналитика, колонка), а функциональная связь с основным текстом не одинакова для разных жанров. На материале датской прессы автор показывает, что обобщения о «заголовке вообще» требуют осторожности. Этот вывод принципиален и для межкультурного сопоставления: сравнивать заголовки можно только с учетом их жанрового статуса, медиаформата и адресатной настройки.

Для новостных заголовков (в узком смысле) можно выделить несколько устойчивых прагматических задач:

1. **идентификация события** (что произошло);
2. **фокусировка** (какой аспект считать главным);
3. **активация контекста** (какие знания нужны для понимания);
4. **позиционирование адресата** (внутренняя/внешняя аудитория, эксперт/массовый читатель);
5. **оценочно-фреймовая настройка** (какой режим чтения предложен:

тревожный, торжественный, процедурный, аналитический и т. п.).

Именно четвертый и пятый пункты особенно чувствительны к культурной имплицитности.

Имплицитные культурные смыслы в заголовках: типология для анализа

Для целей герменевтического чтения полезно выделить несколько типов имплицитных культурных смыслов, которые часто проявляются в новостных заголовках.

Это случаи, когда заголовок опирается на знание праздника, ритуала, религиозного цикла, локального календарного режима. Например, названия праздников («Ramadan», «Eid al-Fitr», «Navroʻz») могут выступать не просто как номинации, но как маркеры целого комплекса социальных действий, эмоций, норм и институциональных решений (выходные дни, молитва, транспорт, поздравления, семейные практики).

Заголовок может предполагать узнавание статуса актора без дополнительных пояснений: «President», «King», «Downing Street», «Mahalla», «Oʻzbekiston musulmonlari idorasi» и т. д. Для «внутреннего» читателя это часто очевидно; для внешнего – требует развертывания контекста.

Сюда относятся формы, которые активируют представления о «мы»-сообществе: «the world», «nation», «xalq», «vatandoshlar», «umumxalq bayrami». Такие элементы не только сообщают факт, но и задают символическую рамку принадлежности.

Даже при видимой нейтральности заголовок может программировать тональность интерпретации через эпитет, метафору, контраст, кавычки, цитату, тематизацию потери/радости/гордости. В англоязычной журналистике это заметно, например, в использовании маркированных цитат или формульных оценок; в узбекоязычной – в устойчивых праздничных и этикетных формулах, связанных с благопожеланием, уважением, общенародным единством и обновлением.

Один и тот же факт может быть заголовочно оформлен как «внутренне известный» или «внешне объясняемый». Например, англоязычный заголовок может добавлять пояснительный компонент для международной аудитории («Persian New Year of Nowruz»), тогда как узбекоязычный – использовать просто «Navroʻz» без разъяснения, предполагая достаточность культурной узнаваемости.

Методология

Для анализа имплицитных культурных смыслов в данной статье применяется комбинированная процедура, объединяющая герменевтику, прагматику и дискурсивный фрейм-анализ.

Шаг 1. *Поверхностное чтение (буквальная реконструкция)*

Определяется:

- событие;
- основные акторы;
- тип действия;
- временная отнесенность;
- жанровый тип заголовка (информирующий, объяснительный, цитатный, фотоколлекционный и др.).

Шаг 2. *Выявление пресуппозиций и недосказанности*

Здесь задаются вопросы:

- Что подается как уже известное?
- Какое знание о культуре/институциях предполагается?
- Какие элементы опущены, но необходимы для полного понимания?

Шаг 3. *Прагматическая реконструкция (импликатуры)*

Анализируется:

- зачем выбран именно такой способ называния;
- какой режим чтения он запускает;
- как соотносятся информативность и выразительность;
- на какую аудиторию ориентирован заголовок.

Шаг 4. *Герменевтическое развертывание культурного горизонта*

На этом этапе интерпретатор соотносит заголовок с более широкими культурными и историческими рамками:

- символическая ценность события;
- социальные нормы;
- медиатрадиции;
- национально-специфические дискурсивные привычки.

Шаг 5. *Сопоставление с альтернативными формулировками*

Полезный исследовательский прием – мысленно переформулировать заголовок в более «нейтральной» или «внешней» форме и посмотреть, какие культурные компоненты исчезают. Это помогает сделать имплицитное видимым.

Дополнительно используется понятие фрейма в коммуникационном смысле: фреймирование определяет, какие аспекты события выделяются, какие причинно-следственные и оценочные связи становятся наиболее заметными. В классическом определении Entman (1993) фреймы выделяют определенные аспекты реальности и делают их более заметными для определения проблемы, причин, моральной оценки и/или решения.

Ниже приводится качественный анализ иллюстративной выборки. Важно подчеркнуть, что в выборке присутствуют не только стандартные текстовые новости, но и фотоподборки/визуальные материалы крупных агентств. Это специально учитывается как фактор жанровой вариативности заголовка (ср. Borchmann, 2024).

Рассмотрим ряд англоязычных заголовков:

- **Reuters**: *"The holy month of Ramadan, from around the world"* (фотоподборка) – заголовок оформляет событие через глобальную панораму и маркирует религиозный период как культурно-географически распределенную практику.
- **Reuters**: *"Eid celebrations around the world"* – снова доминирует глобальный ракурс и множественность локальных проявлений в единой рамке «world».
- **The Guardian**: *"Ramadan display lights up Piccadilly Circus in London"* – религиозный праздник представлен через городской публичный символ (Piccadilly Circus), что делает новость не столько о ритуале как таковом, сколько о публичной видимости мусульманской идентичности в британской столице. В подзаголовочно-нарративном контексте статьи дополнительно актуализируется сравнение с рождественскими огнями и идея городской инклюзии.
- **AP**: *"Eid al-Fitr 2025: All you need to know"* – объяснительная рамка прямо указывает на адресата, которому требуется вводная информация; это типичный пример внешне-ориентированного медиапосредничества в многоаудиторной среде.

С герменевтической точки зрения эти заголовки предполагают иной горизонт читателя, чем заголовки в узбекоязычных СМИ о тех же или родственных событиях. Например:

- **Daryo.uz**: *"O'zbekistonda Ramazon hayiti 30-mart kuni nishonlanadi"*;
- **Kursiv Uzbekistan (uz)**: *"O'zbekistonda Ramazon hayiti 30-mart kuni nishonlanadi, 31-mart dam olish kuni"*.

Здесь фокус смещается с культурного объяснения праздника на **процедурно-нормативную релевантность**: дата, режим празднования, выходной день. В узбекоязычном пространстве название праздника не требует интерпретативного введения; вместо этого заголовок решает задачу социальной координации (когда, как, какой правовой/трудовой режим действует). Это важный показатель культурной имплицитности: событие как культурный

факт уже входит в общий горизонт аудитории.

Иначе говоря, англоязычный заголовок чаще отвечает на вопрос *"What is this and why should a broad audience care?"*, а узбекоязычный – *"How this culturally known event is socially организован here and now?"* (в терминах медиапрагматики – различие адресатной настройки и пресуппозиционального объема).

Для узбекоязычного новостного дискурса характерно, что заголовки о религиозных праздниках часто включают инфраструктурный компонент. Это видно, например, в сообщениях о дополнительных рейсах, железнодорожных/авиационных перевозках в период праздников (ср. материалы Daryo и сходные публикации других локальных медиа). В таких заголовках имплицитный культурный смысл заключается в том, что праздник трактуется не только как символическое событие, но и как **массовая мобильность**, семейное перемещение, ритм коллективной жизни.

Герменевтически здесь важно не «буквальное» значение слов *qo'shimcha reyslar*, *temiryo'l qatnovi*, *dam olish kuni*, а их место в культурном сценарии праздника: поездки к родственникам, высокая транспортная нагрузка, административное сопровождение праздничного периода. Для внутреннего читателя это не объясняется, потому что соответствующий сценарий уже принадлежит его опыту.

Англоязычные международные медиа в сопоставимых случаях нередко предпочитают визуально-панорамный или объяснительный ракурс (*celebrations around the world*, *all you need to know*), что отражает другую редакционную задачу: не координацию повседневного режима одной национальной аудитории, а культурную обозримость события для широкой, неоднородной аудитории.

Показателен материал о Наврузе/Nowruz. В англоязычном медиапространстве встречаются формулы типа **"The Persian New Year of Nowruz"** (AP) или визуально-описательные репрезентации персидского/иранского календарного праздника в международной рамке. Такая формула одновременно:

1. сохраняет эндоэтноним праздника (*Nowruz*),
2. добавляет поясняющий культурный эквивалент (*Persian New Year*),
3. тем самым делает событие доступным для читателя вне данного культурного круга.

В узбекоязычных заголовках Daryo о Наврузе наблюдаем иной механизм:

- *"Shavkat Mirziyoyev O'zbekiston xalqini Navro'z umumxalq bayrami bilan tabrikladi"*;
- *"Si Szinpin Shavkat Mirziyoyevni Navro'z bilan tabrikladi"* и др.

Здесь ключевая культурная имплицитность проявляется в сочетании **Navro'z + tabrikladi + umumxalq bayrami**. Для внутреннего читателя не требуется объяснение, что такое Навруз; вместо этого заголовок концентрируется на **ритуале публичного поздравления** и на политико-символическом обмене признанием. В таком оформлении праздник функционирует как узел национальной и межгосударственной символической коммуникации.

Если англоязычная модель стремится уменьшить культурную дистанцию через пояснение (*Persian New Year*), то узбекоязычная – исходит из культурной близости и использует заголовок для актуализации социально-политической значимости события внутри уже разделяемого горизонта.

Еще один важный слой имплицитных культурных смыслов – **иерархия акторов** в заголовке. В узбекоязычных новостях часто наблюдается высокая заголовочная видимость институционально значимых фигур (президент, государственные органы, религиозные структуры), причем само наличие этого актора в начальной

позиции уже задает читателю рамку приоритетности события. Примером может служить заголовок Daryo о поздравлении президента по случаю профессионального/ общественного дня, где имя и должность (или узнаваемый статус) формируют ведущую точку входа в событие.

Это не означает, что англоязычные СМИ не используют акторно-центрированные заголовки. Однако в международных агентствах и широких новостных форматах выбор заголовочной перспективы нередко определяется правилом глобальной интерпретируемости: событие может быть выведено через действие, место, проблему или эффект, а не обязательно через внутренне значимую иерархическую фигуру. В жанрах объяснительных материалов AP это особенно заметно: заголовок может строиться по модели «topic + explanatory promise» (*All you need to know*), где агентность отступает перед задачей просветительской релевантности.

Герменевтически это различие можно описать как различие **медиакультурного режима авторитета**:

- в одном случае заголовок опирается на институционально признанную вертикаль и предполагает ее читательское признание;
- в другом – на сервисную функцию медиапосредничества и объяснения для гетерогенной аудитории.

Имплицитные культурные смыслы особенно заметны там, где заголовок вводит эмоциональную рамку. В AP-материале о праздновании Eid al-Fitr в Газе используется выражение типа *"Eid of sadness"* (в заголовочно-цитатной/подзаголовочной структуре), которое резко переопределяет ожидаемую праздничную семантику через опыт войны, утраты и коллективной травмы. Здесь культурный смысл праздника не исчезает, а становится контрастным фоном для трагической актуальности.

В узбекоязычных праздничных заголовках, напротив, типично усиление торжественно-позитивного регистра через слова *bayrami*, *umumxalq*, *tabrikladi*, *ayyomi*, *qutlov*. Эти элементы могут казаться «формульными», но именно они несут значительную культурную нагрузку: они подтверждают социально приемлемую форму публичного говорения о празднике, закрепляют ритуал уважения и коллективной солидарности.

С точки зрения герменевтики различие здесь не сводится к «эмоциональности» vs «нейтральности». Оно связано с тем, **какой тип культурной ситуации заголовок нормирует**:

- английский заголовок может переопределять праздник через конфликтный контекст, делая центральной тему переживания;
- узбекоязычный заголовок часто сохраняет ритуально-нормативную рамку даже при политическом сообщении (поздравление, официальный статус события, календарная регуляция).

На основе рассмотренных примеров можно выделить несколько сравнительно устойчивых различий между англо- и узбекоязычными новостными заголовками (с оговоркой о качественном, а не статистическом характере материала).

Узбекоязычные заголовки чаще предполагают:

- знание названия праздника без пояснения;
- понимание значимости даты/выходного режима;
- узнавание институциональных фигур и форм публичного поздравления.

Англоязычные заголовки международных медиа чаще добавляют:

- объяснительный компонент;
- универсализирующую рамку (*around the world*);
- культурный эквивалент для внешнего читателя.

Это различие можно интерпретировать как отличие между **внутренне-культурной релевантностью** и **межкультурной релевантностью** заголовка.

Для узбекоязычных СМИ в праздничной тематике заметна практико-координационная функция заголовка:

- когда праздник;
- какой правовой режим;
- какие перемещения/рейсы/ организационные меры.

Для англоязычных международных медиа в сопоставимом материале сильнее выражена функция культурной экспликации и визуально-глобального обзорного представления.

Герменевтически это означает, что заголовок несет не только информацию о событии, но и информацию о **типе предполагаемого действия читателя**: понимать, планировать, идентифицироваться, сопереживать, сравнивать.

Узбекоязычные заголовки демонстрируют более высокую плотность «внутренней» деиксиса (национально-праздничные и институциональные маркеры без разъяснения). Англоязычные – чаще строят «внешний» деиктический мост к читателю через поясняющую номинацию или глобализирующую рамку.

Это наблюдение важно для переводов и межкультурной журналистики: буквальный перенос заголовка без учета культурной деиксиса может разрушить его прагматическую адекватность.

Почему именно герменевтика здесь полезна

Преимущество герменевтического подхода состоит в том, что он позволяет избежать двух крайностей:

1. **Редукции к формальной лингвистике**, где заголовок анализируется только как набор синтаксических/лексических признаков.
2. **Редукции к субъективному впечатлению**, где культурный смысл объявляется «очевидным» без процедур интерпретации.

Герменевтика предлагает промежуточный путь: двигаться от текста к контексту и обратно (герменевтический круг), проверяя интерпретацию через языковые маркеры, жанровые нормы и культурно-исторические знания. В этом смысле она хорошо сочетается с прагматикой и фрейм-анализом.

Заключение

Проведенный обзорно-аналитический разбор показывает, что новостной заголовок следует понимать как *культурно нагруженный микро-текст*, а не как нейтральную техническую метку к новости. Его смысл формируется на пересечении жанровых норм, редакционной стратегии, прагматических механизмов (пресуппозиция, импликатура, фреймирование) и культурного горизонта адресата.

Герменевтический подход оказывается особенно полезным для анализа имплицитных культурных смыслов, поскольку позволяет:

- учитывать историчность и контекстуальность понимания;
- реконструировать скрытые условия интерпретации;
- сопоставлять разные медиакультуры без упрощения до «лексических различий».

На иллюстративном материале англо- и узбекоязычных СМИ было показано, что различия в заголовках проявляются прежде всего в пресуппозициональном объеме, адресатной настройке и способах культурной деиксиса. Англоязычные заголовки международных медиа чаще стремятся к межкультурной объяснимости и глобальной обозримости события, тогда как узбекоязычные – к внутренней культурной узнаваемости, институциональной релевантности и социальной координации.

Эти различия не являются случайными стилевыми вариациями; они отражают более глубокие модели публичного смыслопроизводства.

Следовательно, исследование заголовков в межкультурной перспективе требует интеграции герменевтики, прагматики и медиадискурс-анализа. Такой синтез позволяет перейти от описания «как написан заголовок» к более существенному вопросу: *какой мир значений и ценностей он предлагает читателю как самоочевидный*.

References:

1. Amini, M. (2025, March 1). *Ramadan display lights up Piccadilly Circus in London*. The Guardian. https://www.theguardian.com/uk-news/2025/mar/01/ramadan-display-lights-up-piccadilly-circus-in-london
2. Associated Press. (n.d.). *Eid al-Fitr 2025: All you need to know*. AP News.
3. Associated Press. (n.d.). *Eid al-Fitr: Palestinians in Gaza somberly mark Muslim holiday*. AP News.
4. Associated Press. (n.d.). *The Persian New Year of Nowruz*. AP News.
5. Bell, A. (1991). *The language of news media*. Blackwell.
6. Borchmann, S. (2024). Headlines as illocutionary subacts: The genre-specificity of headlines. *Journal of Pragmatics, 220*, 73–99. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.12.007
7. Daryo.uz. (2025, March 21). *Shavkat Mirziyoyev O'zbekiston xalqini Navro'z umumxalq bayrami bilan tabrikladi*. https://daryo.uz/2025/03/21/shavkat-mirziyoyev-ozbekiston-xalqini-navroz-umumxalq-bayrami-bilan-tabrikladi/
8. Daryo.uz. (2025, March 21). *Si Szinpin Shavkat Mirziyoyevni Navro'z bilan tabrikladi*. https://daryo.uz/2025/03/21/si-szinpin-shavkat-mirziyoyevni-navroz-bilan-tabrikladi
9. Daryo.uz. (2025, March 26). *O'zbekistonda Ramazon hayiti 30-mart kuni nishonlanadi*. https://daryo.uz/2025/03/26/ozbekistonda-ramazon-hayiti-30-mart-kuni-nishonlanadi/
10. Dor, D. (2003). On newspaper headlines as relevance optimizers. *Journal of Pragmatics, 35*(5), 695–721. https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00134-0
11. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication, 43*(4), 51–58. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
12. Gadamer, H.-G. (2004). *Truth and method* (2nd rev. ed., J. Weinsheimer & D. G. Marshall, Trans.). Continuum. (Original work published 1960)
13. George, T. (2020). Hermeneutics. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. https://plato.stanford.edu/entries/hermeneutics/
14. Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts*. 41–58. Academic Press.
15. Ifantidou, E. (2009). Newspaper headlines and relevance: Ad hoc concepts in ad hoc contexts. *Journal of Pragmatics, 41*(4), 699–720. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.10.016
16. Kursiv Uzbekistan. (2025, March 26). *O'zbekistonda Ramazon hayiti 30-mart kuni nishonlanadi, 31-mart dam olish kuni*. https://uz.kursiv.media/uz/2025-03-26/ozbekistonda-ramazon-hayiti-30-mart-kuni-nishonlanadi/
17. Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge University Press.
18. Malpas, J. (2003). Hans-Georg Gadamer. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. https://plato.stanford.edu/entries/gadamer/

19. Ricoeur, P. (1976). *Interpretation theory: Discourse and the surplus of meaning*. Texas Christian University Press.
20. Ricoeur, P. (1981). *Hermeneutics and the human sciences: Essays on language, action and interpretation* (J. B. Thompson, Ed. & Trans.). Cambridge University Press.
21. Reuters. (2025, March 27). *The holy month of Ramadan, from around the world* [Photo collection]. Reuters.
22. Reuters. (2025, March 31). *Eid celebrations around the world* [Photo collection]. Reuters.
23. van Dijk, T. A. (1988). *News as discourse*. Lawrence Erlbaum Associates.

The Lingua Spectrum
Cogito, ergo sum

Jurnal Oliy Attestatsiya Komissiyasi tomonidan 2025-yil
4-yanvar kuni 366/5-sonli qaror bilan tavsiya etilgan
milliy ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

CONTENTS

LINGUISTICS		**4**
Islamjanova Kh., Annazarova T.D.	On the Categories of Institutional Discourse in Linguistics	5
Bazarov Z.M.	Linguoculturological Competence in the Translation of A. Qodiriy's Novel O'tkan kunlar ("Bygone Days")	13
Chorieva A., Dalieva M.Kh.	How Uzbek mass media re-shapes English loanwords	17
Valieva N.Z.	Idioms as an object of linguoculturology	22
Negmatova M.U., Bayjanova O.I.	Linguistic theory of Deixis: classical and modern views	27
Burieva N.G.	Comparative analysis of the verbalization of the concepts of nation and personality in English and Uzbek linguocultures	34
Bakhronova D.K., Anvarova S.A.	Etymological and Linguistic-Cultural Multilayered Nature of Spanish Hydronyms (Based on the Material of the Iberian Peninsula and Latin America)	40
Abdubokieva D.G.	Taboo Language and Pragmatic Constraints in English and Uzbek: A Comparative Pragmatic Analysis	48
Ishankhanova M.T.	The Role of Ibn Farhat's Linguistic Heritage in Overcoming Cultural and Linguistic Stagnation and the Formation of the Arab Renaissance	60
Dalieva M.Kh., Basioni A.A.	Disseminating Jadidism through media in the early twentieth century. Print culture and the emergence of a public sphere in Turkestan	66
Dalieva M.Kh.	The Women Question in the Jadid Press of Turkestan in the Early Twentieth Century	74
Teshabaeva D.M., Sabiralieva Z.M.	Translation and Theatrical Reception of World Literature in the Jadid Periodicals of Turkestan in the Early Twentieth Century	88
Satibaldieva N.A., Medd G.	Readers' Letters and Editorial Polemics in the Jadid Press of Early Twentieth-Century Turkestan	97
Satibaldiev E.K., Medd G.	Strategies for Preserving Source Meaning in Translating English-Language Media Texts	111
Norqulova D.Sh., Dalieva M.Kh.	Investigating the Influence of Social Media Platforms on the Evolution of English Slang	126
Aliyeva D.Kh.	Advertising slogans: the relationship between language and marketing	137
Ismoilova G.T.	Analysis of grammatical transformations in publicistic texts	142

Turakulova D.M.	Linguocultural realization of epistemic modality in Uzbek and English: phraseological units, evidentiality, and cultural schemas	149
Umarkulova M.Z.	Feminist imagery and its artistic interpretation in Neal Asher's "Brass Man" and "The Line of Polity"	156
Ibrokhimova N.M.	Clustering of the concept "society" in English and Uzbek languages: comparative-cognitive analysis	164
Ziyovuddinova M.Z.	Functions of non-standard English in fictional texts	170
Mirzaev F.D.	The status of law terms in sectoral terminology	176
Boymurodova N.X.	Pragmatic purpose in character speech: to influence and express a reaction	186
Musayeva S.G., Moydinova E.K.	Functioning and Transformation of the Law of Vowel Harmony in Turkic Languages	191
Usmonova G., Tuktakhodjaeva Z.T.	Productivity Patterns in English-Uzbek Digital Content Lexicon	197
Raxmonqulova F.A., Dalieva M.X.	Comparative analysis of English phrasal verbs and their equivalents in Uzbek	203
Akhmadullina A.I.	Language and Identity Construction in Multilingual Societies	210
Seytimbetova A.P.	Nominative-communicative phraseological units in English, Russian and Karakalpak languages	214
Kambarova M.A.	Semantic properties of Russian proverbs with the notion "man"	220
Umarkulova M.Z.	Feminist imagery and its artistic interpretation in Neal Asher's "Brass Man" and "The line of polity"	226
Aminboeva Sh.U.	Psycholinguistics in the age of mediatization: from textual decoding to media cognition	234
Olimjanova S.T.	Speech Etiquette and Linguistic Manipulation: A Pragmatic Study of Politeness Strategies in Discourse	239
Abdug'affarova G.A.	Main notions of axiological linguistics	244
Kurbonova P.A.	Discourse Principles in Linguistic Research: A Study of Theoretical and Applied Dimensions	250
Esirgapov M.N.	Problems and features of lexical change in global English	257
Gaybullayeva V.Sh., Ganiyeva O.X.	Representation of National Mentality in Shukur Kholmirzaev's Short Story "O'zbek xarakteri"	263
Tukhtakhodjaeva Z.T.	Prototype-Based Categorization of Words and Senses: A Review of Cognitive, Lexical-Semantic, and Computational Approaches	269
PEDAGOGY		**278**
Tajibayev G.Sh.	Types of assessment of pupils English speaking competence of learners of primary classroom with the organization of education in the Uzbek language	279

Azimova M.I. **Surmanov S.E.**	Peer-assisted reading programs for EFL low-proficiency learners	287
Urinboeva Kh.M.	The Methodological System for Developing Independent Learning Skills in Future English Language Teachers	293
Khabirova Z.A.	Assessing the significance of ESP instruction in engineering education: evidence from student perspectives	302
Turgunova I.Kh.	Developing linguistic competence in preschool children through simultaneous translation of cartoons	309
Rakhimov M.O.	Developing intercultural pragmatic competence in English language teaching	317
Saidova M.A.	Level-Based Diagnostics of Developing Ethnocultural Linguistic Personality Types in Language University Students	329
Rakhmonkulova Kh.S.	Methodology of Teaching Dutch as a Second Foreign Language to Students	338
Musayeva S.X.	Methodology of Teaching Greek as a Second Foreign Language to Students	344
Moydinova E.K., **Jo'rabekova N.B.**	Enhancing B1 EFL learners' reading comprehension through text structure awareness	352
Ismatova Sh.	Digital Assessment in HE: Conceptual Foundations, Applications, and Empirical Evidence	359
Samanova Sh.B.	Methodology for Developing Oral Speech Skills through Game-Based Learning Technology in English Lessons (Based on 5–6 Grade Students)	365
Nasirova U.K.	Developing communicative competence in philology students through artificial intelligence tools	371
FF. Maryam, MJF Sujani, MB Nowzath, SMBM Arshad, Mamatova K.	Pronunciation Challenges Faced by Tamil-Speaking ESL Learners: A Case Study of 3rd-Year Undergraduates at South Eastern University of Sri Lanka	380
Babaxanova D.I.	How to balance teacher's guidance and learner autonomy in the classroom	394
Babaxanova D.I.	Teaching listening: from passive hearing to active comprehension	400
Abdurakhimova G.A.	The impact of listening comprehension skills on simultaneous interpretation	406
Shamsutdinova L.R.	Enhancing Pragmatic Competence in EFL Instruction through Artificial Intelligence	415
TRANSLATION		**421**
Muladjanov Sh.F.	The interrelation of hyperboles with other stylistic devices in translation	422

Musabekova M.N.	Ethnoculture in literary translation: a linguocognitive and pragmatic analysis of uzbek-english representation	429
Imonberdiyeva M.A.	Utilizing key frameworks for analyzing semantic and pragmatic equivalence in political text translation	435
Alimova K.T.	Hermeneutic Interpretation of Implicit Cultural Meanings in News Headlines: Evidence from English- and Uzbek-Language Media	442
CONTENTS		**454**

VOLUME 2, FEBRUARY 2026
ISSN: 3060-4958

UZBEKISTAN STATE WORLD
LANGUAGES UNIVERSITY

The Lingua Spectrum

